

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 440. Март

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 440. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филос. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekhaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Балонкина О.В. Функционирование фразеологизмов с компонентом <i>воздух</i> в разных типах дискурса	5
Кононова Н.О. Преемственность образов «ребенок-рыцарь» в триаде «Автобиографических» повестей А. Белого	18
Родина М.А. Способы моделирования таинственного в романах <i>The Ministry of Fear</i> Г. Грина и <i>The Heat of The Day</i> Э. Боуэн	24
Филичева В.В. Круг чтения героев Ф. Сологуба как форма саморепрезентации. «Автобиографические читатели»	29
Храброва В.Е. Английские и немецкие фразеологические единицы с соматическим компонентом <i>кулак</i> в свете лингвистики и национально-культурной специфики	35
Шкицкая И.Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе	45

ФИЛОСОФИЯ

Кокаревич М.Н. Философский и архитектурный дискурсы в культуре	53
Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Онтология сетевого общества и культура цифровых кочевников: методологические подходы	58
Линченко А.А. Праксиологическое понимание ценностей исторического сознания	64
Нехаев А.В. Плохой закон как чистое право: критические заметки к философии права Г.Л.А. Харта	72
Рогонян Г.С. Референция и вербальные жесты	81
Царёв Р.Ю. «Макроистория» Рэндалла Коллинза: Методологические аспекты	90

ИСТОРИЯ

Балашов Д.Г. Социальное страхование немцев в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 гг.: от страхования к социальному обеспечению	99
Гордиенко А.В. Средневековое Батырское городище Боровиково	106
Маслова Е.К., Хазанов О.В. Социальноестественная история как попытка реализации стратегии методологического синтеза	117
Неверов А.В. Влияние воспоминаний современников на формирование образа Павла I в художественной литературе первой трети XX в.	122
Рожков А.А., Соловенок И.С., Прокопенко С.А. Тенденции в динамике производительности труда в российской угольной промышленности (1992–1999 гг.)	127
Спицач А.В. Отражение борьбы с пьянством духовных лиц в делах Тобольской духовной консистории во второй половине XVIII – XIX вв.	133
Ябыштаев Т.С. Пути возрожденного зайсаната в Республике Алтай	139

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств	146
Лукьянова Н.А., Родионова Е.В., Конюхова Т.В. Социологические основания траектории поддержания психоэмоциональной устойчивости студентов в стрессовых ситуациях	153

CONTENTS

PHILOLOGY

Balonkina O.V. Functioning of Idioms with the Component <i>Air</i> in Different Types of Discourse	5
Kononova N.O. The Connection Between the Images of a Child-Knight in the Triad of “Autobiographical” Stories by Andrei Bely	18
Rodina M.A. The Means of Modeling the Mysterious in the Novels <i>The Ministry of Fear</i> by Graham Greene and <i>The Heat of the Day</i> by Elizabeth Bowen	24
Filicheva V.V. The Reading Range of Fyodor Sologub’s Characters as a Form of Self-Representation. “An Autobiographical Reader”	29
Khrabrova V.E. English and German Phraseological Units with the Somatic Component <i>Fist/Faust</i> in Terms of Linguistic, National and Cultural Specific Features	35
Shkitska I.Yu. The Phenomenon of Verbal Irony and Its Functions in the Discourse of Manipulation	45

PHILOSOPHY

Kokarevich M.N. Philosophical and Architectural Discourses in Culture	53
Kuzheleva-Sagan I.P., Suchkova N.A. The Ontology of the Network Society and the Culture of Digital Nomads: Methodological Approaches	58
Linchenko A.A. Praxiological Understanding of the Values of Historical Consciousness	64
Nekhaev A.V. Evil Law as the Pure Law: Critical Remarks on the Philosophy of Law of H.L.A. Hart	72
Rogonyan G.S. Reference and Verbal Gestures	81
Tsarev R.Yu. Randall Collins’s <i>Macrohistory</i> : Methodological Aspects	90

HISTORY

Balashov D.G. The Health Care Reform in the Soviet Occupation Zone in Germany in 1945–1949: The Social Aspect	99
Gordienko A.V. The Medieval Batyrskaya Settlement Borovikovo	106
Maslova E.K., Khazanov O.V. Social-Natural History as an Attempt to Implement the Strategy of Methodological Synthesis	117
Neverov A.V. The Influence of Contemporary Memories on the Formation of the Image of Paul I in the Fiction of the First Third of the Twentieth Century	122
Rozhkov A.A., Solovenko I.S., Prokopenko S.A. Trends in Labor Productivity in the Russian Coal Industry (1992–1999)	127
Spichak A.V. Fight Against Drunkenness of Clergy in the Affairs of Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th and in the 19th Centuries	133
Yabyshtaev T.S. The Ways of the Revived Zaisanat in the Republic of Altai	139

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Achkasov V.A. The Discourse of Postcolonialism in the Politics of Memory of the Post-Soviet States	146
Lukianova N.A., Rodionova E.V., Konyukhova T.V. Sociological Reasons of the Trajectory for Supporting the Students’ Psychoemotional Stability in Stressful Situations	153

ПЕДАГОГИКА

Аксёнова А.В. Научно-исследовательская деятельность в подготовке педагогов физической культуры	160
Кузьменко Г.А., Ким Т.К., Леванова Е.А., Шерин В.С. Стилистические проявления когнитивной гибкости тренеров и особенности ее развития в процессе профессиональной деятельности	167
Неумоева-Колчеданцева Е.В. Модель «новой» практики студентов педагогической магистратуры	175
Форкунова Л.В., Богданова Е.Н. Формирование математической составляющей финансовой грамотности учащихся общеобразовательной школы: современное состояние, проблемы и решения	182
Шилько Т.А., Головкин Г.И., Лосон Е.В. Мониторинг физической подготовленности студентов-бакалавров, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета	190

ПРАВО

Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии: уникальное и универсальное	195
Гудовичева Л.Б., Добрынина Л.Ю. Фактические брачные отношения: правовое значение и последствия в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц	204
Новиков Е.Е. О дефектах и качестве закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве	212
Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции	219
Шерстобитов А.Е., Ульбашев А.Х. Гражданско-правовое регулирование личных прав граждан: теоретические основы и проблемы совершенствования в эпоху информатизации	231
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244

PEDAGOGICS

Aksenova A.V. Research Activities in the Training of Physical Education Teachers.....	160
Kuzmenko G.A., Kim T.K., Levanova E.A., Sherin V.S. Stylistic Manifestations of Cognitive Flexibility of Coaches and Special Features of Its Development in Professional Activities.....	167
Neumoeva-Kolchedantseva E.V. The “New” Internship Model for Pedagogy Master’s Degree Students.....	175
Forkunova L.V., Bogdanova E.N. Formation of a Mathematical Component of Financial Literacy in General School Students: Current Situation, Problems and Solutions.....	182
Shilko T.A., Golovko G.I., Loson E.V. A Worrying Trend in the Physical Condition of the First-Year Students of Tomsk State University.....	192

LAW

Anichkin E.S., Ryakhovskaya T.I. Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries: The Unique and the Universal.....	195
Gudovicheva L.B., Dobrynina L.Yu. De Facto Marital Relations Legal Significance and Consequences in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals.....	204
Novikov E.E. On Defects and the Quality of Codification of Legal Facts in the Correctional Law.....	212
Salikov M.S., Libanova S.E., Ostapovich I.Yu. Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution.....	219
Sherstobitov A.E., Ulbashev A.K. Private Law Regulation of Personal Rights of Citizens: Theoretical Foundations and Problems of Implementation in the Era of Informatization.....	231
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	244

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373: 81'42

О.В. Балонкина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ВОЗДУХ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Исследуются фразеологические единицы русского языка с компонентом воздух, репрезентирующим различные образы, в разных типах дискурса (художественном, публицистическом, учебно-научном). Материалом для изучения послужили контексты, собранные в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru). Рассматривается количественный показатель употребления фразеологических единиц (ФЕ) в разных типах дискурса; формальные изменения ФЕ, их семантические модификации; особенности употребления фразеологизмов с компонентом воздух в художественном, публицистическом, учебно-научном типах дискурса.

Ключевые слова: фразеологизмы; воздух; дискурс; художественный дискурс; публицистический дискурс; учебно-научный дискурс; корпус.

Одним из ведущих направлений лингвокультурологических исследований признается фразеологически ориентированная лингвокультурология. Возникновение, существование и функционирование фразеологических единиц (ФЕ) отражают закономерности образного осмысления человеком окружающей его действительности и соотносятся с культурными установками этноса. Многие ученые-лингвисты отмечают тот факт, что фразеологическая картина мира, являясь наиболее стабильной частью языковой картины мира, «пополняется в незначительной мере, и ее ядро составляют единицы наиболее древнего происхождения. Это позволяет говорить о том, что фразеологизмы дают представление о первоначальных нравственных ценностях человека» [1. С. 235], являются неоценимым источником культурной информации.

В контексте активных процессов глобализации и межкультурного взаимовлияния, получающих отражение в языке, большой интерес для исследования представляют фразеологизмы, содержащие имена-названия стихий (*земля, огонь, вода, воздух*), хранящие во внутренней форме отсыл к древнейшим архаическим слоям знания и репрезентирующие относительно постоянное культурных констант.

Существует ряд лингвистических исследований, посвященных изучению *воздушной стихии*. В лингвокультурологическом аспекте изучались особенности художественной репрезентации концепта *воздух* в произведениях К. Паустовского и М. Шолохова [2], в когнитивном аспекте – концепт *воздух* и способы его воплощения в русском языке [3]. В сопоставительном аспекте исследовались особенности формирования терминосистемы «Экология воздуха» в английском и русском языках [4]. Концепт *воздух*, параллельно с другими стихиями, подвергался изучению как средство выражения индивидуально авторского художественного стиля М.М. Пришвина в романе «Кашеева цепь» [5]. Исследования концепта характеризуются применением полевого подхода в его описании, что проявляется в формировании полей (лексико-семантических, метафорических и др.), которые могут включать как фразеологические, так и, в большей

степени, лексические единицы, собранные в соответствии с целями исследований.

Имеются немногочисленные работы, направленные на изучение ФЕ, содержащих компонент *воздух*. Так, фразеологизмы, включающие имена стихий (*воздух, земля, огонь и вода*), исследуется с точки зрения их места во фразеологии английского языка, их системных и функциональных характеристик [6]. ФЕ с компонентом *воздух/air/l'air* подвергаются компаративному синтаксическому и грамматическому анализу в русском, английском и французском языках [7]. На примере русских устойчивых сочетаний с компонентами *воздух, ветер* рассматривается эксплицирование культурной информации фразеологизмов [8].

Настоящая статья представляет исследование непосредственно фразеологических единиц русского языка с компонентом *воздух* в разных типах дискурса. Рассматривается, как понятие «стихия воздуха» закрепилось в русской фразеологии, как оно в составе фразеологизмов с компонентом *воздух* функционирует в художественном, публицистическом, учебно-научном типах дискурса, какие семантические проявления демонстрирует, с какими аспектами существования и жизнедеятельности человека соотносится.

Методология настоящего исследования, в контексте современной научной парадигмы, характеризующейся междисциплинарным подходом к исследуемому объекту и многоаспектному его изучению, базируется на работах, посвященных лингвокультурологическому подходу во фразеологии (работы В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, Д.Б. Гудкова, В.А. Масловой и др.), в соответствии с которым ФЕ рассматриваются как хранители культурных кодов. С другой стороны, отмечая важность изучения единиц языка непосредственно в употреблении, рассматриваемые ФЕ исследуются с точки зрения их дискурсивного функционирования с опорой на труды по теории дискурса (работы В.Е. Чернявской, В.И. Карасика, В.В. Красных, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой и др.), где дискурс определяется как лингвокогнитивное пространство, синкретично объединяющее текст(ы) (как результат дискурса) и его вокругтекстовый фон. Основными методами исследования явились: дискурсивный

анализ, на отдельных стадиях которого подключались контекстологический, интроспективный методы в сочетании с общенаучными методами наблюдения над материалом, его обобщения, систематизации, типизации; метод лингвистического моделирования применялся для построения лингвокультурологической классификации ФЕ.

Цель – исследовать способы проявления образов воздушной стихии (в составе ФЕ) в разных типах дискурса, достигается решением следующих **задач**:

– выявить систему образов воздушной стихии в составе ФЕ;

– проанализировать реализацию группы ФЕ с компонентом воздух в художественном, публицистическом, учебно-научном типах дискурса;

– описать формальную, семантическую, дискурсивную специфику бытования рассматриваемых ФЕ;

– представить обоснование полученных результатов.

«Большой академический словарь русского языка» приводит следующие значения слова *воздух*, иллюстрируя их, в том числе и фразеологическими единицами:

1. «Составляющая атмосферу Земли смесь газов (преимущественно азота и кислорода), необходимых для жизни человека, животных и растений; дыхательная среда живого организма» [9. С. 57]. С данным значением в словаре соотносятся следующие ФЕ: *как воздух необходим, нужен и т.п.; воздухом питаться* и др.

2. «О пространстве, простирающемся над поверхностью земли (в пределах атмосферы)» [Там же. С. 58]. Соответствующие ФЕ: *взлететь на (в) воздух; висеть / виснуть, повисать / повиснуть в воздухе; как по воздуху* и др.

3. «Перен. Окружающие условия; обстановка» [Там же. С. 59]. ФЕ: *дышать, подышать воздухом чего-либо, каким-либо; носиться, чувствоваться, висеть, витать и т.п. в воздухе* и др.

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» находим такие сведения о представлениях, связанных со стихией воздуха, в славянской (в том числе русской) культуре: «ВОЗДУХ – в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (как и земля, вода, огонь); сфера пребывания душ и невидимых демонических существ. В народных верованиях сближаются представления о воздухе и дыхании, дуновении, ветре. Пространство, заполняемое воздухом, обширнее, чем земля; на В.(воздухе) “покоится” или “висит” небо. В.(воздух) служит проводником, средой, через которую насыщается порча, распространяется *болезнь*. ...В виде пара или дыма *душа* покидает умершего. У восточных славян об агонии человека говорят: “дух вон”, “дух вышел” или “пар вышел»» [10. С. 99–100].

Так, подчеркнем многоплановость представлений в русской лингвокультуре о стихии воздух, отраженных и во фразеологическом фонде русского языка.

Приемом сплошной выборки из фразеологических словарей, источников сети Интернет, а также с помощью Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru [11]), было отобрано 14 фразеологизмов с компонентом *воздух*: 1) *висеть (повисать, повиснуть) в воздухе*; 2) *взлететь (взлетать) на (в) воз-*

дух; 3) *витать в воздухе*; 4) *в воздухе носится*; 5) *как воздух (нужен)*; 6) *в воздухе запахло*; 7) *воздухом питаться*; 8) *дышать / подышать воздухом (чего-л., каким-л.)*; 9) *как по воздуху*; 10) *сотрясать воздух*; 11) *торговать воздухом*, в том числе выявленные с помощью корпуса: 12) *делать деньги из воздуха*; 13) *раствориться в воздухе* и 14) *как глоток свежего воздуха*.

Параллельный анализ внутренней формы собранных ФЕ с их значением позволяет создать типологию данных идиом, отображающую некоторые характеристики воздуха, особым образом проявляющиеся в русской лингвокультуре, закрепившиеся в виде образ-мотивов создания идиом.

Следующая классификация представляет **группы ФЕ с компонентом воздух, соотносимые с той или иной характеристикой воздуха в ее образном воплощении**, в рамках которых происходит дальнейшее уточнение значения идиом (в подгруппах):

Группа 1) воздух как среда, пространство, окружающее землю, простирающееся над поверхностью земли.

К данной группе относим фразеологизмы: *висеть (повисать, повиснуть) в воздухе, витать в воздухе, в воздухе носится, раствориться в воздухе, взлететь (взлетать) на (в) воздух, сотрясать воздух*.

Во внутренней форме приведенных идиом стихия воздуха представляется как нечто неустойчивое, зыбкое, шаткое в противопоставление твердой, устойчивой земле. Данный образ воздушной стихии метафорически закрепляется в значении фразеологизмов элементом неопределенности, незавершенности, неясности. В то же время, воздух – среда между небом и землей, пространство, не имеющее выраженных границ, не причастное полностью ни к земле, ни к небу. Такие характеристики воздушной стихии, метафорически транслируемые компонентом *воздух*, привносят в семантику ФЕ все тот же элемент неопределенности, неясности, незавершенности.

Обобщающее значение слова *воздух* как **пространства, окружающего землю**, объединяет все идиомы данной группы, но при этом получает уточнение и дифференцируется в следующих подгруппах:

(а) ФЕ, воплощающие идею присутствия чего-либо в воздухе:

– *висеть (повисать, повиснуть) в воздухе* – «1. Оказаться в неопределенном положении. 2. Не вызывать отклика, сочувствия, оставаться без ответа. О суждениях, выводах, возражениях и т.п. 3. Оставаться нерешенным, невыясненным. О деле, вопросе и т.п.» [12. С. 68–69];

– *витать в воздухе* – «ощущаться, давать о себе знать, но не проявляться в полной мере, не получать признания (обычно об идеях, научных открытиях и т.п.)» [13];

– *в воздухе носится* – «заранее ощущается, предугадывается, чувствуется возникновение, появление и т.п. чего-либо. Об идеях, событиях и т.п.» [12. С. 286];

– *в воздухе запахло* – «что-либо близится, назревает (о каком-либо событии, действии)» (толкование значения сформулировано автором).

Отметим, что компонент *висеть* передает в семантике идиомы *висеть (повисать, повиснуть) в воздухе* идею статичности, отсюда и элемент неразрешенности, тупиковой ситуации (тупиковости), без ответа, без отклика в значении ФЕ.

Компонент *витать* в составе ФЕ *витать в воздухе* привносит в значение ФЕ элемент некой легкой динамики. Описываемые идиомой идеи, мысли, слова, еще не обрели материальную форму, но проявляются, ощущаются, в этой среде между небом и землей.

Компонент *носиться* в составе идиомы *в воздухе носится* добавляет значению ФЕ уже в полной мере заметный элемент интенсивности, динамичности. Какие-либо события, идеи, планы, описываемые фразеологизмом, становятся гораздо более явно ощутимы, их можно предугадать, предсказать с гораздо большей долей вероятности.

В семантике ФЕ *в воздухе запахло* компонент *запахло* реализует свойство *воздуха* переносить запахи. Так же, как в *воздухе*, окружающем поверхность земли, органами чувств можно ощутить какой-либо запах, так и в значении данной идиомы метафорически передается «ощутимость» каких-либо событий, возможность их предугадать, предвидеть.

(б) ФЕ, отображающие свойство *воздуха* – развеивать какие-либо вещества, субстанции.

Значение компонента *воздух* как пространства между небом и землей, не имеющего четких границ, как неустойчивой среды прослеживается и во внутренней форме фразеологизмов:

– *раствориться в воздухе* – ‘бесследно пропасть, исчезнуть (о ком-либо, чем-либо)’ (толкование значения сформулировано автором);

– *взлететь (взлетать) на (в) воздух* – «1. Взрываться, подрываться. 2. Рассеиваться, бесследно исчезать. О планах, мечтах, надеждах и т.п.» [12. С. 65].

При этом в семантике данных ФЕ компонент *воздух* реализует и такое свойство, как способность развеивать какие-либо вещества, субстанции (например, дым, газ, ароматы), которые рассеиваются и бесследно исчезают.

Так, в образе фразеологизма *взлететь (взлетать) на (в) воздух* какие-либо планы, мечты, надежды, описываемые ФЕ, с твердой, реальной земной почвы взлетели на *воздух* – в пространство между небом и землей, в среду неопределенности, т.е. так же, как дым, развеялись – не получили реализации.

Внутренняя форма фразеологизма *раствориться в воздухе* описывает ситуацию, когда, в отличие от первой ФЕ, уже материальный объект, даже человек, попадает в *воздух* и в нем растворяется, бесследно исчезает. Прозрачный *воздух* в образе фразеологизма проявляет парадоксальную способность поглощать, скрывать материальные объекты, что объясняет элемент неожиданности описываемого идиомой исчезновения.

(в) ФЕ, отображающие свойство *воздуха* – передавать звук:

– *сотрясать воздух* – «Разг. Ирон. Громко, высокопарно говорить что-либо (негодуя, обличая, призывая и т.п.), но впустую, не вызывая сочувствия у слушателей» [14. Т. 2. С. 176].

В образе приведенной идиомы также прослеживается воплощение *воздуха* как пространства, окружающего землю, простирающегося над ее поверхностью. Помимо этого в семантике ФЕ метафорически реализуется и способность *воздуха* передавать звук. В данном случае, воздействие на воздушное пространство с целью извлечения звука лишено смысла, поскольку издаваемые звуки не несут смысловой нагрузки.

(г) ФЕ, воплощающие идею беспрепятственного передвижения в воздухе.

В данную подгруппу относим фразеологизм *как по воздуху* – «быстро и бесшумно» [15. С. 156], во внутренней форме которого компонент *воздух* реализует помимо смысла пространство, опоясывающее землю, еще и идею беспрепятственного передвижения в этом пространстве. В отличие от передвижения по земной поверхности, покрытой различными объектами, перемещение *по воздуху* гораздо быстрее и проще, что метафорически закрепляется в значении ФЕ.

Группа 2) *воздух как реалья действительности, не имеющая цвета, запаха, формы, невидимая, неосоздаваемая* и т.д., т.е. *воздух* – как «ничто». Такое представление о *воздухе* отразилось в значении ФЕ:

– *воздухом питаться* – «ничего не есть; неизвестно чем поддерживать существование» [Там же];

– *торговать воздухом* – «заниматься бизнесом, предлагая для продажи нечто, не существующее в обычном понимании как предмет реального мира и не являющееся традиционным видом услуги, что осмысливается как продажа чего-то общедоступного, что не имеет ясного материального выражения» [16. С. 74];

– *делать деньги из воздуха* – (синонимичная идиома *торговать воздухом*).

Группа 3) *воздух как субстанция, вещество, которым дышит человек, без которого человек существовать не может*. К данной группе относим фразеологизмы:

– *как воздух (нужен)* – «Разг. Экспр. Предельно, очень (нужен, необходим кто-либо или нужно, необходимо что-либо)» [14. Т. 1. С. 70];

– *дышать / подышать воздухом (чего-л., каким-л.)* – «жить какими-л. интересами, находиться в каком-л. окружении» [15. С. 156];

– *как глоток свежего воздуха* – ‘что-либо вдохновляющее, приятное, вызывающее положительные эмоции’ (толкование значения сформулировано автором).

Сущность *воздуха* как обязательной для жизни всего живого на земле (в том числе человека) субстанции наиболее ярко и явно отображается в образе фразеологизма *как воздух нужен*, где *воздух* представляется эталоном крайней необходимости.

В образе идиомы *дышать / подышать воздухом (чего-л., каким-л.)* также прослеживается идея необходимости *воздуха* для дыхания, без которого человек жить не может. Однако в семантике данной ФЕ *воздух* характеризует уже не материальную сферу, но среду духовного существования человека, его устремлений. Так же как человек дышит *воздухом* во внешнем материальном мире, он дышит (живет) идеями, взглядами, устремлениями в мире внутреннем, духовном.

Идея получения удовольствия от нахождения на воздухе (на свежем воздухе), от возможности вдохнуть свежего воздуха (ср.: *как воды напиться*) метафорически закрепляется в значении ФЕ *как глоток свежего воздуха*. Характеристика воздуха как необходимой для дыхания, для жизни субстанции прослеживается во внутренней форме данной ФЕ, однако гораздо менее ярко выражено. В образе идиомы *воздух* в большей степени представляется субстанцией, приносящей в жизнь радость, приятные эмоции, ощущения, приносящей облегчение.

Таким образом, проведенный анализ выявил наиболее проминантные характеристики воздушной стихии, закрепившиеся во фразеологическом фонде русского языка, отображающие представления о воздухе в русской лингвокультуре. Отметим неоднозначность, многоплановость всех выделенных групп, репрезентирующих взаимовлияние, переплетение представлений о воздухе, закрепившихся в значениях ФЕ.

Изучение фразеологических единиц, обладающих особым типом значения, способных сохранять и транслировать культурную информацию, представляется актуальным, и особую актуальность приобретает исследование данной информации в дискурсивном функционировании идиом.

В настоящем исследовании, принимая истолкование дискурса как речемыслительной деятельности и ее продуктов, под *дискурсом* понимаем речемыслительное пространство, воплощенное в совокупности конкретных коммуникативных событий (сочинения авторов, научные публикации и учебники, выступления по каналам СМИ политиков и деятелей культуры, публикации в печатных периодических изданиях, деловые письма и религиозные проповеди и т.д.), фиксируемых в текстах, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках (обусловленных различными экстралингвистическими факторами и отражающих ментальные процессы в сознании их создателей) в единстве их порождения и восприятия.

В настоящем исследовании функционирование фразеологизмов русского языка с компонентом *воздух* анализируется в рамках наиболее общих типов дискурса: художественном, публицистическом и учебно-научном. В данном случае исследуемые типы дискурса (как речемыслительного пространства) реализуются в конкретные текстовые воплощения с учетом вписанности в рамки соответствующих функциональных стилей, т.е. художественный, публицистический и учебно-научный дискурсы как бы наследуют характеристики соответствующих стилей¹.

Так, основными функциями художественного стиля являются экспрессивная и эстетическая. Творческая индивидуальность автора «высвечивает через все построение художественного текста, для него недопустим шаблон; основа речеведения в использовании эмоционально-экспрессивных средств языка» [17. С. 8], к которым относятся и фразеологические единицы. Назначение публицистического стиля – информационно-воздействующее. «В нем соединились логическое и образное начала (а значит, есть черты научного и художественного стилей)... Синтетичность публицистического стиля проявляется и

в языке: клишированные конструкции живут наравне с экспрессивными средствами языка, синтаксис в основном смешанного типа (сочетающий черты как разговорной, так и “книжной” речи). Выбор речевых средств обусловлен авторской позицией и темой» [17. С. 9] и, по нашему мнению, предполагает использование фразеологизмов. Основной целью научного стиля являются сообщение новых фактов о действительности и доказательство их истинности. «Его характер отвлеченно-обобщенный, его тексты логически последовательны, они объективны, обезличены, высказывания обдуманы и подготовлены» [Там же]. Научный стиль, как представляется, скорее, исключает использование ФЕ, нежели подразумевает его в силу его тенденции к однозначности повествования, что не согласуется с природой сущности фразеологизмов, значение которых не складывается из смысла составляющих их компонентов. Следует отметить, что «на основании реализации “дополнительных” задач коммуникации – необходимости “перевода” специальной науч. информации на язык неспециального знания, а именно – задач популяризации науч. знаний для широкой аудитории» (сокращения автора. – О.Б. [18. С. 236]), обучения, фиксации системы дисциплинарного знания и других выделяются подстили научного функционального стиля: «собственно научный, научно-учебный, научно-технический, научно-популярный, представляющие собой как бы варианты научного стиля» [19. С. 128]². Отметим также, что «конкретное высказывание осуществляется в соответствии с нормами того или иного функционального стиля и обнаруживает свою принадлежность к нему, хотя может и не ограничиваться проявлением только этих стилевых черт. Причем все “дополнительные” признаки находятся не в противоречии с основными. Последние как бы определяют возможность проникновения в речь других признаков и ограничивают “выход” их за границы допустимого стилем, отрыв от общественной основы» [Там же. С. 286].

В настоящем исследовании представлено описание функционирования в разных типах дискурса трех ФЕ: *витать в воздухе*, *сотрясать воздух*, *как воздух нужен*.

Материалом для исследования послужили контексты с употреблением ФЕ: *витать в воздухе*, *сотрясать воздух*, *как воздух нужен*, собранные с помощью Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Названия типов дискурса (художественный, публицистический и учебно-научный) были выбраны в соответствии с названиями подкорпусов ruscorpora.ru. Художественный дискурс представлен совокупностью контекстов, собранных из подкорпуса художественных текстов³ основного корпуса ruscorpora.ru⁴; публицистический – совокупностью контекстов из подкорпуса нехудожественных текстов (сфера функционирования – публицистика⁵) основного корпуса ruscorpora.ru, а также контекстов газетного корпуса⁶. Учебно-научный дискурс представлен совокупностью контекстов, собранных из подкорпуса нехудожественных текстов (сфера функционирования – учебно-научная⁷) основного корпуса ruscorpora.ru (поиск

осуществлялся и в обучающем корпусе guscorpora.ru, однако контекстов употребления ФЕ с компонентом *воздух* в нем не обнаружено).

Перейдем к описанию результатов исследования.

Говоря о количестве собранных контекстов (всего 1 112), отмечаем явное численное преобладание употреблений ФЕ в публицистическом дискурсе: *витать в воздухе* – 374 контекста, *сотрясать воздух* – 162, *как воздух нужен* – 406. Далее следует число употреблений ФЕ в художественном дискурсе: *витать в воздухе* – 39 контекстов, *сотрясать воздух* – 37, *как воздух нужен* – 76. Наименьшее количество употреблений идиом (в разы меньшее по сравнению с количеством в публицистическом и в художественном) было выявлено в учебно-научном дискурсе: *витать в воздухе* – 9 контекстов, *сотрясать воздух* – 1, *как воздух нужен* – 8. Такие результаты объяснимы, учитывая

стилистические характеристики текстов, соотносимые с каждым из типов дискурса.

Помимо количественного показателя, в ходе анализа были выявлены особенности функционирования фразеологизмов.

Изменения формы употребления ФЕ:

- изменение последовательности составляющих идиомы компонентов, а также употребление между компонентами ФЕ других слов;
- употребление синонимов вместо некоторых компонентов ФЕ;
- ряд грамматических изменений (изменение рода, числа, времени глагольных компонентов идиом);
- употребление ФЕ в формах, соотносимых с разными частями речи.

Подробнее формальное варьирование ФЕ представлено в табл. 1.

Таблица 1

Формальные изменения фразеологизмов

Варианты ФЕ:		
<i>витать в воздухе</i>	<i>сотрясать воздух</i>	<i>как воздух нужен</i>
(2 варианта): – <i>витать в воздухе</i> ; – <i>в воздухе витать</i>	(2 варианта): – <i>сотрясать воздух</i> ; – <i>воздух сотрясать</i>	(Несколько вариантов): – <i>нужен как воздух</i> ; – <i>как воздух нужен</i> ; – <i>не хватает как воздуха</i> ; – <i>как воздуха не хватает</i> ; – <i>станут такой же потребностью, как воздух</i> (только худож.); – <i>как воздух требовался</i> ; – <i>требовалась как воздух</i> (только публ.); – <i>потребны столь же, как воздух</i> (только публ., (1850–1860 гг.)); – <i>надобна, как воздух</i> (только публ., (1854–1858 гг.))
Частеречное варьирование:		
<i>витать в воздухе</i>	<i>как воздух нужен</i>	
1) <u>как выразитель действия</u> (в форме глагола в различных родо-временных формах): <i>витают</i> (-ют, -ли, -л, -ла, -ло и др.) <i>в воздухе</i> ; 2) <u>как выразитель признака</u> (в форме прилагательного либо причастия): <i>витавшего</i> (-виее, -ющим, -ющее, -ющие, -ющую и др.) <i>в воздухе</i>	1) <u>как выразитель признака</u> : – как краткое прилагательное (в различных родовременных формах): <i>нужен</i> (-а, -о, -ы) <i>как воздух</i> ; <i>необходим</i> (-а, -о, -ы) <i>как воздух</i> ; – как прилагательное: <i>нужный</i> (-ая, -ые); <i>необходимая</i> (-ое, -ую, -ого, -ой, -ым, -ою, -ых, -ые) <i>как воздух</i>	
<i>сотрясать воздух</i>		
1) <u>как выразитель действия</u> (в форме глагола в различных родовременных формах): <i>сотрясать</i> (-ю, -ет, -ем, -ют, -л, -ли и др.) <i>воздух</i> ; 2) <u>как выразитель деятеля</u> (в форме существительного): <i>сотрясателем воздуха</i> ; 3) <u>как выразитель деятельности</u> (в форме существительного в различных падежных формах): <i>сотрясение</i> (-нием, -нии), <i>сотрясение</i> (-ем, -ния (мн.ч.)) <i>воздуха</i> ; 4) <u>как выразитель признака</u> (в форме причастия): <i>сотрясавшие, сотрясающие, сотрясающего</i> <i>воздух</i> ; 5) <u>как выразитель образа действия</u> (в форме деепричастия): <i>сотрясая</i> <i>воздух</i> ; 6) как запрещение действия (в форме глагола в повелительном наклонении с частицей «не»): <i>не сотрясайтесь</i> <i>воздух</i>		

Формальное варьирование встречается во всех трех типах дискурса, но наибольшее количество различных вариантов формы ФЕ встретилось в публицистическом дискурсе.

К особенностям дискурсивного функционирования ФЕ относим также семантические изменения при употреблении ФЕ.

Семантические изменения при употреблении ФЕ: изменение акцентируемых смыслов в значении идиом, в некоторых случаях употребление фразеологизмов в новых, не зафиксированных словарями значениях – семантическое варьирование.

Отметим, что семантическое варьирование значения ФЕ (в разных типах дискурса) не несет в себе его кардинального изменения. Как показал анализ, семан-

тическое варьирование может выражаться: в акцентировании каких-либо смыслов, заключенных в значении идиомы, в выходе их на первый план при употреблении ФЕ; в наличии сопутствующих смыслов, способных влиять на исходное значение идиомы, а также во введении уточнений исходного значения. Рассмотрим выявленные формы семантического варьирования подробнее:

А. Модификация значения реализуется акцентированием определенных смыслов в значении ФЕ (что поддерживается всей описываемой в контексте ситуацией). Так происходит в дискурсивном функционировании ФЕ *сотрясать воздух*.

Фразеологизм *сотрясать воздух*, имеющий словарное значение – «Разг. Ирон. Громко, высокопарно гово-

речь что-либо (негодуя, обличая, призывая и т.п.), но впустую, не вызывая сочувствия у слушателей» [14. Т. 2. С. 176], практически в каждом анализируемом контексте реализует смыслы: 'бесполезность речей (действий)'; 'слова, не имеющие под собой реальных намерений, целей, фактов'; 'ничего не значащие, пустые слова'. При более тщательном анализе обнаруживаем, что в отдельных случаях какой-либо из перечисленных смыслов выступает на первый план в значении фразеологизма, что необходимо для более точного выражения интенций создателя дискурса, для более адекватного отображения описываемой им ситуации.

Так, помимо смысла 'ничего не значащие слова' на первый план при восприятии ФЕ может выходить значение **'пустая болтовня без какого-либо смысла, цели, пользы'**: «Пока мы шли домой, Ира трещала без умолку. Как же у нее язык не устаёт, просто удивительно! На свежем воздухе мне полегчало, я даже начала соображать и поняла, что этот поток информации необходимо направить в нужное мне русло. Пусть хоть что-то полезное рассказывает, а не просто **воздух сотрясает**» (А.В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)) (худож.); **'лишние, ненужные слова'**: «И финансирование ее растет. И полномочия ее ширятся. И будто не было трех лет с того момента, как Козак, Греф, чиновники, экономисты предлагали свои программы по сокращению госаппарата, доказывали что-то, убеждали. Так зачем **сотрясать воздух** и в сто пятнадцатый раз констатировать очевидное?» (Манная каша под соусом чили // РИА Новости, 2005.08.30) (публ.); **'слова, сказанные без намерения их осуществить'**: «Лучше неделя в Анталье, чем лето в Подмошье. – К чему ты все это мне рассказываешь? – растерялась Валя. Неужели он твердо решил вернуть все назад и те его слова ранней весной были не пустым **сотрясанием воздуха**? – Валя, я ушел от Марьяны! – повторил он и печально улыбнулся» (Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)) (худож.); **'слова, не имеющие под собой реальных фактов, подтверждений'**: «– А есть ли какие-то новые имена, с которыми бы Вы хотели познакомить Москву? – Если я буду Вам говорить об этих артистах, то все будут ожидать их. А вдруг у меня не получится? Я просто не хочу лишних раз **сотрясать воздух**. Но поверьте, что я этим занимаюсь и слежу за разными звездами и звездочками, смотрю, как они поживают и растут, и мне очень интересно это представлять.» (Хворостовский: Главное, чтобы интересно было нам // РИА Новости, 2009.12.10) (публ.);

В дискурсивном бытовании идиом на первый план в значении ФЕ могут выходить и совершенно новые смыслы, не отраженные в словарных толкованиях фразеологизмов. Так, в публицистическом дискурсе функционирование ФЕ **сотрясать воздух** проявляется в выдвигании на первый план в значении идиомы таких смыслов, как **'привлекать к себе внимание (даже «пиариться»')**: «В советские годы они были и у нас. Но десятилетие безвременья почти выкосило профессионалов и в спецслужбах. Сомнительно, чтобы они полноценно восстановились и сегодня. Вот почему так раздражают людей, действительно зна-

ющих проблему, толпы говорунов, принявшихся тут же **сотрясать воздух** перед микрофонами и демонстрировать мускулы. Увы, изрядно обветшалые» (Ищенко Сергей. ГЛУШИТЕЛЬ НА СТВОЛЕ // Труд-7, 2006.07.01) (публ.); **'ругаться («злиться вслух»')**: «Если что-то не получается, никогда не надо набрасываться с руганью на монитор. Злые слова вызывают резонанс. Поступают негативные импульсы, и ситуация только усугубится. Поэтому не **сотрясай-те воздух**, не нервничайте компьютер, а заодно и своих домашних» (Светлана КУЗИНА. Не ругайте компьютер – отомстит // Комсомольская правда, 2006.04.03) (публ.); **'нагнетать атмосферу, создавать шумиху'**: «Ясно и то, что США будут продолжать поддерживать и вооружать Грузию, хотя, возможно, не так активно, как при Буше, но будут – и уже это делают. Еще один пункт, по которому две стороны вряд ли найдут общий язык. Разумный минимум, который здесь необходим, это проявление сдержанности по этим вопросам. От того, что руководство США напоминает, что никогда не признает Абхазию и Южную Осетию, настроение в Москве не улучшается, а Америка ничего не добивается, кроме очередного **сотрясения воздуха**. От такого сотрясения разумно было бы отказаться обеим сторонам – ради налаживания конструктивного диалога.» (Алексей Пушкин, директор Института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД РФ, профессор МГИМО. 'Перезагрузка' – смена политики или смена риторики? // Известия, 2009.07.05) (публ.).

Б. Модификация значения определяется **наличием отдельных сопутствующих смыслов, влияющих на исходное значение идиомы** (за счет оформляющих идиому маркеров). Так происходит, в частности, в дискурсивной реализации ФЕ **витать в воздухе**.

С помощью таких сопутствующих идиоме элементов, как: **прямо-таки** (витают в воздухе); **в** (буквальном смысле слова (витают); **вызвало к жизни** (множество витавших в воздухе идей); **не просто** (витают в воздухе); **не просто** (витают в воздухе), **но обрела уже форму** конкретного плана; **отчетливо** (витают в воздухе); **буквально** (витают в воздухе) и т.п., фразеологизм **витать в воздухе** акцентирует смыслы ясности, отчетливости, каких-либо идей, замыслов, слов, готовых вот-вот **перейти из нематериального состояния в материальное**. Например: «Идея подобна произведению искусства, которое (согласно В.В. Кандинскому), отделившись от художника, получает самостоятельную жизнь, обладает активными силами, живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы [5; 99]. Идеи в буквальном смысле слова **витают в воздухе**. Один из героев У. Эко заметил, что если тебе пришла идея в голову, можешь быть уверен, что она уже приходила и кому-то другому.» (В.П. Зинченко. Теоретический мир психологии (2003) // «Вопросы психологии», 2003.10.21) (уч.-н.); «И вести ее надо беспрецедентным, безжалостным способом! Эти два последних слова Гитлер подчеркнул резким взмахом руки. Он сделал несколько шагов вперед и, подойдя почти вплотную к сидящим в креслах людям, сказал: – Идеология, которую нам предстоит сокрушить, вырвать с корнем, уничтожить бесследно, не просто **витают в воздухе**. Нет! У нее есть конкретные

носители. Их много» (Александр Чаковский. Блокада (1968)) (худож.).

Такой модификации значения противопоставляется смысл **нереализованности, невозможности воплощения** (каких-либо идей, планов и т.п.), функционирующий в другой группе контекстов, реализуемый за счет таких сопутствующих идиоме элементов, как: *остался* (витать в воздухе); *лишь* (витают в воздухе); *возможно* (в воздухе витает множество идей), *но нет* никаких согласованных или утвержденных планов развития; идея *только* (витают в воздухе). Например: «Столица Бахрейна Манама на период этого матча стала центром шахматной жизни. После памятного поединка 1997 года, когда Гарри Каспаров проиграл матч компьютеру «Дип Блю», вопрос о том, кто сильнее: компьютер или человек, остался витать в воздухе. В какой мере разрешил этот вопрос матч в Бахрейне?» (Васюков Евгений международный гроссмейстер. СЛЕДУЮЩИЙ ХОД ЗА ЧЕЛОВЕКОМ // Труд-7, 2002.10.22) (публ.); «Идея создания в области туристического маршрута по типу Золотого кольца по-прежнему лишь витает в воздухе, хотя объектов, достойных внимания иностранных гостей, здесь более чем достаточно. Взять ту же Хохлому...» (Долгодворов Владимир. В БОЛДИНЕ ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ // Труд-7, 2005.10.12) (публ.);

Сема **длительности** (идеи, планы неопределенное время ожидали, ожидают реализации), реализуемая идиомой в другой группе собранных контекстов, акцентируется за счет таких атрибутов, как: (витала, витает в воздухе) *уже давно*; *уже несколько лет* (витала в воздухе); (витают в воздухе) *не первый день*; (а потом складывается ситуация, когда идеи «витают в воздухе») и *никак не найдут, куда приземлиться*, и т.п. Идеи, планы, проекты, характеризующиеся ФЕ, зреют, формируются, либо же долгое время не могут быть реализованы.

Фразеологизм *витать в воздухе* может воплощать и смыслы **появления, возникновения, зарождения** идей, планов, проектов, с помощью таких атрибутов, как: идея... *стала* (витать в воздухе); *начала* (витать в воздухе); когда в нашей стране идея... *только* (витала в воздухе) и т.п.

Однако в большинстве собранных контекстов, во всех трех типах дискурса, фразеологизм *витать в воздухе* передает идею **актуальности**, характеризуя описываемые реалии действительности как происходящие здесь и сейчас.

В. Модификация значения реализуется **введением уточнений исходного значения ФЕ** (за счет тональности смысла, за счет развертывания метафоры, за счет расширения ряда компонентов ФЕ). Так происходит в дискурсивном функционировании ФЕ **нужен как воздух**.

Анализ показал, что некоторые фразеологизмы, в частности идиома *сотрясать воздух*, проявляют большую склонность к семантическому варьированию, другие же, как, например, ФЕ **нужен как воздух**, напротив, лишь в единичных случаях (всего три из всех контекстов с данной идиомой) обнаруживают изменения модуса значения. Так, в художественном дискурсе встречаются примеры использо-

вания ФЕ **нужен как воздух** с некоторой **долей проники**: «— Не все у тебя понятное, товарищ Брусенков. Удивительно, как по сей день ты переживаешь Власихина этого? — усмехнулся Мещеряков, уже по-другому усмехнулся и другой сделался в лице. — Почему это — не можешь ты без врагов, нужны они тебе, как воздух? И что бы ты делал посреди одних только друзей угадать невозможно!» (Сергей Залыгин. Соленая Падь (1967)) (худож.); «Не знаю, найдется ли во всей Европе город, в котором выходило бы так много карт, как у нас в Москве. Карты! Да без них ступить нельзя; они так же необходимы для жизни нашего общества, как воздух необходим для жизни человека. Во всех клубах играют, на всех вечерах играют, на всех балах играют и даже почти на всех обедах играют в карты, то есть начинают свои партии до обеда и оканчивают их после» (М.Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)) (худож.). В других типах дискурса подобных примеров употребления данной ФЕ не встречалось.

В публицистическом дискурсе (в газетном корпусе) находим два примера использования фразеологизма **нужен как воздух** с дальнейшим развертыванием метафоры, что можно объяснить желанием усилить эффект воздействия на читателя: «Приходится резать необязательные расходы. Занимать деньги за рубежом. Отказываться от индексации зарплат бюджетников. Дополнительные поступления нужны как воздух в подводной лодке. А правители продолжают уравнивать бедных с богатыми. Снимая с них одинаковый процент подоходного налога» (Александр Лившиц. Пора делиться // Известия, 2009.09.09) (публ., газетн.); «Интервью. — “Компромисс нужен Украине, как воздух асимметрию” — На Украине президент, премьер и спикер никак не могут поставить точку в вопросе проведения 30 сентября досрочных парламентских выборов» (Дайджест российской прессы — 14 июня // РИА Новости, 2007.06.14) (публ., газетн.).

В художественном и в публицистическом типах дискурса встречаются контексты, в которых, при употреблении идиомы, наряду с **воздухом** эталоном необходимости становятся: *вода, хлеб, огонь, любовь, солнце* и др.

«Молчите! Не смейте! [Влас]. Я не могу жить... вы нужны мне, как воздух, как огонь! [Марья Львовна]. О боже мой... разве нельзя без этого?.. Нельзя?» (Максим Горький. Дачники (1904)) (худож.);

«Быть может, надежда, хотя бы самая неразумная, несбыточная, необходима как воздух и хлеб? Не знаю. Помню только, что мы надеялись и тогда, когда надеяться было не на что, на Западе, перекидываясь из одной страны на другую, уже шла война, встывала все в новых местах» (Федор Кнорре. Каменный венок (1973)) (худож.);

«В эти трудные дни наш народ с еще большей силой укрепляет нерушимую дружбу с народами Советского Союза, которая необходима для нас, как воздух и солнце для каждого живого существа» (Болгария (1953) // «Тихоокеанская звезда», 1953.03.09) (публ.). В учебно-научном типе дискурса подобных

примеров употребления ФЕ *нужен как воздух* не встречается.

Таким образом, семантическое варьирование в функционировании ФЕ достигается различными спо-

собами, причем каждая отдельная анализируемая идиома в дискурсивном употреблении тяготеет к одной из приведенных форм семантического варьирования (табл. 2).

Таблица 2

Формы и способы семантического варьирования ФЕ

Форма варьирования значения ФЕ	ФЕ	Способы реализации семантического варьирования	Примечания
Акцентирование определенных смыслов в значении ФЕ	<i>сотрясать воздух</i>	Поддерживается сопутствующим контекстом	Разветвленная парадигма модификаций значений
Наличие сопутствующих смыслов, влияющих на исходное значение ФЕ	<i>витать в воздухе</i>	За счет отдельных маркеров	Большое количество употреблений с разного рода маркерами
Введение уточнений исходного значения ФЕ	<i>как воздух нужен</i>	– За счет тональности смысла (ирония, сарказм и т.п.); – за счет развертывания метафоры; – за счет расширения ряда компонентов ФЕ	Встречается в единичных случаях

Далее рассмотрим особенности функционирования указанных ФЕ непосредственно в каждом из рассматриваемых типов дискурса.

ФЕ в художественном дискурсе

Как отмечалось выше, основными функциями художественного текста являются экспрессивная и эстетическая, «в результате восприятия художественного произведения читатель обогащается фактами, событиями жизни других людей, их внутренним миром, переживаниями, стремится понять их действия, поступки, определить мировоззрение» [21. С. 3]. Автор создает своих героев, их характеры, условия их существования, ситуации в которые они попадают, общую атмосферу произведения, избирая языковые средства в соответствии с определенным замыслом.

ФЕ с компонентом *воздух* могут употребляться авторами художественных произведений для выполнения различных задач:

– для наглядного изображения характера героя, описания его личностных качеств, увлечений, отражающих личностные характеристики: «Пока мы шли домой, Ира трещала без умолку. Как же у нее язык не устает, просто удивительно! На свежем воздухе мне полегчало, я даже начала соображать и поняла, что этот поток информации необходимо направить в нужное мне русло. Пусть хоть что-то полезное рассказывает, а не просто **воздух сотрясает**. – Ир, а кто была эта девушка? – спросила я. – Какая?» (А.В. Жвалецкий, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)) (худож.); «Это заметно лишило его обаяния, однако, в конце концов, он был ведь всего лишь внук. Вот что оставалось совсем непонятным, так это как ему раньше удавалось быть “Бобром”. Ни футбольного, ни хоккейного начала в его приземистой распылившейся фигуре с большим животом я так и не смог увидеть. Быть может, оно **вitalo в воздухе** где-то поблизости от него, и, когда оно требовалось, он мог запросто до него дотянуться, воспользоваться им по своему усмотрению» (Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003) (худож.);

– для характеристики настроений в обществе: «– И чем больше я живу, и странствую, и наблюдаю,

тем более убеждаюсь, что мы живем на пороге больших событий. – Каких? – Этого я не знаю. Но что-то **витает в воздухе**. Я удивился, что еще раз слышу о каких-то переменах. Как обычно, милый Вергилиан был взволнован подобной темой разговора. – *Может быть*» (А.П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)) (худож.);

– для характеристики отношений между людьми: «Но самым значительным было для нее его молчание, когда он смотрел на нее и рисовал, – знаете, как внимательно и испытующе смотрит художник на свою натуру! Слов не было произнесено никаких, об этом потом говорила мать, но было более важное и значительное – то, что **витает в воздухе**, когда мужчина и женщина начинают испытывать интерес, а может быть, и влечение друг к другу» (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)) (худож.) и многих других.

ФЕ с компонентом *воздух* могут также использоваться авторами и для решения особых задач, характерных только для художественного типа дискурса, в силу специфики построения художественного произведения, имеющего композиционные особенности⁸.

Так, фразеологизм *сотрясать воздух*, содержащий в семантике отрицательную коннотацию, используется автором в речи героини произведения для того, чтобы прервать нежелательные слова другого героя: «А чужим зачем? В последней, бессвязной вроде фразе заключалась главная опасность: казначей через головы собравшихся напоминал президенту о ежемесячных наличных вливаниях, которые с его, Мясоедова, отставкой неизбежно иссякнут. И Лариса, до того молча сидевшая подле Фархадова, отреагировала мгновенно: – **Хватит воздух сотрясать!** «Вы-то знаете!» Никто, к сожалению, ничего толком не знает. И Салман Курбадович тоже» (Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)) (худож.); чтобы замаскировать какие-либо свои недостатки (к примеру, неидеальные стрелковые умения) критикой другого героя: «Этой ночью уже прислали б сюда другого командира взвода. – Три снарядика, товарищ Второй, – спешу я, пока он еще не передумал, и голос мой мне самому противен в этот момент. – **Расхвастался! Воздух сотрясать** хочешь или стрелять? – злится вдруг

Яценко. И черт меня дернул выскочить с этими тремя снарядами. Все в полку знают, что Яценко стреляет неважно» (Г.Я. Бакланов. Пядь земли (1959)) (худож.). Отметим, что такие примеры использования идиом с компонентом *воздух* встретились в ходе исследования только в контекстах с глагольными ФЕ.

Продолжая заявленную ранее тему варьирования семантики фразеологизмов, следует сказать, что в художественном дискурсе встречаются особые случаи модификаций значений некоторых ФЕ, которые не встретились в других рассматриваемых типах дискурса. В частности, вариант значения ФЕ *сотрясать воздух*, сопряженный с актерской профессией, «**декламировать**»: «Началась старая история. Я дулся и корил себя в малодушии, с которым бросил при первой неудаче подмостки, а мать сияла и вынимала просвиры во здравие рабы божьей Марии, излечившей меня от театральной лихоманки. На первый взгляд, все обстояло благополучно и не предвещало никаких туч на безоблачном горизонте мирного провинциального житья. Я теперь уже не влезал больше на холм Митридата, чтобы **сотрясать воздух** трагическими монологами, но занялся совсем основательно оставленным мне табачным наследством и к концу года начал даже заметно толстеть, что, как известно, для первого любовника знаменует переход на благородных отцов» (И.Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)) (худож.); или вариант значения «**намеки** («**едва уловимый знак**»): «Только женщины способны к такой быстроте расцветания сил, развития всех сторон души. Она как будто слушала курс жизни не по дням, а по часам. И каждый час малейшего, едва заметного опыта, случая, который мелькнет, как птица, мимо носа мужчины, схватывается неизъяснимо быстро девушкой: она следит за его полетом вдаль, и кривая, описанная полетом линия остается у ней в памяти неизгладимым знаком, указанием, уроком. Там, где для мужчины надо поставить поверстный столб с надписью, ей довольно прошумевшего ветерка, трепетного, едва уловимого ухом **сотрясения воздуха**. Отчего вдруг, вследствие каких причин, на лице девушки, еще на той неделе такой беззаботной, с таким до смеха наивным лицом, вдруг ляжет строгая мысль? И какая это мысль? О чем?» (И.А. Гончаров. Обломов (1859)) (худож.); а также «**занимать (кого-либо) беседой**»: «Я спохватываюсь, что говорю слишком долго, не слыша ответных реплик, и с подозрением гляжу на Русалочью голову, соскользнувшую с моего плеча куда-то под мышку. – Эй, ты часом не спишь, любительница историй? Я ведь для тебя стараюсь, **сотрясаю воздух**... – Нет, конечно, – отвечает прелезненно бодрый голос, слегка приглушенный рукавом моей фуфайки. – Я внимательно слушаю. И размышляю» (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) (худож.).

Художественный дискурс обладает особенной спецификой, она ощущается даже при прочтении небольших отрывков, предлагаемых russcorpora.ru, и фразеологические единицы органично вплетаются в то особенное, созданное автором пространство художественного текста, являясь частью единого целого.

В публицистическом дискурсе, реализующем информационно-воздействующее назначение, в отличие от художественного дискурса, чаще всего предъявляется какое-то событие, какая-либо информация и фразеологизмы используются «точно», «единично» для его характеристики: «Наконец, и это главное, “Болото” непримиримой оппозиции, может быть, отчасти и осушено, но все леса вокруг него, особенно подлесок – политическая поросль страны, остаются недовольными. Чем? Да всем. Радикальное кадровое обновление стране (и лично Путину) **необходимо как воздух**. Прежние фигуры и лица надоели и массам простых людей, и активной части элиты, особенно московской интеллигентско-богемной тусовке, определяющей через телевизор и интернет и отношение к высшим кадрам широких масс» (Виталий Третьяков. Почему у нас ничего не получается (часть 2) // «Эксперт», 2013) (публ.); «Да, возможно, большинство из них сейчас не так влиятельны. Не находятся у власти в своих странах. Но кто знает, что будет завтра? Если риторика наших властей имеет под собой хотя бы какую-то основу, а не является только бесконечным **сотрясанием воздуха** на потребу обывателя, хотелось бы видеть более энергичные шаги на международной арене. У нас есть друзья. За океаном тоже. Позвоните им прямо сейчас» (Ольга ТУХАНИНА. Позвоните им прямо сейчас // Комсомольская правда, 2013.08.14) (публ.).

Как отмечалось выше, наибольшее количество контекстов употребления ФЕ было собрано именно в публицистическом дискурсе (942 из 1112 рассматриваемых). Такое количество, опять же, объясняется особенными установками данного типа дискурса. В отличие от ограничений, накладываемых рамками единства образного, композиционного строя произведений⁹ – в художественном дискурсе, или необходимостью избегания двусмысленности – в научном, учебно-научном дискурсе, в текстах публицистического дискурса допускается абсолютная свобода реализации творческих замыслов автора с целью усиления воздействующего эффекта на читателя отдельными фрагментами текстов.

Так, в контекстах публицистического дискурса представлена наиболее разветвленная парадигма семантических модификаций значений ФЕ с компонентом *воздух*. На первый план в значении идиомы *сотрясать воздух* могут выходить смыслы: «**бесполезные, неэффективные слова, речи (действия)**»: «России надо жестко отреагировать на подлость Таллина. Надо подумать, как это лучше сделать, но результат должен быть один: Бронзовый Солдат останется стоять на месте. Это дело принципа! Потому что в очередной раз **сотрясать воздух** негодованием или пустыми предостережениями не имеет смысла. Плоха и идея вывезти памятник в Россию. Ведь он – один из зримых символов нашего яркого прошлого, нашей Великой Победы. И на эти символы опирается история новейшая» (Андрей БАРАНОВ. Мы не имеем права бросить в беде Бронзового Солдата // Комсомольская правда, 2007.02.16) (публ.); «**бес-**

полезные слова, речь, которая не находит отклика у адресата»: «Ни Великобритания, ни США, ни Россия не могут отныне ничего гарантировать на планете, которая живет по законам глобализма и равенства всех перед законом. Наша выставка в Америке, увы, вне закона. Говорить же о том, что искусство не может быть заложником в спорах между бизнесом и государством, это **сотрясать воздух**: такие гарантии уже давным-давно декларированы международным правом. Но они пасуют перед исками третьих сторон» (Подножка мировой культуре // РИА Новости, 2005.11.18) (публ.); **‘(произносить) высокопарные (пафосные) речи, слова’**: «Лично я клясться не люблю. Считаю, что это слишком серьезные вещи, чтобы разбрасываться ими всуе. Ну, может, иногда полушутя могу сказать для пущей убедительности: “Падла буду”. Наталья Крачковская, актриса: – Все эти прилюдные **сотрясения воздуха** – обычное пускание пыли в глаза. Несерьезно как-то разбрасываться словами людям, занимающим такие большие посты. Сколько мы уже слышали таких высоких фраз. А толку?» (Агишева Гузель. А ВЫ ЧЕМ КЛЯНЕТЕСЬ? // Труд-7, 2007.05.17) (публ.); «В связи с этим издатели журнала подвергли резкой критике всю ту же ВОЗ – по мнению главного редактора *Lancet* Ричарда Хортон, чиновники из ВОЗ лишь **сотрясают воздух** заявлениями о необходимости помочь больным в развивающихся странах, однако на деле этого практически не происходит» (Психическая атака // РБК Daily, 2007.09.06) (публ.); **‘говорить – в надежде убедить’**: «Конечно, главное лекарство от безработицы – это возрождение нашей промышленности, сельского хозяйства, всей экономики. Никакие прочие действия не излечат эту прогрессирующую социальную болезнь. Но, может быть, надо и **“сотрясать воздух”**, чтобы звуковые волны “ударяли” в тех, кто формирует экономическую политику в крае и во всем государстве, чтобы собственник ощущал: люди не бесправная масса, они готовы защищать свои права на основе закона» (Светлана Андропова. На обочине жизни, или как поставить заслон безработице? (2003) // «Красноярский рабочий», 2003.06.01) (публ.); а также: **‘лишние, ненужные слова’**, **‘слова, сказанные без намерения их осуществить’**, **‘слова, не имеющие под собой реальных фактов, подтверждений’**, в том числе встретившиеся только в публицистическом дискурсе: **‘привлекать к себе внимание (даже «пиариться»)**, **‘ругаться («злиться вслух»)**, **‘нагнетать атмосферу, создавать шумиху’**.

В публицистическом дискурсе встречается наибольшее количество контекстов, включающих употребление фразеологизмов с компонентом *воздух* для создания какого-либо особенного эффекта, языковой игры, что можно объяснить желанием усилить воздействие на читателя.

Так, в контекстах: «*Приходится резать необязательные расходы. Занимать деньги за рубежом. Отказываться от индексации зарплат бюджетников. Дополнительные поступления нужны как воздух в подводной лодке. А правители продолжают уравнивать бедных с богатыми. Снимая с них одинаковый*

процент подоходного налога» (Александр Лившиц. Пора делиться // Известия, 2009.09.09) (публ.) и «*Интервью. – “Компромисс нужен Украине, как воздух астматик”*» – На Украине президент, премьер и спикер никак не могут поставить точку в вопросе проведения 30 сентября досрочных парламентских выборов» (Дайджест российской прессы – 14 июня // РИА Новости, 2007.06.14) (публ.) – характеристика некоторых действий как желательных, облигаторных, выражаемая идиомой *как воздух нужен* (транслирующей образ *воздуха*, как необходимого для жизни субстанции), еще более усиливается с помощью таких сопутствующих идиоме элементов, как *в подводной лодке* и *астматик*. В контексте: «*Белорусские, украинские, армянские художники и кураторы сегодня существуют в еще большем вакууме, чем российские. Так что будущая биеннале как минимум решит для них проблему творческого общения. Идея о масштабном конкурсе-показе молодого искусства даже не витала в воздухе, а вполне себе обитала на земле*» (Федор Астафьев. Арт-клонирование // РБК Daily, 2009.05.29) (публ.) – идея близкой реализации, осуществления ‘конкурса-показа’ выражается противопоставлением ФЕ *витать в воздухе* (транслирующей смыслы незавершенности, нестабильности) и оборота *обитать на земле*, ассоциирующегося с идеями твердости, уверенности. В контексте: «*Изначально итальянские рынки взволновались на фоне слухов об отставке министра финансов Джулио Тремонти. Он в эмоциональной итальянской манере повздорил с премьер-министром страны Сильвио Берлускони по вопросам экономической политики. И тут же европейские инвесторы, которые давно живут на пороховой бочке, незамедлительно отреагировали на сотрясение воздуха*» (Мария Сарычева. Италия пошла по кривой греческой дорожке // Известия, 2011.07.11) (публ.) – автор использует игру слов. Идиома *сотрясение воздуха* как порождение речей (словесная битва политиков), которая в буквальном прочтении может иметь значение ‘громко издаваемый звук’, используется параллельно с оборотом *жить на пороховой бочке*, образное основание которого включает идею взрыва, сопровождающегося громким звуком, грохотом.

ФЕ в учебно-научном дискурсе

В ходе исследования было обнаружено лишь 18 (из 112) контекстов, включающих рассматриваемые ФЕ с компонентом *воздух*, причисленных rus-corpora.ru к учебно-научным. Такое количество исследуемого материала не способствует обнаружению каких-либо весомых закономерностей употребления наблюдаемых ФЕ. Однако можно отметить, что семь из девяти случаев употребления фразеологизма *витать в воздухе* характеризуют некие идеи (понятие, ассоциативно коррелирующее с понятием науки), сразу оговорившись, что случаи употребления данной идиомы для характеристики каких-либо идей довольно часты и в других типах дискурса.

В учебно-научном дискурсе (как и в других рассматриваемых типах) наблюдаются случаи варьиро-

вания формы ФЕ: *витающую, витают, витающие, витала, витают, витающих, витали, витающей, витать в воздухе; как воздух нужен, необходим мировому сообществу как воздух, нужен как воздух и др.*, встречаются и случаи семантического варьирования.

Фразеологизм *витать в воздухе* акцентирует смыслы: ясности, отчетливости каких-либо идей, замыслов, слов, готовых вот-вот **‘перейти из нематериального состояния в материальное’**: «С появлением в обиходе слова «электричество», и особенно со времени открытий Вольты и Эрстеда, воображение многих было захвачено таким обстоятельством: электрический ток передается по проволоке и может воздействовать на большом расстоянии, куда эта проволока проложена, на магнитную стрелку. Это вызывало к жизни множество **витающих в воздухе** идей электромагнитного телеграфа» (В.П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970)) (уч.-н.); «Идея подобна произведению искусства, которое (согласно В.В. Кандинскому), отделившись от художника, получает самостоятельную жизнь, обладает активными силами, живет, действует и участвует в создании духовной атмосферы [5; 99]. Идеи в буквальном смысле слова **витают в воздухе**. Один из героев У. Эко заметил, что если тебе пришла идея в голову, можешь быть уверен, что она уже приходила и кому-то другому» (В.П. Зинченко. Теоретический мир психологии (2003) // «Вопросы психологии», 2003.10.21) (уч.-н.); **‘длительности’** (идеи, планы неопределенное время ожидали, ожидают реализации): «От конкретных результатов сначала проблема переходит на уровень “научного фольклора”, а потом складывается ситуация, когда идеи **“витают в воздухе”** и никак не найдут, куда приземлиться. Но эта ситуация неустойчива, – небольшая группа энтузиастов, небольшой «студенческий проект» и ситуация радикально меняется, возникает быстрый процесс (реализуется LS-режим с обострением). Наверное, каждый может припомнить десяток ситуаций, когда классик в науке сделал то, что “все предвидели”, про что “где-то слышали”, но до чего просто «руки никак не доходили» (С.П. Капица и др. Синергетика и прогнозы будущего (Глава 1. Синергетика и изменение взгляда на мир) (2000)) (уч.-н.); **‘отсутствие какой-либо опоры (духовной, нравственной, интеллектуальной)’**: «С гениальной проницательностью и вопреки другим весьма влиятельным утверждениям Гегель показал, что самоопределение лиц, автономия воли – это только начало нравственной жизни. Для того, чтобы не искать в пустом пространстве, чтобы не **витать в воздухе**, автономная личность должна иметь перед собою конкретную общественную среду: в ее понятиях и формах жизни она получает твердый фундамент для своего строительства» (П.И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава I (1917–1921)) (уч.-н.).

Подводя итоги, следует заключить:

1. Фразеологизмы русского языка, содержащие компонент *воздух*, образуют группы, отображающие

некоторые характеристики воздуха, особым образом проявляющиеся в русской лингвокультуре, закрепившиеся в виде образов-мотивов создания идиом: *воздух как среда, пространство, окружающее землю, простирающееся над поверхностью земли*; *воздух как реальность действительности, не имеющая цвета, запаха, формы, невидимая, неосознваемая*; *воздух как субстанция, вещество, которым дышит человек, без которого человек существовать не может*.

2. Функционирование фразеологизмов в трех типах дискурса обнаруживает различные количественные показатели: наибольшее количество употреблений ФЕ выявлено в публицистическом типе дискурса, наименьшее количество – в учебно-научном. Такие результаты объяснимы с учетом стилистических характеристик текстов, репрезентирующих каждый из типов дискурса.

3. Три фразеологизма (*сотрясать воздух, витать в воздухе и как воздух нужен*) в дискурсивной реализации проявляют такие особенности функционирования: формальные изменения, семантическое варьирование, особенности употребления в разных типах дискурса.

Формальные изменения проявляются в: изменении последовательности составляющих идиомы компонентов, употреблении между компонентами ФЕ других слов; употреблении синонимов вместо некоторых компонентов ФЕ; ряде грамматических изменений; употреблении ФЕ в формах, соотносимых с разными частями речи. Формальное варьирование наблюдается во всех анализируемых типах дискурса.

Семантическое варьирование может выражаться в акцентировании каких-либо смыслов, заключенных в значении идиомы, в выходе их на первый план при употреблении ФЕ; в наличии сопутствующих смыслов, способных влиять на исходное значение идиомы, а также во введении уточнений исходного значения ФЕ.

4. Различия в функционировании ФЕ с компонентом *воздух* в разных типах дискурса хотя не являются особенно яркими, но, тем не менее, обнаруживают зависимость от характерных особенностей рассматриваемых типов дискурса. Зависимость проявляется в появлении специфичных для каждого типа дискурса семантических вариантов значений фразеологизмов, а также в особенных способах применения идиом. В художественном типе дискурса употребление ФЕ обусловлено особенностями образного строя произведений, их композиционными установками, определенным замыслом автора произведения. В публицистическом дискурсе употребление исследуемых идиом сопряжено с усилением воздействия на читателя, здесь важен «точечный» эффект для привлечения внимания читателя к отдельным фрагментам текста, каким-либо мыслям, позициям автора, событиям, фактам. В учебно-научном дискурсе применение ФЕ весьма ограничено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду, что некий автор, реализуя свои идеи при создании художественного произведения, научной статьи или публикации в СМИ, оформляет свое внутреннее речемыслительное пространство в готовый текст в соответствии с нормами того или иного функционального стиля, обусловленного определенными целевыми установками.

- ² Е.С. Троянская относит учебники, справочники к периферийным жанрам научной литературы и отмечает: «Лингвистические средства, употребляемые в учебниках для старших классов школы и особенно для высших учебных заведений... стандартны, безобразны, неэмоциональны. Учебники для младших и средних классов могут содержать эмоциональные, образные и разговорные элементы» [20. С. 195].
- ³ В подкорпусе художественных текстов основного корпуса guscorpora.ru найдено 8 322 документа общим объемом 12 211 942 предложения, 122 411 245 слов.
- ⁴ Объем основного корпуса guscorpora.ru: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.
- ⁵ В подкорпусе нехудожественных текстов (сфера функционирования – публицистика) основного корпуса guscorpora.ru найден 89 961 документ общим объемом 7 990 843 предложения, 108 127 689 слов.
- ⁶ Объем газетного корпуса guscorpora.ru: 433 373 документа, 16 669 748 предложений, 228 521 421 слово.
- ⁷ В подкорпусе нехудожественных текстов (сфера функционирования – учебно-научная) основного корпуса guscorpora.ru найдено 6 788 документов общим объемом 2 039 878 предложений, 33 383 793 слова.
- ⁸ Следует здесь отметить количественную ограниченность контекстов guscorpora.ru, которая не всегда позволяет наблюдать использование ФЕ, выполняющих такого рода задачи в художественном произведении.
- ⁹ «Отбор необходимых слов со строгой нормативной семантикой и их соединение друг с другом по законам грамматического строя языка, на основе которого создается произведение, делает образ конкретным, отсекая нецеленаправленные, уводящие в сторону от замысла ассоциации. Образ получает твердую смысловую базу в значениях слов, но он не представляет собой сумму их значений, как в научном тексте, являясь добавочным сообщением в контексте, он связывается с другими образами, а все они представляют в произведении систему образных средств» [22. С. 10].

ЛИТЕРАТУРА

- Новикова Н.А. Фразеологические единицы с концептом «жизнь» в дискурсе культуры (этический аспект) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / В.Н. Телия, Е.М. Верещагин, В.И. Шаховский [и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 234–240. (Studia philologica).
- Ливенец И.С. Концепт ВОЗДУХ в лингвокультурологическом аспекте: на материале текстов К. Паустовского и М. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 215 с.
- Бэ Сон Хен. Концепт «ВОЗДУХ» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 237 с.
- Попов Д.О. Особенности формирования терминосистемы «Экология воздуха» в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 140 с.
- Фролова Л.В. Концепты первостихий (вода, воздух, земля, огонь) в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь» : дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2011. 221 с.
- Литвинова С.А. Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 185 с.
- Lineva E., Savelieva E., Poddubskaya O., Yusupova T., Yakovleva E. Comparative analysis of phraseological units with lexical unit ВОЗДУХ/AIR/L'AIR in Russian, English and French // Russian linguistic Bulletin. 2017. № 1 (9). С. 52–55.
- Чернышова Л.В. Эксплицирование культурной информации фразеологизмов: на примере русских устойчивых сочетаний с компонентами воздух, ветер // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов : материалы Междунар. науч. конф. 2006. С. 181–189.
- Большой академический словарь русского языка / [гл. ред. К.С. Горбачевич]. М.: Наука, 2005. Т. 3. 664 с.
- Плотникова А.А. Воздух // Славянская мифология : энциклопедический словарь / науч. ред. В.Я. Петрухин [и др.]. М.: Эллис Лак, 1995. С. 99–100.
- URL: <http://guscorpora.ru/index.html> (дата обращения: с 07.06.2017 по 19.11.2017).
- Фразеологический словарь русского языка : свыше 4 000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1978. 543 [1] с.
- URL: www.frazeologiya.ru/fraza/vitat.htm (дата обращения: 09.08.2017).
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : Около 7 000 словарных статей : в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1991. 273 с.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35 000 фразеологических единиц : в 2 т. / сост.: А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов ; под ред. А.Н. Тихонова. М.: Флинта ; Наука, 2004. Т. 1. 831 с.
- Фразеологический объяснительный словарь русского языка : более 1 000 идиом (2 000 значений) / [А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский и др.]; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 700 с. (Библиотека словарей).
- Дунаевская О.В. О стихиях русского языка : [учеб. пособие]. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 122 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.Н. Кожина. 2006. 003 словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. 3-е изд. М.: Флинта, 2012. 462 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000439760/000439760.pdf>
- Троянская Е.С. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты / отв. ред. М.Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 189–202.
- Федоров А.И. Образная речь / отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1985. 117 с. (Сер. Литературоведение и языкознание).
- Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка / отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1969. 90 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 января 2019 г.

Functioning of Idioms with the Component Air in Different Types of Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 5–17.

DOI: 10.17223/15617793/440/1

Olga V. Balonkina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: davydova_olga.85@mail.ru

Keywords: idioms; air; discourse; literary discourse; journalistic discourse; educational and scientific discourse; corpus.

The article represents the research of phraseological units of the Russian language which include the name of the element *air* in different types of discourse (literary, journalistic, educational and scientific). The aim of the article is to investigate the ways of revealing various images of the element *air* (being part of idioms) in different types of discourse. The text of the article includes an

introduction, a main part and a conclusion. In the introduction, a brief review of linguistic studies devoted to investigations of the element *air* in different aspects is given, the specificity of the present article is defined, the aim and goals of the research are stated. The main part of the article includes the data of definition and ethnolinguistic dictionaries describing the element *air*; the list of all the selected idioms with the component *air*; the author's classification of these idioms depicting some characteristics of the element revealed in Russian language culture as idioms motivating images. This part of the article also includes the notion of the term discourse accepted in the article; stylistic features of literary, journalistic, educational and scientific texts representing the three analyzed types of discourse followed by the investigation results representing the particularities of functioning of three Russian idioms (word for word translation of them is: *to shake the air, gently fly in the air, needed as air*) in literary, journalistic, educational and scientific types of discourse. In the conclusion, the author summarizes the obtained results and provides the findings: 1. Idioms of the Russian language with the component *air* are divided into three main groups depicting some characteristics of the element in Russian language culture as idioms motivating images, such as environment covering the Earth; substance with no colour, shape, smell; substance which is vital for the life of people. 2. The biggest number of contexts with idioms was found in journalistic discourse, the smallest in educational and scientific discourse which is obvious taking into consideration the stylistic features of texts representing the analyzed discourse types. 3. The particularities of functioning of the three Russian idioms in the analyzed types of discourse are: variations of the form of idioms in use; variations of the initial meaning of idioms; versatility of reference spheres of idioms in use. 4. Even though the differences in functioning of idioms in the three types of discourse are not very prominent, they represent the dependence on the characteristics of the regarded types of discourse. In literary discourse, the use of idioms is determined by image structure and composition of the text. In journalistic discourse, idioms are mostly used individually to strengthen the effect of certain parts of the text on readers, to attract readers' attention to some author's ideas, thoughts, to some events, facts or information. In educational and scientific discourse, the use of idioms is highly limited.

REFERENCES

1. Novikova, N.A. (2004) *Frazeologicheskie edinitsy s kontseptom "zhizn'" v diskurse kul'tury (eticheskii aspekt)* [Phraseological units with the concept "life" in the discourse of culture (ethical aspect)]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and in discursive practices]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (Studia philologica).
2. Livenets, I.S. (2007) *Kontsept VOZDUKH v lingvokul'turologicheskom aspekte: na materiale tekstov K. Paustovskogo i M. Sholokhova* [The concept AIR in the linguistic-cultural aspect: on the material of the texts of K. Paustovsky and M. Sholokhov]. Philology Cand. Diss. Belgorod.
3. Bae Sung-hyun. (2006) *Kontsept "VOZDUKH" v sovremennom russkom yazyke* [The concept "AIR" in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Popov, D.O. (2003) *Osobennosti formirovaniya terminosistemy "Ekologiya vozdukh" v angliiskom i russkom yazykakh* [Features of the formation of the term "Air Ecology" in English and Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Frolova, L.V. (2011) *Kontsepty pervostikhiy (voda, vozdukh, zemlya, ogon') v romane M.M. Prishvina "Kashcheeva tsep'"* [Concepts of primary elements (water, air, earth, fire) in M.M. Prishvin's "Kashchey's Chain"]. Philology Cand. Diss. Lipetsk.
6. Litvinova, S.A. (2006) *Frazeologicheskie edinitsy, soderzhashchie komponenty, oboznachayushchie nazvaniya stikhiy (voda, vozdukh, ogon', zemlya) v sovremennom angliiskom yazyke* [Phraseological units containing components denoting the names of the elements (water, air, fire, earth) in modern English]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Lineva, E. et al. (2017) Comparative analysis of phraseological units with lexical unit VOZDUKh/AIR/L' AIR in Russian, English and French. *Russian Linguistic Bulletin*. 1 (9). pp. 52–55. DOI: 10.18454/RULB.9.06
8. Chernyshova, L.V. (2006) [Explication of cultural information of phraseological units: on the example of Russian fixed combinations with air and wind components]. *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost' / implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of language: explicit/implicit expression of meanings]. Proceedings of the International Conference. Kaliningrad: Svetlogorsk: Immanuel Kant State University of Russia. pp. 181–189. (In Russian).
9. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2005) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
10. Plotnikova, A.A. (1995) *Vozdukh [Air]*. In: Petrukhin, V.Ya. et al. (eds) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Moscow: Ellis Lak.
11. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/index.html>. (Accessed: from 07.06.2017 to 19.11.2017) (In Russian).
12. Molotov, A.I. (ed.) (1978) *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: svyshe 4 000 slovarnykh statey* [Phraseological dictionary of the Russian language: over 4,000 entries]. 3rd ed. Moscow: Russkii yazyk.
13. [Online] Available from: www.frazeologiya.ru/fraza/vitat.htm. (Accessed: 09.08.2017).
14. Fedorov, A.I. (ed.) (1991) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.: Okolo 7 000 slovarnykh statey: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of the 18th–20th centuries: About 7,000 entries: in 2 vols]. Novosibirsk: Nauka.
15. Tikhonov, A.N. (ed.) (2004) *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35 000 frazeologicheskikh edinits: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35,000 phraseological units: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Flinta; Nauka.
16. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (eds) (2009) *Frazeologicheskii ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: bolee 1 000 idiom (2 000 znacheniy)* [Phraseological explanatory dictionary of the Russian language: more than 1,000 idioms (2,000 meanings)]. Moscow: Eksmo (Biblioteka slovarey).
17. Dunaevskaya, O.V. (2012) *O stilyakh russkogo yazyka* [On the styles of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: LIBROKOM.
18. Kozhina, M.N. (ed.) (2011) *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
19. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2012) *Stilistika russkogo yazyka: uchebnik* [The stylistics of the Russian language: a textbook]. 3rd ed. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000439760/000439760.pdf>.
20. Troyanskaya, E.S. (1985) *Osobennosti zhanrov nauchnoy literatury i otbor tekstov na razlichnykh etapakh obucheniya nauchnykh rabotnikov inostrannomu yazyku* [Features of the genres of scientific literature and the selection of texts at various stages of teaching scientists a foreign language]. In: Tsvilling, M.Ya. (ed.) *Funktsional'nye stili. Lingvometodicheskie aspekty* [Functional styles. Linguistic and methodological aspects]. Moscow: Nauka.
21. Fedorov, A.I. (1985) *Obraznaya rech'* [Figurative speech]. Novosibirsk: Nauka.
22. Fedorov, A.I. (1969) *Semanticheskaya osnova obraznykh sredstv yazyka* [The semantic basis of figurative devices of language]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 17 January 2019

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВ «РЕБЕНОК-РЫЦАРЬ» В ТРИАДЕ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ» ПОВЕСТЕЙ А. БЕЛОГО

Исследуется связь образов ребенка и рыцаря в триаде «автобиографических» повестей А. Белого. Используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, мифопоэтический методы. Через эволюцию символов проанализирован посвятельный путь героя Белого (сначала младенца, а затем – рыцаря) в повестях «Котик Летаев», «Крещеный китаец», «Записки чудака». Выделены ключевые мотивы (драконоборчество, жертвоприношение, сновидение, обращение к «слову живому»), использованные Белым для медиации между пространством мифа, где начинается свой путь ребенок, и рыцарского романа – кульминации этого пути.

Ключевые слова: рыцарь; ребенок; «Записки чудака»; «Котик Летаев»; «Крещеный китаец»; Белый; медиация.

В художественном мире Андрея Белого выделяется ряд маркерных образов, которые с той или иной частотой повторяются и обнаруживаются и в его поэтических, и в прозаических произведениях. Более того, некоторые из этих образов связаны между собой не только синхронически, но встроены в своего рода диахроническую шкалу – они эволюционируют и замещают один другой, подчиняясь ходу линейного или циклического времени. Одна из подобных символических пар у А. Белого включает в себя рыцаря и ребенка. Ребенок при этом выступает и как часть названной цепочки образов, и непосредственно как звено-медиатор между пространствами разных виртуальных реальностей (миф, сказка, героический эпос).

Принцип триады является структурообразующим в литературных трудах Андрея Белого, но также и в схеме его собственной судьбы. Е.В. Глухова отмечает, что от софиологии Вл. Соловьева 1900-х гг. Белый переходит к увлечению оккультными течениями (теософия, розенкрейцерство), а затем в 1910-х гг. обращается к антропософии Р. Штейнера [1]. Треугольник личной биографии Белого изоморфен триаде «автобиографических» повестей писателя («Котик Летаев», «Крещеный китаец», «Записки чудака»), которые связывают между собой повторяющиеся художественные образы: «Сам автор по-видимому именно так и представлял собственную духовную эволюцию – через эволюцию собственной системы образов и символов» [1. С. 7].

«Идея о пути», пишет З.Г. Минц, была присуща практически всем представителям мифопоэтического символизма. Она была частью «глобального» мифа о «пути мира» [2. С. 140], т.е. о его судьбе и месте человека в нем. А. Белый анализирует «путь» человечества в своей работе «История становления самосознающей души», где текст мифа о мире помещен в изначальные временные координаты – не линейного, но мифологического времени с вечным возвращением к первоначалу и на круги своя. Так, момент рождения самосознающей души Белый приравнивает к появлению на свет символического младенца, на защиту которого встанет рыцарь-повествователь из «Записок чудака».

В повести «Котик Летаев» в мифологическом пребытии начинается посвятельный путь героя Андрея Белого. Затем младенец «переступает» из плана бессознательного в план реальный, открывая для себя

новую вселенную («Крещеный китаец»). «Записки чудака» становятся кульминацией посвятельного пути, когда ребенок принимает венец сознания и жертвует своей связью с мифом, т.е. отказывается от своего прошлого «Я» и вступает на путь рыцарского посвящения.

«Записки чудака», появившиеся в печати в 1922 г., вызвали неоднозначную реакцию современников. В частности, О. Мандельштам откликнулся на книгу крайне негативной рецензией: «Книга хочет поведать о каких-то огромных событиях душевной жизни, а вовсе не рассказать о путешествии. Получается приблизительно такая картина: человек, переходя улицу, расшибся о фонарь и написал целую книгу о том, как у него искры посыпались из глаз. Книжка Белого – в полном согласии с немецкими учебниками теософии, и бунтарство ее пахнет ячменным кофе и здоровым вегетарианством. Теософия – вязаная фуфайка вырождающейся религии. Издали разит от нее духом псевдонаучного шарлатанства» [3. С. 292]. Современные исследователи, впрочем, рассматривают форму и сюжет «Записок чудака» как сознательно выбранный автором шифр, вскрыть который могут только посвященные: «Сюжетно-семантическая связность “Записок чудака” на первый взгляд кажется “перевернутой”, изложение событий в тексте дается как бы в обратной и спутанной последовательности. Вместе с тем авторские “подсказки”, рассыпанные в тексте, ориентируют внимание “посвященного” читателя именно на эту “точку” генерирования мифа: “сокрытие” смыслового ядра текста объясняется авторской интенцией на предельную сакрализацию пространства романа» [1. С. 11].

Посвящение в рыцари, совершаемое в «Записках чудака», – автобиографический мотив, восходящий к учению розенкрейцеров. В 1909–1910 гг. Андрей Белый, Вячеслав Иванов и Анна Рудольфовна Минцлова, одна из первых русских учениц Рудольфа Штейнера, образовали символический посвятельный треугольник, эмблемой которого стал девиз розенкрейцеров: «От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Воскресаем в Духе Святом» [4. С. 229]. Белый был также участником «Ордена Рыцарей Истины», организованного Минцловой, а мотив посвящения в рыцари стал вехой на жизненном его пути и органично вошел в тексты многих произведений писателя.

В «Записках чудака» «Я» героя-рыцаря существует в тесной связи с фигурой автора текста. Повествователь возлагает на себя бремя рыцарства, но и свой жизненный путь А. Белый воспринимает как несение теургического креста. Н. Берберова, оставившая воспоминания о Белом периода начала 1920-х гг., пишет: «Образ Христа в эти минуты ожил в этом юродствующем гении: он требовал, чтобы мы пили за него потому, что он уезжает, чтобы быть распятым. За кого? За всех вас, господа» [5. С. 198].

В «Записках чудака» А. Белый определяет рыцарство как сохранение в себе символического ребенка вопреки многочисленным нашествиям «варваров» – представителей Генерально-Астрального штаба, узнавших о рождении младенца. Злые силы у А. Белого – это не только Ариман, или дьявол, но также субстанция пыли (полисемический лейтмотив его текстов), заслоняющая человека от света, т.е. от соприкосновения с абсолютом, «импульсом Христа».

А. Белый создает сказочно-мифический апокриф, в котором соединяются элементы средневекового героического эпоса с его драконоборческими мотивами, рыцарского романа и евангельских сюжетов о страстях Христовых. Нарратор в качестве защитника новорожденного младенца несет его в себе, как волхвы когда-то несли дары Иисусу – с тем же трепетом, но с осознанием собственного бессилия перед грядущими несчастьями. Метафора рождения младенца вскрывает истинное значение мифологемы детства в поэтике Белого. Открытие в себе символического ребенка – это помазание на мученический путь, ощущение своей личности частью «Я», воплощение в жизнь принципа «Ты – еси», обожение как обращение к прайсточнику бытия, к доисторическому прошлому и духовной прародине, к себе самому изначальному.

При этом рыцарь выступает как избранный наследник символического младенца. Об их духовном родстве свидетельствуют неоднократные отсылки к артуровскому циклу и историям поиска святого Грааля. Так, вынашивание младенца-Духа в себе равносильно подъятию драгоценной чаши над головой: «И до священного места ее донести, передать ее рыцарям; одно время я верил, что я – удостоюсь: Причастия; от причащения этого закипит моя кровь; может быть, вся болезнь – в перемещении сознания, от подсознательно сбегающей мысли, что еще здесь, на земле, преображение совершится, и я, Парсифаль, искуплю свою страшную амфортасову рану» [6. С. 312]. Легенда о рыцаре Парсифале переработана Белым в повесть о чуде – человеке странном, изумляющем мир, но одновременно уникальном, причастном его тайнам. Рыцарство и донкихотство переплетены в образе нарратора-крестоносца. Текст Белого детерминирует почти карнавальная двойственность бинарных оппозиций: чудо / чудачество, святость / скоморошество, старость и смерть / рождение и детство.

Младенец в «Записках чудака» играет парадоксальную роль главного учителя и проводника героя, т.е. его символического «отца». «Отец» поручает рыцарю противостоять силам Аримана. В повести совершается не только символическое перевоплощение

младенца в рыцаря, но усложняются и образы его антагонистов. Так, красный мир, старуха из «Котика Летаева», тени и чернороги из «Крещеного китайца» в «Записках чудака» принимают форму «сэров», сыщиков и шпионов, черноусого брюнета в котелке, иезуитов-искусителей. Впрочем, номинация «чернорогие тени» сохраняется и в «Записках чудака»: «Кажется – в черный воздух потянутся из отверстия двери рои чернорогих теней – не людей, – к ясноглазым вагонам, нам поданным» [6. С. 346]. Они возвращают к жизни запыленный мир «Крещеного китайца», который нарратор покинул, когда его озарил свет Духа: «Я пытался глядеть на его [брюнет в котелке] силуэт, отвлеченный от черточек, от штришков, от ужимок, которыми он себя осыпал, точно пудрой; и пудра слетала» [Там же. С. 347]. За младенцем бросаются в погоню не только тени, но и женщина в черном, она же агония. И если на минуту допустить встречу с ней, поддаться морокам запыленного мира, герой и сам может превратиться в тень: «Я тень: неприлично гуляю на сером экране; безостановочной, кинематографической лентой движения передаются какому-то миру – иному, не нашему» [Там же. С. 403].

Тени преследуют рыцаря и во сне, и наяву, пытаются ввести в его астральное тело германин или предложить ему отравленную сигарету в поезде во Франции. Брюнет-отравитель из поезда превращен Белым в иконический знак пустоты и пролома «в никуда и ничто»: «Он – открытый отдушник, в который нам тянет угарами невероятного мира, по отношению к которому наш мир жизни ничто» [Там же. С. 366]. Символизм образов, который, строго говоря, не осознавался Котиком Летаевым (Котик попросту жил в этом мифологизированном мире), в «Записках чудака» многократно усиливается. Одна мифологема может представлять собой и отсылку к евангельской притче, и аллюзию на текст средневекового поэта или автора рыцарского романа, а также использоваться в качестве элемента саморефлексии – возвращать читателя к мотивам, разработанным в «Котике Летаеве» и «Крещеном китайце». Так, тени, чернороги, старухи объединены под общим именем «шпион», «сэр», «ничто» и, наконец, «черный архангел», «черт». Повествователь путешествует по Европе, но одновременно спускается все ниже и ниже по кругам Дантова ада: «Это было явление несомненно серьезнее, чем явление одесского доктора на французской границе; вторая граница – опаснее первой; да, если каждый брюнет – черный ангел, сэр – черный архангел» [Там же. С. 377]. Прогулка по Лондону вместе за чертом осмысливается как переход границы реального мира: Лондон, безусловно, должен был лопнуть, оставив за собой все ту же пустоту – «черт был чертой, за которой встречал меня мир; черт – черта: она тень» [Там же. С. 448].

Рыцарь совершает циклическое возвращение к поэтико-символическим мотивам «Котика Летаева», в ходе которого усложняются отдельные образы мифа. Самосознающая душа, вынашивающая символического младенца, трактует мифические образы одновременно как иконические и как символические: Белый в прозе возвращается к своим поэтическим загадкам, где реальный и ирреальный планы высказывания пе-

рекрывают друг друга. Чудак Белого действительно путешествует по горам и ледникам Норвегии, поэтому горно-ледниковая образность воспринимается читателем как существующая на самом деле. В то же время лед – это синоним германина или отравленной сигаретки «сэров»: «Кусок твердого льда ощущаю в себе и доселе; его я привез из туманного Альбиона: британец искусными действиями положил в меня лед» [6. С. 390]. Лед также маска и футляр Леонида Ледяного, скрывающего в себе «чудака», который прячется от международного Генерально-Астрального штаба. Это цитат героя трагедии (по высказыванию Белого), оторвавшегося от человеческого рода.

Все события жизни повествователя описываются как происшествия магического порядка и оцениваются в зависимости от соприкосновения со светом или тьмой. Тени проводят на улицах городов черные мессы, используя собственные шифры и трафареты, завлекая к себе прохожих. Их главная цель – «Он», новорожденный младенец, «тот самый, которого ищут повсюду».

На страницах «Записок» находят свое место змеи и драконы из «Котика Летаева», причем змеиная образность одновременно реальна и ирреальна. Доказательством служит история мальчика, увидевшего гада на необитаемом острове. Прошло много лет, мальчик состарился, а история превратилась в сон о безобразном драконе с «колючками перепончатых крыльев», в картину, нарисованную сыном старика, изображавшую младенца и страшного дракона: «Все вздор: биография начинается с памяти о летаниях в космосе: мощными массами – как летают огромными, мощными массами волны» [6. С. 423]. Духовная биография для Белого важнее эмпирической, но правда мифа важнее фантазии, поэтому «Я», опущенное в тело, как в пасть дракона, заставляет это тело болеть и извиваться змеиными массами, т.е. выступать одновременно зеркалом реальности и символа.

Драконье звериное царство, отсылающее читателя к сказочной реальности «Крещеного китайца», включает в себя не только Европу, но и Россию, а точнее, Москву, Арбат и гимназию Поливанова. Преподаватель латыни, или, как его называет Белый, «мучитель латыни», Казимир Кузмич отличается чертами «откровенного ящера»: «Было в ней что-то от птицы: не то от цыпленка, не то от орленка; соединение птицы и ящера в нем выявляло: дракона; они – “Казимир-Кузмичи” – как драконы, роились над снами моими» [Там же. С. 465]. Сны времен гимназии отличаются невероятной яркостью образов, созданных детским сознанием. Так, Казимир Кузмич водит знакомство с обитателями Беллиндрикова Поля: Желторогами, Двурогами, Безрогами и др., которые предлагают «чудаку» недостойные сделки. Опасности, как в жизни, так и на бумаге, ариманизированы. В Казимире Кузмиче есть что-то от черта: он виляет хвостом вишащего фрика, его голова клювовидна, а руки – сжатые цыплячьи лапы «с бугорчатой пузыристой кожей». Из Казимира Кузмича проглядывает то же самое «ничто», пустота домирья, как и из шпионов и сэров Генерально-Астрального штаба. Он символ крушения мира, в котором нарратор отвечает за бла-

гополучие младенца-Духа и несет его в себе как драгоценную чашу Грааля.

Посвятительный путь несения чаши полностью повторяет земной путь Христа, включая дословное воспроизведение топонимов: «Раскинулись куши, где я пребывал сорок восемь часов и откуда прошел я, дивясь и радуясь миссии, мне предначертанной, – в тайные вечера; благословил Копенгаген меня; мы торжественным шествием проходили Берлин: в мои ночи – в саду Гефсиманском – близ Лейпцига, на могилу у Ницше, откуда принес я три листика, – после – упала колючая часть, терзая чело многострадальными днями тяжелого Дорнаха; этот венец я надел в дни падения Варшавы и Бреста; приподнял свой крест; и – безропотно ныне несу его Родине; там, водрузивши, отдам мое тело приставленным воинам; посередине арбатской квартиры повисну» [6. С. 432].

Белый продолжает линию образов, заложенных в первых «детских повестях», но развивает ее, соединяя мифы младенческого сознания с мировидением взрослого через воздействие на них Духа. При этом сходств с образами «Котика Летаева» и «Крещеного китайца» гораздо больше, чем отличий от них – Дух словно бы понуждает рыцаря обратиться к своему внутреннему ребенку, припомнить ту страну, в которой он был до рождения, вернуться в свое детское «Я», в те времена, когда границы между Духом и человеком были стерты. Циклический путь, пройденный ребенком от младенца до взрослого, от ощущающей души до рассуждающей и наконец самосознающей, заканчивается возвращением в точку его начала. Правда, теперь этот путь становится осознанным и художественно осмысленным. Посвятительное путешествие рыцаря позволяет ему пресуществить те далекие, дионисийские, хаотические впечатления детства в произведение искусства.

Связь рыцаря с младенцем у Белого раскрыта также через традиционный как для мифа, так и для романа мотив – погружение в сон. Мотив сна непосредственно связан с концептом рыцарства. Согласно легенде король Артур, получивший смертельную рану в битве с Мордредом, спит вечным сном на волшебном острове Авалон и проснется во время новой великой войны, чтобы спасти Британию. Сон также – неизменный атрибут детства, одновременно эмпирический и символический. Большую часть своего младенчества ребенок проводит во сне, который помогает ему, подобно королю Артуру, набираться сил.

Для А. Белого сон становится приемом медиации, связки между миром сакральным и реальным. Сон обладает возможностью умножения масок, миров, интертекстов. В подобном хронотопе происходит удвоение смыслов: сон-медиатор как символ портала и символизм каждого отдельного элемента сна.

Сны в «Записках чудака» подчинены антилогике детского мировидения. Но так как сняты они не просто человеку, но рыцарю, соединенному с младенцем-Духом, то воскрешенные детским сознанием сказочные мотивы значительно видоизменяются и приобретают черты не символа, а символа-романа. Такова, например, волшебная история о Генерально-Астральном штабе.

В реальности нарратор спит, а во сне бодрствует. И в этом сне-жизни (астрале) его посещают представители разведок всех стран, в том числе немецкой, и подкупают его, подсовывая в душу «астральное золото», в астральное тело вводится «германин», после чего «чудак» превращается в бомбу. По отклонению стрелки символического сейсмографа сыщики определяют миг возрождения души в Духе и пускаются в погоню, одновременно преследуя «младенца» и в астрале, и в его физическом теле: «Едва душа вынырнет из повседневного сна и раскроется, как цветок, по направлению к свету: как... – выстрелит мина; и сэр сообщит, куда следует, что родился “младенец”» [6. С. 290].

Сон в «Записках чудака» воспринимается Белым как посвятельный путь Духа, на который ступила самосознающая душа. Повествователь совершает путешествие на поезде, плывет на пароме, посещает консульства разных стран, гуляет по Лондону, отмечается в Генерально-Астральном штабе, сновидит наяву и бодрствует во сне. В настоящее повествовательное время вплетаются ретроспективы разной степени удаленности от момента наррации. Это и воспоминания из раннего детства, затем гимназия, лето в тульском имении, путешествие с Нэлли по городам Европы, Тунису, Египту и странам Ближнего Востока. Переплетение событий столь тесное, что создает эффект словесного укачивания. Как комната в Норвегии была лишь лодкой меж фьордами, так и текст Белого формой напоминает шхуну, на которой читатель плывет вместе с младенцем «Я». Неясно, чем закончится этот путь и доберется ли корабль до пункта назначения. Возможно, в реальности путешествия не было вовсе: «Может быть, я заснул: среди зеленых диванов московского кабинета; и – мне пригрезилась: Нэлли, уведшая в светлые дали меня; происшествия нашей жизни – приснившийся сон» [6. С. 488].

Для Белого носить младенца в себе – значит быть открытым духовному опыту, переплавить свое «я» в чистый символ, в миф о Духе. Но чтобы соприкоснуться с мифом, нужно стереть границы между сном и реальностью, словом и символом, сознанием взрослого и ребенка, оказаться в междумирье, моменте перехода в инобытие. Открытие в себе младенца, т.е. досознательного опыта и миров иных, требует, во-первых, отказа от себя как существа, не причастного коллективному Духу, и вступления на путь жертвенного рыцарства, а во-вторых, катарсического напряжения эмоций, мистериальной драмы.

Мотив жертвоприношения объединяет триаду повестей. Это еще один важный элемент для анализа символической пары образов «ребенок-рыцарь». Так, духовный учитель Белого Рудольф Штейнер утверждал, что душа в мире ищет путь к божественному, к собственной «мистерии Голгофы» [7]. Сравним с этим желанием мысли Котика Летаева: «...то придвинется стая женщин с крестом: положит на стол; и меня на столе, пригвоздит ко кресту. О распятии на кресте уже слышал от папы я. Жду его» [6. С. 153]. Жертвоприношение – ключевая сюжетная схема мифа, способ преодоления хаоса, созидания мира через добровольную смерть демиурга. Данный паттерн был

заимствован как сказкой (художественное осмысление обряда инициации, в котором происходит символическая смерть посвящаемого юноши), так и рыцарским романом. В «Крещеном китайце» мифологема распятия играет формообразующую роль: «А когда доходило до жертвы, то мы упирались естественно в гущу семейных забот, потому что моею домашней заботой была именно, – жертва: достойно возлечь на огромнейшем камне, чтобы достойно быть закланным: мамою!» [6. С. 271]. Котик Летаев считает отца создателем и устройтелем вселенной, имеющим право требовать отчет об исполнении заветов у древних пророков, но также и отправить на заклание.

За символической смертью следует ритуальное очищение и возрождение. Катарсис осуществляется через приобщение к опыту любви, что одинаково справедливо и для пространства куртуазного романа, и для хронотопа детства. Эмотив «любовь» соединяет отдельные главы повести «Записки чудака» в единое лирико-поэтическое полотно. Повествователь «любуется» Нэлли: она представляется ему то юным ангелом, то посвятельным вестником забытых мистерий, то тонким монашеском, то феей, но, безусловно, всегда олицетворяет Вечную Женственность мира. Это ли не Дульсинея, которой посвящает свои подвиги Дон Кихот?

Нарратор влюблен в глубоко символическую, овеянную Духом природу имения Серебряный Колодезь – он «плачет от нежности» и «исходит любовью», переживает «пылкую любовь к «я» в себе». Ощущение Духа, пронизывающего все живое, побуждает повествователя любить и своего учителя, и нищего в Копенгагене («был охвачен приливом любви перед этой убогой жизнью» [6. С. 303]), любить все до степени растворения в этой любви «ни к чему, ни к кому»: «Стоял, как осыпанный градом ударов, разорванный взрывами мыслей, терзающих все существо бесконечно силой любви» [Там же. С. 335].

Духовную болезнь «чудака» Белый выводит из неспособности выдержать «мощный напор любви». Повествовательное донкихотство, гибель во имя высокого чувства укладываются в традиционную схему рыцарского средневекового романа.

Говоря о рыцарстве, нельзя не упомянуть о традиции освящения оружия, благословения воина христианской церковью, обычае препоясывать мечом юного рыцаря. В тексте Белого подобный ритуал совершается на символическом уровне, с помощью «слова живого». Перед автором стоит грандиозная по своей задумке задача – говорить сразу за трех героев, воплощенных в одном: за ребенка, рыцаря и Духа. В силу этого любая попытка высказывания сводится к поиску некоего универсального языка, очищенного от стилизации и требований литературного жанра. Для этого Белый делает то же самое, что и Котик Летаев в одноименной повести – возвращает слову его внутреннюю форму.

По убеждению Белого, красота, софийность мира зашифрована и скрыта от глаз непосвященных так же, как красный мир хаоса, или, по-другому, Генерально-Астральный штаб Аримана. Шифр есть и у слова божьего, и у слова черта. Шифр проступает сквозь шрифт, на котором пишется каждый новый день жиз-

ни. Это могут быть иконические знаки на улицах городов, жесты «сэров», эмблемы торговых фирм. Любопытно неверно истолкованный знак грозит обернуться своей полной противоположностью. Доказательство этому – история со знаком треугольника (символ Св. Грааля), который стали печатать на калошах. Для Белого сознательное снижение сакрального символа до эмблемы – проделки черта: «Созерцание треугольника на калоше, которою топчем мы (знак божества!), есть пародия на обряд: и неспроста святым этим знаком давно штемпелюют калоши; и ежедневно мы топчем в грязи властный знак божества» [6. С. 349]. И если повествователь, сознание которого выгранено Духом, готовится распять себя и повиснуть «резной пентаграммой под куполом храма», то жесты злых сил, промысляющих поисками младенца, собираются этот храм разрушить.

Задача рыцаря – воспользоваться словом как оружием, а шифром, т.е. символом, как щитом: «Выучились ли мы читать историю? Если выучились, – наша

помощь уже с нами, в нас, в отовсюду проступающей шифре; если шифр этот не до конца нам ясен, – значит надо искать учителя грамоты; где этот учитель? Самопознание» [8. С. 372].

Рыцарю, ведущему борьбу с драконом времени Ариманом, необходимо новое слово, так как его цель – сохранить в себе символического младенца, говорящего на языке Духа и ставшего связующим звеном между памятью мифа и моментом настоящего времени. Вопрос о «слове живом» поставлен Белым в повести «Котик Летаев». Следующие за ней тексты продолжают исследование этой темы. Таким образом, миф о пути Белого раскрывается через эволюцию его образного мира и представляет собой масштабное трехчастное художественное полотно, составленное из отдельных символических новелл. Их героями выступают биографический младенец (мифологическое сознание, душа ощущающая), рыцарь (герой, ищущий теозиса) и символический ребенок (душа самосознающая).

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова Е.В. «Посвятительный миф» в биографии и творчестве А. Белого : автореф. дис. М., 1998. 24 с.
2. Минц З.Г. «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство-СПб., 2004. С. 140–143.
3. Мандельштам О.Э. Андрей Белый. Записки чудака. Берлин, 1922 г. // Сочинения : в 2 т. Проза / сост. и подгот. текста С. Аверинцева, П. Нерлера. М. : Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 292–294.
4. Глухова Е.В. Письма А.Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Ч. 2, вып. 4. М. : Изд-во РГГУ, 2007. С. 215–270.
5. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. М. : Согласие, 1999. 736 с.
6. Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М. : Республика, 1997. 543 с.
7. Штейнер Р. Христос и человеческая душа. М. : Антропософия, 1999. 432 с.
8. Белый А. Душа самосознающая. М. : Канон+, 2004. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 октября 2018 г.

The Connection Between the Images of a Child-Knight in the Triad of “Autobiographical” Stories by Andrei Bely

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 18–23.

DOI: 10.17223/15617793/440/2

Nataliya O. Kononova, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataliyaolkon@mail.ru

Keywords: knight; child; Notes of an Eccentric; Kotik Letaev; The Baptized Chinaman; Bely; mediation.

The connection between the images of a *child-knight* in the triad of Andrei Bely’s “autobiographical” stories (*Kotik Letaev*, *The Baptized Chinaman*, *Notes of an Eccentric*) is analyzed in this article through cultural-historical, comparative and mythopoetic methods. Bely’s stories are organized by a row of crucial images, which have the potential to evolve and substitute one another in the chronotope of the plain and cyclic time. One of these symbolic pairs includes a knight and a child. Bely considers a child as a part of this symbolic chain but also as a link-mediator between the spaces of different virtual realities (a myth, a fairytale and heroic epos). Repeated images merge the “autobiographical” stories, which form a symbolic triad. It is important that the structure of Bely’s literary works and the scheme of his own destiny comply with the triadic concept. The road of initiation begins in mythological pre-existence (*Kotik Letaev*). Afterwards the child oversteps the border between sub-consciousness and reality discovering the new universe (*The Baptized Chinaman*). *Notes of an Eccentric* is the culmination of this course. The child agrees to be crowned by consciousness and therefore sacrifices his link with the myth and makes his first steps on the knight road. Bely postulates that knight-hood is the preserving of an inner child within the soul in spite of numerous “barbaric” invasions. The link between a knight and a child is shown through the sum of motives traditional for knight novels, such as love, a weapon, a dream and a new word. *Notes of an Eccentric* contains the images of snakes and dragons from *Kotik Letaev* and from the fairytale reality of *The Baptized Chinaman*. The sacrifice motif is also common for the stories. A hero awaits purification and resurrection after his symbolic death through the power of love, which is true for a knight novel and for a childhood chronotope. The connection between a knight and a child emphasizes through another traditional motif – a dream. A dream in *Notes of an Eccentric* is a road of initiation for a self-conscious soul. There is a tradition of sword sanctification in knight culture. This ritual in Bely’s stories is conducted by creation of new symbols, vibrant and dynamic words. The hero searches for special language free from stylization and literary genre demands. For these purposes Bely returns words their inner forms. The same method is used by Kotik Letaev in the eponymous story. In the triad of stories, the “myth of a life course” is comprehended through evolution of the motives – from a biographical child, which represents mythological consciousness and a sentient soul, to a knight (a hero in search of theosis) and in the end to the symbolic child (a self-conscious soul).

REFERENCES

1. Glukhova, E.V. (1998) "*Posvyatitel'nyy mif*" v biografii i tvorchestve A. Belogo [An "Initiation Myth" in the biography and works of A. Bely]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Mints, Z.G. (2004) *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 140–143.
3. Mandel'shtam, O.E. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit. pp. 292–294.
4. Glukhova, E.V. (2007) Pis'ma A.R. Mintslovoy k Andreyu Belomu: materialy k rozenkrejtserovskomu syuzhetu v russkom simvolizme [Letters from A.R. Mintslova to Andrei Bely: materials for the Rosicrucian plot in Russian symbolism]. In: *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy* [Russian anthropological school. Proceedings]. Pt. 2, Is. 4. Moscow: RSUH. pp. 215–270.
5. Berberova, N.N. (1999) *Kursiv moy: avtobiografiya* [The italics are mine: autobiography]. Moscow: Soglasie.
6. Belyy, A. (1997) *Sobranie sochineniy. Kotik Letaev. Kreshchenyy kitaets. Zapiski chudaka* [Collected Works. Kotik Letaev. The Baptized Chinaman. Notes of an Eccentric]. Moscow: Respublika.
7. Steiner, R. (1999) *Khristos i chelovecheskaya dusha* [Christ and the human soul]. Translated from English. Moscow: Antroposofiya.
8. Belyy, A. (2004) *Dusha samosoznayushchaya* [A self-conscious soul]. Moscow: Kanon+.

Received: 20 October 2018

М.А. Родина

СПОСОБЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТАИНСТВЕННОГО В РОМАНАХ *THE MINISTRY OF FEAR* Г. ГРИНА И *THE HEAT OF THE DAY* Э. БОУЭН

Сравниваются два англоязычных романа середины XX в.: *The Ministry of Fear* (1943) Грэма Грина и *The Heat of the Day* (1949) Элизабет Боуэн. Романы сопоставляются с точки зрения приемов, которые используют их авторы для создания атмосферы таинственности и тревожности. Делается вывод о том, что хотя романы сходны в трактовке проблемы «другого» и использовании мотива «двойничества», авторы демонстрируют разные способы создания эффекта саспенса.

Ключевые слова: таинственное; жанр; шпионский триллер; мотив двойничества; саспенс.

Роман британского писателя Грэма Грина (1904–1991) *The Ministry of Fear* (1943, в русском переводе Е.М. Голышевой – «Ведомство страха») и роман англо-ирландской писательницы Элизабет Боуэн (1899–1973) *The Heat of the Day* (1949, на русский язык не переведен) объединяет ряд общих особенностей, таких как время и место действия (Лондон во время Второй мировой войны) и интерес к теме шпионажа и предательства. Сходна и судьба авторов, хорошо знавших друг друга и неоднократно встречавшихся. Э. Боуэн, которая родилась и выросла в Ирландии, во время войны работала на Департамент информации Великобритании. В ее задачи входило наблюдение за умонастроением жителей ее родины, сохранявшей нейтралитет в войне, и ее рапорты читал сам Уинстон Черчилль. Г. Грин служил разведчиком в Западной Африке, в Сьерра-Леоне. Таким образом, тема шпионажа была близка им обоим, что и отразилось в творчестве писателей.

Романы *The Ministry of Fear* и *The Heat of the Day* уже сравнивались историками литературы, однако лишь с точки зрения того, что в них изображено, но не как изображено. Так, доктор Петра Рау, преподаватель Университета Восточной Англии в статье «The Common Frontier: Fictions of Alterity in Elizabeth Bowen's *The Heat of the Day* and Graham Greene's *The Ministry of Fear*» рассматривает романы как отражение социальных доминант, хронику времен блица. Мы считаем, что исключительно социологический подход к изучению этих романов не исключен, но не дает полной картины, и его необходимо дополнить анализом конкретных художественных приемов, в частности потому, что авторы рассматриваемых произведений – не беллетристы, а очень серьезные писатели и признанные мастера стиля.

В соответствии с одной из основных особенностей жанра шпионского романа, который всегда характеризуется «акцентом на тревожном ожидании того, что случится с главными героями» [1. С. 503], авторы *The Ministry of Fear* и *The Heat of the Day* создают на страницах своих произведений атмосферу тревоги и недосказанности, обмана и утаивания. Целью данной статьи является анализ приемов и художественных средств, которые используют Г. Грин и Э. Боуэн для достижения данного эффекта. Однако прежде чем перейти к такому анализу, необходимо сказать о жанровом своеобразии рассматриваемых произведений. Можно ли причислить их к жанру «шпионского ро-

мана» лишь потому, что в основе их сюжетов лежит тайна, касающаяся шпионажа?

В то время как классический шпионский роман является разновидностью детектива и, следовательно, в основе его, так же как и в основе детектива, «лежит тайна, раскрываемая работой ума, умственным усилием» [2. С. 264], в рассматриваемых нами произведениях на первый план выходит психология личности, а детективный сюжет имеет скорее вспомогательную функцию. Это, впрочем, не значит, что мы должны вовсе отказаться от обозначенной жанровой характеристики. То, что серьезность темы и глубокий психологизм не исключают детективного сюжета, доказано многократно на примерах самых разных писателей от Чарльза Дикенса до Джона Фаулза. Сам Грэм Грин никогда не скрывал, что использует популярную форму повествования, чтобы быть понятным массовому читателю, но классический детектив в стиле Агаты Кристи и Конан Дойля считал устаревшим. Он утверждал, что аудиторию нужно не просто развлечь, но под маской развлечения преподнести ей свое видение «ужаса, страдания, правды» [3. Р. 94]. Грин окончательно отказывается от разграничения своих романов на «развлекательные» и «серьезные» только в 1969 г. Однако именно после выхода в свет *The Ministry of Fear* в 1943 г. писатель, по его собственному признанию (о чем он пишет в своей автобиографии *Ways to Escape*, опубликованной в 1980 г.), начинает сомневаться в правомерности этих маркировок. Своим любимым жанром он называл «триллер», противопоставляя его детективу.

Как пишет А. Саруханян, «Грин создал три главные модификации шпионского романа: психологический (Ведомство страха), сатирический (Наш человек в Гаване (*Our Man in Havana*, 1958; русский перевод в 1959)) и трагический (Человеческий фактор (1978))» [1. С. 505]. Мы считаем абсолютно правомерной такую классификацию и можем лишь уточнить ее, используя термин, избранный самим автором. Таким образом, мы будем называть роман Грина *The Ministry of Fear* шпионским психологическим триллером.

В романе Э. Боуэн *The Heat of the Day* еще резче, чем в *The Ministry of Fear*, акцентируются внутренние переживания главной героини и еще слабее выражена детективная линия. Сама писательница не настаивала на каком-либо специфическом жанровом обозначении своих произведений. Исследователи называют роман *The Heat of the Day* «шпионской

историей, историей с привидениями, любовной историей» [4. Р. 85], «военной историей, таинственной историей, шпионской мелодрамой» [5. Р. 122]. Так как все они без исключения выделяют аспект «таинственности», присутствующий также и в «триллерах» Грина, и тему шпионажа, то мы считаем обоснованным применять обозначение «психологический шпионский триллер» и в отношении романа *The Heat of the Day*.

Среди тех, кто стоит у истоков шпионской литературы, называют таких писателей, как Фенимор Купер (*The Spy*, 1821), Редьярд Киплинг (*Kim*, 1901), Эрскин Чайлдс (*The Riddle of the Sands*, 1903), Джозеф Конрад (*The Secret Agent*, 1906). Хотя шпионский роман может существовать и как самостоятельный жанр, не связанный с детективом (так у Ф. Купера), как правило, в нем присутствует детективный сюжет, что позволяет говорить о шпионском романе как об одной из модификаций детективного романа. Последний сформировался как отдельный жанр в произведениях А.К. Дойла 80-х гг. XIX в., но зародился намного раньше – главным образом, в новеллах Э.А. По 40-х гг.

Джон Кавелти, один из пионеров в области научного исследования массовой культуры, в эссе *The Literature of Mystery: Some Reconsiderations* убедительно доказывает, что детектив, в свою очередь, берет начало в жанре готического романа. На первый взгляд, детективный и готический романы кардинально различаются: если в детективе всегда находится разумное объяснение происходящему, то в готическом романе попытки рационально объяснить ситуацию разбиваются, и читатель вместе с героями вынужден констатировать существование сверхъестественного. Однако создатель детектива Эдгар Алан По был, безусловно, готическим автором, и в его новеллах реальное и мистическое часто пересекаются. Кавелти пишет, что детектив оказывается «двойником» готической фантастической истории, своеобразным «антидотом» против хаоса и мистицизма [6. Р. 331].

Шпионский детективный роман, возникший на двадцать или сорок (если вести отсчет от Э.А. По) лет позже детектива, тесно связан и с ним, и с породившим его готическим романом, и в полной мере вобрал в себя рациональность первого и таинственность второго. Именно таинственная составляющая позволила Грэму Грину назвать *The Ministry of Fear* триллером. Вторая мировая война – воплощение абсурда и хаоса – внесла свои коррективы в жанр шпионского триллера. Оппозиция «я – другой», присутствующая в любом детективе в виде противостояния сыщика и преступника, здесь приобретает более широкие масштабы, где «я» – это герой, с которым себя идентифицирует читатель, а «другой» – это абсурд. Читатель традиционного детективного романа получает удовлетворение от того, что знает: страшные события, о которых он читает, – лишь игра воображения автора, злодей обязательно будет наказан, а загадки существуют лишь для того, чтобы быть разгаданными в финале. Читатель *The Ministry of Fear* и *The Heat of the Day* не обладает таким успокоительным знанием, по-

скольку война – не выдумка, а абсурд не может быть побежден и наказан.

Более того, в мире абсурда «другим» может оказаться не только враг, но и ты сам. Доктор Петра Рау ключевым вопросом шпионской литературы называет вопрос «Кто мой враг и как мне узнать его?» [7. Р. 38]. Если в классической, детективной модификации шпионского романа ответ на этот вопрос нужно искать вовне, то в психологическом шпионском романе внешний враг уступает место внутреннему. Это означает не только то, что врагом может оказаться не немец или австриец, как в романе Грина, а соотечественник-англичанин, как в романе Боуэн, но и то, что герой сомневается в самом себе, не уверен в собственной невиновности. В *The Ministry of Fear* это происходит за счет того, что герой, Артур Роу, теряет память после взрыва. Ему сообщают, что он убийца, но он не может ни подтвердить это, ни опровергнуть. Ситуация усугубляется тем, что хотя он невиновен в том убийстве, в котором его обвиняют, он на самом деле убийца, «убийца из жалости», отравивший свою неизлечимо больную жену. Воспоминание об этом лежит глубоко в его подсознании и настолько болезненно, что психика не позволяет ему добраться до него, но чувство вины – это именно тот внутренний враг, с которым Роу борется с начала до конца повествования.

В *The Heat of the Day* главная героиня Стелла Родни принуждена сомневаться в человеке, которого она любит, – Роберте Келвее, так как некто Харрисон, представившийся агентом британской внутренней разведки, утверждает, что Роберт – агент «пятой колонны». Сомневаясь в том, кого она любит, Стелла фактически сомневается в самой себе. Героиня испытывает постоянное чувство тревоги не потому, что находится в любовной связи с врагом, а потому, что не уверена, что для нее важнее – эта связь или связь с родиной.

Таким образом, важнейшим способом моделирования таинственности является создание писателем ситуации, когда стирается граница между «я» и «другим» и герой, с которым себя идентифицирует читатель, испытывает страх обнаружить врага в самом себе.

Мотив двойничества также играет важную роль, отсылая нас, прежде всего, к романтикам и «мистическим» произведениям Гофмана («Золотой горшок», «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер», «Житейские воззрения кота Мурра»). Со времен романтизма и до новейшей литературы мотив двойничества всегда добавлял «таинственности» произведениям, независимо от присутствия в них детективной линии (помимо произведений Гофмана здесь можно выделить, например, «Вильяма Вилсона» Э.А. По (1839), «Странную историю докора Джекила и мистера Хайда» Р. Стивенсона (1886), «Преступление и наказание» Достоевского (1866), «Тень» Е. Шварца (1940)).

Главный герой *The Ministry of Fear* Артур Роу оказывается своим собственным двойником, когда после потери памяти ему навязывают новую личность – Ричарда Дигби. Когда Дигби видит в газете фотографию Роу, он не узнает себя. Происходит в каком-то

смысле раздвоение личности: «The photograph showed a lean shabby clean-shaven man. All photographs of criminals looked much alike...» [8. P. 152]. Потеряв память, Роу забывает и о том, что он убил свою жену, поэтому процесс узнавания себя, воссоединения с собой прежним происходит болезненно, даже несмотря на то, что он не вспоминает об убийстве супруги: «This isn't me, he thought, as that lean shaven other face came into focus. They didn't fit: the memories he had of twenty years ago and Arthur Rowe whom the police wanted to interview...» [Ibid.]. Части романа названы «The Unhappy Man» и «Happy Man», чтобы показать контраст между Роу, отягощенным знанием о своем преступлении, о войне, о несправедливости жизни, и Дигби с его подростковым восприятием мира и себя. Позже, когда герой, вспомнивший большую часть своих приключений, попадает обратно в клинику, он уже не ассоциирует себя со своим «счастливым» двойником: «He thought of Digby now as a stranger – a rather gross, complacent, parasitic stranger whose happiness had lain in too great an ignorance» [8. P. 196].

Дигби не узнает в психиатре Форрестере, который его лечит, доктора Форрестера со спиритического сеанса миссис Беллэйрс, на которого Роу обратил особое внимание, так как доктор не вписывался в собравшуюся компанию. Доктор, таким образом, тоже оказывается своим собственным двойником, как и другой сообщник нацистской группировки, который появляется вначале под фамилией Кост, затем Треверс и наконец Форд.

Погибший от их рук сотрудник частного детективного агентства Джонс (Jones) имеет своего двойника в виде Джонаса (Johns) – помощника и почитателя доктора Форрестера. Оба эти героя воплощают образ «маленького человека» в романе, что подчеркнуто их ничего не выражающими фамилиями. Вводя двух Джонсов в повествование, автор показывает, что человек, никак не связанный с политической игрой, простой обыватель, может быть втянут в нее помимо своей воли и пострадать от этого.

Как и в традиционном шпионском романе, герои психологического шпионского триллера скрываются под множеством личин, называются чужими именами. Тот, кто первым предлагает помощь и обещает ее самым своим именем – Вильям Хильфе (hilfe (нем.) – помощь), оказывается предателем. Настоящую помощь оказывает человек с той же фамилией – сестра Вильяма Анна. В романе Анна играет роль двойника Вильяма: когда Роу встречается с ними, он замечает, что они похожи внешне, а когда ради спасения Роу Анна ломает брату руку подсвечником, она бледнеет так же, как и Вильям: «Both their faces were white... In their pain they were like twins» [8. P. 221]. Помимо внешности и родственной связи их объединяет упорство в достижении целей. Если брат готов пойти на все ради абстрактных идей, то сестра идет на любые жертвы ради любви.

Двойники романа *The Heat of the Day* – нацистский агент Роберт Келвей и британский разведчик Харрисон. То, что Келвей – предатель, Стелла знает только со слов Харрисона, который предлагает ей стать его любовницей в обмен на то, что он не будет преследо-

вать ее возлюбленного. Такое поведение Харрисона в глазах читателя делает его не лучше предателя родины: если Келвей как британский солдат нарушает кодекс чести, то Харрисон нарушает моральный кодекс.

Когда Келвей признается Стелле, что он действительно нацистский шпион, ее охватывает страх, так как она больше не может сказать, что знает его, во всяком случае, она знает его не лучше, чем Харрисона. Именно в этот момент Стелла осознает ситуацию двойничества и ей кажется, что тот, кто был Харрисоном, стал Робертом: «It seemed to her it was Robert who had been the Harrison» [9. P. 266].

Другая героиня *The Heat of the Day*, Лу, узнав из газет о гибели Роберта Келвея, упавшего с крыши дома, где жила Стелла, сомневается, не Харрисон ли упал на самом деле, скрываясь под другим именем: «For a moment she wondered whether it might not be Harrison who had fallen, under another name» [Ibid., P. 295]. Заблуждение Лу понятно: единственный раз она видела Стеллу в кафе с Харрисоном, а о Келвее ничего не знала. Однако мотив двойничества выражен в этой цитате вполне эксплицитно.

Лишь в конце романа, в последнюю встречу Стеллы с Харрисоном, мы узнаем, что его, как и Келвея, зовут Роберт, и это, как ничто другое, указывает на сознательное использование Боуэн мотива двойничества в качестве одного из способов моделирования таинственного в своем романе.

Использование авторами мотива двойничества заставляет читателя вместе с героями гадать, кто есть кто, и сомневаться, где правда, а где ложь. Если бы Харрисон в романе *The Heat of the Day* не был «двойником» Келвея, а был бы его антиподом – смелым, благородным, патриотичным, – читатель сразу поверил бы, что Келвей – предатель, и никакой тайны в романе бы не было. В *The Ministry of Fear* мотив двойничества создает путаницу, необходимую для того, чтобы читатель почувствовал себя соучастником детективной истории и попытался самостоятельно расставить все по местам, прежде чем узнать ответы.

Таинственность в рассматриваемых нами романах моделируется также за счет эффекта саспенса, т.е. ощущения беспокойства и напряженного ожидания, которое, по замыслу автора, должен испытывать читатель. Исследователи творчества Грина отмечают, что напряженная и таинственная атмосфера в *The Ministry of Fear* создается за счет варьирования темпа повествования. Соотношение бессобытийного и событийного времени создает впечатление то быстрого, то медленного темпа: «The emphasis falls now on physical action and suspense and now on character and motive, and these differences are carefully exaggerated by pronounced changes of tempo» [10. P. 197]. Темп повествования убыстряется при приближении к пиковым точкам, переломным моментам в судьбе героя. Так как события романа происходят во время лондонского блица, в двух случаях такой пиковой точкой становится взрыв. Первый раз после падения на дом Роу бомбы исчезает и странный незнакомец, требующий отдать ему пирог, который Роу выиграл на ярмарке, и сам пирог. Второй раз бомба, которую Роу, сам того не зная, принес в чемодане в гостиничный номер, становится причиной его

амнезии. Чем ближе новый взрыв, тем больше встреч и неожиданностей на страницах романа. Таким образом, читатель уже по ускоряющемуся темпу повествования понимает, что скоро произойдет что-то важное, и заранее готовится к этому, а потому нарастает и саспенс.

Иной прием использует Элизабет Боуэн. Темп повествования в *The Heat of the Day* относительно ровный, а основное, за счет чего моделируется саспенс, – это пробелы в сюжете, лакуны, некоторые из которых так и остаются незаполненными. Если в романе Грина финал дает читателю ответы на все вопросы, то в романе Боуэн проявляется далеко не все. Писательнице удается вызвать в читателе ощущение угрозы, страха, нервного напряжения с помощью значимого молчания. Она так и не раскрывает, как Роберт Келвей «продает страну», чем именно занимается Харрисон и насколько он влиятелен, каким образом Харрисон был знаком с кузеном Стеллы Фрэнсисом и что означало это знакомство. В романе больше вопросов, чем ответов, и главный из этих вопросов – тайна гибели Роберта Келвея. Признавшись, в ответ на прямой вопрос Стеллы, в том, что он действительно нацистский шпион, Роберт пытается выбраться из ее квартиры по крыше, так как считает, что за домом следит Харрисон или кто-то из его людей. Вероятно, это правда, хотя прямого подтверждения в тексте нет. О падении Роберта с крыши мы узнаем лишь постфактум из начала следующей главы: «That day whose start in darkness covered Robert's fall or leap from the roof had not yet fully broken when news broke: the Allied landings in North Africa» [9. P. 281]. Роберт, как известно читателю, прихрамывает из-за ранения, полученного на войне, поэтому он действительно мог соскользнуть с крыши, но не исключены и другие варианты: например, что Харрисон ждал его на крыше и у него не было иного выбора, кроме как прыгнуть вниз. Стелла в последнюю встречу с Харрисоном прямо обвиняет его в убийстве Роберта, но британский разведчик не подтверждает и не опровергает эти слова. Таким образом, можно говорить о намеренном умалчивании или сюжетной «лакуне», используемой автором для моделирования таинственного в этом произведении.

Такие лакуны позволяют читателю самостоятельно додумывать, достраивать те части сюжета, которые не даны в романе прямым текстом, но читатель никогда не может быть уверен, что его предположения абсолютно верны: «...Bowen's narrative gaps produce a form which allows the reader to construct his or her narrative. Yet, the lack of conclusive plots in her novels suggests the failure of these subsequent assumptions to adequately compensate for the losses to which they respond» [11. P. 68]. Саспенс в романе Боуэн присутствует за счет того, что читатель находится в томительном и тревожном ожидании разгадки, но разгадка так и не дается.

Мы выделили и рассмотрели на конкретных примерах три аспекта моделирования таинственного, в двух из которых романы Грина и Боуэн схожи, а в одном различны. На уровне психологии таинственность моделируется за счет особой трактовки экзистенциальной оппозиции «я – другой». Оба автора ставят проблему «другого» таким образом, что «другим» герой оказывается сам для себя. На уровне мотивировки напряженная атмосфера в обоих романах поддерживается благодаря использованию мотива двойничества, что сближает эти произведения, написанные в середине XX в., с готическим романом эпохи романтизма. Третьим аспектом, который мы выделили, является эффект саспенса, при создании которого писатели используют различные методы. Если саспенс в романе *The Ministry of Fear* создается за счет ускорения и замедления темпа повествования, то в романе *The Heat of the Day* его источник – значимые умолчания, сюжетные лакуны.

Таким образом, мистическая составляющая оказывается важной частью интересного и своеобразного жанра психологического шпионского триллера, который разрабатывается двумя писателями практически в одно и то же время и который можно было бы ошибочно отнести к «массовому», «коммерческому» жанру, если бы не серьезность проблематики и глубочайший психологизм, а также если бы его авторы не зарекомендовали себя в качестве одних из самых крупных и талантливых писателей XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарухания А.П. Шпионский роман // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. М., 2005. С. 503–506.
2. Хорхе Луис Борхес. Детектив // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. С. 263–272.
3. Greene Graham. The Pleasure Dome: Collected Film Criticism, 1935–1940. London: Secker and Warburg, 1972. 284 p.
4. Bennet A., Royle N. Elizabeth Bowen and the Dissolution of the Novel: Still Lives. New York: St. Martin's Press, 1995. 181 p.
5. Lassner Ph. Elizabeth Bowen. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1990. 176 p.
6. Cawelti John G. Mystery, Violence, and Popular Culture: Essays. Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin Press, 2004. 410 p.
7. Rau Petra. The Common Frontier: Fictions of Alterity in Elizabeth Bowen's *The Heat of the Day* and Graham Greene's *The Ministry of Fear* // Literature & History. 2005. Vol. 14. P. 31–85.
8. Greene Graham. The Ministry of Fear. Harmondsworth, Ringwood: Penguin, 1965. 237 p.
9. Bowen Elizabeth. *The Heat of the Day*. London: Cape, 1949. 319 p.
10. Allott K., Farris M. The Art of Graham Greene. New York: Russel & Russel, 1963. 253 p.
11. Faragher M. The Form of Modernist Propaganda in Elizabeth Bowen's *The Heat of the Day* // Textual Practice. 2013. Vol. 27, is. 1. P. 49–68.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 октября 2018 г.

The Means of Modeling the Mysterious in the Novels *The Ministry of Fear* by Graham Greene and *The Heat of the Day* by Elizabeth Bowen

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 24–28.

DOI: 10.17223/15617793/440/3

Maria A. Rodina, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: rodina-ma@outlook.com

Keywords: mysterious; genre; spy thriller; duality motif; suspense.

The article compares two twentieth-century English novels: *The Ministry of Fear* (1943) by Graham Greene and *The Heat of the Day* (1949) by Elizabeth Bowen in terms of the techniques used by their authors to create the atmosphere of mystery. The choice of the material is justified by the evident similarities in the plots of the two novels, and also by the fact that both authors were acting as British secret agents during World War II, and thus their view on espionage (which is the main topic in both novels) is worth studying closely. These two novels have already been compared by the researchers outside Russia; however, the emphasis was made on the sociological aspect, whereas the aim of this research was to figure out the artistic means and the reasons why these literary works arouse the feeling of anxiety and thrill in the reader. Besides, the author of the article aspired to see whether the authors employ the same or different techniques when their intention is to bring the mysterious into their plot. The analysis of the methods of modeling the mysterious is preceded by the study of the genre. It seemed absolutely necessary to introduce such a study as the mystery in literature has always been seen as an indispensable part of a detective story, spy story or horror story, and the research would be incomplete without the profound understanding of the connection of the novels with these genres or the account of their history and development. It is concluded that the genre of *The Ministry of Fear* and *The Heat of the Day* can be most accurately defined as a “psychological spy thriller”, bearing many of the typical traits of the spy story on the one hand and concentrating on characters’ mind and feelings on the other. However, in this research the author reinforces the idea that despite this connection with the detective genre the novels by Greene and Bowen cannot be seen as part of ‘mass’ literature. The analysis of the novels shows that they are similar in the way they interpret the existential problem of “the other” and in how they use the duality motif. The main characters in both novels (Arthur Rowe in *The Ministry of Fear* and Stella Rodney in *The Heat of the Day*) are searching for the enemy only to find him in themselves. At the same time each, of the two systems of characters has its pairs of ‘twins’: while there is only one, though a major one, in Bowen’s novel (Robert Kelway and Robert Harrison), there are lots of them in Greene’s novel, because here most of the characters lead a double life. Still, the authors employ different ways to create the suspense effect. While Graham Greene achieves this by the changes of tempo which becomes faster each time something dreadful or shocking is going to happen, Elizabeth Bowen makes use of the lacunae in the plot. Missing information makes readers wonder and try to fill in the gaps by themselves and the fact that the author never gives them the final answer whether they have guessed right adds a lot to their anxiety.

REFERENCES

1. Sarukhanyan, A.P. (2005) Shpionskiy roman [Spy novel]. In: Sarukhanyan, A.P. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' angliyskoy literatury XX veka* [Encyclopedic dictionary of English literature of the 20th century]. Moscow: Nauka.
2. Borges, J.L. (1990) Detektiv [Detective story]. In: Stroeve, A. (ed.) *Kak sdelat' detektiv* [How to write a detective story]. Moscow: Raduga.
3. Greene, G. (1972) *The Pleasure Dome: Collected Film Criticism, 1935–1940*. London: Secker and Warburg.
4. Bennet, A. & Royle, N. (1995) *Elizabeth Bowen and the Dissolution of the Novel: Still Lives*. New York: St. Martin’s Press.
5. Lassner, Ph. (1990) *Elizabeth Bowen*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan.
6. Cawelti, J.G. (2004) *Mystery, Violence, and Popular Culture: Essays*. Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin Press, 410 p.
7. Rau, P. (2005) The Common Frontier: Fictions of Alterity in Elizabeth Bowen’s *The Heat of the Day* and Graham Greene’s *The Ministry of Fear*. *Literature & History*. 14. pp. 31–85. DOI: 10.7227/LH.14.1.3
8. Greene, G. (1965) *The Ministry of Fear*. Harmondsworth, Ringwood: Penguin.
9. Bowen, E. (1949) *The Heat of the Day*. London: Cape.
10. Allott, K. & Farris, M. (1963) *The Art of Graham Greene*. New York: Russel & Russel.
11. Faragher, M. (2013) The Form of Modernist Propaganda in Elizabeth Bowen’s *The Heat of the Day*. *Textual Practice*. 27 (1). pp. 49–68. DOI: 10.1080/0950236X.2013.752218

Received: 13 October 2018

В.В. Филичева

КРУГ ЧТЕНИЯ ГЕРОЕВ Ф. СОЛОГУБА КАК ФОРМА САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ. «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧИТАТЕЛИ»

Статья написана при поддержке гранта РНФ № 14-18-01970 «Создание международного научно-информационного портала “Документальное наследие русской литературы: источники и исследования”».

Рассматривается один из типов читателя – имеющего автобиографические черты. Этот тип нашел продолжение в образах поэтов, изображенных Ф. Сологубом в рассказах («Лелька», «Мышеловка», «Помнишь, не забудешь»). Самоопределение писателя в литературном кругу современников проявилось как на уровне описаний героев, так и на уровне высказываний о литературе. Цитирование же собственных поэтических текстов не только подкрепляет биографический материал, но носит зачастую иронический характер.

Ключевые слова: Ф. Сологуб; круг чтения; литературная репутация; автобиографизм; автоцитирование.

Чтение героев литературных произведений – проблема, давно и в разных аспектах привлекавшая внимание литературоведов. Рассмотрение Н.Д. Кочетковой «постоянного преломления в литературе» чтения на материале произведений русского сентиментализма позволило исследовать особенности героя по его «отношению к книге, кругу чтения, самому процессу чтения», выявить и обобщить характерные особенности литературного героя эпохи (направления) [1. С. 121]. Мы же, не ставя себе целью обобщение для всего литературного направления, рассмотрим особенности чтения героев у одного конкретного автора – Ф. Сологуба. Этот своеобразный историко-социологический материал дает представление об образе читателя-современника в том виде, как его представлял автор.

Метод анализа круга чтения писателя через изучение чтения персонажей его произведений, отражающий в некоторой степени и авторское отношение к литературе, к конкретным писателям, особенно актуален в случае Сологуба, который был библиофилом и собрал в своей библиотеке большую коллекцию книжных редкостей, а также утверждал, что великие писатели «всегда работали на чужих материалах» [2. С. 405]. Особенно ценным этот материал становится, если учитывать, что Сологуб не оставил развернутых документальных свидетельств и высказываний о литературном труде ни в критических статьях, ни в письмах. Немногочисленные воспоминания современников, в основном относящиеся к 1920-м гг., все-таки не дают подробной характеристики литературных пристрастий писателя, да и во многом должны восприниматься со скидкой на эпоху.

«Упоминание отдельных произведений и их авторов, эпиграфы, цитаты, реминисценции», по мнению Н.Д. Кочетковой, обнаруживают «литературную ориентацию» писателя [1. С. 121]. Анализ в этом плане творчества Сологуба представляется особенно важным по тому положению, которое он стремился занимать в литературном процессе, – независимому, вне групп и направлений.

Сохранившаяся часть библиотеки писателя также не может дать подробной характеристики его круга чтения: в ней нет книг, с которыми Сологуб познакомился в юности, и поэтому она свидетельствует о чи-

тательских пристрастиях неточно, тем более что его книжные приобретения относятся к позднему периоду жизни. Отметим в связи с этим автобиографический мотив в неопубликованном плане повести «Санина молитва», датированном 30 июля 1892 г.: «Даровитый мальчик Санька. Жажда ученья. <...> Зависть к владельцам книг» [3. Л. 166].

Читателей, изображенных Сологубом, можно условно разделить на несколько групп по отношению к чтению и книгам. Первая и самая крупная группа это «автобиографические читатели». О том, что они автобиографические, свидетельствуют совпадения, которые находятся в воспоминаниях о высказываниях писателя более позднего периода.

Своих любимых авторов и произведения Сологуб отдал Николаю, герою незавершенной юношеской поэмы «Одиночество». В плане поэмы очерчен круг чтения героя, не вошедший в оформившийся текст (впрочем, до этой стадии дошли всего два фрагмента поэмы): «Гомер, Вергилий. Скука, сочувствие к Терситу, забавляла драка богов. Вергилий – бросил в начале. Читал по обязанности. К классике чувствовал отвращение. “Золотой осел”. Поль де Кок, не нашел его слишком пикантным и бросил. Вольтер. Отвращение к эпосу и любовь к заунывным народным песням. “Дон Кихот”. Гете и Шиллер. Дант. Шекспир. “Робинзон Крузо”. Голдсмит. Филдинг. Смоллет. Некрасов. Достоевский. Гофман. Шпильгаген. Ауэрбах. Гейне. Жорж Занд, Бальзак, Флобер, Фрейтаг, Доде, Золя, Гонкур, Диккенс, Теккерей, Байрон». Пересечения с этим списком находим, например, в воспоминаниях о Сологубе П.Н. Медведева: «Читал очень много. В 8–9 лет особенно “Робинзон Крузо” в переводе Кампе <...> басни Крылова в издании с превосходной биографией Плетнева; “Король Лир” в пер. Дружинина» [4. С. 23]. Ср. у Ан. Н. Чеботаревской: «Из первых прочитанных книг совершенно исключительное впечатление произвели: “Робинзон Крузо”, “Король Лир” и “Дон Кихот”» [Там же].

В этом фрагменте среди вполне канонических авторов и книг названо то, что сам Сологуб читал и ценил, явно выражены некоторые личные пристрастия: из русских прозаиков есть только Достоевский, из всех русских поэтов назван один Некрасов, которому Сологуб в юности подражал (см.: [5. С. 957–958, 966]).

Количественно преобладают французские авторы, свое место занимают и «детско-юношеские» «Дон Кихот» с «Робинзоном Крузо», однако сюда же попали популярные в свое время Шпильгаген и Ауэрбах. К тому же отмечена «любовь к заунывным народным песням».

В черновиках незаконченного рассказа «Барышня и босой» М.М. Павлова обнаружила еще один случай такого описания чтения: «Он учился в городском училище, был прилежен, считался хорошим учеником и любил читать книжки, в которых рассказывались трогательные истории. Он читал их, забившись в дальний угол, и втихомолку плакал над ними. Так перечитал он много книг, случайно попадавшихся ему в руки: Некрасова и Льва Толстого – и ауэрбаховский роман “На высоте”, и Шпильгагена “Один в поле не воин”. Иногда попадались ему лубочные книжки, “Битва русских с кабардинцами” или что-нибудь вроде. Если не было лучшего, он читал и это, но стыдился такого чтения. Зато сказок он не стыдился и Андерсена брал из школьной библиотеки несколько раз. Если книга ему нравилась, он не мог читать ее быстро, запоем: прочтет несколько страниц, раскраснеется, глаза увлажнятся, – он отложит книжку и принимается мечтать» [4. С. 105]. Образ Саши, о котором идет речь в этом фрагменте, исследовательница предлагает рассматривать как художественную матрицу типа главного героя сологубовской прозы (Логина и Триродова), а этот тип, в свою очередь, носит устойчивые автобиографические черты.

Таким образом, мы можем говорить об устойчивом наборе авторов и книг, которые, с одной стороны, упоминаются в произведениях Сологуба и характеризуют его круг чтения, с другой – относятся к раннему периоду его жизни и творчества, т.е. оставляют огромный пробел, если бы мы хотели судить по упоминаниям о круге чтения автора в целом.

В дальнейшем в произведениях подробные перечисления того, что читал герой, очень редки, данный прием не характерен для поэтики Сологуба. Зато сохранился образ читателя, спрятавшегося от окружающего мира, плачущего над книгой, отвлекающегося на мечты. И уже Саша Пыльников, отвечая на вопрос Людмилы, что же он читает, протестует: «Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю, да стихи» [6. С. 115]. Черты автобиографического героя детства и юности Сологуба сохраняются в творчестве зрелого автора в образах читающих детей и подростков. Неслучаен и экслибрис, который был выполнен другом Сологуба В.Е. Григорьевым-Додди (находится в частной коллекции) в 1921 году: «...на экслибрисе (возможно, он не был тиражирован) изображен обнаженный мальчик, сидящий в задумчивой позе, с книгой на коленях на библиотечной лестнице, между двух шкафов с книгами, ниже надпись: “Книги Федора Сологуба”» [7. С. 135–136].

Лелька, герой одноименного рассказа (1897), пишущий стихи деревенский мальчик, скрывающий это занятие от отца, который говорит: «...взялся учиться, так учись, а глупостями не занимайся», считая, что эти «глупости» могут оказаться «пасквилями» [8. Т. 1. С. 495] (отметим, что здесь впервые появляется мотив

исходящей от литературы угрозы, которая занимает общественное сознание, – мотив, играющий немало важную комическую роль в «Мелком бесе»).

Повествователь в «Лельке», прогуливаясь за городом, встречает мальчика, который, сидя на берегу реки, читает стихи Надсона «Не знаю отчего, но на груди природы...». Далее рассказчик заводит беседу с мальчиком и едет кататься с ним на лодке, где просит «почитать» еще что-нибудь. Лелька рассказывает стихи Лермонтова и Некрасова, а затем и свое собственное стихотворение (все эти стихи не цитируются и не названы). «Мне было грустно и странно смотреть на этого мальчика. – резюмирует повествователь. – Что из него выйдет? <...> Или и точно это сила, стремящаяся найти себе исход в свободной деятельности, – сила, которая победит препятствия?» [Там же].

Этот близкий по времени написания к «Одиночеству» и «Барышне и босому» рассказ (черновик, озаглавленный «Маленький поэт», датирован 13 мая, 21 июня 1890 г.) превосходит их по объему и, помимо указания на иные интересующие нас литературные имена, содержит концептуальные публицистические интенции, утраченные при переработке (рассказ был почти полностью переписан, сюжетно не изменившись). В первом варианте дано больше лирических описаний природы и местности, приведено больше деталей о повествователе (переезжающем из Тихого Омута в Куличики) и о самом Лельке и его семье.

Первоначально и среди прочитанного Лелькой были названы другие авторы: «Он прочел мне два стихотворения, – [сначала гр. А. Толстого: Острою секирой ранена береза,] Никитина и Некрасова. Мне стало грустно; рассеянно слушая вспомнил я, что все подростки, все юноши, которых я встречал, все [больше нас] как-то чаще предпочитали стихи с печальным содержанием, [и из любимых поэтов выбирали стихи] слабые или сильные, все равно» [9. Л. 4 об.]. А.К. Толстой, тут же исправленный на Никитина, был в итоге заменен на Лермонтова.

В окончательной редакции момент прочтения собственного стихотворения мальчиком описан коротко: «Он сказал незнакомое мне стихотворение. Сначала голос его был робок и тих, но мальчик быстро справился со своим волнением. Стихи были слабы по форме, но подкупали искренностью и свежестью чувства» [8. Т. 1. С. 494]. В первой редакции этот момент не только был более распространен, но и само стихотворение мальчика было названо: «Леля прочел незнакомое мне стихотворение. Сначала голос его был робок и тих, но мальчик быстро справился со своим волнением, как справляется молодой коршун с противным ветром. [который вдруг набежал сзади, взлохматил на миг его крылья; но не сможет свалить на землю <...> и гордо расправив свои крылья, летит коршун с удвоенной быстротой прямо туда, куда влечет его зоркий глаз, завидев вдали лакомую добычу.

– Безмерно душен и тяжел etc.]» [Там же. Л. 5].

Сологуб, очевидно, предполагал процитировать свое стихотворение 1884 г., опубликованное только в 1909 г. под названием «Жарким летом», по содержанию близкое стихотворению Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...». Чтение Некрасова,

подражание ему, в котором сходятся герой и автор, выступает, таким образом, ключом к рассказу, автобиографический контекст которого оказывается скрытым во второй редакции.

Замененное впоследствии на Лермонтова имя выходца из народа И.С. Никитина было как нельзя более кстати в контексте и публицистических рассуждений. В черновом варианте рассказа и сам Лелька больше говорит о своем житье, и его отец. Все, что подверглось сокращению при переработке, в черновике было обрамлено рассуждениями повествователя, согласующимися с позднейшими педагогическими статьями Сологуба: «Что я могу? – Он не должен погибнуть, если силен душою!.. [Не погиб же Ломоносов и многие другие. Да, но и Ломоносов легко мог замерзнуть на дороге.] Но спасут ли силы души маленького оборвыша от зимней простуды, от изнурения тяжелым физическим трудом, от отравы душным воздухом или угаром его хижины, от миллиона случайностей и мелочей, из которых соткана грубая ткань жизнь этих пасынков судьбы? В каждом углу моей родины вянет и гаснет не одна молодая, талантливая сила под гнетом невозможности и неизбежности. Что же делать? Так надо... Роли на жизненной сцене розданы [окончательно и] бесповоротно; кто получил роль не по себе, тот может уходить из жизни, умирать. Станет просторнее! Ни для кого не нужен наплыв к свету и знанию голодных и оборванных бедняков: ведь это лишние соперники [нашей воображаемой] в той нелепой сутолоке, которую мы зовем борьбою за существование. <...> Пускай из них могли бы [образоваться] выйти Ньютоны, Шекспиры, – не проще ль, не спокойней ли оставить их на произвол судьбы, и заняться приготовлением легких путей [и сладких хлебов] для благовоспитанных девочек и породистых мальчиков? [Не проще ли не тревожиться?]]» [9. Л. 8 об. – 9].

Тема народных талантов в дальнейшем появлялась в статьях Сологуба, перерастая в тему притеснения русских писателей: «Наше общество, преклоняясь перед шумными успехами, все еще по-детски не умеет беречь великих избранников» [10. С. 2]; «Тогда, как и теперь, не думали, что таланты следует оберегать» [11. С. 23] и др.

В дальнейшем же эти мальчики преобразились во взрослых поэтов. Помимо Триодова, в котором рецензенты «Творимой легенды» заметили автобиографические черты, в рассказах Сологуба немало других «взрослых» писателей, образы которых сопоставимы с самим автором.

Один из них – поэт-декадент Приклонский из рассказа «Рождественский мальчик» (1897), единственный из персонажей, ничуть не удивленный тому, что ему рассказывают о мальчиках-призраках, и имеющий этому объяснение. Современники подхватили это объяснение и, цитируя в рецензиях, применяли его ко всему сборнику «Истлевающие личины», куда был помещен рассказ: «...так старается объяснить один из персонажей Сологуба то, что совершается вокруг нас в последние годы: “Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разновидности жизни на земле. Теперь

энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию, – она стремится к тому, чтобы осознать себя”» [8. Т. 1. С. 635]. Приклонскому же отдана еще одна характеристика, сближающая его с самим автором: «...начал рассказывать, по обычаю своему, очень парадоксально, что все писатели разделяются на два разряда: дилетанты и шарлатаны» [Там же. С. 634]. А.Р. Магалашвили указал на схожее высказывание Сологуба в воспоминаниях Тэффи: «Я всех писателей разделяю на графоманов и дилетантов» [12. С. 64].

Еще более показательный пример – «старый поэт» Сергей Ланин из рассказа «Мышеловка» (1913), о котором говорится: «...мало кому нравились его скромные, томные, нежные стихи. В них не было ни экзотических мотивов, ни слишком повседневных, ни технических терминов, вообще ничего резкого, задевающего внимание. Это была поэзия интимная. Кому же она нужна!» [8. Т. 5. С. 591]. Учитывая, что рассказ написан около 1913 г., понятно, что Сологуб говорит об экзотике, резкости современных ему поэтов – акмеистов и футуристов. (В черновике рассказа во всем тексте герой именуется только «старым поэтом», имя его вписано позже, что создает некоторую параллель с «маленьким поэтом» Лелькой.)

Трудно сказать, насколько Сологуб подразумевал себя под «старым», признанным поэтом, но на эту роль он годился: рассказ написан в то время, когда уже вышло 20-томное собрание его сочинений. Изображенный в рассказе поэт – библиофил. Хотя Ланин «был беден», «значительную часть» денег «он тратил на покупку книг»: «И вот книг у него накопилось много. Так много, что его небольшая о трех крохотных комнатах квартира <...> была загромождена этими грузными конденсаторами пыли. Книги стояли и лежали в шкапах, в открытых полках, на диванах, на стульях и просто на полу. Многие были даже не разрезаны: купить книгу легче, чем прочесть ее» [Там же. С. 592]. Завершающая описание сентенция двусмысленна: ее можно читать и как выражение самоиронии старого библиофила, и как насмешку над читателем, не способным «прочесть», усвоить содержание «скромной», «нежной» литературы, не претендующей на то, чтобы непременно задеть его внимание. Но и судьба книг, которые издаются именно с этой задачей, такая же: быть купленными из-за внешних, посторонних содержанию свойств и остаться неразрезанными «конденсаторами пыли».

В черновике рассказа есть еще один характерный фрагмент, не включенный в окончательную редакцию: «Мой поэт не достиг еще того возраста (старости. – В.Ф.), но уже стихи давались ему с трудом, а проза и еще труднее. Впрочем, он и смолodu отличался больше скромностью и прилежанием, чем талантом» [13. Л. 2]. Вместо него попал смягченный вариант, не характеризующий его писательские способности: «Моему поэту, Сергею Григорьевичу Ланину, далеко еще было до этого возраста, но уже в волосах его виднелось немало серебристых нитей, и в углах глаз притаились мелкие морщинки» [8. Т. 5. С. 591].

В «Помнишь, не забудешь» (1911) писатель, «имя которого довольно известно и чьи книги раскупаются

неплохо», близок Сологубу организацией его домашней библиотеки: «...по стенам стояли шкапы американской системы, набитые книгами в переплетах и без переплетов, и все эти книги были расставлены строго по форматам, – маленькие повыше, – и в каждом формате по алфавиту» [8. Т. 3. С. 705]. В 1923 г. Чуковский так описал кабинет Сологуба: «На письменном столе две салфеточки – книги аккуратны, как у Блока. Слева от стола полки, штук 8, все заняты его собственными книгами в разных изданиях, в переплетах и проч.» [14. С. 92].

Эти примеры показывают, что можно говорить даже о некотором единстве всех образов поэтов, появляющихся в рассказах. Так «автобиографические» читатели сменились «автобиографическими» поэтами.

Есть еще одна важная черта поэтики писателя, связанная с автобиографизмом и проявившаяся в том числе в «Помнишь, не забудешь», соотносительность между прозаическим и стихотворным материалом. Сюжет рассказа перекликается со стихотворением 1892 г. «Ирина», которое считается отчасти автобиографическим [5. С. 1185–1186].

В комментариях к «Полному собранию стихотворений и поэм» отмечено множество случаев, где сюжет стихотворения разворачивается в рассказ, при этом время написания одного и другого обычно далеко друг от друга.

В рецензии на 11-й том собрания сочинений Сологуба И. Турский очень точно писал по этому поводу: «Если Пушкина изучать надо, следя за этапами его личной жизни, за зигзагами его биографии, то Сологуба надо читать с подстрочником – с книгой его стихов» [15. С. 3]. Вряд ли критик имел в виду конкретные переклички между прозой Сологуба и его стихами (зачастую стихи такого рода оставались неопубликованными), но его высказывание отражает ощущение единства творческого материала.

Однако, вопреки процитированному мнению, представляется, что скорее рассказы являются комментариями к стихам, потому что позволяют развернуть сюжет, использовать образ в разных вариациях и формах. В 1910 г. Сологуб написал рассказ «Путь в Дамаск» (совм. с Ан. Чеботаревской). В поэтическом же корпусе есть стихотворение «Блаженство в жизни только раз...» (где есть строки: «Едва надменный Савл вступил / На путь в Дамаск...») (30 мая 1908), связанное с отношениями с Чеботаревской [16. С. 682–683]. На близость текстов указывает и то, что стихотворение и рассказ были прочитаны Сологубом вместе на вечере 17 февраля 1910 г.

В финале же «Пути в Дамаск» звучат строки стихотворения Сологуба «В поле не видно ни зги...» (18 мая 1897), соответствующие теме рассказа: «Легче вдвоем. / Если не сможем идти, / Вместе умрем на пути, / Вместе умрем!» [8. Т. 3. С. 662]. Автоцитирование здесь поддерживает принцип создания рассказа по мотивам стихотворения, тем самым увеличивая поле единства творческого материала.

Кроме приведенных выше строк (в том числе из первого варианта рассказа «Лелька») автоцитирова-

ние появляется в рассказе «Смерть по объявлению» (1907), где используются фрагменты трех стихотворений Сологуба: «Тихая колыбельная» (1906) («Я косила целый день. / Я устала. Я больна; Тяжело мне, – я больна. / Помоги мне, милый брат»); «Я к ней пришел издали» (1905) («И будет смерть моя легка / И слаще яда») и «Что было будет вновь...» (30 марта 1907) («Стилет остер и сладко ранит...») [8. Т. 2. С. 366, 367]. Последние строки использует сама женщина, пришедшая убить героя, т.е. воплощенная Смерть, которая соотносима, таким образом, с самим Сологубом (вспомним славу Сологуба как «певца смерти»). По времени создания видно, что последнее цитируемое стихотворение написано, вероятно, одновременно с рассказом, возможно, и специально для него.

Автоцитация у Сологуба может иметь и другое объяснение, помимо своеобразного осознанного или неосознанного автокомментирования. По некоторым воспоминаниям, Сологуб испытывал редко признаваемое в писательской среде удовольствие от чтения собственных произведений, не обязательно лучших: «Когда я хочу сделать себе что-нибудь очень приятное, я беру одну из своих книг – и читаю... огромное удовольствие...» [2. С. 404]. Это высказывание 1925 г. поддерживается свидетельством В.И. Анненского-Кривича [Там же. С. 418]. Возможно, цитирование собственных стихов в рассказах и драмах опиралось на эту психологическую особенность автора, на которую, в свою очередь, накладывалось стремление «прорекламировать» свои произведения.

Анализ чтения героев позволяет выделить еще один важный аспект темы – отношение Сологуба к современной ему литературе и ощущения своего положения в литературном кругу.

Трижды в своей прозе Сологуб называет Надсона: его читают Лелька и Саша Пыльников. В статье «Поэт милой юности» (1917) Сологуб рассуждает о Надсоне как об очень «интеллигентском» поэте, восприятие мира в поэзии которого взято из книг, оторванном от реальности и от природы, однако в итоге заключает: «После нестройного рева и гула современной поэзии так мило и уютно взять в руки этот томик нежных, чистых, целомудренных стихов. Русская юность многое потеряет, если уже не станет в свое время зачитываться этими задушевными, непорочными стихами (курсив мой. – В.Ф.)» [17. С. 3]. Еще в одном случае – в «Поцелуе нерожденного» (1911) – Надсон вместе с К.Д. Бальмонтом противопоставляется Некрасову: «Сережа любил читать не Надсона, и не Бальмонта, а Некрасова» [8. Т. 6. С. 15].

В романе «Слаще яда» упоминается еще один модернист: «...товарищи Евгения позволяли себе неуважительные выходки в ее квартире. Эти “опробованные картавцы”¹, как называет таких Игорь Северянин, приставали к ней с комплиментами и пошлыми намеками» [Там же. Т. 3. С. 333].

Имена Бальмонта и Игоря Северянина – единственные упомянутые в прозе Сологубом из сонма современников поэтов-модернистов, которые в основном не попадают в круг чтения персонажей. Однако если имя Северянина функционирует как

отсылка к общеизвестным фактам современности, то Бальмонт, скорее как знак чего-то отрицательно-го, как очень популярный поэт (однако и они только упоминаются).

Более распространены безымянные поэты: в рассказе «Конный стражник» персонаж Переяшин «вспомнил стихи своего вновь любимого современного поэта (у него каждый год был новый любимый поэт, из самых молодых, чувствительных и фривольных): «Посреди ее ланит / Ямочки отверсты; / Там шалун Эрот сидит, / Сложив нежные персты (курсив мой. – В.Ф.)» [8. Т. 3. С. 485–486].

Дистанцируясь от других поэтов – современных, модных, популярных, Сологуб таким образом осмеивает читательское пристрастие к ним, низводя само

понятие «популярность». Ведь, как заметил Сологуб в рассказе «Помнишь, не забудешь», «...все модное в искусстве, как и в жизни, имеет тот прискорбный недостаток, что рано или поздно выходит из моды и забывается» [8. Т. 3. С. 706].

Созданный им во многих произведениях образ поэта, с одной стороны, противопоставлен модным литераторам, с другой – близок выстраивавшемуся им своему собственному образу, один из признаков которого – самоирония. Однако для полной картины современной и актуальной литературы, которую запечатлел в своих произведениях Сологуб, необходимо проанализировать не только называемый полный спектр упоминаемых имен и цитирований, что будет предпринято на следующем этапе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выражение «проборчатый, офращенный картавец» встречается, например, в стихотворении Северянина «В лимузине» (1910).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сборник 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 121–142.
2. Смирнский В.В. Воспоминания о Федоре Сологубе / вступ. ст., публ. и ком. И.С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М., 1997 (Новое литературное обозрение; Науч. прил. Вып. X). С. 395–425.
3. ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539.
4. Павлова М.М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М., 2007.
5. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1877–1892 / изд. подг. М.М. Павлова. СПб., 2012 (Сер. Литературные памятники).
6. Сологуб Ф. Мелкий бес / изд. подг. М.М. Павлова. СПб., 2004 (Сер. Литературные памятники).
7. Варава Б.Н. Автографы Серебряного века: Блок, Сологуб, Клюев, Ремизов: заметки библиофила. СПб., 2004.
8. Сологуб Ф. Полное собрание сочинений: [в 8 т.]. М., 2000–2004.
9. ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 94.
10. Сологуб Ф. Поминание (Чехов) // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1904. 11 авг. № 407. С. 2.
11. Сологуб Ф. Заметки // Дневники писателей. 1914. № 2. С. 14–23.
12. Магалашвили А.Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба // Культура и текст. Вып. 1: Литературоведение. Ч. 2. СПб.; Барнаул, 1997. С. 62–65.
13. ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 101.
14. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935). М., 2006.
15. Гурский И. О новом замысле Ф. Сологуба // Южный край (Харьков). 1912. 4 окт. № 11019. С. 3.
16. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. Т. 2, кн. 2: Стихотворения и поэмы 1900–1913 / изд. подг. Т.В. Мисникевич. СПб., 2014 (Сер. Литературные памятники).
17. Сологуб Ф. Поэт милой юности (О Надсоне) // Биржевые ведомости. 1917. 19 янв. № 16048. С. 3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 сентября 2018 г.

The Reading Range of Fyodor Sologub's Characters as a Form of Self-Representation. "An Autobiographical Reader"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 29–34.

DOI: 10.17223/15617793/440/4

Vera V. Filicheva, Institute of Russian Literature (Pushkin House) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: lntfmd@rambler.ru

Keywords: Fyodor Sologub; reading range; literary reputation; autobiographical; autocitation.

The article considers Fyodor Sologub's range of reading through the repertoire of reading of the characters of his prose works. A special, largest group of "readers" are characters with autobiographical features: teenage boys from the early, often unfinished texts ("Lelka", "A Young Lady and a Barefoot") and poets from the stories "A Mousetrap", "You Remember, You Will Not Forget". The steady set of authors and books that are mentioned in Sologub's works and characterize his reading range (in the early period of life and work) correlates with the writer's statements preserved in the memories, which confirms the autobiography of the image and allows to use this information to analyze the reading range of the writer. Particular attention is paid to the short story "Lelka". In its draft version (under the title "A Little Poet"), Sologub first used the technique of quoting his own poems and raised the theme of folk talents and oppression of Russian writers, which he further developed in his journalism ("Remembrance", "Notes", etc.). In "Lelka", the transition in the short stories from an autobiographical image of the reader to an autobiographical image of the poet was shown (further, detailed enumerations of what heroes read are not used). Another autobiographical character correlated with the little poet, the "old poet" from the short story "A Mousetrap", is an ironic view of the writer on himself. However, autobiography manifested itself most of all in another character – a poet from the story "You Remember, You Will Not Forget", which is connected with the plot of the poem "Irina". This principle of interrelation of prose and poetic texts is also supported on the pages of his prose by frequent autocitation (the mentioned short stories and "Death by Advertisement", "A Way to Damascus", etc.). Statements about poetry appearing in the writer's prose suggest that they express Sologub's views not only on the literary circle and the literary process, but also on the reflection of the writer's self-perception in the circle of his contemporaries. In every possible way contrasting himself to

fashionable and popular poets, Sologub ironically speaks about readers' love to everything fashionable. At the same time, he does not name (except for two cases) modern poets and does not enter into arguments about their poetry. The previously revealed principle of creating a story based on a poem, as well as quoting one's own poems, which supports the unity of the creative material, creates a picture of a special literary space in the writer's prose. The image that Sologub creates in his stories is close to his own image – a poet separate from the literary process.

REFERENCES

1. Kochetkova, N.D. (1983) Geroy russkogo sentimentalizma. 1. Chtenie v zhizni "chuvstvitel'nogo" geroya [A Hero of Russian sentimentalism. 1. Reading in the life of a "sensitive" hero]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 14: Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste* [18th century. Collection 14: Russian literature of the 18th – early 19th centuries in the socio-cultural context]. Leningrad: Nauka.
2. Smirenskiy, V.V. (1997) Vospominaniya o Fedore Sologube [Memories of Fyodor Sologub]. In: Pavlova, M.M. & Lavrov, A.V. (eds) *Neizdannyy Fedor Sologub* [The Unpublished Fyodor Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. No. 539. (In Russian).
4. Pavlova, M.M. (2007) *Pisatel'-inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov* [An Inspector-Writer: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Sologub, F. (2012) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem: v 3 t.* [Complete collection of verses and poems: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
6. Sologub, F. (2004) *Melkiy bes* [The Petty Demon]. St. Petersburg: Nauka.
7. Varava, B.N. (2004) *Avtografy Serebryanogo veka: Blok, Sologub, Klyuev, Remizov: zametki bibliofila* [Silver Age autographs: Blok, Sologub, Klyuev, Remizov: notes of a bibliophile]. St. Petersburg: Klub lyubiteley miniaturnoy knigi.
8. Sologub, F. (2000–2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 8 vols. Moscow: Intelvak.
9. Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. No. 94. (In Russian).
10. Sologub, F. (1904) Pominanie (Chekhov) [Remembrance (Chekhov)]. *Birzhevye vedomosti*. Morning Issue. 11 August. 407. pp. 2.
11. Sologub, F. (1914) Zametki [Notes]. *Dnevnik pisateley*. 2. pp. 14–23.
12. Magalashvili, A.R. (1997) Rozhdestvenskie motivy v novellakh F. Sologuba [Christmas motifs in the novels of F. Sologub]. In: Kozubovskaya, G.P. et al. (eds) *Kul'tura i tekst* [Culture and text]. Is. 1, Pt. 2. St. Petersburg; Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
13. Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. No. 101. (In Russian).
14. Chukovskiy, K.I. (2006) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 12. Moscow: TERRA—Knizhnyy klub.
15. Turskiy, I. (1912) O novom zamysle F. Sologuba [About the new idea of F. Sologub]. *Yuzhnyy kray* (Khar'kov). 4 October. 11019. pp. 3.
16. Sologub, F. (2014) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem: v 3 t.* [Complete Collection of Verses and Poems: in 3 vols]. Vol. 2, Book 2. St. Petersburg: Nauka.
17. Sologub, F. (1917) Poet miloy yunosti (O Nadsone) [The Poet of Sweet Youth (About Nadson)]. *Birzhevye vedomosti*. 19 January. 16048. pp. 3.

Received: 22 September 2018

В.Е. Храброва

АНГЛИЙСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КУЛАК В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИКИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

Представлен общий сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и немецкого языков с соматизмом «кулак», которые распределены по четырем группам в зависимости от их структурных типов и с учетом приоритетной роли лексико-грамматического значения слов разных частей речи с целью выявления межъязыковых отношений, основанных на тождестве и различиях семной структуры фразеологического значения словосочетаний, для последующего определения их национально-культурной специфики.

Ключевые слова: соматизм; фразеосемантическое поле; языковая картина мира; национально-культурная специфика; двойной антропоцентризм; языковая универсалия.

В современной лингвистике антропологический подход, который заключается «в принятии человека в качестве исходного базиса исследования», получает все большее распространение для решения проблем, связанных с «диадой человек-язык <...> воздействием сложившегося естественного языка на мышление и поведение человека, на его картину мира и формирование его как языковой личности» [1. С. 76, 79]. Такая позиция позволяет уделять внимание смыслу в пределах различных языковых аспектов, а также рассматривать изменения и новые тенденции в языке как закономерное отражение разносторонней деятельности человека. В этом русле соматическая лексика представляет для нас большой интерес, так как она является важным компонентом языка, способствующим адекватному пониманию языковой картины мира [2. С. 15]. С.Г. Тер-Минасова [3. С. 49] сравнивает слова разных языков, обозначающих одинаковые понятия, с кусочками мозаики, которые могут отличаться в зависимости от «объема понятийного материала, получившегося в результате отражения в мозгу человека окружающего его мира». Взаимосвязь языков и культур в нашу эпоху ведет к необходимости знания различий между ними и их особенностей – объектов сопоставительных исследований, результаты которых способствуют лучшему постижению языковой и культурной картин мира. Сопоставление фразеологических единиц (ФЕ) дает возможность установить универсальность рассматриваемых языковых явлений, «в основе которых лежит общность ассоциативно-образного мышления носителей привлекаемых языков, и уникальные явления, обусловленные субъективной оценкой, складом ума и национальной психологией, рядом экстралингвистических факторов, влияющих на формирование этноса в целом» [4. С. 6].

Лингвисты отмечают три возможности компаративного изучения фразеологизмов: сопоставление отдельных (конкретных) ФЕ; сопоставление групп и разрядов ФЕ, сопоставление фразеологических систем сравниваемых языков [5. С. 18]. Опираясь на принцип взаимосвязи между человеком и языком, в этой работе мы руководствуемся идеей интеграции лингвокогнитивного, лингвокультурологического аспектов для того, чтобы сопоставить отдельные английские и немецкие ФЕ с соматическим компонен-

том кулак: *fist* (англ.) и *Faust* (нем.), выявить их межъязыковые отношения, основанные на «компонентной теории тождества и различия семной структуры фразеологического значения» [5. С. 19], обозначить эквивалентность, безэквивалентность, аналогию для определения уровней проявления национально-культурной специфики ФЕ.

Лексические единицы с соматическими компонентами причисляются к «одному из древнейших пластов фразеологии» [2. С. 16; 6. С. 98], а термин *соматизм* появился в 60-е гг. прошлого века [7. С. 23], хотя первое упоминание английского слова *somatism* относится к 1812 г. (по данным поисковой системы Google Ngram) [8]. Согласно одному из определений соматизмами являются лексемы, которые служат обозначением органов и частей тела живых существ, например человека или животного [2. С. 5]. М.А. Аверина и Е.И. Болдырева оперируют понятием *соматический компонент*, который «восходит к лексемам-соматизмам <...> и принимает активное участие в образовании фразеологизмов и формировании их значений» [9. С. 11]. Некоторые исследователи обращают внимание на факт проявления научного интереса именно к «фразеологическим единицам, семантическим центром которых являются соматизмы – названия реалий внешнего облика человека» [10. С. 41]. Т.А. Бердникова [11. С. 3] отмечает высокую продуктивность соматизмов в образовании фраз со сложной системой переносных значений и на этом основании причисляет их к «языковым универсалиям», которые подводят нас к мысли о существовании в разных языках слов со сходной когнитивной [12. С. 60].

Лингвисты апеллируют к понятию «семантическая мотивированность фразеологизма», одним из видов которой является конституентная, осуществляемая на основе опорного элемента (конституента), в качестве которого могут выступить соматизмы. Например, в разных языках *голова* ассоциируется с умом, интеллектом, *сердце* – с эмоциями, *рот* и *язык* – с речью, *рука* – с практическими действиями [5. С. 25]. Важной закономерностью функционирования ФЕ с соматическими компонентами является обозначение или выражение ими экстремальных ситуаций и состояний разного рода, таких как фиаско, индифферентность, порицание, тревога, аффект, фрустрация, паника,

психическая неуравновешенность. В этом случае происходит «языковой сдвиг в сторону отрицательных значений, являющийся общей семантической асимметрией фразеологической системы». Использование готовых речевых шаблонов и ФЕ с негативной оценочностью в такой ситуации становится гиперэмоциональной реакцией людей на экстремальную ситуацию [5. С. 19].

С позиций антропологии интерес к функционированию соматизмов в языках определяется во многом тем, что «процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают непосредственно через органы чувств и частей его собственного тела» [13. С. 81]. В процессе сопоставления фразеологизмов в разных языках выявлена закономерность, касающаяся «семантической ориентированности на человека, названной двойным антропоцентризмом фразеологической системы [5. С. 19]: с одной стороны, человеческое познание зиждется на концептуализации представлений о мире посредством телесного опыта; с другой стороны, полученная человеком информация проецируется затем на его собственное тело. Этим объясняется широкое распространение в различных языках ФЕ с соматическими компонентами; при этом тело становится «инструментом измерения и самоориентации человека в окружающем мире» [14. С. 16].

Большое место в научных трудах о соматизмах уделено систематизации данной категории лексики. Классификация О.В. Старых [13. С. 82], основанная на результатах многочисленных исследований, относит соматизмы *head, hand, foot, skin, bone* и др. к ряду натуральных и глобально общих для всех языков. На основании присутствия факта функциональной обязательности [12. С. 83] натуральные соматизмы также причисляются к группе лексических, в отличие от словарных единиц *tear – слеза, sweat – пот*, которые не включены в корпус соматики по причине отсутствия у них функциональной обязательности. В исследовании В.В. Подгорной [15. С. 212] соматизм *кулак (fist / Faust)* не внесен в подробную структуру концепта тела человека и не рассматривается отдельно, безотносительно к соматизму *рука (hand / Hand)*, который всесторонне изучен в научной литературе. Опираясь на принцип функциональности, можно утверждать, что различия между когнитивно-семантическими характеристиками физиологически неделимых понятий *кулак-рука* очевидны. Тем не менее, из большого числа фундаментальных научных трудов о соматизмах можно выделить всего одно исследование, содержащее фрагментарное описание некоторых характеристик соматического компонента *Faust* в немецком языке в контексте сопоставительного анализа соматизма *рука* [6. С. 100], поэтому недостаточное количество подробной информации о соматизме *кулак (fist / Faust)* как отдельном концепте обусловило наш интерес к этой малоизученной теме.

В рамках узнаваемых фрагментов мира, названных событиями выражения, а также с позиций философии и невербальной коммуникации соматизмы рассматриваются как манифестанты, позволяющие понять коммуникативную организацию высказывания и взаимосвязи

между восприятием и осмыслением фактов [16. С. 2]. В этом ключе выделено 80 соматизмов, которые распределены на три группы. Первая группа включает: а) манифестанты-соматизмы для обозначения видимых частей тела, например: *eyes* (англ.), *Augen* (нем.) – глаза; «компоненты, имеющие способность к внешнему проявлению» [Там же. С. 227], например: *blood* (англ.), *Blut* (нем.) – кровь.; б) «языковые единицы с манифестирующей функцией, а также живые архаизмы, например: *duke* (англ.) – кулак, *pinkie* (англ.) – мизинец, *Fresse* (нем.) – морда (груб.); в) стилистически-нейтральная лексика, например: *wrist* (англ.), *Handgelenk* (нем.) – запястье. Во вторую группу соматизмов отнесены «топографические соматизмы», например: *freckles* (англ.), *Sommersprossen* (нем.) – веснушки. В третью группу вошли пропозитивные соматизмы, например: *handshake* (англ.), *Händedruck* – рукопожатие; слеза – *tear* (англ.), *Träne* (нем.) – в этом случае очевидны расхождения лингвистов по вопросам целесообразности включения подобных лексических единиц в корпус соматики (ср. исследования О.В. Старых).

С позиции событий выражения соматизм *кулак* презентуется как манифестант, играющий пропозитивную роль. Под пропозицией подразумевается «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации <...> манифестация – процесс или явление, которые делают скрытый или затрудненный для восприятия факт очевидным – проявляют его, делают доступным для наблюдателя» [16. С. 270–271]. Сообразно с этими утверждениями ситуативными манифестациями соматизма *кулак* являются телодвижения, физиологические движения, физические состояния и качества, не мимические или звуковые действия, «творимые» и цветовые качества, характерные для других соматизмов. Анализ лексических единиц номинативного поля соматизма *fist u Faust*, основанный на корпусных данных обоих языков, позволил нам выявить его сходные основополагающие межъязыковые семантические признаки – *власть, мощь и сила*.

Исследуя соматический концепт в целом, Ю.А. Башкатова [17. С. 221] принимает его за единицу изучаемого кода культуры, так как он сочетает в себе представления, стандарты и стереотипы отдельных языковых понятий. С этой точки зрения рассмотрение этимологии соматизмов как ключевых компонентов словосочетаний или сложных слов должно быть первым шагом анализа их структуры, поэтому мы обратимся к словарям в поисках ответа на вопрос о происхождении слов *fist / Faust*. Согласно этимологическому словарю английского языка [18. Р. 1108] слово *fist* появилось в эпоху среднеанглийского языка (XI–XV вв.) и произошло от древнеанглийского слова *fȳst* – сжатая рука (*clenched hand*), родственного древнему верхненемецкому слову *fūst* и образованного по названию древнего фризского праздника, и староанглийского слова *fif (five) – пять*. Первое упоминание слова *fist* относится к XII в., а сочетание *fist-fight* (кулачный бой) встречается в XVI в. С помощью словарей прослеживается также родство английского слова со старосаксонским *fust*, среднеголландским *vuust*, а также староцерковным славянским *pesti*. Помимо

универсального значения *сжатая рука* – *die geballte Hand* немецкого слова *Faust*, словарь Кеблера [19], в отличие от других, рассматривает еще одно значение, появившееся в XVIII в. у сложных существительных: *Faustrecht* (право сильного), *Faustpfand* (заклад имущества), *Pfandrecht* (право залога), а также родственного им сочетания *auf eigene Faust* (на свой страх и риск). В английском языке семантическая калька *fist-law* (ср.: *Faustrecht*) появилась в середине XIX в., но информация об использовании словосочетания в словарях современного английского языка отсутствует.

Таким образом, из приведенной краткой этимологической справки вытекает, что основное значение английского соматизма *fist* и немецкого *Faust* связано с числительным *пять* и *сжатой пятерней руки*. Вместе с тем слово *Faust* исторически связано с национально-культурным понятием *заклад имущества и право сильного в решении имущественных вопросов*.

Научный подход в данном исследовании заключается в совокупности методов и принципов: сопоставительном анализе немецких и английских фразеологических единиц с семантически однотипным соматическим компонентом; принятии за основу объективного сходства между сопоставляемыми единицами; частичном использовании когнитивного подхода, при котором ментальной единицей выступает концепт [20. С. 250]; использовании теоретических источников: научной литературы, лексикографической справочной литературы: этимологического словаря современного английского языка, электронных этимологических словарей английского языка (Online Etymology Dictionary) и немецкого языка (Etymologisches Deutsches Elementarlexikon), одноязычного немецкого словаря (Duden: Redewendungen), *немецко-русского фразеологического словаря Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина*, двуязычного англо-немецкого электронного словаря Collinsdictionary, двуязычного немецко-английского электронного словаря DICT.CC – Deutsch-Englisch Wörterbuch; корпусов: Google Ngram Viewer, Британского национального корпуса (BNC), Мангеймского корпуса немецкого языка (COSMAS), корпуса университета Лейпцига (Wortschatz), корпуса немецкого языка DWDS – источников практического материала исследования и статистических данных.

В основе отбора материала данного исследования лежит метод фразеологической идентификации, основными элементами которого являются переосмысление, раздельнооформленность, структурная и семантическая устойчивость лексических единиц. Следуя этому подходу, мы осуществили ряд процедур при выборе материала исследования, которые позволили убедиться в наличии переосмысления компонентов, их семантической устойчивости в составе ФЕ с возможным полным или частичным переосмыслением; анализ соотносительности со знаменательными и служебными словами; определение характера внутренней формы посредством сопоставления значения ФЕ с буквальным значением ее компонентов [21. С. 159–161].

Мы также руководствовались теоретическими положениями И.И. Чернышовой, на основании которых устойчивые сочетания поделены на четыре группы по

четырем критериям. В первой группе, согласно основному критерию, обязательным является существование единичного и уникального соединения компонентов и их переносного значения вследствие «метафорического сдвига переменных словосочетаний», который лежит в основе образно-мотивированной семантики сочетаний [22. С. 35–58; 23. С. 652]. Вторая группа коллокаций характеризуется «серийной сочетаемостью с семантически преобразованным компонентом с узואльно ограниченным кругом лексем» [Там же]. Согласно третьему критерию устойчивые сочетания соответствующей группы должны быть функционально смоделированы как языковые образцы (паттерны), лексически наполняемые в речевых ситуациях. Наконец, лексические единства четвертой группы характеризуются как неделимые словосочетания, внутри которых невозможны перемещения или замены отдельных компонентов.

Лингвистический подход, предложенный В.В. Подгорной [15. С. 115], способствовал значительному сокращению количества ФЕ, первоначально отобранных нами для исследования, в результате чего в статье рассматриваются в общей сложности 28 немецких и 20 английских ФЕ. Из общего количества отобранного материала исключены сложные слова немецкого языка, например *Fauststoß*, а также профессиональная лексика, например морской термин *monkey fist* – вид морского вспомогательного узла. В целом небольшое количество материала не может являться сдерживающим фактором в проведении исследования, так как суть типологических и сопоставительно-контрастивных работ заключается «не в объеме взятого языкового материала, а в методике его анализа» [21. С. 162].

Учеными установлено, что «ясность функций частей тела и внешних органов, легкость их метафорического переосмысления и последующего декодирования» объясняет относительно высокую частотность использования соматизмов [24. С. 686]. Сравнительно-статистический анализ активности [25. С. 276] на основе данных, полученных нами с помощью поискового онлайн-сервиса Google Books Ngram Viewer, свидетельствует, что частотность соматизмов *fist* (0,68) и *Faust* (0,24) значительно ниже частотности соматизмов *рука* – *hand* (34,4 – англ.) и *Hand* (48,15 – нем.) [8].

В контексте тематики нашего исследования особую важность представляют два обстоятельства, на которые указывают исследования Т.С. Спириной [4. С. 7]: во-первых, для немецких и английских ФЕ характерны четыре структурных типа: субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные; во-вторых, рассматриваемые языки разноструктурны, но ФЕ в них имеют структурно-грамматические соответствия.

Принимая во внимание вышеупомянутые обстоятельства, для проведения анализа отобранных ФЕ мы воспользовались классификацией, основанной на четырех структурных типах ФЕ и приоритетной роли лексико-грамматического значения слов разных частей речи [26. С. 204]. В результате мы анализируем четыре группы ФЕ: субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные, которые размещены в табл. 1–5 с указанием их значений (переводом) для лучшего понимания последующих комментариев.

Субстантивные фразеологические единицы с соматизмом кулак в немецком и английском языках

Группа ФЕ	Немецкие	Значение	Английские
Субстантивные	– Becker Faust; Ghetto Faust; – (eiserne) Faust im Samthandschuh; – eiserne Faust; – gepanzerte Faust;	– приветствие в знак победы; – железная рука в бархатной перчатке; – железная рука; – ударная сила	– fist bump/pump; – fist in a velvet glove; – iron fist; – mailed fist
	–	– единство; – мужлан, грубый мужчина	– tight fist; – club fist

Большая часть исследуемых нами субстантивных немецких и английских ФЕ (табл. 1) имеют общие дифференциальные семы, относящие слова к фразеосемантическому полю *власть*, *грубость* [4. С. 12]. В основе одних единиц лежит метонимия, позволяющая рассматривать кулак как «заместителя действующего человека, часть для идентификации целого» [27. С. 142]: *eiserne /stahlharte Faust* – *iron fist, mailed fist*. Скрытая семантика обладания выявляется у других ФЕ: *fist in a velvet glove, eiserne Faust im Samthandschuh*. Словосочетание *club fist* появилось в конце XVI в. в значении *huge fist* (огромный кулак), но позже посредством метонимии приобрело значение *brutal fellow* (грубый мужик).

Характеризуя фразеосемантическое поле *власть* в обоих языках, Т.С. Спирина [4. С. 16] относит соматические компоненты *hand / Hand* к одному из важных составляющих звеньев, отводя им доминирующую роль: «данный компонент является устойчивой метафорой понятия *власть* и представлен в макро- и микрополях», но при этом автор не касается роли соматического компонента *fist / Faust*. В другом исследовании концепт кулак (*Faust*) все-таки получает «статус» отдельного соматизма и в основном ассоциируется с понятием *гнева и раздражения* [6. С. 103].

В группе субстантивных ФЕ особого рассмотрения заслуживают английские сочетания слов *fist bump, fist pump*, первое из которых, согласно данным поисковой системы Google Books Ngram Viewer, впервые упомянуто в печатных источниках в 20-е гг. XX в., а второе – в 60-е гг. [8] для вербального выражения чувства триумфа и радости от одержанной людьми победы, а также в качестве формы приветствия. Данные ФЕ демонстрируют варьирование второго компонента (*bump / pump*), что в целом не характерно для суб-

стантивных ФЕ в силу их высокой степени устойчивости [28. С. 87]. Отметим, что национально-культурный компонент ФЕ *fist bump, fist pump* связан с американской действительностью, а всплеск интереса к словосочетаниям обусловлен политикой Обамасаре. Известно, что президент Барак Обама пропагандировал форму приветствия «кулак в кулак» в период глобальной эпидемии свиного гриппа, что привело к популяризации упомянутых ФЕ. В немецком языке существует подобная соматическая ФЕ для передачи положительных эмоций вследствие успеха и победы, связанная с именем всемирно известного немецкого теннисиста Бориса Беккера. Это редкое словосочетание *Becker-Faust* [29], встречаемость которого в агрегированном корпусе немецких слов составляет всего 50 единиц. Аналогичным значением обладает словосочетание *Ghetto Faust*, отнесенное в научной литературе к нестабильной лексике неологизмов немецкого языка [30. С. 132].

ФЕ *tight fist* ассоциируется с межличностной коллективной жизнью людей [27. С. 142], их совместной деятельностью для достижения определенных целей и служит обозначением единства, сплоченности. В немецком языке отсутствует тождественный фразеологизм с соматизмом *Faust*, хотя актуализация функциональных сем родственных соматических компонентов, связанные с ними жесты (сжатый кулак как знак единства), экстралингвистические факторы (единство органов чувств) универсальны в обоих языках.

В конце обзора субстантивных ФЕ отметим, что первое упоминание сочетания *club fist* в значении *huge fist* (огромный кулак) относится к 1570 г. Посредством метонимии у слова появилось новое значение *brutal fellow* (мужлан) [31].

Таблица 2

Адъективные фразеологические единицы с соматизмом кулак в немецком и английском языках

Группа ФЕ	Немецкие	Значение	Английские
Адъективные	–	– Неуклюжий (руки-крюки); неграмотный; – прижимистый; – грубый	– Ham-fisted; – tight-fisted; – club-fisted

Адъективные ФЕ (табл. 2), которые «выражают степень качественной характеристики предмета и содержат прилагательное в качестве стержневого компонента» [4. С. 21], представлены малочисленной группой английских ФЕ (3) по причине «прису-

щей прилагательным функции описания, не характерной для соматического пласта лексики» [12. С. 91]. В целом лингвистами выделены две группы адъективных ФЕ: компаративные и некомпаративные, но в нашем случае все английские прилагатель-

ные являются некомпаративными и обладают пейоративной оценочностью. В основе прилагательного *ham-fisted* (англ.) лежит метонимия (*ham* – *бедро*), что подразумевает перестановку местами понятий: вместо рук – ноги. Хотя по внешней форме *tight-fisted* не относится к компаративной ФЕ, в ней мы наблюдаем метафорический перенос, основанный на сравнении скупости, прижимистости с плотно сжатой рукой и невозможностью извлечь содержимое

изнутри. С другой стороны, *tight-fisted* можно рассматривать как модель концептуальной метонимии – внешнее проявление вместо причины, т.е. сжатая рука как следствие скупости. Существительное *club fist* и прилагательное *club-fisted* имеют также метафорическую природу, основанную на внешнем сходстве с предметом по признаку большого размера (очень большая дубина) и функциональном сходстве с примитивным холодным оружием.

Таблица 3

Адвербиальные фразеологические единицы с соматизмом кулак в немецком и английском языках

Группа ФЕ	Немецкие	Значение	Английские
Адвербиальные	– Auf eigene Faust; – unter der Faust; – wie die Faust aufs Auge; – wie eine geballte Faust (in die Barentssee / ins Meer / aufs Klavier; – wie eine Faust ins Gesicht; – von der Faust weg	– На свой страх и риск; – под пятой; – как на корове седло; что надо; – неистово; – неожиданно и больно; – без проволочек, сразу	– – – – – –
	– – –	– Дубинкой и кулаком; – невозможно; ужасно; – легко и быстро	– By stick and fist; – fist biting; – hand over fist

Анализ [32] адвербиальных ФЕ (см. табл. 3) обнаруживает антропологическую природу соматизмов, их связь с повседневной жизнью человека. И.А. Семина, рассматривая соматические компоненты как «механизмы вторичной номинации», подчеркивает роль образного имени – «отражения мировидения», позволяющего дать оценку предмету или лицу с помощью скрытого сравнения. Именно это свойство соматизмов, по мнению автора, относится к «системе национальных устойчивых образных характеристик человека» [33. С. 82].

Говоря о компаративных структурах, нельзя не отметить их экспрессивность, которая позволяет придать фразеологизмам большую интенсивную выразительность по сравнению с нейтральной лексикой. Как отмечают лингвисты, можно констатировать «двойную представленность экспрессивности в структуре значения ФЕ» [34. С. 7–8] по причине вхождения семы интенсивности в структуру сигнификативно-денотативного компонента фразеологического значения. Экспрессивность немецкой ФЕ *wie eine geballte Faust* может усиливаться включением в состав предложных фраз, связанных с природными реалиями: *in die Barentssee / ins Meer*, а также предложной фразы *aufs Klavier* для демонстрации масштаба силы производимого физического воздействия или явлений природы. Другая немецкая ФЕ *wie die Faust aufs Auge* является амбивалентной метафорой [35. Т. 11. С. 567], а идиома *auf eigene Faust* [Ibid. С. 585], о происхождении которой мы упомянули в начале статьи, репрезентирует ассоциации риска и индивидуальной ответственности человека за предпринимаемые действия.

Согласно классификации Т.С. Спириной [4. С. 6], ФЕ *unter der Faust* может быть отнесена к подгруппе «подчинение», а присутствие в ней предлога *unter* (под) указывает на связь с пространственной ориентацией человека и физическое или моральное подавление. ФЕ *von der Faust weg* отнесена к разряду устаревших разговорных фразеологизмов и проиллюстрирована в словаре цитатой из произведения Г.Э. Лессинга (1756): «so werde ich von der Faust weg schreiben – поэтому я начну писать без проволочек» [23. С. 168].

Английская адвербиальная ФЕ *by stick and fist* с сочинительно-подчинительной связью содержит компоненты одной семантической группы, которые усиливают значение друг друга; ФЕ образа действия с константно-вариантной зависимостью компонентов *hand over fist* имеет вариант *hand over hand* [36. С. 64]. Первоначально это словосочетание, появившееся в английском языке в 1803 г., означало использование моряками обеих рук поочередно при перетягивании каната или лазании по канату.

Хотя лингвистами выделены три вида оценочности фразеологизмов: положительная (мелиоративная) и нейтральная (ситуативная), отрицательная (пейоративная) [34. С. 7], свойство глагольных ФЕ передавать преимущественно пейоративные оттенки значений признано лингвистами одной из характерных черт общей фразеологической картины мира [15. С. 121]. Подтверждением этому могут служить результаты осуществленного нами анализа глагольных ФЕ (табл. 4–5), распределенных по фразеосемантическим подгруппам.

Таблица 4

Глагольные фразеологические единицы с соматизмом кулак в немецком языке

Группы ФЕ	Немецкие	Значение
Глагольные	– Faust dick hinter den Ohren haben; – faust dick auftragen; – ins Fäustchen lachen; – aus der Faust essen; – die Faust im Sack machen; – die Faust in der Tasche ballen; – ragen wie eine geballte Faust; – die Faust machen; – mit der Faust drohen; – j-m die Faust unter die Nase halten; – eine (eiserne) Faust im Nacken spüren; – die Faust auf den Tisch schlagen; – mit Fäusten und Füßen/Fuß traktieren; – die Fäuste sprechen lassen; – Fäuste brauchen; – j-n mit Fäusten trommeln; – die Faust in die Luft stoßen/strecken	– Быть хитрым как бес; – сгущать краски, преувеличивать; – похихикивать исподтишка; – есть руками (без ножа и вилки); – угрожать; – сжимать кулаки (от злости); – неистовствовать; – угрожать; – угрожать; – испытывать давление с чьей-то стороны; – демонстрировать силу; – угощать пинками и кулаками; – распускать руки; – драться; – дубасить кулаками; – приветствовать

Немецкие ФЕ (табл. 4):

(1) плохие привычки (дурные манеры) [37]: *aus der Faust essen*; (2) преувеличение: *faust dick auftragen*; (3) злорадство [6. С. 104]: *sich ins Fäustchen lachen*; (4) хитрость и лукавство: *es faust dick hinter den Ohren haben* – идиома, основанная на старом немецком поверии относительно заушной области, где «обитают» хитрость и лукавство в образе маленьких демонов.

ФЕ (1–4) следует причислить к безэквивалентным, так как подобные единицы с соматизмом *fist* отсутствуют в английском языке [38. С. 20].

(5) Угроза: *die Faust im Sack machen*; *mit der Faust drohen*; *die Faust machen*; *j-m die Faust unter die Nase halten*. Все ФЕ этой группы являются частичными аналогами английских ФЕ с разной структурно-грамматической организацией и компонентным со-

ставом [38. С. 19]. (6) демонстрация силы: *die Faust in der Tasche ballen / schlagen*; (7) рукоприкладство, избиение: *mit Fäusten und Füßen / Fuß traktieren*, *die Fäuste sprechen lassen*, *Fäuste brauchen*, *mit Fäusten trommeln*; (8) чувство давления, нажима: *eine (eiserne) Faust im Nacken spüren*; (9) неистовство, злость, сильная степень проявления чувств человека, социальных явлений (нищета) и явлений природы (жара): *passen wie die Faust aufs Auge* [35. С. 567]; *ragen wie eine geballte Faust in die Barentssee*; *ragen wie eine geballte Faust ins Meer*; *schlagen wie eine Faust ins Gesicht* (о жапе); *treffen wie die Faust eines Riesen*. В данных примерах мы выделили три глагола, частотность которых указываем в сравнительных целях: *passen* (12,8), *ragen* (8,4), *schlagen* (7,6), *treffen* (7,0).

Таблица 5

Глагольные фразеологические единицы с соматизмом кулак в английском языке

Группы ФЕ	Английские	Значение
Глагольные	– Make a good/poor fist; – shake your fist; – drink hand to fist; – make a tight fist; – loose fists/be free with one's fists	– Сделать удачную / неудачную попытку; – угрожать; – пить запоем; – сплотиться; – давать волю кулакам

Английские ФЕ (табл. 5):

(1) угроза *shake your fist*; *make a fist*; (2) рукоприкладство: *loose fists*; *be free with one's fists*; (3) вредные привычки (чрезмерное употребление алкоголя): *drink hand to fist*; (4) быстрые деньги или их потеря: *make / lose money hand over fist*.

Из общего числа рассмотренных в статье немецких и английских фразеологизмов выявлено незначительное количество единиц с мелиоративной и нейтральной оценочностью, а также амбивалентностью:

Английские: (1) единство: *make a tight fist*, (2) попытка: *make a good/poor fist*, (3) приветствие: *fist bump / pump* (см. также субстантивную группу) [39].

Немецкие: (1) приветствие: *die Faust in die Luft stoßen/strecken*; (2) комплимент, положительная оценка: *passen wie die Faust aufs Auge* – в противополож-

ном указанному выше значении: «подходить, быть к лицу».

Таким образом, в результате сопоставительного анализа субстантивных, адъективных, адverbialных и глагольных групп немецких и английских ФЕ с соматическим компонентом кулак (*fist / Faust*) выявлены следующие фразеосемантические подгруппы: демонстрация силы, угроза, рукоприкладство, чувство давления, неистовство и злость, вредные привычки, преувеличение, обусловленные основными когнитивными и физическими характеристиками рассматриваемого соматического компонента: *власть, сила, мощь, подавление*. Все ФЕ в этих подгруппах содержат пейоративный компонент оценочности, что убедительно свидетельствует о сходстве негативной оценки в обоих языках. Существенными межъязыковыми отличиями следует считать следу-

ющие: 1) наличие только в немецком языке глагольных фразеологизмов для выражения отдельных отрицательных качеств человека – злорадства; преувеличения (утрирования), хитрости и лукавства; 2) большой объем и вариантность у немецких глагольных ФЕ с семантикой угрозы и демонстрации силы; 3) функционирование немецкой ФЕ *wie die Faust aufs Auge* как амбивалентной единицы для передачи либо традиционного (отрицательного), либо нетрадиционного, т.е. противоположного (положительного), значения, смысл которых можно установить только в рамках определенного контекста; 4) широкое использование немецких адverbialных компаративных ФЕ – обособленно и в составе глагольных фразеологизмов – в отличие от английского языка, где такие структуры не применяются. С другой стороны, компаративные адъективные ФЕ с исследуемым соматизмом отсутствуют в обоих языках. Эмоциональный компонент рассмотренных ФЕ служит для передачи чувств, эмоций и имеет в основном разные осуждающие и презрительные оттенки. Большинство ФЕ в обоих языках характеризуется экспрессивным компонентом коннотации, хотя это наиболее ярко выражено у компаративных адverbialных и глагольных немецких ФЕ – как эксплицитно, так и имплицитно. Большинство рассмотренных ФЕ относятся к разговорным выражениям. Одна немецкая ФЕ *von der Faust weg* является устаревшим словосочетанием.

С позиций национально-культурной специфики и типов межъязыковых отношений (эквивалентности, аналогии, безэквивалентности) все отобранные ФЕ с соматическим компонентом *fist / Faust* отнесены к пяти группам:

1. Полные фразеологические эквиваленты, т.е. тождества с точки зрения семантики, лексико-грамматической структуры и компонентного состава [40. С. 97], относящиеся к фразеосемантическому полю *сила, власть*: *(eiserne) Faust im Samthandschuh – (iron) fist in a velvet glove*; *eiserne Faust – iron fist*; *gepanzerte Faust – mailed fist*; *Fäuste brauchen – loose fists*; *make a fist – die Faust machen*.

2. Частичные аналогии: *shake fists – die Faust im Sack machen*; *mit der Faust drohen, j-m die Faust unter die Nase halten*.

3. Безэквивалентные ФЕ, отражающие национальные особенности жизни носителей немецкого и английского языков.

Английские: *tight fist (fisted)*, *club fist (fisted)*; *ham-fisted*; *fist bitingly*; *by stick and fist*; *make a good / poor fist*; *drink hand to fist*; *make a tight fist*.

Немецкие: *auf eigene Faust*; *von der Faust weg, unter der Faust*; *wie die Faust aufs Auge*; *wie eine geballte Faust*; *wie eine Faust ins Gesicht*; *aus der Faust essen*; *faustdick auftragen*; *sich ins Fäustchen lachen*; *die Faust in der Tasche ballen / schlagen*; *ragen / schlagen / treffen wie eine geballte Faust, passen wie die Faust aufs Auge*; *mit Fäusten und Füßen / Fuß traktieren*; *die Fäuste sprechen lassen, mit Fäusten trommeln*; *die Faust in die Luft stoßen / strecken, eine (eiserne) Faust im Nacken spüren, Ghetto Faust*.

4. Фразеологические единицы, имеющие в своем составе национально-культурные компоненты-реалии [41. С. 179]: *Becker Faust* (нем.).

5. ФЕ, отражающие национальную специфику: историю народа, своеобразные традиции, обычаи, его характер, изначально заложенные в его прототипе: *hand over fist*; *fist pump / fist bump*; *es faustdick hinter den Ohren haben*.

Основываясь на результатах сопоставительного анализа, мы получили следующие процентные соотношения в разных группах ФЕ обоих языков: 1) полные эквивалентные соматические ФЕ, которые отнесены к основному фразеосемантическому полю *власть, сила*: 17,8% – немецкие, 25% – английские; 2) частичные аналогии: 10,7% – немецкие, 5% – английские; 3) безэквивалентные ФЕ: 64,2% – немецкие – 55% – английские; 4) ФЕ с национально-культурными компонентами-реалиями в своем составе: немецкие – 4%, английские – 0; 5) ФЕ, отражающие национальную специфику: немецкие – 4%, английские – 15%. Таким образом, некоторое процентное расхождение в пределах фразеосемантического поля *власть, сила* подтверждает универсальность функционирования соматизма *кулак* в обоих языках. Доминирование безэквивалентных ФЕ отражает общую специфику фразеологической системы языков. Различия в других группах обусловлены уникальностью систем образов, присущих фразеологическому составу немецкого и английского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омельченко С.Р. В поисках антропологии языка // Научный диалог. 2012. № 12. С. 76–84.
2. Туркулец И.А. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных текстах М.А. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 188 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово / Slovo, 2000. 624 с.
4. Спирина Т.С. Фразеологические единицы, характеризующие *власть*, в английском, немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 26 с.
5. Аюпова Р.А. Проблемы сопоставительной фразеологии английского и русского языков : учеб.-метод. пособие для студентов отделения романо-германской филологии / сост. Р.А. Аюпова. Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. 27 с.
6. Сазонова А.А. К вопросу об изучении соматизма ARM во фразеологических единицах современного немецкого языка // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 98–104.
7. Вакк Ф. О соматических фразеологизмах эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления словарей. Баку, 1968. С. 23.
8. Корпус Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/graph?content=somatism> (дата обращения: 15.02.2018).
9. Аверина М.А., Болдырева Е.И. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6 (73). С. 11–13.
10. Карпухина Н.М., Шерстюкова О.В. Лексико-грамматические признаки соматических единиц как основа их структурирования // Вестник МГОУ. 2016. № 5. С. 41–45.

11. Бердникова Т.А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов: На материале архангельских говоров : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 376 с.
12. Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 226 с.
13. Старых О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 80–85.
14. Архипкина Л.В. Немецкие фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в лингвокогнитивном и культурном аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
15. Подгорная В.В. Представление человека как социального существа в английских соматических фразеологических единицах // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 115–121.
16. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2012. 275 с.
17. Башкатова Ю.А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.
18. Partridge E. Origins – A Short Etymological Dictionary of Modern English. London ; New York : Routledge, 2006. 4114 p.
19. Этимологический словарь немецкого языка. URL: <https://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (дата обращения: 18.03.2018).
20. Гусева А.Е. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2007. № 1. С. 247–254.
21. Федуленикова Т.Н., Любова А.Н. Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (10). С. 158–167.
22. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. 200 с.
23. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1975. 656 с.
24. Гриченко Л.В., Харченко Ю.А. Лексико-семантическая классификация соматизмов во фразеологических фондах английского и русского языков // Молодой ученый. 2016. № 13. С. 685–689.
25. Соколова Е.Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в русском и польском языках // Вестник ЧГПУ. 2015. № 2. С. 274–281.
26. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка – Lexicology and Phraseology of Modern English : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е.В. Иванова. М. : Академия, 2011. 352 с.
27. Мыльникова Н.В. Структура и функционирование концепта «рука» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 247 с.
28. Федуленикова Т.Н., Клоужева Н.В. Тожество фразеологической единицы как совокупность ее вариантов (на материале английских ФЕ с компонентом make) // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 83–93.
29. Корпус немецкого языка. URL: <https://www.dwds.de/r?q=Becker-Faust&corpus> (дата обращения: 02.02. 2018).
30. Богословская З.М., Пилипенко С.А. Нестабильная лексика в сфере неологизмов немецкого языка // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения : сб. трудов междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2016. С. 129–134.
31. Этимологический словарь английского языка. URL: <https://www.etymonline.com/word/club-fist> (дата обращения: 21.03.2018).
32. Немецко-английский словарь DICT.CC Deutsch-Englisch Wörterbuch. URL: <https://www.dict.cc/?s=fist> (дата обращения: 12.04.2018).
33. Сёмина И.А. Антропонимы в новой научной парадигме // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 603. С. 78–86.
34. Алдаибани А.А. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих интеллектуальные способности человека, в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 23 с.
35. Duden Bd. 11, Redewendungen, 2. Aufl., Dudenverlag, Mannheim – Leipzig ; Wien ; Zürich, 2002.
36. Зиннатуллина Л.М. Семантическая и структурно-грамматическая характеристики адвербиальных фразеологических единиц английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 62–65.
37. Корпус университета Лейпцига Wortschatz. URL: <http://corpora.uni-leipzig.de> (дата обращения: 09.04.2018).
38. Крепкогорская Е.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань : Казанский (Приволжский) гос. ун-т, 2012. 23 с.
39. Британский национальный корпус. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 12.05.2018).
40. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 130 с.
41. Залалдинова А.А., Арсентьева Е.Ф. Фразеологические единицы английского, русского и немецкого языков с национально-культурным компонентом // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 178–181.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 октября 2018 г.

English and German Phraseological Units with the Somatic Component *Fist/Faust* in Terms of Linguistic, National and Cultural Specific Features

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 35–44.

DOI: 10.17223/15617793/440/5

Valentina E. Khrabrova, Higher School of Economics, Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

Keywords: somatism; linguistic world view; cultural identity; semantic-phraseological field; dual anthropocentrism; linguistic universal.

The article is concerned with a comparative analysis of selected German and English fixed phrases with the somatic component *Faust* (Germ.) and *fist* (Engl.) aimed at revealing cross-language relations in terms of their identical and different componential structures of meaning as well as determining their national and cultural specificity. Overall, 28 German and 20 English phraseological units were selected for the further analytic investigation after being classified as nominal, adjectival, adverbial and verbal, with lexical and grammatical meaning of different parts of speech being prioritized. It should be stressed that technical terms and German compounds were not included in the analysis. Based on the principle of interrelation between a person and language, in this work, the author is guided by the idea of integration of linguo-cognitive and linguo-culturological aspects. According to one of classifications, *fist/Faust* is related to the class of natural somatisms, taking into account the fact of their functional necessity regarded as an inherent characteristic. This idea is confirmed from the perspective of “expression events”, where *fist/Faust* is considered as a demonstrator of processes and events, making weird or hindered facts evident and accessible to observers. Situational manifestations of the somatism are bodily and physiological movements, physical conditions and qualities that influence characteristics of lexical units of the “*fist and Faust*” nominative field revealing the same basic cross-language semantic features, i.e. *power and force*. The etymological anal-

ysis provides a more comprehensive idea of the *fist/Faust* somatism. The denotation of both of them is related to the numeral *five* and the collocation *the clenched hand/die geballte Hand*. At the same time, the somatism is associated with the concomitant national-cultural concept of *fist law/Faust Recht* regarding a property settlement. Methodologically, this research relies on the following guidelines: comparative analysis of German and English phraseological units with the semantic somatic component *fist / Faust*; acceptance of the objective similarity between the compared lexical units in both languages as a basis; partial use of the cognitive approach; use of theoretical sources and the corpora of both languages. The method of phraseological identification underlies the selection of lexical units to be analysed, which implies their structural and semantic stability, redefining and separability. The key findings of the research are consistent with the author's expectations. Insignificant correlational discrepancies are revealed in the use of phraseological units with the *fist/Faust* somatic components within the phrase-semantic field of *power, authority, force*, which confirms a universal functioning of the somatism in both languages. The prevalence of non-equivalent fixed expressions reflects the common specific features of the phraseological systems in both languages. Distinctions in the other groups are caused by uniqueness of the systems of images, inherent to the phrasicons of German and English.

REFERENCES

1. Omel'chenko, S.R. (2012) In search of theoretical grounds for linguistic anthropology. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 12. pp. 76–84. (In Russian).
2. Turkulets, I.A. (2015) *Frazeologizmy s komponentami-somatizmami v khudozhestvennykh tekstakh M.A. Sholokhova* [Phraseological units with somatism components in literary texts of M.A. Sholokhov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
4. Spirina, T.S. (2015) *Frazeologicheskie edinitsy, kharakterizuyushchie vlast', v angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh* [Phraseological units characterizing power, in English, German and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
5. Ayupova, R.A. (2004) *Problemy sopostavitel'noy frazeologii angliyskogo i russkogo yazykov* [Problems of comparative phraseology of English and Russian languages]. Kazan: Kazan State University.
6. Sazonova, A.A. (2012) On the issue of studying somatisms ARM in phraseological units of the modern German language. *Vestnik NGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik, Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 10 (1). pp. 98–104.
7. Vakk, F. (1968) O somaticheskikh frazeologizmakh estonskogo yazyka [On the somatic phraseological units of the Estonian language]. In: Orudzhhev, A.A. (ed.) *Voprosy frazeologii i sostavleniya slovarey* [Issues of phraseology and dictionary compilation]. Baku: AzSSR AS.
8. Google Ngram Viewer. [Online] Available from: <https://books.google.com/ngrams/graph?content=somatism>. (Accessed: 15.02.2018).
9. Averina, M.A. & Boldyreva, E.I. (2013) Somatism as a component of the phraseological unit of the Russian and German language. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 6 (73). pp. 11–13. (In Russian).
10. Karpukhina, N.M. & Sherstyukova, O.V. (2016) Lexical and grammatical signs of somatic phraseological units as basis of their structuring. *Vestnik MGOU – Bulletin of Moscow Region State University*. 5. pp. 41–45. (In Russian).
11. Berdnikova, T.A. (2000) *Leksiko-frazeologicheskoe pole somatizmov: Na materiale arkhangel'skikh govorov* [Lexical-phraseological field of somatisms: On the material of the Arkhangelsk dialects]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Podgornaya, V.V. (2016) *“Naivnaya anatomiya” v angliyskoy yazykovoy kartine mira* [“Naive anatomy” in the English language picture of the world]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
13. Starykh, O.V. (2011) Somatic terms as a specific word class in the Church Slavonic lexical system. *Vestnik PSTGU III: Filologiya – Bulletin of St Tikhon University for the Humanities, Philology Series*. 2 (24). pp. 80–85. (In Russian).
14. Arkhipkina, L.V. (2007) *Nemetskie frazeologicheskie edinitsy s komponentami-somatizmami v lingvokognitivnom i kul'turnom aspektakh* [German phraseological units with somatism components in linguistic cognitive and cultural aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Podgornaya, V.V. (2013) A Person as a social being represented in English somatic phraseological units. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 – Vestnik St. Petersburg University*. Ser. 9. 4. pp. 115–121. (In Russian).
16. Osetrova, E.V. (2012) *Manifestatsiya fakta v russkom vyskazyvanii, ili Sobytiye vyrazheniya* [The manifestation of the fact in the Russian utterance, or Event expression]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet.
17. Bashkatova, Yu.A. (2014) The somatic code of culture as the subject of comparative inquiry. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228. (In Russian).
18. Partridge, E. (2006) *Origins – A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London; New York: Routledge.
19. Köbler, G. (1995) *Deutsches Etymologisches Wörterbuch*. [Online] Available from: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (Accessed: 18.03.2018).
20. Guseva, A.E. (2007) Sopostavitel'naya frazeologiya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Comparative phraseology: state and development prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika – Bulletin of Moscow Region State University, Linguistics Series*. 1. pp. 247–254.
21. Fedulenkova, T.N. & Lyubova, A.N. (2008) Metody i protsedury issledovaniya frazeologii (na materiale angliyskogo, nemetskogo i norvezhskogo yazykov) [Methods and procedures for the study of phraseology (on the material of the English, German and Norwegian languages)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2 (10). pp. 158–167.
22. Chernysheva, I.I. (1970) *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the modern German language]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Binovich, L.E. & Grishin, N.N. (1975) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [German-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Grichenko, L.V. & Kharchenko, Yu.A. (2016) Leksiko-semanticheskaya klassifikatsiya somatizmov vo frazeologicheskikh fondakh angliyskogo i russkogo yazykov [Lexico-semantic classification of somatisms in the phraseological stocks of the English and Russian languages]. *Molodoy uchenyy*. 13. pp. 685–689.
25. Sokolova, E.N. (2015) The comparative analysis of phraseological units with a somatic component in the Russian and Polish languages. *Vestnik ChGPU – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2. pp. 274–281. (In Russian).
26. Ivanova, E.V. (2011) *Lexicology and Phraseology of Modern English*. Moscow: Akademiya.
27. Myl'nikova, N.V. (2009) *Struktura i funktsionirovanie kontsepta “ruka” v russkom yazyke* [The structure and functioning of the concept “hand” in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Samara.
28. Fedulenkova, T.N. & Klyuzheva, N.V. (2015) The identity of the phraseological unit as a set of its options (on the basis of English phraseological units with the component “make”). *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (32). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/32/8
29. *Korpusbelege: DWDS-Kernkorpus (1900–1999)*. [Online] Available from: <https://www.dwds.de/r?q=Becker-Faust&corpus>. (Accessed: 02.02.2018).
30. Bogoslovskaya, Z.M. & Pilipenko, S.A. (2016) [Unstable vocabulary in the field of neologisms of the German language]. *Mezhdunarodnoe obrazovanie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: problemy, poiski, resheniya* [International education and intercultural communication: problems, searches, solutions]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Del'taplan. pp. 129–134. (In Russian).
31. Online Etymology Dictionary. (n.d.) *Club-fist*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/word/club-fist>. (Accessed: 21.03.2018).

32. *DICT.CC Deutsch-Englisch Wörterbuch*. [Online] Available from: <https://www.dict.cc/?s=fist>. (Accessed: 12.04.2018).
33. Semina, I.A. (2010) Antroponimy v novoy nauchnoy paradigme [Anthroponyms in a new scientific paradigm]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – MSLU's Vestnik*. 603. pp. 78–86.
34. Aldaibani, A.A. (2003) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinit, vyrazhayushchikh intellektual'nye sposobnosti cheloveka, v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative analysis of phraseological units expressing human intellectual abilities in English and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
35. Dudenverlag. (2002) *Duden*. Bd. 11: Redewendungen. 2. Aufl. Mannheim – Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
36. Zinnatullina, L.M. (2012) Semantic and Structural-Grammatical Characteristic Adverbial Phraseological Units of the English Language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State University*. 17 (271):66. pp. 62–65. (In Russian).
37. *Wortschatz. Universität Leipzig*. [Online] Available from: <http://corpora.uni-leipzig.de>. (Accessed: 09.04.2018).
38. Krepkogorskaya, E.V. (2012) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinit s komponentom fitonimom v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative analysis of phraseological units with the phytonim component in English and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
39. *British Natsional Corpus*. [Online] Available from: <https://corpus.byu.edu/bnc/>. (Accessed: 12.05.2018).
40. Arsent'eva, E.F. (1989) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinit (na materiale frazeologicheskikh edinit, semanticheski orientirovannykh na cheloveka, v angliyskom i russkom yazykakh)* [Comparative analysis of phraseological units (on the material of phraseological units semantically oriented to the person in English and Russian)]. Kazan: Kazan State University.
41. Zalal'dinova, A.A. & Arsent'eva, E.F. (2012) Phraseological units of English, Russian and German languages with national-cultural component. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (28). pp. 178–181. (In Russian).

Received: 30 October 2018

И.Ю. Шкицкая

ФЕНОМЕН ИРОНИИ И ЕЕ ФУНКЦИИ В МАНИПУЛЯТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Осуществлен обзор научных подходов к анализу феномена иронии, сгруппированы основные ее функции, сформулированы языковедами. Выделены функции иронических высказываний – реакций на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника. Показана обусловленность иронической вербальной реакции объекта манипуляции экстралингвистическими факторами, в частности отношениями между коммуникантами, семантикой положительнооценочной манипулемы, а также способностью объекта манипулирования определять интенции манипулятора.

Ключевые слова: ирония; манипулятивный дискурс; манипулятивная тактика повышения значимости собеседника; функции иронии; реактивное ироническое высказывание; положительнооценочная манипулема.

В современных лингвистических исследованиях доминируют антропоцентрический и функциональный подходы к изучению языка, средства которого рассматривают с позиций реализации их прагматического потенциала и национальной самобытности. С учетом экстралингвистических факторов и семантики контекста лингвисты рассматривают оттенки значения различных языковых единиц и их вербальную репрезентацию в условиях конкретных коммуникативных актов. Одним из феноменов, длительное время привлекающих внимание ученых в разных областях науки, является ирония. Так, ее как полифункциональное явление изучают филологи, философы, психологи, специалисты по эстетике и семиотике. И хотя среди исследователей иронии доминируют литературоведы, количество научных работ, объектом анализа в которых является вербальное проявление иронии, существенно возросло. В целом это обусловлено повышенным интересом языковедов к изучению различных аспектов коммуникации и средств экспрессивности текста сквозь призму функционирования языка как инструмента и средства воздействия.

Для освещения иронии используются эстетический и лингвистический подходы. Ученые сходятся во мнении, что только с позиций лингвистики иронию анализировать нельзя. Ирония является довольно сложным объектом научных исследований. Во-первых, поскольку в языке не существует четко закрепленных средств выражения иронического смысла – словарное пространство иронии неограниченно [1. С. 435], ироническая интенция говорящего может скрываться за различными уровнями языка [2; 3. С. 40]. Во-вторых, в силу конситуативной / контекстуальной обусловленности безошибочная интерпретация выражения как иронического возможно лишь с учетом контекста: «Ни одна из существующих теорий иронии не может полностью отличить ироническое произнесение от неиронического» [4. Р. 172]. Для безошибочной интерпретации иронии требуется знание реалий разных сфер жизни, например истории и культуры народа. В-третьих, механизм создания иронии является трудным для понимания и описания, ведь ирония не поддается унификации: это – проявление творчества и самобытности личности.

Исходя из сказанного, антропологический подход, который позволяет правильно интерпретировать иронический подтекст и исследовать реакцию на ирони-

ческие высказывания, должен дополняться функциональным подходом, дающим возможность учитывать контекстуальную обусловленность раскрытия иронического смысла, а также взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов.

Интересным, на наш взгляд, является определение места иронии и ее функций в манипулятивном дискурсе, в частности исследование репрезентации ее проявлений в межгендерной манипулятивно направленной коммуникации. Среди представленных в разных культурах манипулятивных коммуникативных стратегий выделяется манипулятивная стратегия позитива. Она направлена на изменение поведения, а также ментального и эмоционально-психического состояния собеседника путем сообщения ему приятной информации в виде положительной оценки или выражения доброжелательного отношения, а также информации, положительно характеризующей говорящего или содержащей указание на общее между коммуникантами [15. С. 385]. Эту стратегию представляют три коммуникативные тактики: тактика повышения значимости собеседника, тактика положительного самопозиционирования и тактика солидаризации.

Целью нашей статьи являются обобщение взглядов лингвистов на феномен иронии и выяснение ее функций при реализации тактики повышения значимости собеседника. Актуальность работы обусловлена недостаточным количеством научных исследований, в которых выясняются особенности реализации прагматического потенциала иронии в разных типах дискурса, в частности в манипулятивном дискурсе. Цель исследования определяет его задания: 1) обобщить взгляды языковедов на иронию, определить ее основные признаки в свете традиционных и современных научных исследований; 2) описать условия передачи иронического смысла в ситуациях манипулирования позитивом; 3) определить тематику манипулятивно маркированных ситуаций, в которых имеет место ирония; 4) выяснить функции иронии в манипулятивном дискурсе позитива.

Материалом исследования послужила авторская картотека, насчитывающая более 5 000 фрагментов текстов с высказываниями, которые содержат коммуникативные события – факты манипулятивного воздействия, созданная методом сплошной выборки из художественных текстов украинской литературы

конца XIX–XXI вв. Поскольку диалоговые формы отличаются высоким прагматическим потенциалом и манипулятивная стратегия позитива ярко реализуется в диалогических видах коммуникации, при формировании выборки, охватывающей литературу разных временных отрезков и различной тематики, предпочтение отдавалось текстам прозаических и драматических произведений с ярко выраженной диалогичностью. Наибольшее количество примеров манипулятивного воздействия было выбрано из исторических романов, детективов, приключенческих повестей, а также произведений других жанров, в которых реалистично изображены деловые и неформальные отношения между людьми. К анализу были привлечены также записи устной речи. Ирония как реакция на положительно оценочные манипулемы исследована в условиях официального и неофициального устного общения с дифференциацией степеней знакомства коммуникантов, их возраста, пола, статуса, социальных ролей и типа отношений между ними.

Картотеку образуют текстовые фрагменты, в которых зафиксированы ситуации воздействия говорящего на поведение, эмоциональное или ментальное состояние собеседника (обычно в интересах говорящего). Это преимущественно диалогические единства, в которых адресант прямо или косвенно положительно оценивает адресата или демонстрирует доброжелательное отношение к нему. Распознавание коммуникативной цели было осуществлено с учетом прагматических особенностей высказываний и контекста.

Основными методами, применяемыми в работе, являются описательный и классификационный, методы лингвистического, структурного, конверсионного и количественного анализа, а также метод прагматической интерпретации и дискурс-анализ.

Анализ научных исследований, посвященных феномену иронии, позволяет сделать вывод о том, что ее определяют как:

– *разновидность субъективной модальности*, которая передает критическую оценку ситуации действительности / себя; особый тип эмоционального / критического отношения к действительности (например, С.И. Походня);

– *ментальное и лингвокультурное образование* (Е.А. Бргоханова, В.П. Белянин, О.Я. Палкевич и др.);

– *способ мышления и мировосприятия* (М.В. Ломоносов, А.В. Сергиенко, Л.И. Кадаша, И.Н. Иванова, С.И. Походня);

– *способ выявления мировоззренческой позиции автора художественного произведения* (например, С.И. Glucksberg, Е.А. Баллаева);

– *эстетический феномен, эстетический компонент мышления, эстетическая установка*, определяющая возвышение субъекта над действительностью (О.П. Ермакова, А.В. Сергиенко, Ю.В. Каменская, Ж.Е. Фомичева, А.И. Конопенко, С.И. Походня и др.);

– *художественный троп* (например, Л.Ф. Алексеева);

– *риторический / стилистический и композиционный прием*, служащий украшению и выразительности речи, суть которого заключается в называ-

нии вещей не своими именами (М.В. Ломоносов, Л.М. Болдырева, И.В. Арнольд, Н.К. Салихова, И.Р. Гальперин, Л.В. Чернец, В.Е. Жаров и др.);

– *часть парадигмы комического*, в частности промежуточное явление между юмором и сатирой (J. Weisgerber, Л.М. Болдырева, Т.Ю. Чубарян, V. Raskin, К.А. Воробьева, Г.Н. Чугунекова, О.Г. Петрова и др.);

– *текстовая категория* (например, Ж.Е. Фомичева);

– *тип многозначности и непрямоеговорения, разновидности импликации* (А.В. Сергиенко, В.С. Демьянков и др.);

– *языковое явление, представленное единицами разных языковых уровней* (Н.А. Николина, С.И. Походня, Л.В. Бреева, Б.Е. Монастырев, А.И. Усманова и др.);

– *средство реализации речевой установки, речевая стратегия* (И.М. Вайвакова, Ф.С. Бацевич и др.);

– *тип вербального поведения в социуме* (например, К.А. Воробьева, К.М. Шилихина);

– *средство речевого воздействия* (Г.Л. Прокофьев, Б.А. Гомлешко, A. Partington и др.).

В современной лингвистике иронии рассматривают в основном в двух аспектах: как стилистическую фигуру и как явление, возникающее во время коммуникативного акта (см, например: [5. С. 7; 6]). И в лингвистических, и в литературоведческих исследованиях российских и украинских ученых доминирует взгляд на иронию как на художественный троп. Ирония больше изучена в структуре художественного текста, но есть научные работы, в которых отражены особенности реализации иронии в публицистике (Т.Ю. Чубарян, Э.В. Чепкина, П.Е. Печеникина, С.Л. Васильева, М.Е. Лазарева, Pirkko Nuolijärvi, Liisa Tiittula, A.A. Арестов, И.А. Кобякова и др.).

Разделяя мнение об иронии как языковом явлении, выраженном единицами разных уровней, лингвисты останавливаются в основном на лексико-семантических и грамматических особенностях контекстной иронии. Значительно меньше научных трудов, посвященных изучению иронии в целостном тексте. В научном наследии исследователей восточнославянских языков находим немало работ, в которых представлен взгляд на иронию как вид комического, где она противопоставляется юмору и сатире (например, Г.И. Приходько, О.Г. Петрова, К.А. Воробьева, Г.Н. Чугунекова, С. Демьянова). Юмору часто приписывается меньшая регулятивная функция по сравнению с иронией и меньшая интенциональность. В отличие от сатиры, ирония имеет больший прагматический эффект, передает более широкую гамму чувств, является гибкой и некатегоричной, менее агрессивной, более интеллектуальной и аполитичной [7].

Хотя лингвисты сходятся во мнении, что функция иронии не ограничивается созданием комического эффекта, иронии часто ассоциируют с высмеиванием: за внешне положительной оценкой скрывается насмешка. Например, С.И. Походня считает иронию уникальной возможностью реализации скрытой субъективно-оценочной модальности негативного характера [8. С. 9], но не каждое ироническое высказывание содержит насмешку [9. С. 38], к тому же предмет

иронического высмеивания может быть положительным. В основе феномена иронии лежат полисемия языковых единиц и их экспрессивность – способность передавать широкий спектр оценочных отношений субъекта речи. Признаками иронии являются также иронический смысл, имплицитность, контрастность, многоплановость, многомерность и лаконичность формы.

Большинство исследователей считают необходимым компонентом иронии негативную оценочность: ироническое высказывание содержит положительную и негативную составляющие, противоречащие друг другу. Чем сильнее контраст между ними, тем ярче проявляется иронический смысл. Однако, по нашему мнению, противоречия между эксплицитным и имплицитным значениями высказывания – не обязательное условие возникновения иронического смысла.

Будучи инсценированным речевым актом [10. С. 12–13], ирония обладает модальностью, направленной на адекватное понимание адресатом. Но адекватность интерпретации возможна лишь в контексте – на уровне высказывания или текста. В условиях формального и неформального общения для понимания иронии значимыми являются тип отношений между коммуникантами, их фоновые знания, особенности ситуации общения, его прагматическая цель, а также статусные, гендерные и возрастные особенности коммуникантов.

Ирония характеризуется полифункциональностью и большим прагматическим потенциалом. Языковеды как основные ее функции рассматривают следующие:

- скрытое выражение негативного отношения к коммуникативному партнеру или к явлениям окружающей действительности в виде насмешки, пренебрежения, враждебности;
- убеждение и коррекция поведения собеседника (например, успокоение и нейтрализация агрессии);
- выявление неискренности [11. С. 35];
- описательная и характеризующая функции;
- возвышение над собеседником;
- выражение эмоционального отношения к собеседнику;
- демонстрация реального положения вещей;
- оптимизация межличностных отношений, в частности соблюдение принципа вежливости (см., например: [12. С. 11; 13]);
- мотивация действий коммуникантов [12. С. 12];
- уклонение от прямого ответа [14. С. 86].

Ирония является одним из способов реагирования на манипулятивно маркированную положительную оценку. Рассмотрим функции иронии, которые чаще всего реализуются в ситуациях манипулирования позитивом. Наиболее частотной функцией реактивной иронии в манипулятивном дискурсе позитива является функция гармонизации общения. В.И. Карасик общение, содержащее иронию, считает разновидностью несерьезного общения [1. С. 408]. Ироническую реакцию на положительнооценочное высказывание наблюдаем и в ситуациях делового общения, причем неформального значительно чаще, чем формального. Упомянутая функция иронических высказываний здесь может использоваться с целью разнообразить или украсить разговор, например (заклученный просит охранника об услуге):

– *Охоронцю, якщо я тебе попрошу відімкнути в цій клятій клітці ці кляті двері – то що буде?*

– *То буде виглядати, наче ти вважаєш, що я лише зовні мент, а всередині – сама добрість.*

– *А хіба ні? Я переконаний, що всередині ти романтик і поет. Ти – герой, котрому не забракло мужності грати роль циніка, хоча вона зовсім не узгоджується з твоєю внутрішньою роллю.*

– *Будемо вважати, що ключі від камери тримає в руках внутрішній чоловік, а не зовнішній (Б. Гуменюк) –*

– Охранник, если я тебя попрошу открыть в этой проклятой клетке эти проклятые двери, то что будет? (здесь и далее перевод наш. – И.Ш.)

– Это будет выглядеть, будто ты считаешь, что я только снаружи мент, а внутри – сама доброта.

– А разве нет? Я убежден, что внутри ты романтик и поэт. Ты – герой, которому хватило мужества играть роль циника, хотя она совсем не согласуется с твоей внутренней ролью.

– Будем считать, что ключи от камеры держит в руках внутренний человек, а не внешний (Б. Гуменюк). Так, в приведенном примере охранник понимает скрытые намерения заключенного – добиться снисходительности и возможных уступок, но его занимает разговор с зависимым от него собеседником, который проявляет изобретательность и чувство юмора.

Особенно ярко ирония проявляется в ситуациях межгендерной манипулятивно маркированной коммуникации. Прежде всего речь идет о ситуациях флирта, в которых функция гармонизации общения, которую выполняют иронические высказывания, представлена его интимизацией, подыгрыванием, передачей мнимого непонимания, принятием ухаживания и т.п., например (семинарист Балабуха хочет жениться на дочери священника Анисье):

– *Ви, Онисіє Степанівно <...> я <...> ви <...> [знов почав Балабуха], – як побачив я вас, то мені став світ милий!*

– *Хіба я така страшна, що вже й світ вам зав'язала! – [одрубала Онися сміливо].*

– *Ви жартуєте? Краса страшна, – це правда; але так, як були страшні для людей давні боги, як страшний бог, – [почав філософствувати Балабуха]. – Ваші чорні брови, неначе гострі стріли в Купідона, – кого вразять, той вже навіки ваш.*

– *У кого ж то були такі стріли? Ви, мабуть, говорите про своїх вчителів? – [обізвалась Онися] (І. Нечуй-Левицький) –*

– Вы, Анисья Степановна <...> я <...> вы <...> [опять начал Балабуха], – как увидел вас, то мне свет стал не мил!

– Разве я такая страшная, что вам уже и мир не мил! – [отрубала Анисья смело].

– Вы шутите? Красота страшная – это правда, но так, как были страшны для людей древние боги, как страшный бог... – [начал философствовать Балабуха]. – Ваши черные брови, словно острые стрелы Купидона, – кого поразят, тот навеки ваш.

– У кого ж это были такие стрелы? Вы, наверное, говорите о своих учителях? – [озвалась Анисья] (И. Нечуй-Левицкий). В этом диалоге Анисья, выра-

жая мнимое непонимание, провоцирует ухаживающего за ней семинариста на детализацию позитивной оценки и признание в любви.

Типичным для иронических высказываний в манипулятивном дискурсе позитива является сочетание функции гармонизации общения и функции положительного самопозиционирования. Таким образом, говорящий показывает себя как представителя элиты, начитанного и эрудированного человека, демонстрирует свое остроумие, сообразительность, чувство юмора и умение красиво говорить. В ситуациях манипулирования позитивом функция гармонизации общения и «украшения» беседы редко сочетается с функцией возвышения над собеседником, например (во время войны Сабантуй с ранеными ищет убежища у лесничих):

– Я, Христино Захарівно, скажу, як на сповіді: скільки на світі живу, а такої, як ви, ще не доводилось бачити. Отакої статурної <...> В мене, признатися, як на вас глянув, все аж обмерло <...>.

– Чи не тому так чіплявся за штахетини? (А. Дімаров) –

– Я, Кристина Захаровна, скажу, как на исповеди: сколько на свете живу, а такой, как вы, еще не приходилось видеть. Такой статной <...> У меня, признаться, как на вас глянул, все аж обмерло <...>.

– Не потому ли так цеплялся за забор? (А. Димаров). В приведенном примере Кристина Захаровна, мужественная и самодостаточная женщина, не привыкшая к проявлениям сентиментальности, в форме шутки выражает пренебрежительное отношение к комплиментам Сабантуя, понимая что его восхищение не совсем искреннее, поскольку он нуждается в ее помощи, и его «цепляние» за забор было вызвано необходимостью конспирации.

Ирония как реакция на манипулятивно направленную похвалу возникает также в виде проявления недовольства формой, содержанием комплимента или поведением манипулятора. Близкой к этой функции являются критика и упрек в смягченной форме, например (проводник хочет угодить пассажирке):

– Мадамочко! Вам каву в ліжку чи в чашечку, як вашим сусідам?

– У чашечку, а потім у ліжку, будьте ласкаві! Не дасте й поспати, турботливий ви наш! (М. Иванцова) –

– Мадамочка! Вам кофе в постель или в чашку, как вашим соседям?

– В чашечку, а потом в постель, пожалуйста! Не дадите и поспать, заботливый вы наш! (М. Иванцова). Поведение проводника пассажирка находит слишком навязчивым: разбудившее ее предложение заказать кофе в шуточной форме вызвало ироническую реакцию в виде номинации «заботливый вы наш»;

(боярин уговаривает главаря отряда сотрудничать):

– А ти куди тікаєш?

– Теж до Польщі. Але я щиро кажу, що можу повести твоїх ребеліантів.

– Куди?

– Проти Дуки.

– Ти вже водив.

– Не зашкодить, коли ще раз поведу. З твоїми во-
яками виграю.

– Багато пір'я та хвали, а літати нічим (М. Івасюк) –

– А ты куда убегаешь?

– Тоже в Польшу. Но я искренне говорю, что могу повести твоих повстанцев.

– Куда?

– Против Дуки.

– Ты водил.

– Не помешает, если еще раз поведу. С твоими во-
инами выиграю.

– Много перьев и хвалбы, а летать нечем (М. Ивасюк). В этом примере главарь отряда негативно реагирует не столько на похвалу своей команде, сколько на предложение боярина, который давно утратил доверие и авторитет своими поступками.

Объект иронических высказываний в ситуациях манипулирования позитивом – обычно манипулятор, но в ситуациях межгендерной и деловой коммуникации находим иронические реактивные высказывания похвалы в виде самоунижений – самоиронии, например (следователь хочет узнать у заключенного необходимую информацию):

– Читав вашу справу за вісімдесятий рік, – [у черговій спробі підібратися ближче, на відстань одного стрибка, слідчий вирішив зайти з іншого боку,] – і ніяк не надивуюсь, як ви відважились на таке, де у вас бралось тієї мужності, не побоюсь високого слова – нескореності?

– На яке? Для того, щоб побитися на танцях у клубі, багато мужності не треба. Тут головне, щоб була горілка і хлопці з сусіднього села. [– Олесь зробив вигляд, що клонув і непомітно для самого себе потрапив на гачок] (Б. Гуменюк) –

– Читал ваше дело за восьмидесятый год, – [в очередной попытке подобраться ближе, на расстояние одного прыжка, следовательно решил зайти с другой стороны,] – и никак не перестаю удивляться, как вы решились на такое, где у вас нашлось столько мужества, не побоюсь высокого слова – непокорности?

– На какое? Для того, чтобы подраться на танцах в клубе, много мужества не надо. Здесь главное, чтобы была водка и ребята из соседнего села. [– Олесь сделал вид, что клонул и незаметно для себя попался на крючок] (Б. Гуменюк). Е.Н. Зарецкая умение смеяться и иронизировать над собой считает искусством, редким даром, свойственным только умным и сильным духом людям. По ее мнению, даже при условии дружеских отношений с собеседником сначала нужно поиронизировать над собой, а уже потом – обращаться с иронией к нему [16. С. 333].

В зафиксированных нами на материале художественной украинской литературы реакциях на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника цель самоиронии в ситуациях нефлиртового общения и тех, что предусматривают флирт, различается. Так, в ситуациях деловой коммуникации самоирония вызвана преувеличенной оценкой объекта манипулирования и / или его нежеланием выполнять просьбы манипулятора, например (редактор уговаривает кузнеца стать корреспондентом):

– А як же я? Як же я наважися бути редактором? Не сількором, п і д к р е с л ю ю, а редактором,

людиною досить-таки відповідальною? Принаймні багато більш відповідальною, якою я вам пропоную зробитись?

— *Ще б когось зрівняли з собою!* — [заперечив старий коваль]. — *Та я ж такий собі простий робітник, можна сказати звичайнісінький!* (М. Хвильовий) —

— А как же я? Как же я решился быть редактором? Не селькором, п о д ч е р к и в а ю, а редактором, человеком довольно-таки ответственным? По крайней мере, намного более ответственным, каким я вам предлагаю стать?

— Еще бы кого сравнили с собой! — [возразил старый кузнец]. — Я ведь простой рабочий, можно сказать обыкновенный! (Н. Хвильовой). В приведенном примере кузнец не хочет заниматься журналистикой. Его реакция на предложение редактора, обрамленное непрямыми позитивнооценочными высказываниями, характеризуется эмоциональностью, подчеркивает дистанцию и непрямо маркирует отказ.

В ситуациях флирта самоирония маркирует ложную скромность, цель которой — добиться подтверждения лестных высказываний в свой адрес, вызвать заверения в искренности, т.е. получить новую волну комплиментарных высказываний, например (Варя, поссорившаяся с парнем, которого любит, решает ему на зло выйти замуж за неказистого Степана):

ВАРКА. Скажи краще, що ти неслівливий та й звертаєш на твар і ганиш її без міри! Он горбатий Маржан яку кралю висватав!? Хіба ти до нього прирівнявся? Ти парубок, як дуб, на все село — і глянуть любо.

СТЕПАН. Хіба ззаду.

ВАРКА. Вже коли дівчина тобі говорить, то повір! (І. Карпенко-Карий) —

ВАРКА. Скажи лучше, что ты робкий и обращаешь внимание на внешность и ругаешь ее без меры! Вон горбатый Маржан какую красавицу высватал!? Разве ты ему ровня? Ты парень, как дуб, на все село — и глянуть любо.

СТЕПАН. Разве сзади.

ВАРКА. Уж коль девушка тебе говорит, верь! (И. Карпенко-Карый). Из приведенного примера видно, что Степан удивлен поведением Вари и хочет удостовериться в искренности ее чувств.

Объект манипулирования может реагировать на положительнооценочный экспрессив самоиронией еще и для того, чтобы произвести положительное впечатление путем позиционирования себя как скромного человека. Заметим, что в украинской культуре приветствуется скромность: активное самовосхваление и чрезмерное акцентирование внимания на себе не типичны для украинцев, хвастливые люди осуждаются социумом, что проявляется в многочисленных пословицах и поговорках: *Не хвали себе — нехай тебе інші хвалять* (Не хвали себя — пусть тебя другие похвалят), *Хвастоці — не молотьба* (Хвальба — не молотьба), *Хвалиться, вихваляється, а від вітерочка валиться* (Хвастается, величается, а от ветерочка валится), *Хвалько — шкідливіше молі* (Хвастун — вреднее моли), *Хвалько правду скаже, йому ніхто не повірить* (Хвастун правду говорит, а ему никто не верит), *Багато пір'я та хвали, а літати*

нічим (Много перьев и хвальбы, а летать нечем), *Багато галасу даремно* (Много шума из ничего), *Хвали мене, язичку, будеш кашку їсти* (Хвали меня, язычок, будешь кашку кушать) и др.

Близкую к функции самоиронии в манипулятивном дискурсе выполняют иронические высказывания, которые служат способом смены темы разговора или переключения внимания собеседника с себя на других или другое. Таким образом объект манипуляции, проявляя скромность, пытается «нейтрализовать» незаслуженную или преувеличенную похвалу, например (гость хочет угодить хозяину — своему бизнес-партнеру):

— *Шаманство! А який ритм!* — [узявши до рук малюнок, відреагував гість]. — *Аж у голові паморочиться! І як це тобі вдалося?*

— *То тобі від віскі паморочиться!* — [відповів господар до дому і запросив вийти на терасу, посидіти на свіжому повітрі та покурити сигари] (М. Іванцова) —

— Шаманство! А какой ритм! — [взяв в руки рисунок, отреагировал гость]. — Даже голова кружится! И как это тебе удалось?

— Это у тебя от виски голова кружится! — [ответил хозяин дома и пригласил выйти на террасу, посидеть на свежем воздухе и покурить сигары] (М. Иванцова). В приведенном примере гость слишком эмоционально высказался о рисунке, что смутило хозяина и подтолкнуло к использованию иронии в виде шутки для смещения фокуса внимания собеседника.

Ироническую форму реагирования объект манипулятивного воздействия использует и для маркирования несогласия с мнением собеседника, косвенного выражения недоверия или удивления, например (Голохвостый ухаживает за Галей, но собирается жениться на другой девушке):

ГОЛОХВОСТИЙ. Да коли улюбљон, да так улюбљон, що хоч візьмїть в руки пістолета і прострелїть тут груди мою!

ГАЛЯ. Так і повірили! Шукайте собі панночок! (М. Старицький) —

ГОЛОХВОСТИЙ. Да когда влюблен, так влюблен, что хоть возьмите в руки пистолет и прострелите здесь грудь мою!

ГАЛЯ. Так и поверили! Ищите себе барышень! (М. Старицкий). Галя, узнавшая о том, что Голохвостый ходит к ее богатой родственнице, не принимает его признаний в любви и с иронией реагирует на них.

В языковедении распространено мнение о том, что умышленное употребление косвенных высказываний, в частности иронических, свидетельствует о несоблюдении постулатов коммуникативного кодекса и принципа Кооперации [17. С. 130]. Заметим, что иронические реактивные высказывания в манипулятивном дискурсе используются не только для непрямого выражения негативных эмоций, но и для завуалированного проявления одобрения и благосклонного отношения к собеседнику, например (оруженосец Богдана Хмельницкого приглашает в гости казацкого старшину):

— *На малагу, кажеш? Невже ж у пана Хмеля немає з ким вицідити цей божественний напій?*

— *Пан Хмель просту оковиту п'є з простими смертними, вельмишановний пане гетьмане,* — [низь-

ко вклонився джура.] – А заморську малагу може споживати тільки з найближчими приятелями.

– Ха-ха-ха, – [широко засміявся Барабаш.] – **Бачу, ти не даремно в джурах ходиш, коли так умієш говорити** (В. Кулаковський) –

– На малагу, говориш? Неужели пану Хмелю не с кем выпить этот божественный напиток?

– Пан Хмель простую водку пьет с простыми смертными, уважаемый пан гетман, – [низко поклонился оруженосец.] – А заморскую малагу может употреблять только с самыми близкими друзьями.

– Ха-ха-ха, – [искренне засмеялся Барабаш.] – Виджу, ты не даром в оруженосцах ходишь, раз умеешь так говорить (В. Кулаковский). В этом диалоге казачий старшина, удивленный сообразительностью юного оруженосца, хвалит его, используя нетипичную для похвалы форму иронического высказывания.

К описываемым функциям реактивных иронических высказываний близка функция запроса информации, особенно касательно отношения манипулятора к собеседнику (в основном противоположного пола). В межгендерном общении, в частности в ситуациях флирта, ироническое высказывание служит и передаче намека на невзаимность. Такая форма дает возможность говорящему тактично выйти из неловкой ситуации отказа и сообщить о своем отношении к лицу противоположного пола так, чтобы сохранить его достоинство, не вызвать обиды и избежать коммуникативной неудачи, например (посетитель трактира хочет гармонизировать отношения с хозяйкой):

ГОРПИНА. Спасибі. Не минайте ж нашої хати <...>

СТЕПАН. Та я щодня б завертав, якби ласка (підморгує і чуха потилицю) Га?

ГОРПИНА. **Якої ж вам ще ласки?** (М. Старицкий) –

ГОРПИНА. Спасибо. Не проходите мимо нашего дома <...>

СТЕПАН. А я каждый день бы заходил, если бы была ваша ласка (подмигивает и чешет затылок) А?

ГОРПИНА. Какой же вам еще ласки? (М. Старицкий).

Так, из приведенного примера видно, что хозяйка трактира заинтересована в постоянных клиентах. Но когда ее собеседник хочет сократить дистанцию общения – интимизировать отношения, она на его намек отвечает иронией в виде вопроса, который на самом деле передает не непонимание, а отрицательный ответ.

Небольшое количество в исследуемом материале составляют примеры, в которых реактивная ирония служит выявлению намерений манипулятора, например (девушка уговаривает комсорга не задействовать ее в мероприятии):

– А люди? Що я людям скажу? Лекцію прочитаю з історії КПРС?

– Не заривайся, Баєва!

– Ігор, лапочка, ну ти ж можеш, коли хочеш!

– **Шантаж?** (Н. Хаткіна) –

– А люди? Что я людям скажу? Лекцию прочитаю по истории КПСС?

– Не зарывайся, Баева!

– Игорь, лапочка, ну ты же можешь, если хочешь!

– Шантаж? (Н. Хаткіна). Такая реакция Игоря свидетельствует о том, что он понимает манипулятивные намерения собеседницы и хочет, чтобы она об этом знала.

Заметим, что понятие «выявление намерений манипулятора» и «выявление манипулятивной тактики, используемой говорящим» требуют разграничения: намерения и тактика не всегда совпадают – тактика часто является вспомогательным оружием манипулятора в достижении его целей. И в формальном, и в неформальном общении разоблачение коммуникативной тактики в основном не вызывает негативных реакций (человеку нравятся лестные высказывания в свой адрес, даже если он знает о их неискренности и безосновательности). Но разоблачение намерений манипулятора, которые противоречат желаниям коммуникативного партнера или морально-этическим нормам, принятым в обществе, могут вызвать бурные негативные реакции объекта манипуляции, в том числе и в виде иронических высказываний.

Частотность репрезентации выделенных функций иронических реактивных высказываний изображена на рис. 1.

М.А. Слепцова говорит о связи функции иронии в каждом конкретном случае с экстралингвистическими факторами, в частности с отношениями между говорящим и адресатом. По мнению исследовательницы, «реализация иронией разных, в некоторых случаях противоположных функций, подтверждает тот факт, что ирония является высказыванием, неразрывно связанным с речевой ситуацией» [18. С. 14].

Причины иронического реагирования адресата положительной оценки в ситуациях осуществления манипулятивного воздействия отличаются разнообразием. Чаще всего они, как и другие негативные вербальные реакции на манипуляцию позитивом [19. С. 115], обусловлены преувеличенной положительной оценкой, неудачно выбранным предметом оценки, предыдущими конфликтами с коммуникативным партнером, личной неприязнью, разоблачением намерений манипулятора, а также неприемлемостью для объекта манипуляции действий, к которым его побуждает манипулятор. В ситуациях флирта причины иронического реагирования в основном вызваны желанием объекта манипулирования проверить подлинность чувств манипулятора или стремлением тактично отказать собеседнику.

Таким образом, ирония не всегда является средством выражения недовольства, раздражения, сожаления и обиды. Объект манипулирования иронично реагирует на манипулятивно направленный положительно-оценочный экспрессив для: а) гармонизации общения, в частности его неформализации, интимизации и обогащения; б) запроса информации, побуждения партнера к выявлению истинных чувств, заверений в искренности, оправданий, извинений, объяснений поведения, несоответствующего ожиданиям адресата; в) положительного самопозиционирования и привлечения внимания к себе; г) непрямого сообщения о своих чувствах, легкого выхода из неудобной ситуации отказа или невзаимности, перевода разговора в другое русло; д) разоблачения манипулятивных намерений собеседника и демонстрации понимания его интенций.

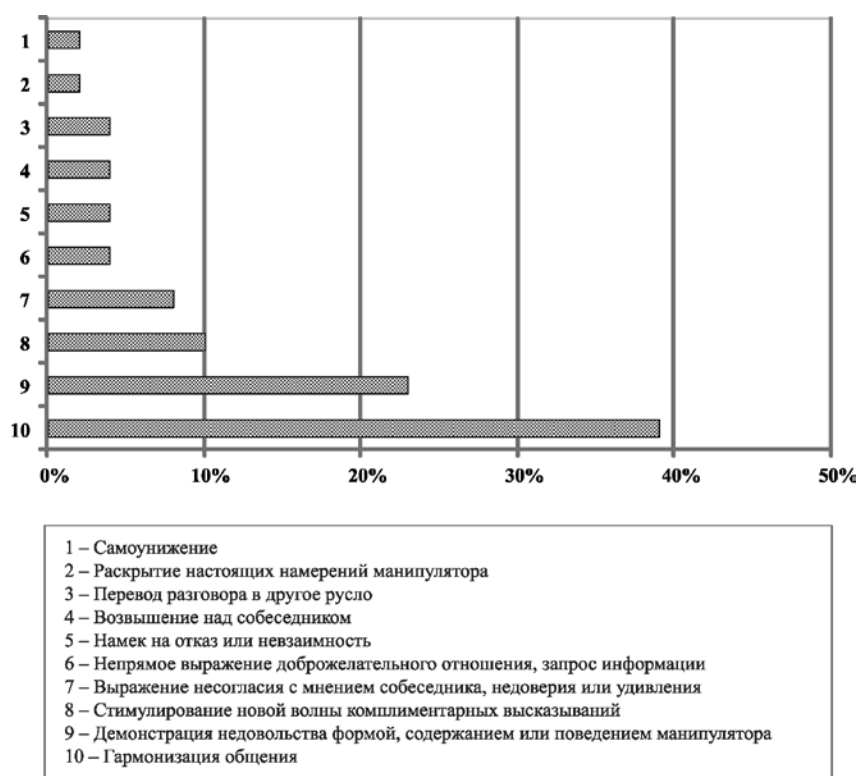

Рис. 1. Частотность реализации функций иронии в реакциях на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника

В ситуациях манипуляции позитивом наблюдается полифункциональность иронических реактивных высказываний. Функции иронического высказывания часто обусловлены типом отношений между комму-

никантами и ситуацией общения. Вербальная реакция на иронию в других ситуациях манипулятивного воздействия требует дальнейшего всестороннего научного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
2. Лазарева М.Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 198 с.
3. Шилихина К.М. Метафора и ирония // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 39–42.
4. Utsumi A. Verbal irony as implicit display of ironic environment : Distinguishing ironic utterance from nonirony / A. Utsumi // Journal of pragmatics. 2000. Vol. 32. P. 1778.
5. Шумкова Т.Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX века в свете традиций немецкого романтизма. 3-е изд. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 370 с.
6. Partington A. Phrasal irony : Its form, function and exploitation // Journal of pragmatics. 2011. Vol. 43. P. 1786–1888.
7. Петрова О.Г. Ирония и разные типы комического в художественном тексте // Вестник наука и практика. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/349>
8. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев : Наукова думка, 1989. 218 с.
9. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : Изд-во КГПУ, 2005. 202 с.
10. Лимарева Т.Ф. Прагматический аспект иронии // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. Москва ; Краснодар, 1998. С. 212–219.
11. Гомлешко Б.А. Ирония как намеренная передача неискренности // Актуальные проблемы языкового образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. Майкоп, 2007. С. 35–38.
12. Гомлешко Б.А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. Майкоп : АГУ, 2008. № 3. С. 11–13.
13. Охримович К.В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.
14. Гнездилова Л.Б. Ирония и намек как способы уклонения коммуниканта от прямого ответа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 86–89.
15. Шкіцька І.Ю. Маніпулятивні тактики позитиву : лінгвістичний аспект / ред. проф. В.М. Бріцина. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. 440 с. : іл.
16. Зарецкая Е.Н. Риторика : Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. М. : Дело, 2002. 480 с.
17. Бацевич Ф. Основи комунікативної лінгвістики : підручник. Київ : Академвидав, 2004. 344 с.
18. Слепцова М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с.
19. Шкіцька І.Ю. Вербальна репрезентація негативних реакцій на маніпулятивну тактику підвищення значимості співрозмовника // Мова і культура : [наук. вид.]. Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2017. Вип. 19. Т. IV (184). С. 110–118.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2018 г.

The Phenomenon of Verbal Irony and Its Functions in the Discourse of Manipulation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 45–52.

DOI: 10.17223/15617793/440/6

Iryna Yu. Shkitska, Ternopil National Economic University (Ternopil, Ukraine). E-mail: i.shkitska@gmail.com

Keywords: verbal irony; discourse of manipulation; manipulative tactics of increasing value of interlocutor; functions of verbal irony; reactive ironic utterance; manipulative positively evaluative expressive.

The article summarizes the scientific views toward verbal irony, identifies its main characteristic features. Ironical meaning, implicitness, contrast, versatility, multidimensionality, and laconic form are considered as typical signs of verbal irony. Irony is shown to be a linguistic phenomenon with a great pragmatic potential. The author groups major functions of verbal irony, as distinguished by linguists including hidden expression of negative attitude towards a communicative partner or to episodes of social realm in the form of mockery, disregard, hostility; persuasion and correction of an interlocutor's behavior, motivating his/her actions; disguising insincerity, descriptive and qualificative functions, ascension above an interlocutor, expression of emotional attitude towards him/her, demonstration of the actual state of affairs, optimization of interpersonal relations, in particular, observance of the principle of politeness, evasion of a direct answer. Considering verbal irony as one of the ways of responding to a manipulatively directed positive evaluation, the author determines the place of verbal irony and its functions in manipulative discourse, focuses on studying its manifestations in an intergender manipulatively directed communication. Basic functions of ironic utterances in manipulative positive discourse were found to comprise harmonization of communication, demonstration of dissatisfaction with the form or the content of a compliment or with manipulator's behavior in general, stimulating a new wave of compliments, expression of disagreement with an interlocutor's opinion, mistrust or surprise, indirect demonstration of approval or friendly attitude, a request for information, a hint at refusal or lack of feelings in return, ascension over an interlocutor, bringing the discussion around to a different point, identification of true manipulator's intentions, and self-abasement. It has been found that the functions of self-irony in the discourse of positive manipulation correlate with the type of a communicative situation. The concept of "revealing manipulator's intention" is contrasted to the concept of "revealing speaker's manipulative tactics". The author concludes on polyfunctionality of ironic reactive utterances, while defining the combination of such ironic utterances' functions as harmonizing communication and positive self-positioning to be the most typical in the type of discourse under study. The article studies the frequency of ironic utterances' functions in the discourse of positive manipulations, in particular, with the manipulative tactics of increasing the value of an interlocutor. Ironic utterances are shown to be caused by extra-linguistic factors, such as relations between communicants, semantics of a positively evaluative manipulative expressive, and adequacy of evaluation, as well as manipulator's intentions and ability of an object of manipulation to uncover them.

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2007) *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd: Paradigma.
2. Lazareva, M.E. (2005) *Yazykovye sredstva vyrazheniya ironii na materiale norvezhskikh publitsisticheskikh tekstov* [Language means of expressing irony on the material of Norwegian journalistic texts]. Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Shilikhina, K.M. (2009) Metaphor and Irony. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 39–42. (In Russian).
4. Utsumi, A. (2000) Verbal irony as implicit display of ironic environment: Distinguishing ironic utterance from nonirony. *Journal of Pragmatics*. 32. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00116-2
5. Shumkova, T.L. (2009) *Ironiya v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka v svete traditsiy nemetskogo romantizma* [Irony in Russian literature of the first half of the 19th century in the light of the traditions of German romanticism]. 3rd ed. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Humanitarian University.
6. Partington, A. (2011) Phrasal irony: Its form, function and exploitation. *Journal of Pragmatics*. 43. pp. 1786–1888. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.11.001
7. Petrova, O.G. (n.d.) *Ironiya i raznye tipy komicheskogo v khudozhestvennom tekste* [Irony and different types of comic in a literary text]. *Vestnik nauka i praktika*. [Online] Available from: <http://xn--e1aajfpcds8ay4h.com.ua/pages/view/349>.
8. Pokhodnya, S.I. (1989) *Yazykovye vidy i sredstva realizatsii ironii* [Language types and means of irony expression]. Kiev: Naukova dumka.
9. Ermakova, O.P. (2005) *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of the language]. Kaluga: Kaluga State Pedagogical University.
10. Limareva, T.F. (1998) Pragmaticheskiy aspekt ironii [Pragmatic aspect of irony]. In: Gurin, V.E. (ed.) *Sovremennyye problemy shkol'noy i vuzovskoy pedagogiki* [Modern problems of school and university pedagogy]. Moscow; Krasnodar: Akademiya ped- i sotsnauk; Krasnodarskoe kraevoe otделение PO RF.
11. Gomleshko, B.A. (2007) [Irony as an intentional expression of insincerity]. *Aktual'nye problemy yazykovogo obrazovaniya* [Topical Issues of language education]. Proceedings of the International Conference. Maykop: Adyghe State University. pp. 35–38. (In Russian).
12. Gomleshko, B.A. (2008) Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [Pragmatic functions of irony in the text]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Adygeya State University, Literature and Art Criticism*. 3. pp. 11–13.
13. Okhrimovich, K.V. (2004) *Ironiya i printsip vzhlivosti v angliyskom dialoge* [Irony and the principle of politeness in the English dialogue]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
14. Gnezdilova, L.B. (2014) Irony and hint as means of a communicant's evading a direct answer. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1 (26). pp. 86–89. (In Russian).
15. Shkits'ka, I.Yu. (2012) *Manipulyativni taktiki pozitivu: lingvistichnyi aspekt* [Manipulative positive tactics: linguistic aspect]. Kiev: Vidavnichiy dim Dmitra Burago.
16. Zaretskaya, E.N. (2002) *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: Theory and practice of speech communication]. 4th ed. Moscow: Delo.
17. Batsevich, F. (2004) *Osnovi komunikativnoi lingvistiki* [Foundations of communicative linguistics]. Kiev: Akademvidav.
18. Sleptsova, M.A. (2008) *Ironiya kak kosvennyy rechevoy akt otritsatel'noy otsenki* [Irony as an indirect speech act of negative evaluation]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Shkits'ka, I.Yu. (2017) *Verbal'na reprezentatsiya negativnykh reaktsiy na manipulyativnu taktiku pidvishchennya znachimosti spivrozmovnika* [Verbal representation of negative reactions to manipulative tactics of increasing the interlocutor's importance]. *Mova i kul'tura*. 19:IV (184). pp. 110–118.

Received: 20 November 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 008:001.8

М.Н. Кокаревич

ФИЛОСОФСКИЙ И АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИСКУРСЫ В КУЛЬТУРЕ

На основе проведенного анализа взаимодействия философского и архитектурного дискурсов показано, что данное взаимодействие может быть эксплицировано как детерминационное, т.е. философия детерминирует архитектурное творчество. Выделены два типа детерминации – содержательная детерминация, когда философствование становится постоянным аспектом архитектурно-проектировочной деятельности, и генетическая детерминация, когда философия представляет собой генофонд, «копилку» идей для архитектуры.

Ключевые слова: философский дискурс; архитектурный дискурс; культурный генофонд; содержательная детерминация; генетическая детерминация.

Современное культурное пространство представляет собой сосуществование множества дискурсов: философских, художественных, научных и т.д. При этом все эти дискурсы пересекаются, взаимодействуют друг с другом, поскольку являются воплощениями единой ценностной системы. Данное обстоятельство актуализирует проблему выявления механизмов взаимодействия культурных дискурсов, в частности проблему взаимодействия философского и архитектурного дискурсов.

Действительно, все конкретные культурные пространства можно представить как системы знаков и символов, как бы нанизанные на единый ценностный стержень. Тем самым все культурные дискурсы образуют целостность, стянуты в одно смысловое пространство. Каждая культурная эпоха формируется как процесс и результат воплощения и реализации в конкретной форме определенной ценностной системы. При этом именно ценностная система культуры как ее онтологическое основание задает смыслы, определяющие векторы, направляющие творчество людей, создающих многообразные культурные формы [1]. Ценностное содержание культурной эпохи воспринимается каждым творцом и создателем сознательно или бессознательно как неявное представление. Например, Р. Барт настаивает на бессознательном характере восприятия ценностного содержания культурной эпохи, такого «необозримого числа культурных кодов... в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны... бессознательно» [2. С. 39]. В феноменологической традиции ценностное содержание культурной эпохи дано каждому интенционально.

Независимо от характера восприятия ценностного основания культуры ее создатель выступает как носитель ценностей свой и только своей эпохи, т.е. «способ бытия субъективности является абсолютной историчностью» [3. С. 602]. Ценностный базис культурной эпохи задает единый смысловой вектор любой создающей деятельности и существует в кантовском смысле априорно, в традиции феноменологии представляет собой нозматический коррелят культурной реальности, которая дана творящей личности в интенциональном отношении. Именно поэтому и философствование, и художественное твор-

чество современной постмодернистской культурной эпохи воплощают одни и те же ценности, такие как скепсис, иронию. Иронизирующий скепсис порождает и философствование П. Фейерабенда с его скептическим отношением и ироническим отрицанием места и роли Истины в научном познании, и творчество М. Дюшана, иронизирующего над высоким искусством и многих других. Тем самым базисные ценности культурной эпохи задают возможность понимания и последующего взаимодействия различных дискурсов, в частности философского и архитектурного.

При этом характер взаимодействия архитектурного и философского дискурсов носит детерминационный характер, т.е. именно философия определяет архитектурные интенции той или иной эпохи. Можно выделить такие типы данных детерминационных отношений философии и архитектуры, как содержательная детерминация и генетическая детерминация. Содержательная детерминация философии по отношению к архитектуре осуществляется в ситуации, когда практикующий архитектор становится одновременно философом, т.е. субъектом, осмысляющим и формулирующим смыслы, цели, структуру, существенные характеристики, основные функции архитектурной деятельности в ее всеобщности и тотальности. Тем самым формируется методологический базис, система принципов наиболее высокой степени общности, определяющий архитектурные интенции данного субъекта и архитектурного сообщества в целом. В данном случае именно философствование как аспект творческой деятельности архитектора детерминирует содержание его собственной и других архитектурно-строительных практик. Генетическая детерминация осуществляется, когда философия как поле философских концептов становится «копилкой» идей для архитектуры, превращая архитектуру в поле философской эвристики.

Детерминационный характер взаимоотношений философии и архитектуры предопределяется их вписанностью в один культурный контекст. Как правило, культурный контекст существует как неявное знание, как то, что позволяет создавать и оценивать нечто в соответствии именно с ним. Например, современный архитектор воспринимает принцип партисипационно-

го проектирования как нечто само собой разумеющееся. Ему видится нормальным и естественным проектирование в диалоге с заказчиком. Однако такой принцип созидания свойствен только постмодернистской культуре и не являлся нормой для О. Монферрана, Г. Земпера и многих других зодчих.

Естественности восприятия определенных норм и правил проектирования предшествует их перевод из неявного знания в явное. Последнее представляется результатом философского осмысления целей, задач и методов проектирования определенной культурной эпохи в соответствии с ее ценностным базисом. Именно такое философское осмысление является содержанием трудов, в частности Ч. Дженкса. Позиционируя собственную концептуализацию постмодернистской архитектуры, конструируя свою методологию постмодернистского архитектурного творчества, он обосновывает необходимость принятия профессиональным сообществом принципов партисипационного проектирования.

Последнее не означает, что практическая реализация норм архитектурного творчества какой-либо эпохи хронологически следует за их философским осмыслением, обоснованием. Данная детерминация носит скорее содержательный характер. При этом философское осмысление опирается на опыт практической деятельности в области архитектурного зодчества. Архитектор становится философом, когда ставит задачу рефлексивного осознания своей деятельности, в процессе решения которой он явно формирует цели, методы, принципы собственной профессиональной деятельности. Такое явное знание включается в образовательный процесс, в профессиональную подготовку, начинается восприниматься, поэтому, как норма. В последующем норма трансформируется в традицию, включается в контекст любого архитектурного творчества, приобретает характер априори и может опять приобрести статус неявного знания для практикующего архитектора.

Действительно, исторический опыт взаимодействия архитектурного проектирования и его философского осмысления, например в творчестве Ч. Дженкса, Витрувия, К. Кикутакэ, становится эмпирическим материалом для индуктивного обоснования данного вывода. В частности, Витрувий, обобщая опыт многолетней архитектурно-строительной практики, ставит цель формулирования основных задач архитектуры и строительства. Результатом философствования становится знаменитая триединая задача архитектурно-строительной деятельности – польза, прочность, красота. При этом красота для Витрувия немислива без пользы, поскольку красота в данном решении представляет собой и соразмерность, и евритмию, и декорум, понимаемый как соответствие формы строения его практическому, функциональному назначению, его полезности. Цель формирования смыслов и целей зодчества Витрувием можно интерпретировать как поиск бытийных оснований зодчества, формирование онтологии архитектуры, поскольку и прочность, и польза, и красота могут быть поняты как субстанциональные и генетические первоначала архитек-

туры, как те сущности, которые пронизывают каждое архитектурное творение, рождают его. Обоснованные Витрувием бытийные основания архитектуры, трансформировавшиеся в триединую задачу архитектуры, утверждаются как явное знание, получаемое в области соответствующего профессионального образования, впоследствии зачастую превращающееся в традицию, норму, становящееся неявным, фоновым, контекстуальным знанием для практикующих архитекторов.

Ч. Дженкс [4] формулирует сущностные начала постмодернистской архитектуры, постмодернистскую эстетическую парадигму в контексте ценностной установки на максимальную приближенность к каждому человеку, к его жизни. Подобное гештальт-переключение ценностных установок, признание значимости каждого человека, его образа жизни становится контекстом для критики новой рациональной архитектуры с ее принципом типового строительства, с ее утверждением, сформулированным Ле Корбюзье, что дом – это машина для жилья, для признания того, что дом – это образ жизни, по выражению Ч. Дженкса. Таким образом, обосновываются новые начала архитектуры, осуществляется философское осмысление сущности жилья, архитектуры в целом.

Максимальная приближенность к жизни каждого отдельного человека, установка на создание психологически комфортного жилья приводит К. Кикутакэ к необходимости осмысления целей и задач архитектуры. Результатом философского осмысления своей деятельности, жилого помещения становится понимание сущности жилья как воплощения мира, гармонии и счастья, формируется собственная методология проектирования как реализации триединой задачи – созидание места, жилого пространства, где царят гармония, мир и счастье.

Содержательная детерминация философии как концептуального осмысления отношений проектирования, в частности архитектурного проектирования, по отношению к архитектурному творчеству в деятельности какого-либо архитектора или содержательная детерминация при взаимодействии философии и архитектуры обусловлена тем, что творческий субъект всегда вписан в определенную культурно-историческую реальность, ценностное, ментальное основание которой, сознательно или бессознательно, воспринимаемое им, становится основой для его собственных философских интенций при осмыслении своей профессиональной деятельности. Последнее приводит к представлению о бытийных основаниях архитектурных систем, формированию методологических установок, которые реализуются в архитектурно-проектировочной и архитектурно-строительной деятельности. Когда данные методологические установки выходят за рамки личностного опыта, когда они наиболее полно воплощают ценностное ядро культурной эпохи, они становятся содержательным контекстом для архитектурной практики эпохи.

При этом восприятие ценностного содержания культуры, как было показано выше, носит как явный, так и неявный характер. Аналогично, рефлексивно усвоенные субъектом архитектурного творчества

культурные коды, ценностные установки впоследствии становятся для архитектурной практики также множеством культурных кодов, ценностей и норм, но уже вторичных по отношению к ценностному ядру культурной эпохи, конкретизированных и эксплицированных для данной практической деятельности. Однако, характер восприятия этих вторичных кодов и установок остается как сознательным, так и в большинстве случаев, бессознательным.

Очевидно, что и архитектурное, и философское творчество осуществляется в процессе сопряжения личностных ценностей и ценностных установок культурной эпохи. Осмысление, кристаллизация, явная экспликация этих ценностей осуществляются в сопряженности с общезначимыми ценностями определенной культурной эпохи, становятся онтологическим базисом жизнедеятельности и профессиональной деятельности человека. Так, очевидно, что методологические принципы К. Кикутаке, согласно которым он создает жилые пространства как актуализации своего понимания мира, гармонии и счастья, обусловлены сопряженностью личностных ценностей и ценностей своей культурной эпохи как контекста его жизни и деятельности. Представляется, что философское осмысление личностных ценностей коррелятивно процессу формирования собственной методологии, поскольку обе ценностные системы взаимосвязаны и представляют собой взаимно обуславливающие аспекты целостной творческой личности.

Тем самым культурно-исторический контекст как система ментальных доминант, базисных ценностей генерирует, порождает качественное своеобразие осуществления архитектурного, философского творчества. В случае, когда предметом философско-теоретического осмысления становится профессиональная архитектурная деятельность, ценностные установки культурной эпохи превращаются теоретиками в нормы и правила архитектурного творчества, приобретая характер явного знания, явной сформулированной и обоснованной методологии. В последующем сформулированные онтологические и методологические принципы становятся традицией, детерминантами явными или, для большинства практиков, неявными, существующими априори, т.е. становятся содержательным методологическим контекстом архитектурной деятельности.

Второй тип детерминационного отношения философии и архитектуры может быть эксплицирован как генетическая детерминация. Последнее предполагает, что философия как система теоретического знания, как множество философских концептуализаций является культурным генофоном, «копилкой» идей для архитектуры. Действительно, философия, осмысливая многообразные отношения человека к миру, бытийные основания культуры, человеческого существования, создает концептуальный дискурс, конструирует понятийный каркас, «дом», в котором протекает и профессиональная деятельность архитектора. Утверждение языкового дома означает становление определенного дискурса, из которого берутся концепты для последующей трансформации в архитектурные образы.

Принцип генетической детерминации архитектурной деятельности философией был высказан, в частности, и Э. Панофски, который говорит, что связь между схоластикой и готикой больше, чем простой «параллелизм», эта связь есть «не что иное, как причинно-следственное отношение» [5. С. 228]. Он выстраивает свое обоснование детерминирующей роли схоластики на основе «modus operandi» – способа функционирования. Первый принцип ранней и высокой схоластики – *manifestatio* (проявление, истолкование) генерирует, по мнению автора, «прозрачность» как сущность восприятия храма ранней и высокой готики, а второй – *consolidation* (согласие и гармония) – инициирует принцип соподчиненности в архитектуре готического собора. Более того, Э. Панофски показывает детерминирующую роль основного принципа аргументации в схоластике – «*videtur quod – sed contra – respondeo dicendum*» в формировании таких трех элементов готического собора, как окно-роза, трифорий и конструкции опор центрального нефа.

Действительно, философия Пифагора усматривает в числе как отрезке на прямой первоначально всего сущего, некий гномон, очерчивающий вещь, ее пределы на фоне беспредельного и, тем самым, вещественное и организующее начало всего, в частности красоты. Поэтому именно число, числовая структура является для пифагорейцев главной эстетической ценностью. Число само по себе есть гармония, т.е. объединение предельного и беспредельного, оно структурно. Красота существует только там, где есть числовая гармония и числовая пропорция, т.е. красота по своей сущности есть числовая гармония и числовая пропорция, в первую очередь, арифметическая пропорция, геометрическая пропорция. Такое понимание прекрасного как пропорции, симметрии определяет главные интенции архитектуры, всего искусства Античности на поиски конкретных пропорций, воплощающих красоту человеческого тела, здания, поскольку искусство понимается как воплощение прекрасного. Так, возникает пропорция – золотое сечение. Поликлет пишет произведение «Канон», в котором формулирует все пропорции красивого человеческого тела, Иктин и Калликрат находят оптимальные пропорции для храмов Афинского Акрополя, реализуя золотое сечение в фасаде Парфенона.

Альберти утверждая принципы подобия, плавности движения, постепенности, связности, непрерывности, воплощает основные положения пантеизма. Детерминационную связь можно усмотреть между рационализмом с его положением о разуме как источнике истинного знания и архитектурой классицизма с его утверждением, что произведение искусства должно быть обращено к разуму, сенсуализмом с его признанием опыта как потока ощущений в качестве единственного источника познания и барокко с его кредо воздействия на зрителя с целью поразить, удивить.

Другим примером является деконструктивизм как значимое направление в архитектуре современности, разрушающее стереотипы прямых стен у архитектурного сооружения и утверждающее криволинейность стен (танцующие башни О. Гэри), ломаную геометрию линий, деформацию пространства, разрушающее

идею плотности и непроницаемости пола и утверждающую его прозрачность, иллюзию неровности и т.п. Очевиден философский генофон становления данного архитектурного направления, каковым является философия Ж. Деррида и введенный им в оборот концепт деконструкции (производное от синтеза латинского термина *destruction*, означающего разрушение, нарушение структуры чего-либо, и *construction*, означающего связность в расположении частей) как искусства отрицания и утверждения одновременно. Деконструкция представляет собой интенцию на выявление всех явных и скрытых смыслов и значений грамм – элементов письма, на децентрацию системного знания, впоследствии, на разрушение устоявшихся стереотипов логоцентризма, европоцентризма, познания как отражения реальности, на утверждение познания как контекстной реконструкции реальности, плюрализма культур и т.п. Неудивительно, что Р. Колхас относит себя к поколению, которое воспитано на философии Деррида [6].

Очевидность детерминации философией феноменологической архитектуры также представляется бесспорной. Феноменологическая архитектура интерпретирует принцип интенциональной данности мира как принцип непосредственного эмоционального усмотрения архитектурного сооружения, согласно которому здание должно переживаться не как смысл, не как воплощение кода, для прочтения которого нужен знаковый контекст, а как эмоция, непосредственное переживание. Непосредственное углубление в сущность архитектурного сооружения предполагает, что на первый план выходят его пространственность, свет, цвет, форма, поверхность, доступная тактильному восприятию. Д. Кельбау видит главную задачу феноменологической архитектуры в том, что сооружение должно быть непосредственно тактильно, зри-

тельно переживаемо, эстетическое чувство должно формироваться вне знаниевого абстрактного компонента. Поэтому архитектор в своем творении должен воплощать в полной степени естественный географический контекст, временной контекст, т.е. дух времени и дух пространства [7].

Стивен Холл, формируя нормы архитектурной деятельности, ссылается на М. Мерло-Понти как на источник своего творчества, на знание, которое трансформируется в архитектурные представления. В частности, Мерло-Понти рассматривает восприятия, ощущения как внутренние состояния, а также идею предшествующих ощущений, что приводит Холла к формированию такой архитектурной системы, в которую вписаны сенсорные стимулы, которые позволяют расширить восприятие реальности, восприятие места, вызванное и компонентами архитектурного сооружения. Тем самым зритель включается в систему архитектуры вместе со звуками, светом, всей окружающей средой, которые взаимодействуют с архитектурным сооружением, превращая его в процесс постоянного взаимодействия с реальным миром, постоянного источника впечатлений от этого взаимодействия. На первый план для представителя феноменологической архитектуры выходит не формирование конструкции как воплощения денотативной функции, а создание сооружения, коннотирующего чувства убежища, покоя и т.п. Аналогично Мерло-Понти обращает внимание на взаимосвязанность визуального, тактильного, слухового восприятий, «все видимое вырезано из осязаемого» [8], что приводит Холла к акцентированию на материале элементов, который может быть изменен для усиления его природных свойств (изменение проницаемости стекла для создания новой текстуры, цвета) с целью формирования более богатого осязательного восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокарев М.Н. Философское познание и архитектурное проектирование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 13–22.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. 616 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 137 с.
5. Панофски Э. Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука, 2004. С. 213–335.
6. Ахпортрет: за что Рэм Колхас войдет в истории. URL: <https://www.buro247.ru/culture/architecture/5-shedevrov-rem-kolkhasa.html> (дата обращения: 15.09.2018).
7. Козодаева Н. Феноменология архитектурной формы. Режим доступа: URL: http://analiculturolog.ru/route/route.php?journal/archive/item/199-article_11.html (дата обращения: 15.09.2018).
8. Клец В.А. Стивен Холл. Киасма как центр феноменологической архитектуры // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/23981> (дата обращения: 15.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 октября 2018 г.

Philosophical and Architectural Discourses in Culture

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 53–57.

DOI: 10.17223/15617793/440/7

Mariya N. Kokarevich, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kokarevich@mail.ru

Keywords: philosophical discourse; architectural discourse; cultural genofond; content determination; genetic determination.

The aim of the article is to substantiate the determinative nature of the interactions of philosophical and architectural discourses in culture, i.e. evidences that philosophy determines architectural creativity, theoretical and architectural intentions in the relevant cultural era. The material of the philosophical research in this work is diverse philosophical conceptualizations, as well as specific theoretical and architectural research, facts of architectural creativity updated within a certain cultural and historical reality. The con-

clusion about the determinacy of architectural creativity by philosophy is the result of applying the inductive method to generalize the cultural and historical experience of interaction between architecture and philosophy. Other methods of research are comparative methodology, the methodology of reconstruction of cultural and historical reality based on the representation of culture as the coexistence of integral cultural and historical types in which each element is determined by a system of mental dominants. In the course of the study, two types of determination were identified: meaningful determination and genetic determination. Meaningful determination means that philosophizing as a conceptual justification of architectural design becomes a constant aspect of architectural design activity, it is the basis for representations about the existential foundations of architectural systems, design activities, which leads to the formation of methodological guidelines that are implemented in architectural design, architectural and construction activities, become a meaningful context for the diverse architectural practices of the era. The meaningful determination of architecture by philosophy is due to their inclusion within a single cultural context. As a rule, the cultural context exists as implicit knowledge, as something that allows one to create and evaluate something in accordance with this context. Genetic determination is carried out when philosophy as a knowledge system, as a discourse, as a field of philosophical concepts becomes a genofond of architecture, turning architecture into a field of philosophical heuristics. Indeed, philosophy, comprehending architectural creativity, constructs a conceptual framework, a “house”, in which the architect conducts his/her professional activities. The statement of the language house means the formation of a certain discourse, from which the concepts are transformed into architectural images. Thus, within a certain cultural epoch, philosophical discourse is determinant in relation to the architectural one. At the same time, determination can be meaningful when architectural creativity becomes an answer to the challenge formed by philosophy, and genetic when philosophy is a genofond, a “repository” of ideas for architecture.

REFERENCES

1. Kokarevich, M.N. (2017) Philosophical cognition and architectural planning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 13–22. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/2
2. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress, Univers.
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and method]. Translated from German. Moscow: Progress.
4. Jenks, C. (1985) *Yazyk arkhitektury postmodernizma* [The Language of Post-Modern Architecture]. Translated from English. Moscow: Stroyizdat.
5. Panofski, E. (2004) *Goticheskaya arkhitektura i skholastika* [Gothic architecture and scholasticism]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka, pp. 213–335.
6. Bagulin, S. (2014) *Arkhporet: za chto Rem Kolkhas voydet v istorii* [Arch-portrait: For what Rem Koolhaas will make it into history]. [Online] Available from: <https://www.buro247.ru/culture/architecture/5-shedevrov-rem-kolkhasa.html>. (Accessed: 15.09.2018).
7. Kozodaeva, N. (2010) *Fenomenologiya arkhitekturnoy formy* [Phenomenology of an architectural form]. [Online] Available from: http://analiculturolog.ru/route/route.php?journal/archive/item/199-article_11.html. (Accessed: 15.09.2018).
8. Klets, V.A. (2013) Steven Holl. Kiasma as the center of the phenomenological architecture. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 5. [Online] Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2013/05/23981>. (Accessed: 15.09.2018).

Received: 22 October 2018

И.П. Кужелева-Саган, Н.А. Сучкова

ОНТОЛОГИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА ЦИФРОВЫХ КОЧЕВНИКОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Рассматривается проблема отсутствия релевантной методологии для системного изучения культуры цифрового кочевничества (Digital Nomadism, DN) – одного из самых ярких проявлений современного сетевого информационно-коммуникативного общества, связанного с постоянной географической мобильностью и подключенностью к Интернету. В качестве такой методологии предлагаются основные положения культурной антропологии Р. Познера и семиотики культуры Ю. Лотмана в сочетании с онтологическим подходом; обосновывается их эффективность.

Ключевые слова: цифровые кочевники / номады; онтология сетевого общества; культурная антропология; семиотика культуры.

1. Онтология общества-Сети как онтология цифрового кочевничества

Цифровое кочевничество (цифровой нomaдизм) принадлежит к ряду наиболее ярких проявлений современного сетевого общества или общества-Сети. Познание сущности и культуры цифрового кочевничества во многом зависит от понимания онтологии этого общества. Существуют как минимум три позиции относительно ее специфики, а значит, и относительно элементов и трендов этого общества, включая цифровой нomaдизм. В кратком виде они сводятся к следующему [2]:

Утопическая позиция. Не отрицая сложности общества-Сети и существования в нем разного рода проблем, футурологи-оптимисты и технократы (Bell D. [3], Brzeziński Z. [4], Galbraith J. [5], McLuhan M. [6], Naisbitt J. [7], Toffler A. [8] и др.) полагали, что человечество будет способно их решать с помощью новейших электронных и компьютерных технологий. По мнению сторонников утопической позиции, именно компьютеры как «единственное средство против разрозненной культуры информации» помогут людям «гораздо серьезнее думать о себе и о мире» [9. С. 290, 292], а значит, сохранять целостность личности, свою идентичность. «Светлое будущее» связывалось с неиерархической структурой сетевого общества и расцветом экономики нового типа («основанной на знаниях», «информационной», «суперсимволической», «сервисной»), концом бюрократии и торжеством демократии.

Ключевые метафоры футурологов-оптимистов и технократов, касающиеся онтологии пространства как места обитания и работы: «глобальный метрополис» [10]; «электронный коттедж» [8]; «глобальная деревня» [6]; «глобальный город» [11]. Все эти подходы описывают *традиционные* локации для жизни и работы большинства людей, не вступающие в противоречие с экзистенциальной сущностью человека. Изменились только их размеры и технологические атрибуты, но это и становится фактором новых потрясающих возможностей для индивидов. Такое оптимистическое видение картины мира будущего человечества доминировало в социальной философии, социологии и футурологии на протяжении последней трети XX в.

Антиутопическая позиция. Ее представители – футурологи-«технофобы», экзистенциалисты, теоретики Франкфуртской школы, представители постструктурализма и постмодернизма; некоторые современные социологи, экономисты и исследователи проблематики социальных коммуникаций и новых медиа (Virilio P. [12], Huxley A. [13], Mitchell W. [14], Orwell G. [15], Bard A., Soderqvist J. [16], Garfinkel S. [17], Marcuse H. [18], Attali J. 1991 [19], Guattari F., Deleuze G. [20, 21], Baudrillard J. [22], Jaspers K. [23] и др.) – совершенно по-иному видят глобальное сетевое общество. Исчезают иллюзии относительно его прозрачности и неиерархичности. Большинству сторонников антиутопической позиции свойственно *понимание амбивалентной сущности технологий* и осознание того, что доминирующие типы капитала в этом обществе – это *информационный, символический, сетевой и репутационный*, а не знаниевый, как утверждалось ранее.

Онтология сетевого общества определяется в этом случае как «информационно-коммуникативная», «самоорганизующаяся», «цифровая», основанная на принципах хаоса и порядка, как «организованное пространство симулякров». «Гибридность» как отсутствие четких границ между реальным и виртуальным, является одной из наиболее важных характеристик онтологии общества-Сети. Антиутописты фиксируют также эффект *сжатия времени и пространства* и актуализируют параметры *скорости и мобильности*.

Ключевые метафоры онтологии пространства в антиутопической парадигме общества-Сети: лабиринт, паутина, матрица, виртуальное пространство, дополненная реальность, киберпространство, социальные сети, электронные хабы, информационные хайвеи, электронные дубликаты городов, глобальная электронная агора. Населяют эти пространства, а точнее, постоянно перемещаются по ним – *цифровые кочевники / номады*.

В рамках первой (утопической) парадигмы цифровое кочевничество предлагает человеку новые возможности для развития и самореализации. В рамках второй парадигмы (антиутопической), человек, будучи цифровым кочевником, стремительно движется к психической неустойчивости и социальной изоля-

ции, «номадическому безумию» и «цифровой шизофрении» (digital schizophrenia or “digiphrenia”) [24].

Компромиссная позиция. Согласно компромиссной (или технорациональной) позиции, которой склонны придерживаться авторы данной статьи, технологизация рассматривается как неизбежный глобальный фактор развития социума, способный вызвать как позитивные, так и негативные изменения. Представители этого подхода (Castells М. [25], Щедровицкий П.Г. [26], Назаретян А.П. [27]) уверены в возможности баланса между техническим прогрессом и развитием духовной сферы общества.

Вне зависимости от каких-либо парадигмальных рамок реальная ситуация такова, что наиболее характерным для начала XXI в. становится стремление индивида не к оседлому образу жизни и удаленной работе в стационарном электронном коттедже, как предсказывали многие футурологи XX в., а к максимальной географической *мобильности* и постоянной *подключенности к Сети*. При этом в качестве рабочего места им используется множество различных точек глобального гибридного сетевого пространства. Отсюда *цифровой номадизм* как глобализующееся явление сетевого информационно-коммуникативного общества приобретает все большую актуальность в качестве предмета исследования.

Впервые идея «нового номадизма / кочевничества» возникла еще в 60-е гг. XX в. в работах известного философа, теоретика средств коммуникации М. Маклюэна [6]. Немногим позднее, в 70–80-х гг., она превращается в одну из самых обсуждаемых концепций постмодернизма – «номадологию» Ж. Делеза и Ф. Гваттари [20]. Как Делез и Гваттари, так и Маклюэн наделяют новых кочевников чертами более ранних предшественников, однако их представления существенно рознятся. Номад у Маклюэна – метафорический образ, тождественный древним собирателям и отличающийся от них лишь объектом стремления, в качестве которого выступают уже не дикие злаки и корни растений, а информация. Для Делеза и Гваттари номад – это «воин свободной мысли», «вооруженный» информацией, трансформирующейся в знание, способный разрешить вечный конфликт между властью государства и свободой личности.

Образ номада / кочевника еще не раз рассматривался и использовался авторами не только философских, но и социологических теорий и концепций («номады постмодерна» З. Баумана [28], «взаимосвязанный номадизм» Р. Брайдотти [29] и др.), однако предстал в новом воплощении – идее цифрового / электронного кочевничества – на рубеже XX–XXI вв. в результате появления и массового распространения сети Интернет, беспроводной связи и самых различных цифровых технологий.

В конце 90-х гг. Ц. Макимото и Д. Мэннерс вводят новый метафорический термин: «цифровой кочевник» [1]. Согласно позиции авторов, основными характеристиками цифрового кочевничества становятся постоянная географическая *мобильность* (глобальная и локальная) и *подключенность к Сети*. Именно они (характеристики) и причины их возникновения являются отправной точкой для происходящих изменений,

распространяющихся на культуру, личностную и социальную природу, образ жизни, ценности и мировосприятие современного цифрового номада.

С этого момента онтогенез цифрового кочевничества может рассматриваться уже в двух плоскостях: 1) в пределах научно-гуманитарного и публицистического дискурса; 2) в пространстве современного сетевого информационно-коммуникативного общества с его реальной виртуальностью и виртуальной реальностью. Как отмечает современный философ Р. Брайдотти, «существование вне устойчивых границ, будь то турист, странник, мигрант, экспат (иностранец-специалист), финансовый эксперт по глобальным венчурным проектам, – это уже не метафоры, это реальные социальные положения» [30. Р. 14]. И цифровой кочевник в один момент выходит из рамок метафорического образа, становясь реальным субъектом общественных отношений и развиваясь по своим законам, неподвластным контролю взглядов и личного опыта авторов метафор.

Современный – цифровой – номадизм, в отличие от иных социальных «трансформаций» нового века, распространяется на все сферы деятельности и социальной активности индивида. Динамично развиваясь, он находит воплощения как в *глобальных*, детерриториализованных, интернациональных и межкультурных практиках «кочевания», так и в *локальных* культурных пространствах городов, приближая их жителей, как представителей сетевого общества, к образам городских цифровых кочевников. При этом динамика научного изучения цифрового номадизма существенно отстает от скорости распространения его культурной практики. Такое положение дел во многом обусловлено неразработанностью методологии исследования. В связи с этим авторы статьи полагают, что в качестве возможных методологических подходов к системному изучению культуры цифровых кочевников как целостного эволюционирующего явления, могут рассматриваться основные положения культурной антропологии и семиотики культуры в понимании Юрия Лотмана [31, 32] и Роланда Познера [33].

2. Культура цифровых кочевников: методология системного исследования

2.1. Культурная антропология и семиотика культуры как методологические основания целостной репрезентации культуры цифровых кочевников

Культуру цифровых кочевников, как и иные культуры, могут изучать различные научные дисциплины: культурология, социальная философия, социальная психология, филология, гуманитарная информатика и другие науки. При этом каждая из них будет фокусироваться на отдельном предметном аспекте культуры. Возникает вопрос: какой из научных дисциплин под силу системное изучение культуры цифровых кочевников? Опираясь на соответствующие идеи и работы И.Г. Гердера [34], Э.Б. Тэйлора [35], Э. Кассирера [36] и Ю. Лотмана [31, 32, 37, 38], можно заключить, что

таким потенциалом обладают в первую очередь антропология и семиотика культуры.

Антропология, тем не менее, долгое время не дефинировала понятие культуры как целостного явления, ограничиваясь перечислением того, что она (культура) объединяет. Не было и четкого понимания структуризации самой антропологии как науки. И только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. вариант такой структуризации был предложен в работах Роланда Познера [39, 40]. Согласно позиции Познера, антропологию как науку составляют три субдисциплины: социальная антропология, материальная антропология и культурная антропология. Отличие социальной антропологии от культурной заключается, в первую очередь, в объекте внимания, в качестве которого в первом случае выступает социальная культура или общество, а во втором – духовная культура общества или его менталитет. Таким образом, социальная антропология изучает структуры и институты, способствующие социализации человека. В то же время культурная антропология исследует человека (и личность) как создателя, носителя и продукт культуры в категориях способов мышления, мировосприятия, культурного взаимодействия, происхождения и динамики культуры.

Еще более важным представляется то, что Р. Познеру удалось обосновать наличие теоретических связей между антропологией и семиотикой культуры. Иными словами, он разработал стройную концепцию семиотического описания антропологических понятий, что дает возможность «рационального анализа культурных феноменов» [33. С. 57–58].

Познер применяет в отношении предметных полей обозначенных им антропологических субдисциплин – социальной, материальной и культурной антропологии – теорию семиосферы Ю. Лотмана и его широкую концепцию текста [37. С. 64–77; 38. С. 34–48]. В рамках этой концепции каждый артефакт с функцией и закодированным сообщением может рассматриваться как текст. Таким образом Р. Познер говорит об обществе – предметном аспекте социальной антропологии – как о *совокупности пользователей знаков* (индивидуальных и коллективных носителей культуры); о цивилизации (предмете изучения в материальной антропологии) – как о *совокупности текстов* (артефактов); и о менталитете – области интереса культурной антропологии – как о *совокупности конвенциональных кодов* или системе знаковых конвенций (ментифактов), разделяемых всеми пользователями знаков как носителями данной культуры. Семиотическая связь между этими тремя предметными областями выражается в том, что пользователи знаков зависят от конвенциональных кодов, если они хотят понимать тексты.

Важно осознавать, что любая культура – это знаковая система высокой сложности, отличающаяся самоорганизацией и подвижной структурой («система знаковых систем»). Источником культурной динамики является конкуренция организационных принципов знаковых систем, образующих культуру и состоящих между собой в иерархических отношениях. Описывая механизмы культурных изменений, Р. Поз-

нер опирается на концепцию Ю. Лотмана, в соответствии с которой «культура может рассматриваться как иерархия конкретных знаковых систем, как сумма текстов и комплекс функций, соотношенных с ними, или как определенный механизм, который порождает эти тексты» [31. С. 73; 33. С. 72].

Семиотический подход позволяет эксплицировать культуру и как *коллективный механизм для хранения информации* с помощью конвенциональных кодов [33. С. 82]. Используя производство текста, ритуализацию, образование жанров и другие процедуры, каждая культура сохраняет модели действий, зарекомендовавшие себя наиболее важными на протяжении эволюции культуры. Они поддерживают ее идентичность и сохраняют структурную информацию, которая определяет дальнейшее развитие. Таким образом, культура – это не только коллективный механизм для хранения информации с помощью конвенциональных кодов, но и «селекционное устройство», «машина выживания» для общества [Там же. С. 83].

2.2. Культура цифровых кочевников как знаковая система

В контексте основных положений семиотики культуры в традициях Ю. Лотмана и Р. Познера, культура цифровых кочевников авторами статьи понимается как «совокупность иерархически соотносящихся друг с другом специальных знаковых систем, посредством которых цифровые кочевники формируют и поддерживают свою идентичность, заключающуюся, главным образом, в их перманентной мобильности и подключенности к Сети; а также решают свои проблемы в условиях сетевого информационно-коммуникативного общества» [41. С. 189–211]. Далее следует попытка (в самом общем виде) охарактеризовать специфику этих знаковых систем через описание их основных элементов.

Знаки в культуре цифровых кочевников

Знаки – это объекты, которые передают какое-либо сообщение, предполагающие кого-то, кто понимает их, т.е. интерпретатора [33. С. 58]. Цифровые кочевники пользуются всеми типами знаков: *иконическими*, обладающими прямым или легко определяемым сходством с обозначаемыми объектами; *индексальными* (или индикативными), отражающими реальную смежность означающего и означаемого, и *символическими* как наиболее конвенциональными с точки зрения связи между означающим и означаемым. Важно, что одни и те же знаки могут выполнять различные функции и, таким образом, участвовать в порождении семиозисов трех типов: коммуникации, индикации и сигнификации.

Коды цифровых кочевников

Можно предположить, что первоначально коды цифрового номадизма были искусственными, но постепенно стали обычными (поведенческими). Исходя из понимания кодов как комплексов означающих,

означаемых и правил их отношения друг к другу (а также как способов структурирования сообщений), в качестве ключевых культурных *кодов* цифровых кочевников могут выступать одинаково ими понимаемые и используемые (кодируемые и де-кодируемые) метафорические и конкретные понятия: «кочевание», «кочевые предметы» (мобильные беспроводные девайсы и гаджеты), «кочевые технологии» (приложения для мобильных устройств, QR-коды), «оазисы» («третьи места», кафе, публичные библиотеки, коворкинги, зоны Wi-Fi и пр.), «виртуальные костры»¹ (совместные виртуальные форумы и встречи в «третьих местах») и другие. Само словосочетание «цифровые кочевники» является дискурсивным маркером – кодом, посредством которого происходят: описание и самоописание образа жизни людей, предпочитающих состояние постоянной мобильности и «подключенности»; расшифровка и сохранение базовых смыслов их знаков, текстов и ритуалов; перевод этих смыслов на уровень словесного выражения.

Медиа цифровых кочевников

Среди *медиа* (или каналов), с помощью которых осуществляются знаковые процессы цифровых кочевников, особую роль играют *технологические медиа* (компьютеры, средства мобильной связи, электронные девайсы и гаджеты). Их особенность заключается в том, что в отношении цифровых кочевников они выполняют не только технологическую и семиотическую функции, но и *фатическую*. Сила последней особенно ярко ощущается цифровыми номадами в ситуации неожиданной утраты ими айфона или ноутбука, что вызывает у них чувство, близкое к чувству потери родного дома. Технологические медиа иногда сложно различимы с *физическими медиа*, к которым условно можно отнести, например, беспроводную связь Wi-Fi, ставшую своеобразным «капиталом» в сетевом обществе. Ведущими *функциональными медиа*, характеризующими знаковые процессы в зависимости от цели и формата сообщений, являются «блог», «чат» и «форум». В качестве базовых *социальных медиа* выступают «третьи места»: кафе с беспроводной связью (типа Starbucks), коворкинговые зоны, магазины «кочевых» предметов и др. Необходимо отметить особую роль социальных медиа, заключающуюся в том, что они организуют все остальные типы медиа, участвующие в продуцировании знаков [33. С. 62].

Супермедиумом для цифровых кочевников является сама сеть Интернет как знаковая мегасистема, наделенная констелляциями определенных свойств, обуславливающих протекание семиотических процессов. Этот супермедиум предоставляет возможность мгновенных электронных контактов для организации семиотических процессов, в которые вовлекается неограниченное количество цифровых кочевников как пользователей знаков, находящихся в разных частях планеты. Соответственно, Интернет можно рассматривать и как *семиосферу* – иерархию различных зна-

ковых систем, генерируемых с помощью субкодов [43] цифровыми кочевниками, принадлежащими к различным субкультурам.

Артефакты и ментифакты цифровых кочевников

В рамках широкой концепции текста Ю. Лотмана, к которой апеллирует и Р. Познер, все артефакты, созданные цифровыми кочевниками и для цифровых кочевников, можно рассматривать как тексты. Как известно, совокупность артефактов и технологий определенного общества составляет его цивилизацию [33. С. 70]. «Гибридная» онтология общества-Сети обуславливает гибридность онтологического статуса цивилизации цифровых кочевников: не только как *реально* овеществленной в виде, например, различных девайсов, гаджетов и других «кочевых» предметов, но и существующей *виртуально*, т.е. в виде артефактов, созданных с помощью цифровых технологий – видео- и аудио-файлов, электронных текстов, компьютерной графики и пр. Причем, в количественном отношении цифровые артефакты уже давно преобладают над материальными и аналоговыми. Поэтому по аналогии с «каменным» или «бронзовым веком» современную эпоху можно назвать «цифровым веком».

Ментифактами культуры цифровых кочевников являются те идеи и ценности, которыми они руководствуются в повседневной супермобильной жизни. Р. Познер предлагает понимать под «идеями» *все те категории*, с помощью которых то или иное общество интерпретирует себя и свою реальность. С этой точки зрения, по мнению авторов статьи, к таковым может относиться не только, например, идея цифровых кочевников о независимости от стационарного рабочего места, но и такие категории, как «кочевание», «кочевые предметы», «мобильный дом», «оазисы», «виртуальные костры». И даже такие понятия, как «Интернет», «Wi-Fi» и «зарядное устройство», для цифровых кочевников имеют статус жизненно важных ценностей. Эти же метафорические и неметафорические понятия являются и *ключевыми кодами* цифровых кочевников, что подтверждается тезисом Р. Познера о том, что «любой менталитет следует понимать как набор кодов» [Там же].

Заключение

Результаты исследования, проведенного авторами данной статьи, показали, что методы культурной антропологии и семиотического анализа в понимании Ю. Лотмана и Р. Познера в сочетании с онтологическим подходом дают возможность описать специфику культуры цифровых кочевников как целостного эволюционирующего явления и объяснить механизмы ее глобализации. В статье намечены только общие контуры семиотической модели культуры цифровых кочевников в контексте онтологии сетевого информационного общества, что обусловлено масштабностью объекта изучения. Однако они позволяют наметить перспективы дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹«В традиционных кочевых обществах постоянно поддерживаемые костры на стоянках становились передвижным очагом общественной жизни <...>. В эпоху беспроводной мобильной связи появилась еще одна возможность: <...> на ходу создавать места общих встреч, известные лишь членам конкретных, объединенных электронными коммуникациями групп» [42. С. 210].

ЛИТЕРАТУРА

1. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. New York : Wiley, 1997. 256 p.
2. Kuzheleva-Sagan I.P. Network Society. Evolution of Views: Concepts, Images, Metaphors // Cloud-Cuckoo-Land, International Journal of Architectural Theory. 2014. Vol. 19, is. 32. P. 25–41. URL: cloud-cuckoo.net/fileadmin/ issues_en/issue_32/article_kuzheleva-sagan.pdf (01.10.2014).
3. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York : Basic Books, 1973. 507 p.
4. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York : Viking Press, 1970. 355 p.
5. Galbraith J.K. The New Industrial State. Princeton : Princeton University Press, 2007. 576 p.
6. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man (1st MIT Press, ed.). Cambridge, Mass. : MIT Press, 1994. 355 p.
7. Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. New York : Warner, 1982. 290 p.
8. Toffler A. The Third Wave. New York : William Morrow & Company, 1980. URL: <http://www.sagepublications.com> On behalf of: The TCS Centre, Nottingham Trent University.
9. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. / науч. ред. и предисл. д-р филос. наук, проф. П.С. Гуревича. М. : АСТ, 2002. 776 с.
10. Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties. New York : Macmillan, 1972. 262 p.
11. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2nd ed. Princeton : Princeton University Press, 2001. 472 p.
12. Virilio P. The Futurism of the Instant: Stop-eject. Cambridge : Polity, 2010. 109 p.
13. Huxley A. Brave New World and Brave New World Revisited (First Perennial Classics ed.). New York : HarperCollins Publishers, 2005. 384 p.
14. Mitchell W.J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City. Cambridge, Mass. London : MIT, 2004.
15. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. New York : Plume, 2003.
16. Bard A., Soderqvist J. NETOCRACY: The New Power Elite and Life After Capitalism. 1st ed. Pearson FT Press, 2002. 288 p.
17. Garfinkel S. Database Nation: The Death of Privacy in the 21st Century. Beijing : O'Reilly, 2000. 326 p.
18. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. London : Routledge, 1991.
19. Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York : dom House, 1991. 132 p.
20. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. New York : Semiotext(e), 1986. 160 p.
21. Deleuze G., Guattari F. Capitalism and Schizophrenia. Vol. 2: A Thousand Plateaus. London ; New York : Continuum, 2004. 895 p.
22. Baudrillard J. For a Critique of the Economy of the Sign. St Louis : Telos, 1981.
23. Jaspers K. The Origin and Goal of History. New Haven, CT : Yale University Press, 1953.
24. Rushkoff D. Present Shock: When Everything Happens Now. New York : Current, 2013. 256 p.
25. Castells M. The Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Malden, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1996.
26. Щедровицкий П.Г. Государство в эпоху гуманитарных технологий // Русский журнал. 2000. 21 июля. URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20000721_sch.html
27. Назаретян А.П. Антропогенные кризисы: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 4.
28. Bauman Z. Postmodern Ethics. London : Routledge, 1993.
29. Braidotti R. Nomadic subjects: Embodiment and sexual difference in contemporary feminist theory. New York : Columbia University Press, 1994.
30. Braidotti R. Introduction // Nomadic Theory. New York : Columbia University Press, 2012. P. 14.
31. Lotman J.M. Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts) // Thomas A Sebeok (ed.): The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics. Lisse : Peter de Ridder, 1975. P. 57–83.
32. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический Проект, 2002.
33. Posner R. Basic Tasks of Cultural Semiotics // Gloria Withalm and Josef Wallmannsberger (eds.), Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard. Vienna : INST, 2004. P. 56–89.
34. Herder J.G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit [1784–91] // Bernhard Suphan (ed.): Herder. Sämtliche Werke. Vol. 13, 14. Berlin : Weidmann, 1887. English translation: Reflections on the Philosophy of the History of Mankind. Chicago : Chicago, UP, 1968.
35. Tylor E.B. Primitive Culture: 2 vols. London : Murray, 1871.
36. Cassirer E. The Power of Metaphor. Chapter VI of the Book: Language and Myth. New York : Harper & Brother (Dover Publications, 1953), 1946. P. 83–99.
37. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры : материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970. Вып. 1.
38. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, Т. У., 1971. С. 144–166.
39. Posner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe // Aleida Assmann/Dietrich Harth (eds.): Kultur als Lebenswelt und Monument. Frankfurt am Main : Fischer, 1991. P. 37–74.
40. Posner R. Was ist Kultur? Zur semiotischen Explikation anthropologischer Grundbegriffe // Marlene Landsch et al. (eds.): Kultur-Evolution. Fallstudien und Synthese. Frankfurt a.M. : Lang, 1992. P. 1–65.
41. Kuzheleva-Sagan I.P. Die Kultur von digitalen Nomaden im Kontext der Ontologie der Netzwerkgesellschaft und Kultursemiotik // Zeitschrift für Semiotik. 2015. Bd 37, Hf. 3–4. 2015. P. 189–210.
42. Митчелл У. Дж. Я++: Человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского. М. : Strelka Press, 2012. 328 с.
43. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–231.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 26 февраля 2018 г.

The Ontology of the Network Society and the Culture of Digital Nomads: Methodological Approaches

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 58–63.

DOI: 10.17223/15617793/440/8

Irina P. Kuzheleva-Sagan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipsagan@mail.ru

Natalya A. Suchkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nsuchkova@yandex.ru

Keywords: digital nomads; ontology of network society; cultural anthropology; semiotics of culture.

The article tries to resolve the problem of the lack of a relevant methodology for systematic studying the culture of digital nomadism as one of the most impactful manifestations of the modern network information and communication society that is becoming global. The problem occurred due to a number of factors: the evolution of the Internet, the latest computer and digital technologies;

widespread wireless communications; and the development of transport systems. Digital nomadism is a sociocultural practice that has two main characteristics: constant geographical mobility and permanent connection to the Net. Unlike other practices of the new century, digital nomadism covers all areas of social activity of individuals representing the lifestyle of a new nomadic era. The aim of the article is to reveal the methodological potential of the cultural anthropology concept by Roland Posner and the semiotics of culture concept by Yuri Lotman when applied to describe the culture of digital nomads. In order to reach the aim, the structure of the methods mentioned above was analyzed, as well as their objective and conceptual, operating and regulatory, and logical elements, when used in the context of the culture of digital nomads. The studies revealed that cultural anthropology and the semiotics of culture allow to consider the culture of digital nomads as a hierarchy of a specific sign systems that are used by digital nomads in order to develop and maintain their identity that is mainly characterized by their permanent mobility and connection to the Net. They also use it to achieve their goals in the information and communication society. An attempt is made to describe the specific nature of the sign systems through describing their basic elements, such as signs, codes, media, artefacts, and artifacts and mediafacts of the culture of digital nomads. The results of the research show that the methods of cultural anthropology along with the semiotic analysis as given in the concepts by Roland Posner and Yuri Lotman provide the tools to describe the specifics of the culture of digital nomads as an integral evolving phenomenon and describe the mechanisms of its globalization.

REFERENCES

1. Makimoto, T. & Manners, D. (1997) *Digital Nomad*. New York: Wiley.
2. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2014) Network Society. Evolution of Views: Concepts, Images, Metaphors. *Cloud-Cuckoo-Land, International Journal of Architectural Theory*. 19 (32). pp. 25–41. [Online] Available from: http://cloud-cuckoo.net/fileadmin/hefte_de/heft_32/article_kuzheleva-sagan.pdf. (Accessed: 01.10.2014).
3. Bell, D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
4. Brzezinski, Z. (1970) *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: Viking Press.
5. Galbraith, J.K. (2007) *The New Industrial State*. Princeton: Princeton University Press.
6. McLuhan, M. (1994) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
7. Naisbitt, J. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Warner.
8. Toffler, A. (1980) *The Third Wave*. New York: William Morrow & Company, [Online] Available from: <http://www.sagepublications.com>.
9. Toffler, A. (2002) *Tret'ya volna [The Third Wave]*. Translated from English. Moscow: AST.
10. Kahn, H. & Bruce-Briggs, B. (1972) *Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties*. New York: Macmillan.
11. Sassen, S. (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
12. Virilio, P. (2010) *The Futurism of the Instant: Stop-Eject*. Cambridge: Polity.
13. Huxley, A. (2005) *Brave New World and Brave New World Revisited*. Reprint ed. New York: HarperCollins Publishers.
14. Mitchell, W.J. (2004) *Me++: The Cyborg Self and the Networked City*. Cambridge, Mass. London: MIT.
15. Orwell, G. (2003) *Nineteen Eighty-Four*. New York: Plume.
16. Bard, A. & Soderqvist, J. (2002) *NETOCRACY: The New Power Elite and Life After Capitalism*. Pearson FT Press.
17. Garfinkel, S. (2000) *Database Nation: The Death of Privacy in the 21st Century*. Beijing: O'Reilly.
18. Marcuse, H. (1991) *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. London: Routledge.
19. Attali, J. (1991) *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York: dom House, 132 p.
20. Deleuze, G. & Guattari, F. (1986) *Nomadology: The War Machine*. New York: Semiotext(e).
21. Deleuze, G. & Guattari, F. (2004) *Capitalism and Schizophrenia*. Vol. 2. London; New York: Continuum.
22. Baudrillard, J. (1981) *For a Critique of the Economy of the Sign*. St Louis: Telos.
23. Jaspers, K. (1953) *The Origin and Goal of History*. New Haven, CT: Yale University Press.
24. Rushkoff, D. (2013) *Present Shock: When Everything Happens Now*. New York: Current.
25. Castells, M. (1996) *The Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
26. Shchedrovitskiy, P.G. (2000) Gosudarstvo v epokhu gumanitarnykh tekhnologiy [State in the era of humanitarian technologies]. *Russkiy zhurnal*. 21 July. [Online] Available from: http://old.russ.ru/politics/meta/20000721_sch.html.
27. Nazaretyan, A.P. (2004) Antropogennyye krizisy: gipoteza tekhnogumanitarnogo balans [Anthropogenic crises: the hypothesis of technohumanitarian balance]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 74 (4).
28. Bauman, Z. (1993) *Postmodern Ethics*. London: Routledge.
29. Braidotti, R. (1994) *Nomadic subjects: Embodiment and sexual difference in contemporary feminist theory*. New York: Columbia University Press.
30. Braidotti, R. (2012) *Nomadic Theory*. New York: Columbia University Press. pp. 14.
31. Lotman, J.M. (1975) Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts). In: Sebeok, T.A. (ed.) *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics*. Lisse: Peter de Ridder.
32. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art]*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt.
33. Posner, R. (2004) Basic Tasks of Cultural Semiotics. In: Withalm, G. & Wallmannsberger, J. (eds) *Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard*. Vienna: INST.
34. Herder, J.G. (1968) *Reflections on the Philosophy of the History of Mankind*. Translated from German. Chicago: Chicago UP.
35. Tylor, E.B. (1871) *Primitive Culture: 2 vols*. London: Murray.
36. Cassirer, E. (1946) *Language and Myth*. New York: Harper & Brother. pp. 83–99.
37. Lotman, Yu.M. (1970) *Stat'i po tipologii kul'tury: materialy k kursu teorii literatury [Articles on the typology of culture: materials for the course of the theory of literature]*. Is. 1. Tartu: Tartu State University.
38. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1971) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Trudy po znakovym sistemam [Works on sign systems]*. Tartu: Tartu State University.
39. Posner, R. (1991) Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe. In: Assmann, A. & Harth, D. (eds) *Kultur als Lebenswelt und Monument*. Frankfurt am Main: Fischer.
40. Posner, R. (1992) Was ist Kultur? Zur semiotischen Explikation anthropologischer Grundbegriffe. In: Landsch, M. et al. (eds) *Kultur-Evolution. Fallstudien und Synthese*. Frankfurt am Main: Lang.
41. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2015) Die Kultur von digitalen Nomaden im Kontext der Ontologie der Netzwerkgesellschaft und Kultursemiotik. *Zeitschrift für Semiotik*. 37 (3–4). pp. 189–210.
42. Mitchell, W.J. (2012) *Ya++: Chelovek, gorod, seti [Me++: The Cyborg Self and the Networked City]*. Translated from English by D. Simanovskiy. Moscow: Strelka Press.
43. Jakobson, R.O. (1975) Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakova, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: "za" i "protiv" [Structuralism: Pros and Cons]*. Moscow: Progress.

Received: 26 February 2018

А.А. Линченко

ПРАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

Предпринимается анализ интерпретации проблемы ценностей исторического сознания в постметафизической философии истории. В рамках «практического поворота» анализируются ценности исторического сознания в контексте целей, средств и результатов ценностного отношения. Выделяются такие ценности, как историческая истина как ценность, эстетическая красота, историческая справедливость и историческая ответственность. Анализируются конфигурации и форматы их взаимодействия.

Ключевые слова: историческое сознание; ценности; прaksiология; деятельностный подход; философия истории; историческая культура; постметафизическая философия.

Проблема исторического сознания является в первую очередь проблемой философии истории. Это в полной мере относится и к вопросу о ценностях исторического сознания, несмотря на огромную роль исследований исторического сознания в теории и методологии истории, дидактике истории и memory studies.

Вторая половина XX в. ознаменовалась существенными трансформациями объекта, предмета, методов философии истории. По мысли Ю.А. Кимелева, «в настоящее время философия истории предстает как собрание отчасти независимых друг от друга, отчасти пересекающихся постановок вопросов, проблем, подходов, а также связанных с ними философских концептуализаций» [1. С. 91]. Как видится, подобное положение философии истории во многом является производным от общей ситуации в современной «постметафизической философии», которая, по мысли Ю. Хабермаса, преодолевает тотализирующее мышление, направленное на поиск Единого, ставит под вопрос познавательные привилегии философии, способствует де-трансцендентализации основных понятий традиционной философии, постулирует переход от философии сознания к философии языка и указывает на вплетенность теоретических актов в практические ситуации.

«Постметафизическая философия, отказываясь от претензии, мысленно охватывать тотальность сущего, не претендует тем самым на всеобъемлющую перспективу, исходя из которой метафизика проводила различие между сущностью и явлением. Основополагающие структуры, к которым науки сводят феномены, коррелируют с объяснительным потенциалом теорий, однако эти структуры уже не отождествляются со структурами некоей самосушей тотальности. Они уже ничего не говорят о месте, занимаемом данной предметной областью в архитектонике мироздания» [2. С. 23–24]. Предельно важно, что исследователи говорят о современной философии как многообразии постметафизических проектов, что не добавляет оптимизма при обращении к любой проблематике ценностей, вопросам их иерархии и классификации. В этой связи противоречивость самой постановки вопроса о ценностях исторического сознания явно про-

сматривается в контексте аналитики возвышенного исторического опыта Ф.Р. Анкерсмита, теории тропов историописания Х. Уайта, исследований этических аспектов исторической памяти и коллективных воспоминаний [3–5].

Вместе с тем в современных исследованиях подчеркивается, что существующие на сегодняшний день постметафизические проекты (преодоление объективизма, «ситуирование» философского разума, учет культурно-исторического смыслового фона философской аналитики, единство тематического и перформативного аспектов знания) позволяют говорить об осуществлении «практического поворота в современной философии» [6. С. 7]. И действительно, постметафизическое понимание социального актуализировало идею практик как той среды, в которой происходит социальное взаимодействие и конструирование социального порядка. Более того, современные исследователи давно уже говорят о «практическом повороте» как наиболее перспективном горизонте исследований социальных отношений [7. Р. 187].

«Практический поворот» получил широкое распространение в антропологической и социологической литературе в 1980-е гг. Как отмечается, «в социологической теории термин “практика” также символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии и в то же время – попытки предложить “третий путь”: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории “структурации” Энтони Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции «габитуса» [8. С. 11]. Исследователи также указывают на то, что «сегодня практическая парадигма если и существует, то лишь как удобная территория для междисциплинарных исследований. С одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурирует в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле формируется некая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ

включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации» [8. С. 11].

Сложившееся положение дел означает, что сам объект изучения диктует необходимость выбора исследователю той или иной концепции практики как инструмента теоретического анализа, будь то различные варианты «левой» или «гуманистической» концепции практики, близкой к марксистскому пониманию «праксиса» или вариантам «правой», «консервативной» теории практик, восходящей к работам М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна и представленной в работах П. Бурдьё, М. Фуко, М. де Серто, Б. Латура и др. Более того, заметим, что в литературе неоднократно предпринимались попытки отыскания взаимовлияний этих условно называемых «левой» и «правой» концепций практики [9, 10]. Современный исследователь, работающий в русле парадигмы «практического поворота», таким образом, просто не в состоянии использовать какую-либо одну концепцию практики (практик). Скорее, речь идет о некоей комбинации методов, полем взаимоотношения которых как раз и выступает сам объект исследования. Это ни в коей мере не снижает проблемы осознания границ и методологических «нестыковок», но представляется достаточно перспективным. В нашем исследовании мы будем руководствоваться идеями классиков культурно-исторической теории Л.С. Выготского, деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, Э.В. Ильенкова. Важнейший лейтмотив деятельности – опосредование человека, создаваемой им же материальной и духовной культурой, самоизменение субъекта деятельности в процессе его взаимодействия с объектом. При этом В.А. Лекторский особо акцентирует внимание на том, что собственно деятельностный подход связан с реализацией именно идеи культурного опосредования, а не исследований действий единичного субъекта самого по себе.

Всякий, кто берется размышлять о ценностях с позиций деятельностного подхода, не может не признавать вслед за К. Марксом того факта, что деятельность представляет собой сущность человеческого бытия, способ человеческого бытия в мире. Соответственно, как индивидуальные, так и социальные феномены человеческого бытия должны быть объяснены сквозь призму деятельности. Вместе с тем проблема осложняется тем, как трактовать саму деятельность. В недавней беседе с Л.И. Гараи известный отечественный философ В.А. Лекторский допустил возможность противопоставления «проектно-конструктивистской» («активной») и «неконструктивистской» («пассивной») теорий деятельности. Он признал, что с помощью первого вида теорий деятельности достаточно сложно понять и объяснить целый ряд форм человеческой активности (коммуникация, понимание, любовь, моральный поступок, эстетическое созерцание), ведь эти процессы вряд ли могут быть поняты как сознательно спроектированные. Ими сложно сознательно управлять и такого рода явления сложно объяснить посредством традиционного понятия деятельности [11. С. 26]. Определенным выходом является интересная концепция П.Н. Кондрашова, который

предлагает рассматривать философию К. Маркса как философию праксиса. Человек понимается им как «практическое экзистенциально-страдающее существо». В отличие от предшествовавших материалистических попыток интерпретации марксизма, П.Н. Кондрашов акцентирует внимание на «действенности праксиса». Он показывает, что «на разных стадиях исторического развития в качестве наиболее действенных движущих сил выступают либо материальные (природа, техника) факторы человеческой деятельности, либо идеальные (технология, организация, наука, информация), либо их синтез» [12. С. 69].

Исходя из этой перспективы, можно согласиться с праксиологическим подходом к ценностям, трактующим их в контексте «в форме равнодушного отношения-к-миру, в эмоционально-экзистенциальной захваченности человека миром и мира человеком. Именно этот модус равнодушного отношения-к-миру, укорененный в предметной преобразующей деятельности людей... и является социально-антропологическим основанием феномена ценности» [13. С. 121]. Для нас предельно важно, что «ценности конституируются и существуют не в субъекте и не в объекте, т.е. являются не содержанием сознания субъекта и не самими предметами и их свойствами, но возникают только в праксеологической, деятельностной связи субъекта и объекта, конституируются в субъект-объектном взаимоотношении» [14. С. 56]. В этой связи вслед за К.Н. Любутиным мы будем понимать ценность как «как положительную или отрицательную значимость некоторого материального или идеального явления (объекта) для субъекта, конституированную в рамках деятельности этого субъекта» [15. С. 131].

Если использовать подобную трактовку как отправную точку для нашего исследования, то праксиологический анализ ценностей исторического сознания требует обращения к исходным целям, обуславливающим ценностное отношение человека к прошлому, средствам оценивания и результатам данного ценностного отношения. Именно ценности выступают интегральным основанием исторического сознания, поскольку само историческое сознание является в первую очередь приданием значения (смысла) опыту изменений во времени (Й. Рюзен). В этой связи роль ценностей как «равнодушного отношения-к-миру, укорененного в предметной преобразующей деятельности» проявляется уже на уровне самого различения темпоральной инаковости. Следует говорить о двух смысловых перспективах опыта различения времени и ориентирования во времени: практической и теоретической. Субъективность практического опыта человека рождает определенный практический смысл использования и понимания времени. Эта практическая «осмысленность» (П. Бурдьё), «практическое чутье» (М. де Серто), «умение совершать нужные действия без предварительного расчета» (М. Оукшотт) реализуются в предметности действия. Исходя из особенностей использования предметов в своей деятельности, человек создает определенную конфигурацию времени и его определенную связность. На теоретическом уровне осмысления времени и прошлого мы уже сталкиваемся с осознанной исторической оцен-

кой и интерпретацией. Здесь роль ценностей проявляется в перспективе рассматривать историю исходя из автобиографического опыта и памяти человека. В случае научного обращения к прошлому роль ценностей появляется на уровне ориентаций субъекта, на уровне репрезентации, категоризации, интерпретации, а также на уровне конвенций между исследователями и коммуникации между ними.

Однако где искать истоки (цель) этого «неравнодушного отношения-к-миру», формирующего ценностно-смысловую перспективу восприятия времени и прошлого? Ссылка на предметно-практическую деятельность как источник целеполагания и ценностно-полагания была бы достаточно абстрактным заявлением. Как актуализируется механизм этого «неравнодушного отношения» к историческому миру? Думается, что наиболее вероятным ответом на этот вопрос будет являться сама идентичность субъекта исторического сознания. Современные трактовки идентичности демонстрируют трансформацию ее понимания от фиксированной данности к пониманию ее как совокупности практик, что позволяет рассматривать идентичность индивида в контексте социокультурной среды. Вместе с тем, говоря о распространенном сегодня понятии «множественной идентичности», необходимо помнить, что она сохраняет определенную «минимальную связность», определенный способ связи, входящих в нее элементов, позволяющих человеку осуществлять сознательную деятельность и выступать в качестве «Я». Еще точнее выражается Йорн Рюзен: «...интерпретация историческим сознанием – это процедура создания идентичности (как для индивидов, так и для групп). Идентичность является концептом собственной цельности в отношении как к другим, так и к себе самому. Эта цельность имеет синхронное и диахронное измерение. В синхронном измерении идентичность интегрирует различные отношения индивидуального и коллективного «Я» к другим в единство, в котором конкретное «Я» осознает себя. Оно рефлегирует внутреннее единство в различии его многообразных отношений к другим. В диахронном измерении эта саморефлексия относится к изменению себя и своих отношений к другим в ходе времени. В этом отношении идентичность является концептом непрерывности тождества самому себе при изменениях, которые вынуждены претерпеть каждый индивид или группа в течение их жизни» [16. С. 45]. Для немецкого исследователя идентичность – это не соединение, составленное из различных элементов в рамках единственной модели смысла и значения. Это метасоединение различных принадлежащих ему соединений. Оно является текучим, а не фиксированным, многообразным, а не унифицированным, напряженным, а не «расслабленным».

Вместе с тем вряд ли перспективным был бы шаг отождествления диахронического измерения идентичности (темпоральная идентичность) и исторической идентичности. Вне всяких сомнений, первое рождает второе. Вместе с тем человек и общество могут отречься от определенных страниц прошлого, не рассматривать их в качестве своей биографии и истории, т.е. стремиться не делать их частью свое-

го автобиографического и исторического сознания. Представляется очевидным, что темпоральная идентичность является глубоко укорененной в индивидуальной и коллективной памяти и традициях, передаваемой из поколения в поколение, в памяти тела. Ее единство времени и конфигурация событий, опыта и следов прошлого задаются самими практиками жизни человека, его интегрированности в ментальную среду поколения, в котором он живет. В отличие от темпоральной идентичности, непрерывность «Я» на уровне исторической идентичности создается уже не только и не столько связностью времен на уровне повседневных практик и жизни поколения, сколько рефлексивной позицией «Я», намечающей определенную связь исторических событий и предпосылок из прошлого. Историческая идентичность человека и общества в данном случае очень похожа на автобиографию, которая «отбирает» необходимые ей события прошлого и следы, интерпретируя их в контексте настоящего и ожиданий будущего. В этой связи историческая идентичность является в большей степени продуктом исторического сознания, нежели исторической памяти. И вот здесь мы можем снова вернуться к идеям Й. Рюзена: «...память и историческое сознание тесно взаимосвязаны, но не являются одним и тем же. Историческое сознание основывается на ментальных силах памяти, но превосходит память в одном важнейшем качестве: оно сохраняет или делает прошлое, которое находится за пределами памяти рассматриваемых социальных групп или отдельных людей живым. Оно даже оказывает влияние на память людей или формирует ее при помощи осмысленного опыта, которым они не обладают (либо в случае индивидов – забытого или подавленного)» [16. С. 49].

Выступая предпосылкой для переоценки прошлого и придания ему определенной смысловой целостности, историческая идентичность связывается с интерпретацией не напрямую. Связующим звеном в данном случае выступает исторический интерес. Ценность сохраняют выводы А.И. Ракитова, который предлагает понимать под «историческим интересом» не только особую психологическую потребность личности (Додонов), определяющуюся лишь существующей системой ценностей в сознании личности и социальных групп (Г. Риккерт), но и как феномен, «порождаемый самой историей», зависимый от объективных законов развития и потребностей общества [17. С. 47]. Подобное диалектическое рассмотрение как объективных, так и субъективных предпосылок исторического интереса позволяет провести четкую грань между такими феноменами, как «симпатия» и «актуальность». Очевидно, что при всем значении субъективной значимости для объекта решающую роль в исторических исследованиях играет все же актуальность тематики современным ей объективным потребностям общества, государственным и общечеловеческим интересам. Таким образом, только после своеобразной кристаллизации в виде совокупности исторических интересов, историческая идентичность выступает в качестве определенной цели, задающей формат и особенности ценностного отношения к прошлому.

Следующий этап праксиологического анализа ценностей исторического сознания уже связан со средствами этого ценностного отношения, среди которых основополагающую роль играет интерпретация. В связи с тем, что нам уже приходилось писать об этом, ограничимся лишь указанием на факт множества различных стратегий исторической интерпретации, которые могут быть классифицированы в рамках трех основных: реконструкции, деконструкции и конструкции исторического значения и смысла [18]. В качестве наиболее вероятного итога интерпретации выступают сами базовые ценности исторического сознания, формирующие смысловой облик его целостности. Ценности исторического сознания отражают наиболее базовые ожидания человека и общества в процессе формирования им культурного единства времени и определенной конфигурации прошлого, настоящего и будущего.

Однако, каким образом могут быть классифицированы базовые ценности исторического сознания в ситуации, когда любая иерархия представляется в лучшем случае ситуативной и контекстуальной? Использование деятельностного подхода в качестве методологического ориентира заставляет нас обратить взоры на историческую культуру как на наиболее общую среду, в которой ценности исторического сознания определенным образом формируются и транслируются. Й. Рюзен определяет историческую культуру как «всю полноту дискурсов, в которых общество понимает себя самого и свое будущее, интерпретируя прошлое» [19. С. 3]. Принципиально важно, что историческая культура понимается Й. Рюзеном именно как целостная среда различных практик отношения с прошлым. Еще дальше идет английский историк Д. Вульф, отмечая, что «историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса... Сверх того, представления о прошлом в любой исторической культуре являются... частью ментального и вербального фона того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Это движение и процесс обмена элементов исторической культуры можно для удобства назвать ее социальной циркуляцией» [20. Р. 9–10]. Не будет преувеличением заметить, что в подобном случае различные формы и способы деятельности по отношению к прошлому в исторической культуре будут формировать свои особые ценностные стандарты. В этом смысле наиболее простым путем было бы формальное выделение ценностных систем в рамках структурных элементов исторической культуры. Например, в своей недавней книге Йорн Рюзен предложил выделять как минимум пять основных измерений исторической культуры (когнитивное, эстетическое, политическое моральное, религиозное) [21. С. 244].

Вместе с тем вышеуказанное направление исследования могло бы выступить только предпосылкой для классификации, поскольку ценностные системы, как правило, пересекаются между собой и оказывают

взаимовлияние, а также потому что сами ценности представляют собой не статичные объекты, а системы отношений между субъектом и объектом, что актуализирует вопросы их динамики, конфликта и трансформации в изменяющемся контексте. В этой связи более перспективный путь состоит в выделении неких ценностей, которые соответствовали бы не столько сфере исторической культуры, сколько способу деятельности в исторической культуре. Безусловно, в определенной ситуации сфера культуры и способ деятельности могут совпадать. Однако важно и другое. Являясь одним из проявлений определенного способа деятельности, одни и те же ценностные ориентиры могут присутствовать в разных сферах культуры. К примеру, идея справедливости как ценность культуры может быть по-разному представлена в моральной, политической или религиозной жизни общества. В этой связи наше движение в сторону классификации базовых ценностей исторического сознания будет идти от фундаментальных способов деятельности в культуре: познавательной, ценностной, практической (С.Л. Рубинштейн). В таком случае мы могли бы выделить следующие ценности исторического сознания: историческая истина как ценность, эстетическая красота, историческая справедливость и историческая ответственность.

Факт наличия исторической истины как ценности связан с тем, что понятие истинности знания раздваивается на собственно объективное, независимое от человека содержание и содержание ценностное, культурно-историческое. Такое раздвоение заложено в самом отношении человека к миру и коренится в целеполагающем характере человеческой деятельности [22]. Она указывает на факт переживания обладания неким знанием, являясь отражением культурного контекста обращения к прошлому в нравственности, морали, праве, искусстве, религии и обыденном сознании. В литературе неоднократно указывалось на существование нескольких различных типов знания о прошлом (мифологическое знание, религиозное знание, научное знание, вненаучные формы знания), каждый из которых руководствуется своими особенностями целеполагания и критериями верификации знания как истинного и ложного. Именно этот факт подтверждает мысль Г.П. Выжлецова о том, что оценка функционирует на любом из уровней познания, но функционирует по-разному. «Невозможно познание вне и без оценки, но нельзя и оценивать не познавая. Поэтому истина, как и ценность, является результатом их взаимодействия» [23. С. 47].

Таким образом, сам нормативный образ истины помимо его верифицирующей функции задает особенность применяемых в познании прошлого средств и ожидаемых результатов. Ценностная система исторического сознания в данном случае задается не просто спецификой самого целеполагания, но целеполагания (историческая истина), взятого в совокупности тех культурных предпосылок, определяющих само видение постановки проблемы и ожидаемого способа ее решения, характерного для соответствующей исторической культуры. Несмотря на то, что имеет смысл говорить о своеобразном понимании исторической

истины и на уровне вненаучных форм познания о прошлом, тем не менее, образ исторической истины как ценности исторического сознания в большей мере характерен для научного познания прошлого.

Эстетическая красота как ценность исторического сознания находит свое выражение не только искусстве и литературе как типах знания о прошлом и формах исторического сознания, но и в наличии эстетической оценки в научном историческом познании, а также в философско-исторической интерпретации прошлого. Эстетическое выступает итогом реконструкции и конструкции прошлого и проявляется в повествовательной форме интерпретации прошлого, в наличии определенной интриги. В данном случае «красота» научной истины – в ее выразительности. Данные мотивы звучат в работах А.С. Лаппо-Данилевского и А.В. Гулыги («историк-ученый должен контролировать историка-художника»). Однако при этом А.В. Гулыга отмечает, что исследователь истории, как и художник, использует различные категории, конкретизирующие прекрасное – возвышенное (нарушение привычной меры, актуализация какого либо масштаба в истории), типическое (понимание явления с наибольшей полнотой и ясностью выражающего свою сущность или сущность эпохи) [24]. Такие категории, как трагическое, комическое или драматическое, лишь частично могут быть задействованы в изложении и композиции фактов истории. Эстетический контекст, обрамляющий историческую истину как ценность, может переходить в истинные знания по мере расширения источниковой базы восприятия прошлого.

Традиционно выделяют два наиболее распространенных понимания термина «справедливость». Справедливость как результат и решение, достигнутое благодаря правильному функционирующему механизму отправления закона. В такой интерпретации справедливость – это логическая, почти механическая оценка действия согласно критериям, зафиксированным в общепринятой и обязательной нормативной системе – законе. Другое, более широкое определение справедливости – это апелляция к некоторому критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе. Отталкиваясь от идей П.А. Рачкова [25], можно было бы определить историческую справедливость как ценность исторического сознания, которая выражает идею соответствия между общественной и индивидуальной деятельностью людей в прошлом, с одной стороны, и ее признанием, духовно-практической оценкой в настоящем – с другой. Историческая справедливость проявляет себя в теснейшей связи с принципами равенства, права, добра и свободы и наряду с общечеловеческими компонентами имеет во многом относительный, конкретно-исторический характер. Историческая справедливость, имея предпосылкой ценностные доминанты той или иной культуры, зачастую оказывается более долговременной перспективой при оценках прошлого. Конкретизацией исторической справедливости является понятие «историческая правда», которое представляет собой субъективный образ исторической справедливости, вытекающий из

индивидуальных особенностей личности, микро или макросоциальных групп. То есть в определенном смысле «исторической правдой» могут являться и заблуждения, и представления о «мессианском призвании», данные личного автобиографического опыта, рассматриваемые как образец для подражания и т.д. Это задает, в свою очередь, определенный масштаб исторической справедливости, которая, однако, в силу более широкого контекста, несет в себе общечеловеческое и, являясь также всегда конкретно-исторической, не всегда совпадает с «исторической правдой» (например, историческая вина может осознаваться, но не приниматься). Историческая справедливость как ценность исторического сознания более связана с общественно-политическим контекстом, с идеологией и правовой жизнью.

В современных исследованиях справедливо подчеркивается, что говоря об исторической ответственности мы должны ориентироваться как минимум на три основных вектора ее понимания. Первый вектор является традиционным, «привязывающий историческую ответственность к действиям и поступкам, совершаемым в прошлом конкретным лицом, оказывается действенным ровно до тех пор, пока не возникает противоречия между юридической и этической виновностью... Второй – это принцип деятельности, при котором поступки одного человека оказываются тем, что позволяет ему чувствовать, разделять и конституировать свою принадлежность к сообществу» [26. С. 28]. Наконец, третий вектор связан с «политической ответственностью, которая налагается на сообщество по принципу принадлежности... вменяющая сторона предполагает наличие некоторого подобия власти (исправить ситуацию, признать вину, покаяться, выплатить компенсацию и т.д.) у “носителей вины”, пусть даже в качестве таковых подразумеваются абстрактные сообщества (потомков или репрезентантов)» [Там же. С. 29].

Современные определения подчеркивают «размытость» границ понимания исторической ответственности, что связано со сложностью определения самих субъекта и объекта исторической ответственности и отношений между ними. В нашем понимании историческая ответственность – это ценность исторического сознания и социальный феномен, предполагающий особое отношение к прошлому или будущему, осуществляемый индивидами, социальными группами, социальными общностями в контексте переживания чувств вины, возмездия, покаяния, прощения или признания заслуг, проявляющийся в нарративных, коммеморальных и политических практиках. В отличие от других базовых ценностей исторического сознания, историческая ответственность связана в большей мере с практической деятельностью в отношении прошлого, а также актуализирована в морально-правовом и политическом контекстах. Традиционные проблемы исторической ответственности связаны с какими-либо репарациями, выплатами, актами политического признания. Таких примеров можно привести множество. Достаточно сказать, что историческая политика и политика в области исторического образования и науки в некоторых восточноевропейских

странах (Польша, страны Прибалтики, Украина) строится на основе именно идеи исторической ответственности СССР за притеснения свободы в этих странах в эпоху существования советского блока. Заметим, что здесь историческая ответственность выступает именно как ценность, определяющая не только отдельные нарративные, коммеморативные и политические практики, оформляемые, как правило, в виде претензий, но и саму постановку проблем и задач для научных институций, кинематографа, литературы и public history. Однако, если смотреть на историческую ответственность как на ценность исторического сознания, то имеет смысл говорить и о позитивном аспекте. Речь идет об исторической ответственности как ценности ответственного исторического суждения по отношению к себе и к другим. Именно в этом контексте работал П. Рикер, когда говорил о необходимости широкой постановки проблемы вины и прощения как диалектических полюсов, обеспечивающих определенный баланс исторической ответственности.

Как видно из представленного анализа, историческое сознание может конструироваться в проекции различных ценностных ориентиров – исторической истины, эстетической красоты, исторической справедливости и исторической ответственности. Разумеется, что утверждать в современной ситуации об их некоем синтезе было бы серьезным упрощением проблемы. Скорее разговор следует перевести в русло изучения форматов их взаимодействия. В этом смысле востребованной продолжает оставаться идея Й. Рюзена о необходимости признания различий даже в логике порождения смысла времени, которое становится в дальнейшем «историческим». Сам Й. Рюзен имеет в виду логику порождения смысла времени в различных исторических культурах. Но даже в рамках одной из них, европейской, мы можем наблюдать конфликт различных способов конструирования исторического сознания в политике, public history, идеологии, экономике, религии, обыденной жизни и науке. Вариант ответа Й. Рюзена – соотнести сами критерии суждения относительно прошлого, не объединяя их в некую «принудительную конструкцию» [27. Р. 139].

Другими словами, различные ценностные ориентиры должны оставаться таковыми при условии их сравнимости в рамках универсальных критериев. Этими критериями, по Й. Рюзену, являются идея равенства и взаимного признания различий, ведь каждый из способов познания прошлого претендует именно на равенство и на признание со стороны других. Тогда историческое сознание оказывается набором опытов применения различных ценностей к одной и той же исторической проблеме, что позволяет видеть прошлое многомерно, по-разному, обращаясь к нему в научных, политических, религиозных, правовых и прочих практиках исторической культуры. «Подойти к прошлому как опыту означает представить его не как сумму успехов или неудач, а как столкновение целей и задач, поставленных историческими акторами, с непредвиденными ими обстоя-

тельствами и соответственно с неопределенным финалом <...> Так видеть прошлое возможно только тогда, когда стабильность настоящего поставлена под вопрос, а будущее мыслится неопределенным и многовариантным. Собственно говоря, это и есть ситуация разрыва. Идея альтернативности подразумевает, что среди возможных вариантов может повториться и прошлое, а значит, осмысление его как опыта приобретает значение и культурную ценность» [28. С. 190].

Таким образом, постметафизическая философия заставляет пересматривать традиционное поле проблем философии истории и способствует появлению новых интерпретаций проблемы ценностей исторического сознания. Однако преодоление тотализирующего мышления в постметафизической философии и ценностный плюрализм отнюдь не означают невозможность концептуализации проблемы ценностей исторического сознания, а также определенной классификации данных ценностей. Огромную роль в этой связи приобретает «практический поворот» в социально-гуманитарном знании, открывающий определенные перспективы перед праксиологическим пониманием ценностей исторического сознания.

В данной работе были использованы идеи культурно-исторической теории и деятельностного подхода, не потерявшие актуальности в современной философии. Ценностная сторона исторического сознания разворачивается в контексте целей деятельности, обуславливающих ценностное отношение человека к прошлому, в контексте средств оценивания и результатов данного ценностного отношения. Именно ценности выступают интегральным основанием исторического сознания, поскольку само историческое сознание является в первую очередь приданием значения (смысла) опыту изменений во времени. Являясь формой проявления исторической идентичности и результатом практик, интерпретации ценности исторического сознания отражают наиболее базовые ожидания человека и общества в процессе формирования им культурного единства времени и определенной конфигурации прошлого, настоящего и будущего. Ориентиром для классификации ценностей исторического сознания выступают способы деятельности по отношению к прошлому в исторической культуре. Именно она задает особенности и характер взаимодействия ценностных систем, их иерархию, а также выступает средой их динамики. Среди всего многообразия ценностей исторического сознания наиболее фундаментальными являются следующие ценности: историческая истина как ценность, эстетическая красота, историческая справедливость и историческая ответственность. Вместе с тем, несмотря на факт взаимодействия данных ценностей друг на друга, было бы существенным упрощением утверждать о возможностях их синтеза. Более перспективным представляется изучение форматов их взаимодействия и тех конфигураций, которые формируются в результате трансформации общественно-политических и культурных контекстов передачи опыта прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кимелев Ю.А. Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв. : аналитический обзор. М., 2009.
2. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск : ЗАО «Экономпресс», 2000.
3. Wyschogrod E. An Ethics of Remembering. History, Heterology, and the nameless others. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1998. 281 p.
4. The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn, Rudolf A. Makkreel. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2004.
5. Marcus J.T. Sub specie historiae. Essays in the manifestation of historical and moral consciousness. London ; Toronto : Associated University Presses, 1980. 314 p.
6. Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс : ЕГУ, 2008. Т. 1. 212 с.
7. Stern J.D. The Practical Turn // The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences. Oxford, 2003. P. 185–207.
8. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.
9. Rubinstein D. Marx and Wittgenstein. Social Praxis and Social Explanation. London, 1981.
10. The Practical Essence of the Man. The «Activity Approach» in Late Soviet Philosophy / ed. by Andrey Maidansky, Vesa Ottinen. Leiden : Brill, 2016.
11. Лекторский В.А. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них не хватает : беседа В.А. Лекторского и Л. Гараи // Вопросы философии. 2015. № 2.
12. Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10.
13. Кондрашов П.Н. Праксиологическое понимание жизненных ценностей // Социум и власть. 2015. № 6 (56).
14. Кондрашов П.Н. Деятельностное понимание ценностей // Ценности и нормы в потоке времени. VI Международная научная конференция. Курган, 9–10 апреля 2015 г. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015.
15. Любутин К.Н. Ценностное отношение // Двадцать лекций по философии : учеб. пособие. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002.
16. Рюзен Й. Кризис травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005.
17. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982.
18. Линченко А.А. Интерпретация и целостность исторического сознания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2009. № 2 (150). С.14–18.
19. Rüsen J. Geschichte im Kulturprozess. Cologne, Böhlau Verlag, 2002. 298 s.
20. Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford : Oxford University Press, 2003. 421 p.
21. Rüsen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln ; Weimar, Wien : Böhlau, 2013. 322 s.
22. Липский Б.И. Практическая природа истины. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
23. Выжлецов Г.П. Истина и ценность // Практики признания истины : сб. ст., посвященный 65-летию д-ра филос. наук, проф. Бориса Ивановича Липского. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011.
24. Гулыга А.В. Эстетика истории. М. : Наука, 1979.
25. Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2006. № 1.
26. Историческая ответственность : учеб. пособие / И.В. Красавин и др.; под общ. ред. канд. филос. наук Д.А. Томильцевой. Екатеринбург : ООО Изд-во «Деловая книга», 2016.
27. Rüsen J. Criteria of Historical Judgement // Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective (Leiden Series in Comparative Historiography). Leiden : Brill, 2009.
28. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 сентября 2018 г.

Praxiological Understanding of the Values of Historical Consciousness

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 64–71.

DOI: 10.17223/15617793/440/9

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: linchenko1@mail.ru; AALinchenko@fa.ru

Keywords: historical consciousness; values; praxeology; activity approach; philosophy of history; historical culture; post-metaphysical philosophy.

The article analyzes the peculiarities and contradictions of the interpretation of the problem of the values of historical consciousness in the post-metaphysical philosophy of history. It is shown that the active development of post-metaphysical philosophy exerted a significant influence on the subject, methods and structure of modern philosophy of history. The article substantiates the idea that overcoming totalizing thinking in post-metaphysical philosophy and value pluralism by no means signifies the impossibility of conceptualizing the problem of values of historical consciousness, as well as a certain classification of these values. The author shows that a “practical turn” in social knowledge and humanities, which opens up certain prospects for a praxeological understanding of the values of historical consciousness, acquires a huge role in this connection. Based on the ideas of the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky and his followers, as well as some methodological provisions of the activity approach, an analysis of the values of historical consciousness is undertaken in the context of the goals of the activity that determine the person’s value attitude to the past, in the context of the tools of evaluation and the results of this value relationship. It is concluded that values are the integral basis of historical consciousness, since historical consciousness is the mode of making sense for the experience of changes in time. The author substantiates the idea that within the framework of praxeological understanding the values of historical consciousness are a form of manifestation of historical identity and the result of practices of interpreting the value of historical consciousness. They also reflect the most basic expectations of a person and society in the process of forming a cultural unity of time and a certain configuration of the past, the future. The article makes an attempt to substantiate the fact that the leading guide for classifying the values of historical consciousness is the ways of activity in relation to the past in historical culture. They set the features and character of the interaction of value systems, their hierarchy, and also act as a medium for their dynamics. In the context of the praxeological approach, values such as historical truth as value, aesthetic beauty, historical justice and historical responsibility are distinguished. It is concluded that, in spite of the fact of mutual influence of these values on each other, it would be an essential simplification to assert the possibilities of their synthesis. The prospects of studying the formats of interaction and configurations of values of historical consciousness,

which are formed as a result of transformation of socio-political and cultural contexts of the transfer of historical experience, are analyzed.

REFERENCES

1. Kimelev, Yu.A. (2009) *Zapadnaya filosofiya istorii na rubezhe XX–XXI vv.: analiticheskiy obzor* [Western philosophy of history at the turn of the 21st century: analytical review]. Moscow: ISISS RAS.
2. Furs, V.N. (2000) *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa* [The philosophy of the unfinished modern of Jürgen Habermas]. Minsk: ZAO "Ekonompress".
3. Wyschogrod, E. (1998) *An Ethics of Remembering. History, Heterology, and the nameless others*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
4. Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) (2004) *The Ethics of History*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press.
5. Marcus, J.T. (1980) *Sub specie historiae. Essays in the manifestation of historical and moral consciousness*. London; Toronto: Associated University Presses.
6. Borisov, E., Inishev, I. & Furs, V. (2008) *Prakticheskiy povorot v postmetafizicheskoy filosofii* [Practical turn in post-metaphysical philosophy]. Vol. 1. Vilnius: EGU.
7. Stern, J.D. (2003) The Practical Turn. In: Turner, S. & Roth, P. (eds) *The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences*. Oxford: Blackwell.
8. Volkov, V.V. & Kharkhordin, O.V. (2008) *Teoriya praktik* [Theory of practices]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
9. Rubinstein, D. (1981) *Marx and Wittgenstein. Social Praxis and Social Explanation*. London: Routledge & Kegan Paul.
10. Maidansky, A. & Ottinen, V. (eds) (2016) *The Practical Essence of the Man. The "Activity Approach" in Late Soviet Philosophy*. Leiden: Brill.
11. Lektorskiy, V.A. & Garai, L. (2015) On Activity Theories: a dialogue about what is their richness and their deficiency. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 25–37. (In Russian).
12. Kondrashov, P.N. (2016) Karl Marx's Philosophy of Praxis. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 10. pp. 69–80. (In Russian).
13. Kondrashov, P.N. (2015) Praxeological understanding of life value. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 6 (56) (In Russian).
14. Kondrashov, P.N. (2015) [Understanding values through activities]. *Tsennosti i normy v potoke vremeni* [Values and norms in the flow of time]. Proceedings of the VI International Conference. Kurgan. 9–10 April 2015. Kurgan: Kurgan State University. (In Russian).
15. Lyubutin, K.N. (2002) Tsennostnoe otnoshenie [Value attitude]. In: Gribakin, A.V. et al. (eds) *Dvadsat' lektsiy po filosofii* [Twenty lectures on philosophy]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
16. Rüsen, J. (2005) Krisis, travma i identichnost' [Crisis, trauma and identity]. Translated from English. In: Repina, L.P. (ed.) *Tsep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya* [Chain of times: problems of historical consciousness]. Moscow: IWH RAS.
17. Rakitov, A.I. (1982) *Istoricheskoe poznanie: sistemno-gnoseologicheskiy podkhod* [Historical knowledge: a system-gnoseological approach]. Moscow: Politizdat.
18. Linchenko, A.A. (2009) The interpretation and the integrity of historical consciousness. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Ser. Obshchestvennye nauki*. 2 (150). pp. 14–18. (In Russian).
19. Rüsen, J. (2002) *Geschichte im Kulturprozess*. Cologne: Böhlau Verlag.
20. Woolf, D. (2003) *The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730*. Oxford: Oxford University Press.
21. Rüsen, J. (2013) *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft*. Köln; Weimar, Wien: Böhlau.
22. Lipskiy, B.I. (1988) *Prakticheskaya priroda istiny* [The practical nature of truth]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Vyzhetsov, G.P. (2011) Istina i tsennost' [Truth and value]. In: Savchuk, V.V. et al. (eds) *Praktiki priznaniya istiny: sb. st., posvyashchennyy 65-letiyu d-ra filos. nauk, prof. Borisa Ivanovicha Lipskogo* [Practices of truth recognition: Collection of articles dedicated to the 65th anniversary of Dr. of Philosophy, Prof. Boris Lipsky]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
24. Gulyga, A.V. (1979) *Estetika istorii* [The aesthetics of history]. Moscow: Nauka.
25. Rachkov, P.A. (2006) Pravda-spravedlivost' [Truth-Justice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. 1.
26. Tomil'tseva, D.A. (ed.) (2016) *Istoricheskaya otvetstvennost'* [Historical responsibility]. Yekaterinburg: Delovaya kniga.
27. Rüsen, J. (2009) Criteria of Historical Judgement. In: Schmidt-Glintzer, H. (ed.) *Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective (Leiden Series in Comparative Historiography)*. Leiden: Brill.
28. Syrov, V.N. (2013) What historical consciousness do we need: On the methodology of the approach and practice of use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (21). pp. 183–190. (In Russian).

Received: 22 September 2018

А.В. Нехаев

ПЛОХОЙ ЗАКОН КАК ЧИСТОЕ ПРАВО: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.Л.А. ХАРТА

Рассматривается вопрос о необходимой связи феноменов права и морали. Согласно юридическому позитивизму мораль не является критерием юридической силы правовых норм. На примере правовой коллизии демонстрируется парадоксальность любого исключаящего соображения морали судебного решения в тех случаях, когда условия признания и отмены юридической ответственности являются собственностью двух разных (не обязательно открыто противоречащих друг другу) правовых норм. Аморальный закон не создает морального обязательства следовать такому закону, а значит, ответы на все существенные правовые вопросы лежат в теориях морали.

Ключевые слова: юридический позитивизм; теория естественных прав; теория чистого права; тезис об отделенности; отменяемость; ответственность; моральная аргументация.

Суть вопросов права заключена в вопросах, касающихся моральных принципов. Чтобы успешно решать свои задачи, юриспруденция должна четко сформулировать эти вопросы и решать их как вопросы моральной теории.

Рональд Дворкин «О правах всерьёз» (1977 г.)

Исторически с аналитической традицией в философии права тесно связаны первые попытки выделения и автономизации наук о праве, основанные на стремлениях самих теоретиков права преодолеть прежнее камеральное положение юриспруденции в системе академических дисциплин. Попытки эти получили концептуальное развитие в 30–50-е гг. XIX в. в идеях классического правового позитивизма Джона Остина [1] и в 20–30-е гг. XX в. нашли свое окончательное оформление в принципах нормативизма «чистого права» Ганса Кельзена [2, 3]. Однако подлинный расцвет аналитической традиции в философии права пришелся на послевоенные 40–60-е гг. XX в. – период активной рецепции теоретиками права методов, средств и техник аналитической философии языка, разрабатываемых и применяемых в теориях концептуального анализа Джорджем Эдвардом Муром, «языковых игр» – Людвигом Витгенштейном, речевых актов – Джоном Лэнгшо Остином и Джоном Сёрлем. Результаты этой рецепции в наиболее яркой концептуальной форме были представлены в теории аскриптивного юридического языка Герберта Харта [6–9].

Рост интереса среди российских исследователей к вопросам становления и развития аналитической традиции в философии права во многом связан с тем, что иницилируемые представителями этой традиции дискуссии *de facto* расположены в зонах узловых проблем современных наук о праве. Именно аналитическая традиция стимулировала поиски новых оригинальных систем описания феноменов права, в своем идеале не требующих обращения к различного рода «смутным» и «спорным» принципам морали¹ (наподобие идей справедливости или естественных прав). Такие поиски, однако, как это часто бывает, не только не привели к быстрому и окончательному решению всех основных философских вопросов теории права, но напротив, обогатили философию права новыми интересными головоломками, среди которых особое

место для аналитической традиции занял вопрос о значении и функциях феноменов морали в мире права. Именно эта головоломка, как кажется, содержит в себе подлинный «нерв» неутраченных десятилетиями дискуссий в современной философии права, – споров, образовавшихся вокруг вопроса о необходимой связи феноменов морали и права – споров, сыгравших главную роль в постепенной инклюзии аналитической традицией богатого идейного наследия прежних теорий естественного права, что очевидным образом можно проследить в некоторых современных аналитико-правовых концепциях, изложенных, в частности, в трудах Лона Фуллера [10], Джона Финниса [11] и Рональда Дворкина² [15–17].

Обобщая и, в известной степени, огрубляя, картину развития и становления аналитической традиции в философии права, нетрудно наметить внутри этой кажущейся нам единой традиции четкие границы очевидного концептуального «разрыва», по обе стороны которого расположились два активно конфликтующих между собой лагеря аналитиков права, разделяющих два разных понимания природы феноменов права. Иронически можно было обозначить теоретические вкусы, разделяемые представителями этих двух разных лагерей, как «диетические» и «калорийные»³. «Калорийные» теории права (которые отстаивают, например, Рональд Дворкин, Лон Фуллер и др.) склонны заворачивать все значимые правовые феномены в моральные «упаковки»⁴, в то время как «диетические» (среди сторонников которых числятся, например, Герберт Харт, Джозеф Раз и др.), напротив, пытаются основывать право на одном только *праве*, исключая любые формы морального интереса к праву как нерелевантные для самой правовой системы⁵, равно как и некоторые формы эпистемологического интереса, стараясь тем самым одновременно *противопоставить автономные феномены права и фактам, и морали*⁶. Споры между сторонниками этих двух лагерей формируют, пожалуй, самую значимую

и «горячую» для аналитической философии права зону исследований⁷.

Влиятельность «диетических» теорий права в области юриспруденции – и прежде всего оксфордской модели права, созданной в ранние послевоенные годы Гербертом Хартом, а в настоящее время активно развиваемой его учеником Джозефом Разом, – во многом связана с особенностями заложенных в их основаниях юридических императивов. В «диетической» модели Харта-Раза право рассматривается в качестве нередуцируемой к моральным феноменам области социальной жизни⁸. Мораль не является критерием юридической силы правовых норм⁹. Как таковой закон может иметь любое содержание, в том числе и быть абсолютно аморальным, оставаясь при этом частью действующей правовой системы. А это значит, что ответы на все значимые вопросы права должны даваться не через обсуждение моральных достоинств возможного решения¹⁰, а через обращение к чисто правовым феноменам («прецедентам», «законам», «судейскому усмотрению», «официальным процессуальным процедурам», «легислатурам» и т.д.). В пользу именно такого понимания права основателя этой модели Герберта Харта склоняли, в частности, два очевидных для мира права обстоятельства. Во-первых, известный юридический трюизм о том, что «закон может быть ценным, но также может быть и источником большого зла» [42. Р. 1]. Во-вторых, концептуальная путаница, которая в теорию права привносилась еще одним старым юридическим трюизмом «*actus non est reus nisi mens sit rea*»¹¹ – трюизмом, требования которого подразумевали необходимость установления в любом рассматриваемом в суде деле неких *mens rea* (так называемых умыслов, проявляющихся в форме «добровольности» и «знания последствий» совершаемых и юридически ответственных действий), т.е. различного рода ментальных состояний подсудимого, имплицитно содержащих в себе достаточные условия для использования и манипуляции различного рода «морализирующими уловками» (ср.: [6. С. 180–181; 7. С. 35–38; 43. С. 116–118]). Желая избавить юридические практики от подобной концептуальной путаницы, возникающей на основе поисков общей правовой теории для различного рода *mens rea*, Гербертом Хартом и была сформулирована вызвавшая яростные возражения идея об отменяемом (*defeasibility*) характере юридических понятий, и прежде всего таких понятий, как «действие»¹² и «ответственность» (см., например: [7. С. 45–50; 44. С. 163]).

Исходя из очерченных выше теоретических позиций модели права Харта-Раза, попробуем предложить образец правой коллизии¹³, в которой подобная «диетическая» модель могла бы столкнуться с очевидными и, по-видимому, неразрешимыми для нее трудностями.

Представим себе некое общество Z, законодотворцы которого сели на «моральную диету» и в своем нормотворчестве руководствовались лишь предельно общим рамочным принципом практического мышления, в чем-то напоминающим знакомый нам «Принцип талиона»: каждый из нас заслуживает (имеет право на) то же самое, что он совершает в отношении

другого, – во всех же прочих обстоятельствах, по мнению законодотворцев общества Z, никто никому ничем не обязан. Иными словами, в обществе Z законодотворцы не особо жаловали своим вниманием теорию естественных прав, полагая, что для пользы их общества и процветания собственной правовой системы лучшим из возможных общественных состояний будет состояние, при котором никто не может притязать на какие-либо права, данные ему по рождению или в силу сложившихся обстоятельств, а подлинными источниками всех возникающих прав и сопутствующих им юридических следствий могут быть одни лишь свободные действия, совершаемые теми или иными лицами в отношении друг друга. На основе подобного рода рамочного принципа нормотворчества были написаны и приняты две наиболее часто используемые в обществе Z юридически обязывающие нормы: 1-А «Убивший другого человек сам подлежит смерти» и 1-Б «Спасший другого человек сам подлежит спасению». Обе эти нормы были достаточно просты для использования в судебной практике, поскольку для своего применения не требовали обращения к каким-либо обстоятельствам, выходящим за рамки обычных и хорошо знакомых фактов (наподобие таких, как «X убил из огнестрельного оружия Y», «X убил Y с использованием яда» и т.д.). И хотя вполне возможно, что норма 1-Б для нас выглядит необычно¹⁴, практические соображения в ее пользу были для законодотворцев в обществе Z довольно очевидны, поскольку на деле эта норма была направлена против определенных видов бездействия, а также на защиту прав определенного круга лиц, возникших в ходе их свободных действий (например, некое лицо X, само по себе находясь в опасном и угрожающем жизни положении, не имеет права требовать для себя действий, направленных на свое спасение, со стороны любого другого лица, если некогда само лицо X не оказало помощи в схожих обстоятельствах какому-либо третьему лицу, т.е., скажем, если X некогда спас утопающего и в некоторый последующий момент времени сам попал в это опасное положение – стал тонуть, – то неоказание ему помощи со стороны других было бы, согласно норме 1-Б, юридически наказуемым бездействием)¹⁵.

Теперь представим себе вызвавшее сильный общественный резонанс дело, которое слушалось в одном из судов общества Z. Обстоятельства этого дела были следующие: некто А, являясь сотрудником одного из юридических офисов, захватил в заложники 7 человек – своих коллег по офису; при этом одного из заложников В злоумышленник А принуждал убить другого заложника С, угрожая в противном случае, если В не подчинится и не убьет С, расправой над всеми оставшимися пятью заложниками. Доподлинно известно (со слов очевидцев и оставшихся в живых заложников), что В подчинился требованиям А и убил С. Полиция, прибывшая на место преступления, в ходе успешного штурма офисного здания, где А удерживал своих заложников, сумела «нейтрализовать» злоумышленника и освободить как В, так и еще пятерых оставшихся в живых заложников. Позднее, на основании показаний освобожденных заложников,

а также многочисленных очевидцев этой трагедии, в один из судов поступает дело «Z-цы против В», в котором бывший заложник В обвиняется в причинении смерти другому заложнику С. Дело это попадает к судье J, который должен вынести по нему свое решение в отведенные для этого законодательством трое суток (правосудие в обществе Z было довольно скорым). Первоначально дело «Z-цы против В» кажется нашему судье довольно типичным и простым для вынесения решения: поступок В подпадает под действие нормы 1-А, а значит, В, безусловно, заслуживает смерти. Однако показания оставшихся в живых пяти-рых заложников дают все необходимые основания рассматривать содеянное В также и как поступок, подпадающий под действие нормы 1-Б, что, в свою очередь, предполагает необходимость сохранения жизни В. В этих обстоятельствах судья J неожиданным для себя образом оказывается перед лицом серьёзной юридической дилеммы: действием какой именно нормы – 1-А или 1-Б – необходимо руководствоваться при вынесении решения по этому делу? Должна ли жизнь В быть сохранена или все-таки нет?

Очевидно, что любое решение судьи, которое будет им в итоге вынесено по делу «Z-цы против В», в своей мотивировочной части может содержать лишь такие основания, которые мы с полным на то правом могли бы отнести к соображениям не юридического, а морального порядка¹⁶. Например, наш судья J может склониться в пользу, казалось бы, максимально практичного решения, конгруэнтного действующей норме 1-Б, на том простом основании, что, как ни суди, но суммативно отнятая В жизнь заложника С стоила спасённых его действиями пяти жизней других заложников. Однако в мотивировочной части подобное решение нашего судьи уже не сможет опереться на одну только «внутреннюю» точку зрения «чистого» права, а, скорее, обязано будет опираться на некие принципы и стандарты, которые в данном случае мы могли бы отнести к моральным резонам утилитаризма. Критики теории «чистого» права, или права, основанного на праве и ради права, как кажется, не столь уж неубедительны, когда обращают наше внимание на то, что любое применение права должно быть морально оправдано или санкционировано моральными требованиями¹⁷. Иные источники силы и влияния для права в жизни общества найти мы вряд ли сумеем¹⁸. Ведь даже очень страстно желая отделить право *сущее* (law as it is) от права *должного* (law as it ought to be) в ситуации судебного усмотрения мы довольно часто сталкиваемся с тем, что судья вынужден выносить свое решение в отношении «того, как это было» только на основании имеющегося у него представления о «том, как это должно было бы быть». Поэтому в предложенном нами примере правовой коллизии «диетическая» модель Харта-Раза уже не может с прежней лёгкостью игнорировать философско-правовые вопросы о том, «в какой степени судебское усмотрение соотносится с условиями, в которых мы готовы рассматривать обстоятельства дела как моральные вопросы?».

Однако одним только этим трудности «диетической» модели права Харта-Раза не ограничиваются.

Напомним, Герберт Харт намеревался в своем рассмотрении природы права избежать ряда затруднений, которые были бы связаны с необходимостью ссылаться на различного рода *mens rea* («умыслы», «виновные воли» и пр.), стараясь ограничивать свой анализ областью только тех обстоятельств дела, которые могли бы непосредственно влиять на признание или отмену юридической ответственности за совершенные неким лицом действия. Теперь нам предстоит установить, может ли подобная стратегия правового анализа быть успешна, если мы попытаемся применить ее в деле «Z-цы против В».

Предположим, что судья J, столкнувшись с этим делом и видя очевидное противоречие в требованиях действующих в обществе Z правовых норм 1-А и 1-Б, приходит к решению, что путем грубого сопоставления числа убитых и спасённых В людей можно все же получить надежные основания для правосудного и справедливого судебного решения. Взвесив на «судейских весах» эти жизни, судья J склоняется в пользу утилитарного мнения о том, что пять спасённых жизней перевешивают одну отнятую. Казалось бы, такое «судейское усмотрение» вполне отвечало бы замыслам и интуициям Герберта Харта в отношении *mens rea*, поскольку оно ориентировалось бы не на некие «ментальные установки» В, а лишь на наблюдаемые следствия тех действий, совершение которых вменяется В без необходимости принимать в расчет какие-либо соображения, требующие ссылки на имеющиеся в момент совершения действия у этого В «умыслы». Но так ли это на самом деле?

Добавим в рассматриваемое нами дело «Z-цы против В» новые обстоятельства. Представим себе, что в ходе судебного следствия вскрылось одно важное свидетельство, а именно то, что у самого В могли быть независимые от разыгравшихся трагических событий веские резоны («намерения») желать смерти своей «жертве» С (например, в связи с обуревающей его ревностью по отношению к С или в связи с какими-либо иными корыстными расчетами). В этих новых обстоятельствах тот юридический факт, что своими действиями В причинил С смерть, оказывается действием, которое В вполне мог бы совершить, имея на то собственные независимые мотивы, а вовсе не действием из-за угроз А расправиться с пятью заложниками и / или личных намерений спасти эти пять жизней. Предположим, что фактически в распоряжении суда есть веские основания полагать, что В просто воспользовался этими трагическими событиями как «удобным» случаем для того, чтобы убить ненавистного ему заложника С. Можно ли в этих новых обстоятельствах продолжать настаивать на прежнем решении, к которому первоначально склонялся судья J?

Вполне очевидно, что невозможно, поскольку в этих новых обстоятельствах исчезают не только чисто правовые коллизии, но в том числе и те «моральные» основания, которые позволяли бы судье J придерживаться своего прежнего решения. Представим себе, что, приняв во внимание эти вновь вскрывшиеся обстоятельства, судья J меняет свое прежнее мнение по делу, справедливо полагая, что никто не может быть

бенефициаром собственных преступных действий¹⁹. Мнение судьи *J* теперь заключается в том, что никакой правовой коллизии в рассматриваемом деле и нет вовсе, так как поступок *B* подпадает под действие одной лишь единственной нормы 1-А, нормой же 1-Б в данном деле можно просто-напросто пренебречь. Как мы видим, в представлениях судьи *J* о правильном решении в этом деле существенную роль играют не только и даже не столько моральные резоны, но прежде всего сами ссылки на некие *mens rea* (крайне подозрительные, как мы помним, с точки зрения Герберта Харта), которые имели место у *B* в момент совершения им действия. Ведь вполне очевидно, что *действия, совершенные с разными мотивами, даже при всем своем внешнем сходстве различны* (в том числе различны и в отношении юридической ответственности). А это значит, что «диетическая» модель права Харта-Раза не должна игнорировать и другой важный философско-правовой вопрос – «возможно ли (и если возможно, то до какой степени возможно) редуцировать *mens rea* к свободе и добровольности совершаемых действий?».

Последней надеждой на спасение «диетической» модели Харта-Раза могла бы стать идея об «отменяемости» (*defeasibility*) таких понятий, как «действие» и «ответственность». Однако и эта идея оказывается уязвима для критики, поскольку демонстрирует в связанных с решением дела «*Z*-цы против *B*» вопросах свои очевидные концептуальные слабости.

Предположим, что на третий, заключительный день рассмотрения в деле «*Z*-цы против *B*» появились очередные прежде еще не принимавшиеся в расчет обстоятельства. В ходе судебного расследования выяснилось, что один из освобожденных полицией пяти заложников *D* (жизни которых угрожал злоумышленник *A*, склонявший своими угрозами *B* к совершению действий, нацеленных на причинение насильственной смерти заложнику *C*) некогда спас жизнь одного из представителей общества *Z*. Согласно существующей в обществе *Z* правовой норме 1-Б в отношении жизни *D* действовала юридически обязывающая ответственность для любых представителей общества *Z*, которые в соответствии с требованиями этой нормы должны были не бездействовать, а совершать действия, направленные на спасение жизни этого человека. В этих условиях отказ *B* совершить те действия, которые он совершил в отношении *C*, означал бы неминуемость признания для него юридической ответственности за бездействие в отношении *D*.

Казалось бы, ясность, с таким трудом обретенная в деле «*Z*-цы против *B*» благодаря ссылкам на *mens rea*, вновь рассеялась. Под давлением новых обстоятельств судья *J* в очередной раз должен был бы изменить основания для вынесения своего решения. При этом правовая коллизия, связанная с конфликтом между требованиями действующих в обществе *Z* норм, приобретает новые неожиданные очертания. Все дело в том, что идея об «отменяемости», позволяющая установить, согласно Герберту Харту, правильное соотношение между нашими действиями и ответственностью за них, обычно рассматривалась изолировано в отношении каждой существующей юридической нор-

мы. Примером тому может служить известная иллюстрация с «игрой в шахматы под дулом пистолета»²⁰, где согласно применению идеи об «отменяемости» на самом деле нет ни самого действия, обычно называемого «игра в шахматы», ни юридической ответственности за результаты подобного рода «действий». Строго говоря, в нашем обществе в принципе нет таких юридически обязывающих норм, которые применялись бы в отношении добровольной или принудительной игры в шахматы. Поэтому в приведенной иллюстрации с «шахматной игрой» идея об «отменяемости» Герберта Харта кажется нам довольно убедительной. Но как нам тогда быть с идеей об «отменяемости» в обстоятельствах, когда условия признания и отмены являются собственностью двух разных юридических норм? Следует ли в подобных обстоятельствах (т.е. в тех трудных делах, где есть реальное, а не просто кажущееся противоречие между двумя действующими нормами) использовать так называемый принцип Шомло²¹? И каково же пресловутое «истинное состояние права» на сей счет? Ведь в иллюстрациях с «игрой в шахматы под дулом пистолета» подобного рода обстоятельств просто не существует, ибо, разумеется, пока не существует двух таких разных правовых норм, одна из которых предписывала бы юридическую обязанность «играть в шахматы», а другая – «держат игроков в шахматы под дулом пистолета», правовые коллизии (подобные делу «*Z*-цы против *B*») остаются для нас незамеченными.

И наконец, в заключение хотелось бы высказать последнюю критическую ремарку, которая касается не столько теоретической нормы вкуса апологетов «диетических» моделей права и, в частности, сторонников модели права Харта-Раза, сколько перспектив и направлений дальнейшего развития аналитической традиции в философии права в целом, – ремарку, которая вновь возвращает нас к «трудному» и очевидно основному вопросу философии права: «Что же именно, в конечном счете, является источником содержания права?»²².

Легко заметить, что использованный нами выше пример правовой коллизии (дело «*Z*-цы против *B*») в чем-то напоминает сложносоставную концептуальную смесь, ингредиентами для которой выступили хорошо известные специалистам по аналитической этике примеры Гарри Франкфурта (*Frankfurt-style Examples*) [48], а также классическая версия для воображаемых ситуаций с вагонеткой (*The Trolley Problem*), предложенная Филиппой Фут [49. Р. 23]. Присутствующая здесь аналогия отнюдь не случайна. Подобно тому как в далекие 1940–1960-е гг. аналитическая философия языка становится донором новых интересных идей и концепций для аналитической философии права, в настоящий момент эту роль, кажется, вполне способна взять на себя современная аналитическая этика²³. Именно она позволит взглянуть в ином свете на уже сложившиеся в области аналитической философии права дискуссии, равно как и инициировать новые. Поэтому, принимая во внимание следствия, интересные для прояснения природы права и в особенности для решения вопросов об отношениях между правом и моралью, которые возникли в ходе обсуждения приведенного нами примера правовой

коллизии (дело «Z-цы против B»), остается только посетовать, что современной аналитической философии права недостает чувствительности к дискуссиям в соседней и смежной области, занятой аналитической этикой. При этом отдельно стоит заметить, что даже самые «калорийные» аналитические модели права, несмотря на демонстрируемый ими интерес к феноменам морали, страдают от подобного рода дефицита внимания, поскольку обсуждаемые в этих моделях вопросы морали обычно имеют дело с так называемыми очень большими ценностями (если пользоваться терминологией Джона Ролза), вроде «справедливости», «свободы», «равенства», «демо-

кратии», или какими-либо иными объектами конвенциональной морали и очень редко нисходят до этических проблем отдельных индивидов, связанных со способностью последних морально ответственно действовать, в том числе и в юридически значимом смысле. Однако, как известно, в реальных судах чаще всего рассматриваются именно такие дела. Поэтому, выбирая для нашего права ту или иную моральную «диету», сознательно игнорируя возможные этико-правовые коллизии как случайные эпифеномены практики нормотворчества и правоприменения, мы сильно рискуем в очередной раз сделать наш закон великим несчастьем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этой связи британский правовед Шон Коил замечает: «Привлекательность современного позитивизма в качестве теории вытекает из его способности заменить, казалось бы, неправдоподобные предположения относительно концептуальных структур, к которым мы не имеем очевидного эпистемического доступа (вроде Grundnorms или категорических императивов), более правдоподобными, имеющими дело с принципиально открытыми для познания критериями... (наподобие правила признания Харта)...» [4. Р. 276]. На склонность юридического позитивизма к некогнитивизму в сфере морали обращал внимание и американский правовед Джулс Колеман: «...одна из причин, почему некоторые позитивисты настаивали на различии между правом и моралью, заключается в следующем: несмотря на то, что и право, и мораль в равной степени обеспечивают стандарты, в соответствии с которыми улаживаются людские дела, мораль является чем-то изначально по природе своей спорным. Люди расходятся во мнениях относительно того, что предписывает им мораль, а значит, существует неопределенность в отношении пределов допустимого образа действий, равно как характера и сферы чьих-либо моральных обязательств перед остальными. И напротив, по крайней мере, для этих позитивистов, закон есть, несомненно, нечто вполне конкретное и непротиворечивое. Кроме того, в случае возникновения разногласий по поводу того, является ли нечто или нет законом, существует процедура принятия решения, которая в основной массе случаев снимает такие разногласия. Закон познаваем и поддается определению; так что, в то время как человек может и не знать круг своих моральных обязательств, он знает (или может узнать), что именно от него ожидает закон» [5. Р. 145].

² Теория права Рональда Дворкина (не случайно иногда именуемая как The Third Theory of Law) ускользает от простых дефиниций; она представляет собой пример гибридной концепции, расположенной непосредственно на границе между юридическим позитивизмом и естественным правом (ср.: [12. Р. 229; 13. Р. 388; 14. Р. 221, 224]). «Ранний» Рональд Дворкин яростно защищал антипозитивистский тезис о том, что моральные принципы вполне могут быть юридически обязательными, ибо в них выражается (пусть даже не всегда публично подерживаемая) идея справедливости (см., например: [15. Р. 23; 16. С. 45]). «Поздний» же придерживался тезиса вполне совместимого с доктриной юридического позитивизма, согласно которому в поисках единственно верной интерпретации смысла действующих правовых норм судьям следует опираться на моральные принципы (см., например: [17. Р. 166; 18. Р. 66]).

³ Здесь нами используется собственная упрощенная двухчленная классификация исследовательских фракций, представляющих интересы аналитической традиции в современной философии права. В своих основаниях она согласуется с хорошо известными из истории права и по-прежнему популярными среди исследователей противопоставлениями теорий юридического позитивизма (legal positivists theories) естественно-правовым теориям (natural law theories). В действительности же представительство аналитической традиции в современной философии права не ограничивается только этими двумя фракциями исследователей. Существует также и третья совершенно самостоятельная ассоциация аналитиков права – юридический реализм (legal realism) (см., например: [10. С. 227; 17. Р. 36–37; 19. С. 149–150; 20. С. 64; 21. Р. 323–336; 22. С. 208–209; 23. С. 126–128; 24]). Неформальным лидером юридического реализма становится видный американский теоретик права Брайан Лейтер [25–27]. Вкусы юридических реалистов славятся склонностью к выбору самой «жесткой и тяжелой пищи» из теоретического «меню» аналитической философии права. В частности, они настаивают на том, что исследование правовых феноменов непременно должно опираться на релевантные реальным процедурам судейства эмпирические данные. Привычные для юридического позитивизма модели права, в которых содержание правовой нормы либо семантически, либо эпистемически предопределяет принимаемое судьей решение, категорически отвергаются юридическими реалистами как ложные. Реальными же факторами, сужающими актуальную неопределенность судейского усмотрения, являются различные внеправовые (социальные, психологические и пр.) эмпирически регистрируемые обстоятельства (см., например: [28. С. 62; 29. С. 29]).

⁴ Рональд Дворкин, например, недвусмысленно настаивал на том, что мы не можем провести границу между моральными и правовыми стандартами (см., например: [16. С. 76; 17. Р. 1; 30. Р. 357]), а «категоричное утверждение (flat statement), что право и мораль являются отдельными системами, вводит нас в заблуждение» [31. Р. 635]. Лон Фуллер же и вовсе открыто высмеивал нелепое, по его мнению, представление юридического позитивизма о возможности построения «чистого» (и в этом смысле полностью аморального) права, подчеркивая, что «право не может быть построено на праве» [32. С. 299], ибо тогда получается, что «мы имеем аморальную данность, именуемую правом, которая обладает особым свойством создания моральной обязанности следовать ей» [Там же. С. 313]. Однако это очевидным образом абсурдно.

⁵ Несмотря на то что «диетические» теории права (или, если пользоваться привычными ярлыками, теории права, составляющие ядро юридического позитивизма) могут на деле сильно различаться наборами отдельных тезисов о природе закона (см. об этом: [6. С. 264; 8. С. 179; 33. Р. 889]), все они без исключения солидарны в своей склонности отрицать существование каких-либо необходимых связей между правом и моралью, разделяя тем самым *una fides* в истинность так называемого тезиса об отделимости феноменов права от морали (the separability thesis) (ср.: [6. С. 187–188; 12. Р. 228, 230; 34. Р. 8]).

⁶ Желание юридических позитивистов одновременно сражаться на многих фронтах не ограничивается одним только ультимативным требованием отделить правовые феномены от эмпирических фактов и моральных требований. Иногда в поисках ответа на вопрос «что же именно делает закон законом?» они предпринимают довольно неожиданные теоретические интервенции, противопоставляя правовые феномены не только моральным требованиям, но в том числе и политическим нормам (political standards) (ср.: [4. Р. 275; 33. Р. 870; 35. Р. 17]).

⁷ Понимание и признание необходимости и важности этих споров разделяется не только сторонниками лагеря естественно-правовых теорий (legal lawyers), но также и подавляющим большинством представителей лагеря юридического позитивизма (legal positivists). В частности, Джозеф Раз (один из признанных лидеров последних) открыто заявлял, что «проблема соотношения права и морали всегда рассматривалась как одна из центральных проблем правовой теории» [36. Р. 162]. В связи с этим неудивительно, что ни одна действительно серьезная обзорная работа по юриспруденции и философии права сегодня не может себе позволить проигнорировать или обойти стороной эти дискуссии (ср.: [37. Р. 22; 38. Р. 257, 259]). Известный американский теоретик права Скотт Гершовиц, рассматривая современное состояние философских споров, десятилетиями ведущихся вокруг вопросов о необходимой связи феноменов морали и феноменов права, в своих оценках,

например, прибегает даже к такой откровенно саркастичной метафоре: увязшая в этих спорах юриспруденция подобна мухе, которая, попав в бутылку, никак не может из нее выбраться [39. Р. 1162].

⁸ Характеризуя специфическую природу правовых феноменов, Джозеф Раз лаконично замечает, что «существование и содержание закона – это вопрос социального факта, чья связь с моральными или любыми другими ценностями случайна и неустойчива» [40. Р. 295].

⁹ В некоторых национальных правовых системах мораль действительно может играть роль такого критерия (ср.: [6. С. 172]). Однако, как полагает Герберт Харт, это изначально нерелевантное природе правовых норм обстоятельство есть лишь случайный результат исторического развития официальной правовой практики (ср.: [6. С. 187, 204–205]). В конце концов, «...справедливо могут применяться и самые одиозные законы» [Там же. С. 207], а «...морально чудовищные правила все-таки могут быть правом» [Там же. С. 212].

¹⁰ Джозеф Раз, например, открыто обвинял судей, апеллирующих к общественной морали, в пропаганде вредных мифов (*harmful myths*) [41. Р. 850].

¹¹ Нет виновных действий без вины (лат.).

¹² Рассуждая о понятии «действие», Герберт Харт подчеркивает, что, подобно остальным аскриптивным составляющим языка права, «...оно представляет собой отменяемое понятие, определяемое посредством исключений, а не посредством множества необходимых и достаточных условий; физических или же психологических» [7. С. 47]. Такое понимание языка права очевидным образом лишало всякой ликвидности трудноуловимые *mens rea* и должно было на практике существенно облегчить судьям жизнь, которые, по мнению Харта, даже в самых трудных делах обязаны заниматься *не чем иным, как «извлечением» из нормы правильно понятого, «скрытого» в ней смысла* [8. С. 193]. В целом же аскриптивность юридических понятий, активно пропагандируемая Гербертом Хартом, ставила любые предложения языка права в непосредственную зависимость от семантически валидных условий их произнесения. Эту особенность модели права Харта-Раза тонко выразил в своей ремарке Шон Койл: «...разговоры и рассуждения о праве отличаются от тех, что ведутся в отношении политики или этики... такие понятия черпают юридическую идентичность семантически, посредством участия в (правовой) системе» [4. Р. 277].

¹³ Теория судебных решений, по-видимому, является самым слабым и самым уязвимым звеном в «диетической» модели права Харта-Раза (ср.: [10. С. 266–267; 45. С. 283]). Неудивительно, что именно здесь ее атаковали многие критики, например Рональд Дворкин и Лон Фуллер.

¹⁴ Описываемая здесь норма 1-Б не должна приводить в изумление многочисленных апологетов «чистого» права (*pure law theory*), поскольку ими признается верным и несомненным то, что как таковые правовые нормы (в отличие от тех же моральных требований) могут иметь любое содержание (см., например: [2. Р. 113]). Более того, по замечанию Ганса Кельзена, юристам следует и вовсе «...отказаться от иллюзии о том, что в силу того, что они призваны к познанию права, они также призваны к содержательному описанию права...» [3. С. 5].

¹⁵ Обе эти правовые нормы –1-А и 1-Б – вполне соответствуют всем эпистемическим и семантическим ограничениям, налагаемым правилом признания Харта (*Hart's Rule of Recognition*) (см., например: [6. С. 207]): их содержание, по существу, не является спорным, а требования, выдвигаемые ими, очевидны, прозрачны, понятны и могут быть приняты к исполнению любым представителем общества Z (ср.: [10. С. 184–185]).

¹⁶ Впрочем, и сам Герберт Харт иногда прямо говорил о том, что решения судей «часто включают в себя выбор между моральными ценностями» [6. С. 205], но, несмотря на это, продолжал настаивать на том, что «глупо верить в то, что, когда значение закона вызывает сомнения, мораль всегда может предложить ясный ответ» [Там же]. Однако даже если это так и есть и моральные резоны действительно не дают никаких очевидных решений для возникающих правовых коллизий, а судьи в реальной жизни отнюдь не являются дворкианскими Геркулесами, проявляемая Гербертом Хартом язвительность в этом вопросе явно бьет мимо цели. Пускай моральные резоны и не даруют праву исковую ясность, в спорных ситуациях они все же дают намного больше, чем резоны правовые, демонстрирующие в таких вопросах свое абсолютное бессилие.

¹⁷ Как, например, предлагает нам делать Рональд Дворкин, когда говорит о необходимости поиска наилучшей моральной интерпретации для действующих на текущий момент времени в некотором обществе юридических норм.

¹⁸ В противном случае мы рискуем оказаться в шкуре «немецкого юриста», который, как иронично заметил Лон Фуллер, «...готов принять как право то, что само себя так называло, было издано за счет государства и, казалось, пришло “von oben herab”» [32. С. 317].

¹⁹ Достаточно напомнить здесь о судьбе Эрле, который в уже ставшем благодаря талантам Рональда Дворкина хрестоматийным деле *Riggs v. Palmer*, 115 N. Y. 506, 22 N. E. 188 (1889), где рассматривался вопрос о том, может ли убийца по закону наследовать своей жертве, явно или не явно использовал в качестве основания для вынесенного им решения представление о должном, все же отказал убийце в виду того, что хотя и законных основания для лишения наследства в деле не было представлено, но право во всех других своих частях уважает принцип, согласно которому никто не должен получить выгоду от своего собственного преступления.

²⁰ В частности, этим примером в своей критике хартианской «отменяемости» юридических понятий (и прежде всего такого понятия, как «действие») пользовался британский специалист в области моральной философии Кристофер Черри [44. С. 164–165; 46. Р. 103].

²¹ В начале XX в. этот принцип права был предложен выдающимся австрийским теоретиком права Феликсом Шумло. В своем фундаментальном труде по основаниям права – *Justische Grundlehre* – он сформулировал его в следующих словах: «Реально противоречивые суждения юридического текста, а не только кажущиеся нам таковыми, которые, следовательно, не совместимы между собой, взаимно отменяют друг друга» [47. С. 383].

²² Подобную действительно удачную формулировку «трудного» вопроса наук о праве не так давно в эксплицитном виде предложил видный американский правовед Джулс Колеман, открыто заявивший о том, что «вероятно, самый главный вопрос в юриспруденции – “каковы источники содержания права?” – является метафизическим» [34. Р. 61].

²³ Примером потенциального «донора» интересных для аналитической философии права идей вполне могла бы выступить совокупность аналитико-этических теорий (компатибилистских, либертарианских и инкомпатибилистских), посвященных «вечно молодой» проблеме свободы воли (например, обзоры подобных теорий см.: [50–59]). В частности, разработанные основателем полукompatibilизма Джоном Фишером понятия «регулирующий контроль» (*regulative control*) и «направляющий контроль» (*guidance control*), а также предложенный им на их основе анализ феномена моральной ответственности (см., например: [60, 61]), могли бы найти новое и, как видится, неожиданное прочтение в традиционных правовых контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined* / W.E. Rumble (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 298 p.
2. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1949. 516 p.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб. : Алет-Пресс, 2015. 542 с.
4. Coyle S. Hart, Raz and the Concept of a Legal System // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, № 3. P. 275–304. DOI: 10.1023/A:1015596412545.
5. Coleman J.L. Negative and Positive Positivism // *The Journal of Legal Studies*. 1982. Vol. 11, № 1. P. 139–164. DOI: 10.1086/467696.
6. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : СПб. ун-т, 2007. 302 с.
7. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // *Философия и язык права*. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2017. С. 27–52.
8. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // *Философия и язык права*. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2017. С. 168–214.
9. Харт Г.Л.А. Акты воли и ответственность // *Философия и язык права*. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2017. С. 241–270.
10. Фуллер Л.Л. Мораль права. М. : ИРИСЭН, 2012. 308 с.
11. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М. : ИРИСЭН; Мысль, 2012. 554 с.
12. Coleman J.L., Leiter B. *Legal Positivism* // *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory* / D. Patterson (ed.). Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. P. 228–249.

13. Yanal R.J. Hart, Dworkin, Judges, and New Law // *The Monist*. 1985. Vol. 68, № 3. P. 388–402. DOI: 10.5840/monist198568333.
14. Bix B. *Natural Law Theory* // *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory* / D. Patterson (ed.). Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. P. 211–227.
15. Dworkin R. The Model of Rules // *The University of Chicago Law Review*. 1967. Vol. 35, № 1. P. 14–46. DOI: 10.2307/1598947.
16. Дворкин Р. О правах всерьёз. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с.
17. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. 470 p.
18. Leiter B. Objectivity, Morality and Adjudication // *Objectivity in Law and Morals* / B. Leiter (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 66–98.
19. Дидикин А.Б. Формирование аналитической традиции в философии права // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4, № 1. С. 149–165.
20. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Том. гос. ун-т, 2016. 244 с.
21. Priel D. Were the Legal Realists Legal Positivists? // *Law and Philosophy*. 2008. Vol. 27, № 4. P. 309–350. DOI: 10.1007/s10982-008-9021-2.
22. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Брайан Бикс и аналитическая философия права в Америке // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 2 (22). С. 206–210.
23. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // *Аналитическая философия, юридический язык и философия права*. Томск : Том. гос. ун-т, 2016. С. 126–142.
24. Leiter B. Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered // *Ethics: An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*. 2001. Vol. 111, № 2. P. 278–301. DOI: 10.1086/233474.
25. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // *The American Journal of Jurisprudence*. 2003. Vol. 48, № 1. P. 17–51. DOI: 10.1093/ajj/48.1.297.
26. Leiter B. *American Legal Realism* // *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory* / D. Patterson (ed.). Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. P. 249–266.
27. Leiter B. *Legal Realism and Legal Doctrine* // *University of Pennsylvania Law Review*. 2015. Vol. 163. P. 1975–1984.
28. Дидикин А.Б. Современные интерпретации натурализма в аналитической философии права // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия*. 2008. Т. 6, № 1. С. 59–63.
29. Дидикин А.Б. Границы применимости аргументов У. Куайна в эпистемологии права // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 4 (28). С. 26–32.
30. Bayles M. Hart vs. Dworkin // *Law and Philosophy*. 1991. Vol. 10, № 4. P. 349–381. DOI: 10.1007/BF00127410.
31. Dworkin R. *Judicial Discretion* // *The Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60, № 21. P. 624–638. DOI: 10.2307/2023557.
32. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // *Харт Г.Л.А. Философия и язык права*. М. : Канон+ РООИ Реабилитация, 2017. С. 281–333.
33. Summers F. *The New Analytical Jurists* // *New York University Law Review*. 1966. Vol. 41, № 5. P. 861–896.
34. Coleman J.L. *The Architecture of Jurisprudence* // *The Yale Law Journal*. 2011. Vol. 121, № 1. P. 2–80.
35. Koskeniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Helsinki : Finnish Lawyers' Publishing Company, 1989. 683 p.
36. Raz J. *Practical Reason and Norms*. London : Hutchinson, 1975. 192 p.
37. Shapiro S.J. The «Hart-Dworkin» Debate: A Short Guide for the Perplexed // *Ronald Dworkin*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 22–55.
38. Coyle S. Positivism, Idealism and the Rule of Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006. Vol. 26, № 2. P. 257–288. DOI: 10.1093/ojls/gql003.
39. Herskovitz S. The End of Jurisprudence // *The Yale Law Journal*. 2015. Vol. 124, № 4. P. 1160–1204.
40. Raz J. Authority, Law and Morality // *The Monist*. 1985. Vol. 68, № 3. P. 295–324. DOI: 10.5840/monist198568335.
41. Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // *The Yale Law Journal*. 1972. Vol. 81, № 5. P. 823–854. DOI: 10.2307/795152.
42. Raz J. About Morality and the Nature of Law // *The American Journal of Jurisprudence*. 2003. Vol. 48, № 1. P. 1–15. DOI: 10.1093/ajj/48.1.1.
43. Оглезнев В.В. Намерение, действие, ответственность // *Аналитическая философия, юридический язык и философия права*. Томск : Том. гос. ун-т, 2016. С. 115–125.
44. Оглезнев В.В. Отменяемость и юридический язык: в защиту Г.Л.А. Харта // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 2 (26). С. 161–169.
45. Моисеев С.В. «Понятие права» Герберта Харта // *Харт Г.Л.А. Понятие права*. СПб. : СПб. ун-т, 2007. С. 269–295.
46. Cherry C. The Limits of Defeasibility // *Analysis*. 1974. Vol. 34, № 3. P. 101–107. DOI: 10.1093/analys/34.3.101.
47. Somlo F. *Juristische Grundlehre*. Leipzig : Verlag von Felix Meiner, 1917. 556 s.
48. Frankfurt H.G. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // *The Journal of Philosophy*. 1969. Vol. 66, № 23. P. 829–839. DOI: 10.2307/2023833.
49. Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Berkeley : University of California Press, 1981. P. 19–32.
50. Kane R.A. *A Contemporary Introduction to Free Will*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2005. 196 p.
51. Fischer J.M., Kane R., Pereboom D., Vargas M. *Four Views on Free Will*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 232 p.
52. Haji I. Compatibilist Views of freedom and Responsibility // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 202–228.
53. Clarke R. Libertarian Views: Critical Survey of Noncausal and Event-Causal Accounts of Free Agency // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 356–385.
54. Pereboom D. Living without Free Will: The Case for Hard Incompatibilism // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 477–488.
55. Fischer J.M. Frankfurt-type Examples and Semi-Compatibilism // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 281–308.
56. Ekstrom L. W. Libertarianism and Frankfurt-style Cases // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 309–322.
57. Widerker D. Responsibility and Frankfurt-type Examples // *The Oxford Handbook of Free Will* / R. Kane (ed.). Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 323–334.
58. Мишура А. Поле битвы: свобода воли // *Логос*. 2016. Т. 26, № 5. С. 19–58.
59. Волков Д.Б. Проблема свободы воли: Обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI в. в аналитической философии // *Философский журнал*. 2016. Т. 9, № 3. С. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189.
60. Fischer J.M. Responsibility and the Kinds of Freedom // *The Journal of Ethics*. 2008. Vol. 12, № 3/4. P. 203–228. DOI: 10.1007/s10892-008-9032-0.
61. Фишер Дж.М. Полукомпатибилизм и его соперники // *Логос*. 2016. Т. 26, № 5. С. 131–174.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 сентября 2018 г.

Evil Law as the Pure Law: Critical Remarks on the Philosophy of Law of H.L.A. Hart

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 72–80.

DOI: 10.17223/15617793/440/10

Andrei V. Nekhaev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: A_V_Nekhaev@rambler.ru

Keywords: legal positivism; natural law theory; pure theory of law; separability thesis; defeasibility; responsibility; moral reasoning.

The article examines the issue of a necessary connection between the phenomena of law and morality. According to legal positivism, morality is not a criterion of the legitimacy for legal norms. The law can have any content including absolutely immoral (the so-called “separability thesis”). Law issues are not connected with discussing the moral merits of a possible judicial decision. They are only closely related to studying various purely legal phenomena like precedents, judicial discretion, legislatures, etc. The ascriptive legal statements theory proposed by the Oxford School of Law (Herbert Hart, Joseph Raz, and others) serves as the core of contemporary legal positivism. This theory is based on the notion of defeasibility for legal responsibility without any moral reasoning. There, phenomena of law are interpreted as purely linguistic, not social constructions. Analysis of pure law language should provide all the needful tools to extract hidden meaning from any legal norm. This analysis does not require going beyond the legal language since it does not describe any real situations in the world, but merely expresses legal requirements, allowing to legally qualify some observed events. It completely eliminates any references to moral principles from the analysis of legal language. However the critical reconstruction theory of ascriptive legal statements shows limitations of the legal positivism’s analytical approach to the phenomena of law. The example of a fictitious legal collision offered demonstrates limitations of the legal positivism approach to the understanding of law phenomena. This collision is a complex conceptual mix of Frankfurt-style examples and imaginary situations in the Trolley Problem widely known in analytical ethics. It clearly demonstrates the possible paradox of a law judgment in situations where conditions for the recognition and cancellation of legal liability are the property of two different (not necessarily openly contradictory) legal norms. It can serve as a strong argument in favor of contemporary theories of natural law (Lon Fuller, John Finnis, Ronald Dworkin, and others), which questioned the possibility of creating a theory of pure law. They considered it senseless and impossible to draw any strict border between moral and legal norms. Immoral law cannot have the particular property of creating a moral obligation to follow such like a law. Law cannot be built on legality only, and the answers to all significant legal questions should be found in moral theories.

REFERENCES

1. Austin, J. (1995) *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kelsen, H. (1949) *General Theory of Law and State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Kelsen, H. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law]. Translated from German by M.V. Antonov and S.V. Lyozov. St. Petersburg: Alef-Press.
4. Coyle, S. (2002) Hart, Raz and the Concept of a Legal System. *Law and Philosophy*. 21 (3). pp. 275–304. DOI: 10.1023/A:1015596412545
5. Coleman, J.L. (1982) Negative and Positive Positivism. *The Journal of Legal Studies*. 11 (1). pp. 139–164. DOI: 10.1086/467696
6. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The concept of law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Hart, H.L.A. (2017) *Priписывание otvetstvennosti i prav* [The ascription of responsibility and rights]. Translated from English. In: Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (eds) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
8. Hart, H.L.A. (2017) *Positivizm i razgranichenie prava i morali* [Positivism and the separation of law and morals]. Translated from English. In: Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (eds) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
9. Hart, H.L.A. (2017) *Akty voli i otvetstvennost'* [Acts of will and responsibility]. Translated from English. In: Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (eds) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
10. Fuller, L.L. (2012) *Moral' prava* [The morality of law]. Translated from English. Moscow: IRISEN.
11. Finnis, J. (2012) *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights.]. Moscow: IRISEN; Mysl'.
12. Coleman, J.L. & Leiter, B. (2010) Legal Positivism. In: Patterson, D. (ed.) *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell.
13. Yanal, R.J. & Dworkin, H. (1985) Judges and New Law. *The Monist*. 68 (3). pp. 388–402. DOI: 10.5840/monist198568333
14. Bix, B. (2010) Natural Law Theory. In: Patterson, D. (ed.) *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell.
15. Dworkin, R. (1967) The Model of Rules. *The University of Chicago Law Review*. 35 (1). pp. 14–46. DOI: 10.2307/1598947
16. Dworkin, R. (2004) *O pravakh vs'er'ez* [Taking rights seriously]. Translated from English by M.D.Lakhut' and L.B.Makeeva. Moscow: ROSSPEN.
17. Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
18. Leiter, B. (2001) Objectivity, Morality and Adjudication. In: Leiter, B. (ed.) *Objectivity in Law and Morals*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Didikin, A.B. (2010) The formation of analytic tradition in the contemporary philosophy of law. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 4 (1). pp. 149–165. (In Russian).
20. Didikin, A.B. (2016) *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura* [Analytical philosophy of law: origins, genesis and structure]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Priel, D. (2008) Were the Legal Realists Legal Positivists? *Law and Philosophy*. 27 (4). pp. 309–350. DOI: 10.1007/s10982-008-9021-2
22. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2013) Brian Bix and Analytical Legal Philosophy in USA. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (22). pp. 206–210.
23. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2016) *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, language of law and philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–142.
24. Leiter, B. (2001) Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered. *Ethics: An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*. 111 (2). pp. 278–301. DOI: 10.1086/233474
25. Leiter, B. (2003) Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence. *The American Journal of Jurisprudence*. 48 (1). pp. 17–51. DOI: 10.1093/ajj/48.1.297
26. Leiter, B. (2010) American Legal Realism. In: Patterson, D. (ed.) *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory*. Oxford: Wiley-Blackwell.
27. Leiter, B. (2015) Legal Realism and Legal Doctrine. *University of Pennsylvania Law Review*. 163. P. 1975–1984.
28. Didikin, A.B. (2008) *Sovremennye interpretatsii naturalizma v analiticheskoy filosofii prava* [Modern interpretations of naturalism in the analytical philosophy of law]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 6 (1). pp. 59–63.

29. Didikin, A.B. (2014) The limits of applicability of the arguments of W. Quine in legal epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (28). pp. 26–32. (In Russian).
30. Bayles, M. (1991) Hart vs. Dworkin. *Law and Philosophy*. 10 (4). pp. 349–381. DOI: 10.1007/BF00127410
31. Dworkin, R. (1963) Judicial Discretion. *The Journal of Philosophy*. 60 (21). pp. 624–638. DOI: 10.2307/2023557
32. Fuller, L.L. (2017) Pozitivizm i vernost' prava: otvet professoru Khartu [Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart]. Translated from English. In: Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (eds) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
33. Summers, F. (1966) The New Analytical Jurists. *New York University Law Review*. 41 (5). pp. 861–896.
34. Coleman, J.L. (2011) The Architecture of Jurisprudence. *The Yale Law Journal*. 121 (1). pp. 2–80.
35. Koskenniemi, M. (1989) *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Helsinki: Finnish Lawyers' Publishing Company.
36. Raz, J. (1975) *Practical Reason and Norms*. London: Hutchinson.
37. Shapiro, S.J. (2007) *The "Hart-Dworkin" Debate: A Short Guide for the Perplexed*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 22–55.
38. Coyle, S. (2006) Positivism, Idealism and the Rule of Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 26 (2). pp. 257–288. DOI: 10.1093/ojls/gql003
39. Herschovitz, S. (2015) The End of Jurisprudence. *The Yale Law Journal*. 124 (4). pp. 1160–1204.
40. Raz, J. (1985) Authority, Law and Morality. *The Monist*. 68 (3). pp. 295–324. DOI: 10.5840/monist198568335
41. Raz, J. (1972) Legal Principles and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*. 81 (5). pp. 823–854. DOI: 10.2307/795152
42. Raz, J. (2003) About Morality and the Nature of Law. *The American Journal of Jurisprudence*. 48 (1). pp. 1–15. DOI: 10.1093/ajj/48.1.1
43. Ogleznev, V.V. (2016) Namerenie, deystvie, otvetstvennost' [Intention, action, responsibility]. In: Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, language of law and philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.
44. Ogleznev, V.V. (2014) Defeasibility and legal language: H.L.A. Hart in defense. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (26). pp. 161–169. (In Russian).
45. Moiseev, S.V. (2007) "Ponyatie prava" Gerberta Kharta ["The Concept of Law" by Herbert Hart]. In: Hart, H.L.A. *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
46. Cherry, C. (1974) The Limits of Defeasibility. *Analysis*. 34 (3). pp. 101–107. DOI: 10.1093/analys/34.3.101
47. Somlo, F. (1917) *Juristische Grundlehre*. Leipzig: Verlag von Felix Meiner.
48. Frankfurt, H.G. (1969) Alternate Possibilities and Moral Responsibility. *The Journal of Philosophy*. 66 (23). pp. 829–839. DOI: 10.2307/2023833
49. Foot, P. (1981) *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Berkeley: University of California Press. pp. 19–32.
50. Kane, R. (2005) *A Contemporary Introduction to Free Will*. New York; Oxford: Oxford University Press.
51. Fischer, J.M., Kane, R., Pereboom, D. & Vargas, M. (2007) *Four Views on Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
52. Haji, I. (2005) Compatibilist Views of freedom and Responsibility. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
53. Clarke, R. (2005) Libertarian Views: Critical Survey of Noncausal and Event-Causal Accounts of Free Agency. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
54. Pereboom, D. (2005) Living without Free Will: The Case for Hard Incompatibilism. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
55. Fischer, J.M. (2005) Frankfurt-type Examples and Semi-Compatibilism. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
56. Ekstrom, L.W. (2005) Libertarianism and Frankfurt-style Cases. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
57. Widerker, D. (2005) Responsibility and Frankfurt-type Examples. In: Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Free Will*. Oxford: Oxford University Press.
58. Mishura, A. (2016) Battlefield – free will. *Logos*. 26 (5). pp. 19–58. (In Russian).
59. Volkov, D.B. (2016) The problem of free will: an overview of major studies by analytical philosophers in late 20th – early 21st century. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 9 (3). pp. 175–189. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189
60. Fischer, J.M. (2008) Responsibility and the Kinds of Freedom. *The Journal of Ethics*. 12 (3/4). pp. 203–228. DOI: 10.1007/s10892-008-9032-0
61. Fischer, J.M. (2016) Semicompatibilism and its Rivals. Translated from English. *Logos*. 26 (5). pp. 131–174. (In Russian).

Received: 13 September 2018

Г.С. Рогонян

РЕФЕРЕНЦИЯ И ВЕРБАЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ

Предлагается решение вопроса о каузальной зависимости между понятиями о тождестве объектов и ментальных состояниях других людей: знание о чужих ментальных состояниях обеспечивает референции ее интерсубъективный характер и является условием объективной референции к окружающим нас объектам. Вводится понятие вербальных жестов к ненаблюдаемым объектам и событиям, которые характеризуют наше мышление о чужих ментальных состояниях и пронизывают все наше восприятие мира в целом.

Ключевые слова: референция; чужие сознания; психология развития; восприятие; пропозициональные установки.

Как сказал Лев Выготский, «речь не просто сопровождает детское восприятие — она уже с самых ранних этапов начинает принимать в нем активное участие; ребенок начинает воспринимать мир не только через свои глаза, но и через свою речь» [1. С. 41]. Эта идея давно стала популярным и расхожим клише. Так, Дональд Дэвидсон считал, что это не более чем метафора, которая к тому же двусмысленна и сбивает с толку [2. Р. 130]. Действительно, надо ли понимать речь и язык в качестве посредников между нами и миром? Не ведет ли это к скептицизму и релятивизму? На самом деле Дэвидсон считал, что мы не можем видеть мир *через* речь и язык подобно тому, как мы видим его через глаза. Действительно, мы видим мир не через глаза, а *посредством* глаз. Язык, в этом смысле, — не посредник, а такой же орган восприятия, как глаза и уши, которые предоставляют нам прямой и непосредственный контакт с реальностью [Ibid. Р. 131]. Аналогия с органами восприятия хороша тем, полагал Дэвидсон, что язык в этом случае не может быть чем-то, что стоит между нами и миром, — язык является частью нас самих: «язык — это не обычная приобретенная способность, так как он является, или стал, модулем восприятия... язык — это орган пропозиционального восприятия» [Ibid. Р. 133, 135]. Однако сегодня есть все основания полагать, что отождествление языка с восприятием уже далеко не метафора. Мы рассмотрим только одну из причин такого положения дел.

Проблема ментальных состояний

Уиллард Куайн не раз подробно описывал этапы обучения языку, которые ведут к тому, что можно назвать объективной референцией. Речь в данном случае идет о нашей способности использовать не только единичные, но и общие понятия, в том числе абстрактные и научные. Описывая генезис референции к объектам, Куайн постоянно подчеркивал, что фундаментальный прорыв в развитии речи и мышления у ребенка происходит в тот момент, когда он обретает способность к индивидуации окружающих его объектов с помощью логических средств квантификации. Иными словами, когда он оказывается в состоянии не только выделить объект из его окружения, но и использовать по отношению к нему исчислимые понятия [3. Р. 7–10; 4. Р. 55, 100; 5. Р. 90–95, 108–110]. Использование нами общих понятий основано на так называемой разделенной референции, т.е. референции

к непосредственно воспринимаемому объекту и одновременно к потенциальному множеству объектов *того же рода*. Освоению этих понятий помогают такие операторы, как «все», «каждый», «некоторые», «тот же, что и» и т.д. Сами общие понятия, в свою очередь, делают возможной предикацию, т.е. образование примитивных предложений вроде «Это — собака» или «Фидо — это собака», где «собака» и есть общее понятие, в отличие от единичных понятий (например, «Мама») или понятий для свойств и субстанций («красный», «вода») [4. Р. 84–85].

Тем не менее потенциальное множество объектов, к которым применимо общее понятие, обычно не дано нам в опыте сразу и непосредственно. Поэтому достижение ребенком объективной референции отмечено появлением в его речи таких терминов, которые отсылают не только к наблюдаемым, но и к (условно) ненаблюдаемым объектам (например, не просто к этим двум мячам, но и к мячам вообще), а также к принципиально ненаблюдаемым объектам («Пегас», «синее яблоко» и т.д.). В конечном счете, именно референция к ненаблюдаемым объектам подготавливает следующий этап в развитии нашего мышления — референцию к абстрактным сущностям и объектам («человечество», «окружность», «краснота» и т.д.)¹. Как отмечают современные психологи, «коммуникация относительно отсутствующих вещей является основной чертой человеческого языка», позволяющей передавать знание независимо от пространства и времени. Это принципиально человеческий способ познания мира [6. Р. 1]. Референция сначала к временно, а затем и к принципиально ненаблюдаемым вещам позволяет начинающему говорить ребенку перейти к познанию мира не непосредственно на собственном опыте, а, так сказать, из вторых рук [6. Р. 3; 7. Р. 734]. Произнесение имени отсутствующего объекта активирует в памяти ребенка ментальные репрезентации этого объекта. С течением времени реакция на имя отсутствующего объекта позволяет ему не только создать пространство для ментальных репрезентаций этого объекта, но и манипулировать ими независимо от самого объекта и его непосредственного восприятия. Тем самым ребенок обновляет информацию об этом объекте, изменяя свои репрезентации — процесс, в котором развитие памяти играет ключевую роль. Судя по всему, на основании такой манипуляции у ребенка вскоре должна появиться способность к репрезентации совершенно особых ненаблюдаемых

объектов – сначала атрибутов, а затем и пропозиций (т.е. значений предложений).

И вот здесь Куайн увидел проблему. Он полагал, что появление в нашем мышлении понятий о таких ненаблюдаемых сущностях, как атрибуты и пропозиции, возможно только на основании аналогии с усвоенными ранее грамматическими конструкциями, предназначенными для референции к окружающим нас объектам. Последние обычно характеризуются тождеством во времени и пространстве. С грамматической точки зрения такое гипостазирование ненаблюдаемых сущностей на основании аналогии с восприятием наблюдаемых объектов, разумеется, упрощает пользование языком. Однако это приводит к разрастанию нашей онтологии, которая с научной точки зрения чревата логическими парадоксами. Все дело в том, что, по мнению Куайна, такие абстрактные объекты, как атрибуты и пропозиции, являются довольно расплывчатыми в силу изменчивости тех отношений, в контексте которых они фигурируют. Тем самым они нарушают принцип подстановочности как одно из условий для объективной референции. Это означает, что им недостает того тождества, которое характерно для физических объектов и их классов [3. Р. 15–21]. При этом все, что Куайн говорил об атрибутах и пропозициях, можно отнести и к ментальным состояниям, которые мы обычно приписываем себе и другим, например, к пропозициональным установкам. А поскольку Куайна интересовала прежде всего научная точка зрения, то, по его мнению, у нас есть только два способа говорить о ненаблюдаемом: законный (научные понятия) и паразитирующий на нем (атрибуты, пропозиции, ментальные состояния). Данный вывод Куайн обосновывал тем, что объекты пропозициональных установок не поддаются квантификации средствами логики [3. Р. 21–24; 5. Р. 151, 191–232]. Отсюда его стремление избавиться от менталистской терминологии в реконструкции истоков языка и мышления. Тем не менее проблема, возможно, глубже, чем полагал Куайн.

Впрочем, даже если Куайн прав и ментальные идиомы не допускают возможность квантификации объектов пропозициональных установок, то все равно непонятно, откуда у нас взялись *общие* понятия о ментальных состояниях. Аналогии с разделенной референцией к воспринимаемым объектам здесь явно недостаточно, поскольку референция к ментальным состояниям имеет как минимум одно принципиальное отличие – это всецело референция к принципиально ненаблюдаемому. Как в таком случае мы достигаем такой референции? Возможно, в реконструкции Куайном истоков объективной референции недостает как минимум одного звена. Действительно, Куайн, судя по всему, не проводил четкой границы между нашей мыслью о принципиально ненаблюдаемом и мыслью о несуществующем. В частности, он относил способность использовать такое понятие, как «синее яблоко» к одному из ранних этапов генезиса референции, предшествующих переходу к понятиям об абстрактных объектах (т.е. он относил его к тому же уровню, на котором появляются общие понятия с разделенной референцией) [3. Р. 12–13; 4. Р. 55; 5. Р. 108–109]. Од-

нако Куайн, похоже, упускает из виду, что для ребенка на ранних этапах его развития представить синее яблоко или крылатую лошадь – это одно, а вот иметь представление о них как о принципиально несуществующих – это уже совсем другое. В последнем случае мы имеем дело с уже довольно сложным и абстрактным представлением о небытии, которое и надо приписать синему яблоку и крылатой лошади, а такое представление появится у ребенка намного позднее. Поэтому, возможно, исследование того, как мы приходим к идее ненаблюдаемого, должно предварять исследование мыслей о принципиально несуществующем, а не зависеть от него.

Главный тезис данной статьи заключается в том, что вопреки мнению Куайна ментальные идиомы как разновидность референции к принципиально ненаблюдаемому не являются паразитирующими на референции к физическим объектам. Скорее, наоборот, обучение этим идиомам является необходимым и предварительным условием для овладения общими понятиями, в том числе и научными. Основная идея заключается в том, что именно ментальные состояния, которые ребенок учится приписывать себе и другим, являются *первыми* принципиально ненаблюдаемыми сущностями, о которых ему необходимо научиться говорить, чтобы совершить тот скачок в развитии, который связывают с возможностью квантификации. Именно этому шагу в описании Куайном генезиса объективной референции уделяется недостаточно внимания. И чтобы восполнить этот пробел, необходимо внимательно рассмотреть то, как ребенок обучается референции к принципиально ненаблюдаемым объектам, поскольку именно эта способность является одним из необходимых условий не только для приписывания ментальных состояний, но и для того, чтобы вообще научиться говорить и думать.

Объективная референция

Современные психологи, изучающие становление человеческого интеллекта, отмечают, что одним из ключевых моментов в обучении ребенка названиям для объектов является способность указывать на отсутствующие объекты и ситуации. Эта способность появляется у детей на втором году жизни и проявляется в том, что ребенок может ассоциировать слова, которые он слышит (например, «собака») не только с непосредственно наблюдаемыми объектами и ситуациями, но и с потенциальным множеством подобных объектов. Иными словами, речь идет о способности понимать референцию не только к каким-то отдельным объектам, которые отсутствуют или временно ненаблюдаемы, но и к *категориям* объектов, т.е. использовать общие понятия об этих объектах [8. Р. 696]. Причем сначала дети учатся понимать чужую референцию к ненаблюдаемым объектам и только затем уже осуществляют ее самостоятельно [6. Р. 2].

Как уже было сказано, все то множество объектов, к которым относятся наши обычные исчисляемые понятия, не могут быть даны нам в опыте сразу и одновременно. Психологи описывают переход к

референции с помощью общих понятий как процесс деконтекстуализации слов, когда ребенок все меньше опирается на непосредственный контекст или ситуацию для понимания значения чужих слов [9. Р. 39]. Разумеется, важную роль в обретении такой способности играет наблюдение ребенка за тем, как окружающие взаимодействуют с непосредственно и совместно воспринимаемыми объектами. Однако «сопутствующая» референция к ненаблюдаемому множеству подобных объектов (которая необходима для полноценного освоения общих понятий) также должна быть *разделяемой* – в том смысле, что ребенок должен *знать* (или предполагать), что другие, применяя данное общее понятие к непосредственно наблюдаемому объекту, также подразумевают потенциальное множество подобных объектов. Иными словами, референция к ненаблюдаемому множеству объектов должна быть настолько же интерсубъективной, насколько и непосредственное восприятие какого-либо объекта в их совместном опыте. Но как этого можно достичь?

Очевидно, что референция к ненаблюдаемому индивидуальному объекту должна быть промежуточным этапом между референцией к наблюдаемым индивидуальным объектам и референцией с использованием общих понятий, предполагающих потенциальное множество подобных объектов. Для достижения этой промежуточной референции, как показывают эксперименты, ребенок должен сформировать устойчивую связь между человеком, обучающим его названиям вещей, и тем, как этот человек физически и вербально взаимодействует с определенным объектом. Психологи отмечают, что выделение объекта из контекста окружающей среды даются ребенку легче, чем его дальнейшая идентификация и распознавание в меняющихся пространственных контекстах [10. Р. 15]. Считается, что ему легче выучить имя объекта, если этот объект не меняет свое местоположение. Изначально тождество объекта для ребенка тесно связано не столько с индивидуальными свойствами этого объекта, сколько с его пространственно-временной локализацией. Тождество объекта в этом смысле контекстуально зависимо, поэтому и применимое к нему понятие еще не может достичь необходимой степени общности. Любая новая информация сбивает ребенка с толку и ставит в тупик, делает объект и слова, с ним связанные, двусмысленными [8. Р. 702; 10. Р. 2–4]. Однако в дальнейшем у него появляется способность распознавать один и тот же объект (особенно при упоминании его имени), который после того, как он был спрятан, меняет свое местоположение. Ребенок узнает его на новом месте независимо от изначально контекста, в котором он познакомился с этим объектом и его именем. Иными словами, у него появляется способность предвосхищать тождество объекта только с помощью его имени, т.е. независимо от меняющихся контекстов и его непосредственного наглядного присутствия².

Как показывают эксперименты, уже в самом раннем возрасте (начиная с 12–14 месяцев), когда процесс овладения речью еще только начинается, дети чаще правильно указывают на спрятанный в контей-

нере объект, реагируя не только на человека, с которым у них по условиям эксперимента этот объект должен ассоциироваться, но и на *слова*, которые этот человек произносит, задавая вопрос о нахождении объекта. Так, в одном из экспериментов два разных человека по очереди играют с ребенком двумя разными мячами: один из них играет с синим мячом, а другой с красным. В какой-то момент оба мяча на глазах у ребенка прячут в два разных контейнера. Затем каждый из играющих с ребенком по очереди задает ему вопрос о местонахождении мяча. На основании установленной связи между конкретным человеком, задающим вопрос, и объектом, находившимся у него в руках, ребенок правильно определяет и находит один из двух мячей. Однако он при этом реагирует только на слово «мяч» в обращенном к нему неопределенном вопросе «где мяч?», т.е. без указания на свойство мяча (цвет), но в зависимости от того, кто именно из двух взрослых ему его задает. Предыдущий физический и вербальный контакт этого человека с объектом используется ребенком для интерпретации вопроса с использованием общего термина («мяч»), но без указания на конкретное свойство этого объекта [8. Р. 700]. Иными словами, ребенок теперь ориентируется не на объект, который он видел последним или который находится ближе всего к нему, а на *вербальную* информацию. Именно для интерпретации данной информации он и использует свое знание о предыдущем опыте говорящего [8. Р. 702–703]. Для этого он должен понимать, что отсутствующий объект, к которому осуществляется референция, связан как с его собственным опытом, так и с опытом конкретного говорящего³.

Следующим шагом на пути к деконтекстуализации референции к объектам является способность ребенка обновлять информацию о ненаблюдаемых объектах. К концу второго года жизни дети способны не только «удерживать» тождество исчезающего и вновь появляющегося объекта, но и использовать вербальную информацию для обновления своих репрезентаций отсутствующих объектов. Иными словами, ребенок может опознать подвергшуюся изменениям игрушку на основе только вербальной информации об этих изменениях [7. Р. 734, 738]. Очевидно, что такая способность к обновлению информации о ненаблюдаемых объектах имеет особое значение для нашего познания мира. Понятно, что в процесс этого обновления вовлечены точки зрения других людей. Получается, что обновление информации также может быть только таким знанием, которое ребенок разделяет с другими [6. Р. 3; 8. Р. 703].

Итак, ключевым моментом в том, что информация о ненаблюдаемых объектах и их изменениях должна быть разделена с другими людьми, является то, что такой интерсубъективный характер референции предполагает одновременно и осведомленность о ментальных состояниях этих людей⁴. Психологи отмечают следующую зависимость: чем раньше дети приобретают способность осуществлять референцию к отсутствующим конкретным объектам, тем лучше они понимают, что такое ментальные состояния [6. Р. 3]. Мы же пока предположим, что эта зависимость между

ними может оказаться и прямо противоположной, а именно: знание о чужих ментальных состояниях является ключом к полноценному intersубъективному знанию о ненаблюдаемых объектах референции, а не наоборот.

Первичная intersубъективность

Как уже было сказано выше, разделенная референция предполагает принципиально ненаблюдаемое множество объектов, поскольку в акте референции мы всегда имеем дело только с определенной частью этого множества. Но ментальные состояния также являются чем-то ненаблюдаемым. Более того, возможно, для нас они являются *первым* принципиально ненаблюдаемым видом сущностей⁵. Действительно, intersубъективность, о которой до сих пор шла речь (т.е. intersубъективность непосредственного восприятия объектов и одновременно референции к ненаблюдаемому множеству подобных объектов), некоторые исследователи называют *вторичной* intersубъективностью. Тогда как предшествующая ей первичная intersубъективность – это именно intersубъективность *восприятия* чужих ментальных состояний [13. Р. 225–230]. И к исследованию этой intersубъективности необходимо сейчас обратиться.

Психологи отмечают, что разделяемое с другим человеком знание об отсутствующем объекте референции в раннем возрасте еще довольно ограничено, поскольку понимание у ребенка и интерпретация чужих ментальных состояний еще недостаточно развиты. На данном этапе установление ребенком общего, знакомого объекта референции происходит главным образом не за счет интерпретации чужого сознания с точки зрения его ментальных состояний, а за счет совпадения *стратегий поведения* ребенка и окружающих его людей [6. Р. 2; 8. Р. 703]. В рамках этих стратегий ребенок формирует связь между наблюдаемым человеком в наблюдаемой ситуации и ожиданиями относительно его поведения. Поэтому ментальные термины относительно ненаблюдаемых ментальных состояний можно считать выражением этих стратегий поведения, в которых каждый предвосхищает действия другого.

Такой акцент на взаимно переплетающихся стратегиях поведения идет вразрез с некоторыми современными теориями сознания, приписывающими ребенку квазитеоретическую установку по отношению к поведению других людей. Согласно так называемой *теории теории* принципиально ненаблюдаемые ментальные состояния чужого сознания – это своего рода постулируемые теоретические сущности, с помощью которых ребенок познает окружающих его людей и мир в целом (как если бы он находился в некой прото-научной лаборатории). Именно теоретизирование отношений между ними якобы перерастает в дальнейшем в понимание логических связей между абстрактными объектами научных теорий. Однако в рамках такого подхода, как правило, остается не проясненным то, откуда берется само понятие ментального состояния как постулируемой квазитеоретической

сущности. Уилфрид Селларс, будучи одним из наиболее последовательных сторонников этой точки зрения, считал, что источником и моделью для подобных сущностей служат наблюдаемые вербальные высказывания [15. Р. 102–107]⁶. Тем не менее он также не показал, как именно происходит такое моделирование внутренних ментальных состояний, принимая его просто как факт.

Если Селларс все-таки прав в том, что отправной точкой должны служить чужие высказывания, то необходимо задаться вопросом, почему с самого раннего возраста именно слова, а не другие символические объекты (например, картинки) выступают в качестве основного источника информации о мире. Причину этого психологи видят в том, что такие символические объекты, как картинки, могут представлять интерес для ребенка сами по себе и поэтому им сложнее выполнять роль репрезентаций чего-то другого [7. Р. 738]. Тогда как роль слов в качестве символических объектов минимальна – они слишком «прозрачны» и поэтому им легче выполнять свою семантическую функцию. Это, конечно, хорошее объяснение, но тогда непонятно, как объяснить то, о чем писал уже Р. Якобсон – о внимании детей к словам как очень пластичному материалу, поддающемуся различным вербальным манипуляциям (см.: [19]). Но главная проблема заключается в следующем: на основании описанных экспериментов складывается впечатление, что при изучении одной из сторон объективной референции, т.е. *объекта*, психологи обращают недостаточное внимание на другую его сторону – на *слова*, с помощью которых эта референция осуществляется. Для психологов в этих экспериментах слова выступают только ключами к тождеству объектов, в том числе ненаблюдаемых. Они часто описывают свои эксперименты так, как если бы у ребенка в целом не было проблем с отождествлением и узнаванием слов. Однако одни и те же слова произносят или готовы произнести самые *разные* люди. Эти слова оказываются как бы «спрятанными» внутри этих людей подобно тому, как спрятанными в контейнере могут быть те объекты, которые используются в экспериментах. А мы уже видели, что способность узнавать одни и те же объекты в разных местах тесно связана со способностью узнавать одни и те же слова у разных людей в разных ситуациях. Но именно последнее тождество – тождество слов – часто остается без внимания. Действительно, что будет если вместо тождества исчезающих и вновь появляющихся объектов мы обратим внимание на слова, тождество которых также требует своего предвосхищения, причем в постоянно меняющихся контекстах? Не здесь ли кроется источник того intersубъективного измерения, без которого невозможно достижение общих понятий и объективного восприятия? Ведь предвосхищать чьи-то слова – это не то же самое, что предвосхищать появление объекта, поскольку мы при этом предвосхищаем еще и чужое намерение произнести эти слова, а намерения являются ментальными состояниями. Получается, что тождество произносимых слов уже в каком-то смысле предполагает тождество намерений говорящего, установление которых и предполагает ту самую первичную

интерсубъективность. Возможно, с установления чужих намерений произнести определенные слова и стоит начинать исследование того, как мы используем ментальные идиомы. Поэтому предлагаемое здесь решение заключается в следующем: что для того чтобы понять, каким образом мы приходим к словам о ненаблюдаемом, мы должны отталкиваться от самих слов как от того, что может быть ненаблюдаемым, но при этом предвосхищаемым.

Вербальные жесты

Дальнейшую аргументацию в пользу данного решения можно разделить на три этапа.

(а) Для того чтобы отличить чью-то референцию к ненаблюдаемому объекту или событию от референции к наблюдаемым объектам и событиям, ребенок должен усвоить определенные вербальные маркеры. Ими могут быть такие слова, как «помнишь?», которые в виде вопроса могут использоваться его родителями. В возрасте около 3 лет ребенок заимствует этот маркер, поскольку именно с его помощью они давали ему понять, что сейчас речь пойдет о ненаблюдаемом событии или объекте («Помнишь, кого мы видели в зоопарке?»). Показательно, что сам этот маркер в устах ребенка изначально не является менталистской идиомой, т.е. не является призывом или побуждением к определенной ментальной деятельности у того, к кому он обращен, и, соответственно, не подразумевает никакие ментальные состояния – таковым он станет только впоследствии. В пользу данного обстоятельства говорит тот факт, что изначально ребенок может использовать этот маркер не только в речи, обращенной к своим родителям, чтобы пересказать им событие, которое они наблюдали *вместе*, но и в речи, обращенной к тем, о ком он точно знает, что их там с ним не было. «Помнишь?» по отношению к этим людям функционирует, прежде всего, как предупреждение: «Я собираюсь говорить о том, что мы сейчас не можем наблюдать». Можно предположить, что многие менталистские идиомы имеют то же происхождение, что и маркер «Помнишь?», т.е. что изначально они указывают не на внутренние ментальные состояния человека, относительно которого применяются, а используются в качестве предупреждения о том, что речь пойдет о ненаблюдаемых вещах и ситуациях.

(б) Примерно в этом же возрасте у ребенка развивается способность указывать на новый вид отсутствующих объектов – на произнесенные кем-либо слова или совершенные действия, непосредственным свидетелем которых он был: «Мама сказала, что...». Он может сделать это с помощью косвенной речи или цитирования. То, как цитирование и косвенная речь связаны с формированием пропозициональных установок и референцией к ментальным состояниям, наглядно проиллюстрировал паратактический подход Дэвидсона [20. Р. 93–108]. Суть этого подхода заключается в том, что пропозициональные установки, выражаемые с помощью менталистских идиом, – не более чем установки по отношению к определенным предложениям, которые человек еще не произнес, но готов был бы утверждать в тех или иных обстоятель-

ствах в качестве истинных. Поэтому в приписывании пропозициональной установки используется не одно предложение, в состав которого входит придаточная часть после слова «что», а два паратактически объединенных предложения. Первое предложение описывает характер установки («думать, полагать, быть уверенным, что...»), а второе и есть то предложение (или его цитата), по отношению к которому кто-либо занимает ту или иную установку, описанную в первом. Например, «Он думает, что...» является способом описать чью-то диспозицию к произнесению предложения, стоящего после «что» при определенных условиях. Первую часть, в которой содержится менталистская идиома «думает», Дэвидсон называет модификатором грамматического наклонения и рассматривает как отдельное от предложения в придаточной части высказывания. «Он думает, что...» становится «Он думает это». А дальше произносится (или гипотетически цитируется) то, что этот человек мог бы сказать.

Однако как *другой* человек может знать, что за предложения этот первый готов произнести в определенных обстоятельствах, чтобы приписать ему пропозициональную установку по отношению к ним? Для этого ему потребуется встать на его точку зрения и представить себя произносящим эти предложения вместо него. Молча или вслух, он как бы цитирует его будущее высказывание или, если угодно, изображает его в качестве такового. Куайн неслучайно в рамках своего цитатного подхода к пропозициональным установкам называл менталистские идиомы драматическими, поскольку их использование предполагает определенную долю актерского мастерства [5. Р. 219]. Дэвидсон использовал здесь неологизм *samesaying*, т.е. «сказать то же самое», что и другой человек, но в отличие от косвенной речи или цитирования в модусе «как бы». Следовательно, ребенку, для того чтобы овладеть новыми маркерами для такого расширенного (в том числе и гипотетического) цитирования чьих-либо лингвистических диспозиций, необходимо усвоить условно-сослагательное наклонение: «Что бы он сказал, если бы...»⁷.

Очевидно, что косвенная речь и цитирование прямо указывают на цитируемый материал, т.е. непосредственно изображают чьи-то слова, в качестве того объекта (или события), которое когда-то *имело* место в действительности как принципиально наблюдаемое (пусть и не самим говорящим в данный момент). Говорящий просто повторяет это действие как когда-то имевшее место. Тогда как с помощью менталистских идиом в приписывании пропозициональных установок говорящий именно *предупреждает*, что сейчас будет изображать то, что до этого момента еще не имело место и потому не может быть наблюдаемым. Действительно, приписывание кому-либо еще не состоявшегося высказывания совершается с помощью условно-сослагательного наклонения, которое используют для того, чтобы говорить о событиях, еще не имевших место в реальности. Иными словами, такие выражения, как «Он думает, что...» предупреждают о том, что последующие слова несут двойную нагрузку, т.е. изображают нечто (пока еще) ненаблюдаемое. Можно поэтому сделать вывод, что модификатор

грамматического наклонения функционирует здесь подобно предупреждению «Помнишь?» в устах ребенка перед тем, как он начнет имитировать ненаблюдаемые события, действия или даже слова: модификатор также является предупреждением о том, что речь сейчас пойдет о ненаблюдаемом, но только в этом случае это будет ненаблюдаемое гипотетическое высказывание, а не объект или ситуация. Следовательно, ментальные глаголы, фигурирующие в пропозициональных установках, являются, как и «Помнишь?», вербальными маркерами ненаблюдаемого.

(с) Известно, что одним из способов изображения ненаблюдаемых объектов и событий является жестикуляция. Ребенок достаточно рано обучается ей, начиная в том числе и с указательных жестов к наблюдаемым объектам. В дальнейшем его жестикуляция становится разнообразнее, развиваясь параллельно навыкам прямого и косвенного цитирования. Это означает, что одновременно с тем, как он изображает чьи-то слова и самого говорящего с помощью косвенной речи, он может изобразить с помощью жестов и то, о чем он говорит (как бы помогая себе этим), особенно если речь идет о чем-то ненаблюдаемом. Итак, мы можем предположить, что именно объединение в определенный момент двух способностей – передавать и предвосхищать чужую речь, а также изображать с помощью жестов ненаблюдаемые объекты и события – приводит к интересующему нас феномену.

Известно, что жест можно рассматривать как разновидность высказывания. Но почему бы не допустить и обратное: некоторые высказывания могут функционировать как *вербальные жесты*, которые указывают в том числе и на нечто ненаблюдаемое. Очевидным примером вербального жеста может служить слово «этот» в словах «этот цветок надо полить», обращенных к кому-либо, находящемуся вместе с говорящим в комнате, где есть только один цветок на подоконнике. Слово «этот» выполняет функцию жеста, если оно при этом не сопровождается кивком головы или движением руки в сторону цветка. Вся ситуация в целом является маркером, определяющим то, что слово «этот» надо понимать в качестве вербального жеста.

Теперь обратимся к одному интересному примеру Дэвидсона, в котором жест успешно заменяет цитируемый материал. Сказав «Сегодня я поймал вот такую рыбу», человек одновременно разводит в стороны руки. Данный жест понадобился ему для изображения (или, если угодно, цитирования) именно ненаблюдаемого объекта, а точнее, его размеров [20. Р. 90–91]. Очевидно, что высказывание «Сегодня я поймал вот такую рыбу» и жест руками здесь паратактически объединены – первое характеризует или уточняет смысл второго. Но в таком случае ничто не мешает нам рассматривать и цитирование предвосхищаемого высказывания в процессе приписывания пропозициональной установки в качестве жеста, указывающего на ненаблюдаемый объект. Возьмем, например, «Он думает, что Луна меньше Солнца». С паратактической точки зрения в имеющейся здесь паре высказываний «Он думает это» и «Луна меньше Солнца» последнее можно рассматривать по аналогии с изображающим

ненаблюдаемое событие или объект жестом. Изображение размера объекта с помощью жеста в примере Дэвидсона и изображение чьего-то предвосхищаемого высказывания с помощью своего собственного высказывания ничем здесь не отличаются, поскольку оба являются изображениями чего-то ненаблюдаемого. В таком случае менталистская идиома «думал» (как и остальные подобные идиомы) подобно маркеру «Помнишь?» предупреждает о том, что с помощью своего высказывания «Луна меньше Солнца» некто совершает жест, изображающий чье-то предвосхищаемое высказывание. При этом местоимение «он» (а не, допустим, «я») говорит о том, относительно кого совершается этот изображающий жест. Тем объектом, который изображает говорящий с помощью *своего* собственного высказывания в качестве жеста – придаточное предложение «Луна меньше Солнца», – является ненаблюдаемое (до сих пор) утверждение кем-либо данного предложения в определенных обстоятельствах в качестве истинного. Здесь высказывание-*жест* говорящего – это жест, который изображает чужое ненаблюдаемое высказывание-*объект*. Можно сказать и иначе: диспозиция к произнесению определенного предложения, которую я приписываю кому-либо с помощью *своего* высказывания-жеста, становится *чьим-то* ненаблюдаемым высказыванием-объектом (или, если угодно, мыслью, пропозицией).

Если данное предположение верно, то, возможно, мы приблизились к пониманию того, как возникает иллюзия ментальных сущностей, к которым у одного человека есть внутреннее непосредственное отношение, а у другого – только внешняя референция.

Вербальное восприятие

Что же нам дает такое сопоставление приписывания пропозициональных установок с жестами к ненаблюдаемому?

Во-первых, можно согласиться с Куайном, Дэвидсоном и Селларсом в том, что подлинными объектами, на которые указывают менталистские идиомы, являются предложения, а точнее, высказывания этих предложений в определенных обстоятельствах. Как говорил Дэвидсон, предложения, которые мы используем для приписывания пропозициональных установок, являются единственной мерой ментального (подробнее об этом см.: [21]). Поэтому при анализе пропозициональных установок мы не должны поспешно переходить к значениям и ментальным объектам как к чему-то само собой разумеющемуся. Вместо этого мы должны сделать шаг назад по отношению ко всему нашему словарю ментальных идиом, обращая внимание на те высказывания, в которых они обычно фигурируют. Можно сказать, что это своего рода лингвистическое *epoché* по отношению к ментальным феноменам. Разумеется, при таком подходе ментальные идиомы и их объекты могут показаться не более чем вспомогательным средством теоретизирования относительно чужого сознания. Именно такого инструменталистского подхода и придерживаются некоторые редукционистские теории. Однако ничто не мешает нам сделать еще один шаг назад для того, чтобы сами

предложения, содержащие эти идиомы, рассмотреть в более широком контексте, а именно в контексте жестов относительно наблюдаемого и ненаблюдаемого. Это будет уже своего рода поведенческое *epoche*. Тогда, с учетом того, как рано возникает в нашем развитии особое внимание к ненаблюдаемому, сама речь о чужом сознании предстанет как разновидность не просто вербального поведения, а определенных жестов, с которых начинается наше общение с миром⁸.

Во-вторых, ментальные термины, которые мы с раннего возраста учимся использовать, предстанут не столько гипотезами, прогнозами или предсказаниями относительно чужого поведения, сколько произвольным мимезисом в отношении будущего поведения окружающих нас людей. Иными словами, использование нами этих терминов можно рассматривать по аналогии с восприятием вторичных качеств, т.е. как произвольный способ реагировать на присутствие и поведение других людей. Иначе говоря, мы не можем не выражать себя по отношению к другим, не реагировать на сам факт их присутствия или вообще существования. Мы никогда не нейтральны по отношению к другим – не только эмоционально, но и когнитивно, – поскольку наше восприятие других никогда не является чисто дескриптивным или теоретизирующим. Наоборот, оно всегда прескриптивно, вызывая в нас определенную реакцию на поведение и сам факт присутствия других людей. Но тогда наше поведение по отношению к другим – это уже нечто большее, чем просто цитирование или прогнозирование, симуляция или теоретизирование. Поэтому, с одной стороны, представление о ментальных состояниях других людей является таким же жестом, как и любой другой телесный жест или мимика. А с другой стороны, приписывать им пропозициональные установки – это, если угодно, способ *воспринимать* этих людей. Вербальные жесты к ненаблюдаемым ментальным состояниям являются восприятием других людей в той же мере, в какой наше знание о ненаблюдаемых сторонах непосредственно воспринимаемых объектов является частью самого этого восприятия и не основано на вы-

водах или гипотезах относительно ненаблюдаемых поверхностей этих вещей.

В-третьих, и самое главное, в качестве такой модальности восприятия вербальные жесты к ментальным состояниям предваряют и подготавливают почву для референции к принципиально ненаблюдаемому множеству объектов, которая характеризует общие понятия. Ведь, как было сказано, референция к ненаблюдаемым объектам (в общих понятиях) обладает интересубъективным характером, т.е. учитывает чужие ментальные состояния в качестве вербальных диспозиций по отношению к этим объектам. Можно сказать, что наше восприятие всегда уже содержит в себе (или как минимум учитывает) чужой взгляд на воспринимаемый мир. Дэвидсон выразил это с помощью понятия интересубъективной триангуляции, которая позволяет не только воспринимать мир, но и отличать ложные убеждения от истинных, делая тем самым объективную референцию возможной. Поэтому если вербальные жесты к чужим ненаблюдаемым ментальным состояниям (как особый способ восприятия) лежат в основе овладения общими понятиями с характерной для них референцией к ненаблюдаемому множеству объектов, то и *всю* нашу речь, которая не обходится без такого рода понятий, можно рассматривать как один из способов воспринимать мир.

Итак, речь не просто основана на восприятии, речь – это и *есть* восприятие, или одна из его модальностей. Дело не только в том, что понимание чужой речи приравнивается к одному из способов восприятия, но и в том, что сама наша речь – это не случайный или произвольный феномен по отношению к нашему видению мира как такового, а его необходимый компонент. Речь при этом является сложно устроенным восприятием, поскольку прямо или косвенно она отвечает и за восприятие ненаблюдаемых частей этого мира. Поэтому мы с полным правом можем повторить вслед за Дэвидсоном процитированные им однажды слова Бруно Шульца: «Речь у человека – [это] орган метафизики» [23. С. 39].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сам Куайн не рассматривал референцию к ненаблюдаемому в качестве базовой для образования общих понятий, полагая, что начинать надо с установления сходства второго порядка, т.е. с того момента, когда ребенок замечает сходства между самими сходствами [4. Р. 56].

² Ричард Сэйнсбери справедливо указывает на ошибочность традиционного представления о том, что ребенок должен обладать неким примитивным и до-концептуальным восприятием и осознанием объектов прежде, чем он начнет овладевать языком [11. Р. 221]. Раньше считалось, что пре-лингвистическое мышление об объектах необходимо для того, чтобы постепенно усваивать имена и названия для отдельных объектов. В противном случае было бы непонятно, как этот процесс обучения именам происходит, если ребенок еще не мыслит о том, к чему эти имена применимы. Однако природа такого до-лингвистического мышления, как правило, оставалась непроясненной. Более того, экспериментальные данные современной психологии развития говорят скорее об обратном, т.е. о зависимости тождества объектов от различных способов их символизации в речи. Поэтому в ходе наблюдения за развитием интеллекта у ребенка мы имеем дело с постоянной реструктуризацией понятия (или концепции) объекта, которая начинается с того, что психологи называют «прото-объектами» [12. Р. 44–48].

³ Однако Сэйнсбери относительно экспериментов с еще не умеющими говорить детьми, когда они следят за передвижением объекта, его исчезновением и появлением снова, отмечает, что в этих случаях ребенок может реагировать и применять понятие тождества не собственно к объекту, а только к его свойствам, например, к неопределенному объему красного цвета [11. Р. 218–219]. И именно объем этих свойств он может превосходить в меняющихся контекстах. Для того чтобы мыслить индивидуальный объект как таковой, ребенок должен быть восприимчив не только к тождеству объекта в течении определенного времени – наше полноценное понятие индивидуального объекта предполагает также восприимчивость к отношениям этого объекта с другими материальными объектами, а также его вес, силу, которую надо приложить, чтобы его сдвинуть, и т.д. [11. Р. 218]. Иными словами, тождество объекта предполагает настоящую *концепцию* объекта, т.е., если угодно, примитивное теоретизирование со стороны ребенка.

⁴ Наличие такой осведомленности проявляется в так называемых тестах на ложное убеждение, когда ребенок в состоянии приписать ошибочность чужому поведению по отношению к какому-либо объекту (подробнее см.: [13. Р. 216–220]).

⁵ Шон Галлахер отмечает, что в последнее время в исследованиях социального познания («теория сознания») наметилась тенденция отказа от так называемого принципа ненаблюдаемости в отношении ментальных состояний (подробнее об этом см.: [14. Р. 111–114]).

⁶ Другим известным последователем этой точки зрения в философии можно считать Куайна. Более современные исследования в этом направлении, но уже в области психологии развития см. в [16–18].

⁷ Некоторые психологи отмечают, что уже к 18 месяцам ребенок рассматривает окружающих людей с точки зрения *человеческих действий*, которые он может превосходить и имитировать. В этом возрасте ребенок уже отличает чье-то намерение совершить определенное действие и непосредственно наблюдаемые моторные движения. Это проявляется в том, что в своей имитации чужих действий ребенок может исправлять ошибочные действия или завершать незаконченные. Иными словами, он реконструирует цель действия на основании наблюдения за поведением. Именно здесь, полагают психологи, проходит граница между телами людей и остальными физическими объектами [12. Р. 54–55, 61–62]. Тем не менее такое превосхождение чужих намерений еще не означает полноценного приписывания ментальных состояний. Последнее начнет формироваться только в период с 2 и до 4 лет одновременно с изменением представления о намерениях (т.е. об их содержании и локусе) [Ibid. Р. 63].

⁸ Похожую точку зрения уже высказывал в свое время Морис Мерло-Понти, но в отношении всей речи в целом: «...необходимо, чтобы смысл слов... их концептуальное значение формировалось посредством изъятия из значения *жестуального* (курсив мой. – Г.Р.), которое в свою очередь имманентно речи. <...> словесный образ есть одна из модальностей моей фонетической жестикуляции <...> Речь – настоящий жест, и она заключает в себе свой смысл, как жест – свой. <...> Речь есть жест, а ее значение – мир. <...> Языковой жест, как и все остальные жесты, сам очерчивает свой смысл. <...> язык... не высказывает ничего, кроме самого себя, то есть... его смысл от него неотъемлем. Посему нам следовало бы поискать зачатки языка в эмоциональной жестикуляции <...> мы вынуждены признать за речью жестуальное, или экзистенциальное, значение <...> Фонетический жест осуществляет для говорящего субъекта и для тех, кто его слушает, некоторое структурирование опыта, некоторую модуляцию существования, точно так же, как поведение моего тела наделяет окружающие меня объекты значением для меня и для других» [22. С. 235, 237, 240, 241, 243, 246, 251, 252].

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6: Научное наследство. М.: Педагогика, 1984.
2. Davidson D. Truth, Language and History: Philosophical Essays. Oxford: Clarendon Press, 2005.
3. Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays. New York: Columbia University Press, 1969.
4. Quine W.V. The Roots of Reference. The Paul Carus Lectures. La Salle, Illinois: Open Court Publishing Company, 1990.
5. Quine W.V. Word and Object. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.
6. Saylor M.M., Ganea P.A. Representational Constraints on Language Development: Thinking and Learning About Absent Things // *Child Development Perspectives*. 2013. Vol. 7, is. 4. P. 227–231.
7. Ganea P.A., Shutts K., Spelke E.S., DeLoache J.S. Thinking of things unseen: infants' use of language to update mental representations // *Psychological Science*. 2007. 18 (8). P. 734–739.
8. Saylor M.M., Ganea P.A. Infants Interpret Ambiguous Requests for Absent Objects // *Developmental Psychology*. 2007. Vol. 43, № 3. P. 696–704.
9. Swingle D., Fernald A. Recognition of words referring to present and absent objects by 24-month-olds // *Journal of Memory and Language*. 2002. Vol. 46, № 1. P. 39–56.
10. Osina M.A., Saylor M.M., Ganea P.A. Object Locations, Identity and Absent Reference Understanding at 12 Months // *Infancy*. 2014. Vol. 19, is. 1. P. 65–81.
11. Sainsbury R.M. Reference without Referents. Oxford: Clarendon Press, 2005.
12. Meltzoff A.N., Moore M.K. Infants' Understanding of People and Things: From Body Imitation to Folk Psychology // *The Body and The Self* / ed. by J.L. Bermúdez, A.J. Marcel, N. Eilan. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. P. 43–69.
13. Gallagher S. How the Body Shapes the Mind. New York: Oxford University Press, 2005.
14. Gallagher S. Enactivist Interventions: Rethinking the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2017.
15. Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind (with an Introduction by Richard Rorty and a Study Guide by Robert. Brandom). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
16. Baron-Cohen S. Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind. Cambridge, Mass.: MIT, 1995.
17. Gopnik A., Meltzoff A. Words, Thoughts, and Theories. Cambridge: MIT Press, 1997.
18. Keil F.C. Concepts, Kinds, and Cognitive Development. Cambridge: MIT Press, 1989.
19. Якобсон Р. Вклад Энтони в теорию лингвистики // *Язык и бессознательное*. М.: Гнозис, 1996. С. 89–94.
20. Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 2001.
21. Роговян Г. Измерение ментального: апология одной аналогии // *Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 50, № 4. С. 168–186.
22. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.
23. Шульц Б. Портрет в зеркалах / сост. Б. Дубин // *Иностранная литература*. 1996. № 8. С. 159–180.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 25 ноября 2018 г.

Reference and Verbal Gestures

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 81–89.

DOI: 10.17223/15617793/440/11

Garris S. Rogonyan, Higher School of Economics, Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rogonyan@gmail.com

Keywords: reference; other minds; developmental psychology; perception; propositional attitudes.

The aim of the article is to solve the problem of causal dependence between an objective reference to objects of external experience and reference to mental states. Research material for solving the problem is findings of contemporary psychologists who study the conditions and course of human intellectual development from an early age, as well as the results of a logical analysis of a natural language in the works of contemporary analytical philosophers. Particularly, contemporary research in the field of developmental psychology confirms one of the main theses of Willard Quine that human thinking, which deals with the ontology of everyday experience, needs not only individual, but also general terms, based on shared reference. Our learning of common concepts ensures contact not only with the everyday reality of the surrounding objects and events, but also the transition to abstract concepts that are characteristic of scientific ontology. In the course of the research, the author starts from the fact that the main prerequisite for reference to objects with the help of single or general concepts is the knowledge that others also refer to the same objects and their properties using the same words. From this, we can conclude that the condition of objective reference is the intersubjective experience of perception of objects and events. Such intersubjective triangulation is the core of the concepts of truth and objectivity, without which thinking and language learning would be impossible. Hence it follows that such intersubjectivity assumes a common experience shared with other people only if from a certain age we have some knowledge of these people's mental states. However, psychologists

have not yet advanced beyond establishing a correlation between the ways a child grasps the concepts of the identity of objects and of other people's mental states. Nevertheless, the author has established that a child from an early age can comprehend general concepts about objects, learning to refer not only to individual perceived objects, but also to an unobserved set of similar objects. Thus, the author proposed a solution to the question of causal dependence between objective reference and reference to mental states. The solution consists in the fact that knowledge of others' mental states not only gives reference its intersubjective character, but is also a condition of objective reference to the objects around us in general. To substantiate this solution, the author has introduced the notion of verbal gestures to unobservable objects and events. Such verbal gestures not only characterize our perception of other people's mental states, but ultimately permeate our perception of the world as a whole. The general conclusion of the article is that the perception of other people's mental states is not secondary or additional to the perception of objects, it is not a primitive theorizing or predicting someone else's behavior. On the contrary, our reaction to other minds is in fact a primary phenomenon of our perception.

REFERENCES

1. Vygotskiy, L. (1984) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in six volumes]. Vol. 6. Moscow: Pedagogika.
2. Davidson, D. (2005) *Truth, Language and History: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press.
3. Quine, W.V. (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press.
4. Quine, W.V. (1990) *The Roots of Reference. The Paul Carus Lectures*. La Salle, Illinois: Open Court Publishing Company.
5. Quine, W.V. (1960) *Word and Object*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
6. Saylor, M.M. & Ganea, P.A. (2013) Representational Constraints on Language Development: Thinking and Learning About Absent Things. *Child Development Perspectives*. 7 (4). pp. 227–231. DOI: 10.1111/cdep.12045
7. Ganea, P.A., Shutts, K., Spelke, E.S. & DeLoache, J.S. (2007) Thinking of things unseen: infants' use of language to update mental representations. *Psychological Science*. 18 (8). pp. 734–739. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01968.x
8. Saylor, M.M. & Ganea, P.A. (2007) Infants Interpret Ambiguous Requests for Absent Objects. *Developmental Psychology*. 43 (3). pp. 696–704. DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.696
9. Swingle, D. & Fernald, A. (2002) Recognition of words referring to present and absent objects by 24-month-olds. *Journal of Memory and Language*. 46 (1). pp. 39–56. DOI: 10.1006/jmla.2001.2799
10. Osina, M.A., Saylor, M.M. & Ganea, P.A. (2014) Object Locations, Identity and Absent Reference Understanding at 12 Months. *Infancy*. 19 (1). pp. 65–81. DOI: 10.1111/infa.12031
11. Sainsbury, R.M. (2005) *Reference without Referents*. Oxford: Clarendon Press.
12. Meltzoff, A.N. & Moore, M.K. (1995) Infants' Understanding of People and Things: From Body Imitation to Folk Psychology. In: Bermúdez, J.L., Marcel, A.J. & Eilan, N. (ed) *The Body and The Self*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
13. Gallagher, S. (2005) *How the Body Shapes the Mind*. New York: Oxford University Press.
14. Gallagher, S. (2017) *Enactivist Interventions: Rethinking the Mind*. Oxford: Oxford University Press.
15. Sellars, W. (1997) *Empiricism and the Philosophy of Mind (with an Introduction by Richard Rorty and a Study Guide by Robert. Brandom)*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
16. Baron-Cohen, S. (1995) *Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind*. Cambridge, Mass.: MIT.
17. Gopnik, A. & Meltzoff, A. (1997) *Words, Thoughts, and Theories*. Cambridge: MIT Press.
18. Keil, F.C. (1989) *Concepts, Kinds, and Cognitive Development*. Cambridge: MIT Press.
19. Jacobson, R. (1996) *Vklad Entoni v teoriyu lingvistiki* [Anthony's contribution to linguistic theory]. In: Golubovich, K. & Chukhruidze, K. (eds) *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Translated from English and French by K. Golubovich, D. Epifanov, D. Krotova, K. Chukhruidze, V. Shevoroshkin. Moscow: Gnozis.
20. Davidson, D. (2001) *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press.
21. Rogonyan, G. (2016) Measuring the mental: an apology for the analogy. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 50 (4). pp. 168–186. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201650477
22. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
23. Dubin, B. (1996) Bruno Schulz. *Inostrannaya literatura*. 8. pp. 159–180.

Received: 25 November 2018

Р.Ю. Царёв

«МАКРОИСТОРИЯ» РЭНДАЛЛА КОЛЛИНЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализируется ряд основных методологических принципов, на которые опираются исследования Р. Коллинза как одного из виднейших представителей современной исторической макросоциологии. Указывается, что ключевые проблемы социально-исторической динамики решаются им с привлечением фундаментальных принципов философии и методологии науки, что выводит социальное познание на высокий уровень теоретизации, без которого оно не может выполнять функции объяснения и предсказания.

Ключевые слова: историческая макросоциология; научно-исследовательская программа; теоретическая история; структурная история; общие исторические законы; нелинейные исторические процессы.

Рэндалл Коллинз, несомненно, относится к числу крупнейших социальных теоретиков современности. Российскому научному сообществу он знаком, прежде всего, фундаментальным трудом «Социология философий», который посвящен реконструкции истории философии как процесса роста и взаимодействия интеллектуальных сетей во времени и пространстве [1]. Теперь же появилась возможность благодаря не менее фундаментальному исследованию «Макроистория» оценить вклад Р. Коллинза в развитие исторической макросоциологии и социального познания в целом [2].

В этой работе с авторских позиций предложена трактовка целого ряда ключевых проблем социально-исторической динамики. К их числу относятся рост и упадок государств, геополитические процессы в их связи с революциями, разновидности этнических процессов, модернизация и демократизация, развитие и кризисы рыночной экономики и ряд других. Все эти проблемы составляют ядро исторической макросоциологии – мощного и стремительно развивающегося направления современного социального познания.

Прежде всего, обращает на себя внимание широта взгляда автора «Макроистории». Поскольку исследуемые им процессы имеют долгосрочный и глобальный характер, Р. Коллинз стремится выявить универсальные исторические тенденции, присущие обществам различного типа. Такой уровень обобщения с неизбежностью ведет его к созданию теоретической модели социально-исторической макродинамики. Ее обоснование опирается на могучую традицию социального познания, берущую начало от К. Маркса и включающую в себя знаковые для социальных наук XIX–XX вв. фигуры – прежде всего, М. Вебера, а также Э. Дюркгейма.

Судя по «Макроистории», на формирование идей Р. Коллинза оказал значительное воздействие целый ряд парадигм исторической макросоциологии. К их числу относятся теория революций как государственного распада (Т. Скочпол, Д. Голдстоун), теория военно-ресурсной траектории развития государств (М. Манн, Ч. Тилли), миротемный подход к истории (прежде всего, идеи И. Валлерстайна), исследования геополитических процессов (А. Стинчкомб, Дж. Модельски). Подтверждением этого служат и слова самого Р. Коллинза о значимости именно этих аналитических инструментов [2. С. 37]. Он синтези-

рует основополагающие идеи данных парадигм и выдвигает на этой основе собственные оригинальные, эмпирически обоснованные теории. Детальный анализ теоретических построений Р. Коллинза представляет собой предмет отдельного разговора, и даже не одного, в данном же случае сосредоточимся на ряде их методологических оснований.

Отношение к идеям Р. Коллинза в западных и отечественных социальных науках выражается, с одной стороны, в их теоретическом осмыслении, с другой стороны, их применении для постановки и решения конкретных исследовательских задач. В рамках теоретического осмысления можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, дается общая оценка вкладу Р. Коллинза в развитие макросоциологии. С. Сандерсон, характеризуя ее предмет, отмечает, что его образует не только изучение отдельных обществ в их целостности, но и цивилизаций, а также мировых систем в широкой сравнительной и исторической перспективе в течение очень длительных периодов времени. В числе одного из ключевых представителей макросоциологии, выведших социальное познание на высокий уровень теоретизации, он называет Р. Коллинза [3. Р. 592].

В отечественных социальных науках столь же высокую и в то же время значительно более детальную оценку дает Н.С. Розов. Разрабатывая методологию теоретической истории как исследовательского направления, он отмечает ряд удачных, на его взгляд, исследовательских стратегий, к числу которых относятся и исследования Р. Коллинза. Основными его достижениями Н.С. Розов считает отказ от узкого эмпиризма в социальном познании, стремление к обоснованным фактами широким теоретическим обобщениям, значительный объяснительный и предсказательный потенциал его теоретических схем, а также синтез теорий сквозь призму базовой теоретической схемы самого Р. Коллинза [4. С. 282–284]. В силу значимости анализа Н.С. Розовым теоретических положений Р. Коллинза, к взглядам Н.С. Розова мы обратимся более детально впоследствии.

Выдвигая близкие этим соображения, А.А. Изгарская, в то же время, особо акцентирует внимание на динамизме теоретических построений Р. Коллинза, заключающегося в преодолении появляющихся фак-

тов-аномалий, уточнении и дополнении исходных теоретических положений [5. С. 102]. Вследствие этого она делает вывод, что благодаря Р. Коллинзу «геополитика становится зрелой наукой» [Там же. С. 119], поскольку его теоретические построения соответствуют всем современным стандартам научности знания [Там же. С. 154].

Во-вторых, нельзя обойти вниманием и оценки собственно труда Р. Коллинза «Макроистория». Дж. Гудвин отмечает, что для научного творчества Р. Коллинза характерно постоянное расширение горизонта предметных тем и теоретических проблем, что находит свое выражение и в «Макроистории». Связующим звеном всех этих тем является важность геополитики как для развертывания макроисторических процессов, так и для социологического анализа, поскольку геополитика слишком важна, чтобы ее упускали из вида социологи. Впрочем, Дж. Гудвин тут же заявляет, что Р. Коллинз занимается лишь переработкой своих же старых идей, не внося ничего принципиально нового в пространство собственных теоретических интересов [6. Р. 72–73].

Это последнее соображение не вполне соответствует действительности, поскольку Дж. Гудвин избирает слишком узкий ракурс рассмотрения идей Р. Коллинза – это теория революций, тогда как макроисторические идеи Р. Коллинза только к этой, безусловно, важной теме не сводятся. «Переработка» же Р. Коллинзом старых идей – это, скорее, их корректировка в связи с новыми фактами, на что справедливо указывает А.А. Изгарская. Кроме того, в отличие от С. Сандерсона и Н.С. Розова, Дж. Гудвин вообще не отмечает вклада Р. Коллинза ни в развитие исторической макросоциологии, ни в теоретизацию социального познания. Методологические же аспекты теоретических построений Р. Коллинза Дж. Гудвин вообще обходит стороной.

В этом отношении В.И. Разумов, давая оценку «Макроистории», высказывает более взвешенные соображения. Прежде всего, он отмечает ряд проблем, присущих социальному познанию – теоретические разработки зачастую недостаточно обоснованы фактами, иные исследования базируются на обширном фактическом материале, но избегают объяснений и, тем более, прогнозов, недостаточное число исследований междисциплинарного характера. В этом смысле труд Р. Коллинза заслуживает особого внимания в силу того, что автор создает эмпирически аргументированную теорию, дает объяснение фактам, развивает новый методологический инструментарий с выходом на уровень номологии, делает обоснованные прогнозы [7. С. 98].

В-третьих, представляют значительный интерес соображения исследователей, касающихся трактовки Р. Коллинзом исторической причинности. Уже упомянутый С. Сандерсон отмечает, что для Р. Коллинза характерен довольно эклектичный взгляд на причины исторического развития: тезис о многомерности причинных сил в истории сочетается с подчеркиванием значимости геополитического фактора [8. С. 69]. Другие исследователи отмечают иной аспект: в «Социологии философий» Р. Коллинз реализовал весьма

спорный подход, поскольку сделан акцент на социальном взаимодействии в рамках сетей интеллектуального творчества, что позволяет говорить о структурном детерминизме в истории, несколько обедняя реальную картину [9]. Обе эти оценки, как будет видно впоследствии, имеют под собой весьма веские основания.

Что касается применения идей Р. Коллинза, здесь можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, ключевые положения его геополитической теории становятся, например, для Дж. Тернера основанием для исследования универсальных систем геополитического и геоэкономического господства применительно как к историческим, так и современным ситуациям [10. Р. 50]; российские исследователи применяют геополитическую теорию Р. Коллинза к изучению социально-исторических процессов в современном мире [11], а также и к современному российскому государству [12]. Во-вторых, Р. Ханнеман [13] и П.В. Турчин [14. С. 53–60] осуществляют преобразование геополитических принципов Р. Коллинза в математические модели с целью стимулирования создания социальной теории, установления связей между теорией и исторической наукой.

Таковы некоторые, наиболее значимые оценки исследований Р. Коллинза, о некоторых из них речь еще пойдет в дальнейшем. Безусловно, они отличаются степенью глубины и объемности, что обусловлено научными интересами конкретных исследователей, уровнем методологического самосознания. Вместе с тем следует отметить, что в этих оценках, в том числе у Н.С. Розова, не акцентируется важный аспект – какую структуру должно иметь современное социальное познание, чтобы адекватно выполнять свои гносеологические функции.

Возможно, социальное познание следует представлять как совокупность трех взаимосвязанных уровней. Верхний уровень образуют философские (холизм, принцип всестороннего анализа), общенаучные (системный подход, кибернетические представления, теория вероятности), естественно-научные (синергетика) компоненты, выполняющие роль метатеории по отношению к социальному познанию, из которой оно при необходимости может черпать методологические средства с учетом собственной специфики. Средний уровень составляют собственно социальные теории, отображающие и объясняющие динамику социальной системы в целом или отдельных образующих ее сфер, что предполагает применение соответствующей предмету познания методологии. Нижний уровень образует решение конкретных проблем, если принять во внимание направленность социального знания на проектирование и конструирование общества. Необходимость метатеоретического уровня объясняется тем, что социальное познание не может существовать только на собственной основе, отгородившись от современных научных представлений и форм организации знания, не может отказаться от объяснения социальных процессов путем поиска законообразных обобщений, хотя это и связано со значительными гносеологическими трудностями, не

может находиться за пределами современной научной рациональности.

В этой связи специфика макроисторических исследований Р. Коллинза как раз и заключается в том, что он воплощает в своем научном творчестве весьма значимую тенденцию – привлечение в социальное познание принципов современного научного мышления, что способствует росту теоретического потенциала социального познания, формированию его нового методологического самосознания. Проявляется это, во-первых, в том, что в «Макроистории» присутствует представление об особой организации социального знания в форме модели научно-исследовательской программы, обоснованной И. Лакатосом, а, во-вторых, в реализации в социальном познании ряда современных научных представлений. Рассмотрим последовательно эти аспекты.

Анализируя теоретические построения Р. Коллинза, Н.С. Розов приходит к выводу, что ядро его программы образует положение о легитимности государства, простирающего свою власть над определенной территорией; «тело» программы (основные теории) составляют принципы геополитической динамики государств; в состав защитного пояса входят положения о роли коммуникаций и усилий по их поддержанию, значимости дипломатических альянсов. Наконец, положительную эвристику формирует идея ведущей роли геополитики по отношению к тенденциям различных сфер социальной реальности [4. С. 271–276].

Справедливость этого анализа легко подтверждается обращением к идеям Р. Коллинза, представленным в «Макроистории». Он утверждает, что ключевую роль играет принцип легитимности, который складывается из легитимности лидера государства, всего институционального порядка. Однако и то, и другое – лишь переменные, зависящие от другой переменной – «межгосударственного престижа могущества», вызывающего сдвиги в легитимности правителей и их государств [2. С. 98–99].

В этой связи Р. Коллинз обосновывает тезис, что среди комплекса факторов, детерминирующих динамику социальных систем, решающим выступает геополитика. Он формулирует пять принципов долгосрочной геополитической динамики государств, от которой зависит положение конкретного государства на межгосударственной арене [Там же. С. 82–89]. Эти соображения дополняются тезисом о значительной роли динамики рынков в мировой истории, устанавливается ее связь с геополитикой. Р. Коллинз указывает: «Рынок, зависящий от геополитики, терпит неизбежные переломы, его рост обращается вспять, по мере того, как расходы на военную мощь чрезмерно нарастают в связи с подъемом сопротивления, с которым приходится сталкиваться. Кто живет благодаря геополитике, тот и погибает от геополитики» [Там же. С. 334]. В этой мысли представлена одна из идей защитного пояса программы Р. Коллинза – значения военных расходов как переменной, от которой зависит поддержание геополитической мощи государства. Наконец, к числу значимых факторов динамики мировой истории он относит также демографи-

ческую динамику и экологическое давление, указывая, что возможно сочетание действия всех факторов исторической макродинамики [2. С. 60, 304].

Положения ядра и основных теорий программы Р. Коллинз применяет для исследования процессов в сфере политики, экономики и культуры, что образует положительную эвристику программы. Им выстраивается комплекс взаимосвязанных гипотез, согласованных с положениями ядра и основных теорий и не противоречащих известным фактам. К их числу относятся следующие гипотезы:

- геополитическая теория революции как государственного распада, в которой предпринимается попытка выявить универсальные предпосылки любых политических революций (ее принципы апробированы при предсказании распада СССР, осуществленно-го задолго до этого события);

- государственно-центрированная, геополитическая теория этничности и этнической динамики, в которой вновь делаются широкие исторические обобщения, сводящиеся к выявлению «балканизации» и «американизации» как двух типов этнических процессов, выявляются условия их возможности;

- геополитическая теория демократии как совокупности структур коллегиальной власти, обоснование реальности которой осуществляется не только применительно к современности, но выявляются ее предпосылки в рамках политических структур Средневековой Европы;

- «четырёхмерная» теория модернизации, положения которой применяются к развитию Германии и анализируются геополитические предпосылки утверждения нацизма;

- теория рыночной экономики и динамики рынков различного типа в истории, выступающая в качестве альтернативы марксовой теории общественно-экономических формаций;

- теория «самотрансформирующегося капитализма», применяемая для исследования пути Китая и Японии к капитализму и отрицающая принадлежность капитализма только к западной цивилизации.

Следует сказать несколько слов о геополитической теории революции как государственного распада, поскольку она занимает особое место среди всех теоретических схем Р. Коллинза. Центральным пунктом данной теории является явно пришедшая из концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна идея, согласно которой внутренние изменения национальных государств следует объяснять как вытекающие из эволюции современной миросистемы и процессов взаимодействия в ней [15. Р. 7]. В соответствии с этим соображением Р. Коллинз утверждает: «В важнейших отношениях все социальные единицы конституированы извне внутрь», следовательно, необходимо следовать путем «объяснения государств через их межгосударственные отношения, иначе говоря, через геополитику» [2. С. 31].

Экстраполируя этот тезис на теорию революции, далее он указывает: «Легитимность правителей государства проистекает в значительной мере от того, как народ чувствует геополитику и ее влияние на свое государство. Расширяющиеся посредством войн госу-

дарства и завоевавшие престиж на мировой арене деятели повышают легитимность в своей стране и даже помогают создать легитимность на пустом месте. Напротив, государства, испытывающие геополитические затруднения, не только соскальзывают к фискальному кризису и государственному распаду, но и обуславливают эмоциональное снижение, которое вызывает делегитимацию. Геополитика ведет к революции по обеим тропам – материальной и культурной» [2. С. 35].

Это утверждение позволяет сделать вывод, что Р. Коллинз рассматривает геополитику как причину наступления революции, поскольку внешние условия порождают определенные внутривластные процессы. На самом деле, геополитика является, скорее, одним из факторов, о чем говорит и сам Р. Коллинз, но не причиной: внешнее напряжение может актуализировать длительное время формировавшиеся противоречия между различными социальными силами, обострить эти противоречия, подтолкнуть к их разрешению, но не создать их.

Действительно, Английской революции середины XVII в. и Великой французской революции конца XVIII в. предшествовали войны, породившие глубокий фискальный кризис государства, в обоих же случаях имели место и два других компонента революции как государственного распада, о которых говорит Р. Коллинз – конфликт элит и народное восстание [Там же. С. 55]. Однако причиной этих революций стала все-таки не геополитика как таковая, а нежелание или неспособность правящей элиты понять происходящие в обществе изменения, выработать адекватную стратегию реагирования на них, результатом чего и явилось ее отстранение от власти революционным путем. Поражение Российской империи в войне с Японией стало не причиной революции 1905–1906 гг., а спусковым механизмом взрыва недовольства политикой правящей элиты, которое сложилось задолго до этой военной неудачи. Равным образом неблагоприятный военный фон Февральской революции 1917 г. не был ее причиной, поскольку устои политической системы и до этого испытывали напряжение по внутренним причинам, что и способствовало наступлению революции.

Дж. Гудвин справедливо отмечает, что геополитическая теория Р. Коллинза упускает из виду те случаи, когда революционные силы «снизу» использовали государственные распады в своих интересах. Фактически Р. Коллинз не признает, что некоторые государства (Куба, Иран, Никарагуа) рухнули из-за мобилизации населения: народные массы не воспользовались существовавшими ранее государственными кризисами, а сами создали политические кризисы, которые были усугублены политикой диктаторов. В то же время эти диктаторы не подвергали свои государства нагрузкам, вследствие которых, по Р. Коллинзу, наступают революции [6. Р. 73].

Другими словами, речь идет о проблеме соотношения внешних и внутренних факторов развития: какие из них являются решающими и существуют ли таковые вообще, в какой степени внутренние факторы являются производными от внешних, не следует ли

признать наличие внутренних факторов, которые оказывают существенное воздействие на развитие государств, но при этом не могут быть сведены к внешним факторам.

Наконец, впечатление связи построений Р. Коллинза с моделью И. Лакатоса усиливается тем, что Р. Коллинз акцентирует проблемные случаи, противоречащие теории, что вынуждает скорректировать ее основные положения. Следовательно, теория не может автоматически считаться ложной, если имеют место опровергающие ее факты: «При работе со сложными процессуальными моделями с обратными связями между внутренними процессами и внешними отношениями среди государств, никогда нет простого и четкого статистического принятия или отвержения всей модели целиком». И далее: «Это не значит, что отдельные компоненты модели не могут быть фальсифицированы данными, но сопротивление фальсификации в пошаговом анализе не является главным способом построения правдоподобной макроисторической модели» [2. С. 109]. И, по словам И. Лакатоса, исследовательские программы способны долгое время сосуществовать друг с другом, а не отбрасываться при первом же столкновении с противоречащими им фактами [16. С. 432–433].

Однако Н.С. Розов подчеркивает, что «Коллинз – теоретик, но не методолог. Он не ставил сам сознательно задачу формирования широкой программы исследования социально-исторической реальности в аспекте геополитики», но широта охваченных Р. Коллинзом аспектов исторической макродинамики «позволяет говорить об имплицитной программе разрывания геополитической теории» [4. С. 271]. Н.С. Розов также утверждает, что Р. Коллинз не знаком детально с научной методологией И. Лакатоса [Там же. С. 275].

В этой связи стоит отметить, что проникновение принципов философии и методологии науки в сферу социального познания может осуществляться, скорее всего, двумя путями. Первый путь заключается в том, что в ходе социального исследования обнаруживается невозможность чисто эмпирическим путем решить поставленные задачи, и поэтому выход на уровень теоретической организации знания осуществляется без сознательной рефлексии над этим процессом. По этому пути, возможно, и шел Р. Коллинз, поскольку в его «Макроистории» модель научно-исследовательской программы фактически реализуется, однако он ни разу на страницах своего труда не ссылается на И. Лакатоса и не упоминает понятия «научно-исследовательская программа».

Второй же путь предполагает сознательную, целенаправленную рефлекссию над возможностями теоретических средств философии и методологии науки применительно к сфере социального познания. По этому пути и идет Н.С. Розов, поскольку обосновывает методологию теоретической истории именно как научно-исследовательской программы со всеми ее необходимыми компонентами, как это понималось И. Лакатосом [Там же. С. 139–145]. По словам А.А. Изгарской, такой подход представляет собой единственно эффективный способ конструирования

социального знания, поскольку методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса является наиболее оптимальной для социальной эпистемологии [5. С. 119].

Однако, даже если принять тот факт, что научно-исследовательская программа Р. Коллинза недостаточно эксплицирована, в ней достаточно четко проявляется содержание метатеоретического уровня социального познания, образуемого целым рядом современных научных представлений.

В трактовке всех рассматриваемых им аспектов политической, экономической, культурной динамики ведущим является представление, во-первых, о целостности социальных систем (в соответствии с этим реализуется системный подход), во-вторых, существовании в их исторической социальных систем нескольких «слоев причинности», что соответствует современным общенаучным представлениям о характере детерминации сложных систем. Кроме того, Р. Коллинз указывает, что его видение причинности в историческом процессе близко методам сетевого анализа, предполагающего исследование взаимодействий внутри сети, формирования различных конфигураций сетевых структур при изменении условий [2. С. 63].

Следовательно, системный подход синтезируется Р. Коллинзом с сетевым подходом, поскольку социальная система рассматривается как сеть взаимодействий между образующими ее элементами и процессами. Этот синтез дополняется кибернетическими представлениями о положительных обратных связях между элементами и процессами в сложных системах. Поэтому множественность причин в истории и сети обратных связей между ними порождают многообразие результатов в динамике социальных систем [Там же. С. 398]. В то же время нельзя не признать, что у Р. Коллинза присутствует противоречие между провозглашаемой множественностью причин в истории и акцентированием решающей роли геополитики, на что обратил внимание С. Сандерсон.

Тем не менее Р. Коллинз делает справедливый вывод: «Известные черты неустойчивости реальной истории, с ее странными ветвящимися паттернами и внезапными переломными моментами отнюдь не являются доказательством того, что теоретическое объяснение истории невозможно» [2. С. 400]. Эта мысль означает отрицание механистически понимаемой причинности. Р. Коллинз справедливо указывает, что случайность возникает в процессе взаимодействия сфер социальной системы в режиме ее нормального функционирования [Там же. С. 12], а также в процессе структурных трансформаций. Последние в значительной мере связаны с так называемыми нормальными случайностями в сложных системах: эти неполадки могут быть устранены по отдельности, но могут перерасти в системный кризис, когда происходят одновременно. Такие события происходят на вероятностной основе, нарастая с ростом числа компонентов [Там же. С. 100–101].

Характерной особенностью «Макроистории» Р. Коллинза является то, что в ней ни разу не употребляются понятия «синергетика», «неравновесные состояния», «бифуркация» применительно к динами-

ке сложных социальных систем, что отличает его методологию социального познания как от воззрений многих представителей отечественной социальной философии, так и западных социальных теоретиков (например, И. Валлерстайна). Вместе с тем в самой толще исторической макродинамики Р. Коллинз обнаруживает процессы, которые по определению не могут быть названы линейными.

Все эти аспекты его воззрений позволяют сделать вывод, что на методологическом уровне исследовательская программа Р. Коллинза включает в свой состав ряд современных научных представлений. Их трансляция в сферу социального познания позволила избежать представления о линейном, однозначном характере процессов в истории, хотя Р. Коллинз и не отрицает само понятие причинности. В целом же научно-исследовательские программы в социальном познании должны включать в свой состав современные научные представления. Эту трансляцию следует рассматривать не как самоцель, а как средство укрепления теоретического потенциала данных программ в исследовании социальной реальности.

Согласно И. Лакатосу, научно-исследовательская программа является прогрессирующей, если обладает предсказательной силой, что является показателем ее теоретической зрелости [16. С. 362, 437]. Этот тезис полностью соответствует программе Р. Коллинза, в которой на основе принципов геополитической динамики государств, осуществлено предсказание распада Советского Союза и всего социалистического блока [2. С. 78–130]. Успешность этого предсказания в немалой степени обусловлена теми современными научными представлениями, которые инкорпорированы в научно-исследовательскую программу Р. Коллинза.

Вместе с тем нельзя не отметить воздействие, которое оказала на его методологию социального предсказания концепция «общих законов» или «универсальных гипотез» в научном социальном исследовании К. Гемпеля, несмотря на то, что в «Макроистории» Р. Коллинз не ссылается на его известную статью. Свидетельством этой связи является убежденность Р. Коллинза в возможности обоснованного социального предсказания при соблюдении двух условий, которые акцентировал и К. Гемпель [17. С. 14]. Первое условие – наличие теории, объясняющей условия, при которых некое явление происходит или не происходит (утверждение по принципу «если – то»), второе условие – эмпирические данные о начальных условиях явлений [2. С. 108]. Р. Коллинз убежден, что при отсутствии теории предсказание превращается в ненадежную эмпирическую экстраполяцию, в силу чего для социального предсказания необходимо «теоретическое орудие», подлежащее неоднократному применению [Там же. С. 109, 111]. И, конечно, он подчеркивает, что учитывая нелинейный характер исторического процесса, предсказание даже с соблюдением всех условий имеет вероятностный характер [Там же. С. 127].

Кроме того, поскольку любое социальное предсказание опирается на знание прошлого и настоящего, их взаимосвязи, исследователь вынужден оперировать

представлением о большой длительности в истории. Несомненно то влияние, которое оказала на Р. Коллинза концепция «времени длительной протяженности» Ф. Броделя. Поэтому Р. Коллинз и утверждает: «Чтобы выявить траектории развития краткосрочных процессов, нам нужен долгосрочный – макроисторический взгляд» [2. С. 135].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что Р. Коллинз в рамках своих построений выводит социальное познание на высокий уровень теоретизации, что выражается в стремлении к объяснению фактов и явлений и предсказанию новых. Гипотезы исторической макродинамики, представленные в его книге, с неизбежностью ведут к постановке вопроса о соотношении традиционной эмпирической истории, имеющей описательный характер, и теоретической истории, предполагающей выход за рамки фактологического описания.

Описательный подход к познанию истории неоднократно подвергался критике. Достаточно указать на известную позицию И. Валлерстайна, согласно которой описательный характер социальных исследований не соответствует цели научного объяснения, поскольку подлинное понимание социальной динамики представляет собой во многом теоретическое понимание [15. Р. 9, 347]. И позиция Р. Коллинза по этому вопросу является однозначной: по его словам, «нужно не меньше теории, а больше» [2. С. 42]. Однако дело вовсе не в количественных показателях: «Нет такой вещи, как чисто нарративная, или описательная, история. Невозможно перечислять частности (particulars) без обращения к общим понятиям. Существительные и глаголы содержат скрытые обобщения (“снова еще один из таких же”). Даже собственные имена не столь конкретны (particularistic), как могут показаться, поскольку они выделяют некоторую целостность, у которой, как предполагается, есть продолжающиеся во времени контуры и которая включает скрытую теорию того, что удерживает эту “вещь” как целое...». И далее: «Кроме того, нарратив – это всегда отбор. Среди всех разных явлений, о которых можно было рассказать, лишь на некоторых сосредоточено внимание как на значительных, а сама их последовательность включает предположение о причинах следования» [Там же].

Значение этого взгляда не следует недооценивать, поскольку многие социальные исследователи, в особенности историки, с недоверием и даже настороженно относятся к возможности теоретических обобщений в их сфере познания. Основанием для этого им служит традиция противопоставления идиографической и номотетической методологий. Наиболее часто приводимыми аргументами против обобщений при изучении исторического процесса является тезис о невозможности создания устойчивых теоретических систем, истинность которых признавалась бы не только их создателями, отсутствие какого бы то ни было согласия по принципиальным вопросам, отсутствие оснований для законообразных обобщений.

В особенности актуальной эта проблема является для отечественных социальных наук, поскольку после отказа от всевластия формационной парадигмы объяснения исторического процесса, возникло пред-

ставление, что не только формационная, но и любая иная теоретическая парадигма для познания истории скорее вредна, чем полезна. Поэтому «если история как набор... социологических закономерностей (марксистского или немарксистского происхождения – не так важно), действительно, исчезает, то на смену ей должен прийти иной доминирующий тип исторического описания» [18. С. 40]. Им должно стать изучение «осколков», фрагментов с целью выявления их свойств без включения «фрагмента прошлого во все расширяющийся круг заданных некими внешними теоретическими установками внешних связей...» [Там же. С. 41].

Р. Коллинз этот взгляд совершенно не разделяет. Ярчайшим свидетельством этого служит «мысленный эксперимент» или «упражнение на теоретическое воображение» по «веберизации Маркса»: Р. Коллинз предположил, что в формационной теории все-таки содержится рациональное зерно, но ошибка заключается в том, что ключевую роль в истории играет «не способ производства и накопления, но особый тип рынка, и что именно из-за рыночной динамики каждая форма социальной организации переживает рост, кризисы и преобразование в другой тип» [2. С. 304]. На основе этой идеи Р. Коллинз формулирует теоретическую модель мировой истории, противостоящую формационной модели: вместо первобытного коммунизма утверждается наличие рынков родства, вместо рабовладения – невольничьих рынков, вместо феодализма – аграрно-принудительных рынков. Завершают этот ряд капиталистические рынки [Там же. С. 309–310]. Указывается, что все они представляют собой «идеальные типы», упрощенные модели рыночной динамики, лишенные стадийной связи между собой [Там же. С. 312–313]. Далее Р. Коллинз подчеркивает, что все же рабовладельческие рынки в реальности следует рассматривать как подтип аграрно-принудительного обмена [Там же. С. 355]. Следовательно, отказ от формационной модели вовсе не означает отказа от построения на иных теоретических основаниях моделей исторического процесса.

По словам Н.С. Розова, теоретическая история в широком смысле «охватывает все, что касается приложения теорий и теоретических методов в познании исторической действительности», в узком же смысле предполагает исследование «закономерностей, результатов и направленности крупных качественно-количественных изменений в истории (зарождения, роста и развития, упадка, распада, трансформации человеческих сообществ) путем заимствования из других наук, синтеза и проверки гипотез, моделей, теорий и сопоставления их с данными традиционной эмпирической истории» [4. С. 36].

Следовательно, речь идет не о том, что теоретическая история призвана подменить собой эмпирическую историю, речь идет об их взаимном дополнении. И Р. Коллинз придерживается аналогичной позиции: «Давно известно, что теория и эмпирическое исследование циклическим образом переходят друг в друга...» [2. С. 44]. Более того, он утверждает: «Вся история теоретически нагружена. Любая попытка скрыть этот факт приводит к плохой истории и плохой теории» [Там же. С. 42].

Эта идея вновь свидетельствует о глубокой связи методологии социального познания с методологией научного познания в целом, поскольку постпозитивизм указывает на теоретическую нагруженность эмпирического базиса науки. Во второй половине XX в. эта концепция стала проникать в методологию социального познания. Если в концепции французской исторической школы «Анналов» и концепции локальных цивилизаций А. Тойнби еще недостаточно четко эксплицированы их теоретические основания, то в концепции «глобальной истории» Ф. Броделя и концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна их теоретические основания уже являются предметом рефлексии. В этом контексте методологические идеи Р. Коллинза представляют собой зримое воплощение характерной для современного социального познания тенденции к теоретизации.

Наконец, обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследуемые Р. Коллинзом крупномасштабные процессы – революции, геополитические изменения роли государств на межгосударственной арене, динамика рынков – представляют собой долгосрочные структурные сдвиги. Поскольку в социальном познании обнаруживаются также модели антропологической и структурной истории, важно определить место теоретических построений Р. Коллинза в рамках этой дилеммы.

Ее основанием является двойственный характер социальных структур, которые, с одной стороны, представляют собой устойчивые долговременные паттерны отношений между людьми в социальной системе, но, с другой стороны, структуры воспринимаются самими людьми как нечто надындивидуальное, существующее независимо от их воли и сознания. Вследствие этого и возникает противоречие между человеческим наполнением социальных структур и их обезличенным функционированием.

Для структурной истории характерно либо сведение бытия людей к социальным структурам, либо объяснение их деятельности как обусловленной воздействием этих структур. К сторонникам этой модели следует отнести, прежде всего, Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Антропологическая история на первый план выдвигает «людей во времени» (М. Блок), их сознание, воплощением чего служат исследования менталитета школой «Анналов» или анализ трансформации психологических установок западноевропейцев от эпохи Средневековья до нашего времени и связи этой трансформации с социальными и политическими изменениями (Н. Элиас).

Антропологический подход вовсе не исключает структурный подход, но в первом из них акцент отчетливо смещен на человеческое измерение истории. Различие этих подходов при отсутствии непреодолимой границы между ними состоит в том, как трактовать деятельность людей: либо как вытекающую из динамики структур, как некой реальности, существующей независимо от людей, либо как объяснимую пониманием самими людьми, почему социальные структуры должны быть именно такими, функционировать именно так, а не иначе.

Позиция Р. Коллинза по этому вопросу является неоднозначной. С одной стороны, возникновение капиталистических структур рассматривается им сквозь призму системы ценностей, и этот взгляд находится в русле антропологической истории. Критикуя М. Вебера, Р. Коллинз утверждает, что, во-первых, все мировые религии, а не только протестантизм, способствовали развитию капитализма, а, во-вторых, монашеские религии способствовали не упадку, а росту религиозной мотивации. Первыми предпринимателями были монастыри, и все институциональные пути развития капитализма в аграрно-принудительных обществах были созданы анклавами «религиозной экономики». Это общий тренд для Европы, Китая и Японии [2. С. 365–368].

С другой стороны, Р. Коллинз является ярко выраженным сторонником структурной истории, поскольку подчеркивает, что именно структуры претерпевают динамику и кризисы, «захлестывают и увлекают за собой каждого индивида в обществе», вовлекая его в процессы структурных трансформаций [Там же. С. 311]. Все проблемы, к которым он обращается в «Макроистории», последовательно трактуются именно с этой точки зрения. В частности, утверждает, что взрывы творчества интеллектуалов происходят в тех случаях, когда динамика социальных структур открывает для этого пространство свободы, однако само творчество не может предопределить, в каком направлении будут изменяться социальные структуры [Там же. С. 76–77].

Версия структурной истории Р. Коллинза обусловлена тем, что в центре его внимания находятся процессы макроуровня исторической реальности, а при таком взгляде ряд процессов, не относящихся к этому уровню, отступают на второй план. Аналогичная ситуация обнаруживается и в концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна, в которой ориентация на глобальность зачастую приводит к недооценке процессов нижележащих уровней, стремлению редуцировать их к закономерностям современной миросистемы. В то же время структурную историю в любых ее версиях не следует рассматривать с позиции своего рода «тирании структур» по отношению к деятельности людей, речь должна, скорее, идти о том, какие социальные действия возможны и оптимальны в определенных и изменяющихся исторических условиях.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в концепциях исторической макродинамики Р. Коллинза обнаруживается та самая трехуровневая структура социального познания, о которой уже шла речь – метатеоретический уровень (системный подход, принципы кибернетики, элементы теории вероятности), уровень собственно социального познания (теории, объясняющие динамику экономики, политической сферы, сферы культуры) и уровень практического применения социального знания, заключающийся в возможности выработки долгосрочных стратегий социального действия, учитывая совокупность факторов, обуславливающих динамику государств.

В то же время метатеоретический уровень присутствует в научно-исследовательской программе

Р. Коллинза в имплицитной форме, поскольку он не анализирует возможности и ограничения трансляции в социальное познание его компонентов. И сама научно-исследовательская программа как форма организации знания, как справедливо отметил Н.С. Розов, у Р. Коллинза недостаточно эксплицирована, хотя фактически и реализуется. Тем не менее исследование Р. Коллинза свидетельствует о возможности установления тесных и плодотворных связей между философией и методологией науки, с одной стороны, и методологией социального познания, с другой стороны, необходимости теоретического осмысления исторического процесса.

Во-вторых, исследование Р. Коллинзом макроисторических процессов – геополитической динамики государств, революций как государственного распада, динамики рынков, возникновения и места капитализма в мировой истории, этнических процессов – осуществляется на высоком уровне теоретизации социального познания и сопровождается преодолением односторонности традиционной эмпирической исто-

рии, которая не в состоянии обнаружить в историческом процессе долгосрочные и универсальные законы-тенденции. При таком подходе акцент с неизбежностью смещается, прежде всего, на исследование социальных структур, изменения которых и обеспечивают реализацию долгосрочных макроисторических процессов. Поэтому теоретическая история у Р. Коллинза выступает в тесной связи со структурной историей.

В-третьих, все вышесказанное позволяет утверждать, что историческая макросоциология как исследовательская стратегия в целом обладает и зрелостью, и мощным теоретическим потенциалом, гносеологической состоятельностью. Однако главное заключается в том, что ее опыт указывает на невозможность для социального познания выполнять функции объяснения и предсказания без высокого уровня теоретической обоснованности. Это, пожалуй, главный урок весьма содержательной книги Р. Коллинза, противостоящий до сих пор широко распространенному представлению о ненужности теории для истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
2. Коллинз Р. Макроистория : Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
3. Sanderson S. Macrocology: Four Modern Theorists // Contemporary Sociology. 2007. Vol. 36. P. 591–592.
4. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.
5. Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск : Наука, 2002. 468 с. (Теоретическая история и макросоциология; вып. 2).
6. Goodwin J. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run by Randall Collins // Contemporary Sociology. 2001. Vol. 30, № 1. P. 72–73.
7. Разумов В.И. Ценное пособие по политической, экономической, военной и культурной истории (Рецензия на книгу: Коллинз Рэндалл. Макроистория : очерки социологии большой длительности) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 12. С. 97–100.
8. Сандерсон С. Мегаистория и ее парадигмы // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 67–72.
9. Misztal B., Freundlieb D. The curious historical determinism of Randall Collins // European Journal of Sociology. 2003. Vol. 44, № 2. P. 247–269.
10. Terner J. Some Elementary Theoretical Principles on Geo-Politics and Geo-Economics // EurAmerica. 1998. Vol. 28, № 3. P. 41–72.
11. Карякин В. Геополитическая динамика Р. Коллинза и современность // Свободная мысль. 2010. № 1 (1608). С. 163–172.
12. Ершов Ю.Г. Р. Коллинз о крахе советской империи: поучительные выводы // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 114–120.
13. Hanneman R., Collins R., Mordt G. Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialist Capitalism // Sociological Methodology. 1995. Vol. 25. P. 1–46.
14. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 368 с.
15. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
16. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект; Триста, 2008. 475 с.
17. Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 13–26.
18. Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. Вып. 2. С. 17–41.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 ноября 2018 г.

Randall Collins's Macrohistory: Methodological Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 90–98.

DOI: 10.17223/15617793/440/12

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: historical macro-sociology; research program; theoretical history; structural history; general historical laws; nonlinear historical processes.

This article is devoted to the problem of substantiation of the structure and form of organization of social cognition, so that it can effectively perform the functions of explanation and prediction. To resolve this problem, the methodological analysis model of macro-historical dynamics by Randall Collins has been taken. It is established that Collins's model is organized in accordance with the model of Imre Lakatos's research program. It is noted that this model is the most optimal form of construction of social epistemology. The core of Collins's program is the Weberian thesis about the legitimacy of the state, its prestige of power, principles of geopolitical dynamics of states. The structure of the protective belt of Collins's program includes provisions on the role of communications and efforts to maintain them, the importance of diplomatic alliances; positive heuristics is formed by the idea of the leading role of geopolitics in relation to various spheres of society. On the basis of the provisions of the core of his program, Collins sets forth certain macro-historical hypotheses. These include the geopolitical hypothesis of revolution as a state disintegration, the geopolitical hypothesis of ethnicity and ethnic dynamics, the geopolitical hypothesis of democracy as a set of structures of collective power, the

“four-dimensional” model of modernization, the hypothesis of market dynamics in history (it replaces the concept of mode of production), the hypothesis of “self-transforming capitalism”. Collins complements this explanatory model with the prediction model, which is based on the hypothesis of general historical laws of Carl Hempel. The article shows that the heuristic capabilities of Collins’s program are explained by the implementation of these models, so that it brings social cognition to a high level of theorization. This is manifested in the justification of Collins’s thesis about the theoretical load of the empirical foundation of social knowledge. It is also important that Collins explains and predicts with the help of modern scientific concepts that are part of his program and are involved in the formulation of macro-historical hypotheses. Among these concepts are the principles of a system approach, cybernetics and elements of probability theory. Thus, the model of Collins’s macro-historical dynamics reveals the structure of social cognition consisting of three levels. The meta-theoretic level, by means of which the problems of social cognition are solved, forms modern scientific concepts. The middle level is formed by social theories that explain the dynamics of economic, political and cultural spheres. The lower level involves the practical application of social knowledge through the creation of long-term social action strategies. Collins’s model overcomes the one-sidedness of the narrowly empirical approach in social cognition, reveals the possibility of establishing close links between the latter and the methodology of science.

REFERENCES

1. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy: Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
2. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS: LENAND.
3. Sanderson, S. (2007) Macrocosiology: Four Modern Theorists. *Contemporary Sociology*. 36. pp. 591–592. DOI: 10.1177/009430610703600650
4. Rozov, N.S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and theory of history]. Book 1. Moscow: Logos.
5. Rozov, N.S. (ed.) (2002) *Makro dinamika: Zakonomernosti geopoliticheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh izmeneniy* [Macrodynamics: Patterns of geopolitical, social and cultural changes]. Novosibirsk: Nauka.
6. Goodwin, J. (2001) Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run by Randall Collins. *Contemporary Sociology*. 30 (1). pp. 72–73. DOI: 10.2307/2654359
7. Razumov, V.I. (2015) Tsennoe posobie po politicheskoy, ekonomicheskoy, voennoy i kul'turnoy istorii (Retsenziya na knigu: Kollinz Rendall. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti) [A valuable textbook on political, economic, military and cultural history (Book review: Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run)]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 12. pp. 97–100.
8. Sanderson, S. (2000) Megaistoriya i ee paradigmy [Megahistory and its paradigms]. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [Time of the World. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
9. Misztal, B. & Freundlieb, D. (2003) The curious historical determinism of Randall Collins. *European Journal of Sociology*. 44 (2). pp. 247–269.
10. Turner, J. (1998) Some Elementary Theoretical Principles on Geo-Politics and Geo-Economics. *EurAmerica*. 28 (3). pp. 41–72.
11. Karyakin, V. (2010) Geopoliticheskaya dinamika R. Kollinza i sovremennost' [The geopolitical dynamics of R. Collins and modernity]. *Svobodnaya mysl'*. 1 (1608). pp. 163–172.
12. Ershov, Yu.G. (2016) R. Collins about the collapse of the Soviet empire: educatory conclusions. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 4 (60). pp. 114–120. (In Russian).
13. Hanneman, R., Collins, R. & Mordt, G. (1995) Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialist Capitalism. *Sociological Methodology*. 25. pp. 1–46.
14. Turchin, P.V. (2010) *Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoy istorii* [Dynamics in history: On the way to theoretical history]. Moscow: Izd-vo LKI.
15. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.: Academic press.
16. Lakatos, I. (2008) *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on the philosophy and methodology of science]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa.
17. Hempel, C. (2000) Funktsiya obshchikh zakonov v istorii [The function of general laws in history]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [Time of the World. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
18. Boytsov, M.A. (1999) Vpered, k Gerodotu! [Go, to Herodotus!]. In: Bessmertnyy, Yu.L. & Boytsov, M.A. (eds) *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii* [A case: the individual and the unique in history]. Is. 2. Moscow: RSUH.

Received: 01 November 2018

ИСТОРИЯ

УДК 355.355(47+57:430.2)(091)»1945/1949» (045)

Д.Г. Балашов

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ НЕМЦЕВ В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ ГЕРМАНИИ, 1945–1949 гг.: ОТ СТРАХОВАНИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

На основе документов Государственного архива Российской Федерации анализируется политика Советской военной администрации в Германии, направленная на восстановление и преобразование немецкой системы социального страхования в советской зоне оккупации. В результате система, не утратив национальных страховых основ, перенимая черты советского социального страхования, компенсировала потери при возникновении социальных рисков у застрахованных немцев.

Ключевые слова: социальное страхование; СВАГ; СОЗ; Отдел рабочей силы.

После окончания Второй мировой войны одна из старейших в мире германская система социального страхования подверглась серьезным испытаниям. Они были вызваны хозяйственной разрухой, формированием новой для немцев идеологии и политической системы, социальной и имущественной дифференциацией общества, а также обнищанием значительной его части.

Архивные материалы по деятельности Советской военной администрации в Германии (СВАГ) были открыты для историков лишь после распада СССР, что предопределило отсутствие комплексного исследования социальной политики оккупационных властей в Восточной Германии. Социальные практики и изменения в жизни немецкого общества 1945–1949 гг. фрагментарно представлены в публикациях, освещающих экономические аспекты политики СВАГ [1–4], в трудах по истории повседневности [5], работах гендерной тематики [6], в макроуровневых исследованиях по формированию «германской модели» социального государства конца XIX – начала XXI в. [7, 8]. Специфика «социалистической» патерналистской социальной политики представлена в работе по пост-оккупационному периоду Восточной Германии [9]. Исследователями была оценена социальная политика национал-социалистического руководства Германии 1933–1939 гг. [10–14]. Тем не менее такой микроисторический аспект социальной политики СВАГ, как социальное страхование, не был проанализирован в трудах историков. В зарубежной историографии проблемы социальной политики в советской оккупационной зоне (СОЗ) рассмотрены в работах немецких исследователей [15], в том числе изучалась область социального страхования [16, 17].

Целью работы является оценка результатов политики в области социального страхования и страхового обеспечения по нему, реализованной СВАГ в 1945–1949 гг. При существующей широкой интерпретации социальной терминологии в статье понятие «социальное страхование» рассматривается как форма социальной защиты экономически активных людей от социальных рисков через возмещение им материальных потерь из средств целевых взносов физических и юридических лиц. Эта защита основана на самопо-

мощи, взаимопомощи и организационном самоуправлении. Страховым обеспечением являются выплаты по страхованию. Понятие «социальное обеспечение» трактуется как форма социальной защиты работающих и неработающих лиц от социальных рисков и обеспечение прожиточного минимума через распределительное возмещение их потерь из госбюджета. Эта защита осуществляется прямым государственным управлением.

Начало XX в. в Германии ознаменовалось переходом к активной государственной социальной политике, вызванной усиливающимися процессами индустриализации экономики. В сфере социальной защиты немцев были приняты законы обязательного страхования наемных работников: на случай болезни; от несчастного случая; по инвалидности и старости; беременности; смерти; безработицы. Бюджет обязательного социального страхования формировался за счет взносов самих работающих и работодателей. Большое количество учреждений специализировалось по видам страхования, причем никакого оперативного объединяющего центра не существовало [18. Л. 26–27]. С 1933 г. национал-социалисты в Германии запустили процесс унификации органов социального страхования, которые потеряли значительную часть своей самостоятельности [19. Л. 97], структуры функционировали за счет широкого привлечения средств населения, где доля государственных затрат была не велика, пособия застрахованным немцам предоставлялись дифференцированно в зависимости от их лояльности к режиму и расовой принадлежности [13. С. 8–9]. Усиление контроля над социальным страхованием стало частью государственной политики нацистов по созданию партнерского общества.

В СССР в 30-е гг. XX в. руководство коммунистической партии, реализуя программу индустриализации страны, определило стратегию социальной защиты граждан, которая основывалась на классовом подходе и идеологических особенностях. В первую очередь социальная поддержка оказывалась индустриальным рабочим и служащим. Централизованное, государственное социальное страхование трудящихся дифференцировало размеры пособий, застрахованных в зависимости от членства в профсоюзе, интенсивно-

сти труда и непрерывности трудового стажа [20]. Помощь оказывалась по беременности и родам, по временной нетрудоспособности, по инвалидности и старости. Она была страховой лишь формально, трудящиеся были освобождены от уплаты страховых взносов, и финансирование помощи по единым правилам обеспечивалось из средств бюджета государства и выплат предприятий (принудительный налог). Медицинские услуги для граждан страны становились за счёт госбюджета бесплатными. Таким образом, можно сказать, что нацистский вектор социальной политики был направлен в сторону усиления государственного контроля над сферой социального страхования Германии, которая в СССР была монополизирована государством и утратила страховые основания (сапомощь, самоуправление), приняв форму социального обеспечения (распределения).

В 1945 г. после капитуляции Германии и создания оккупационных зон немецкие органы социального страхования были не в состоянии производить текущие выплаты пособий и пенсий. Задолженность социальных касс составляла 426 млрд марок [7. С. 221]. С августа 1945 г. к решению вопросов социального страхования в СОЗ Германии приступил Отдел рабочей силы СВАГ. В конце ноября 1945 г. в Отделе была образована группа по вопросам страхования в составе Н.П. Костицина, Е.Д. Лопатина, С.Д. Давыдова, а затем К.П. Овчиникова и Е.Н. Зюзиной [18. Л. 93–98]. Платежи по старой системе социального страхования прекращались, и сама она подлежала ликвидации [Там же. Л. 26–27]. В августе 1945 г. были созданы немецкое зональное Управление труда и социального обеспечения [21. Л. 30–32], на которое были возложены общий надзор за организацией и деятельностью учреждений социального страхования, анализ смет и контроль над их исполнением [22. Л. 145–172]. Вначале органы социального страхования в СОЗ приступили к работе на основе существовавшего до капитуляции немецкого законодательства [19. Л. 111–129].

С 1 декабря 1945 г. в зоне вводилось обязательное и добровольное социальное страхование немецкого населения на случай утраты временной или постоянной трудоспособности при болезни, беременности и родам, инвалидности, старости, а также на случай смерти. Формировалась единая система социального страхования, включавшая в себя все социальные риски [7. С. 222–223]. Обязательное социальное страхование распространялось на все население, работающее по найму, остальным группам населения предоставлялось право на добровольное страхование. Были установлены взносы по обязательному социальному страхованию в размере 20% от среднего заработка застрахованного, причем уплата половины от заработка (10%) ложилась на работодателей. Страхующиеся в добровольном порядке уплачивали взносы в размере 10% от своего среднего заработка или дохода [18. Л. 28–29]. Для горняков были установлены взносы в размере 30%, в том числе 20% за счет предпринимателя [23. Л. 16–46]. Одновременно застрахованные и члены их семей были освобождены от платы денег за медикаменты [19. Л. 113].

К концу 1946 г. вместо ранее существовавших страховых организаций были созданы пять главных касс социального страхования (по одной в каждой провинции), 148 местных касс (городских, районных, окружных) и 508 филиалов, что улучшило обслуживание застрахованных лиц и сократило расходы на содержание аппарата управления и надзора [18. Л. 374–379]. Правила выплаты пособий по нетрудоспособности сохранялись старые, но с некоторыми изменениями. Так, период получения пособия по болезни ограничили двумя месяцами вместо ранее существовавших 6–12 месяцев, освобождение от работы с выплатой пособий при беременности устанавливалось на срок 2 месяца вместо ранее существовавшего периода 6 месяцев, было отменено бесплатное лечение членов семьи застрахованных. Пенсии по инвалидности и старости, а также нетрудоспособности вдовам умершего застрахованного и детям до 14-летнего возраста оставили в тех размерах, которые выплачивались до 9 мая 1945 г. [18. Л. 26–27]. С 1 ноября 1945 г. немцы стали получать пенсии через кассы социального страхования [7. С. 226]. Из-за недостаточной финансовой базы выплаты страховых пенсий первоначально были ограничены суммой 30 марок в месяц на пенсионера, затем суммой не выше 90 марок в месяц [18. Л. 374–379].

С октября 1946 г. всем немецким управлениям в СОЗ устанавливался порядок выплаты из бюджетных средств пенсий нетрудоспособным и их семьям через кассы социального страхования. Исчислялись они по принципам социального страхования. При этом отказывалось в получении пенсии «активным» членам СС, СА, СД и гестапо. Отсутствие «активности» подтверждалось комитетами антифашистских партий земель, при этом призванные по мобилизации в эти структуры получали пенсии на общих основаниях [24. Л. 97–100]. Изменения в обеспечении застрахованных лиц, централизация и сокращение структур аппарата позволили укрепить финансовое положение социального страхования Германии к началу 1947 г. [25. Л. 1–12].

Приказом № 28 от 28 января 1947 г. вводилось в действие новое законодательство о едином на всей территории СОЗ Германии социальном страховании и закреплялись проведенные ранее преобразования в этой сфере [22. Л. 145–172]. Подтверждалась замена индивидуальных видов социального страхования на централизованное коллективное страхование [9. С. 22]. Введение единого страхования соответствовало программным установкам СЕПГ и решениям учредительного конгресса свободных немецких профсоюзов (ФДГБ) [7. С. 225–226]. Из общей суммы взносов районные кассы оставляли у себя 30% на выплату пособий по болезни, беременности и смерти. Остальную часть средств они перечисляли земельному учреждению социального страхования, где деньги распределялись им между кассами в зависимости от потребности каждой из них. Обязательному страхованию стали подлежать крестьяне и предприниматели с наемной рабочей силой до пяти человек, служащие коммунальных и административных учреждений, лица свободных профессий и кустари, которые вносили уже 14% от заработка. Застрахованные самостоятель-

ные работники и предприниматели пособия по безработице и по болезни не получали [22. Л. 145–172]. Таким образом, была решена проблема недостатка средств одних касс и избыток в других. Увеличилась социальная база застрахованных лиц по обязательному страхованию. Частная система страхования не была затронута этим законодательством, но последующими постановлениями СВАГ подлежала ликвидации.

Впервые в СОЗ Германии стали создавать общественные комитеты касс социального страхования [27. Л. 69–78]. По приказу № 28 в выборных комитетах касс выдвинутые профсоюзами работники, должны были составить 2/3 состава, а предприниматели – 1/3. Подобное соотношение состава комитетов призвано было обеспечить защиту застрахованных лиц [22. Л. 145–172]. Первые выборы в комитеты были проведены в 1948 г., при этом председатель комитета утверждался Министерством труда провинции или земли. Комитет должен был строго придерживаться утвержденного свыше устава, приказов и постановлений немецкого Управления труда и социального развития, надзорные органы могли отменить все его решения.

До капитуляции Германии рабочие платили взносы в большем проценте от своего заработка, чем служащие, а получали пенсии в меньших размерах. По новому положению служащий мог получить пенсию в абсолютных цифрах больше, чем рабочий только в тех случаях, когда средний заработок и размер его взносов были больше, чем у рабочего. В других видах обеспечения (пособия по безработице, беременности и родам, смерти, лечению, на медикаменты) рабочие обеспечивались на равных условиях со служащими [22. Л. 145–172]. Следовательно, было ликвидировано различие в условиях страхового обеспечения между рабочими и служащими.

По новому законодательству застрахованные лица в случае болезни получали за дни болезни 50% среднего заработка начиная с 4-го дня нетрудоспособности. Пособие выплачивалось в течение 26 недель или до перехода на инвалидность. В случаях беременности и родов застрахованным лицам предоставлялись пособие по беременности в течение 4 недель в размере 75% заработка и пособие на послеродовой период в течение 6 недель в размере 50% заработка. Кроме того, выплачивалось пособие на кормление ребенка в течении 12 недель в размере 1/2 пособия по беременности. Кроме пособия беременным бесплатно полагались врачебное обслуживание, акушерская помощь, обеспечение лекарствами, лечение в больнице или родильном доме. В случае смерти застрахованного касса выплачивала пособие на похороны в размере 20-дневного заработка, но не менее 100 марок; при смерти членов семьи застрахованного пособие выплачивалось в половинном размере [22. Л. 145–172].

При полной потере трудоспособности в результате инвалидности застрахованные получали пенсию в размере 2/3 заработной платы за последние 12 месяцев работы. Пенсии по инвалидности и старости застрахованным рабочим и служащим выплачивались в размере 360 марок в год – основная пенсия с увеличе-

нием на 1% среднего заработка за год производственного стажа. Пенсии по старости получали застрахованные мужчины после достижения 65-летнего возраста, а женщины – после 60 лет. Пенсия по инвалидности выплачивалась при наличии 5-летнего трудового стажа, пенсия по старости – при наличии 15-летнего трудового стажа. Общий размер пенсии не мог превышать 80% заработка застрахованного, после его смерти пособие выплачивалось членам семьи – нетрудоспособной вдове (вдовцу). При исчислении пенсии для лиц, находившихся после 1933 г. не в порядке мобилизации на службе в вермахте, СС и других военных организациях, время пребывания на военной службе не включалось в производственный стаж [22. Л. 145–172]. Если размер пенсии по инвалидности и старости составлял в 1937 г. 37,57 марок в месяц, то в 1947 г. – уже 70,10 марок; пенсии вдовам в 1937 г. имели размер 19,40 марок, в 1947 г. – 48,49 марок [19. Л. 118].

Из доходов от взносов (1/5 их части) выделялись в распоряжение бирж труда суммы, которые требовались им на выплату пособий по безработице и на переобучение рабочих и служащих. Пособия предоставлялись тем немцам, которым не могли предоставить в данное время никакой работы и которые в течение последних 12 месяцев непосредственно до начала безработицы уплатили страховые взносы за 26 недель. Пособие по безработице состояло из выплат застрахованному лицу, надбавок на нетрудоспособных членов семьи и квартирных денег [22. Л. 145–172]. В конце 1947 г. новые нормы денежного пособия составляли в среднем в месяц для глав семьи 30 марок, для взрослого члена семьи – 20 марок, несовершеннолетнему члену семьи полагалось 17,5 марок, квартирная надбавка составляла от 12 до 40 марок и зависела от класса местности и семейного положения лица, нуждающегося в помощи [25. Л. 36–53]. Эти нормы соответствовали положению об удовлетворении прожиточного минимума, зафиксированные в апрельском приказе № 92 1947 г. [26. Л. 258–262].

Были расширены права застрахованных на обеспечение при несчастных случаях, связанных с производством. Застрахованному работнику было предоставлено право требовать с предпринимателя через трудовой суд возмещение всех убытков, вызванных несчастными случаями или профессиональными заболеваниями, связанными с производством, сверх возмещений, выплаченных органами социального страхования. Расходы по несчастным случаям и профессиональным заболеваниям полностью покрывались специальными взносами предпринимателей.

Лицам, жертвам нацизма и нетрудоспособным членам семей погибших жертв нацизма, которые имели право на социальное страхование, независимо от того, когда это право возникло, были предоставлены преимущества по страховому обеспечению. Таким лицам выплачивались любые полагающиеся денежные пособия на 50% выше, чем другим застрахованным. Предприниматели, нарушающие это положение, подвергались штрафу в размере до 5 000 марок, или

тюремному заключению, или обоим мерам наказания в совокупности [22. Л. 145–172].

Теневой стороной новой системы страхования стало повышение уровня «заболеваемости». Кроме пособия заболевший застрахованный работник получал врачебное лечение, медикаменты, протезы, лечение в санатории (не более 26 недель), зубоврачебную помощь [22. Л. 145–172]. Отсутствовал строгий, единый порядок в деле выдачи врачами справок об освобождении от работы. Органы здравоохранения устроились от этого дела, считая его прерогативой органов социального страхования, а последние не сумели взять его под свой полный контроль. Имела место практика доплат за дни болезни сверх выплачиваемых кассами социального страхования пособий в размере 50% заработка рабочего, еще 40% чистого заработка за счет предприятия. Для ликвидации этого явления с 1948 г. была введена единая форма документа об освобождении от работы по болезни – больничный лист. Право выдачи единых документов об освобождении от работы по болезни предоставлялось только врачам, работавшим на договорных началах с органами социального страхования. Кассы обладали правом привлекать к уголовной ответственности частных врачей за систематическое нарушение правил, данное деяние приравнивалось к саботажу. Предусматривались меры наказания для нарушителей: денежный штраф до 10 000 марок, лишение права частной практики на срок от 1 до 6 месяцев, лишение свободы на срок от 1 до 3 лет. Запрещались всякие доплаты предприятий за дни болезни сверх пособий, выплачиваемых кассами социального страхования [28. Л. 1–11].

По приказу № 234 от 9 октября 1947 г. на каждом предприятии, где работало более 40 рабочих и служащих, избирались уполномоченные социального страхования, которые были обязаны оказывать помощь заболевшим рабочим и служащим: посещать их на дому, в больнице или организовывать им необходимую врачебную и материальную помощь [29. Л. 36–76]. Для контроля над правильностью освобождения рабочих и служащих от работы по болезни была введена должность врачей-консультантов, и при каждой кассе создана врачебная комиссия. Теперь частный врач имел право освобождать от работы на срок не более 10 дней, и дальнейшее освобождение предоставлялось только с разрешения врача-консультанта. Кассы социального страхования не оплачивали больничные листы, если застрахованный человек при проверке оказывался здоровым. В результате предпринятых мер заболеваемость в зоне снизилась, уменьшились и расходы на выплату пособий. Так, в Саксонии в сентябре 1947 г. было 0,141 млн больных, в октябре болело 0,133 млн, в ноябре недомогало 0,119 млн человек [27. Л. 1–25]. Предпринятые меры способствовали укреплению трудовой дисциплины и снижению фиктивной заболеваемости среди работающих немцев. Следует отметить, что в области медицинского страхования, несмотря на запрет, продолжали действовать частные общества больничного страхования.

В ходе проверок работы социальных касс Отделом рабочей силы СВАГ выявлялись случаи растраты де-

нежных средств, ряд касс расходовали больше денег, чем собрали. На 1 декабря 1947 г. задолженность немецких финансовых органов органам социального страхования на выплату пособий и пенсий составила 100 млн марок. Причина недостатков крылась в плохом контроле зональных органов труда и финансов земель [30. Л. 52–53].

18 марта 1948 г. был подписан приказ № 44, предусматривающий улучшение обеспечения застрахованных лиц. Повышались пенсии: по инвалидности и старости – с 30 до 50 марок в месяц; вдовам и круглым сиротам – с 30 до 40 марок; пенсии сиротам, имеющим отца или мать, – с 10 до 20 марок. Была повышена доплата на детей к пенсии по инвалидности и старости с 10 до 17,5 марок на каждого ребенка, т.е. до полной стоимости набора продуктов по детской продовольственной карточке [31. Л. 232–236]. Повышенную пенсию получили теперь около 0,8 млн пенсионеров. Расширялась сеть домов отдыха и санаториев, путем передачи в пользование органам социального страхования замков и дворцов бывших помещиков, юнкеров, финансовых и промышленных магнатов (130 «объектов») [27. Л. 31–45]. Приказом № 18 от 17 февраля 1949 г. разрешалось повысить с 1 марта 1949 г. размер пособия по болезни для застрахованных рабочих и служащих во время их лечения в больнице или санатории для одиноких с 12,5 до 25%; для семейных – с 25 до 40% среднего заработка [32. Л. 84–85].

Сокращение числа получателей помощи, вызванное ликвидацией массовой безработицы, успехами в области здравоохранения и в обеспечении безопасности на производстве, а также в связи с ростом числа застрахованных лиц, были увеличены размеры выплат пособий и пенсий [33. Л. 413–442]. Так, если по состоянию на 1 сентября 1946 г. числилось 7,526 млн застрахованных [24. Л. 1–12], то в 1949 г. рассчитывали уже на 10,6 млн человек [33. Л. 413–442]. Вследствие этого роста увеличивались и финансовые накопления касс; так, если в 1946 г. доходы составляли 1 692,3 млн марок [19. Л. 118], то на 1949 г. был запланирован рост доходов до 3 129,4 млн марок [33. Л. 413–442]. Наличные выплаты застрахованным в 1946 г. составили 740,9 млн марок, в 1948 г. уже было выплачено 1,67 млрд марок. На лечение застрахованных и членов семей было израсходовано в 1946 г. 324,0 млн марок, в 1948 г. – 667,5 млн марок [19. Л. 120].

Из расчёта хозяйственного плана 1949–1950 гг., в который закладывали увеличение производства на 35%, рассчитывая на прирост работников по найму на 4% в 1949 г. [33. Л. 413–442], планировался рост доходов и расходов органов социального страхования. Расходы на пособия по болезни планировалось уменьшить в связи с расчетным снижением заболеваемости, при этом намечалось увеличение размера пособий по больничному и санаторному лечению, по беременности и родам, так как предполагали увеличение рождаемости в СГЗ Германии [Там же. Л. 443–452].

Таким образом, в 1945–1946 гг. специализированные структуры СВАГ в СГЗ смогли с некоторыми

ограничениями восстановить и даже расширить существовавший до капитуляции Германии уровень социальной защиты немцев с помощью социального страхования. Индивидуальные виды страхования объединялись теперь в один общий. Финансовое положение новых социальных касс укрепились посредством обязательности страховых взносов для наемных работников и предпринимателей, добровольности для остальных немцев, в результате централизации и сокращения аппарата управления и надзора, путем ограничения в обеспечении застрахованных (в пределах прожиточного минимума). Была узаконена дискриминация в оказании страхового обеспечения в отношении заподозренных в активной нацистской деятельности немцев. В условиях ограниченности финансовых ресурсов все эти усилия были направлены на обеспечение трудовыми ресурсами процесса репарационных поставок в СССР и создание положительного образа СВАГ и СССР в немецком обществе. Новое социальное страхование должно было мотивировать немцев к труду.

Процесс нарастания геополитического противостояния между СССР и Западом на рубеже 1946–1947 гг. потребовал ускоренной перестройки социально-экономических основ жизни общества в Восточной Германии по советскому образцу. В 1947–1949 гг. в СОЗ заработало новое социальное законодательство, которое закрепляло унифицированную, общезональную, коллективную систему социального страхования, концентрацию средств финансовой помощи в бюджетах земель. Устранялись преимущества в условиях страхования и страхового обеспечения служащих над индустриальными рабочими, расширялся социальный состав застрахованных, оказывалась особое внимание жертвам нацизма. Увеличение количества застрахованных и сокращение числа получателей помощи вели к систематическому и планомерному увеличению размера страховых пособий, при этом нормы их выплат ограничивались фиксированной величиной процента от заработной платы работающих и зависели от их трудового и страхового стажа. Новые законы распределяли социальный риск финансовых потерь между работодателями, наемными, другими работниками (взносы) и властями (субсидии). Социальное страхование способствовало укреплению трудовой дисциплины на производстве и

обеспечивало процесс восстановления трудовых ресурсов для растущих потребностей народного хозяйства СОЗ. Общественное управление социальных страховых касс становилось правом и обязанностью немцев и гарантировало их защиту от самоуправства работодателей. Планируемый рост доходов и расходов нового общественного страхования, изменение баланса страховых рисков, в том числе снижение до максимума риска наступления безработицы говорили о послевоенной тенденции к восстановлению благополучия восточногерманского общества.

В СОЗ Германии социальное страхование населения, сохранив основные признаки традиционной немецкой системы страхования (взносы физических и юридических лиц, самопомощь), переняло отдельные черты советской этатистской модели социального «страхования» (обеспечения). Во-первых, централизация управления, и надзор за работой исполнительных структур страхования, а также плановое, контролируемое распределение страховых ресурсов со стороны властей сильно ограничивали самоуправление страховых касс. Во-вторых, было проведено упрощение системы социального страхования через создание единого вида страхования, унификацию структур социального страхования. В-третьих, обязательное страхование (взносы) и уровень обеспечения (пособия) по нему в случаях изменения материального положения дифференцировались в зависимости от степени пролетаризации работников (классовый принцип). Ввиду покрытия страхованием, в том числе добровольным, всех социальных рисков, и с постепенным исчезновением рисков присущих рыночной системе хозяйствования (риск потери капитала) необходимость в частной системе страхования неуклонно снижалась. Приоритет принципа коллективной солидарности в формировании и перераспределении страховых ресурсов, исчезновение возможности выбрать индивидуальный вид страхования и нести по нему ответственность порождали взгляды на обязанность исключительно государства разрешать все социальные проблемы немцев. При этом новое социальное страхование, гарантировав страховое обеспечение, способствовало уменьшению социальной напряженности в немецком обществе в переходный период трансформации его социальной структуры в СОЗ Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Германии, 1945–1949: экономический аспект. Saarbrücken, 2011. 254 с.
2. Болдырев Р.Ю. Экономические реформы в Советской оккупационной зоне Германии // Этап – Экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 1. С. 88–105.
3. Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги. Ч. 1 // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 38–65.
4. Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Советская репарационная политика в Германии в 1945–1953 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 49–69.
5. Болдырев Р.Ю. Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях советской оккупации, 1945–1949 (на примере города Галле на Зале) // Германия: государство, общество, человек : сб. науч. статей / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово, 2015. (Сер. Германские исследования в Сибири. Вып. 9). С. 166–182.
6. Чередникова А.Ю. Процессы социальной трансформации и вовлеченность женщин в политическую жизнь страны: Германия 1919–1949 гг. // Сборник научных статей. Сер. Германские исследования в Сибири / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово, 2015. С. 97–105.
7. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово, 2014. 455 с.
8. Корнева Л.Н. Социальная политика и социальное государство в Германии XX века: континуитет, разрывы, развитие // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), Т. 3. С. 80–84.
9. Бетмакаев А.М. «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 3, № 2 (54). С. 21–25.

10. Арапина С.В., Корнева Л.Н. Идеология «Народного сообщества» как форма и средство консолидации нацистского режима в Германии // Вестник КемГУ. 2012. Т. 1, № 4 (52). С. 63–67.
11. Арапина С.В. Проблемы социальной политики национал-социализма 1933–1939 гг. // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2000. С. 14–17.
12. Арапина С.В. Германский трудовой фронт: создание и деятельность, 1933–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 239 с.
13. Арапина С.В., Ипатенко Е.В. Социальная практика национал-социалистического режима в Германии (довоенный период) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 3, № 2 (54). С. 7–11.
14. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2006. 675 с.
15. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 2. Baden-Baden, 2008.
16. Hockerts H.G. Sozialpolitische Entscheidungen im Nachkriegsdeutschland. Alliierte und deutsche Sozialversicherungspolitik 1945 bis 1957 / H.G. Hockerts. Stuttgart, 1980.
17. Hoffmann D. Sozialpolitische Neuordnung in der SBZ/DDR. Der Umbau der Sozialversicherung 1945–1956. München, 1996.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р. 7317. Оп. 50. Д. 10.
19. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 50. Д. 1.
20. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23. 06. 1931 г. «О социальном страховании» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3980#0> (дата обращения: 12.01.2018).
21. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 1.
22. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 9.
23. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 8.
24. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 29. Д. 1796.
25. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 50. Д. 12.
26. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 10.
27. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 50. Д. 23.
28. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 4. Д. 70.
29. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 13.
30. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 51. Д. 133.
31. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 14.
32. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 8. Д. 17.
33. ГАРФ. Ф. Р. 7317. Оп. 51. Д. 125.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2018 г.

The Health Care Reform in the Soviet Occupation Zone in Germany in 1945–1949: The Social Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 99–105.

DOI: 10.17223/15617793/440/13

Dmitry G. Balashov, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation).

E-mail: balashov.db@yandex.ru

Keywords: health care; SMAG; SOZ; health department.

This article deals with the policy of the Soviet Military Administration in Germany (SMAG) aimed at reforming the German health care system in the Soviet occupation zone (SOZ) in 1945–1949. The research was conducted on the basis of documents from the State Archive of the Russian Federation (GARF). The Soviet military authorities' efforts to transform the German health care system as a means of implementing social change in the German society in East Germany have not been previously studied in historiography. This publication presents joint activities of the health authorities of the SMAG and East Germany to counter epidemic threats, eliminate social causes of mass diseases and change the social structure of the German society. The study of the health care reform in its dependence on the changes in the general policy of the USSR in Germany constitutes the scientific novelty of this research. The practical implications of this article are determined by the applicability of historical experience in medical and sanitary measures for dealing with crisis phenomena in the modern society. The aim of the research is to analyze the reformation of the German health care system in the context of the SMAG's social policy in the SOZ in Germany in 1945–1949. The use of preventive, local and industrial principles of Soviet medicine enabled the German health care system to minimize the threat of mass diseases and the social basis of their spread in the SOZ in Germany (prostitutes, migrants). Unlike in the Soviet health care system, in the SOZ, treatment and its financing were separated. The SOZ Social Insurance Service compensated for the cost of the medical services used by insured Germans. The network of public inpatient and outpatient care institutions was expanding. Since 1947, the priority was given to the industrial principle of providing medical care for employees in the SOZ in Germany. In enterprises, being given the best medical care depended on an employee's performance. Hired workers provided reliable social support for the authorities in building socialism. The abandonment of the denazification policy helped to solve the personnel problem in the German health care system. The reform also changed the social structure of the German society. The proletarianization of medical staff intensified. Private medicine was to a significant extent replaced by public health care. The author concludes that the reformation of the German health care system in 1945–1949 influenced the social transformation of the German society in the SOZ in Germany, and those changes depended on the progress of the reformation itself.

REFERENCES

1. Boldyrev, R.Yu. (2011) *Sovetskaya okkupatsionnaya politika v Germanii, 1945–1949: ekonomicheskii aspekt* [Soviet occupation policy in Germany, 1945–1949: the economic aspect]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
2. Boldyrev, R.Yu. (2015) Economic reforms in Soviet occupation zone of Germany, 1945–1949. *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika – ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*. 1. pp. 88–105. (In Russian).
3. Boldyrev, R.Yu. & Nevskiy, S.I. (2014) Denezhnye reformy v poslevoennoy Germanii (1948): podgotovka, provedenie, itogi. Ch. 1 [Monetary reforms in post-war Germany (1948): preparation, implementation, results. Part 1]. *Ekonomicheskaya politika*. 5. pp. 38–65.
4. Boldyrev, R.Yu. & Nevskiy, S.I. (2017) Sovetskaya reparatsionnaya politika v Germanii v 1945–1953 gg. [Soviet reparation policy in Germany in 1945–1953]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 49–69.
5. Boldyrev, R.Yu. (2015) Povsednevnyaya zhizn' nemetskoj provintsii v usloviyakh sovetskoy okkupatsii, 1945–1949 (na primere goroda Halle na Zaale) [Daily life of the German province under the conditions of Soviet occupation, 1945–1949 (using the example of Halle)]. In: Korneva, L.N. (ed.) *Germaniya: gosudarstvo, obshchestvo, chelovek* [Germany: state, society, person]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

6. Cherednikova, A.Yu. (2015) Protsessy sotsial'noy transformatsii i vovlechenost' zhenshchin v politicheskuyu zhizn' strany: Germaniya 1919–1949 gg. [The processes of social transformation and the involvement of women in the political life of the country: Germany 1919–1949]. In: Korneva, L.N. (ed.) *Germaniya: gosudarstvo, obshchestvo, chelovek* [Germany: state, society, person]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
7. Korneva, L.N. (ed.) (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and social state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Korneva, L.N. (2013) Social policy and welfare state in Germany in the 20th century: continuity, ruptures, development. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2–3 (54). pp. 80–84. (In Russian).
9. Betmakaev, A.M. (2013) “Welfare dictatorship” (on the specificity of social policy in the GDR) *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2–3 (54). pp. 21–25. (In Russian).
10. Korneva, L.N. & Arapina, S.V. (2012) The ideology of “people’s community” as the form and the tool of consolidation of the Nazi regime in Germany (the example of the German Labour Front). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 4–1 (52). pp. 63–67. (In Russian).
11. Arapina, S.V. (2000) Problemy sotsial'noy politiki natsional-sotsializma 1933–1939 gg. [Problems of social policy of National Socialism, 1933–1939]. In: Zhigalov, B.S. et al. (eds) *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri* [European Studies in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University, pp. 14–17.
12. Arapina, S.V. (2006) *Germanskiy trudovoy front: sozдание i deyatelnost', 1933–1939 gg.* [European Studies in Siberia]. History Cand. Diss. Kemerovo.
13. Arapina, S.V. & Ipatenko, E.V. (2013) Social practice of the national socialist regime in Germany (pre-war period). *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2–3 (54). pp. 7–11. (In Russian).
14. Palamarchuk, E.A. (2006) *Sotsial'naya politika Tret'ego reykh* [Social Policy of the Third Reich]. History Dr. Diss. Rostov-on-Don.
15. Kleßmann, C. (Hg.) (2008) *Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945*. Band 2. Baden-Baden: Nomos Verlag.
16. Hockerts, H.G. (Hg.) (1980) *Sozialpolitische Entscheidungen im Nachkriegsdeutschland. Alliierte und deutsche Sozialversicherungspolitik 1945 bis 1957*. Stuttgart: Klett-Cotta Verlag.
17. Hoffmann, D. (1996) *Sozialpolitische Neuordnung in der SBZ/DDR. Der Umbau der Sozialversicherung 1945–1956*. München.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R. 7317. List 50. File 10. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R. 7317. List 50. File 1. (In Russian).
20. Consultant.ru. (1931) *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 23. 06. 1931 g. “O sotsial'nom strakhovanii”* [Decree of the Central Election Commission of the USSR, SNK of the USSR of 23.06.1931 “On Social Insurance”]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3980#0>. (Accessed: 12.01.2018).
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 1. (In Russian).
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 9. (In Russian).
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 8. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 29. File 179b. (In Russian).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 50. File 12. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 10. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 50. File 23. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 4. File 70. (In Russian).
29. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 13. (In Russian).
30. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 51. File 133. (In Russian).
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 14. (In Russian).
32. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 8. File 17. (In Russian).
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P. 7317. List 51. File 125. (In Russian).

Received: 13 November 2018

А.В. Гордиенко

СРЕДНЕВЕКОВОЕ БАТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ БОРОВИКОВО

Рассматриваются результаты раскопок средневекового городища Боровиково и дана их интерпретация. Задачи данной статьи – проанализировать морфологию, структуру и содержание памятника, охарактеризовать его керамический комплекс. В результате анализа керамического комплекса установлено, что он распадается на две этнокультурные группы. Первая группа керамики (шнуро-гребенчатая) отнесена к батырской культуре, вторая группа керамики (гребенчатая) – к молчановской культуре.

Ключевые слова: Зауралье; эпоха средневековья; городище; керамический комплекс; предметный комплекс; капище; батырская культура.

Городище Боровиково расположено на коренном берегу р. Боровушка (приток р. Ницы, которая впадает в р. Тура), близ дер. Боровикова Байкаловского района Свердловской области (рис. 1).

Городище по форме округлое, имеет оборонительную систему (ров-вал, двойной со стороны реки), жилищные западины с обваловкой на жилищной площадке и примыкающее с востока селище из таких же трех западин с обваловкой. Ров шириной до 3 м, глубиной до 2 м, вал высотой до 2,5 м, шириной до 4 м. В южной части вала вход в виде углубления размерами 2×3 м, глубиной 1 м. На жилищной площадке городища прослеживаются семь округлых западин, расположенных вдоль вала, одна – в центре (см. таблицу). Площадка городища покрыта ямами антропогенного происхождения (по словам местных жителей, они оставлены детьми, которые здесь играли). Отличительной чертой фортификации городища является наличие дополнительного вала со стороны реки. Практически все средневековые городища Зауралья не защищены в береговой части, где мог быть один из подходов к воде.

В ландшафтном отношении городище Боровиково находится в предгорной части лесного Зауралья. Растительность на памятнике и прилегающей к нему территории в верхнем ярусе – смешанный лес (сосна, осина, береза), в нижнем ярусе – лесные травы (папоротник и др.) и подстилка (хвоя, шишки и пр.). Заросли малины густо покрывают примыкающую к городищу территорию.

В результате раскопок городища Боровиково в 2017 г. установлен однослойный характер памятника. Раскоп площадью 41 кв. м был заложен в юго-восточной части городища, где охватил жилище и часть вала. До раскопок жилище представляло собой западину (размерами 1,8×2,1 м, глубиной 0,4 м) с обваловкой (размерами 1,5–1,7 м, высотой 0,4 м), которая располагалась у вала. Жилищная площадка городища до постройки жилых конструкций была обожжена – прослежена угольная сплошная полоса, 2–3 см по всей площади раскопа. Поверх обжига насыпан слой материковой супеси мощностью 20 см. Она являлась основанием для жилых построек. Изученное жилище представляло собой полуземлянку, котлован которой углублен на 25–30 см, площадью

около 17 кв. м. В жилище зафиксирована хозяйственная зона, производственная и нары. Вход располагался в восточной стене жилой постройки. Справа от входа зафиксирован Очаг. Возле него, ближе к входной части отмечена хозяйственная часть жилища с большим количеством костей животных от разделки их туш. К западу от Очага прослежена производственная зона со следами плавки бронзы. В юго-западной части жилища располагались нары в виде материкового останца. Южная часть жилища имела общую стену с валом. Крыша жилища была обмазана глиной.

Прослежена подсыпка вала: сначала жилищная площадка была окружена валом высотой 1 м, затем он подсыпан еще на 2 м. Вал из серо-желтой супеси, с линзами из подсыпанной глины и обмазкой глиной.

Изученный культурный слой и рельефно выраженные элементы памятника археологии относятся к эпохе средневековья, батырской археологической культуре, VI–IX вв. Культурно-хронологическая принадлежность определена по датирующим находкам, особенностям орнамента керамики, сосудов, планиграфическим и стратиграфическим условиям.

Примыкающее к городищу селище состоит из трех западин с обваловкой. Также три приподнятые площадки отмечены у юго-восточной части памятника и еще четыре таких же объекта – в 50 м к 3 от городища. Скорее всего, по морфологическим признакам они не относятся к периоду обитания городища и имеют иную культурно-хронологическую принадлежность. По ним проходит грунтовая лесная дорога, частично их разрушившая, осмотр которых материалов не дал. Однако они могут относиться и ко времени существования городища, но вследствие другого предназначения, например производственно-хозяйственного, были иным типом построек – приподнятыми площадками, которые являются остатками построек наземного типа (типа летнего чума). В пользу их синхронности говорит отсутствие в материалах раскопок археологических предметов других эпох (раскоп располагался примерно в 10 м от приподнятых площадок № 11–12).

Открыто в 1962 г. отрядом Уральской археологической экспедиции В.Д. Викторовой [1. С. 22].

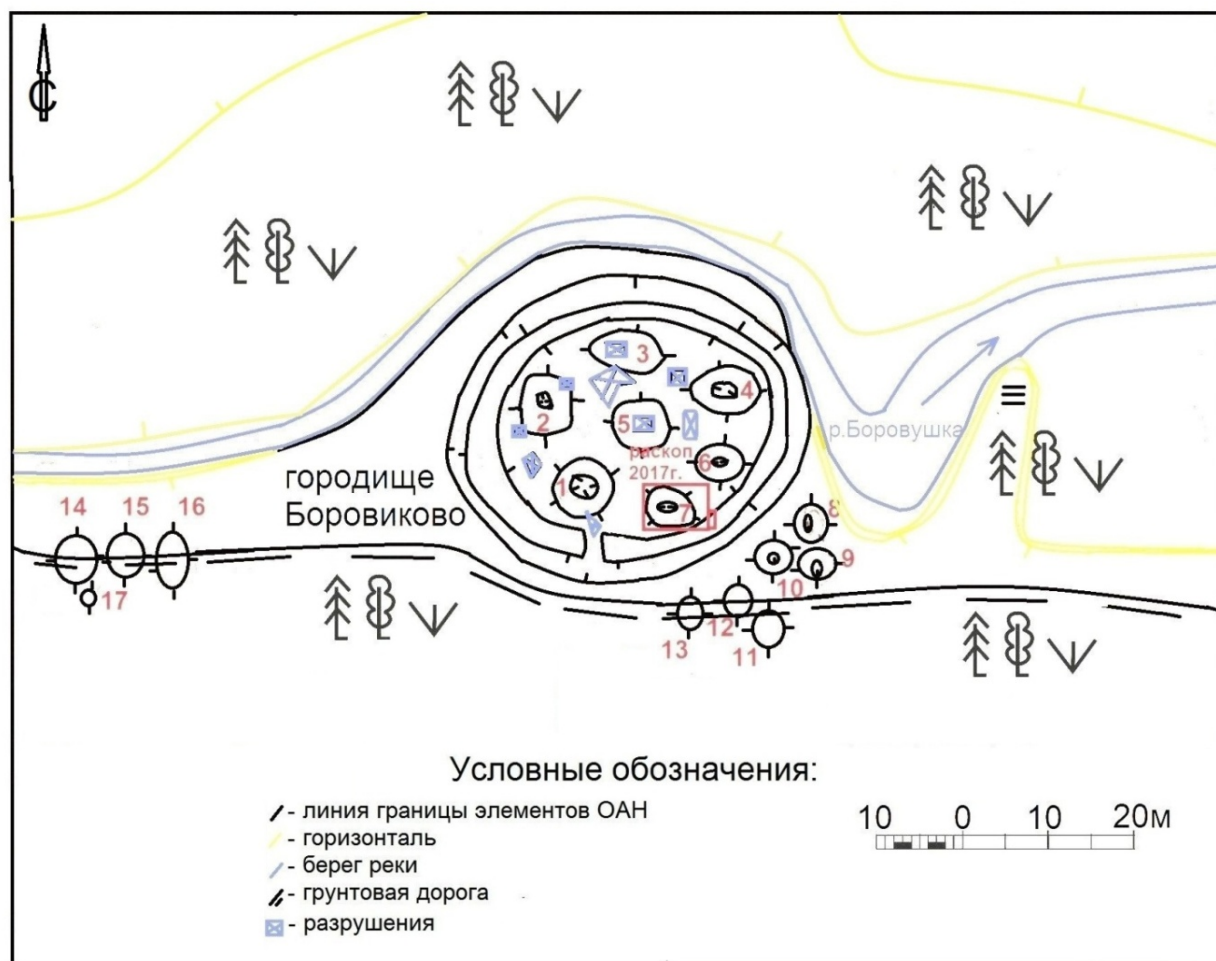

Рис. 1. План городища Боровиково

Ширина р. Боровушка в месте расположения памятника составляет до 5 м, но городище имеет со стороны реки двойной ров и вал, т.е. более сильное укрепление, чем с напольной стороны, что говорит о том, что во время функционирования городища существовала опасность нападения со стороны реки и она была более полноводной. Об этом свидетельствует также расположение в 200 м к востоку от раскопанного городища Боровиково, по берегу протоки Боровушка, где она образует излучину, еще трех памятников археологии. На этой излучине находятся два городища и поселение из приподнятых площадок. Осмотр разрушений их грунтовой дорогой материалов не дал, но по морфологическим признакам эти ОАН могут быть отнесены к эпохе раннего железного века – эпохе бронзы. В 200 м к западу от раскопанного городища Боровиково, по берегу протоки Боровушка, находится еще один памятник археологии – поселение из западин, также с не установленной культурно-хронологической принадлежностью. Этот факт (расположение рядом с раскопанным городищем Боровиково других объектов археологического наследия) говорит о ее большей полноводности в древности и выполнении жизнеобеспечивающей функции.

В результате раскопок городища Боровиково получена коллекция, насчитывающая 1 872 предмета, среди которых представлены изделия из глины, кам-

ня, дерева, кости, бронзы, железа. Из них 1 805 предметов – массовые находки, 67 – индивидуальные.

Массовые находки составляют 1 805 предметов, в числе которых венчики керамических сосудов орнаментированные (89 ед.), стенки керамических сосудов орнаментированные (37 ед.), стенки керамических сосудов неорнаментированные (241 ед.). Выделено два днища сосудов, они круглодонные, некоторые из других обнаруженных неорнаментированных фрагментов также могли являться частью доньев. Большая часть неорнаментированной керамики является фрагментами стенок сосудов.

Кости домашних и диких животных, целые и фрагментированные, – 208 шт., зубы лошади – 6 шт., фрагменты челюсти лошади с зубами – 1 шт., кость рыбы – 2 ед., челюсть животного – 4 ед., шлак – 16 шт., глиняная обмазка – 102 шт.

В керамическом комплексе городища, по венчикам выделено 70 сосудов (все представлены на рисунках). По форме сосуды горшковидные, чаши единичны, все круглодонные. Для шеек характерно утолщение в средней части, в результате чего получалась ее округлая форма изнутри сосуда. Внешняя и внутренняя стороны гладкие, редко встречаются радиальные полосы изнутри шириной 4–5 мм. Диаметр по горловине от 6 до 38 см. В глиняном тесте прослеживается естественная примесь песка, 10% – с примесью талька. Обжиг равномерный, цвет черепка – серый, серо-желтый.

Коллекционная опись массовых находок (выборка) из раскопок городища Боровиково в 2017 г.

№ п/п, шифр	Наименование	Сектор	Квадрат	Горизонт	Глубина
3	Венчик керамического сосуда	3	Б-2	Поддерн	-40
80-81	Венчик керамического сосуда	2	Е-2	Поддерн	-40
82	Венчик керамического сосуда	4	Г-5	Поддерн	-40
342	Венчик керамического сосуда	4	Е-6	3	-80
343	Венчик керамического сосуда	4	Е-6	3	-80
344	Венчик керамического сосуда	4	Е-6	3	-80
345	Венчик керамического сосуда	3	В-4	4	-100
346	Венчик керамического сосуда	3	В-4	3	-80
347-348	Венчик керамического сосуда	4	Е-4	3	-80
353	Венчик керамического сосуда	3	В-4	4	-100
388	Венчик керамического сосуда	3	Б-4	4	-100
407	Венчик керамического сосуда	2	Д-1	4	-100
408	Венчик керамического сосуда	2	Д-1	5	-110
413	Венчик керамического сосуда	3	Б-6	4	-100
427	Венчик керамического сосуда	3	В-5	4	-100
460	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	4	-100
490	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	5	-120
471	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	4	-100
537	Венчик керамического сосуда	4	Г-5	4	-100
538	Венчик керамического сосуда	3	Б-5	5	-120
539	Венчик керамического сосуда	3	Б-5	5	-120
540	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	4	-100
541	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	4	-100
542	Венчик керамического сосуда	1	В-2	4	-100
545	Венчик керамического сосуда	2	Д-2	5	-120
614-615	Венчик керамического сосуда	3	В-4	5	-120
692	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	4	-100
709	Венчик керамического сосуда	3	А-6	6	-140
710	Венчик керамического сосуда	1	Б-1	3	-80
774	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	5	-120
775	Венчик керамического сосуда	3	Б-6	6	-140
953-954	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	7	-160
964-965	Венчик керамического сосуда	3	В-6	7	160
1 007	Венчик керамического сосуда	4	Д-6	7	-160
1 043	Венчик керамического сосуда	2	Д-2	9	-210
1 098	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	8	-180
1 100	Венчик керамического сосуда	4	Е-5	8	-180
1 101	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	8	-180
1 108	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	9	-190
1 111	Венчик керамического сосуда	4	Д-5	8	-180
1 172	Венчик керамического сосуда	4	Д-4	8	-180
1 176-1 177	Венчик керамического сосуда	4	Д-6	8	-180
1 252	Венчик керамического сосуда	2	Г-1	12	-260
1 290	Венчик керамического сосуда	4	Д-6	9	-200
1 301	Венчик керамического сосуда	2	Г-3	13	-280
1 318	Венчик керамического сосуда	2	Д-2	14	-300
1 340	Венчик керамического сосуда	2	Д-1	15	-320
1 382	Венчик керамического сосуда	1	В-2	12	-260
1 382	Венчик керамического сосуда	1	В-2	11	-240
1 399	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60
1 400	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60
1 402	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60
1 404	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60
1 405	Венчик керамического сосуда	3	Г-6	Бровка	-60
1 406	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60
1 407	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-60

1 464	Венчик керамического сосуда	3	Г-7	Бровка	-70
1 465	Венчик керамического сосуда	3	Г-7	Бровка	-70
1 466	Венчик керамического сосуда	3	Г-7	Бровка	-70
1 472	Венчик керамического сосуда	3	Д-6	Бровка	-110
1 500	Венчик керамического сосуда	1	Г-1	Бровка	-90
1 513	Венчик керамического сосуда	1	Г-1	Бровка	-90
1 532	Венчик керамического сосуда	1	Г-1	Бровка	-100
1 557	Венчик керамического сосуда	3	Г-5	Бровка	-100
1 723	Венчик керамического сосуда	4	Е-3	Бровка	-100
1 724	Венчик керамического сосуда	2	Г-4	Бровка	-100
1 747	Венчик керамического сосуда	2	Г-4	Бровка	-60
1 778	Венчик керамического сосуда	2	Г-4	Бровка	-135

Примечание. Приводится информация о распределении венчиков керамических сосудов, по которым выделены сосуды. Графы «Сектор» и «Квадрат» указывают на место в границах раскопа. «Горизонт» – это 20 см земли (культурного слоя). «Глубина» отсчитывается с -40, т.е. это уровень современной дневной поверхности. Например, находка на условной глубине -180 находилась на глубине -140 от современной поверхности.

По форме сосуда: горшки с отогнутой шейкой (60%), горшки с прямой шейкой (30%), горшки со слабой профилировкой в переходе от шейки к тулову (3%), чаши (7%).

Венчики, скошенные вовнутрь (45%), прямые (40%), скошенные вовнутрь с карнизиком (7%), прямые с карнизиками снаружи и изнутри (4%), сглаженные (4%).

Орнаментированы венчики гребенкой сверху среза венчика (75%), его декорировка отсутствует у 17 сосудов.

Третью сосудов (21 шт.) не имеет ямочно-жемчужной зоны, у 65% она представлена горизонтальной полосой ямок-наколов в верхней части шейки, которые образуют с внутренней стороны сосуда округлые выпуклые «жемчужины». На 5% сосудов ямки нанесены изнутри, образуя снаружи «жемчужины».

Многие сосуды имеют следы ремонта – попарно просверленные отверстия, сквозь которые продевалось металлическое (скоба) или органическое (петля из веревки) крепление, стягивавшие расколотые (с трещинами) горшки (рис. 3, 11, 13, 18). Такая посуда предназначалась уже не для готовки, но для хранения только сухих продуктов. Встречается также посуда со слоем нагара.

Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда, по плечико. Техника нанесения орнамента – отпечатывание (шнур); штампование и реже – отступление гребенкой. Тип орнаментации керамического комплекса – шнуро-гребенчатый. Шнур в парных или тройных отпечатках вправо, отсутствует влево. Зафиксировано отпечатывание шнура в 1 линию (1 раз), 2 линии (22 раза), 3 линии (12 раз), 4 линии (2 раза), 6 линий (3 раза), 7 линий (1 раз), 8 линий (12 раз), 9 линий (1 раз), 12 линий (1 раз), 13 линий (1 раз) 14 линий (1 раз), «тройной» шнур (21 раз). Таким образом, преобладает горизонтальное деление орнаментального поля парным шнуром (22 сосуда), в два раза меньше такое разделение происходит тремя линиями шнура (12 сосудов). Если шнур составлял основу орнаментальной схемы, он наносился в 8 линий. «Тройной» шнур в обоих вариантах (и как разделитель, и как основа) составляет половину этих композиционных схем. По внешнему виду преобладает шнур мелкий (0,2–0,3 мм), реже – средний (0,3–0,4 мм), нанесен всегда в виде горизон-

тальных линий. Вторая его разновидность – диагональный шнур («тройной», по одному случаю «четверной», «пятерной»), состоящий из трех продолговатых частей, нанесенных по диагонали. Чаще всего он располагается между парными шнуровыми полосами или сочетается с полосами крестов (реже и / или сетки) и / или зигзагов.

Гребенка средних размеров (длиной 1–1,5 см, шириной 2–3 мм), с прямой, реже косой насечкой зубцов (3–6). Ее отпечатки образуют горизонтальные полосы наклонных (вправо или влево) или прямых отпечатков, зигзаг, ёлочку, кресты, сетку, горизонтальные слитные линии.

По типу орнамента можно выделить 2 группы сосудов:

1. Первая группа – сосуды с отпечатками шнура и гребенки (70%, 43 сосуда; рис. 2; 3; 4, 1–17).

2. Вторая группа – сосуды, орнаментированные только отпечатками гребенки (25%, 21 сосуд; рис. 5, 3–21).

Пять сосудов с фигурными штампами: на 4 – «круг» (рис. 4, 18–20; 5, 1), на одном – уголок (рис. 5, 6); один – только с «жемчужинами» (рис. 5, 2), два сосуда совсем не орнаментированы (рис. 4, 21–22; итого 5%).

В первой группе (шнуро-гребенчатая) можно выделить ряд подгрупп, сосуды:

– с полосами крестов, которые иногда образуют сетку, из гребенки (14 шт., из них 6 с «тройным» шнуром; рис. 2, 1; 3, 2–14);

– полосами зигзага из гребенки (8 шт.; рис. 2, 2–3; 3 – 7, 10, 12, 14; 4, 13, 17);

– полосами прямой и / или наклонной гребенки (14 шт., из них 3 с «тройным» шнуром; рис. 2, 6; 3, 1; 4, 6–17);

– отпечатками гребенки по срезу венчика и «тройным» шнуром (3 шт.; рис. 2, 5; 4, 1–5);

– полосой елочки из гребенки (1 шт.; рис. 2, 4);

– отпечатками только шнура (5 шт.; рис. 3, 15–19).

Отмеченные разновидности выделены условно, по ведущему мотиву в орнаменте, они сочетаются (например, кресты и зигзаг; рис. 3, 7), взаимозаменяются (например, кресты переходят в зигзаг) (рис. 3, 10, 12). Почти все разновидности дополнены полосами прямой и / или наклонной гребенки по тулову и / или венчику (рис. 2, 4).

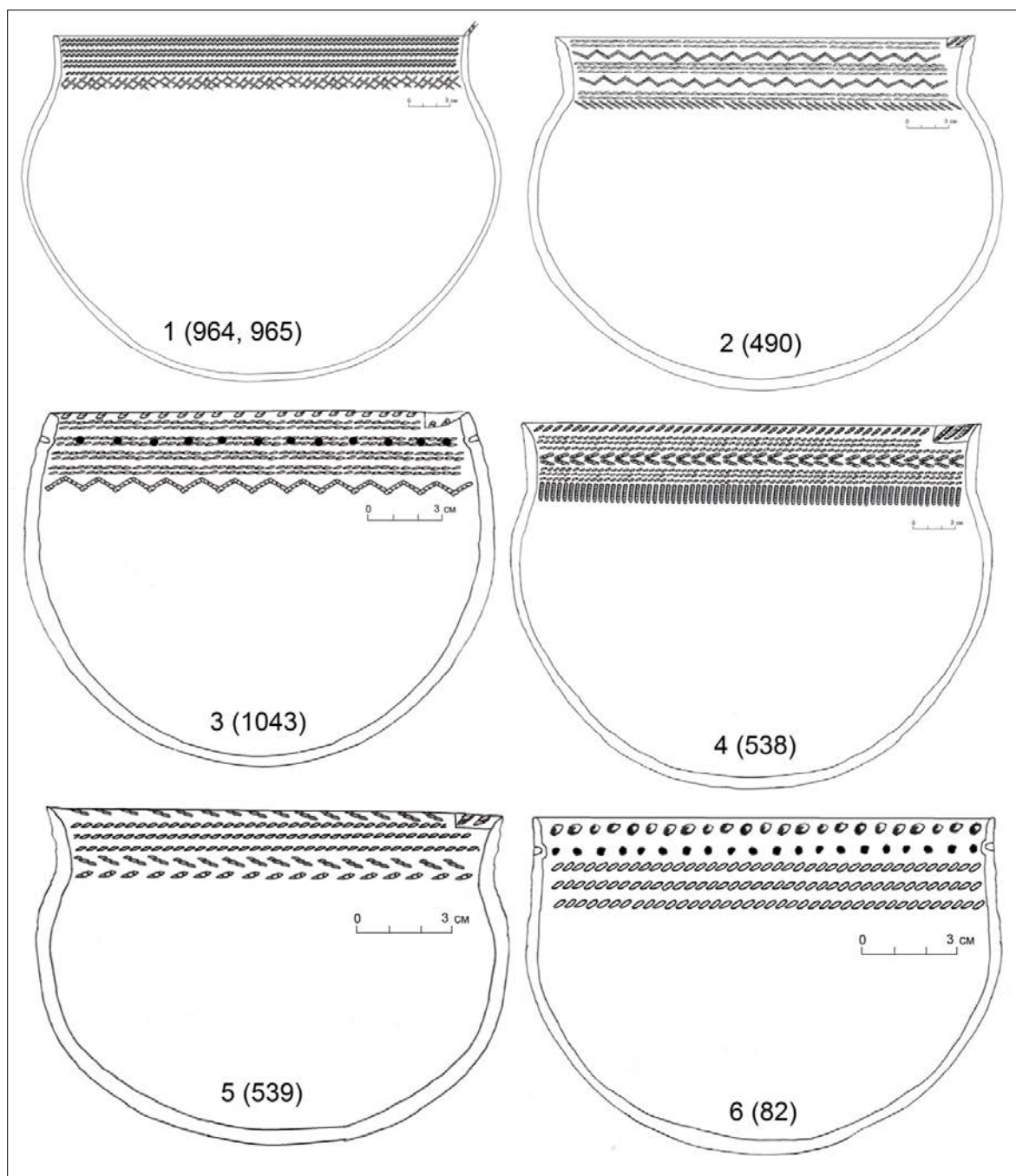

Рис. 2. Первая группа. Шнуро-гребенчатая керамика батырской культуры городища Боровиково
(в скобках указан номер по приведенной в данной статье описи)

Вторую группу (гребенчатая) составляют сосуды:

- с горизонтальной елочкой: 1 полоса (3 раза); 1,5 полосы (1 раз);
- рядами гребенки, нанесенными друг над другом: 1 ряд (6 раз), 2 ряда (2 раза), 3 ряда (1 раз);
- линиями из горизонтальных слитно нанесенных отпечатков гребенки: 1 линия (1 раз), 2 линии (1 раз), 3 линии (2 раза), 4 линии (1 раз), 5 линий (2 раза), 6 линий (1 раз);
- зигзагом из гребенки (1 раз).

На одном сосуде на шейки оттиски наклонных столбиков из гребенки, на другом – гребенчатый меандр.

Исследователями доказано, что весь орнамент символичен и содержит смысловое наполнение.

Считается, во-первых, что штамп «гребенка» символизирует водную стихию, рябь, и волны воды – зубцы гребенки. Во-вторых, зубчатость гребенки может быть связана с сосновым лесом, иглами. То есть штамп «гребенка» может быть отражением присваивающего хозяйства – рыболовства, охоты и собирательства. Оттиски шнура соотносятся с путами и упряжью коня и отражают отрасль производящего хозяйства – животноводство (коневодство). Сочетание на одном сосуде отпечатков гребенки и оттисков шнура, таким образом, является отражением жизнеобеспечения, которое заключалось в сочетании присваивающего и производящего хозяйства.

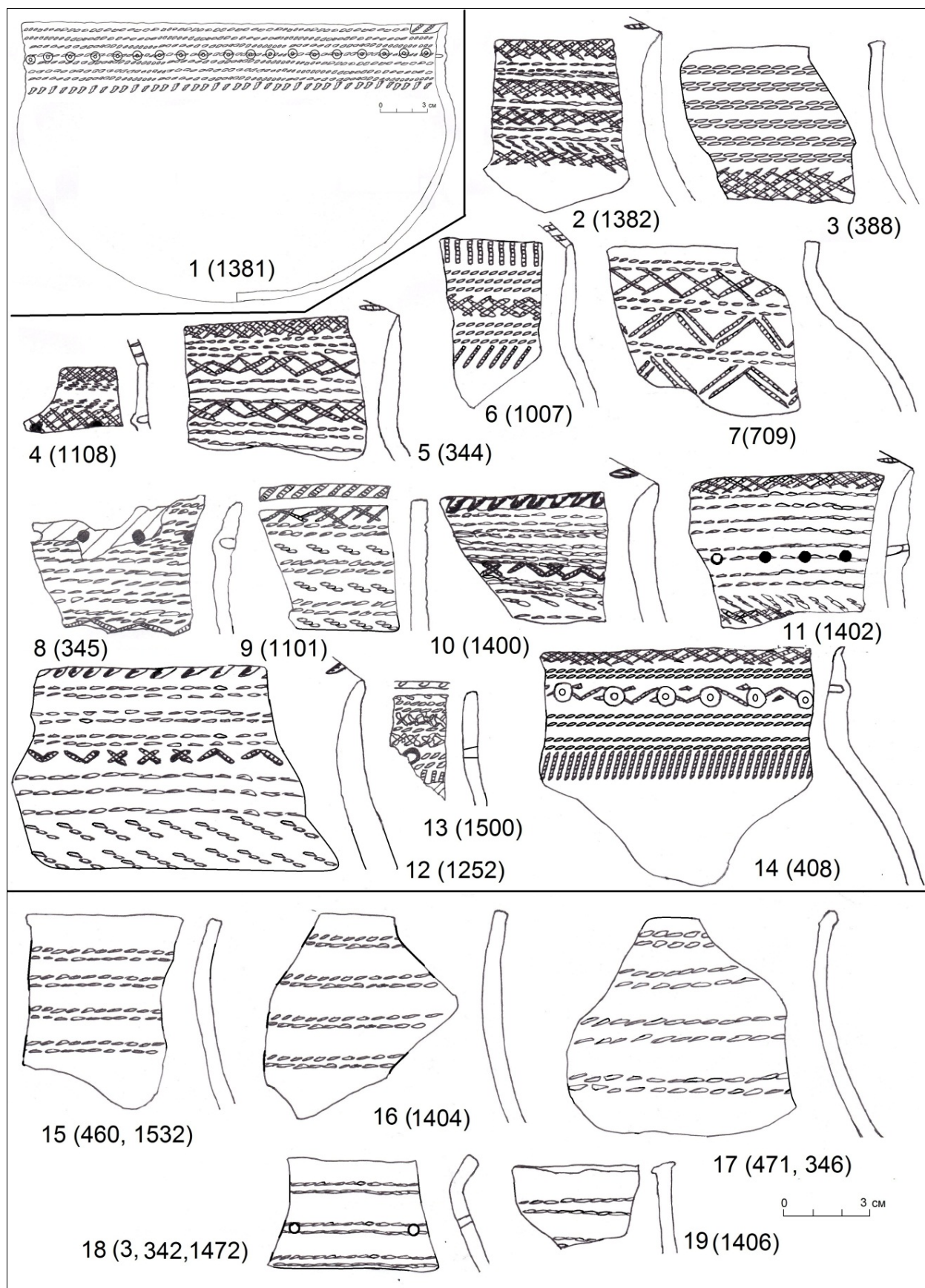

Рис. 3. Первая группа. Шнуро-гребенчатая (1–14) и шнуровая (15–19) керамика батырской культуры городища Боровиково (в скобках указан номер по приведенной в данной статье описи)

Можно представить характерный тип батырского сосуда – это круглодонный горшок с прямой или отогнутой шейкой, утолщенной посередине, без ямок, с орнаментацией прямого венчика гребенкой. Орнамент – шнуровые оттиски, дополненные полосами из гребенки в виде линии крестов (сетки) или зигзага.

Подобная керамика находит ближайшие аналогии в средневековом комплексе Кокшаровского холма, датирующегося VII–VIII вв. [6. С. 119–129. Рис. 2].

По керамике из раскопок прослеживаются этнокультурные контакты батырской культуры с молчановской, что подтверждается взаимовстречаемостью выделенных групп молчановской керамики [2. С. 34–41] с группами керамики из раскопок.

Первая, преобладающая (70%), шнуро-гребенчатая группа керамики из раскопок соответствует третьей группе молчановской керамики [Там же. С. 36].

Вторая группа (25%) гребенчатой керамики из раскопок соответствует второй группе молчановской керамики [Там же. С. 35].

При этом в молчановской керамике представлены все подгруппы данных групп.

Сосуды с фигурными штампами батырской культуры из раскопок (5 шт.) соответствуют первой группе молчановской керамики и требуют отдельного рассмотрения и анализа.

Первый горшок (рис. 5, 6) с короткой отогнутой шейкой, серо-желтого цвета, диаметром 30 см по венчику, толщина черепка 5 мм, в глиняном тесте прослеживаются, кроме естественной примеси песка, фракции слюды, обжиг равномерный, стенки заглажены с обеих сторон, с внутренней – штрихи-полосы от выравнивания твердым предметом. Венчик скошен внутрь, орнаментирован гребенкой с внешней стороны. Ямочно-жемчужная зона в верхней части шейки представлена рядом округлых ямок, которые с внутренней стороны образуют выпуклости – «жемчужины».

Орнамент в верхней части шейки – ряд прямых оттисков гребенки, под которой две полосы из слитных отпечатков гребенки в отступающей технике, образующих рельефную линию (который является этномаркирующим декором молчановской керамики). Под ними – ряд оттисков уголка, который оконтуривают снизу аналогичные вышеописанным рельефные полосы гребенки. Под ними снова ряд уголков. Такой орнамент соответствует декору второй подгруппы первой группы молчановской керамики VI–IX вв. [2. С. 35].

Вторая чаша (рис. 4, 20) серого цвета, диаметром 26 см по венчику, толщина черепка 5–6 мм, в глиняном тесте прослеживается естественная примесь песка, обжиг равномерный, стенки заглажены с обеих сторон. Венчик скошен внутрь и орнаментирован гребенкой. Ямочно-жемчужная зона представлена рядом наколов изнутри, которые с внешней стороны образуют выпуклости – «жемчужины».

Орнамент представлен в верхней части шейки двумя линиями круглого (пуансонного, от поллой трубочки) штампа. Этим же штампом орнаментирован еще один сосуд, рассматриваемый далее. Нужно отметить, что в данном случае (на обоих фрагментах)

круглый (пуансонный, от поллой трубочки) штамп отличается четкостью отпечатков, что позволило заявить исследователям о наличии металлических орнаментов, которыми орнаментировались глиняные женские фигурки в сидячей позе (Федорова, 1979). Орнамент из железа «гребенка» с семью зубцами есть в молчановской культуре [4. С. 63. Рис. 1, 7], что говорит о начале использования металлических орнаментов в VI–IX вв. Такая традиция просматривается на упоминавшихся выше глиняных женских фигурках в сидячей позе, с пуансонным орнаментом, который имитировал женскую верхнюю одежду (парка); они относятся к последующей юдинской культуре (X–XIII вв.).

Третий горшок (рис. 5, 1) с короткой отогнутой шейкой, серо-желтого цвета, диаметром 28 см по венчику, толщина черепка 4 мм, в глиняном тесте прослеживаются, кроме естественной примеси песка, фракции слюды, обжиг равномерный, стенки заглажены с обеих сторон. Венчик прямой со сглаженными сторонами, образующими закругленность, неорнаментирован. Ямочно-жемчужная зона отсутствует.

Орнамент оригинален и сложен. В верхней части короткой отогнутой шейки нанесена линия из слитных горизонтальных отпечатков мелкозубой гребенки. Под ней, в месте резкого перехода шейки в тулово две полосы из плотную отпечатанного круглого (пуансонного, от поллой трубочки) штампа, которые создают вид волнистой линии. Под этими двумя полосами декора располагается третья, центральное орнаментальное поле. Оно состоит из отпечатков круглого (пуансонного, от поллой трубочки) штампа в виде ромба. В эти ромбы вписаны ромбы из четырех отпечатков круглого (пуансонного, от поллой трубочки) штампа.

Все отмеченные элемента орнамента представлены на сосудах молчановской культуры. Первый – горизонтальные отпечатки гребенки, второй – из оттисков фигурных штампов в виде горизонтальной полосы, которые создают вид волнистой линии, третий – мотив ромба в орнаменте. Развитие в Зауралье штампа «ромб» рассмотрено мной в одной из публикаций [5. С. 118].

Четвертая чаша (рис. 4, 18) серого цвета, диаметром 30 см по венчику, толщина черепка 5–6 мм, в глиняном тесте прослеживается естественная примесь песка, обжиг равномерный, стенки заглажены с обеих сторон. Венчик прямой со сглаженными сторонами, образующими закругленность, орнаментирован гребенкой. Ямочно-жемчужная зона представлена рядом наколов изнутри, которые с внешней стороны образуют выпуклости – «жемчужины». При этом двумя такими же штампами (ямочными) эта полоса «жемчужин» соединяется с еще одной линией «жемчужин», проходящей ниже. Таким образом, на данном сосуде представлен ямочно-жемчужный орнамент, нанесенный изнутри.

Появление на городище населения, которое изготавливало сосуды, орнаментированные ямочно-жемчужным орнаментом, также связано с молчановской культурой.

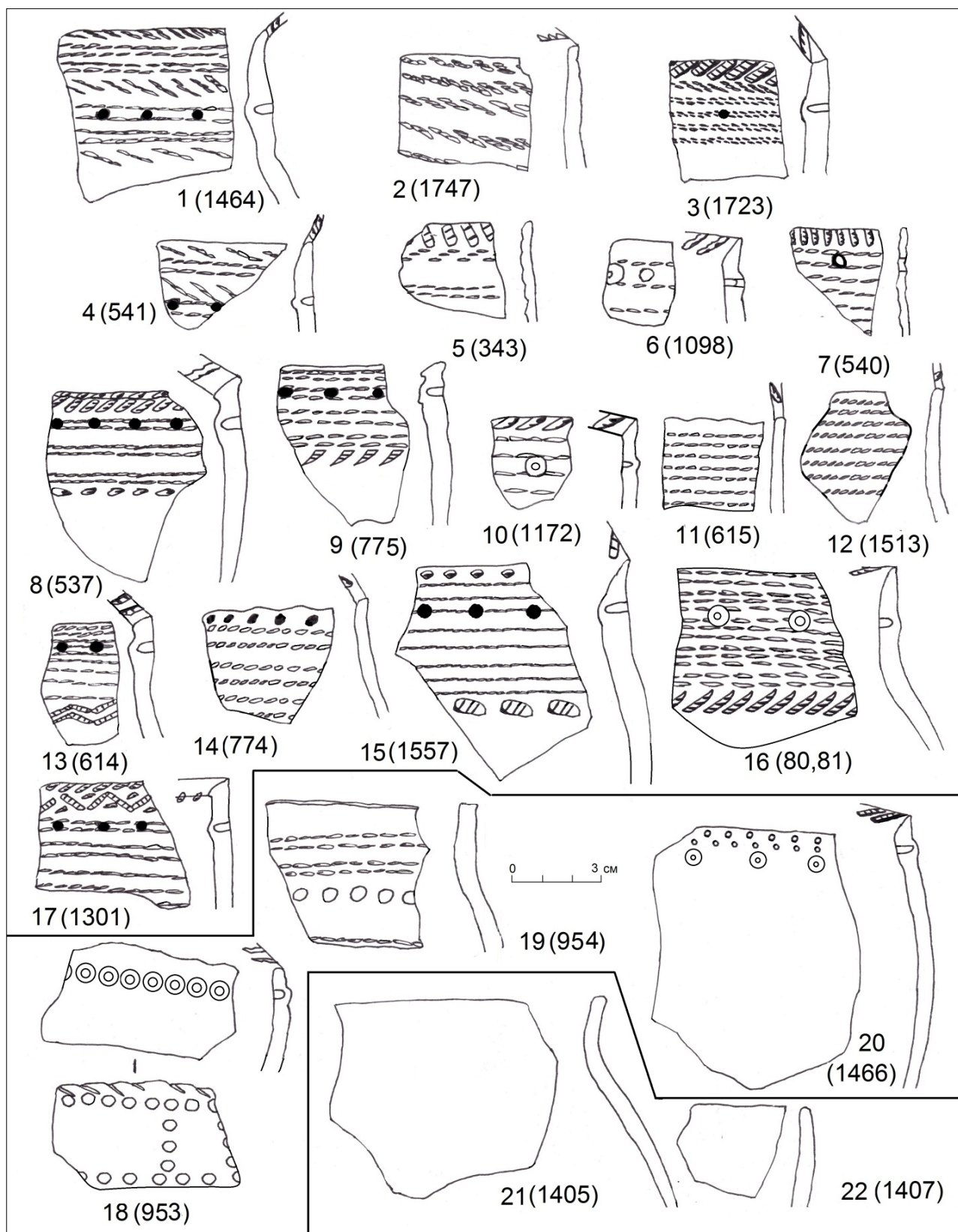

Рис. 4. Первая группа – батырская керамика (1–17) – и вторая группа – молчановская керамика (19–22) – из городища Боровиково (в скобках указан номер по приведенной в данной статье описи)

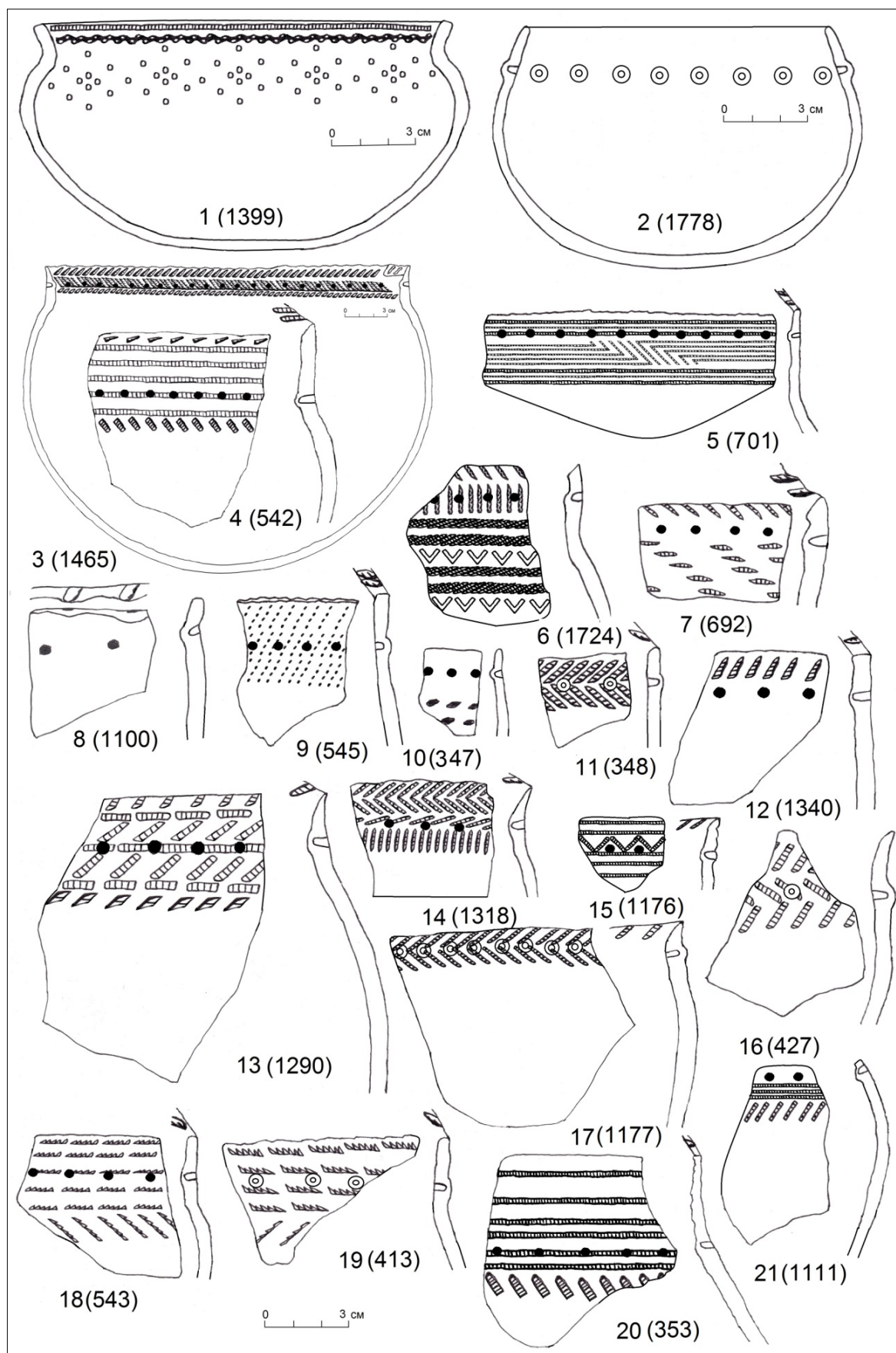

Рис. 5. Вторая группа. Молчановская керамика с фигурными штампами (1, 6), неорнаментированная (2) и гребенчатая (3–5, 7–21) из городища Боровиково (в скобках указан номер по приведенной в данной статье описи)

Пятый горшок (рис. 4, 19) с отогнутым венчиком, серого цвета, диаметром 30 см по венчику, толщина черепка 5–6 мм, в глиняном тесте прослеживается естественная примесь песка, обжиг равномерный, стенки заглажены с обеих сторон. Венчик прямой, с внутренней стороны сглажен, с внешней – небольшой технологический карнизик, неорнаментирован. Ямочно-жемчужная зона отсутствует. Орнамент в верхней части шейки – две полосы парного шнура, под которыми неровный ряд оттисков круглого штампа (по-видимому, неровность отпечатков – только часть композиции). Под этой полосой – линия шнура (скорее всего, являющаяся частью декора в виде двойных парных шнуров).

Все эти сосуды с фигурными штампами соответствует декору седьмой подгруппы первой группы молчановской керамики VI–IX вв. Штамп «круг» относится к так называемым редким фигурным штампам, которые ведут свое происхождение из керамики зеленогорского этапа (VI–VII вв.) нижеобской культуры.

Некоторые исследователи отмечают отличия керамических сосудов, обнаруженных в пределах жилища и его зон (околоочажная, предвходовая и др.), и межжилищного пространства. В данном случае этот факт отсутствует, керамика распределена равномерно в пределах раскопа, исследованного жилища и межжилищного пространства по площади и глубине. Иногда фрагменты одного сосуда обнару-

жены как в границах жилища, так и за его пределами. Это прослеживается при сравнении изображенных на рисунках сосудов с Описью массовых находок (см. таблицу).

Таким образом, керамический комплекс из раскопок городища Боровиково, демонстрирует синтез молчановской и бытырской культур. В частности, он прослежен по орнаментации керамики. Влияние молчановской орнаментальной традиции на шнурогребенчатую керамику городища Боровиково также прослеживается в широком распространении ямочно-жемчужной зоны, орнаментации среза венчика. Для керамического комплекса городища Боровиково характерна выгнутость шейки, которая также может быть связана с влиянием молчановской орнаментации керамики. Сохраняется, но уменьшается эта традиция и в юдинской культуре (X–XIII вв.), от которой, как неоднократно отмечали исследователи, имеет генетическую преемственность, что прослеживается, в частности, по элементам сходства керамических комплексов.

Батырская культура занимает верхнее течение р. Туры, молчановская культура распространена в нижнем течении р. Туры, и непосредственная граница между ними проходит по среднему течению р. Туры, где и находится исследованное городище Боровиково. Датируется молчановская культура VI–IX вв. [3. С. 35] и рассматриваемый керамический комплекс, таким образом, также находится в этом хронологическом диапазоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 23 с.
2. Гордиенко А.В. Среднее Зауралье в эпоху раннего средневековья. Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. 230 с.
3. Гордиенко А.В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 31–36.
4. Гордиенко А.В., Емашова Е.В. Средневековая материальная культура Зауралья (по итогам раскопок городища «Пламя Сибири 7» в 2009 г.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2017. Вып. 1. С. 62–66.
5. Гордиенко А.В. Раскопки городища Антоново 1 // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 118–124.
6. Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // Российская археология. М. : Наука, 2013. № 1. С. 119–129.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 февраля 2018 г.

The Medieval Batyrskaya Settlement Borovikovo

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 106–116.

DOI: 10.17223/15617793/440/14

Aleksey V. Gordienko, Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russian Federation). E-mail: Gordienko_a_v@mail.ru

Keywords: *Trans-Urals; Middle Ages; ancient settlement; ceramic complex; complex of objects; pagan temple; Batyrskaya culture.*

This article reviews the results of the excavations of the medieval settlement Borovikovo and presents their interpretation. The aim of this article is to analyze the morphology, structure, and content of the monument characterized by its ceramic complex. The excavations of the settlement Borovikovo in 2017 set a single-layer character of the monument. The excavation area of 41 sq. m. was laid in the south-eastern part of the settlement, where it covered a dwelling and part of a rampart. The dwelling was a pit-house with an area of about 18 sq. m., its pit went 25–30 cm deep. The dwelling had a utility zone, a production zone, and a bench. The roof of the dwelling was covered with clay. The rampart was made of gray and yellow sandy loam, with streaks of clay, and was smeared with clay. This cultural layer and the clearly expressed elements of the archaeological monument belong to the era of the Middle Ages, the Batyrskaya archeological culture of the 6th–9th centuries. The statistical information on the ceramic complex of the Borovikovo settlement is given by key parameters: the shape of vessels and their upper edges, their ornamentation, the pitted pearl zone, ornament. The ornament is considered in detail. The author makes a table which shows the distribution of the ceramic vessels within the boundaries of the excavation: their location and depth. The results revealed that the ceramic complex of Borovikovo splits into two groups. The first is ceramic vessels decorated with cord and comb impressions. It has subgroups, vessels with lines and crosses, which sometimes form a grid, of a comb (14); lines of zigzag of a comb (8); lines of a straight and/or inclined comb (14); with impressions of a comb at the upper edge and a triple cord (3); a herringbone line of a comb (1); with impressions of a cord only (5). The second group is ceramic vessels ornamented only with impressions of a comb. There are subgroups, vessels with a horizontal herringbone pattern: 1 strip (3 times); 1.5 strips (1 time); with rows of combs one above another: 1 row (6 times), 2 rows (2 times),

3 rows (1 time); with lines of dense horizontal impressions of a comb: 1 line (1 time), 2 lines (1 time), 3 lines (2 times), 4 lines (1 time), 5 lines (2 times) 6 lines (1 time); with a zigzag of a comb (1 time). One vessel has impressions of inclined bars of a comb at the neck, another has a comb-like meander. Ceramic vessels ornamented with shaped stamps are considered separately; their historical and cultural attribution is given. Based on the analysis of the ceramic complex of Borovikovo, the conclusion is made of the two-component population of the settlement. The first group of pottery (with cord and comb impressions) is related to the Batyrskaya culture. The second group of pottery (comb impressions) is related to the Molchanovka culture.

REFERENCES

1. Viktorova, V.D. (1969) *Naselenie epokhi zheleza lesnoy polosy Srednego Zaural'ya* [The Population of the Iron Age of the forest zone of the Middle Urals]. Abstract of History Cand. Diss. Sverdlovsk.
2. Gordienko, A.V. (2016) *Srednee Zaural'e v epokhu rannego srednevekov'ya* [Trans-Urals in the early Middle Ages]. Tyumen: RITs TGIK.
3. Gordienko, A.V. (2013) Andryushinskaya culture of wood Zauralye. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (22). pp. 31–36. (In Russian).
4. Gordienko, A.V. & Emashova, E.V. (2017) Medieval material culture of the Transurals (results of excavations of the settlement “The Flame of Siberia-7” in 2009). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History & Philology*. 1. pp. 62–66. (In Russian).
5. Gordienko, A.V. (2015) Excavation of settlement Antonovo 1. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities – UT Research Journal. Humanities Research. Humanities*. 1–2 (2). pp. 118–124. (In Russian).
6. Shorin, A.F., Zykov, A.P. & Vilisov, E.V. (2013) Srednevekovyy kompleks Koksharovskogo kholma (Srednee Zaural'e) [The medieval complex Koksharov Hill (the middle Trans-Urals)]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 1. pp. 119–129.

Received: 21 February 2018

Е.К.Маслова, О.В. Хазанов

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ КАК ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Исследуется проблема реализации методологического синтеза на примере социоестественной истории – нового научного междисциплинарного направления. Социоестественная история, по мнению авторов статьи, стремится быть более «объективной», а значит, и более «научной» по сравнению с традиционной историей, поэтому использует строгие данные естественнонаучных дисциплин, а не субъективные по своей природе нарративные документы. Определяется также роль Эдуарда Сальмановича Кульпина в становлении данного направления.

Ключевые слова: междисциплинарность; социоестественные подходы к истории; Э.С. Кульпин.

Социоестественная история (далее СЕИ) – новое научное направление, которое можно рассматривать в качестве удачного примера реализации стратегии методологического синтеза. Сама постановка задачи интеграции данных естественных наук в гуманитарные, в частности в историю, не нова.

Поиск общего поля исследования между науками начался давно. Еще Ш.Л. Монтескье писал о том, что государственное устройство зависит от природы и климата на территории, где расположено государство [1]. Ж.Ж. Руссо полагал, что природа воздействует на человека. Его стремление к господству, покорению природы предполагает изменения и самого человека. В естественном состоянии человек находится в гармонии с природой, стирается грань между ними [2]. И.Г. Гердер считал, что географическая среда определяет не только физические различия между людьми, но и различия в мышлении, мировоззрении, культуре [3]. И.И. Мечников создал новую науку о рациональном образе жизни и труда, гармонизации человека и окружающей природы – ортобиотику [4]. А.Л. Чижевский изучал влияние космических факторов на процессы в живой природе, в частности влияние циклов активности Солнца на явления в биосфере, например на социально-исторические процессы. Он выделил систему циклов активности человечества, вполне синхроничную, по его мнению, с периодами максимальной деятельности Солнца [5].

В XX в. проблему исторического синтеза решал Л.Н. Гумилев, который в своей теории совмещал данные различных наук. Ю.М. Бородай ставит акцент на том, что в теории Гумилева «наводится мост между гуманитарными и естественными науками: всемирная этническая история рассматривается как функция природного процесса, каковым является этногенез; показано взаимодействие социальных институтов с биосферой по принципу обратной связи» [6. С. 125], а история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга. При этом Лев Николаевич сам стремился при этом быть сведущим во всех смежных науках. А. Савченко в своей статье пишет, что познания Л.Н. Гумилева были энциклопедическими, а память – феноменальной, причем не только в истории, но и во многих других науках, в поэзии и даже в религиозной догматике [7. С. 24.]. Высокую оценку творческому наследию Л.Н. Гумилева давал Э.С. Кульпин (о нем подробнее речь пойдет далее).

В переписке с авторами статьи он указывал: «Роль Гумилева неопределима для российской науки: он потряс её, изменил научный поиск, как никто другой. Для меня Гумилёв – это трагедия таланта, сломанного режимом. Об этом, думаю, еще напишут» [8].

Таким образом, на протяжении длительного времени неоднократно предпринимались попытки осуществления стратегии методологического синтеза, но ни одну из них нельзя признать до конца успешной. В то же время, как будет показано ниже, концепция СЕИ оказалась вполне релевантной современной научной парадигме, она используется в курсах университетов, в том числе и в Томском государственном, и находит сторонников не только в России, но и в других странах. Проблема, которую решают авторы данной статьи, – это ответ на вопрос, как у Э.С. Кульпина получилось создать такое научное направление, которое не вызывает острой критики, хотя во многом перенимает идеи своих менее удачливых предшественников, в частности Л.Н. Гумилева и А.Л. Чижевского. Наша статья ставит целью выяснить причины и предпосылки успешности предпринятой Э.С. Кульпиным и его последователями попытки методологического синтеза.

М.А. Игошева упоминает, что важнейшие методологические положения и приемы Л.Н. Гумилева легли в основу социоестественной истории (СЕИ): об этносе как биосоциальном явлении; об этногенезе, определяющемся сочетанием исторического и ландшафтного факторов; о глобальности пространственно-временного подхода к истории; о полидисциплинарности, представленной синтезом данных исторической науки с идеями и методологией естественных наук, но они получили свое доказательное обоснование, серьезную разработку и четкие формулировки. И это является существенным отличием от Л.Н. Гумилева – в СЕИ четко прописана и проработана методология, что позволяет избежать механического соединения множества отдельных факторов (географических, биологических и т.п.). На это указывает Т.Ф. Столярова в докладе на III конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» [9]. В частности, прописано особое значение использования методологии и данных естественных наук: используются характеристики климатических зон, точные географические измерения, уровень воды мирового океана, градусы температур и т.п. Например, в книге «Золотая

Орда: проблемы генезиса Российского государства» приводятся данные максимальных значений температур во время распада Золотой Орды: в Причерноморье – 6 градусов по Цельсию против –35 градусов в Восточном Казахстане, а также длительность безморозного периода (260 дней против 193) и сумма годовых осадков (330 мм против 235). На основе этих данных делается вывод о том, что массовая экспансия для степняков Золотой Орды была исключена, лучших земель и условий в Евразии нет [10. С. 92].

Э.С. Кульпин – наиболее известный представитель школы СЕИ, один из ее главных идеологов, утверждает, что путь науки – это путь непрерывного опровержения ее положений и самоопровержения их творцами этих положений. По его мнению, девизом науки должно стать высказывание Бонди: «Теория представляется научной постольку, поскольку она может быть опровергнута» – таков есть, был и будет путь естественных наук. Хотелось бы, чтобы и гуманитарных [11. С. 17]. Исходя из этого положения, можно сказать, что Э.С. Кульпин считает, что для гуманитарных наук пока что не свойствен этот фальсификационизм – поиск способов опровержения своей гипотезы. Склоняясь больше к эталону научности естествознания, он говорит о единственном пути в науке – пути опровержения самого себя.

Важной особенностью СЕИ, вытекающей напрямую, как представляется авторам статьи, из ее стремления быть более «объективной», а значит, и более «научной» по сравнению с традиционной историей, является *сознательный отказ от использования нарративных источников, «субъективных» по самой своей природе*. Такие источники используются лишь как иллюстрации к фактам, полученным иным путем и достоверность которых вне сомнений. Кульпин полагает, что «историк, работающий с нарративными документами, обречен иметь дело с неполной правдой. А, как известно, нет худшего вида лжи, чем полуправда» [Там же. С. 19].

Если не искать факты в нарративных источниках, они могут быть получены иначе, традиционно – как результат археологических раскопок, менее традиционно – используя данные истории природы (климата, геологии и т.д.), совсем нетрадиционно – совместно, комплексно используя данные естественных и гуманитарных наук [12].

Э.С. Кульпин пишет, что исходя из значимости свидетельств естественных наук, СЕИ не изучает поступки отдельной личности. Но, по заявлениям представителей СЕИ, они не отрицают факт такого влияния, они просто не считают это предметом своего изучения, поскольку поступки отдельного человека не выявляют глобальной взаимосвязи между обществом и природой.

Однако есть несколько противоречий данному заявлению. В сентябре 2010 г. и в марте 2011 г. в журнале «История и современность» под редакцией Э.С. Кульпина в разделе «Теоретические проблемы истории» были опубликованы две статьи Л.Е. Гринина: «Личность в истории: эволюция взглядов» [13] и «Личность в истории: современные подходы» [14]. В статьях доказывалось, что в век глобализации есть серьезная необходимость уделить внима-

ние исследованию этой проблемы. Конечно, в журнале есть сноска, сообщающая о том, что публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции [15. С. 2], однако редакция самостоятельно отбирает актуальные и подходящие под тематику журнала статьи (основные темы журнала «История и современность»: история цивилизаций и народов, теоретические проблемы истории, основные проблемы современности, связь общества и природы). Непосредственно в русле СЕИ действует только раздел «Природа и общество», в остальных разделах публикуются общесторические работы, где есть место любому виду научного знания, если оно помогает открыть новые методы, показать лакуны уже имеющихся знаний и позволяет дать прирост новых.

Тем не менее даже в разделе «Природа и общество» можно встретить статьи, посвященные роли личности. В статье Ю.В. Олейникова рассматривается, каким образом отдельный конкретный человек становится субъектом действия, способного изменить эволюцию. В качестве примера берется угроза ядерной войны: «Несмотря на сложную систему принятия решений и практического осуществления, пуск ракет в конечном счете осуществляется отдельным конкретным человеком» [16. С. 118]. К подобным катастрофическим последствиям для природы и общества привели решения одного человека: «Ошибка или халатность персонала на Чернобыльской АЭС и авария на нефтедобывающей платформе в Мексиканском заливе показали, что от отдельного человека зависит не только функционирование сложного технического комплекса, но и экологическая ситуация в обширных регионах и в мире в целом» [Там же. С. 119].

Еще одна статья – «Роль Г.В. Добровольского в развитии почвоведения», также показывает влияние конкретного человека, в данном случае ученого, в становлении науки [17]. И даже сам Э.С. Кульпин приводил пример подобных личностей – при изучении культуры крымских татар он отвел важную роль Исмаилу Гаспринскому: «Он направил эволюцию этноса по “каналу” с четкими “берегами” и благодаря этому толчку этнос развивается до сих пор в том канале эволюции, который определил Гаспринский» [18. С. 213]. Хотя СЕИ и использует макроподходы, по некоторым вопросам ее применение может быть результативным и в нетипичным. Абсолютно отказаться от изучения роли личности у СЕИ не получилось.

Кроме того, нельзя не признать, что авторы, работающие в рамках данного направления, волею неволей вынуждены вписывать свои построения, выполненные, как им кажется, на основе исключительно объективных данных, в контекст той самой событийной истории, которая создана историками-нарративистами на основе привычных исторических источников. А иначе и быть не может. История, как мы ее понимаем, – это, прежде всего, история людей. Вспомним М. Блока: «Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [19. С. 18]. Причем как М. Блоку, так и всем «анналистам», идея методологического синтеза была отнюдь не чужда.

И все же СЕИ активно использует строгие данные естественнонаучных дисциплин, которые не только объективны, но и, самое главное, не могут быть иными: характеристика климатических зон, точные географические измерения, такие как, например, широта и долгота, уровень воды мирового океана, градусы температур и т.п. Так, например, Э.С. Кульпин, изучая «Осевое время», пишет: «За время, рассматриваемое Ясперсом – 7 тыс. лет, колебался уровень моря за счет движений земной коры и изменения соотношения воды, связанной в виде льда, и свободной – в жидком и газообразном, например, на Черном море по вертикали в пределах 7 метров. Соответственно, менялась береговая линия, динамика круговорота воды в природе и многое другое» [12. С. 128].

Э.С. Кульпин был человеком обширных знаний. О.А. Машкина вспоминает: «Кажется, не существовало отраслей знаний, в которых он был бы несведущ, но при этом он с большим уважением относился к экспертному мнению других» [20. С. 205]. А.П. Назаретян тоже отмечает умение принимать чужое мнение: «Он умел так искренне уважать чужие мнения, с добрым юмором относиться к людским недостаткам, настолько возвышался над финансовыми, национальными, религиозными и прочими мелочными амбициями, что невозможно даже представить себе, чтобы Эдуард на кого-то «обиделся», испытывал к кому-либо личную или идеологическую вражду» [21. С. 206]. Такие черты личности-организатора «методологического синтеза» являются одним из важных условий успешности его осуществления.

При этом нельзя не отметить, что Эдуарду Сальмановичу были присущи и волевые черты руководителя. Особо ярко и остро они проявились в 2015 г., когда ему необходимо было организовать и провести очередную конференцию в Крыму¹. Тогда многие из коллег осудили Э.С. Кульпина. Но он оставался непреклонен. В обращении к авторам статьи он писал: «Не о принадлежности, а о людях надо думать. Конкретно о наших крымских коллегах. Они сейчас все под внешними санкциями, не хватает им еще внутренних. В прошлом году мои коллеги, не только зарубежные, но и наши не приехали в Крым. Кого наказали? Крымчан, которые всегда рады общению. Им теперь за рубеж весьма трудно выехать, а тут и свои бойкотируют. Сейчас вернулся с тюркологической конференции (крымских татар). В прошлом году она не состоялась. В этом приехали из-за рубежа трое. Обычно 15–20. Если бы не тюркологи ИВ РАН, которые раньше не приезжали, то...» [8].

Э.С. Кульпин понимал значение коллективных усилий в развитии любого научного направления, тем более такого комплексного, как СЕИ. Задачу может поставить любой член коллектива, но руководитель или все участники должны определить, что требуется для решения задачи. Этот метод Э.С. Кульпина называет

методом «Аполло», т.е. делаться все должно, как в программе «Аполлон» – высадка человека на Луну. Поэтапно выясняется, какие проблемы должны быть решены, чтобы была выполнена поставленная задача. Далее, что нужно сделать для решения проблем, – это выявить проблемы первого и второго ярусов. Затем, если необходимо, – третьего и дальнейших ярусов. Так определяется круг проблем, а следовательно, и круг специалистов, порядок работы. Это позволяет привлекать узких специалистов для создания единой концепции, а значит, минимизировать риски ошибок из-за недостаточности знаний ученого в какой-либо области.

СЕИ – развивающееся явление, только приобретающее свою институциональность. Лишь недавно возникла идея составления глоссария СЕИ, ее ключевых рабочих понятий. Р.И. Якупов пишет, что это направление фактически всегда развивалось на добровольной (небюджетной) основе, и фактически у него никогда не было даже единой резиденции (офиса) [22. С. 9]. Э.С. Кульпин активно интересовался альтернативными его теории моделями синтеза, поэтому неоднократно приезжал в Томск, участвовал в местных конференциях и круглых столах, читал лекции студентам, приглашал к себе. И теперь, после его смерти СЕИ оказывается, выражаясь его же излюбленным термином, в точке бифуркации – переломном моменте. Р.И. Якупов на вопрос о перспективе развития СЕИ отвечает положительно, хотя и говорит, что многое будет зависеть от того, насколько сложившаяся уже ассоциация ученых, ведущих исследования в рамках направления, будет прочной [Там же. С. 18]. Он предлагает организовать выпуск отдельного периодического издания, журнала или альманаха «Социально-естественная история», или хотя бы ввести одноименную рубрику в журнал «История и современность». Последнее было сделано в первом номере за 2017 г.

Таким образом, СЕИ является, как уже было сказано, удачным примером осуществления стратегии методологического синтеза, во многом благодаря особому методу исследования. Осознанное неиспользование нарративных источников, субъективных по своей природе, комплексное использование современных, признанных в других науках методов и процедур, как то: математического моделирования, радиоуглеродного анализа, агрохимического анализа почв, учета динамики уровня солнечной активности и т.д., – все это в удачном сочетании с субъективным фактором, а именно личностными качествами и организаторскими способностями Э.С. Кульпина, объединившего разных специалистов и направившего их на реализацию одной совместной цели – изучения взаимоотношений общества и природы, дало результат, который до сих пор не удавалось достичь многим поколениям ученых. Отрадно отметить, что лидерство в этой области науки принадлежит отечественной научной школе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Э.С. Кульпин проводил в Крыму ежегодную (с 1992 г.) международную конференцию «Человек и природа. Проблемы социально-естественной истории», посвященную проблемам и тематике СЕИ. В ней принимали участие его коллеги из Польши, Франции, Америки, Аргентины и из стран ближнего зарубежья. Их исследования в рамках СЕИ публиковались в сборниках статей к конференциям. После смерти Эдуарда Сальмановича конференцию продолжили проводить его ближайшие соратники, последняя прошла в сентябре 2017 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
2. Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1961. Т. 3. 727 с.
3. Гердер И.Г. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1959. 391 с.
4. Мечников И.И. Академическое собрание сочинений. М., 1956. Т. 11. 265 с.
5. Казютинский В.В. Космизм А.Л. Чижевского // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века : в 3 т. М. : Междунар. центр Рерихов, 2004. Т. 3. С. 175–193.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2002. 560 с.
7. Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 240–250 с.
8. Переписка с Э.С. Кульпиным, июнь 2015 // Материалы из личного архива авторов.
9. Столярова Т.Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=471 (дата обращения: 06.05.2017).
10. Кульпин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. 2-е изд., испр. М. : КомКнига, 2006. 176 с.
11. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград : Учитель, 2014. 336 с.
12. Кульпин Э.С. Социоестественная история – ответ на вызов времени // Соционауки. Научная периодика. Книги. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 21.11.2017).
13. Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.
14. Гринин Л.Е. Личность в истории: современные подходы // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 3–41.
15. История и современность. 2011. № 1 (13). 24 с.
16. Олейников Ю.В. Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума модернизации // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 114–130.
17. Ковалева Н.О. Роль Г.В. Добровольского в развитии почвоведения // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 155–161.
18. Эмиров А.Р., Юнусов Л.М. Московский мечтатель с крымской душой // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 212–214.
19. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986.
20. Машкина О.А. Мой друг и научный руководитель // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 204–205.
21. Назаретян А.П. Памяти Эдуарда Сальмановича Кульпина // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 206.
22. Якупов Р.И. Социоестественная история: науковедческий анализ // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 8–20.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2018 г.

Social-Natural History as an Attempt to Implement the Strategy of Methodological Synthesis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 117–121.

DOI: 10.17223/15617793/440/15

Ekaterina K. Maslova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

Oleg V. Khazanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klio1@yandex.ru

Keywords: interdisciplinarity; social-natural approaches to history; E.S. Kulpin.

In the article, the problem of methodological synthesis on the example of social-natural history is investigated. Social-natural history is a new scientific interdisciplinary direction which can be considered as one of the examples of implementation of strategies for methodological synthesis. The statement of the task of integrating the data of the natural sciences into the humanities, in particular, into history, is not new, many scientist have solved it in different ways: C.L. Montesquieu, J.J. Rousseau, J.G. Herder, I.I. Mechnikov, A.L. Chizhevsky, L.N. Gumilyov. Eduard S. Kulpin, the most famous representative of the social-natural history school, one of its main ideologists, said that the path of science is the way of continuous refutation of its provisions and self-refutation of these provisions by their creators. Social-natural history, in the opinion of the authors of the article, tends to be more “objective”, and therefore more “scientific” than traditional history; therefore it uses the rigorous data of natural science disciplines rather than narrative documents that are subjective in nature. If not to look for facts in narrative sources, they can be obtained differently: traditionally, as a result of archaeological excavations; less traditionally using data from the history of nature (climate, geology, etc.); quite unconventionally by a joint, complex use of data from natural and humanitarian sciences. But we must admit that such researchers are compelled to place their constructions, which they believe are made on the basis of exceptionally objective data, into the context of the very event-driven history created by historians using narratives on the basis of traditional historical sources. Kulpin’s role in the formation of social-natural history is also determined. The authors note his ability to accept someone else’s opinion, to react to shortcomings with humor. At the same time, it should be noted that Kulpin was a good leader. He showed it in 2015 when he needed to organize and hold a regular conference in the Crimea (Kulpin held an annual international conference (since 1992) “Man and Nature: Problems of Social-Natural History”). Then many of the colleagues condemned Kulpin. But he remained adamant. He understood the importance of collective efforts in the development of any scientific direction, especially a complex one.

REFERENCES

1. Montesquieu, Ch.L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from French. Moscow: Gospolitizdat.
2. Rousseau, J.J. (1961) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat.
3. Herder, J.G. (1959) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Goslitizdat.
4. Mechnikov, I.I. (1956) *Akademicheskoe sobranie sochineniy* [Academic Collected Works]. Vol. 11. Moscow: Medgiz.
5. Kazyutinskiy, V.V. (2004) Kosmizm A.L. Chizhevskogo [Cosmism of A.L. Chizhevsky]. In: Frolov, V.V. et al. (eds) *Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: v 3 t.* [Cosmic worldview: the new thinking of the 21st century: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. tsentr Rerikhov.
6. Gumilev, L.N. (2002) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: AST.
7. Savchenko, A. (1996) Sem' let ryadom so L'vom Gumilevyim [Seven years near Lev Gumilyov]. *Novyy mir*. 2. pp. 240–250.
8. Authors' Archive. (2015) *Perepiska s E.S. Kul'pinym, iyun' 2015* [Correspondence with E.S. Kulpin, June 2015].
9. Stolyarova, T.F. (1994) *Sotsioestestvennaya istoriya kak odno iz osnovaniy mirovozzrencheskoy paradigmy XXI veka* [Social-natural history as one of the foundations of the ideological paradigm of the 21st century]. [Online] Available from: http://www.kulpin.ru/?page_id=471. (Accessed: 06.05.2017).

10. Kul'pin, E.S. (2006) *Zolotaya Orda: problemy genezisa Rossiyskogo gosudarstva* [Golden Horde: problems of the genesis of the Russian state]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
11. Kul'pin-Gubaydullin, E.S. (2014) *Sotsioestestvennaya istoriya; ot metoda k teorii, ot teorii k praktike* [Social-natural history; from method to theory, from theory to practice]. Volgograd: Uchitel'.
12. Kul'pin, E.S. (2008) *Sotsioestestvennaya istoriya – otvet na vyzov vremeni* [Social-natural history: the answer to the challenge of time]. [Online] Available from: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf. (Accessed: 21.11.2017).
13. Grinin, L.E. (2010) Lichnost' v istorii: evolyutsiya vzglyadov [Person in history: the evolution of views]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2. pp. 3–44.
14. Grinin, L.E. (2011) Lichnost' v istorii: sovremennye podkhody [Person in history: modern approaches]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 1 (13). pp. 3–41.
15. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. (2011) 1 (13).
16. Oleynikov, Yu.V. (2011) Bifurkatsiya dvizhushchikh sil evolyutsii sotsioprirodnogo Universuma modernizatsii [Bifurcation of the driving forces of the evolution of the socio-natural Universe of modernization]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (14). pp. 114–130.
17. Kovaleva, N.O. (2013) The role of Gleb Dobrovolsky in the development of soil science. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (18). pp. 155–161. (In Russian).
18. Emirov, A.R. & Yunusov, L.M. (2015) Moskovskiy mechtatel' s krymskoy dushoy [A Moscow dreamer with a Crimean soul]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (22). pp. 212–214. (In Russian).
19. Blok, M. (1986) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of history, or The craft of a historian]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
20. Mashkina, O.A. (2015) Moy drug i nauchnyy rukovoditel' [My friend and supervisor]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (22). pp. 204–205.
21. Nazaretyan, A.P. (2015) Pamyati Eduarda Sal'manovicha Kul'pina [In memory of Eduard Salmanovich Kulpin]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (22). pp. 206.
22. Yakupov, R.I. (2016) Sotsioestestvennaya istoriya: nauchovedcheskiy analiz [Social-natural history: scientific analysis]. *Istoriya i sovremennost' – History and Present*. 2 (24). pp. 8–20.

Received: 04 April 2018

А.В. Неверов

ВЛИЯНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПАВЛА I В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Рассматривается влияние воспоминаний современников на формирование образа императора Павла I в художественной литературе. За основу взяты пьеса «Павел I» Д. Мережковского и повесть Ю. Тынянова «Подпоручик Киж», значительная часть сюжетов которых заимствована из мемуаров. Сделан вывод о том, что сформировавшийся на страницах художественных произведений образ императора транслировался широкой читательской аудитории, став основой для устоявшихся оценочных суждений о личности и деятельности Павла I.

Ключевые слова: Павел I; художественная литература; мемуары; император; образ.

Жизнь и судьба российского императора Павла I настолько необычны и драматичны, что с давних времен привлекают к себе внимание как историков, так и литераторов. Тяжелая судьба наследника престола, лишённого родительского внимания, настоящей дружбы, понимания со стороны приближенных, нелегкая борьба за свои взгляды уже в бытность императором дали почву не только для исторических споров, но и для художественного воплощения образа монарха. Большое количество опубликованных во второй половине XIX – начале XX в. воспоминаний и первые исторические исследования сформировали довольно отрицательное мнение о коротком периоде павловского правления. Художественная литература подхватила образ императора Павла I преимущественно как деспотичного и безумного монарха, закрепив его в умах широкого круга читателей. В то же время драматурги и писатели сложной для России первой трети XX в. не только создавали художественный образ Павла I, давая волю творческой фантазии, но и обращались к произведениям мемуарной литературы, заимствуя оттуда многие сюжеты.

Одним из первых художественных произведений, в котором главным действующим лицом был император Павел I, стала пьеса Д.С. Мережковского с одноименным названием «Павел I», начинавшая задуманную автором трилогию «Царство Зверя» [1]. Будучи историком, писателем, поэтом, Д.С. Мережковский написал произведение в добровольной эмиграции в Париже в 1908 г. Влияние на авторскую позицию, вероятно, оказал долгий запрет на публикацию многих воспоминаний о Павле I (в первую очередь, связанных с его убийством), который лишь укрепил негативное отношение к императору. С другой стороны, были и политические мотивы обращения писателя к образу монарха в условиях спора интеллигенции о будущем России. Следует отметить, что на фоне нестабильной политической ситуации в стране пьеса была воспринята официальной властью неоднозначно. Так, она была запрещена сразу после появления на свет в 1908 г., но спустя четыре года все цензурные ограничения были сняты.

Д.С. Мережковский, используя свои персональные представления о природе российской монархии, выбирал из всего комплекса имеющейся информации

наиболее устойчивые мифы о Павле I, взяв за основу набор самых распространенных клише. Писатель изобразил непростые отношения Павла со своими сыновьями – Александром и Константином, которые, по его мнению, боялись отца. «Зверем был вчера, зверем будет и сегодня», – произносит в пьесе Константин Павлович, обращаясь к брату [1. С. 13]. Действительно, мемуарные свидетельства позволяют всерьез говорить о том, что Павел Петрович был человеком довольно темпераментным и обладал взрывным характером. Вспышки гнева нередко были направлены не только на придворных, но и на членов семьи. Мемуаристы, живописуя связанные с этим ситуации, не скупались на красочные выражения. Например, согласно мнению А.М. Тургенева, обер-прокурор стоял перед императором «как фабричный с перепоею» [2. С. 48], бывший военный, которого Павел I внезапно вызвал в Петербург, стоял перед ним «бледный, ни жив, ни мертв» [3. С. 156]. И даже сыновья, по словам мемуариста А.Н. Саблукова, «смертельно боялись своего отца и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, бледнели и дрожали, как осиновый лист» [4. С. 34]. Д.С. Мережковский, в свою очередь, продемонстрировал отношение сыновей Павла Петровича к нему вполне в русле опубликованных воспоминаний. Александр с Константином общались шепотом, боясь быть услышанными, и при этом наследник престола Александр Павлович беспрерывно молился и крестился в надежде, что приступы гнева отпустят его отца и тот с милостью отнесется к офицерам, им же наказанным: «Александр (*крестясь*): “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”» [1. С. 15].

Павел Петрович с детства увлекался военным делом, хоть это и не входило в планы ни его воспитателей, ни тем более Екатерины II, поскольку никто из них не желал видеть в наследнике второго Петра III, однако такое увлечение, по всей видимости, генетически передалось от отца к сыну и сохранилось в Павле Петровиче на всю жизнь. По иронии судьбы именно военные преобразования стали плацдармом, на котором проявились все, прежде всего, негативные черты характера Павла I. Над гатчинцами, которые первыми воплотили в жизнь военные задумки цесаревича, смеялись. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы, которые писали об отличительных чертах

гатчинских батальонов. К примеру, офицер А.Н. Саблуков в своих воспоминаниях отмечал: «Мы, офицеры, часто смеялись между собою над гатчинцами» [4. С. 19]. Д.С. Мережковский же в пьесе рассматривал последствия перемещения гатчинских порядков в Петербург, когда они из локальной проблемы для офицеров екатерининской эпохи перешли в глобальную. Высшие военные чины стали подвергаться наказанию за неуставную длину кос, неправильное марширование, расстегнутые пуговицы солдат и пр. [1. С. 21]. Помимо этого, нововведения послужили поводом для усиления телесных наказаний. Павел Петрович в пьесе показан как тиран, который за малейшие провинности повелевал высечь даже заслуженных офицеров. Все это настраивало против самого императора высшее общество Петербурга.

Интересно, что при негативном подходе к формированию образа императора Д.С. Мережковский в своем произведении все же наделил Павла Петровича чувством некой сентиментальности. Несмотря на частые приступы гнева, монарх был отходчив и склонен к состраданию. Своему сыну Александру Павел в пьесе объяснялся так: «Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька!» [Там же. С. 30]. И обращение к воспоминаниям действительно показывает, что в Павле Петровиче сочетались две прямо противоположные черты характера – вспыльчивость и отходчивость. Император мог быть как добрым, так и крайне суровым. Мемуаристы отмечали самые разнообразные проявления характера Павла I. Например, Е.Ф. Комаровский писал о нем: «Гнев государя довел Его Высочество до отчаяния» [5. С. 64]. В то же время В.Н. Головина в своих воспоминаниях посвятила монарху такие строки: «Его [Павла] душа была добродетельна и прекрасна, и когда великодушные и рыцарские понятия брали верх, его поступки оказывались достойны уважения и восхищения» [6. С. 144]. Возможно, именно поэтому Павел, как личность неординарная, и стал интересен в качестве центральной фигуры авторам художественных произведений.

Исследователь жизни и творчества Д.С. Мережковского Ю. Зобнин считал пьесу «Павел I» самым выдающимся произведением автора в качестве драматурга. По его мнению, Д.С. Мережковский, выбрав определенную идеологическую схему, чтобы раскрыть образ императора, не лишил его человеческих качеств и показал различные стороны личности Павла I [7. С. 95]. Ю. Зобнин также обращал внимание на историко-политические взгляды Д.С. Мережковского и их связь с сюжетом пьесы. По концепции автора, тезис «самодержавие – от антихриста» вступает в противоречие с природой российской монархии, ведь император России – помазанник Божий. Антихристианская направленность деятельности Павла Петровича в полной мере проявлялась на протяжении всего его правления. Император возомнил себя Богом на земле и за это поплатился собственной жизнью [Там же. С. 94]. Примечательно, что в текстах воспоминаний, а именно в мемуарах Е.Ф. Комаровского, мы можем найти слова о том, что Павел I действительно иногда действовал не только как император, но и как глава церкви: «Было достойно примечания, что импе-

ратор во время причастия вошел в алтарь, взял сосуд и, как глава церкви, сам причастился» [5. С. 57]. Как видим, современник Павла Петровича посчитал этот эпизод заслуживающим особого внимания.

Мысль о том, насколько Павел I был деспотичен и самовластен в своей политической деятельности, затрагивали многие исследователи эпохи. В частности, историк Ю.А. Сорокин отмечал, что сама форма власти в Российской империи, предполагавшая абсолютное сосредоточение ее в руках одного человека, возможно, лишь развила в российском государе такие качества характера, как самодурство и требование беспрекословного выполнения любых его прихотей. Впрочем, как отмечал исследователь, такое положение дел в России распространялось не только на эпоху Павла I, но и на весь период существования самодержавия в стране [8. С. 117].

Еще одним значимым и наиболее известным художественным произведением об императоре Павле I стала изданная в 1927 г. повесть Ю. Тынянова «Подпоручик Киж» [9]. Главным действующим лицом в работе Ю. Тынянова был несуществующий персонаж по фамилии Киж – вымышленный герой очень популярного анекдота павловской эпохи. Киж появился в документах из-за ошибки писаря, но, тем не менее, был несколько раз возведен в новые чины и дослужился, наконец, до звания полковника. Столь комичная ситуация могла возникнуть еще и потому, что никто из военного руководства, опасаясь наказания, не осмелился сказать суровому императору, с чего началась вся история. Это и изобразил автор, показывая сатиру на бюрократический аппарат императорской России, где зачастую здравый смысл терялся в погоне за наградами после исполнения очередного приказа, каким бы абсурдным оно ни было.

Ю. Тынянов, взяв за основу сюжет анекдота павловской эпохи, изменил и дополнил его, сделав своего «подпоручика Киж» героем самостоятельного произведения. Сатира на императорскую власть и на персону самого монарха прослеживается на протяжении всего повествования. Повесть Ю. Тынянова была написана уже в советский период, т.е. гораздо позже пьесы Д.С. Мережковского, что определило высмеивание пороков Павла I и его эпохи. Пугливость, придирчивость, вспыльчивость Павла Петровича – вот главные его черты, описанные автором.

С первых строк повести Павел I предстает перед читателем трусливым человеком, который боялся каждого шороха, а при виде фельдгегера забивался под стол от страха [9. С. 327]. Примечательно, что Ю. Тынянов изобразил таким не малолетнего Павла, который, как известно из исторической литературы, был пугливым ребенком и от малейшего шороха, по словам одного из первых биографов императора Н.К. Шильдера, «приходил в испуг и трясся всем телом» [10. С. 10]. Воспоминания также подтверждают эту характеристику. Например, по словам А.М. Тургенева, Павел был «пугливым и, в первом порыве гнева своего, крайне суровым государем» [2. С. 50]. Следует отметить, что вспышки гнева монарха отмечали практически все мемуаристы, о них писал в пьесе «Павел I» и Д.С. Мережковский. Ю. Тынянов развил

мысль о непростом характере Павла Петровича, отметив, что гнев у монарха постепенно переходил в страх, страх – в жалость к самому себе и умиление [9. С. 334–335].

Воспоминания о монархе дают возможность объяснить многие особенности его поведения, отразившиеся на страницах художественной литературы. Павел I понимал, что в силу его высокого общественного положения он непременно рано или поздно станет объектом лицемерия и подхалимства со стороны подданных. За долгое время пребывания в статусе наследника престола, составившее для него, по сути, целую жизнь, он много натерпелся со стороны придворных. Отсюда проистекает чрезмерная подозрительность Павла Петровича. Подтверждение этому встречается в мемуарах Е.Ф. Комаровского: «Тогда государь начал мне рассказывать, как все против него, что он окружен шпионами; в сию минуту прошел вдаль парикмахерский ученик, государь, показывая на него, сказал мне: ты видишь этого мальчишку, я не уверен, чтобы и ему не велено тоже за мной присматривать, что Его Величество полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но накануне сделанный им поступок заставил государя думать, что и он передался противной партии» [5. С. 64]. Интересно, что в повести Ю. Тынянова эта «подозрительность», которую отмечают многие, доходила даже до того, что Павел Петрович напрягал слух и различал звук шагов своих солдат, которые двигались в его сторону [9. С. 337].

Кроме того, Ю. Тынянов в своем произведении поднял не только вопросы собственно правления Павла I, но и династические проблемы российской монархии, с которыми она столкнулась в XVIII в. Тынянов иронизирует, что Павел, вступивший на престол в век дворцовых переворотов, имел шаткое положение перед женой и сыновьями, которые, по примеру Екатерины II, «могли заколоть его вилокю и сесть на престол» [Там же. С. 336]. Таким образом, Тынянов отсылает читателя к проблеме престолонаследия, которая являлась главной причиной нестабильного положения многих российских монархов. Об этом писали и многие мемуаристы. Например, В.Н. Головина отмечала, что Павел I, при всех его недостатках, все же решительно боролся с беззаконием, и одним из первых нововведений был как раз новый указ о престолонаследии: «Надо ему отдать справедливость, что он был единственным государем, который искренне пожелал установить законность в наследовании трона, и он также был единственным, полагавшим, что без законности не может быть установлен порядок» [6. С. 144].

В.Н. Головина не случайно упоминала в мемуарах о законодательной деятельности императора. По мнению современного российского историка А.Н. Боханова, «законность и порядок на основе строгой нормативной регламентации» являлись социальными целями государственной системы Павла I [11. С. 199]. При вступлении на престол государя изменилось многое. Теперь уже бывшие заслуги и награды ничего не значили. На первый план выходили преданность делу, исполнительность и верность государству и правите-

лю [11. С. 213]. Павел Петрович действительно, как отмечал и Д.С. Мережковский, своеобразно понимал суть служения Отечеству. Для него служить государству означало служить и самому монарху. Подтверждением этому служит знаменитая фраза самого Павла I, которую привел в своем исследовании А.Н. Боханов: «Знайте, в России важным лицом является только тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю» [Там же. С. 214].

Ю. Тынянов в повести, в отличие от анекдота, доводит своего персонажа – подпоручика Кижее до звания генерала. Истоки этой комичной ситуации он тоже видит в характере императора. Павел Петрович не любил подхалимства, лицемерия, и в этом подпоручике, внезапно появившемся из-за нелепой ошибки, государь замечал другое. Он видел живого человека, который «не кланчил имений, не лез в люди за дяденькиной спиной, не хвастун, не щелкун. Он нес службу без ропота и шума» [9. С. 354]. Примечательно, что мемуарная литература содержит в себе аналогичную историю, только с реально существовавшим персонажем. Павел I после своего вступления на престол ради восстановления справедливости решил повысить в звании офицера Степана Михайловича Абрамова, который много лет назад не согласился с итогами дворцового переворота, сделавшего главой государства Екатерину II, и спустя некоторое время ушел в отставку. Император, вызвав его к себе и пожаловав 300 душ крестьян, объяснил свой поступок так: «А как вы думаете, ваше превосходительство, за что я вас жалую? Так я вам объясню. Слушайте все! Я, разбирая послужные списки, нашел, что вы при императрице Екатерине были обойдены по службе. Так я хотел доказать, что при мне и старая служба не пропадает» [3. С. 157]. Конечно же, многие усмотрели в этом необычном по тем временам поступке императора не более чем жест доброй памяти в адрес Петра III и, несомненно, укор в адрес своей матери. Но все же имеет право на существование и другая версия, запечатленная в этом же тексте воспоминаний, – Павел I стремился вознаградить Степана Михайловича не только за преданность своему несчастному отцу, но и «за верность долгу» [Там же. С. 158]. Примерно об этом же писал и Н.О. Котлубицкий, который, признавая непростой характер государя, утверждал, что благодаря своей честной службе ему удалось сохранить благое отношение императора к себе [12. С. 510–511].

Таким образом, анализ художественной литературы первой трети XX в., посвященной персональным качествам и государственной деятельности российского императора Павла I, позволяет говорить о заимствовании авторами произведений многих сюжетов из воспоминаний современников. Литераторы и драматурги, опираясь на известный комплекс мемуарных текстов и научно-исследовательских работ, под влиянием своих собственных историко-политических взглядов изображали российского монарха преимущественно как неуравновешенного и сурового, повторяя тем самым наиболее устойчивые клише, сложившиеся в историографии второй половины XIX – начала XX в. Указанный подход был симптомом важных изменений в исторической культуре, свидетельствуя о

том, что образ могущественной самодержавной власти подвергался постепенной дискредитации [13. С. 285]. Сформировавшийся образ транслировался широкой читательской аудитории, воплощался в фильмах и на театральной сцене, став основой для устоявшихся оценочных суждений о личности и деятельности императора Павла I. И в этом нет ничего

удивительного, поскольку, как писал К.Н. Бестужев-Рюмин, «действительные исторические лица, раз воспроизведенные поэтом, мы представляем себе более или менее так, как их представляет поэт» [14. С. 83]. Реальная же личность Павла I оказалась в тени сложившегося стереотипа, не утратившего актуальность и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д.С. Павел I. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1908. 261 с.
2. Тургенев А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева (1796–1801) // Русская старина. 1895. Т. 83, № 5. С. 45–51.
3. Шубинский С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. М., 2010. 176 с.
4. Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г. М., 1908. 192 с.
5. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 2012. 240 с.
6. Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М. : ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ, 2000. 480 с.
7. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М. : Молодая гвардия, 2008. 436 с.
8. Сорокин Ю.А. Павел I: личность и судьба. Омск : Омск. гос. ун-т, 1996. 211 с.
9. Тынников Ю.Н. Сочинения : в 3 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. 647 с.
10. Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование. М. : Эксмо, 2010. 432 с.
11. Боханов А.Н. Павел I. М. : Вече, 2010. 448 с.
12. Рассказы генерала Котлубицкого о временах Павла I, изложенные А.И. Ханенко // Русский архив. 1912. Кн. 2, вып. 8. С. 509–538.
13. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара : Книга, 2011. 448 с.
14. Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного // Заря. 1871. Т. 3, № 3. С. 83–90.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

The Influence of Contemporary Memories on the Formation of the Image of Paul I in the Fiction of the First Third of the Twentieth Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 122–126.

DOI: 10.17223/15617793/440/16

Anton V. Neverov, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

Keywords: Paul I; fiction; memoirs; Emperor; image.

The article is devoted to the study of the influence of contemporary memories on the formation of the image of Emperor Paul I in fiction. The study is based on the play “Pavel I” [Paul I] by D. Merezhevsky and the story “Poruchik Kizhe” [Lieutenant Kijé] by Yu. Tynyanov, whose plots were mainly borrowed from memoirs published in the second half of the 19th – early 20th centuries. The main aim of the study is to identify the relationship between the image of Paul I created in the texts of writers and playwrights and the memories of contemporaries who recorded their ideas and knowledge on the pages of memoirs. It is obvious that representatives of the literary community, as well as scientists, extensively used memoirs as a source of information for writing their works. Moreover, following historical science, fiction has also contributed to the consolidation of the image of Emperor Paul I as a madman on the throne in the eyes of a wide range of readers. During the research, not only the memories of contemporaries, but also scientific works about the era of Paul I written by historians N.K. Shilder, Yu.A. Sorokin, A.N. Bokhanov were used. The image of the Emperor presented in fiction was undoubtedly influenced by the writers’ own ideas about the nature of the Russian autocracy, as well as their attitude directly to the personality of the sovereign himself. To a greater extent, this is noticeable in Merezhevsky’s work “Pavel I”, but Tynyanov’s work, written in the Soviet period, also contains the ridicule of the vices of Paul I and his era. Along with telling about the negative qualities of the Emperor, writers followed many memoir authors and noted his positive characteristic features, which raised the reader’s interest in the work. In general, the analysis of fiction of the first third of the 20th century devoted to the personal qualities and state activities of Russian Emperor Paul I shows that writers borrowed many plot lines from the memories of contemporaries. Writers and playwrights, relying on the well-known complex of memoir texts and research works, under the influence of their own historical and political views, portrayed the Russian monarch mainly as an unbalanced and severe monarch, thus repeating the most stable clichés that developed in the historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries. The image was broadcast to a wide readership, embodied in films and on the theatrical stage, becoming the basis for established judgments about the nature and activities of Emperor Paul I. The real personality of the monarch was in the shadow of the stereotype.

REFERENCES

1. Merezhevskiy, D.S. (1908) *Pavel I* [Paul I]. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
2. Turgenyev, A.M. (1895) *Zapiski Aleksandra Mikhaylovicha Turgenyeva (1796–1801)* [Notes of Alexander Mikhailovich Turgenyev (1796–1801)]. *Russkaya starina*. 83 (5). pp. 45–51.
3. Shubinskiy, S.N. (2010) *Ocherki iz zhizni i byta proshlogo vremeni* [Essays from the life and routine of the past]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.
4. Balitskiy, G. (1908) *Vremya Pavla i ego smert'. Zapiski sovremennikov i uchastnikov sobytiya 11 marta 1801 g.* [The time of Paul I and his death. Notes of contemporaries and participants in the events of March 11, 1801]. Moscow: “Russkaya byl”.
5. Shchegoleva, P.E. (ed.) (2012) *Zapiski grafa E.F. Komarovskogo* [Notes of Count E.F. Komarovskiy]. Moscow: GPIB.
6. Nikitin, S.A. (ed.) (2000) *Memuary grafini Golovinoi. Zapiski knyazyza Golitsyna* [Memoirs of Countess Golovina. Notes of Prince Golitsyn]. Moscow: TRI VEKA ISTORII
7. Zobnin, Yu.V. (2008) *Dmitriy Merezhevskiy: zhizn' i deyaniya* [Dmitry Merezhevskiy: life and deeds]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I: lichnost' i sud'ba* [Paul I: personality and destiny]. Omsk: Omsk State University.
9. Tynyanov, Yu.N. (1959) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

10. Shil'der, N.K. (2010) *Pavel I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Paul I. His life and reign]. Moscow: Eksmo.
11. Bokhanov, A.N. (2010) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Veche.
12. Kotlubitskiy, N.O. (1912) Rasskazy generala Kotlubitskago o vremenakh Pavla I, izlozhennye A.I. Khanenko [The stories of General Kotlubitskiy about the times of Paul I told by A.I. Khanenko]. *Russkiy arkhiv*. 2 (8). pp. 509–538.
13. Leont'eva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX v.* [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.
14. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1871) Neskol'ko slov po povodu poeticheskikh vosproizvedeniy kharaktera Ioanna Groznogo [A few words about the poetic reproductions of the character of Ivan the Terrible]. *Zarya*. 3 (3). pp. 83–90.

Received: 22 October 2018

А.А. Рожков, И.С. Соловенко, С.А. Прокопенко

ТЕНДЕНЦИИ В ДИНАМИКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1992–1999 гг.)

Рассматриваются тенденции в динамике производительности труда в российской угольной промышленности во время перехода к рыночным отношениям. Дается аналитический срез по годам, угольным бассейнам и месторождениям, способам добычи угля и т.д. Делается вывод о значительном прорыве в динамике этого показателя в конце 1990-х гг. Отмечается, что рыночная экономика стала менять пространственное размещение производительных сил угольной промышленности.

Ключевые слова: Россия; переход к рынку; угольная промышленность; производительность труда.

1990-е гг. – это время кардинальных и весьма противоречивых социально-экономических преобразований в России. Особенно это затронуло угольную промышленность, которая стала терять свою значимость в народном хозяйстве страны. В основу энергетической политики Правительства РФ в это сложное время был положен тезис о необходимости экономической самостоятельности субъектов топливно-энергетического комплекса, в том числе угледобывающих предприятий, в противном случае они становились банкротами. В 1990-е гг. уже не являлась приоритетной задачей валовая добыча угля нарастающим итогом, какой она была в советское время. В условиях перехода к рыночным отношениям на первый план в производственно-экономической деятельности предприятий угольной промышленности вышла задача повышения производительности труда, которая позволяла им не только сохранить, но и значительно повысить свою конкурентоспособность.

Несмотря на значимость фактора производительности труда в анализе развития угольной промышленности России, в исторической литературе данная тема не получила должного внимания. Проблемы роста производительности труда стали активно рассматриваться только с конца 1990-х гг., когда этот показатель приобрел положительную динамику, а слово «реструктуризация» уже не вызывало негативной реакции даже у рабочих. Однако производительность труда фактически не выделялась в отдельную тему, а анализировалась в контексте других производственно-

экономических и общественно-политических процессов, в основном таких как реструктуризация угольной промышленности и протестное движение шахтеров. Авторы научных трудов, освещавших процесс реструктуризации, рассматривали рост производительности труда как важнейшее достижение курса рыночных реформ [1–4]. По мнению ряда ученых, мощное протестное движение шахтеров явилось одним из факторов не только сохранения рабочих мест, зарплаты и статуса, но и снижения темпов высвобождения персонала и роста производительности труда [5–7].

Источниковой базой анализируемой проблемы стали документы Государственного архива РФ, Государственного архива Приморского края, АО «Росинформуголь» и др. Они позволяют увидеть не только объективную картину динамики этого определяющего производственного показателя, но и сравнивать его в контексте других важнейших вопросов.

Ключевой характеристикой изменения производительности труда является ее динамика во времени, которая взаимосвязана с общим технико-технологическим и экономическим состоянием развития отрасли. На основании имеющихся статистических данных можно утверждать, что наиболее трудными для угольной промышленности реформируемой России стали предшествующие реструктуризации годы (1991–1993) и первый год структурной перестройки (1994), когда производительность труда имела отрицательную динамику (рис. 1).

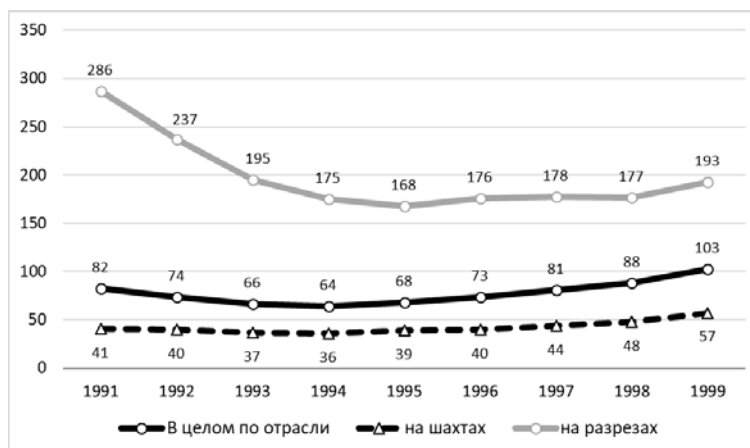

Рис. 1. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля, т / чел. / мес. [8]

Между тем нельзя утверждать, что в начале рыночных преобразований вопросы повышения производительности труда на предприятиях угольной промышленности находились совсем без внимания. Мало кто из предыдущих исследователей обращал на это свой взгляд, особенно из числа критиков энергетической политики Правительства РФ. Только некоторые эксперты подчеркивают, что уже в то

время началась структурная перестройка и модернизация на таких известных в будущем предприятиях, как ОАО «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», шахта «Распадская» [9] и др. В основном это были разрезы и шахты Кузбасса, что и позволило им на год раньше выйти на положительную динамику роста производительности труда, чем в целом по отрасли (рис. 2).

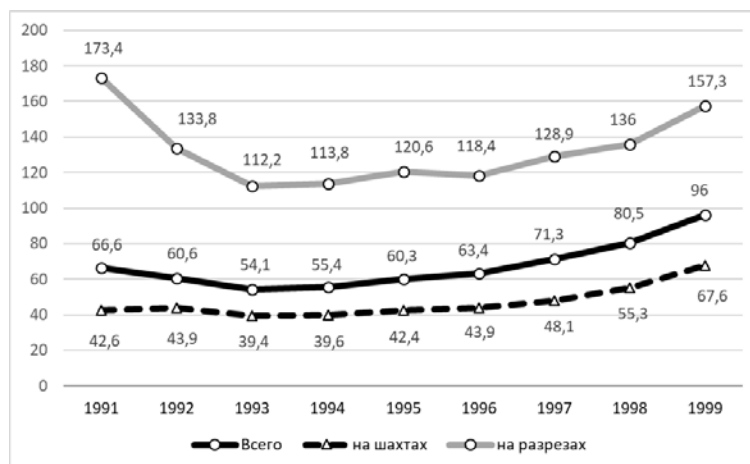

Рис. 2. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля в Кузнецком угольном бассейне, т / чел. / мес. [8]

Однако таких предприятий, где целенаправленно занимались проблемой повышения производительности труда, в стране было крайне мало, а позитивные тенденции в этом направлении являлись неустойчивыми. Неудивительно, что в период с 1991 по 1994 г. производительность труда в отрасли снизилась на 22% (см. рис. 1). Если учесть то, что и в 1991 г. она не была столь высока с точки зрения международных сравнений, то можно сделать вывод о ситуации, близкой к катастрофе. В реальности уровень производительности труда в угольной промышленности России в начале рыночных преобразований соответствовал 1947 г., а на шахтах был еще ниже: на уровне 1940 г. «Распадская» – крупнейшая шахта страны, по производительности труда тогда существенно отставала от зарубежных конкурентов [1].

Основными причинами существенного падения производительности труда в начале 1990-х гг., на наш взгляд, являлись: неэффективность госсобственности, медленные темпы акционирования и последующей приватизации перспективных предприятий, дефицит капиталовложений, неподготовленность управленческих кадров к рыночным отношениям, техническая отсталость, акции протеста, высокий уровень заболеваемости рабочих, отсутствие материальных стимулов повышения производительности труда. Все эти причины были взаимозависимыми, ослабление влияния одной из них положительно отражалось на решении вопросов повышения производительности труда. Между тем опыт стран Восточной Европы наглядно показывал, что совокупность всех проблем, связанных с ростом производительности труда в угольной отрасли, кардинально могла решить приватизация шахт и разрезов.

В условиях роста дефицита доходов государства Правительство РФ взяло курс на интенсификацию приватизации, как в сфере угольной промышленности, так и в других секторах экономики. Однако политика приватизации шахт и разрезов серьезно пробуксовывала в сравнении с другими предприятиями народного хозяйства вследствие своей огромной экономической значимости, а также вынужденной масштабной социальной ответственности. Численность персонала уменьшалась намного медленнее, чем сокращались объемы добычи угля [10. Л. 19]. Не в пользу приватизации были многие объективные причины. Достаточно состоятельных отечественных предпринимателей было мало, а иностранные боялись рисковать частными инвестициями в силу серьезной политической и экономической нестабильности в России. Тем более там, где в начале рыночных преобразований оказался частный капитал, ситуация порой менялась в худшую сторону. Новые хозяева преднамеренно банкротили угольные предприятия и тем самым провоцировали массовые акции протеста рабочих. Это негативно отражалось на темпах приватизации угольных предприятий и адаптации трудовых коллективов к работе в послеприватизационный период [11. Л. 164]. Неоднозначным, а где-то и неприемлемым было отношение к приватизации со стороны руководителей угольных компаний и администраций регионов. В результате в 1994 г. только 7,2% угледобывающих предприятий были в частной собственности (рис. 3). Соответственно Правительству РФ необходимы были другие подходы, позволявшие повысить производительность труда в отрасли, которая итак теряла свою конкурентоспособность даже на внутреннем рынке.

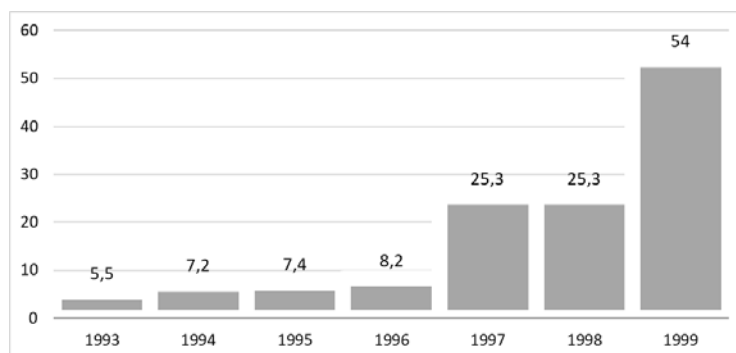

Рис. 3. Доля частных компаний в добыче российских углей в период 1993–1999 гг. [8]

Положительную динамику производительности труда придали мероприятия, обозначенные в концепции реструктуризации угольной промышленности России, которую приняли в 1994 г. Ее главным направлением стала ликвидация убыточных и неперспективных шахт и разрезов. Для предприятий, которые продолжали производственно-экономическую деятельность, предусматривались другие очень важные направления – модернизация оборудования, оптимизация численности персонала, решение социальных вопросов и др. На их реализацию с 1995 г. увеличивается доля средств бюджетного финансирования. В том году софинансирование реструктуризации угольной промышленности России начинает и Международный банк реконструкции и развития за счет предоставления бюджетозамещающих займов, первый из которых по-

ступил уже в 1996 г. в объеме 500 млн долл. США [7. С. 148–149].

С 1995 г. динамика производительности труда в угольной промышленности России приобрела стабильный положительный характер. Наиболее высокая производительность труда всегда имела место на разрезах, но более динамичными темпами она росла на шахтах (см. рис. 1). В основе такой динамики – комплекс мер по ликвидации убыточных предприятий, большую часть из которых составляли шахты. Этому способствовала и дальнейшая концентрация угледобычи на относительно рентабельных предприятиях. При этом темп роста среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля был выше темпа роста добычи угля к уровню 1994 г. (рис. 4).

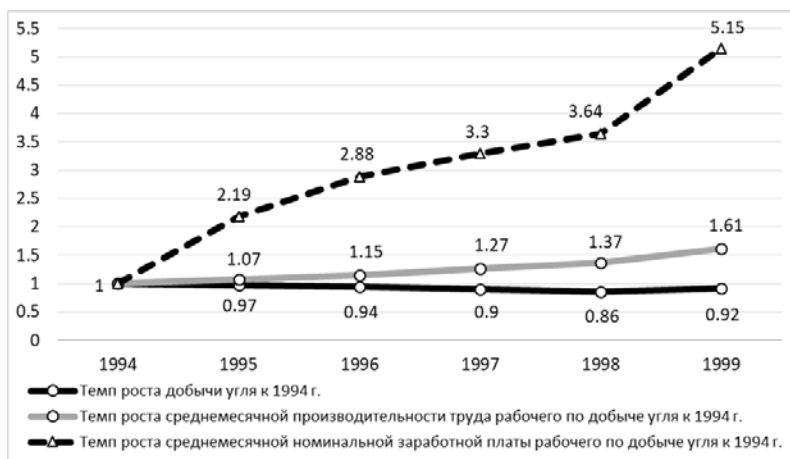

Рис. 4. Темпы изменения добычи угля, среднемесячной производительности труда и среднемесячной номинальной заработной платы рабочего по добыче угля к уровню 1994 г. [8]

Наиболее высокие темпы роста производительности труда наблюдались в 1997–1999 гг., несмотря на значительное снижение доли средств бюджетного финансирования угольной отрасли в ВВП России. Данный факт указывает на то, что в это время начинают активно развиваться частные угледобывающие предприятия, руководство которых динамично избавлялось от «лишних» рабочих и сокращало неэффективные расходы.

Серьезную роль в повышении производительности труда в конце 1990-х гг. сыграли успехи в области

политики приватизации (см. рис. 3). Бурный рост производительности труда в 1999 г. напрямую соотносится с динамичным переходом в это время шахт и разрезов в частные руки. На частных предприятиях заметно быстрее увеличилась производительность труда рабочих, наблюдался рост технико-экономических показателей.

Благодаря международному сотрудничеству появились новые возможности использования в производственной деятельности последних достижений мировой науки и техники (прежде всего, приобрете-

ние высокопроизводительного импортного горно-шахтного и горно-транспортного оборудования), а также в организации труда. Рост производительности труда имел место на отдельных предприятиях даже в наиболее депрессивных углепромышленных территориях, например в Приморском крае [12. Л. 41]. В тех компаниях (например, ОАО «Тулауголь», ОАО «Челябинскуголь»), где невозможно было достичь конкурентоспособных темпов роста производительности труда по горно-геологическим и экономическим причинам, пришлось закрывать предприятия.

Рост производительности труда наглядно демонстрировал экономическую целесообразность реструктуризации угольной промышленности. В условиях больших социальных издержек первого этапа реформ (1994–1997) она оказывала серьезное стабилизирующее воздействие на шахтерское недовольство. Однако налицо и факт неравномерного роста производительности труда в угольной промышленности России в региональном срезе. В Печорском угольном бассейне и на месторождениях Дальнего Востока за счет вывода из эксплуатации убыточных шахт (разрезов) и соответствующего высвобождения персонала с 1994 г., намечился устойчивый рост производительности труда на действующих угледобывающих предприятиях (табл. 1). В это время наибольший рост производительности труда с 1994 по 1999 г. наблюдался в Кузнецком бассейне (почти 87%) (см. рис. 2), Печорском

бассейне (21%). В Канско-Ачинском и Южно-Якутском угольных бассейнах с открытым способом добычи угля, где не велась ликвидация убыточных предприятий, к концу 1999 г. по ряду объективных причин (излишняя численность персонала, недостаток инвестиций на техническое перевооружение, акционирование и приватизация предприятий) не удалось выйти на уровень производительности труда, достигнутый в 1991 г. В Донецком угольном бассейне с исключительно подземным способом добычи угля одновременно шли ликвидация убыточных шахт и поддержание добычи на действующих перспективных. При этом в период 1994–1999 гг. производительность труда фактически оставалась на одном уровне 26–28 т / чел. / мес. В тех угольных бассейнах, где шла интенсивная ликвидация убыточных шахт и где не было предпосылок для развития перспективных угледобывающих предприятий, прежде всего открытого способа добычи, продолжала падать и среднемесячная производительность труда, в частности, в Подмосковном угольном бассейне и Кизеловском на Урале, в которых впоследствии добыча угля была полностью прекращена. Во многом это объясняет потерю в дальнейшем топливно-энергетической значимости таких региональных комплексов, как Донецкий, Уральский и Подмосковский угольные бассейны. В то же время существенно укрепились позиции предприятий Кузбасса и Восточной Сибири.

Таблица 1

Среднемесячная производительность труда рабочего по добыче угля на шахтах и разрезах в основных угольных бассейнах (месторождениях) России в период 1991–1999 гг., т / чел. / мес. [8]

Месторождения	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Донецкий бассейн	29,6	27,5	26,3	26,2	28,1	26,8	28,3	27,3	28,3
Печорский бассейн	65,7	66,6	59,8	66,4	70,6	75	77,7	75,3	83,7
Подмосковский бассейн	51,6	41,6	35,7	26,2	26,7	24,7	36	29,9	24,3
Бассейны и месторождения Урала	53,5	51,8	50,7	44,0	38,5	44,3	46,5	45,4	51,1
Канско-Ачинский бассейн	839,9	692,1	371,6	346,3	324,9	358,2	343,4	342,7	353,5
Южно-Якутский бассейн	424,1	375,7	403,3	377,1	415,6	435,9	477	399,6	379,5
Месторождения Дальнего Востока	108,3	90,9	69,6	54,3	69,9	68,4	85,4	107,4	124,0

В целом отечественная угольная промышленность в течение 1990-х гг. прошла сложный путь, в ходе которого были решены многие острые проблемы, в том числе в вопросах повышения производительности труда. Между тем в конце рассматриваемого периода оставались не решенными следующие важные проблемы. Во-первых, в силу технологических особенностей увеличился разрыв в производительности труда между разрезами и шахтами (см. рис. 1). Во-вторых, показатель производительности труда в угольной промышленности России по-прежнему был меньше, чем за рубежом примерно в пять раз [13. Р. 588]. Соответственно, наносился ущерб конкурентоспособности российского угля. В-третьих, динамика роста производительности труда заметно отставала (особенно в 1999 г.) от темпов увеличения номинальной

заработной платы рабочего по добыче угля (см. рис. 4). Это не позволяло снижать себестоимость продукции и, таким образом, повышать конкурентоспособность предприятий. В-четвертых, так и не был запущен механизм внутреннего инновационного обновления предприятий и технологий (рационализация, изобретательство, поощрение творческой активности работников). Нарастание объемов угледобычи с ростом производительности труда шло в основном за счет применения высокопроизводительного импортного оборудования и концентрации горных работ. О создании корпоративных инновационных систем в те годы даже не шло и речи [14].

Таким образом, выделяются три этапа в эволюции производительности труда в угольной промышленности России периода 1990-х гг. Первый этап –

это спад, который наблюдался с 1992 по 1994 г.; второй – выход на позитивную динамику (1995–1998 гг.); третий – динамичный рост (с 1999 г.). Рост производительности труда стал залогом укрепления конкурентоспособности российских угледобытчиков на зарубежном рынке. Важно и то, что фактор роста производительности труда был определяющим в пространственном развитии угольной отрасли и при-

вел к изменению географии угледобычи в стране. Закрытие убыточных и развитие перспективных предприятий и компаний привело к перемещению производственных мощностей угольной отрасли в Восточную Сибирь и на Дальний Восток страны. Рыночная экономика стала менять пространственное размещение производительных сил угольной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козовой Г.И. Долгосрочная конкурентоспособность – главное условие жизнеспособности угледобывающих предприятий в рыночной среде // Проблемы реструктуризации угледобывающих предприятий: ИГД УрО РАН, НТЦ-НИИОГР. Екатеринбург, 1998. С. 14–19.
2. Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. 1999. № 7. С. 14–18.
3. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 198 с.
4. Рожков А.А., Соловенко И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 124–136.
5. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998. 270 с.
6. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001. 416 с.
7. Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 600 с.
8. Текущий архив АО «Росинформуголь».
9. Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1318> (дата обращения: 08.01.2015).
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 90.
11. Постановление коллегии Государственного комитета РФ по промышленной политике «О процессе приватизации в промышленном комплексе и проекте государственной программы приватизации», 7 декабря 1993 г. // ГАРФ. Ф. Р-10066. Оп. 1. Д. 5.
12. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 178.
13. Solovenko I.S., Trifonov V.A., Nagornov V.I. Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008 // Applied Mechanics and Materials. 2014. Vol. 682. P. 586–590.
14. Prokopenko S.A., Ludzish V.S., Kurzina I.A. Improvement of cutting tools to enhance performance of heading machines in rocks // Journal of Mining Science. 2016. Vol. 52, is. 1. P. 153–159.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2019 г.

Trends in Labor Productivity in the Russian Coal Industry (1992–1999)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 127–132.

DOI: 10.17223/15617793/440/17

Anatoliy A. Rozhkov, NUST MISiS College of Economics and Industrial Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: raa@riu.ru

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Sergey A. Prokopenko, Sibirskiye Gornopromyshlenniki, Research and Production Enterprise (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sibgp@mail.ru

Keywords: Russia; transition to market economy; coal industry; labor productivity.

The object of the research is trends in labor productivity dynamics in the Russian coal industry during the transition to a market economy. The authors draw attention to the fact that in the first years of the reform of the coal industry, labor productivity declined significantly and by this indicator Russia was noticeably inferior to the leading coal-producing countries of the world. The government solved this problem through the privatization of mines and cuts. Since 1994, the course was taken to restructure the coal industry. Despite the high social costs, due to the restructuring, it was possible to significantly reduce the number of inefficient enterprises. For enterprises that continued production and economic activities, other very important areas were envisaged – equipment modernization, staff optimization, social issues, and others. Since 1995, the proportion of budget funds increased. Thanks to international cooperation, new opportunities emerged in the production activities of the latest achievements of world science and technology (above all, the acquisition of high-performance imported mining and mining and transportation equipment), as well as in the organization of labor. Since 1995, positive dynamics of labor productivity were observed in the Russian coal industry. The best indicators were at the enterprises of the Kuznetsk coal basin. The large-scale privatization of mines and opencast mines in 1999 made it possible to markedly increase the growth rate of labor productivity, and as a result, to put the Russian coal industry in the category of internationally competitive ones. According to the authors, at the end of the period under review, the following important problems remained unresolved: (1) the gap in labor productivity between cuts and mines increased; (2) labor productivity in the coal industry of Russia was still about five times lower than abroad; (3) the dynamics of labor productivity growth noticeably lagged (especially in 1999) from the rate of increase in the nominal wages of a coal mining worker; (4) the mechanism of internal innovation renewal of enterprises and technologies (rationalization, invention, promotion of creative activity of workers) was not launched. The final conclusion is the following. There are three stages in the evolution of labor productivity in the coal industry of Russia of the period under review. The first stage is the decline, which was observed from 1992 to 1994. The second is a transition to positive dynamics (1995–1998). The third is dynamic growth (since 1999). The factor of growth of labor productivity became decisive in the spatial development of the coal industry and led to a change in the geography of coal mining in the country. Production capacity of the coal industry began to move to Eastern Siberia and the Far East of the country.

REFERENCES

1. Kozovoy, G.I. (1998) Dolgosrochnaya konkurentosposobnost' – glavnoe uslovie zhiznesposobnosti ugledobyvayushchikh predpriyatiy v rynochnoy srede [Long-term competitiveness is the main condition for the viability of coal-mining enterprises in the market environment]. *Problemy restrukturizatsii ugledobyvayushchikh predpriyatiy*. 3. pp. 14–19.
2. Yanovskiy, A.B. & Skryl, A.I. (1999) Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii: predposylki, opyt, problemy, perspektivy [Restructuring of the coal industry in Russia]. *Ugol'*. 7. pp. 14–18.
3. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Restructuring of the coal industry in Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
4. Rozhkov, A.A. & Solovenko, I.S. (2017) Major trends in Russian coal industry in the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 124–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/16
5. Il'in, V.I. (1998) *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal: the mining movement of Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
6. Borisov, V.A. (2001) *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [Strikes in the coal industry (analysis of the mining movement for 1989–99)]. Moscow: ISITO.
7. Solovenko, I.S. (2017) *Protestnoe dvizhenie shakhterov Rossii v 1992–1999 gg.* [Protest movement of miners of Russia in 1992–1999]. History Dr. Diss. Tomsk.
8. Current Archive of Rosinformugol'. (In Russian).
9. Nikitin, A.I. (2010) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti* [Restructuring of the coal industry]. [Online] Available from: <http://www.ru-90.ru/node/1318>. (Accessed: 08.01.2015).
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10204. List 2. File 90. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-10066. List 1. File 5. *Postanovlenie kollegii Gosudarstvennogo komiteta RF po promyshlennoy politike "O protsesse privatizatsii v promyshlennom komplekse i proekte gosudarstvennoy programmy privatizatsii", 7 dekabrya 1993 g.* [Decision of the Board of the State Committee of the Russian Federation on Industrial Policy "On the privatization process in the industrial complex and the draft state privatization program", December 7, 1993].
12. State Archive of Primorsky Krai. Fund R-1707. List 1. File 178. (In Russian).
13. Solovenko, I.S., Trifonov, V.A. & Nagornov, V.I. (2014) Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008. *Applied Mechanics and Materials*. 682. pp. 586–590. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMM.682.586
14. Prokopenko, S.A. & Ludzish, V.S. (2016) Kurzina I.A. Improvement of cutting tools to enhance performance of heading machines in rocks. *Journal of Mining Science*. 52 (1). pp. 153–159. DOI: 10.1134/S1062739116010248

Received: 05 March 2019

А.В. Спичак

ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ ДУХОВНЫХ ЛИЦ В ДЕЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX вв.

*Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук
(Конкурс – МК-2018) МК-3701.2018.6.*

Исследование посвящено изучению методов борьбы с пьянством среди лиц духовного ведомства в Tobольской епархии во второй половине XVIII – XIX вв. Выявлены сопутствующие пьянству другие проступки и преступления. Раскрываются способы наказания духовных лиц за пьянство в Tobольской епархии в указанный период; показано, как Русская православная церковь боролась с пьянством до начала антиалкогольных кампаний. Проведен анализ дел Tobольской духовной консистории о наказании лиц духовного звания за порочные поступки такого рода.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Tobольская епархия; Tobольская духовная консистория; духовные лица; борьба с пьянством; наказание.

На протяжении многих веков, начиная со времени Ивана Грозного, в России периодически вводилась винная монополия, главной целью которой было максимальное извлечение дохода от продажи спиртного с помощью государственных институтов. Пьянству были подвержены различные слои населения [1. С. 13], в том числе духовенство.

РПЦ относила пьянство к порочным поступкам и принимала меры к его искоренению как среди населения, так и среди подведомственных лиц – священно- и церковнослужителей, служителей монастырей.

Дореволюционная историография по данной теме включает труды, в которых проанализированы результаты государственной алкогольной политики [2, 3], раскрыты причины и особенности создания гражданских и церковных обществ трезвости, преследовавших нравственное совершенствование своих членов посредством отказа от спиртного в конце XIX – начале XX в. [4, 5], а также выявлена специфика распространения спиртных напитков в сибирской деревне [6, 7].

В советский период вопросы, связанные с алкогольной политикой в дореволюционной России, рассматривались поверхностно, исследования того времени носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер и отражали проблемы, связанные с алкоголизацией населения; при этом предшествовавшая эпоха зачастую обходилась вниманием [8–10].

В последние годы теме зависимости населения от спиртного посвящено немало работ, в том числе связанных с участием РПЦ в ее профилактике [11], борьбой с алкоголизмом в дореволюционный период [12, 13]. Некоторые исследования базируются на материалах Западной Сибири [14–16]. Об обществах трезвости в Tobольской губернии и Акмолинской области в 1890 – начале 1910-х гг. писал А.Л. Афанасьев [17].

Данные работы принадлежат историкам, юристам, философам, медикам. Объединяет эти труды, независимо от времени издания, негативное отношение к пьянству; исследователи видят в нем причину других серьезных проблем общества – болезней, нищеты, девиантного поведения, преступности и т.д.

Многие авторы [17–19], причем на протяжении уже двух веков, отмечали, что борьба с пьянством возможна только при сознании ее необходимости самим обществом, достаточном внимании государственных и общественных организаций к профилактике злоупотребления алкоголем, а также высказывались за возобновление обществ трезвости [17. С. 3]. Ученые сходятся во мнении о том, что данный вопрос весьма слабо изучен на региональном уровне. Это делает выбранную автором тему весьма значимой для современного исследователя.

Стоит согласиться с И.Н. Афанасьевым в том, что ответственность за судьбу будущих поколений россиян обязывает ее граждан тщательным образом разбираться в причинах сложившейся ситуации. Достижение этой цели невозможно без исследования отечественного исторического опыта, содержавшего много ценного и полезного для современной политики Российской Федерации в части создания и организации деятельности государственных и общественных объединений в борьбе за народную трезвость [Там же. С. 3–4].

О том, что среди духовенства было традиционно распространено пьянство, писали многие авторы – как ученые, так и общественные деятели. Причину этого явления чаще всего видели в неустроенном быте и униженном положении духовного сословия [20. С. 70]. И.С. Белюстин и Д.Г. Булгаковский указывали на существование некоторых особенностей приходской жизни, немало способствовавших укоренению пьянства среди представителей духовного сословия (тяжелые условия жизни, подпольное изготовление алкоголя в селах и деревнях, пьянство прихожан и т.д.) [21. С. 59; 22. С. 550]. Кроме того, по мнению Т.Г. Леонтьевой, непреодолимые житейские заботы, неуверенность в завтрашнем дне нередко вызывали депрессивные состояния, перерастающие в бытовые пороки, наиболее распространенными из которых было пьянство [23. С. 259].

Несмотря на обилие трудов, посвященных борьбе государства и общества с алкоголизмом в дореволюционной России, эти работы не освещают важный

вклад РПЦ в решении данной проблемы еще до официального введения церковных обществ трезвости Святейшим Правительствующим Синодом (далее – Синодом) в 1880-х гг. Исследователи рассматривают борьбу с пьянством РПЦ в рамках общегосударственной политики, обходя стороной ее внутренние проблемы – пьянство духовных лиц со специфическими мерами РПЦ, направленными на решение данной проблемы. Вопросы пьянства лиц духовного ведомства, а также способов их наказания за этот проступок во второй половине XVIII–XIX вв. в Тобольской епархии пока остаются неизученными.

РПЦ активно боролась с пьянством населения. Борьба с народными пороками, каковыми считались пьянство и лень, относились к надзорно-охранительным обязанностям духовенства. Первостепенным долгом священнослужителя являлось наставлять паству «постоянным научением прихожан истинам веры Православной и примерною своею жизнью». Далее необходимо было включать в проповеди соответствующие темы, а также наставлять во время личных бесед и визитов отдельных согрешающих. Еще одним серьезным, значительным делом на ниве борьбы с пьянством, в котором обязывались участвовать духовные лица, служило открытие обществ трезвости и активное участие в их деятельности. На страницах епархиальных ведомостей, а также циркулярно причту давались рекомендации по организации обществ, предлагалось выписывать соответствующую литературу, прилагались программы работы таких обществ [11. С. 95–96]. Однако не каждый священнослужитель, как, впрочем, и церковнослужитель, и служитель монастыря, могли сами удержаться от данного пагубного пристрастия.

Методы, применявшиеся РПЦ для искоренения алкоголизма подведомственных ей лиц, составляют предмет настоящего исследования.

Его хронологические рамки охватывают синодальный период истории РПЦ, а территориальные рамки – самую обширную в Российской империи Тобольскую епархию. Документы за первую половину XVIII в. не сохранились ввиду ряда объективных и субъективных причин.

В Тобольском архиве теме пьянства посвящено 716 дел за 1777–1985 гг., из них 673 дела были заведены Тобольской духовной консисторией (ТДК) в 1749–1893 гг., остальные 43 дела не относятся к борьбе РПЦ с алкоголизмом в духовной среде, они включают документы более позднего периода – 1921–1985 гг. Обнаруженные дела являются в основном индивидуальными (о наказании одного духовного лица), однако встречается несколько групповых (около 5%).

Источниками данного исследования стали документы следственных процессов ТДК о наказании духовных лиц за пьянство и сопутствующие проступки: просительные документы (рапорты, доношения) от прихожан, коллег, начальства; справки, составленные ТДК по распоряжению преосвященного; выписки из журналов заседаний ТДК (протоколы); указы ТДК, содержащие решение по делу; рапорты непосредственного начальства и самих обвиняемых об исполнении воли епархиального начальства. Такой состав

дел (с незначительными исключениями) налицо во всех следственных делах ТДК о наказании за пристрастие к алкоголю лиц духовного сословия.

Согласно архивным материалам пьянству сопутствовали «не справление со своими обязанностями», «нерачительство к церкви», исправление треб без причетника, пропуск служения в воскресные, праздничные и высокаторжественные дни (например, в Великую четырехдесятницу), «не исправление мирских треб», сквернословие, самовольные отлучки, кражи, присвоение казенных денег, утрата церковного имущества, утайка кружечных денег, посещение «подозрительных домов», распутство, прелюбодеяние, оскорбление, ссоры с прихожанами, «буйное поведение», рукоприкладство (включая драки в церкви, избивание благочинных, родителей, жен и детей, чужих женщин), «покушение» на родственников, иногда ложные доносы на коллег и даже попытки самоубийства и «подозрение в мужеложстве», а также другие проступки.

В ряде дел о пьянстве духовных лиц их также обвиняют в провинностях, которые могли и не быть следствием пьянства, а отражать халатное отношение к своим обязанностям, склад характера и т.д. К таким проступкам относятся взяточничество, разрешение венчания в родстве, «неправильное венчание», устройство беспорядка в церкви при венчании, некрещение младенцев, непомазание миром младенцев, неисправление церковных документов (духовных росписей), утаивание не бывших у исповеди прихожан, крещение детей раскольников, игра в карты.

Архивы хранят свидетельства того, что излишнее употребление алкогольных напитков и ранее становилось причиной других несчастий, и по традиции для отрезвления и исправления виновного ссылали в монастырь. Как отмечает Е.А. Занозина, достаточно хорошо сохранившиеся вотчинные архивы русских монастырей и частных лиц XVII в. содержат множество мелких судебных дел о пожарах, побоях, ссорах, кражах на почве пьянства, которое постепенно становилось все более распространенным явлением. Кто просил у власти возместить «бесчестье» со стороны пьяницы-соседа, иной хотел отправить пьяницу-зятя в монастырь для исправления, а третий требовал возвратить сбжавшую и загулявшую с пьяницами жену [12. С. 14–15].

Появление перед другими людьми в пьяном виде осуждалось церковью, несмотря на то что впервые в отечественном законодательстве было закреплено наказание за публичное появление в нетрезвом виде только в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.). Согласно этому документу светских лиц подвергали «аресту в первый раз на время от одного до трех дней, во второй на время от трех до семи дней, в третий раз на время от трех недель до трех месяцев» [Там же. С. 16].

Найденные документы подтверждают то, что пьянство было страшно не только само по себе, оно влекло за собой много других неприятностей и даже могло привести к трагедии. РПЦ первой обратила внимание на проблему алкоголизма – еще задолго до антиалкогольных кампаний конца XIX в., и начала борьбу с

пьянством со своих подчиненных — духовных лиц — уже в середине XVIII столетия. Забота Синода о сохранении документального наследия РПЦ позволяет изучить методы борьбы с пьянством в духовной среде в Тобольской епархии во второй половине XVIII–XX вв.

В пьянстве были замечены священники (352), дьяконы (121), дьячки (70), псаломщики (16), пономари (76), иеромонахи (21), иеродьяконы (4), монахи (1), послушники монастырей (2), казначеи монастыря (1), сторожи ТДК и духовных правлений (4), копиисты ТДК (3), подканцеляристы ТДК (1) и ученики ТДК (2), и это по отложившимся в ГУТО ГАТ делам ТДК, которых к настоящему времени сохранилась лишь малая часть из ранее имевшихся.

Епархиальное начальство следило, чтобы и церковные старосты не были подвержены алкоголизму, ведь в их руках находилось благосостояние церквей, а значит, и РПЦ в целом («Дело по рапорту благочинного протоиерея Петра Фелицына о перевыборе старосты Спасской церкви с. Уватского Федора Медведева за пьянство» 1825 г.) [24. Л. 1–3]. Любопытно было встретить дело ТДК о пьянстве монаха («Дело о пьянстве монаха Абалакского Знаменского монастыря Феодосия» (1868 г.)) [25. Л. 1–41]. Даже женщины страдали от данного пагубного пристрастия («Дело о пьянстве настоятельницы туринского Николаевского женского монастыря Амфилохии» (1828 г.)) [26. Л. 1–27]. Алкоголизму были подвержены все духовные лица, даже благочинные, и не только живущие в деревенской глубинке, но и находящиеся «на виду» у епархиального начальства, а также чиновники духовных правлений.

Представим выявленные методы РПЦ в борьбе с пьянством духовных лиц.

Как показывают документы ГБУТО ГАТ, за пьянство запрещали священнослужение, понижали или увольняли от должности, ссылали в монастырь «в труды», служителей монастыря (игуменов, послушников, иеромонахов) переводили в другую обитель, в другую церковь или, значительно реже, в Тобольский архиерейский дом, тоже «в труды». Обнаружено восемь дел о наложении епитимии (отрешение от церкви), одно из них отягчено прелюбодеянием, однако, исходя из содержания этих дел, епитимия в данном случае означала только запрещение священнослужения на определенный срок.

Священнослужителей за пьянство понижали в должности. Так, согласно описям дел ТДК, одного священника понизили до пономаря, четырех — до причетников, двух — до дьячков, трех дьячков — до дьячков. Церковнослужителей увольняли из духовного сословия, например, из пяти уволенных пономарей двоих направили в мещане, одного — в военную службу, остальных двух — неизвестно куда, одного дьячка — в военную службу, двух дьячков и одного пономаря также уволили без указания места. Служителей ТДК и духовных правлений, замеченных в пьянстве, увольняли, в том числе в военную службу. Однако, зная о таких печальных последствиях своего пагубного пристрастия, лица духовного ведомства продолжали пить.

В монастырь «в труды... на хлеб и воду... для воздержания» могли сослать на конкретный срок: на

две недели, один месяц, шесть недель, три месяца, и даже на полгода; срок определяла ТДК исходя из тяжести провинности. Применялись и дополнительные наказания. Например, ТДК могла брать штрафы, обязать подпиской о воздержании от пьянства, исключить из архиерейского хора, даже наказывать кнутами (шелепами). Бывали случаи, когда в алкоголизме замечалось сразу несколько членов причта; для них могли назначить одинаковое наказание все зависимости от занимаемой должности: в рассмотренных делах это ссылака в монастырь.

Встречаются очень трагичные дела, заставляющие задуматься о таких тяжелых последствиях пьянства, как избивание самых родных людей («Дело по доношению Ишимского духовного правления об определении дьячка Ильинской церкви села Ильинского Степана Петухова в Ивановский Межугорский монастырь за пьянство и нанесение побоев своей матери» (1808–1809 гг.)) [27. Л. 1–11] или даже смерть («Дело о смерти пономаря с. Казанского Ишимского ведомства Ивана Попова от пьянства» (1824 г.)) [28. Л. 1–8].

Некоторые благочинные скрывали от начальства проступки своих подчиненных, за что получали выговор («Дело по предложению архиепископа Амвросия о высылке священника с. Вагайского Кремлева в контору архиерейского дома за пьянство и объявлении выговора благочинному Морковитину за укрывательство пьяниц» (1824 г.)) [29. Л. 1–13]. Бывали и ложные доносы о пьянстве сослуживцев, как в «Деле о лишении священника Туринской городской Покровской церкви Федора Лапина священнослужения за ложное обвинение дьякона этой же церкви Тихонова в пьянстве и за невыплату причетникам причитающейся части доходов» (1783 г.) [30. Л. 1–20].

Синод на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. издавал указы о запрещении и искоренении пьянства среди духовных лиц («Дело по указу Святейшего Правительствующего Синода о запрещении священно- и церковнослужителям пьянства» (1782 г.) [31. Л. 1–53], «Указ Святейшего Правительствующего Синода (копия) о запрещении священно- и церковнослужителям пьянства. Рапорты духовных правлений о получении указа» (1800 г.) [32. Л. 1–98], «Дело по указу Святейшего Правительствующего Синода об искоренении пьянства среди духовных лиц» (1819–1820 гг.) [33. Л. 1–23], «Дело по указу Святейшего Правительствующего Синода об искоренении пьянства среди руководства» (1820 г.) [34. Л. 1–67], «Дело по указу Святейшего Правительствующего Синода о воздержании духовных лиц от пьянства» (1825 г.)) [35. Л. 1–11].

В число мер по борьбе с пьянством входило также отдаление питейного дома от церкви («Дело по прошениям священно- и церковнослужителей Томского приказа об определении, увольнении, переводе. Сообщения Томского нижнего земского суда, доношения разных лиц. Об освящении церкви о знании прихожанами заповедей о пьянстве церковнослужителей об отдалении питейного дома от церкви» (1802 г.) [36. Л. 1–7].

Итак, методами, применявшимся РПЦ для искоренения алкоголизма подведомственных ей лиц, явля-

лись осведомление о запрете пьянства через распространение указов Синода, отдаление питейных домов от церквей. Если же это не помогало и епархиальное начальство получало просительные документы о пьянстве и других сопутствующих проступках духовных лиц, то применялись запрещение священнослужения, понижение или увольнение от должности, ссылка в монастырь «в труды», перевод служителей монастыря (игуменов, послушников, иеромонахов) в другой монастырь, в другую церковь или, значительно реже, в Тобольский архиерейский дом, тоже «в труды».

Существовали черты сходства и различия в наказаниях разных категорий священства: независимо от наличия священного сана чаще всего ссылали в монастырь, при этом священнослужителей понижали в должности, а церковнослужителей – нет, ведь они и так занимали низшие должности; зато их могли уволить в светское ведомство (в отличие от священнослужителей). Более суровым наказанием являлось изгнание из духовного ведомства, что наряду с ссылкой в монастырь можно считать весьма действенным, судя по найденным в ГБУТО ГАТ документам о восстановлении в должности спустя назначенный ТДК срок. Однако насколько действенным оказывалось наказание, во многом зависело от самого духовного лица; встанет ли оно на путь исправления, одумается ли или же будет спиваться дальше – это был личный выбор каждого, как и в настоящее время.

Методы борьбы с зависимостью от алкоголя и его последствиями среди духовенства явно отличались от тех, которые практиковались относительно светских лиц. К последним применялись экономические санкции, направленные на ограничение производства и реализации спиртных напитков; социальные меры, предусматривавшие улучшение бытовых условий и повышение уровня жизни трудящихся; идеологические, связанные с появлением и развитием антиалкогольной пропаганды, распространением информации о вреде чрезмерного потребления крепких напитков,

введением в школах антиалкогольного воспитания, деятельностью государственных и общественных организаций по пропаганде трезвого образа жизни; правовые, к которым относится совершенствование антиалкогольного законодательства [17. С. 25].

В многочисленных исследованиях о борьбе РПЦ с пьянством говорится об антиалкогольных кампаниях конца XIX – начала XX в., а также дальнейших действиях, направленных против пьянства (уже в период существования СССР). Однако приведенные примеры свидетельствуют о том, что соответствующие меры активно принимались уже во второй половине XVIII в. Дальнейшее изучение содержания дел по борьбе РПЦ в Тобольской епархии с пьянством духовных лиц во второй половине XVIII–XIX вв. позволит выяснить механизм процесса наказания за данный проступок, установив, в частности, делопроизводственные этапы этого процесса.

Исторический опыт показывает, что общество периодически оценивает ужасающие масштабы алкоголизации населения, в том числе особо обращает внимание на незащищенные слои населения [37. С. 60]. Меры, направленные на борьбу с пьянством в Тобольской епархии в XIX в., отражали общегосударственный курс, целью которого служила антиалкоголизация населения (создание обществ трезвости, проповеди священников, ссылка в монастырь). Имеются сведения о ведении следственных дел о пьянстве духовных лиц в других епархиях, например в Ярославской духовной консистории во второй половине XIX в. [20. С. 70], однако данные о борьбе с пьянством духовных лиц в целом по РПЦ за XVIII в. не были обнаружены.

Современная социокультурная ситуация в нашей стране, в частности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, требует, учитывая исторический опыт, объединения усилий государства и общественных организаций на общероссийском и региональных уровнях для повышения культуры и возрождения среди населения идеалов трезвости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акоева Н.Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2005. Т. 7, № 5. Ч. 1. С. 13–17.
2. Янжул И.И. Пьянство как социальный недуг и борьба против него. СПб. : Просвещение, 1903. 96 с.
3. Бородин Д.Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб. : Тип. «Самокат», 1908. 152 с.
4. Григорьев Н.И. Русские общества трезвости. Их организация и деятельность в 1892–1893 гг. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1894. 79 с.
5. Коровин А.М. Цели и задачи обществ трезвости. М. : Первое Московское общество трезвости, 1903. 36 с.
6. Локтин А. Распространение спиртных напитков в сибирской деревне // Статистика Сибири. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1930. Вып. 1. С. 141–145.
7. Лебедев С. Тайное винокурение в Сибири // Пищевая промышленность. 1927. № 7. С. 201.
8. Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М. : ОГИЗ, 1929. 223 с.
9. Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М. : Изд-во Ин-та по изучению преступности и преступника, 1930. 104 с.
10. Стрельчук И.В. Алкоголизм – вреднейший пережиток прошлого. М. : Госполитиздат, 1954. 319 с.
11. Васильева В.А. Пьянство как социальная девиация и участие Русской Православной Церкви в его профилактике: социально-религиозный аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 26 с.
12. Занозина Е.А. Государственно-правовое регулирование питейной деятельности в России с IX по XX вв.: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 22 с.
13. Быкова А.Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012. 46 с.
14. Миневиц В.Б. Алкоголизм в Сибири: Эпидемиология, клиника, последствия, оптимизация наркологической службы : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М. 1990. 45 с.
15. Кузнецов А.И. «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 25 с.
16. Дорошенко А.В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг.: на материалах Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 27 с.

17. Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 31–37.
18. Аксаков А.Н. О народном пьянстве. Причины его, их историческое развитие и меры к их устранению // Русский вестник. 1872. Ноябрь. С. 142–202.
19. Быкова А.Г. Социальная аномалия в истории больших городов Западной Сибири 1880-е – 1914 гг. Омск : Омск. юрид. ин-т, 2004. 96 с.
20. Макарова В.Ю. «...Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 70–85.
21. Белюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin ; Paris ; London, 1858. С. 48–92.
22. Булгаковский Д.Г. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством // Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. СПб., 1900. Вып. 5. Отд. 1. С. 547–566.
23. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX в. М. : Новый Хронограф, 2002. 272 с.
24. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГБУТО ГАТ). Ф. И156. Оп. 10. Д. 1410. Л. 1–3.
25. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 941. Л. 1–41.
26. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 73. Л. 1–27.
27. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 11. Д. 1201. Л. 1–11.
28. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 10. Д. 702. Л. 1–8.
29. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 10. Д. 629. Л. 1–13.
30. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 3. Д. 2663. Л. 1–20.
31. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 3. Д. 2512. Л. 1–53.
32. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 5. Д. 509. Л. 1–98.
33. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 8. Д. 1286. Л. 1–23.
34. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 8. Д. 1905. Л. 1–67.
35. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 10. Д. 1362. Л. 1–11.
36. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 16. Д. 189. Л. 1–7.
37. Еркеева Ю.В. Исторический опыт партнерства государства и общественных организаций в борьбе за народную трезвость // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6. Ч. 1. С. 56–62.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

Fight Against Drunkenness of Clergy in the Affairs of Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th and in the 19th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 133–138.

DOI: 10.17223/15617793/440/18

Aleksandra V. Spichak, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). Email: spichak-89@mail.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; diocese of Tobolsk; Tobolsk Spiritual Consistory; clergy; struggle against drunkenness; punishment.

The research is devoted to methods of struggle against drunkenness among the clerics of the Spiritual Department in the Tobolsk Diocese in the second half of the 18th–19th centuries. The chronological framework of the research covers the Synodal period in the history of the Russian Orthodox Church (ROC), and the territorial framework the Tobolsk Diocese, the most extensive in the Russian Empire. The ROC viewed drinking as a vicious act. The article describes the punishment for the clergy for drunkenness in the Tobolsk Diocese in the stated period, the ROC's struggle with alcoholism until the beginning of the anti-alcohol campaigns. The analysis of the affairs of the Tobolsk Spiritual Consistory on the punishment of the clergy for drinking. As GBUTO GAT documents show, the punishment for drunkenness was to expel from priesthood, to dismiss from office and to exile to the monastery, to another church or, more rarely, to the Tobolsk Bishop's House "for hard labor". Other misdeeds and crimes associated with drinking were identified. According to the analysis of archival materials, drunkenness was accompanied with "non-performance of responsibilities", "neglect of the church", conducting rites without a clerk, absence at services on Sundays, feast and solemn (for example, during the Lent) days, "non-performance of secular rites", foul language, unauthorized absences, theft, misappropriation of public money, the loss of church property, concealing small amounts of money given for charity, visits to "suspicious houses", lasciviousness, adultery, abuse, quarrels with parishioners, "violent behavior", assault (including fights in the church, beating of deans, parents, wives and children, other men's wives), "attempt" on relatives, sometimes denunciations of colleagues, suicide attempts, "suspicion of homosexuality", and other offenses. The data found confirm that drunkenness was not only scary in itself, it entailed many other problems and could even lead to tragedy. The ROC first drew attention to the problem of alcoholism long before the anti-alcohol campaigns of the late 19th century, and began the fight against drunkenness from their subordinates, clerics, in the middle of the 18th century. Concern for the preservation of the documentary heritage of the Russian Orthodox Church by the Holy Governing Synod made it possible to study methods of struggle against drunkenness among the churchpeople in the Tobolsk Diocese in the second half of the 18th–20th centuries. In numerous studies about the struggle of the Russian Orthodox Church with alcoholism, attention focuses on the anti-alcohol campaigns of the late 19th – early 20th centuries, as well as on further action against alcoholism in the USSR period. However, the above examples indicate that these measures were actively taken in the second half of the 18th century. A further study of the content of the cases of the ROC's struggle with the drunkenness of the clergy in the Tobolsk Diocese in the second half of the 18th–19th centuries will clarify the process of punishment for this misconduct and to establish record keeping stages of this process.

REFERENCES

1. Akoeva, N.B. (2005) Bor'ba za narodnuyu trezvost' v Rossii: istoricheskiy aspekt [The struggle for national sobriety in Russia: a historical aspect]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 1–5 (7). pp. 13–17.
2. Yanzhul, I.I. (1903) *P'yanstvo kak sotsial'nyy nedug i bor'ba protiv nego* [Drunkenness as a social malady and the fight against it]. St. Petersburg: Prosveshchenie.
3. Borodin, D.N. (1908) *Itogi vinnoy monopolii i zadachi budushchego* [Results of the wine monopoly and the tasks of the future]. St. Petersburg: Tip. "Samokat".

4. Grigor'ev, N.I. (1894) *Russkie obshchestva trezvosti. Ikh organizatsiya i deyatelnost' v 1892–1893 gg.* [Russian temperance societies. Their organization and activities in 1892–1893]. St. Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
5. Korovin, A.M. (1903) *Tseli i zadachi obshchestv trezvosti* [The aims and objectives of temperance societies]. Moscow: Pervoe Moskovskoe obshchestvo trezvosti.
6. Loktin, A. (1930) *Rasprostraneniye spirtnykh napitkov v sibirskoy derevne* [Distribution of alcoholic beverages in the Siberian village]. In: *Statistika Sibiri* [Statistics of Siberia]. Is. 1. Novosibirsk: Sibkraystatotdel. pp. 141–145.
7. Lebedev, S. (1927) *Taynoe vinokurenije v Sibiri* [Secret alcohol distillation in Siberia]. *Pishchevaya promyshlennost'*. 7. pp. 201.
8. Deychman, E.I. (1929) *Alkogolizm i bor'ba s nim* [Alcoholism and the fight against it]. Moscow: OGIZ.
9. Shepilov, D. (1930) *Alkogolizm i prestupnost'* [Alcoholism and crime]. Moscow: Izd-vo In-ta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika.
10. Strel'chuk, I.V. (1954) *Alkogolizm – vredneyshiy perezhitok proshlogo* [Alcoholism: the most harmful relic of the past]. Moscow: Gospolitizdat.
11. Vasil'eva, V.A. (2012) *P'yanstvo kak sotsial'naya devyatsiya i uchastie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v ego profilaktike: sotsial'no-religioznyy aspekt* [Drunkenness as a social deviation and the participation of the Russian Orthodox Church in its prevention]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
12. Zanozina, E.A. (2008) *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovaniye piteynoy deyatelnosti v Rossii s IX po XX vv.: istoriko-pravovoy aspekt* [State and legal regulation of drinking activity in Russia from the ninth to the 20th centuries: a historical and legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
13. Bykova, A.G. (2012) *Alkogol'nyy vopros v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The alcohol issue in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Omsk.
14. Minevich, V.B. (1990) *Alkogolizm v Sibiri: Epidemiologiya, klinika, posledstviya, optimizatsiya narkologicheskoy sluzhby* [Alcoholism in Siberia: Epidemiology, clinic, consequences, optimization of the narkological service]. Abstract of Medicine Dr. Diss. Moscow.
15. Kuznetsov, A.I. (2005) *“Alkogol'nyy vopros” v sibirskoy derevne 1920-kh gg.* [The “alcohol question” in the Siberian village of the 1920s]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
16. Doroshenko, A.V. (2016) *Bor'ba s p'yanstvom v SSSR v 1970-kh – pervoy polovine 1980-kh gg.: na materialakh Zapadnoy Sibiri* [The fight against drunkenness in the USSR in the 1970s – first half of the 1980s: on materials of Western Siberia]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
17. Afanas'ev, A.L. (2011) *Temperance societies in Tobolsk province and Akmolinsk region of Russia (1890s– early 1910s.). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 1 (13). pp. 31–37. (In Russian).
18. Aksakov, A.N. (1872) *O narodnom p'yanstve. Prichiny ego, ikh istoricheskoe razvitiye i mery k ikh ustraneniyyu* [On the national drunkenness. The reasons for it, their historical development and measures to eliminate them]. *Russkiy vestnik*. November. pp. 142–202.
19. Bykova, A.G. (2004) *Sotsial'naya anomal'ya v istorii bol'shikh gorodov Zapadnoy Sibiri 1880-e – 1914 gg.* [Social anomaly in the history of large cities of Western Siberia in 1880s–1914]. Omsk: Omsk Law Institute.
20. Makarova, V.Yu. (2006) *“...On khotya i vypivaet, no ne upivaetsya”: otnosheniye krest'yan k p'yanstvu svyashchennikov* [“Although he drinks, he does not get drunk”: the attitude of peasants to the drunkenness of priests]. In: Kormina, Zh.V. et al. (eds) *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the Virgin. Studies on the anthropology of religion]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
21. Belyustin, I.S. (1858) *Opisaniye sel'skogo dukhovenstva* [Description of the rural clergy]. In: *Russkiy zagranichnyy sbornik* [Russian foreign collection]. Berlin: A. Asher & Co; Paris: A. Franck; London: Truner. pp. 48–92.
22. Bulgakovskiy, D.G. (1900) *Rol' pravoslavnogo dukhovenstva v bor'be s narodnym p'yanstvom* [The role of the Orthodox clergy in the fight against drunkenness of the people]. In: Nizhegorodtsev, M. (ed.) *Trudy Komissii po voprosu ob alkogolizme, merakh bor'by s nim i dlya vyrabotki normal'nogo ustava zavedeniya dlya alkogolikov* [Proceedings of the Commission on the issue of alcoholism, measures to combat it and to develop a normal charter of institutions for alcoholics]. Is. 5. Pt. 1. St. Petersburg: Russkoe Obshchestvo okhraneniya narodnogo zdoroviya.
23. Leont'eva, T.G. (2002) *Vera i progress: Pravoslavnoye sel'skoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Faith and Progress: The Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Novyy Khronograf.
24. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 10. File 1410. Pages 1–3. (In Russian).
25. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 11. File 941. Pages 1–41. (In Russian).
26. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 11. File 73. Pages 1–27. (In Russian).
27. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 11. File 1201. Pages 1–11. (In Russian).
28. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 10. File 702. Pages 1–8. (In Russian).
29. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 10. File 629. Pages 1–13. (In Russian).
30. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 3. File 2663. Pages 1–20. (In Russian).
31. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 3. File 2512. Pages 1–53. (In Russian).
32. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 5. File 509. Pages 1–98. (In Russian).
33. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 8. File 1286. Pages 1–23. (In Russian).
34. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 8. File 1905. Pages 1–67. (In Russian).
35. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 10. File 1362. Pages 1–11. (In Russian).
36. State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund I156. List 16. File 189. Pages 1–7. (In Russian).
37. Erkeeva, Yu.V. (2014) *The historical experience of the partnership of state and public organizations in the struggle for public temperance. Istoriicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea.* 1–6 (6). pp. 56–62. (In Russian).

Received: 22 October 2018

Т.С. Ябыштаев

ПУТИ ВОЗРОЖДЕННОГО ЗАЙСАНАТА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект 17-11-04004а-ОГН «Пути возрожденного зайсаната: от родовых “камней” алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии».

На основе анализа полевого материала освещены пути возрождения зайсаната на фоне этнической мобильности алтайцев. Отмечен этап восстановления значимости института сёока-рода в конце 1980-х гг. конструированием выборов родового главы – зайсана. На этапе политизации этнического наследия в конце 1990-х гг. зайсаном использован административный путь влияния через собрания-курултай. На этапе общественного кризиса зайсанат идёт по пути сочетания родового и административно-территориального принципов руководства родовым обществом алтайцев.

Ключевые слова: алтайцы; республика; зайсанат; сёок-род; собрание-курултай.

В Республике Алтай широко известен зайсанат алтайцев – совет родовых глав, сформированный в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда на постсоветском пространстве началось национально-культурное возрождение. Периодически на страницах республиканских газет, в передачах местного радио и телевидения, на сайтах Интернета освещаются события, в которых принимают участие современные зайсаны. В отечественной этнологической литературе этнические организации и движения, выступающие от имени коренного населения, рассматриваются как результат «этнической мобилизации» [1]. В западной литературе используется понятие «политическая этничность» как стратегия совместных действий населения и элиты, в которых ключевую роль играет этническая элита» [2. С. 108–109]. Опыт становления зайсаната вызывает интерес как в прессе, так и в научных кругах. Одни исследователи рассматривают зайсанат как пример символизации этнического сознания [3], другие выявляют его роль в политизации этничности [4], третьи – в становлении родового движения [5]. Неосвещёнными остаются пути развития зайсаната – возрождённого института самоуправления алтайцев.

Данная статья написана на основе полевого материала, собранного в Республике Алтай с использованием этнографических методик, среди которых основными являются непосредственное наблюдение и опрос. Принадлежность к алтайскому этносу позволила автору снять языковой и культурный барьер в общении с информаторами. В качестве основных источников использован материал местных газет, опубликованный на алтайском языке, привлечены сведения сайтов Интернета, проект закона «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай», Устав общественного движения «Курултай алтайского народа».

Комплексный подход исследования позволил определить пути развития возрождённого зайсаната согласно теории становления этнической мобильности. Первый этап состоит в конструировании традиций и культурных маркеров этнической группы, второй этап характеризуется политизацией этнического наследия, а третий этап создается в условиях межэтнической напряженности [6. С. 72–80].

В своем возрождении южные алтайцы, включающие локальные группы алтай-кижи и теленгитов, и северные – тубаларов, челканцев и кумандинцев, пошли разными путями. Северные, расселенные в Майминском, Чойском, Турочакском районах Республики Алтай, нашли нестандартное решение – «отделение» от южных алтайцев, для которых актуальными остаются родовой вопрос и возрождение зайсаната. У северных алтайцев, в силу их продолжительной аккультурации в русскоязычной среде, потребность в решении родовых проблем выражена слабее. Поэтому проблеме этнического возрождения они попытались решить административным путем через создание Ассоциации северных алтайцев в 1991 г. и приобретение статуса «этноса» после включения в список коренных малочисленных народов Сибири в 2000 г. [7].

Начало возрождения родовой должности было положено в Онгудайском и Усть-Канском районах Республики Алтай, где в основном проживают алтай-кижи. Многочисленные сёоки-роды собирались в местах расселения большинства их представителей. После почти столетнего перерыва были избраны зайсаны, составившие зайсанат. В него вошли 15 зайсанов, избранные сёоками: *тёёлёс, кыпчак, майман, тодош, ирkit, кергил, мундус, сагал, тонджаан, чапты, көбёк, јус, ара, алмат, меркит*. Первенство избрания родового главы оспаривают сёоки-роды ирkit, майман и тодош. Этот вопрос не может быть решен однозначно: дело в том, что на ранних родовых собраниях (1988–1989 гг.) избранного главу рода не осмеливались назвать словом *јайсан* (зайсан). К тому же первый родовой праздник, а таковым было собрание сёока ирkit в 1988 г., не упоминался в прессе: тогда такое событие вызывало настороженность в связи с еще незабытой советской идеологией.

Начальный этап этнической мобилизации алтайцев отмечен фактами восстановления значимости института сёока-рода. В 1988 г. в газете «Алтайдын чолмоны» была опубликована статья Н. Киндиковой «Кара маймандардын туштажузы» (О встрече кара майманов) [8]. В ней сообщалось, что в июне 1988 г. в местечке Шибелик, у с. Шашыкман Онгудайского района собралось родовое подразделение кара майман. Актуальным был вопрос воспитания молодежи в традициях нравственности и соблюдения родствен-

ных отношений, родовых обычаев, особенно родовой экзогамии. Была представлена генеалогия, усилившая родовую идентичность. Для одних важным было найти своё место на «ветвях древа» сёока, для других – внести коррективы.

Следующее родовое мероприятие сёока майман освещено этнографом В.Я. Кыдыевой в научной статье «О празднике алтайских сёоков» [9]. Этот праздник прошел в июле 1989 г. в местечке Текпенек, у с. Боочы Онгудайского района. Наряду с актуальными родовыми обычаями и социальными проблемами помощи престарелым и немощным, был впервые поднят вопрос об избрании главы рода. Тогда непривычно было называть его зайсаном, что являлось «скорее обозначением угнетателя, чем покровителя и защитника» [Там же. С. 53].

В июне 1991 г. в газете «Алтайдын чолмоны» была размещена рубрика под названием «Тодоштор жуулыжып, байрам өткүрди» (Тодоши собравшись, праздник провели), где сообщалось о безуспешной попытке избрания главы сёока-рода тодош в Усть-Канском районе. Звучали рекомендации заменить термин «зайсан» другими названиями главы рода – «башчы», «абыжым» и «абайым» [10]. Спустя месяц была опубликована статья спецкора М. Мамадакова из с. Ело Онгудайского района «Торко сынду Тоотойдо» (кыпчактардын кўрее туштажузы керегинде)» (В Тоотое – шелковой красы (о собрании кыпчаков)). В ней сообщалось об избрании главы сёока кыпчак, впервые открыто наречённого зайсаном [11].

Сам факт избрания зайсана акцентирует необходимость соблюдения родовых обычаев, выступающих механизмом внутриэтнической жизни алтайцев. Представление о социальных нормах отражено в поговорке «как семья имеет главу мужчину, так и народ (род) должен иметь главу зайсана». Его избирают на родовом собрании из числа старших мужчин-сородичей. Если есть зайсан, значит, есть его сёок-род. Если есть сёок, то люди, входящие в его состав, помнят и понимают важность соблюдения обычаев экзогамии и авункулата, взаимопомощи и почитания старших. Этот комплекс проблем приобрел новое звучание в постсоветский период [12].

В 1993 г. в газете «Алтайдын чолмоны» зайсан сёока кыпчак К.Д. Шылыков опубликовал статью «Жайзангын шўўлтези» (Мнение зайсана) [13]. Им было поддержано предложение зайсанов о проведении сватовства в одном месте, куда съедутся родственники жениха и невесты. Данная практика назначения даты и места проведения общего сватовства известна у теленгитов Улаганского и Кош-Агачского районов. Важным аргументом является то, что теленгитский вариант сватовства влечет меньше затрат, нежели сватовство у алтай-кижи, когда сторона жениха с подношениями совершает поездки в каждую семью родственников невесты, внесенных в список.

Вопрос о соблюдении брачных традиций, особенно родовой экзогамии – запрета брака внутри одного сёока-рода, стал предметом обсуждения молодых алтайцев на сайтах Интернета, в популярных социальных сетях и форумах. Например, во Вконтакте

(www.vk.com) в сообществе «Алтай сёбөктөр» был проведён опрос мнений по теме «Жангыс сёбөктү балдар, биле тёзбёс деп айдыжат» (Говорят, что молодые из одного рода не могут создать семью). В ходе обсуждения выявились полярные мнения. Одни считают, что необходимо придерживаться экзогамного правила, ставшего традицией. Другие утверждают, что в современных условиях родовая экзогамия является «абсурдом», «пережитком» и «нелепой прихотью предков», которая через несколько десятков лет изживет себя. Кроме того, звучало мнение о возможности брака внутри многочисленного сёока и между родственными сёоками.

Спорные вопросы в среде алтайцев призваны решать зайсаны, что является одним из способов легитимации родовой потестарности. Для решения экзогамной проблемы Совет зайсанов предлагает приписывать к фамилии название сёока, как это было в начале прошлого века у общественного деятеля В.Т. Тибер-Петрова, художника Г.И. Чорос-Гуркина, писателей М.В. Мундус-Эдокова и П.А. Чагат-Строева. Эта идея объясняется тем, что составная фамилия указывает на родовую принадлежность её носителя и предотвратит нарушение родовой экзогамии [14], (ПМА= 1).

Помня традиционную судебно-фискальную функцию зайсана, некоторые предлагали решать насущные социальные вопросы сородичей на зайсанском суде. В селе после развала колхозов и совхозов появилась безработица, участились случаи кражи скота. Этой теме посвящена статья В. Тоёнова «Жайзангын “чыбыгы” торт эмес пе?» (Не лучше б «кнут» зайсана?), вышедшая в мае 1992 г. в газете «Алтайдын чолмоны» и вызвавшая волну общественных мнений – от недоумения до принятия решительных мер в сложившейся ситуации [15].

В августе 1999 г. в с. Ело Онгудайского района зайсаном сёока кыпчак был проведён суд над подозреваемым из рода кыпчак в краже скота. Наказание не было вынесено, а «зайсанский суд» проходил в форме общественного порицания сородичей. О роли зайсана рассказывают следующее: «Люди до сих пор обращаются к зайсанам с просьбой разрешить ту или иную ситуацию. Например, известны случаи, когда к Константину Шылыкову (зайсану кыпчаков) тоже обращались как к судье. Одна бабушка осталась без детей, за скотом некому стало ухаживать. Она попросила дальних родственников помочь в этом, но в результате и она осталась недовольной, и родственники посчитали, что она несправедлива. Обратились к зайсану, чтобы он разрешил ситуацию. В Ело (село в Онгудайском районе) двое молодых парней у своего дяди украли коня. По инициативе зайсана был созван сельских сход, где этих парней односельчане морально осудили» [16]. Исследуя эту функцию возрождённого зайсаната, этнограф С.П. Тюхтенева поясняет, что алтайцы «прежде всего, хотели бы восстановить ответственность друг перед другом членов рода, жителей села. Кроме того, обсуждаются проблемы, связанные с различными правонарушениями, не носящими уголовного характера. Алтайцы считают более целесообразным наказание за какой-либо проступок в

виде морального осуждения и возмещения убытка, нежели лишения свободы» [17. С. 82].

В конце 1990-х гг., на втором этапе этнической мобильности алтайцев, становится ясно, что зайсанат не в полной мере способен реализовать функцию самоуправления, потому что отсутствуют нормативные документы, регламентирующие его статус, к тому же традиционные юридические нормы не закреплены законодательно. Широко обсуждавшаяся идея возрождения зайсаната как совета родовых глав материализовалась в 1997 г. в виде проекта закона Республики Алтай «О родовой общине алтайцев». Он состоит из преамбулы и семи глав: общие положения, организационно-правовые основы деятельности родовой общины, органы её управления и финансово-экономическая основа, зайсанский суд, ответственность за нарушение закона. Над проектом закона работали юристы, учёные-историки и Совет зайсанов. В сентябре 1997 г. его внесли на рассмотрение Госсовета – Эл Курултай РА. В результате обсуждения проект был принят, а правительством и главой региона С.И. Зубакиным было наложено вето. Последующие попытки принять закон в новой редакции были безуспешны, потому что зайсанат стал восприниматься как конкурент и / или альтернативная неправительственная структура, вдохновляющая национальное общественное движение [18. С. 187–188].

Принятие закона о родовой общине по-прежнему актуально в Республике Алтай и диктуется рядом причин. Прежде всего, законодательство Российской Федерации содействует возрождению исторически существовавших народных (общинных) институтов власти. Об этом свидетельствуют федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». С одной стороны, происходит унификация позитивного права, а с другой – проявляются устойчивость традиционных норм обычного права и их способность к самовоспроизводству. В силу данных обстоятельств возрожденный зайсанат мог бы стать аналогом общественной палаты в регионе.

Собранные сведения позволяют прийти к выводу, что ключевую роль в создании этнонациональных объединений играет этническая элита. Ею актуализируется «утрата этнообразующих маркеров» (языка, религии, физического облика и т.п.). Одним из лидеров-просветителей, «раскрывающих глаза» общественности алтайцев, стал М.М. Сазанкин – член совета общественной организации «Эне Тил» (Родной язык). В октябре 1997 г. в газете «Алтайдын чолмоны» была опубликована его статья «Алтай калыктын эмдиги айалгазы» (Современное состояние алтайского народа) [19]. В ней обращено внимание на важность решения социальных и экологических проблем в регионе, необходимость защиты от последствий падения ступеней космических ракет-носителей. Также был поднят вопрос о причинах увеличения числа алтайцев, не владеющих родным языком. По результатам переписи населения 1979 г. алтайский язык был

назван родным 92% алтайцев, а в 1989 г. – 85%. Сложившаяся языковая ситуация выражалась, по его словам, следующим образом: «Тил јокто – јон јок» (Нет языка – нет народа) [19. С. 2].

Комплекс нерешенных проблем привел к необходимости административного влияния на общество и создания общественного движения «Курултай алтайского народа»: «Почему возникла идея создания Курултая? Стали теряться национальные обычаи и традиции. Прощается пьянство, кражи скота. Сегодня возникла необходимость в концепции возрождения и сохранения лучших народных традиций, культуры, языка. Этим целям должен служить Курултай алтайского народа» [20]. Национальное общественное движение подняло престиж и авторитет возрожденной родовой должности зайсана. Зайсанатом и лидерами организации «Эне Тил» была развернута подготовка съезда, состоявшего 7 октября 1997 г. в с. Онгудай Онгудайского района под девизом «Санаа јангыс – салым јангыс» (Один помысел – одна судьба). Его работа шла на алтайском языке, и в ней приняли участие 267 районных делегатов из 38 сёлов-родов. В президиуме сидели зайсаны во главе с Ага зайсана (Старшего зайсана) А.К. Бардиным. Единогласным решением делегатов было принято считать общественное движение «Курултай алтайского народа» высшей формой самоуправления, выражающей национальные интересы алтайцев на всех уровнях власти. Основными его целями стали консолидация алтайцев; возрождение и развитие самобытной культуры и диалектов алтайского языка; защита естественной среды обитания народа; содействие социально-экономическому, национально-культурному, политическому и духовному развитию Республики Алтай.

Главный вопрос повестки дня состоял в выдвижении кандидата на пост главы Республики Алтай. Первый глава В.И. Чаптынов умер в августе 1997 г. Неслучайно национальная элита стала инициатором создания общественной организации «Курултай алтайского народа». В ходе обсуждения было принято условие: поскольку алтайцы – титульный этнос Республики Алтай, то будущий ее глава должен знать алтайский язык, ставший наряду с русским государственным языком региона. Из 10 претендентов большинство голосов получил Ю.В. Антарадонов, директор свободной экономической зоны «Алтай». Посредством выдвижения «единственного кандидата от алтайцев» этническая элита использовала солидарность как главный инструмент предвыборной кампании. Однако по результатам республиканских выборов Ю.В. Антарадонов занял второе место, уступив депутату Госдумы РФ С.И. Зубакину. С целью гармонизации межэтнических отношений и соблюдения национального паритета он был назначен на должность первого заместителя главы Республики Алтай [21].

По мнению этнолога Ю.П. Шабаева, стремительная политизация этноориентированных организаций была вызвана борьбой за власть и ресурсы [22. С. 150]. Проблема мобилизации этничности алтайцев обострилась в конце 1990-х гг. Анализ региональных газет даёт оценку событий, прошедших в 1997 г. Газета «Алтайдын чолмоны» отдельный номер посвятила

I съезду «Курултай алтайского народа», опубликовав резолюцию и выступления делегатов. В статье К. Петешевой «80 жылга баштапкы катап» (Впервые за 80 лет) отмечено, что в отличие от советского времени у алтайцев появилась возможность открыто обсуждать назревшие проблемы [19]. По значимости этот съезд сравним со съездом 1917 г., когда под руководством Г.И. Чорос-Гуркина была учреждена Алтайская Горная Дума, известная своей борьбой за создание государственности у алтайцев. На съезде было поддержано предложение делегатов об установке монумента Г.И. Чорос-Гуркину и включении в ежегодный план республиканских мероприятий «Дня памяти» (11 октября), приуроченного к дате его гибели, что было реализовано в 2006 г. (ПМА-1).

Комментарии о прошедшем съезде алтайцев, приведенные газетой «Звезда Алтая», отличались резкостью суждений и опасением осложнения межэтнических отношений. В статье А. Востягиной «Под властью очарования, или почему “Звезда Алтая” не сообщила о съезде алтайцев» было заявлено о политизации этничности алтайцев: «Во многих выступлениях присутствовавших говорилось не только о тяжелом экономическом положении, но и о притеснении со стороны России, причем акцент делался не на всем населении Горного Алтая, а именно на алтайском... Обескураживало то, что лидеры общественных формирований – зайсаната и “Эне Тил” – вдруг на курултае стали политическими лидерами, участвующими в борьбе за власть» [23]. У живущих по соседству русских, составляющих этническое большинство Республики Алтай, выборы зайсанов, родовые собрания и съезды-курултаи вызывают настороженность, потому что многие проблемы национального движения алтайцев остаются неясными.

До настоящего времени прошло десять съездов «курултаев», на которых определился устоявшийся комплекс проблем, поднимаемый зайсанатом. К числу актуальных относится «языковой» вопрос: степень знания родного языка детьми-алтайцами, право изучения родного языка, пути совершенствования методики преподавания, способы расширения среды общения через сети Интернета и пр. Другим важным вопросом считается урегулирование сватовских расходов путем сокращения списка родственников невесты. На каждом съезде звучит экологическая проблема, связанная с сохранением священных мест алтайцев, туристским бумом в регионе, увеличением мусора у рек, озер, на перевалах и горных вершинах, браконьерским отстрелом редких животных и пр. Предпринимаются попытки создания и реализации программ, направленных на возрождение промыслов и ремесел, сохранение природного наследия, памятников древней истории. Ставится вопрос об организации и проведении праздника «Чага байрам» (Алтайского Нового года), введенного теленгитами Кош-Агачского района в 1990-х г. и трактуемого остальными алтайцами «предвестником буддизации». Злободневным остается вопрос о религии алтайцев, установке крестов на священных местах алтайцев, вхождении в протестантские и другие христианские и прочие секты.

На собрании алтайцев – родовом, районном, городском и республиканском – звучат предложения «не касаться политики, не заниматься политикой». Такая позиция вызвана проблемой сложившихся взаимоотношений структуры власти и общественности алтайцев, о чем свидетельствует череда событий последнего десятилетия, составляющего третий этап этнической мобильности алтайцев. Избрание на должность *Эл Башчы* (Главы народа) под влиянием предвыборных кампаний стало поводом для возникновения общественного кризиса у алтайцев. В 2011 г. образовалось «двоевластие»: появились два Эл Башчы, избранные двумя съездами – «чрезвычайным / “чиновничьим” и “альтернативным / народным”». Первый образовал движение «Конгресс алтайского народа», а у второго прежнее название движения стало звучать на алтайском языке как Алтай курултай. В нем участвовали зайсаны Э.В. Бабрашев (сёок-род мундус), К.И. Шлыков (сёок-род кыпчак), Б.К. Алушкин (сёок-род чапты), В.Д. Кудирмеков (сёок-род ир-кит). С целью решения общественного кризиса появились предложения расформировать организацию «Курултай алтайского народа» и перейти к другому формированию, возложив представление интересов алтайцев на зайсанат во главе старшего зайсана «Ага-жайсан» [24], (ПМА = 2).

Возрожденный зайсанат функционирует уже на протяжении более двадцати лет, однако споры относительно его необходимости и эффективности продолжают. В основном он подвергается критике в пассивности и приверженности политизации. Есть мнение о должности зайсана как о средстве приобретения и накопления политического капитала в предвыборный период (ПМА = 3). В этом можно видеть проявление «политики этнического предпринимательства», когда лидеры мобилизуют этническую группу на коллективные действия для решения своих политических целей [25. С. 107]. В газете «Листок» в статье А. Махина «Салымыс керегинде санаалар эмезе жайканышкан жайзандар биске керек пе?» (Размышления о будущем или нужны ли нам нерасторопные зайсаны?) обращено внимание на то, что современные зайсаны пассивны и их деятельность незаметна: они не работают с населением, не интересуются жизнью соплеменников, не ездят по селам [26. С. 3].

Многие критики возрожденного социального института указывают на то, что он является анахронизмом и не может отвечать требованиям современной социально-политической жизни. Первые избранные зайсаны были советскими функционерами, имеющими опыт руководства, а адаптировавшись к постсоветским условиям, старались быть влиятельными в регионе. О них говорят то как о борцах за льготы коренных малочисленных народов, то как о ряженных в национальные костюмы на трибунах общереспубликанских праздников. По этому поводу общественный деятель В.С. Торбоков пишет: «Бывшие обкомовские и райкомовские чины стремятся стать зайсанами. Напрочь забыв, с каким усердием в свое время боролись с пережитком прошлого в виде шапки из лисьих лап и сходу пресекали выступления на родном языке даже там, где собрались одни алтайцы; они ныне гор-

до облачаются во все узорчатое и даже летом не снимают меховую шапку. Некоторые из них, попросту говоря, самозванцы. Старинным титулом нареклись в ходе семейных застолий. Не случайно среди зайсанов есть министры, их заместители и другие лица, наделенные властью» [27. С. 16].

Сторонники зайсаната настаивают на том, что восстановление совета родовых глав позволяет этническим маркерам алтайцев выйти из семейно-родственной и бытовой среды на более широкий уровень, в чем проявляется одна из форм самоутверждения. Благодаря участию зайсанов при проведении общереспубликанских праздников Эл Ойын (Народные игры) и Чага байрам (Алтайский Новый год) соблюдается ритуальная символика алтайцев: назначается в четный день новолуния и при совершении ранним утром ритуала почитания Алтая. Следующая их заслуга заключается в возврате празднику Эл Ойын статуса «кочующего» в 2015 г. Проведение его в долине у с. Ело Онгудайского района на протяжении десяти

лет привело к антропогенным перегрузкам [28]. Популярен музей зайсана, открытый главой сёока майман А.К. Бардиным в конце 1990-х гг. в с. Чемал, где в основном проживают русские [29]. Другой зайсан Акай Кине, глава сёока тейлэс, установил памятник Ярынаку, родовому лидеру прошлого, в Улаганском районе в 2014 г. В с. Кокоря Кош-Агачского района стоит памятник чуйскому зайсану Очурдяпу, установленный его потомками в связи со 150-летием вхождения теленгитов в состав России [30].

Таким образом, сбор и анализ сведений позволяют утверждать, что основным путем зайсаната как возрожденного института самоуправления явилась актуализация родового сознания, обычаев и традиций. Актуализация их выступает ответом на процессы глобализации: чем острее ее «вызовы», тем сильнее надежда на сохранение этнической культуры. В настоящей ситуации нужна новая стратегия, способная усилить значение этнических ценностей, одной из которых является возрожденный зайсанат.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (ПМА = 1) – Полевые материалы автора. 2016 г. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Информант: Мендин Николай Екшенович, 1941 г.р., сёок чапты.

² (ПМА = 2) – Полевые материалы автора. 2017 г. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Информант: Кудирмеков Василий Дмитриевич, 1956 г.р., сёок иркт.

³ (ПМА = 3) – Полевые материалы автора. 2017 г. Республика Алтай, Онгудайский район, с. Ело. Информант: Теркин Мерген Михайлович, 1961 г.р., сёок кыпчак.

ЛИТЕРАТУРА

- Губогло М.Н. В лабиринтах этнической мобилизации: (О возрастании этнического фактора в политической жизни России) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 107–124.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности : учеб. для вузов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. 376 с.
- Самушкина Е.В. Символизация родового движения республики Алтай (конец XX – начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII, ч. II. С. 160–164.
- Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай. М. : ИЭА РАН, 2002. 18 с.
- Кыдыева В.Я. Институт зайсанства у алтайцев // Алтай – Россия: через века в будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2006. Т. I. С. 113–116.
- Политическая конфликтология : учеб. пособие / под ред. С. Ланцова. СПб. : Питер, 2008. 319 с.
- Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 23–27.
- Алтайдын чолмоны. 1988. 24 июня (№ 137).
- Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сёоков (послепраздничные размышления о празднике и не только о нем) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М. : ИЭА РАН, 1994. С. 51–57.
- Алтайдын чолмоны. 1991. 29 июня (№ 123).
- Алтайдын чолмоны. 1991. 27 июля (№ 142).
- Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.
- Алтайдын чолмоны. 13 марта 1993 г. (№ 49).
- Ябыштаев Т.С. Общественная организация «Курултай алтайского народа» в сосредоточие проблем родового движения в Республике Алтай // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 515–517.
- Алтайдын чолмоны. 1992. 21 мая (№ 91).
- «Китайцы на Алтае и чымалы в покое не оставят»: интервью делегата Курултая кыпчак С. Танытпасова. URL: <http://regnum.ru/news/polit/488891.html> (дата обращения: 11.03.2018 г.).
- Тюхтенева С.П. Обычное право алтайцев: есть ли будущее у института зайсанства? // Обычное право и правовой плюрализм : материалы XI междунар. конгресса по обычному праву. М. : Стратегия, 1999. С. 81–82.
- Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Возрожденный зайсанат как социальный институт родовой потестарности алтайцев // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : сб. ст. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2016. Вып. 2. С. 181–196.
- Алтайдын чолмоны. 1997. 31 октября (№ 168).
- Звезда Алтая. 1999. 28 января (№ 12).
- Ябыштаев Т.С. О первом съезде «Курултая алтайского народа» // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии : материалы LVII РАЭСК. Сургут; Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 404–406.
- Шабаетов Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб. : Ин-т сервиса и экономики; ИЭА РАН, 2010. 309 с.
- Звезда Алтая. 1997. 14 ноября (№ 172).
- Ябыштаев Т.С. О кризисе общественных отношений в Республике Алтай (на примере организации «Курултай алтайского народа») // Вестник ТГУ. Сер. История. 2012. № 4 (20). С. 161–164.
- Тишков В.А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.

26. Листок. Приложение на алтайском языке «Јурумнин јолы» (Дорога жизни). 2011. 25 мая (№ 21).
27. Торбоков В.С. В круговороте времени. Горно-Алтайск, 2013. 223 с.
28. Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. The invention of «nomadic» holiday in Altai Republic (Изобретение «кочующего» праздника) // *Oxford Journal of Scientific Research*. 2015. Vol. III, № 1 (9). P. 596–602.
29. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О музее зайсана рода майман // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края* : сб. науч. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 243–248.
30. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // *Вестник ТГУ. Сер. История*. 2016. № 5 (43). С. 109–113.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2018 г.

The Ways of the Revived Zaisanat in the Republic of Altai

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 139–145.

DOI: 10.17223/15617793/440/19

Tengis S. Yabyshtaev, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: teng7891@mail.ru

Keywords: Altaians; republic; Seok (clan); revival; Zaisanat; tribal assembly; social movement.

The investigation of the problem under study was carried out on the basis of the field material collected in the Republic of Altai using the ethnographic techniques of direct observation and interrogation. The material of local newspapers, information on the Internet sites, the draft law “On the tribal community of the Altaians”, the Charter of the Kurultai of the Altai People organization was introduced into scientific discourse. The aim of the study is to identify the ways of reviving the institution of Zaisanat as the council of tribal heads against the background of ethnic mobility of the Altaians. The initial stage was marked by the facts of the restoration of the importance of the Seok (clan) institution in the late 1980s by constructing the tradition to elect the tribal head – a Zaisan – who is destined to actualize the clan consciousness, customs and traditions. The Zaisan’s public activity is rather limited as there are no normative documents regulating his status. When the ethnic heritage was at the stage of politicization in the late 1990s, Zaisanat made use of the administrative method to influence the society through the decisions of meetings-kurultais. The topical issues on the status of the Altaian language, the ecology of the Altai, the reduction of match-making costs, etc., are on the agenda. Local Russians, who make up the ethnic majority of the region, are far from understanding the tribal system of the Altaians, and view the conduct of the clan meeting and the election of a Zaisan as a source of dangerous inter-ethnic tension. At the time of the social crisis which is observed in the recent decade, ways have been revealed to transform Zaisanat expressed in the combination of the clan and administrative-territorial principles of leadership. Modern Zaisanat is largely criticized for its passivity and adherence to some politicization. Supporters of the revived Zaisanat claim that the restoration of the council of clan heads makes it possible for the ethnic markers of the Altaians to leave the family-related environment and act at the social level, which is one of the forms of self-assertion of the Altaians. The conclusion drawn says that, in the conditions of the existing relationships between the local authorities and the Altai people, a new strategy that can strengthen the importance of ethnic values is required, one of such values is the revived Zaisanat.

REFERENCES

1. Guboglo, M.N. (2000) V labirintakh etnicheskoy mobilizatsii: (O vozrastanii etnicheskogo faktora v politicheskoy zhizni Rossii) [In the labyrinths of ethnic mobilization: (On the growth of the ethnic factor in the political life of Russia)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 107–124.
2. Tishkov, V.A. & Shabaev, Yu.P. (2011) *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnic political science: political functions of ethnicity]. Moscow: Moscow State University.
3. Samushkina, E.V. (2006) Simvolizatsiya rodovogo dvizheniya respubliki Altay (konets XX – nachalo XXI veka) [Symbolization of the clan movement of the Altai Republic (the end of the 20th – the beginning of the 21st century)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. XII (II). pp. 160–164.
4. Babich, I.L. (2002) *Osnovnye tendentsii postsovetsoy etnokul'turnoy politiki v Respublike Altay* [The main trends of the post-Soviet ethno-cultural policy in the Republic of Altai]. Moscow: IEA RAS.
5. Kydyeva, V.Ya. (2006) [Zaisanat in Altaians]. *Altay – Rossiya: cherez veka v budushchee* [Altai – Russia: through the centuries into the future]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 113–116.
6. Laantsov, S. (ed.) (2008) *Politicheskaya konfliktologiya* [Political conflictology]. St. Petersburg: Piter.
7. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2013) “Turk in Language, Finno-Ugric People in Appearance”: On Ethno-Cultural Discourse of Northern Altaians in Altai Republic. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 1 (130). pp. 23–27. (In Russian).
8. *Altaydyn cholmony*. (1988) 24 June (137).
9. Kydyeva, V.Ya. (1994) O prazdnike altayskikh seokov (posleprazdnichnye razmyshleniya o prazdnike i ne tol'ko o nem) [On the holiday of the Altai Seoks (post-holiday reflections on the holiday and not only on it)]. In: Funk, D.A. (ed.) *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of the ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples of Southern Siberia and adjacent territories]. Moscow: IEA RAS.
10. *Altaydyn cholmony*. (1991) 29 June (123).
11. *Altaydyn cholmony*. (1991) 27 July (142).
12. Tadina, N.A. (2009) Vozrozhdenie zaysanata v Respublike Altay: vzglyad skvoz' sobstvennyuyu etnicheskuyu identichnost' [The revival of the Zaisanat in the Altai Republic: a look through their own ethnic identity]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 3. pp. 77–81.
13. *Altaydyn cholmony*. (1993) 13 March. 49.
14. Yabyshtaev, T.S. (2012) Obshchestvennaya organizatsiya “Kurultay altayskogo naroda” v sosredotochie problem rodovogo dvizheniya v Respublike Altay [Public organization “Kurultai of the Altai people” in the concentration of problems of the clan movement in the Altai Republic]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 515–517.
15. *Altaydyn cholmony*. (1992) 21 May (91).
16. Tanytpasov, S. (2005) “Kitaytsy na Altae i chymaly v pokoe ne ostavyat” [“The Chinese in the Altai and the Chymals will not leave alone”]. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/polit/488891.html>. (Accessed: 11.03.2018).
17. Tyukhteneva, S.P. (1999) [Customary law of the Altai people: does the Zaisanat institution have a future?]. *Obychnoe pravo i pravovoy plyuralizm* [Customary Law and Legal Pluralism]. Proceedings of the XI International Congress on Customary Law. Moscow: Strategiya. pp. 81–82. (In Russian).

18. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2016) Vozrozhdeniyy zaysanat kak sotsial'nyy institut rodovoy potestarnosti altaytsev [The revived Zaisanat as a social institution of the clan potestarity of the Altaians]. In: Sveshnikov, A.V. et al. (eds) *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'* [Social institutions in history: retrospection and reality]. Is. 2. Omsk: Omsk State University.
19. *Altaydyn cholmony*. (1997) 31 October (168).
20. *Zvezda Altaya*. (1999) 28 January (12).
21. Yabyshtaev, T.S. (2017) [On the first congress of the Kurultai of the Altai people]. *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern problems of studying the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Proceedings of the LVII Russian Archaeological and Ethnographic Conference. Surgut; Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 404–406. (In Russian).
22. Shabaev, Yu.P. & Charina, A.M. (2010) *Finno-ugorskiy natsionalizm i grazhdanskaya konsolidatsiya v Rossii (etnopoliticheskiy analiz)* [Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia (ethnopolitical analysis)]. St. Petersburg: Institute of Service and Economics; IEA RAS.
23. *Zvezda Altaya*. 1997. 14 noyabrya (№ 172).
24. Yabyshtaev, T.S. (2012) The Crisis of public Relations in the Altai Republic (After the example of the organization “Kurultai of Altai people”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 161–164. (In Russian).
25. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnos: research on the socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
26. *Listok*. The supplement in the Altai language “Jurumnin joly”. (2011). 25 May (21).
27. Torbokov, V.S. (2013) *V krugovorote vremeni* [In the cycle of time]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
28. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2015) The invention of “nomadic” holiday in Altai Republic. *Oxford Journal of Scientific Research*. VIII:1 (9). pp. 596–602.
29. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2017) O muzee zaysana roda mayman [About the Museum of the zaisana of the Mayman clan]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Is. 23. Barnaul: Altai State University.
30. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2016) Telengit Monuments to Ethno-Cultural Renaissance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (43). pp. 109–113. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/23

Received: 26 August 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

В.А. Ачкасов

ДИСКУРС ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Рассматриваются некоторые особенности «политики памяти» постсоветских государств и России, для которой характерна новая, зачастую диаметрально противоположная интерпретация событий общего прошлого. Прежде всего в новых национальных историях в рамках дискурса постколониализма создается образ имперской и советской России как «негативно значимого Другого». Эта схема переносится и на нынешние отношения с постимперской Россией.

Ключевые слова: политика памяти; дискурс постколониализма; национализм; национальное самоопределение; Россия; постсоветские государства.

История не является и не может являться решающим фактором нашего видения сегодняшней реальности, равно как и не может определять способ его формирования

*Кишитоф Скубишевский –
министр иностранных дел Польши в 1989–1992 гг.*

Регулярность, с которой сегодня те или иные исторические события искажаются, «изобретаются», переинтерпретируются или «забываются», свидетельствует о ключевой роли «политики памяти» в концептуализации и идентификации настоящего любой нации. «Политика памяти универсальна, – замечает известный экономист Питер Катценштайн, – но она пересекается с политикой современности весьма своеобразно и нередко – непредсказуемо» [1. С. 281].

Крах коммунистической системы и рождение на постсоветском пространстве новых независимых государств привели к появлению новых национальных историй, в которых они заявили свои права на значительную часть истории русской и на новую (зачастую диаметрально противоположную) интерпретацию многих исторических событий. При этом в национальных исторических дискурсах акцентируется «коренное отличие» каждой данной общности от всех остальных (прежде всего от русских), для того чтобы отвести любые сомнения в легитимности нации, в ее праве на существование как «государствобразующей». Ради чего активно изыскиваются глубокие исторические корни «нации», теряющиеся в глубине веков. Одновременно в рамках дискурса постколониализма создается образ имперской и советской России как «негативно значимого Другого». Приставка «пост-» в данном случае указывает на рефлексивно-критический подход к отношениям, вытекающим из состояния, которое описывается как «колониальное».

Таким образом, приставка «пост-» означает определенную позицию, исходя из которой опознаются и интерпретируются проблемы как времен реальной или мнимой колониальной зависимости, так и постколониальных. «Одной из особенностей этого подхода является признание культурно и структурно обусловленного неравенства в качестве определяющего момента для формирования идентичности как «колонируемых», так и «колонизаторов», – отме-

чает О.Ю. Малинова [2. С. 356]. В результате «рядом с двумя привычными фигурантами – колонизатором и колонизированным – появляется еще один персонаж – постколониальный критик. И именно ему мы обязаны появлением постколониального дискурса. В связи с этим под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых разворачиваются разноаспектные рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных». Следует отметить и еще одну особенность постколониального дискурса, акцентируемую исследователями – это его «локализм и монологическая замкнутость» [3].

В свое время, анализируя структуру националистического мышления, американский исследователь Патрик Кольм Хоган выделил три его прототипные нарративные формы: героизм, жертвенность и романтизм [4. С. 167–201]. Однако в посткоммунистических странах с особым упором подчеркивается беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств в колониальном российском и тоталитарном коммунистическом прошлом. Российская и советская история предстает исключительно как цепь преступлений, совершенных преимущественно русскими, и жертв, понесенных народами новых независимых государств. Как отмечает А. Миллер, «этнические предприниматели» практически полностью доминирующие на «научном» и идеологическом рынке стран, посткоммунизма, осуществляют, масштабную «колонизацию исторического прошлого из современности». Для всех них Российская и советская империя – «лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что априорное стремление власти сделать

жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной, принимается на веру» [5. С. 5].

Эта схема переносится и на нынешние отношения с постимперской Россией. Так, Тарас Кузио прямо пишет о «постсоветском колониальном пространстве», на котором стремление к национальному самоопределению неизбежно противоречит попыткам России вернуть себе ключевую роль в регионе» [6. С. 241–264]. И поскольку отношения в регионе описываются как колониальные, постольку все «постколониальные государства» неизбежно обречены на постоянную борьбу с Россией, которая препятствует их свободному самоопределению и вхождению в объединенную демократическую Европу. Так, «национальные проекты» многих постсоветских государств формировались «по лекалам распространенных во многих странах Центральной и Восточной Европы представлений об угрозе со стороны России для национальной и культурной идентичности малых европейских народов, одним из наиболее талантливых выражений которых является эссе Милана Кундеры “Трагедия Центральной Европы”. И выбор Европы для них – это выбор цивилизационный» [7. С. 208–209].

В целом история постсоветских стран в современном постколониальном дискурсе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от имперской России». Причем для многих из них «вхождение в свободную Европу» становится своеобразным мифополитическим обрядом перехода, благодаря которому «его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую), идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как воображается, в равноправного и давно ожидаемого жильца «европейского дома». В этой условной схеме «Европа» и «Запад» являются не географическими, а идеологическими топосами, с ясно читаемым ценностным содержанием» [8. С. 183].

Все это делается якобы во имя «возвращения утраченного прошлого». Нетрудно заметить, что эти дебаты о новой «правильной» интерпретации прошлого являются на самом деле поиском «полезного прошлого», борьбой за символическую власть и легитимацию политического порядка. «Поэтому было бы удивительно, если бы новые суверены не воспользовались возможностью вписаться в дискурс “постколониализма” и представить свое нахождение внутри Российской империи и Советского Союза как пребывание в “тюрьме народов”» [9. С. 26].

Однако «ничто не ново под луной». Основоположник марксистско-ленинской историографии академик М.Н. Покровский в книге «Русская история в самом сжатом очерке» уже повествовал «о шовинистической колонизирующей русской нации, исполняющей волю деспотичного царского режима» [10]. Следует напомнить, что эта книга была главным источником в преподавании истории России в 1920-е гг. в советской школе. Позднее, наставляя историков-марксистов, Покровский постоянно повторяет характеристики царской России как «тюрьмы народов» и «жандарма Европы» и заявляет: «В прошлом мы, русские, были величайшие из грабителей, каких можно

себе представить» [11. С. 494–495]. При этом он просто следует за В.И. Лениным, который также используя формулу французского писателя маркиза Астольфа де Кюстина «Россия – тюрьма народов»¹, делал упор исключительно на угнетенном положении «нерусских» народов в Российской империи. Отличие новых национальных историй от исторического дискурса 1920-х гг. только в том, что в них и советский период интерпретируется как время колониального господства России и русских над народами национальных окраин империи.

В первые годы существования постсоветской России ядром новых исторических представлений у нас также выступало тотальное отрицание советского опыта. Символическая политика была подчинена задаче оправдания курса на радикальную трансформацию политического порядка [13. С. 117]. Однако, в конце концов, тотальная ревизия общей истории, произведенная нашими соседями, породила в России феномен «утраченного прошлого». В сознании русских глубоко укоренен имперский синдром «старшего брата», и потому стремительное превращение «братских народов СССР» в претендующих на значимость и суверенность «Других» вызвало шок и обиду на неблагодарных «младших братьев», прежде всего, за дегероизацию и дискредитацию общего прошлого, особенно за попытки разрушения «мифа Великой Отечественной войны»².

Такое сакральное для россиян историческое свершение, как победа над фашизмом в Великой отечественной войне, пытаются радикально деконструировать наши ближайшие соседи и бывшие коллеги по «социалистическому лагерю». Пытаясь разрушить важнейший для россиян идентификационный миф, власти и интеллектуалы посткоммунистических стран стремятся одновременно радикально реконструировать историческую память своих народов и сформировать определенную модель политического видения недавнего общего прошлого: то ставя под сомнение ведущую роль СССР в победе над нацистской Германией; то реанимируя миф о том, что Вторая мировая война на востоке Европы была ничем иным, как столкновением «двух тоталитаризмов» в борьбе за мировое господство («советско-нацистской войной»), а народы стран Балтии, Беларуси, Молдовы, Украины и др. стали его «жертвой». Причем, явно или неявно, победа «советского тоталитаризма» рассматривается как худший исход для народов Центральной и Восточной Европы. В результате утверждается, что агрессия нацистской Германии против СССР – это только превентивная защитная мера против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией и странами Европы, а «свои» коллаборационисты объявляются «третьей силой», которая героически боролась за национальное освобождение, воюя и с Вермахтом, и с Красной армией и т.д.

Социологические опросы по поводу исторических событий, вызывающих чувство гордости у россиян сегодня, показывают, что «в советской истории с заметным отрывом лидируют Великая Отечественная война и ее отдельные эпизоды, в частности Сталинградская и Курская битва, взятие Берлина, снятие

блокады Ленинграда и т.п.». Так, Отечественную войну назвала почти половина опрошенных петербуржцев, при фактическом отказе новейшей истории России в праве формировать чувство национальной гордости [15. С. 93–96].

Одновременно «эпоха Ельцина» в официальной версии Новейшей истории теперь трактуются как времена хаоса и тотального разрушения. Как отмечает немецкий наблюдатель, «бичевание Ельцина и элементы советской ностальгии служили власти при Путине не только для того, чтобы украсить собственное правление ореолом славного прошлого и восстановления государственного порядка. Мифы, распространяемые государством, должны были также художественно заполнить вакуум идентичности». В связи с этим он именует российское массовое сознание «регрессивным» [16. С. 73].

Конечно, власти всех постсоветских стран были заинтересованы не только в разоблачении «советского тоталитаризма» и «русского империализма», но и в конструировании «подходящего образа далеких предков», и эти претензии на «удревнение» истории и «заимствования чужих предков» не вызвали сколь-нибудь заметного протеста в России. Так, претензии украинских элит на монопольное владение «всем наследием Киевской Руси» вызывали лишь иронические комментарии российских историков. Однако радикально новая интерпретация советской истории, особенно истории Второй мировой войны, породила активный протест и, в конце концов, вызвала ответную реакцию – стремление защитить национальную историю «от очернительства», «посягательств» и «фальсификаций», «дать отпор», «поставить заслон» и т.д. «Показательно, – отмечает Д. Ефременко, – что российская власть и при Ельцине, и при Путине очень долго не решалась подступить к этой задаче. Споры об истории были частью общественной дискуссии, но на уровне официальной риторики подавались (и подаются до сих пор) довольно противоречивые сигналы. Однако в последнее время, главным образом в связи с системными усилиями «заклятых друзей России» из Балто-Черноморского региона по конструированию желательной для них версии исторического прошлого российская власть стала втягиваться в «историческую политику». И, похоже, всерьез и надолго [17. С. 73]. Действительно, особенно в 2000-е гг. Россия стремится продуцировать героически-победный нарратив великой державы. Однако это делает нашу страну объектом подозрений в новом империализме. В результате Европа и ближайшие наши соседи не воспринимают Россию как постимперское национальное государство и обвиняют в возрождении имперских амбиций.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Копосова о том, что причиной актуализации исторической политики и войн памяти в посткоммунистических странах «послужила новая историческая политика российского правительства, состоящая в культивировании мифа о войне» [14. С. 263]. Историческая политика в современной России носит ярко выраженный реактивный характер. Музеи советской оккупации и институты националь-

ной памяти как «инфраструктуры ее политизации» появились не в России, а в Польше, странах Балтии и Украине. Как писал историк А. Миллер, до расширения ЕС на Восток существовал достаточно прочно выработанный еще к 80-м гг. XX в. консенсус по поводу истории Второй мировой войны. В этой картине прошлого ключевым событием являлся холокост. Практически все государства – члены Европейского союза, так или иначе, несли ответственность за то, что происходило в годы Второй мировой войны. Однако когда (в 2004 г.) произошло расширение Евросоюза, восточноевропейские государства, особенно балтийские, просто взорвали этот консенсус. Национальными героями в этих странах стали люди, которые участвовали в холокосте. При этом восточноевропейцы представляются как жертвы коммунизма, сталинизма, который принесен Москвой и только Москвой, и они в этом смысле страдали от равновеликого нацизму по своей преступности и зверству тоталитарного режима. Этой новой ситуации тоталитаризм (снова) становится ключевым понятием. Когда Европейский парламент принял в качестве общеевропейского Дня памяти – День памяти жертв тоталитарных режимов, то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом переформатировался [18].

Тем не менее назвать реакцию российской политической и интеллектуальной элиты на проблемы, порожденные исторической политикой «соседей», адекватной было бы большим преувеличением. В современной России ситуация с историческими традициями и инновациями, их взаимодействием, а также отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью и синкретизмом. Основная сложность здесь состоит в том, что современная Россия – это не страна, полностью утратившая традиции, а скорее страна с сохранившимися осколками множества традиций [19]. Поэтому «популярность различных форм традиционализма, апелляция к ним в сегодняшней России чаще всего означают реальную слабость традиций, традиционных начал в обществе, попытку таким образом компенсировать эту слабость» [20. С. 247]. В связи с этим любое обращение российской власти и ее оппонентов к национальной истории – это конструктивистское действие, предпринимаемое во имя обретения легитимности, что обуславливает инструментальное отношение к прошлому. При этом руководствуются идеологической установкой на отрицание существующих исторических разрывов и утверждение общего исторического наследия, носителями которого все «Мы» – россияне – являемся. Отсюда – внутренняя противоречивость и эклектичность публичного исторического дискурса российской власти.

С одной стороны, действительно необходимо реагировать на политизацию и дегероизацию общей истории народов СССР, разрушение доминирующего исторического мифа, использование новых интерпретаций прошлого как политического ресурса. Хотя следует заметить, что в нашей истории постыдных, сомнительных, а то и «мешающих» сегодня фактов, суждений и оценок с каждым годом обнаруживается

все больше. Так, россияне с большими трудом свыкаются с новыми интерпретациями предыстории и истории Второй мировой войны, с разрушением мифов о принципиальной правоте внешней политики СССР в предвоенный, военный и послевоенный периоды, о моральной непогрешимости солдат Красной Армии и др. Это имеет сегодня и тревожные следствия: социологи отмечают, «можно констатировать, что историческая память внутренне противоречива и подвержена временной динамике, причем неблагоприятной для существующей российской власти» [15. С. 103]. Примечательно и зафиксированное социологами, первое место Сталина среди исторических фигур, вызывающих чувство гордости у респондентов. При этом в числе сторонников этой исторической фигуры (в Санкт-Петербурге) почти три четверти (71,2%) молодых людей (18–29 лет). Важно отметить, что в опросе 2005 г., проведенного теми же социологами, Сталин ни у кого из респондентов не вызывал положительных эмоций, напротив, у каждого третьего участника опроса (32,5%) он вызывал исключительно негативные эмоции, занимая 2 место в ряду отвержений после Б. Ельцина [15. С. 100–101]. Это может свидетельствовать о том, что для молодых россиян фигура И. Сталина, воспринимается как альтернатива нынешней власти, тем более что усилия по десталинизации российского общества всегда носили непоследовательный, «кампанейский» характер.

С другой стороны, проявленная российской властью решимость вступить на путь борьбы с фальсификациями истории – означала готовность ввязаться в затяжную информационную «войну памяти» с соседями. Попытки принятия «мемориального закона», запрещающего отрицать ведущую роль СССР в победе над фашизмом, создание в мае 2009 г. Указом Президента РФ Д. Медведева государственной «Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и другие меры означали, что политическая элита приняла те «правила игры», по которым осуществляется «историческая политика» в других посткоммунистических странах. Теперь и в России история и национальная память признаны ареной ожесточенной политической борьбы, а «непредсказуемое» прошлое оказывается идеологическим ресурсом и потому за него борются. Особенно обострилась эта «война памяти» в связи с нынешними событиями на Украине. Теперь считается, что альтернативная или конкурентная интерпретация исторических событий наносит урон не только патриотическому воспитанию нового поколения, но и безопасности государства. Отсюда, похоже, сделан вывод: история слишком политически важна, чтобы оставить ее на откуп профессиональным историкам (поэтому, наряду с историками, в президентскую комиссию были включены начальник Генштаба Вооруженных сил РФ и высшие офицеры служб безопасности)³. Как следствие, формирование «госзаказа» на единственно истинную и патриотическую версию истории, которая негласно навязывается обществу и оказывается выгодной вполне определенным политическим силам.

Наиболее востребованным в политике памяти посткоммунистических государств является «образ трагического героя», освободившегося от имперского ига и угнетения ценой огромных жертв и выстрадавшего свое право на свободу и демократию. Отсюда уже отмеченная, крайне негативная интерпретация практически всей истории имперской России и СССР (этот феномен получил название «синдром виктимизации») и, напротив, позитивная оценка распада Союза. Такого рода «знание» школьники и студенты черпают из СМИ, учебников и псевдонаучных книг по истории, которые вот уже более 20 лет пишут и издают в постсоветских странах.

В России же стремятся закрепить в сознании граждан распад Советского Союза как «величайшую геополитическую катастрофу XX века» (В. Путин)⁴. Однако политика памяти во многих национальных республиках РФ строится по тем же постколониальным лекалам, что и в странах постсоветского пространства. Еще в начале 1990-х гг., тогда преподаватель еще Чечено-Ингушского пединститута Б. Нанаева приходит к выводу о том, что «независимость Чечни – объективная закономерность мирового исторического процесса», опираясь на утверждение: «Право наций на самоопределение является общепризнанным законом развития общества, в соответствии с которым народы России вступили в процесс национально-освободительной борьбы, определив новый этап мирового антиколониального движения» [22. С. 39]. Постколониальный дискурс активно используется в национальных республиках России и в новом столетии. Так, в вузовском учебном пособии «История Татарстана: Методология и понятия» (Казань, 2008) можно прочесть, что «сопротивление татар войскам Ивана IV приобрело характер отечественной войны народа, осознавшего единство и неразделимость своей страны, своего государства и своей судьбы... а после падения Казанского ханства татарское общество столкнулось с российской колониальной политикой полной ассимиляции присоединенных народов в воображаемое этнически и православно единое русское общество (русское государство)» и т.д. [23. С. 57, 146].

В связи с этим А. Миллер сегодня утверждает, что «на первый план выходит проблема единства исторического мифа на пространстве России, поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы» [24. С. 224]. Так, в школьных программах до 2007 г. существовал так называемый региональный компонент, в рамках которого в ряде национальных республик РФ читались курсы региональной / национальной истории и этнопедагогики, на практике превратившиеся в своего рода факультативы по этноцентризму, поскольку освещали не культурное многообразие регионов и исторически сформировавшиеся культурные связи между «титутельными» этническими группами и русскими, а знакомили преимущественно с историей и культурой «коренного» народа, при этом историческое прошлое интерпретировалось в духе этнического

романтизма, а место своего народа в истории России – с использованием концепта постколониализма.

Социологические опросы фиксируют, что распад СССР и сегодня вызывает наибольшее чувство стыда у многих россиян. Так, «у каждого пятого из числа опрошенных петербуржцев негативные эмоции вызывает именно распад СССР, симптоматично, что значительно чаще используется оценочное понятие “развал” или “разрушение”, а не нейтральное “распад”. Примечательно также, что это событие указывается почти в равной мере представителями разных поколений, включая самых молодых, которые либо уже родились после этого события, либо в 1991 г. были совсем маленькими детьми» [15. С. 96–97].

Действительно, русский народ не боролся за «независимость» и не хотел ее. Поэтому именно распад СССР, как ни одно другое историческое событие, «ущемляет национальное самосознание русского человека... Уход республик до сих пор у многих вызывает чувство обиды и даже недоумения» [Там же. С. 97]. Как итог новая Россия, «метрополия прежней империи, была единственной страной на этом (постсоветском) пространстве, в которой посткоммунистическое развитие не воспринималось как «национальное возрождение», а напротив, зачастую трактовалось как “национальная катастрофа” [25. С. 465]. Это, конечно же, не может найти понимания у большинства соседей России, поскольку в постколониальных нарративах постсоветских государств величайшей катастрофой объявляется как раз их существование в составе СССР.

Р. Брубейкер отмечает, что «прошлое конструируется и реконструируется, исходя из потребностей и целей каждого последующего поколения, даже личная память является насквозь социальным и культурным

конструктом» [26. С. 291]. Поэтому историческая память по определению «спорна и пристрастна» (Т. Джадт). Однако, во-первых, неясно, каким образом можно вообще «противодействовать» политике памяти другого суверенного государства, предлагающего свой альтернативный вариант «национальной» истории; во-вторых, попытки навязать «единственно правильную» интерпретацию тех или иных событий общей истории очевидно контрпродуктивны. «Реакцией России на свое собственное прошлое не может ограничиваться дело. Мы имеем длительные отрезки общей истории, а значит, она не может быть чьим-то единственным, собственным достоянием, как бы это кому-то не хотелось», – замечает «русскоязычный» исследователь из Латвии [27. С. 152]. Поэтому в лучшем случае эти попытки бесполезны, в худшем – ведут к обострению конфликтного противостояния. Пример тому – нынешние ожесточенные информационные войны, в том числе «войны памяти» Украины и России, Польши и России, стран Запада и России и др.

Впрочем, в России коллективное прошлое россиян и постсоветских народов, скорее, является объектом ситуативного инструментального «использования», нежели предметом целенаправленного систематического «конструирования» общей истории. Следствиями такой политики памяти являются ее реактивность, ограниченность репертуара «политически пригодного» прошлого, использование исключительно для легитимации текущих решений и действий российской власти. В результате, спустя более четверти века после распада СССР, в России так и не удалось сформировать концепцию отечественной истории, приемлемую для большинства россиян и отвечающую задачам формирования российской гражданской национальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Империя эта при всей ее необъятности – не что иное, как тюрьма...» [12. С. 225].

² Акцентируя исключительную роль «мифа о войне», Н. Копосов пишет: «Новый режим искал опору в национальной традиции. Но он претендовал на то, чтобы считаться демократическим, и поэтому не мог однозначно положительно оценивать террор и коммунистическое мессианство. ...Поэтому и понадобился миф о войне, который позволял сконструировать трагическое, но славное и вдобавок осязаемое, конкретное, легко представляемое в ярких образах прошлое. Миф о войне стал *настоящим мифом происхождения* постсоветской России» [14. С. 162–163].

³ Впрочем, в марте 2012 г. эта комиссия, так и не выполнившая возложенных на нее функций, без лишнего шума была распущена.

⁴ Однако не все так однозначно с оценкой распада СССР в современной России. Так, для либерального эксперта, «провал “интернационалистского” проекта СССР... это акт (возможно еще не последний) деколонизации бывшей “одной шестой части суши”» [21. С. 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Питер Катценштайн беседует с Раффаэле Маркетти «Понять, что существует диффузия власти и изменения происходят постоянно» // 22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 257–290.
2. Малинова О.Ю. Новый взгляд на старую проблему: Россия и Европа / Запад в свете постколониального подхода (Рецензия) // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М. : РАН ИНИОН, 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 354–362.
3. Грицанов А.А. Постколониальные исследования // Постмодернизм (Энциклопедия). URL: <http://www.infolib.info/philos/postmod/postcolonial.html> (дата обращения: 30.10.2018).
4. Hogan P.K. Understanding Nationalism// On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167–213.
5. Миллер А. Введение к серии // Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–14.
6. Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30, № 2. P. 241–264.
7. Кирюхин Д. Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М. : Весь мир, 2013. С. 195–218.

8. Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / ред. О.Ю. Малинова и др. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 171–191.
9. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. : Красная Новь, 1923. 296 с.
11. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов: в 2 т. М. : Изд. ком. академии, 1930. Т. 1. 558 с.
12. Кюстин А. Россия в 1839 году. М. : АСТ, 2008. 411 с.
13. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 114–130.
14. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
15. Сикевич З. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2012. 207 с.
16. Фосвинкель Й. Ретроспективное массовое сознание // В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / под общ. ред. Пеера Тешендорфа, Елены Белокуровой, Марии Унрау. СПб. : Интерсоцис, 2008. Т. 1. Северо-Запад России – Санкт-Петербург. С. 73–76.
17. Ефременко Д.В. Переизобрести Европу – перевообразить Россию // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / редколл. М.В. Ильин и др. М. : РАН ИНИОН, 2010. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. С. 54–78.
18. Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // Новая газета. 3.06.2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (дата обращения: 15.11.2018).
19. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии, СПб., 2000. Т. III, № 4. С. 34–42.
20. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. М. : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. Т. IV. С. 241–254.
21. Паин Э., Федонин С. Нация и демократия: Перспективы управления культурным многообразием. М. : Мысль, 2017. 266 с.
22. Нанаева Б. Социально-политические аспекты чеченской революции (доклад на конференции репрессированных народов) // Кавказский дом. 1992. 15 мая. С. 37–41.
23. Сабирова Д.К., Шарапов Я.Ш. История Татарстана: Методологи и понятия : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. 259 с.
24. Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 210–235.
25. Макаренко Б., Мельвиль А. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Демократия в российском зеркале / сост. А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М. : Изд. МГИМО, 2013. С. 249–276.
26. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
27. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии / Национальные истории на постсоветском пространстве-II. Десять лет спустя / под ред. А. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2010. С. 148–156.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 февраля 2019 г.

The Discourse of Postcolonialism in the Politics of Memory of the Post-Soviet States

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 146–152.

DOI: 10.17223/15617793/440/20

Valery A. Achkasov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Keywords: politics of memory; discourse of postcolonialism; nationalism; national self-determination; Russia; post-Soviet states.

The author of the article outlines special features of the “politics of memory” of the post-Soviet states and Russia, which are characterized by new, often diametrically opposite interpretation of the events of the common past. First of all, in the new national histories, the image of the imperial and Soviet Russia was created as a “negatively significant Other” within the discourse of post-colonialism. This scheme is also transferred to the current relations with the post-imperial Russia. It is stressed that the postcolonial discourse of post-Soviet historians has much in common with the interpretation of the history of Russia in the USSR in the 1920s. The difference is that in the new national histories the Soviet period is interpreted as the time of colonial domination of Russia and the Russians over the peoples of the national *peripheries* of the empire. At the same time, the article notes that the reaction of the Russian political and intellectual elite to the issues created by the neighbors’ “politics of memory” cannot be considered quite adequate. Moreover, memory politics in many national republics of the Russian Federation is based on the same postcolonial patterns as in the states of the post-Soviet space. Therefore, today, the problem of ensuring the unity of the historical myth throughout the entire space of Russia becomes extremely relevant, since in many national republics the “memory politics” is in a clear contradiction with the task of forming the all-Russian civil identity. This is largely due to the fact that school curricula until 2007 had a “regional component”, and within its frames courses on regional or national history and ethnic pedagogics in the national republics of Russia in practice turned into “ethnocentrism electives” since they introduced the history and culture of the “titular” ethnos rather than covered the ethnic cultural diversity of the regions and the historically formed cultural ties between the “titular” ethnic groups and the Russians. At the same time, the historical past of the people before their integration into the Russian Empire was interpreted in the spirit of “ethnic romanticism”, and the period of existence within the Russian/Soviet state was depicted as a time of colonial oppression. As a result, the author of the article comes to the conclusion that, in modern Russia, the collective past of Russians and post-Soviet peoples is predominantly an object of situational instrumental “use” rather than of purposeful systematic “construction” of Russian identity. The consequences of such politics of memory are characterized by reactivity, limited by the repertoire of the “politically appropriate” past, used for legitimizing the current decisions and actions of the Russian authorities.

REFERENCES

1. Dutkevich, P. & Sakva, R. (eds) (2014) *22 idei o tom, kak ustroit' mir: besedy s vydayushchimisya uchenymi* [22 ideas on how to arrange the world: conversations with outstanding scientists]. Moscow: Moscow State University. pp. 257–290.
2. Malinova, O.Yu. (2016) *Novyy vzglyad na staruyu problemu: Rossiya i Evropa: Zapad v svete postkolonial'nogo podkhoda (Retsenziya)* [A new look at the old problem: Russia and Europe: West in the light of the postcolonial approach (Review)]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 4. Moscow: ISSS RAS.

3. Bobkov, I.M. (n.d.) Postkolonial'nye issledovaniya [Postcolonial studies]. In: Gritsanov, A.A. & Mozheyko, M.A. (eds) *Postmodernizm (Entsiklopediya)* [Postmodernism (Encyclopedia)]. [Online] Available from: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/postkolonial.html>. (Accessed: 30.10.2018).
4. Hogan, P.K. (2009) *Understanding Nationalism. On Narrative, Cognitive Science, and Identity*. Columbus: Ohio State University Press. pp. 167–213.
5. Miller, A. (2012) Vvedenie k serii [Introduction to the series]. In: Kushko, A. & Taki, V. *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kuzio, T. (2002) History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*. 30 (2). pp. 241–264.
7. Kiryukhin, D. (2013) Mul'tikul'turalizm, natsionalizm i identichnost': ukrainskiy kontekst [Multiculturalism, nationalism and identity: the Ukrainian context]. In: Pogrebinskiy, M.B. & Tolpygo, A.K. (eds) *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Multiculturalism crisis and problems of national politics]. Moscow: Ves' mir.
8. Bereznyakov, D.V. & Kozlov, S.V. (2015) Simvolicheskaya politika postsovetsoy Ukrainy: mezhdru "sovetskim proshlym" i "evropeyskim budushchim"? [The symbolic politics of post-Soviet Ukraine: between the "Soviet past" and the "European future"?]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 3. Moscow: ISSS RAS.
9. Malakhov, V.S. (2014) *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Pokrovskiy, M.N. (1923) *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise essay]. Moscow: Krasnaya Nov'.
11. Pokrovskiy, M. (ed.) (1930) *Trudy Pervoy Vsesoyuznoy konferentsii istorikov-marksistov: v 2 t.* [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Izd. komm. akademii.
12. Kyustin, A. (2008) *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Moscow: AST.
13. Malinova, O.Yu. (2013) Problema politicheski "prigodnogo" proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetsoy Rossii [The problem of a politically "fit" past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 1. pp. 114–130.
14. Koposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Sikevich, Z. (2012) *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiyskom obshchestve* [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Fosvinkel', Y. (2008) Retrospektivnoe massovoe soznanie [Retrospective mass consciousness]. In: Teshendorf, P., Unrau, M. & Belokurova, E. (eds) *V poiskakh Rossii: Seriya publikatsiy k diskussii ob identichnosti* [In search of Russia: A series of publications to the discussion about identity]. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis.
17. Efremenko, D.V. (2010) Pereizobresti Evropu – perevoobrazit' Rossiyu [To reinvent Europe: to transform Russia]. In: Il'in, M.V. et al. (eds) *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METOD: Moscow Yearbook of Works in Social Sciences]. Is. 1. Moscow: ISSS RAS. pp. 54–78.
18. Miller, A. (2015) Evropeyskie voyny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit [European War of Memory: who blew up the consensus of history, and how they will pay for it]. *Novaya gazeta*. 3 June. [Online] Available from: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>. (Accessed: 15.11.2018).
19. Achkasov, V.A. (2000) Rossiya kak razrushayushcheesya traditsionnoe obshchestvo [Russia as a collapsing traditional society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. III (4). pp. 34–42.
20. Gofman, A.B. (2010) V poiskakh utrachennoy identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' [In search of lost identity: traditions, traditionalism and national identity]. In: Reznik, Yu.M. & Tlostanova, M.V. (eds) *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues of social theory]. Vol. 4. Moscow: Assotsiatsiya "Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noy teorii".
21. Pain, E. & Fedyunin, S. (2017) *Natsiya i demokratiya: Perspektivy upravleniya kul'turnym mnogoobraziem* [Nation and Democracy: Perspectives on Cultural Diversity Management]. Moscow: Mysl'.
22. Nanaeva, B. (1992) Sotsial'no-politicheskie aspekty chechenskoy revolyutsii (doklad na konferentsii repressirovannykh narodov) [Socio-political aspects of the Chechen revolution (report at a conference of repressed peoples)]. *Kavkazskiy dom*. 15 May. pp. 37–41.
23. Sabirova, D.K. & Sharapov, Ya.Sh. (2008) *Istoriya Tatarstana: Metodologiya i ponyatiya* [History of Tatarstan: Methodology and concepts]. Kazan: Kazan State Technical University.
24. Miller, A.I. (2015) Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnykh soobshchestv [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 3. Moscow: ISSS RAS.
25. Makarenko, B. & Mel'vil', A. (2013) Kak i pochemu "zavisayut" demokraticheskie tranzity? Postkommunisticheskie uroki [How and why do the democratic transits "freeze"? Post-communist lessons]. In: Migranyan, A.M. & Pshevorskiy, A. *Demokratiya v rossiyskom zerkale* [Democracy in the Russian mirror]. Moscow: MGIMO.
26. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
27. Makarov, V. (2010) "Boi za istoriyu" v Latvii ["Fights for history" in Latvia]. In: Bomdorf, A. & Boryugov, G. (eds) *Natsional'nye istorii na postsovetsoy prostranstve-II. Desyat' let spustya* [National histories in the post-Soviet space]. Moscow: AIRO-XXI, pp. 148–156.

Received: 18 February 2019

Н.А. Лукьянова, Е.В. Родионова, Т.В. Конюхова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАЕКТОРИИ ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Выявлен спектр проблем, влияющих на социальную устойчивость и психоэмоциональное благополучие студента. Описывается связь между личностными проблемами и склонностью к немедицинскому употреблению психотропных средств для снятия напряжения. Анализ проведен на данных сплошного опроса 22 199 студентов 18–25 лет. Сделан вывод, что для поддержания эмоциональной безопасности образовательной среды высока необходимость просветительско-консультативной работы, способствующей снятию стрессовых состояний.

Ключевые слова: социальная устойчивость; молодежь; психотропные вещества; стрессовая ситуация; социальная адаптация; психоэмоциональное здоровье; благополучие; биохакинг.

Социально-психологическая устойчивость личности определяет ее психическое и соматическое здоровье, способность к реализации физических и духовных потенций, субъективное благополучие. Психоэмоциональный аспект здоровья выступает неотъемлемым компонентом успешного человека, который ориентирован на благополучное будущее. Исследователи отмечают, что к факторам благополучия следует отнести установки, личностные характеристики, которые активизируют субъекта на саморазвитие, мотивацию, здоровое психическое развитие, самоопределение и т.д. [1–3]. Многие молодые люди видят путь к успешности через получение высшего образования, которое «должно обеспечить их занятость и финансовое будущее» [4]. Однако при этом практически никто из студентов не задумывается, хватит ли у него сил справиться с психоэмоциональными нагрузками, связанными с учебным процессом в вузе, погружением в новую среду общения, давлением обстоятельств, необходимостью совмещать работу и учебу и пр.

Повышенные психоэмоциональные нагрузки довольно часто толкают молодых людей на поиск способов снятия напряжения. Некоторые находят их в спорте, творчестве, другие – в употреблении алкоголя, табака, наркотиков и иных психоактивных веществ. Использование подобных веществ «может ухудшить академический, эмоциональный и физический успех студентов и привести к хроническим заболеваниям» [5. Р. 2]. В общей перспективе построения жизненной стратегии, карьерного развития подобная тенденция вполне реально и последовательно может привести к умственной и физической деградации, крушению жизненных ориентиров на успешность, психологическому слому.

Как показывают исследования, во всем мире наблюдается тенденция возрастания разового или постоянного (зависимого) употребления молодыми людьми психоактивных веществ как для снятия стресса после психотравмирующего события, так и для снижения психоэмоционального напряжения, вызванного различными факторами (включая учебный процесс, необходимость совмещать работу и учебу, возрастное становление и пр.) [6–9]. С. Фишер и соавт. отмечают, что в ряде регионов мира 50% подростков имеют опыт потребления незаконных

наркотических средств в немедицинских целях, а 70% пробовали алкоголь уже к концу средней школы [10]. Было установлено, что употребление наркотических средств повышало риск развития депрессии, появление суицидальных настроений, попыток самоубийства [11]. Иными словами, молодежь чрезвычайно подвержена риску употребления средств, угнетающих центральную нервную систему, в силу возрастных особенностей, высоких моральных нагрузок и динамичному психоэмоциональному фону. Это свидетельствует о наличии ситуации риска. Несистематичность профилактической работы с молодежью и пропаганды антиалкогольного отношения к употреблению различных психотропных, психоактивных средств, недостаточность регулирования данного вопроса на государственном уровне являются потенциальным заделом к росту указанных выше показателей по стране и миру.

В условиях повышенных морально-психологических нагрузок на студентов актуализируется вопрос сохранения, поддержания нормального психоэмоционального и физического состояния студента, адекватное решение которого будет способствовать профилактике употребления любых психоактивных веществ, включая алкоголь, табак, наркотики.

В данном исследовании мы попытались выявить факты и причины потребления наркотических средств и иных психотропных веществ студентами.

Цели, задачи и меры, необходимые для поддержания адекватного социально-психологического состояния личности, определяются Всемирной организацией здравоохранения в общем порядке для всех стран мира. В Комплексном плане действий в области психического здоровья на 2013–2020 гг., принятом на 66-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения Всемирной организации здравоохранения, заложены ряд критериев психического здоровья. Их соблюдение может позволить человеку почувствовать в себе жизненные силы, энергию и трудоспособность. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются следующие:

- адекватное осознание каждым человеком собственного физического и психологического «Я», сохранение его идентичности;
- способность умеренно эмоционально и психологически переживать определенные и / или повторяющиеся однотипные ситуации;

– разумная и оправданная психологическая реакция на ситуации, явления, события, трансформации, происходящие в социальном окружении;

– умение планировать собственную жизнь и реализовывать намеченные планы и т.д. [12].

Психосоциальные факторы при нервно-эмоциональной деятельности играют основную роль в формировании стресса в адаптационном процессе и существенно образом влияют на компенсаторно-приспособительные и коммуникативные функции эмоций в учебной деятельности.

Психозэмоциональное здоровье включает эмоциональные и психические свойства и качества личности, которые, как известно, не существуют вне системы общественных отношений. Следовательно, различие между психозэмоциональным и социальным здоровьем можно считать условным. Под эмоциональностью понимается более или менее устойчивый характер откликов на те или иные жизненные факты, то, что именуется настроением (тревожное, веселое, грустное). Психическое здоровье рассматривается как состояние равновесия между человеком и внешним миром, как баланс различных психических свойств и процессов.

Среди специфических уровней психического здоровья выделяются биологический, психологический и социальный. На биологическом уровне здоровье предполагает динамическое равновесие функций всех внутренних органов и адекватное реагирование на влияния окружающей среды. На психологическом уровне вопросы здоровья связаны с личностным аспектом рассмотрения человека как психического целого. Чем более гармонично объединены все существенные свойства, составляющие личность, тем она более устойчива, уравновешена и целостна. Включенность индивида в систему общественных отношений определяет социальный уровень психического здоровья. Психологический аспект психического здоровья предполагает внимание к внутреннему миру человека: к его уверенности или неуверенности в себе, в своих силах, пониманию им собственных способностей, интересов; его отношению к людям, окружающему миру, происходящим общественным событиям, к жизни как таковой и ее смыслу и т.п. Их совокупность выступает защитным механизмом в отношении здоровья, снижения рискованного поведения, употребления психоактивных средств, преодоления социальной тревожности и пр. [13, 14].

Психологическое здоровье рассматривается как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности. Таким образом, психологический аспект здоровья является частью характеристики психического здоровья. Именно через биологический, психологический и социальный уровень ряд исследователей предлагает анализировать различные виды зависимости от психоактивных средств (наркотики, курение марихуаны, алкоголизм), возникающих в результате нарушенных детско-родительских отношений, снижения способности справляться с бытовыми пробле-

мами, жизненными ситуациями и эмоциональными трудностями.

Использование отдельных элементов биохакинга позволяет повышать качество жизни, бороться со стрессами и их последствиями, если они захватили человека и привели к появлению негативных зависимостей, проблем со здоровьем, психозэмоциональной устойчивостью и т.д. Основывается биохакинг на таких направлениях, как питание, сон, двигательная активность, гормональный статус, генетика, мозговая деятельность, стресс-менеджмент. Выстраивая жизнь с учетом направлений биохакинга, человек становится сильнее, выносливее, его сопротивляемость трудностям повышается, самочувствие улучшается. Именно это необходимо для поддержания психо-эмоционального и психического здоровья человека и является актуальной задачей в рамках рассмотрения вопроса устойчивости студентов в стрессовых ситуациях.

Исследование ориентировано на выявление фактов и установление причин немедицинского потребления наркотических средств и иных психотропных веществ студенческой молодежью. Сбор данных осуществлялся методом сплошного опроса студенческой молодежи в трех университетах города.

В ходе исследования решались следующие задачи:

1) определить, какие личностно значимые проблемы выделяют для себя студенты;

2) выявить факт отсутствия / наличия (однократного, многократного, регулярного) употребления табака, алкоголя и иных психоактивных веществ с немедицинской целью;

3) проследить наличие / отсутствие корреляции между личностными проблемами (взаимоотношения с родителями, сверстниками, возлюбленными и др., материальными проблемами, высокими нагрузками на учебе / работе) и употреблением табака, алкоголя, психотропных веществ и / или наркотиков с немедицинской целью;

4) установить потребность студентов в квалифицированной помощи специалистов в области психического здоровья (психолога, психотерапевта, психиатра или нарколога) и разработать предложения по решению данного вопроса.

Для решения поставленных задач был использован комплекс теоретических и эмпирических методов исследования. При рассмотрении общей ситуации состояния психического и эмоционального здоровья молодежи использовались методы анализа официальной документации и статистики по изучаемой проблеме, а также анкетирование, примененное для изучения психозэмоционального состояния студентов. Обработка и упорядочивание данных приводились с помощью метода кластерного анализа данных.

Исследование проводилось в марте – июне 2015 г. среди студентов трех вузов университетского города в Западной Сибири. Методом сплошного опроса были обследованы 22 199 студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Средний возраст опрошенных на момент исследования составил 20,9 лет. Студентов-иностранцев, принявших участие в опросе, было

14,75%. В период обучения 60,42% респондентов проживали самостоятельно, вне семьи (общежитие, наемное жилье и пр.).

Результаты анкетирования подтвердили, что опрошенных волнуют проблемы, связанные с бытовыми трудностями, переживанием чувства одиночества из-за отрыва от семьи, материальные проблемы и пр., которые традиционно выявляются значимыми для молодых людей не только в России, но и в других уголках мира [15].

Среди проблем, которые волнуют студентов университетского города больше всего, респонденты отметили следующие:

- бытовые трудности, материальные проблемы – 33,74%;
- высокие учебные нагрузки – 28,53%;
- необходимость самостоятельно зарабатывать деньги (работать параллельно с обучением в вузе) – 26,07%.

Очевидно, что наиболее значимыми насущными проблемами студентов очного отделения являются те, которые непосредственно связаны с их статусом и видом занятости на настоящий момент. Высокая доля студентов, проживающих самостоятельно, определяет сложности материального и бытового плана, что вместе с нагрузками на учебу и необходимостью подрабатывать в период обучения создает дополнительные трудности. Однако если азартные игры, игровые автоматы не вызывают опасения у респондентов, то по вопросу компьютерных игр, вынесенных в вопрос отдельно, студенты признают, что трудности существуют. Позиция «проблема компьютерной и интернет-зависимости, предпочтение виртуального мира реальному» набрала 25,09%, и это четвертая по удельному весу проблема, которая волнует студентов.

Менее всего, как следует из ответов, респонденты склонны волноваться по поводу «проблемы правонарушений; поведения, каким-то образом “мешающего жить” окружающим» – 4,77%; «проблемы сексуальной распущенности» – 5,73% и проблемы «азартные, компьютерные игры, игровые автоматы» – 7,34%. Тройка «антилидеров» рейтинга студенческих проблем неоднократно прослеживается в исследованиях, проводимых в России [16–18]. В одном из них утверждается, что «нормой поведения в студенческой среде становится готовность молодых людей преступить правовые и нравственные запреты, если того требуют их личные интересы и потребности. «Меньшинство, отклоняющееся от данных стандартов, маркируется представителями большинства как “лохи” (неспособные достигать целей любыми средствами) или “ботаны” (выполняющие все формальные требования учебного процесса)» [19. С. 124; 20. С. 93].

Кроме того, респондентов волнуют «проблема бескультуры (несоблюдение нравственных норм; речь, избыливающая нецензурными словами; духовная бедность и т.д.)» (23,43%) и «отсутствие перспектив трудоустройства по специальности» (19,4%). Казалось бы, разные темы объединяет то, что студенты вузов не склонны жить только сегодняшним днем, широко смотрят на социальный контекст, в котором находятся.

К данным, полученным на прямо поставленные вопросы об употреблении табака алкоголя и, в первую очередь, препаратов, воздействующих на психику, необходимо относиться крайне осторожно, даже к тем, что получены анонимно. Искажение результатов может быть связано с желанием части респондентов дать «социально одобряемый ответ», а курить, пить и, тем более, употреблять наркотики – все это осуждается обществом. Вторая причина искажения данных может быть связана с недооценкой самими респондентами того, насколько они зависимы от курения, употребления психотропных веществ. В этом ключе, соответственно, искажаться могут и ответы в оценке частоты их употребления.

В ходе проведенного опроса 68,7% респондентов заявили о полном воздержании от курения. Тенденцией последних лет является менее толерантное отношение к курению, чем к употреблению алкоголя. Возможно, большую роль в этом играет массированная антитабачная пропаганда, которая ведется на различных уровнях, прежде всего силами СМИ. В то же время умеренное употребление алкоголя обществом не осуждается. В определенной степени отражением этих общественных установок являются полученные в ходе исследования результаты. О своем полном воздержании от алкоголя заявили 37,36% респондентов, еще 50,18% говорят, что употребляют его не чаще одного раза в месяц, что с точки зрения общественной морали вполне допустимо.

Максимальная осторожность респондентов прослеживается в высказываниях относительно признания немедицинского употребления психоактивных препаратов / наркотиков. О том, что не пробовали ничего подобного ни разу в жизни, заявляют 90% опрошенных студентов.

В ответах на вопрос о причинах немедицинского употребления психотропных, в том числе наркотических, препаратов респонденты столь же осторожны, как и в признании факта такого употребления. По всем предложенным для выбора позициям они предпочли отвечать «нет». Среди отмеченных позиций, что же все-таки может выступать причиной для немедицинского употребления психотропных и наркотических веществ, респонденты выделили гедонистический (24,08%) и атактический (14,49%) мотивы, т.е. желание получить удовольствие и снять напряжение.

В ходе подведения итогов исследования представлялось важным рассмотреть причины употребления табака, алкоголя, психотропных веществ среди тех, кого условно можно назвать «зависимые». К их числу относятся те, кто на вопрос об употреблении табака выбрал ответ «ежедневно 20 и более сигарет» (1,18%); об употреблении алкоголя – «еженедельно или чаще, и в ряде случаев до выраженного опьянения» (1,05%); о немедицинском употреблении препаратов, воздействующих на психику, выбрали ответ «регулярное употребление» (0,57%).

Среди «зависимых» от табакокурения 68,22% составляют юноши и 31,78% девушки. В данной группе прослеживается несколько иная иерархия основных личных и общественных проблем, которые их волнуют, чем у всех респондентов в целом. На пер-

вом месте стоят «бытовые трудности и материальные проблемы» (29,52%), а вот на втором – «взаимоотношения с любимыми» (25,83%), проблема, которая у всей совокупности респондентов находилась только на 12-м месте из 18 обозначенных. Трудности во взаимоотношениях могут быть как причиной, так и следствием злоупотреблений любого рода. В любом случае, молодые люди, имеющие их, становятся группой риска по формированию зависимостей. На третьем месте стоит проблема утраты целей, ценностей, интереса к жизни (24,72%), что также может быть и причиной, и следствием общего неблагополучия индивида.

Среди респондентов, «зависимых» от алкоголя, – 60,26% юношей, 39,74% девушек. Среди проблем, которые их тревожат, на первом месте стоят бытовые проблемы и материальные трудности (30,34%), на втором – нагрузки на учебе (29,91%), на третьем – проблема утраты целей, ценностей, интереса к жизни (27,79%). А вот проблемы во взаимоотношениях с любимыми отошли на 7-е место в списке. Зарубежные исследования показали, что чаще среди причин употребления алкоголя среди «зависимых» студентов обозначаются стремление преодолеть негативные психоэмоциональные переживания (в том числе из-за бытовых проблем) и желание получить удовольствие [21].

Среди «зависимых» от приема психоактивных препаратов, которые были выявлены в ходе опроса, оказалось 55,56% юношей и 43,65% девушек (1 респондент не указал пол). Это дает основание полагать, что половой критерий не может быть использован как определяющий устойчивость психики человека, тогда как при определении физической выносливости он будет актуальным. Кроме того, данный момент показывает, что при разработке рекомендаций и содержания программ просветительско-консультативной работы нет необходимости учитывать половые различия студентов. Следует отметить, что результаты опроса выявили, что более всего респондентов волнует проблема высоких учебных нагрузок (35,71%), на втором месте – проблема бескультурья (несоблюдение нравственных норм; речь, изобилующая нецензурными словами; духовная бедность и т.д., 29,91%) и только на третьем – материальные и бытовые трудности (27,79%). Особая озабоченность общим уровнем культуры у этой группы респондентов необъяснима без дополнительного исследования.

Среди причин употребления табака, которые отметили респонденты, лидируют желание получить удовольствие (66,05%) и стремление снять нервное напряжение (53,87%), немного уступает желание взбодрить себя, «разогнать скуку» (50,18%). У «зависимых» от алкоголя на первое место выходит стремление избавиться от стресса (55,72%), далее следует гедонизм (48,71%) и гиперактивация (40,59%). Студенты, регулярно принимающие вещества, влияющие на психику, судя по результатам, крайне неохотно говорят даже о причинах употребления, предпочитая выбирать ответ «нет» по всем шести предложенным вариантам. Тем не менее доминирующими мотивами употребления психоактивных веществ, по результа-

там опроса, являются гедонистический (25,09%) и атарактический (15,5%) мотивы.

Внутренняя напряженность, дрожь, паника могут быть признаками абстинентного синдрома при алкоголизме или наркомании (и даже зависимости от табакокурения), но также они могут свидетельствовать о стрессовом состоянии или даже быть признаками эндогенных заболеваний (депрессия, шизофрения). В любом из этих случаев необходима квалифицированная помощь специалиста. Постоянно испытывают внутреннюю дрожь, по собственному признанию, 2,19% респондентов, панику – 2,7%, напряженность – 5,3%. Исходя из общего количества опрошенных, не менее 500 человек нуждаются в помощи специалистов в области психического здоровья. В данном исследовании статистическая погрешность составила 5%. 95% – это доверительный уровень, при котором данная погрешность посчитана.

Приблизительная оценка собственно психоэмоционального состояния респондентов на момент опроса свидетельствует, что не менее 5% из них нуждаются в квалифицированной помощи специалистов в области психического здоровья (более тысячи человек), еще 11% опрошенных отметили, что им были бы полезны консультации по методикам снятия психического напряжения, помощь в привитии навыков контроля над нежелательными проявлениями эмоции и т.п.

Респонденты в своем большинстве не считают для себя необходимой какую-либо квалифицированную помощь со стороны специалистов в области психического здоровья (73,44%). Часть из них (9,05%) признает наличие таких проблем, но не думает, что специалисты могут им помочь. Обнадеживающей тенденцией является то, что невысока доля ответов, связанных со страхом или стыдом перед такими специалистами (5,11%), что могло бы стать серьезным препятствием для получения необходимой помощи.

По основным своим характеристикам – возраст, социальный статус – объект исследования очень однороден: это студенты очной формы обучения. Соответственно, ролевой комплекс, определяющий их поведение, формы избираемого досуга, условия социализации достаточно однообразны. Возрастной разброс – от 18 до 25 лет, т.е. они все входят в социально-возрастную группу «молодежь». В нашем случае это вузовская молодежь, обладающая высоким уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья.

Вместе с тем рост требований к профессиональным компетенциям выпускников современных вузов, увеличение учебных нагрузок, необходимость для многих совмещать учебу на очном отделении с различными видами трудовой занятости, ускорение и усложнение социальной динамики в современном обществе вообще – все это создает высокий уровень давления на психоэмоциональную сферу студентов, может способствовать формированию стрессовых состояний, развитию эндогенных заболеваний (депрессия, шизофрения), а также поисков путей снятия напряжения, источника «активности» в табаке, алкоголе, психотропных препаратах. Все это ставит вопрос об организации адекватной потребностям помощи специалистов в области психического здоровья

(психолога, психотерапевта, психиатра или нарколога) перед администрацией вузов, руководством здравоохранения области, администрацией города.

Полученные в ходе исследования результаты говорят о необходимости усиления просветительской работы и контроля за ситуацией в области психического здоровья в регионе. Необходима организация квалифицированной помощи специалистов в области психического здоровья (психологов, психотерапевтов, психиатров или наркологов) для студентов вузов. В перспеквах, это адресная помощь конкретным студентам, попавшим в зависимость от психоактивных веществ, находящимся в пограничных психических состояниях или имеющим признаки эндогенных заболеваний. По данным исследования, таких нуждающихся – до 5% от числа респондентов. Подобная помощь должна быть для студентов доступна, и информация о возможности и путях ее получения должна быть доведена до каждого студента вуза. Современная молодежь все менее склонна стыдиться или не доверять специалистам и при наличии возможности может обратиться к таковым. Инфраструктура возможностей получить квалифицированную помощь специалистов психического здоровья студентами – то, что должно существовать в студенческом городе.

Второй момент – это работа по обеспечению эмоциональной безопасности образовательной среды. Поскольку ведущими факторами обращения к табаку, алкоголю, психотропам является желание снять психоэмоциональное напряжение, взбодриться, то необходима просветительская работа в вузах по научению

молодежи методикам снятия напряжения и активации интеллектуальной физической деятельности, не прибегая к подобным приемам. Необходимы обучение методикам биохакинга, поддержки позитивной самооценки, коммуникативных навыков, преодоления социальной изоляции, овладение технологиями отказа от предложений выпить, попробовать наркотические вещества. Работу следует проводить специалистам, получившим теоретическую и практическую подготовку в проведении тренингов и индивидуальных консультаций.

Антитабачная кампания последних лет, проводимая в средствах массовой информации, свидетельствует о действенности подобных методов просветительской работы на состояние общественного сознания по тому или иному вопросу.

Проблема эмоциональной безопасности образовательной среды шире, чем профилактика табакокурения, алкоголизма и наркомании. Высокие нагрузки, которые испытывают сегодня студенты высших учебных заведений, провоцируют стрессовые состояния и развитие эндогенных заболеваний, которые по своим симптомам без клинических исследований совпадают с симптомами зависимости и абстинентного синдрома. Именно эмоциональные перегрузки зачастую толкают студентов к злоупотреблению теми или иными веществами. Поэтому работа по созданию эмоционально безопасной среды обучения должна стать постоянным направлением работы администраций вузов, руководства здравоохранением города и области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schutte T., Tichelaar J., Dekker R.S., Thijs A., De Vries T.P.G.M., Kusurkar R.A., Richir M.C., Van Agtmael M.A. Motivation and competence of participants in a learner-centered student-run clinic: An exploratory pilot study // *BMC Medical Education*. 2017. Vol. 17, is. 1. DOI: 10.1186/s12909-017-0856-9.
2. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (1). P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066-X.55.1.68.
3. Konyukhova T.V., Konyukhova E.T., Kashpur V.V., Lokotosh J.V. The Determinants of Human Wellbeing in Professional Activities // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 2017. Vol. 19. P. 344–348. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.46>.
4. Fell E.V., Fell A., Lukianova N.A. Young People in Britain: Alternatives to Higher Education // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 2017. Vol. 19. P. 203–208. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.27>.
5. Blavos A.A., Glassman T.J., Sheu J., Thompson A., DeNardo F., Diehr A.J. Marijuana and College Students: A Critical Review of the Literature *American Journal of Health Education*. 2017. P. 1–18. DOI: 10.1080/19325037.2017.1292878.
6. Johnston L.D., O'Malley P.M., Miech R.A., Bachman J.G., Schulenberg J.E. Monitoring the Future national survey results on drug use: 1975–2014: Overview, key findings on adolescent drug use. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, University of Michigan, 2015.
7. Ham L.S., Wiersma-Mosley J.D., Feldner M.T., Melkonian A.J., Milner L.A., Lewis S.F. Posttraumatic Stress Symptoms and Nonmedical Prescription Drug Use among College Students with Trauma Exposure // *Journal of Dual Diagnosis*. 2016. Vol. 12, is. 1. P. 43–54. DOI: 10.1080/15504263.2016.1146556.
8. Avant E.M., Davis J.L., Cranston C.C. Posttraumatic stress symptom clusters, trauma history, and substance use among college students // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2011. Vol. 20 (5). P. 539–555. DOI: 10.1080/10926771.2011.588153.
9. Behrendt S., Wittchen H.-U., Höfler M., Lieb R., Beesdo K. Transitions from first substance use to substance use disorders in adolescence: Is early onset associated with a rapid escalation? // *Drug and Alcohol Dependence*. 2009. Vol. 99 (1–3). P. 68–78. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2008.06.014.
10. Fisher S., Zapolski T.C.B., Sheehan C., Barnes-Najor J. Pathway of protection: Ethnic identity, self-esteem, and substance use among multiracial youth // *Addictive Behaviors*. 2017. Vol. 72. P. 27–32.
11. Rasic D., Weerasinghe S., Asbridge M., Langille D.B. Longitudinal associations of cannabis and illicit drug use with depression, suicidal ideation and suicidal attempts among Nova Scotia high school students // *Drug and Alcohol Dependence*. 2013. Vol. 129, is. 1–2. P. 49–53.
12. Saxena S., Funk M., Chisholm D. WHO's Mental Health Action Plan 2013–2020: 107 what can psychiatrists do to facilitate its implementation? // *World Psychiatry*. 2014. Vol. 13, is. 2. P. 107–109. DOI: 10.1002/wps.20141.
13. Brassai L., Piko B.F., Steger M.F. Meaning in life: Is it a protective factor for adolescents' psychological health? // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2011. Vol. 18, is. 1. P. 44–51. DOI: 10.1007/s12529-010-9089-6.
14. Clerkin E.M., Werntz A.J., Magee J.C., Lindgren K.P., Teachman B.A. Evaluating age differences in coping motives as a mediator of the link between social anxiety symptoms and alcohol problems // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2014. Vol. 28, is. 3. P. 880–886. DOI: 10.1037/a0036813.
15. Grunbaum J.A., Tortolero S., Weller N., Gingiss, P. Cultural, social, and intrapersonal factors associated with substance use among alternative high school students // *Addictive Behaviors*. 2000. Vol. 25, is. 1. P. 145–151. DOI: 10.1016/S0306-4603(99)00006-4

16. Дранников В.Н. Криминологические и уголовно-правовые аспекты профилактики наркотизма в студенческой среде : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 224 с.
17. Нечаева Т.А. Профилактика преступлений в студенческой среде высших учебных заведений : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 184 с.
18. Зизишвили И.В. Превенция девиантного поведения как форма социального контроля: региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 155 с.
19. Симонко А.В., Грибанов Е.В. Оценка криминальной ситуации в вузовской студенческой среде и меры ее коррекции // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 122–127.
20. Поклад В. Криминогенный потенциал постсоветского студенчества // Молодь та злочинність: Кримінологічні дослідження. Луганськ, 2014. Вип. 7. С. 86–100.
- Ham L.S., Zamboanga B.L., Bacon A.K., Garcia T.A. Drinking motives as mediators of social anxiety and hazardous drinking among college students // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2009. Vol. 38, is. 3. P. 133–145. DOI: 10.1080/16506070802610889.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 14 сентября 2018 г.

Sociological Reasons of the Trajectory for Supporting the Students' Psychoemotional Stability in Stressful Situations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 153–159.

DOI: 10.17223/15617793/440/21

Natalia A. Lukianova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukianova@tpu.ru

Elena V. Rodionova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eva@tpu.ru

Tatiana V. Konyukhova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konyukhova@tpu.ru

Keywords: social stability; youth; psychotropic substances; stressful situation; social adaptation; psychoemotional health; well-being; biohacking.

This article aims to identify correlations between personally significant problems of students of a university city and their use of psychotropic substances for non-medical purposes. The empirical data for the research were gathered among students of one of the cities of Western Siberia in March–June 2015. More than 22,000 full-time students were examined by the method of sociological survey. The sample in the study was continuous. The average age of the respondents at the time of the study was 20.9. Methods of analysis of official documentation and statistics on the studied problem and data processing (quantitative and qualitative analysis of the results) were also used. The study included three stages. Firstly, the spectrum of personally significant problems was identified affecting social stability and psychoemotional well-being of the target audience, and the facts of the presence/absence of the use of any psychoactive drugs with non-medical purposes and their frequency. In the group of “addicted people”, it has been revealed that the most current problems provoking the use of psychotropic substances are household and financial difficulties, loads in the educational process, problems of loss of goals, values, interest in life. Secondly, the correlation between personality problems and the use of tobacco, alcohol, psychotropic substances and/or drugs with non-medical purposes was determined. It has been proved that the increase in pressure on the problem spheres provokes a desire to quickly remove the existing tension in available ways (by smoking, drinking alcohol) and sometimes through the use of drugs or other psychotropic substances. Finally, the necessity of qualified health care was established. The study has confirmed the hypothesis that there is a positive correlation between the existence of personally significant problems and the frequency of use of drugs and other psychotropic substances for non-medical purposes. The obtained data showed that the problem of the emotional safety of the educational environment is wider than the prevention of smoking, alcoholism and drug addiction. Complex and systematic work at the level of the university and the region is needed to teach methods of biohacking, of supporting a positive self-esteem; to teach communication skills, overcoming social isolation, the technologies of saying ‘no’; to organize targeted assistance of experts in the field of mental health (psychologists, psychotherapists, psychiatrists or narcologists) to university students. Organization of awareness-raising and consultation work will be an optimal variant. Modern educational environment of the university imposes certain requirements to the psychological resources of the student and necessitates further study and regulation of emotional stability and psychological well-being of young people.

REFERENCES

1. Schutte, T. et al. (2017) Motivation and competence of participants in a learner-centered student-run clinic: An exploratory pilot study. *BMC Medical Education*. 17 (1). DOI: 10.1186/s12909-017-0856-9
2. Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2000) Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 55 (1). pp. 68–78. DOI: 10.1037//0003-066-X.55.1.68
3. Konyukhova, T.V. et al. (2017) The Determinants of Human Wellbeing in Professional Activities. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 19. pp. 344–348. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.46
4. Fell, E.V., Fell, A. & Lukianova, N.A. (2017) Young People in Britain: Alternatives to Higher Education. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 19. pp. 203–208. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.27
5. Blavos, A.A. et al. (2017) Marijuana and College Students: A Critical Review of the Literature *American Journal of Health Education*. pp. 1–18. DOI: 10.1080/19325037.2017.1292878
6. Johnston, L.D. et al. (2015) *Monitoring the Future national survey results on drug use: 1975–2014: Overview, key findings on adolescent drug use*. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, University of Michigan.
7. Ham, L.S. et al. (2016) Posttraumatic Stress Symptoms and Nonmedical Prescription Drug Use among College Students with Trauma Exposure. *Journal of Dual Diagnosis*. 12 (1). pp. 43–54. DOI: 10.1080/15504263.2016.1146556
8. Avant, E.M., Davis, J.L. & Cranston, C.C. (2011) Posttraumatic stress symptom clusters, trauma history, and substance use among college students. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 20 (5). pp. 539–555. DOI: 10.1080/10926771.2011.588153
9. Behrendt, S. et al. (2009) Transitions from first substance use to substance use disorders in adolescence: Is early onset associated with a rapid escalation? *Drug and Alcohol Dependence*. 99 (1–3). pp. 68–78. DOI: 10.1016/j.druga.2008.06.014
10. Fisher, S. et al. (2017) Pathway of protection: Ethnic identity, self-esteem, and substance use among multiracial youth. *Addictive Behaviors*. 72. pp. 27–32. DOI: 10.1016/j.addbeh.2017.03.003
11. Rasic, D. et al. (2013) Longitudinal associations of cannabis and illicit drug use with depression, suicidal ideation and suicidal attempts among Nova Scotia high school students. *Drug and Alcohol Dependence*. 129 (1–2). pp. 49–53.
12. Saxena, S., Funk, M. & Chisholm, D. (2014) WHO's Mental Health Action Plan 2013–2020: 107 what can psychiatrists do to facilitate its implementation? *World Psychiatry*. 13 (2). pp. 107–109. DOI: 10.1002/wps.20141

13. Brassai, L., Piko, B.F. & Steger, M.F. (2011) Meaning in life: Is it a protective factor for adolescents' psychological health? *International Journal of Behavioral Medicine*. 18 (1). pp. 44–51. DOI: 10.1007/s12529-010-9089-6
14. Clerkin, E.M. et al. (2014) Evaluating age differences in coping motives as a mediator of the link between social anxiety symptoms and alcohol problems. *Psychology of Addictive Behaviors*. 28 (3). pp. 880–886. DOI: 10.1037/a0036813
15. Grunbaum, J.A. et al. (2000) Cultural, social, and intrapersonal factors associated with substance use among alternative high school students. *Addictive Behaviors*. 25 (1). pp. 145–151. DOI: 10.1016/S0306-4603(99)00006-4
16. Drannikov, V.N. (2001) *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty profilaktiki narkotizma v studencheskoj srede* [Criminological and criminal law aspects of the prevention of drug addiction among students]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
17. Nechaeva, T.A. (2002) *Profilaktika prestuplenii v studencheskoj srede vysshikh uchebnykh zavedenii* [Crime prevention in the student environment of higher educational institutions]. Law Cand. Diss. Stavropol.
18. Ziziashvili, I.V. (2006) *Preventsia deviantnogo povedeniya kak forma sotsial'nogo kontrolya: regional'nyi aspekt* [Prevention of deviant behavior as a form of social control: a regional aspect]. Sociology Cand. Diss. Saratov.
19. Simonenko, A.V. & Gribanov, E.V. (2015) Assessment of criminal situation in a high school student community and measures for its correction. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 1. pp. 122–127. (In Russian).
20. Poklad, V. (2014) Kriminogennyy potentsial postsovetskogo studenchestva [Criminogenic potential of post-Soviet students]. *Molod' ta zlochinnist': Kriminologichni doslidzhennya*. 7. pp. 86–100.
21. Ham, L.S. et al. (2009) Drinking motives as mediators of social anxiety and hazardous drinking among college students. *Cognitive Behaviour Therapy*. 38 (3). pp. 133–145. DOI: 10.1080/16506070802610889

Received: 14 September 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 77.03.13, 14.35.07

А.В. Аксёнова

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Теоретически обосновывается значение научно-исследовательской деятельности в профессиональной деятельности будущего педагога физической культуры. Комплекс теоретических и эмпирических исследований позволяет выявить предпосылки успешности, ведущие мотивы, препятствия при формировании научно-исследовательских компетенций у будущих педагогов физической культуры. Доказано, что целесообразно включать элементы научно-исследовательской деятельности в учебный процесс студентов младших курсов.

Ключевые слова: будущие педагоги физической культуры; студенты; бакалавры педагогического образования; научно-исследовательская деятельность; учебный процесс.

Сегодня повсеместное внедрение научно-исследовательской деятельности в практическую работу образовательных организаций – это не только модная тенденция, но и способ повышения эффективности работы дошкольных, общеобразовательных, средних профессиональных и высших учебных заведений. Для распространения прогрессивного педагогического опыта на базе наиболее продвинутых образовательных организаций создают экспериментальные площадки, проводят конференции обучающихся и педагогов, вводят ставки научных руководителей организации или заместителей руководителя по научному профилю. Общество признало, что преподавание, методическая и научно-исследовательская деятельность составляют сущность педагогического труда. Данные научных исследований [1. С. 44] и практика доказали, что современный педагог является исследователем, способным к научной деятельности и постоянному саморазвитию. Сегодня государству и обществу требуется современный, грамотный педагог физической культуры с многопрофильными знаниями, умениями, навыками, компетенциями [2–5]. Неудивительно, что необходимость подготовки будущего педагога к научно-исследовательской деятельности нашла отражение в тексте федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) [6].

Цель исследования – дать характеристику научно-исследовательской деятельности в подготовке педагогов физической культуры.

Задачи исследования:

- 1) выявить значение научно-исследовательской деятельности в структуре профессиональной деятельности педагога физической культуры;
- 2) определить отношение к научно-исследовательской деятельности будущих педагогов на начальном этапе обучения в вузе;
- 3) выявить наиболее эффективные методы, применяемые вузовскими преподавателями на учебных занятиях по специальным предметам у будущих педагогов физической культуры для формирования научно-исследовательских компетенций.

Анализ текста ФГОС ВО для педагогических вузов по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) от

02 марта 2016 г. позволяет выявить в качестве видов профессиональной деятельности, к которым готовятся будущие педагоги в вузе, не только педагогическую, проектную, культурно-просветительскую, но и научно-исследовательскую. Таким образом, государственная политика в области высшего образования определяет научно-исследовательскую деятельность составной и необходимой частью профессии педагога, в том числе и педагога физической культуры. В тексте ФГОС ВО бакалавров педагогического образования уточняются профессиональные задачи, которые должны решаться педагогами, среди них: постановка и решение исследовательских задач в области науки и образования, а также использование в профессиональной деятельности методов научного исследования. Федеральным государственным образовательным стандартом также регламентировано, что в процессе обучения в вузе у будущего педагога физической культуры должны быть сформированы две важные профессиональные компетенции (далее научно-исследовательские компетенции):

- 1) готовность использовать теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования (ПК-11);
- 2) способность руководить учебно-исследовательской деятельностью обучающихся (ПК-12).

Таким образом, современный компетентный педагог физической культуры не только сам способен организовать научное исследование и описать его результаты, но и привлечь к научно-исследовательской деятельности обучающихся, это исследователь, способный и имеющий готовность к научной работе и постоянному саморазвитию. Современные реалии таковы, что научно-исследовательские конкурсы, конференции, проекты сегодня проводятся не только в вузах и организациях среднего профессионального образования, но и в общеобразовательной школе (начальное, среднее, старшее звено) и даже в дошкольных образовательных организациях. С расширением в последние годы целевой аудитории для участия в научно-исследовательской деятельности связаны высокая актуальность и значимость научно-исследовательских компетенций педагогов всех уровней образования: дошкольного, общего, среднего профессионального и высшего образования, что под-

черкивает практическую значимость нашего исследования.

Для определения отношения к научно-исследовательской деятельности будущих педагогов на начальном этапе обучения в вузе в 2016–2017 гг. на

базе ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» было организовано анкетирование студентов первого курса факультета физической культуры и спорта ($n = 85$), результаты которого обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Отношение будущих педагогов физической культуры к научно-исследовательской деятельности на этапе обучения в вузе

№	Перечень вопросов и ответов	Количество человек	Количество респондентов, % ($n = 85$)
1	Считаете ли Вы научно-исследовательскую работу студентов в вузе важным компонентом подготовки?		
1.1	Да	75	88
1.2	Нет	10	12
2	Хотите ли Вы принимать участие в организации и проведении научных исследований самостоятельно или совместно с преподавателями университета?		
2.1	Да	53	62,4
2.2	Нет	32	37,6
3	Имеет ли преимущества, на Ваш взгляд, выпускник факультета физической культуры и спорта с опытом научно-исследовательской деятельности в сравнении с выпускником без аналогичного опыта?		
3.1	Да	66	77,6
3.2	Нет	19	22,4
4	Укажите личностные и профессиональные качества, отличающие студента с опытом научно-исследовательской деятельности (число ответов неограниченно)		
4.1	Широкий кругозор	73	85,9
4.2	Грамотная речь	59	69,4
4.3	Способность к анализу	47	55,3
4.4	Конкурентоспособность	41	48,2
4.5	Мобильность	31	36,5
4.6	Стрессоустойчивость	22	25,9
4.7	Способность к самопрезентации	21	24,7
4.8	Коммуникативные качества	1	1,2
4.9	Активность	1	1,2
5	Имеете ли Вы опыт научно-исследовательской деятельности, полученный на этапе обучения в школе?		
5.1	Да	28	33
5.2	Нет	57	67
6	Если на предыдущий вопрос Вы ответили утвердительно, то в какой форме Вы получили опыт научно-исследовательской деятельности в школе (число ответов неограниченно)?		
6.1	Выступления с докладами на школьной и городской конференции	19	22,4
6.2	Анализ научно-методической литературы	6	7
6.3	Подготовка и публикация научной статьи	1	1,2
7	Какие факторы, на Ваш взгляд, являются условиями повышения интереса и мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности в вузе?		
7.1	Материальное поощрение (в форме грантов, стипендий)	56	65,9
7.2	Влияние достижений научно-исследовательской деятельности на академическую успеваемость	34	40
7.3	Включение в учебный процесс методических приемов с направленностью на формирование научно-исследовательских компетенций	30	35,3
7.4	Вовлечение студентов в работу научных кружков	1	1,2

Подавляющее большинство респондентов (88%) считают научно-исследовательскую работу студентов важным компонентом подготовки будущего педагога. Одновременно с этим больше половины опрошенных (62,4%) высказали желание принимать участие в организации и проведении научных исследований самостоятельно или совместно с преподавателями факультета. Большинство опрошенных

(77,6%) считают, что выпускник факультета физической культуры и спорта, обладающий высокой мотивацией и в студенческие годы хорошо проявивший себя в научно-исследовательской деятельности, имеет значительные преимущества в самостоятельной преподавательской деятельности в школе, техникуме или в вузе относительно выпускников без подобного рода достижений.

Опыт автора свидетельствует о том, что студентов необходимо своевременно информировать о проходящих конкурсах стипендий внутривузовского, регионального, всероссийского уровней, о конкурсах индивидуальных грантов, активно привлекать к выполнению научно-исследовательских работ в составе коллектива преподавателей и аспирантов, так как отдельные студенты с большим желанием включаются в научно-исследовательскую деятельность посредством перечисленных способов работы.

Наш опыт позволяет согласиться с позицией А.Ф. Мустаева [7. С. 9], доказавшего, что научно-исследовательская деятельность студентов педагогического вуза имеет свою специфику. Солидаризируемся с исследователем Т.Г. Ильиной [8. С. 65–66], подразделяющей научно-исследовательскую деятельность студентов вуза на два вида: учебную (предусмотренную действующими учебными планами) и внеучебную, выходящую за рамки требований учебных планов. В работе Т.Г. Ильиной достаточно подробно представлены формы научно-исследовательской деятельности, повсеместно используемые нами в подготовке будущих педагогов физической культуры, среди них: выполнение лабораторных работ, написание рефератов, участие в предметных олимпиадах, подготовка докладов, выполнение заданий научно-исследовательского характера (в том числе при прохождении учебных и производственных практик), изучение или формулирование методологического аппарата исследования, подготовка научных обзоров, публикация научных и методических статей, работа с кейсами, участие в научных конкурсах, участие в научно-исследовательских играх, участие в грантах, проектах, научных сообществах и кружках, в научных семинарах, конференциях, круглых столах.

В контексте популяризации научно-исследовательской деятельности среди студентов и формирования у них научно-исследовательских компетенций для нашего исследования представляют большой интерес методы, которые преподаватели включают в содержание учебных занятий по специальным учебным дисциплинам у будущих педагогов физической культуры. На основании литературных данных и собственных педагогических наблюдений мы можем считать такими методами учебные задания, включающие: постановку проблемы, изучение теории и практического опыта, подбор и изучение методов исследования, сбор и анализ собственного материала, формулирование выводов [9. С. 31]. Вслед за Е.Н. Михайловой [10. С. 6] отметим, что учебные задания для формирования научно-исследовательских компетенций содержат в себе один из трех элементов исследовательской деятельности: целеполагание (выделение цели деятельности), целевыполнение (определение предмета, средств деятельности, реализация намеченных целей), рефлексия, анализ результатов деятельности (соотнесение достигнутых результатов с поставленной целью). Основой нашего практического опыта по приобщению студентов к научно-исследовательской деятельности стало формирование исследовательской компетентности будущих педагогов физической культуры. Поддерживаем позицию

исследователя Е.Н. Михайлова, которая определила исследовательскую компетентность как совокупность знаний, умений, навыков и способов деятельности, позволяющих человеку быть в позиции исследователя по отношению к окружающему миру. Позиция исследователя выражается через чувствительность к проблемам окружающего мира, умение распознать и решить проблемную ситуацию с любым произвольным объектом или явлением окружающего мира, используя для этого различные теоретические и эмпирические источники информации. Нельзя не согласиться с автором в том, что исследовательская компетентность, несомненно, является показателем интеллектуального уровня развития мыслительных процессов и исследовательской активности личности.

В нашем исследовании в роли респондентов выступили не только студенты факультета физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», но и преподаватели ($n = 8$), проводящие со студентами занятия по специальным теоретическим учебным дисциплинам (например, «История физической культуры», «Теория физической культуры», «Методика физической культуры», «Теория и методика обучения предмету физическая культура», «Теория и методика спортивной тренировки», «Психология физической культуры», «Фармакология спорта»). Целью опроса преподавателей стало выявление наиболее эффективных методов обучения, используемых преподавателями на занятиях по специальным теоретическим дисциплинам, для формирования научно-исследовательских компетенций студентов. Результаты анкетирования преподавателей представлены в табл. 2.

Результаты исследования среди студентов и преподавателей факультета физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета свидетельствуют о том, что в настоящее время и студенты, и педагоги заинтересованы в приобщении будущих учителей физической культуры на этапе обучения в вузе к научно-исследовательской деятельности. Все субъекты учебного процесса морально согласны с возможностью приемов морального и материального стимулирования студентов к научно-исследовательской деятельности. Если вопросы материального стимулирования студентов сегодня решены в достаточной степени в форме стипендий различного уровня, то система материального стимулирования преподавательского состава в педагогических вузах требует дальнейшего совершенствования, в том числе посредством выделения объективных критериев оценки результативности руководства научно-исследовательской деятельностью студента.

Для нашего исследования является важным, что подавляющее большинство преподавателей (87,5%) целенаправленно ориентируют студентов на участие в научно-исследовательской деятельности посредством учебных занятий. В связи с этим для большей наглядности мы далее приводим перечень заданий и тем, используемых на занятиях со студентами 3-го курса по профильной теоретической учебной дисциплине «Теория и методика физической культуры» в форме таблицы (табл. 3).

**Отношение преподавателей к научно-исследовательской деятельности
будущих педагогов физической культуры на этапе обучения в вузе**

№	Перечень вопросов и ответов	Количество человек	Количество респондентов % (n = 8)
1	Считаете ли Вы научно-исследовательскую работу студентов в вузе важным компонентом подготовки?		
1.1	Да	8	100
1.2	Нет	0	0
2	Имеет ли преимущества, на Ваш взгляд, выпускник факультета физической культуры и спорта с опытом научно-исследовательской деятельности в сравнении с выпускником без аналогичного опыта?		
3.1	Да	8	100
3.2	Нет	0	0
3	Укажите личностные и профессиональные качества, отличающие студента с опытом научно-исследовательской деятельности (число ответов неограниченно)		
3.1	Грамотная речь	6	75
3.2	Конкурентоспособность	5	62,5
3.3	Широкий кругозор	5	62,5
3.4	Способность к анализу	5	62,5
3.5	Способность к самопрезентации	5	62,5
3.6	Исследовательская грамотность	4	50
3.7	Стрессоустойчивость	3	37,5
3.8	Мобильность	2	25
4	Какие факторы, на Ваш взгляд, являются условиями повышения интереса и мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности в вузе (число ответов неограниченно)?		
4.1	Материальное стимулирование студентов в форме повышенных и именных стипендий вузовского, регионального, всероссийского и международного уровней	7	87,5
4.2	Материальное стимулирование научных руководителей через премии, гранты, стипендии	7	87,5
4.3	Включение в содержание занятий по специальным теоретическим дисциплинам методических приемов для формирования научно-исследовательских компетенций	7	87,5
4.4	Повышение осведомленности студентов и их научных руководителей, кураторов о проводимых конференциях, олимпиадах, конкурсах	5	62,5
4.5	Учет результатов научно-исследовательской деятельности при получении образования на следующих этапах (в магистратуре, аспирантуре)	1	12,5
4.6	Улучшение исследовательской базы	1	12,5
5	Какие мотивы к занятиям научно-исследовательской деятельностью Вы целенаправленно формируете у студентов (неограниченное число ответов)?		
5.1	Мотивы к успешной работе по профессии в настоящее время и в будущем	7	87,5
5.2	Мотивы одобрения и повышения социального статуса студента	5	62,5
5.3	Мотивы повышения академической успеваемости (в том числе в период государственной итоговой аттестации)	5	62,5
5.4	Мотивы повышения материального достатка	3	37,5
5.5	Мотив успешного выполнения индивидуальных исследований в форме курсовых и дипломных работ	2	25
6	Какие методы и задания Вы включаете в содержание семинарских занятий для формирования научно-исследовательских компетенций студентов (неограниченное число ответов)?		
6.1	Подготовка и публичная защита докладов	7	87,5
6.2	Подготовка научной статьи и / или доклада для выступления на студенческой конференции	6	75
6.3	Проектирование (моделирование) педагогического эксперимента	6	75
6.4	Анализ научных статей	5	62,5
6.5	Разработка анкеты и / или проведение анкетирования	5	62,5
6.6	Разработка методологического аппарата исследования	4	50
6.7	Обсуждение результатов индивидуального исследования в рамках курсовой или выпускной квалификационной работы	1	12,5

В таблице 3 продемонстрирована последовательность формирования научно-исследовательских компетенций студентов в процессе учебных занятий на примере учебного курса «Теория и методика физической культуры». Все подобранные задания указаны в

соответствии с принципом «от простого к сложному» и содержат в себе один или несколько признаков научно-исследовательской деятельности: постановку проблемы, изучение теории и практики, подбор и изучение методов исследования, сбор и анализ соб-

ственного материала, формулирование выводов. Считаем, что представленный практический материал

будет интересен вузовским преподавателям профильных и педагогических теоретических дисциплин.

Таблица 3

Формирование научно-исследовательских компетенций студентов на учебных занятиях

№	Темы	Методы и суть заданий для студентов	Кол-во занятий	Примечание
1	Технология воспитательной работы педагога по физической культуре. Методика воспитания физических способностей дошкольников школьников, занимающихся в секциях по разным видам спорта	Анализ научных и научно-методических статей (по предложенному алгоритму и в произвольной форме)	3–4	Задания: на первом занятии – выделить суть прочитанной статьи и в трех предложениях, сформулировать свое отношение к ней; – на втором занятии – выявить актуальность, противоречие и способы его решения автором, сформулировать авторскую позицию одним предложением; – на третьем занятии – изучить 2–3 статьи по схожей тематике, выявить общее и различия во мнении авторов и на основе анализа составить сравнительную таблицу, сформулировать выводы по таблице
2	Структура процесса обучения. Методика формирования двигательных умений и навыков у дошкольников, школьников, занимающихся различными видами спорта	Анализ научной статьи по выявлению методологического аппарата исследования	1	Сформулировать объект, предмет, цель задачи исследования, используемые методы исследования, кратко сформулировать выводы по каждой задаче
3	Профессиональная деятельность педагога по физической культуре	Изучение перечня специальных конкурсов для студентов и аспирантов, имеющих достижения в научно-исследовательской деятельности (вузовского, регионального, всероссийского уровней). Знакомство с профессионально ориентированным интернет-ресурсами	1	Слайд-презентация сопровождается комментариями преподавателя, вопросами и ответами аудитории, приветствуется обсуждение интересующих аспектов
4	Методика проведения занятий урочного типа с различным контингентом в разнообразных образовательных организациях	Подготовка и защита докладов в группе	1–2	Занятие проводится в форме научной конференции, организованной студентами
5	Средства и методы физической культуры, используемые с различным контингентом в разнообразных образовательных организациях	Составление анкеты для изучения актуальной проблемы. Презентация результатов проведенного опроса на выборке 5–10 человек	2	На первом занятии – знакомство с технологией составления анкеты. На втором занятии – доклады студентов и обсуждение хода проведения анкетирования, сложностей, особенностей формулирования вопросов и вариантов ответов, интерпретации полученных данных
6	Система физической культуры	Схематическое изображение системы физической культуры, системы физического воспитания и системы спорта. В задании необходимо выявить общее и различия в указанных системах по критериям: организации и учреждения, структура управления и подготовки кадров, контингент, формы организации	1	Презентация систем и их описания в форме докладов и обсуждения
7	Физическое воспитание дошкольников, школьников, студентов	Моделирование педагогического процесса (учебно-воспитательного процесса, физического воспитания, тренировочного процесса), изучаемого в форме курсовой работы	1	Презентация сути педагогического процесса в форме схемы, коллективное обсуждение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Современный педагог физической культуры обладает научно-исследовательскими компетенциями, т.е. способен в окружающей действительности выявлять имеющиеся проблемы и, моделируя педагогический процесс, помогать их решению, может не только самостоятельно участвовать в исследовании, но и

приобщать к научно-исследовательской деятельности воспитанников и коллег.

2. Большинство первокурсников факультета физической культуры и спорта осознают важность научно-исследовательской деятельности и имеют к ней положительное отношение. Данный факт является позитивной предпосылкой эффективности приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности в вузе.

Современные реалии таковы, что будущему педагогу уже на этапе обучения в вузе необходимо получить опыт организации научной конференции. Однако, наш опыт показывает, что большинство студентов испытывают страх к занятиям наукой, считают этот процесс сложным и трудоемким, приносящим успехи через несколько лет. При этом студент ориентирован на успех не только в будущем, но и в настоящем. Выход из сложившейся ситуации видится нами в целенаправленном формировании научно-исследовательских компетенций у студентов посредством учебных занятий.

3. Опросы показывают, что в учебном процессе будущих учителей физической культуры вузовские преподаватели чаще всего используют подготовку и публичную защиту докладов, при этом в незначительной степени готовят студентов к организации школьных научных конференций, что будет их про-

фессиональной обязанностью в самостоятельной педагогической деятельности. При этом наш опыт свидетельствует, что при целенаправленном формировании научно-исследовательских компетенций у студентов на учебных занятиях к третьему курсу в среднем на 50% увеличивается число обучающихся, проявляющих исследовательскую грамотность, успешно выступающих с докладом на ежегодной студенческой конференции, возрастает качество публикаций в сборнике студенческой конференции, снижается страх и повышается уверенность студента при защите курсовой и выпускной квалификационной работы. Однако методика формирования научно-исследовательских компетенций будущих педагогов физической культуры на учебных занятиях по профильным дисциплинам требует своего дальнейшего теоретического и практического обоснования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Е.Н. Развитие системы непрерывного педагогического образования России на рубеже XX–XXI веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 3, № 77. С. 44–46.
2. Шилько В.Г., Гусева Н.Л. Социологический анализ образа жизни и физкультурно-спортивной деятельности студентов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 199–202.
3. Загурская А.И., Шилько В.Г. Технологический подход к физкультурному образованию студентов на основе модульного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 197–203.
4. Лубышева Л.И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути ее освоения обществом и личностью // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 10–15.
5. Пешков В.Ф., Копытов А.Д. Теоретическое и практическое обоснование педагогических условий профессиональной подготовки педагога физической культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2003. Вып. 3, № 35. С. 8–14.
6. Сайт Координационного совета учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/440305> (дата обращения: 22.03.2017).
7. Мустаев А.Ф. Управление научно-исследовательской и инновационной образовательной деятельностью педагогического университета // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 1 (20). С. 8–14.
8. Ильина Т.Г. Проблемы организации научно-исследовательской работы студентов-экономистов // Проблемы учета и финансов. 2014. № 4 (16). С. 65–71.
9. Балашова В.Ф. Компетенции специалиста по адаптивной физической культуре, формируемые и применяемые в научно-исследовательской деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 2 (80). С. 30–34.
10. Михайлова Е.Н. Исследовательская компетентность как цель и ресурс профессионального саморазвития педагога в концепции прагматического подхода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 6, № 84. С. 5–8.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 декабря 2017 г.

Research Activities in the Training of Physical Education Teachers

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 160–166.

DOI: 10.17223/15617793/440/22

Anastasia V. Aksenova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: onti@tspu.edu.ru

Keywords: future teachers of physical education; students; bachelors of pedagogical education; research activity; educational process.

In the research, the problem of the formation of research competences of future teachers is considered. The modern practice of organizations of general education and commissioning of social services make pedagogical educational institutions change the system of teachers' training. In the article, a theoretical proof of the value of research in the professional activities of future physical education teachers. By means of the analysis of documents and literature as well as a poll of 85 first-year students and eight teachers of profile disciplines, the author collected opinions on the inclusion of research activities in the educational process. The research has shown that the modern physical education teacher needs to have research competences to be successful in the profession. The author revealed important prerequisites of a successful formation of research competences in future physical education teachers: a positive attitude of first-year students to research work, awareness of its high social importance and value for personal growth. Along with it, most of the students fear being engaged in research for they consider this process difficult and labor-consuming, bringing only long-term achievements. It is an obstacle to the formation of research competences in future teachers. On the example of Tomsk State Pedagogical University, it has been proved that it is expedient to include elements of research activities in the educational process of students of the first courses in the form of tasks such as statement of a problem, study of theory, selection and study of methods of research, collection and analysis of one's own material, formulation of conclusions. The author has established that the modern physical education teacher organizes research and engages students in science. Results of the research demonstrate that the interviewed teachers view research activities as a component of their profession. It leads to the fact that these teachers of theoretical profile subjects include research tasks for the formation of research competences in their curricula. In the research, methods and examples of tasks were described. The interviewed teachers and students consider them the most effective for research competence formation. However, the results of the research show that it needs further elaboration and scientific and methodological support.

REFERENCES

1. Mikhaylova, E.N. (2008) The development of uninterrupted system of pedagogical education in Russia in the edge of XX-XXI. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (77). pp. 44–46. (In Russian).
2. Shil'ko, V.G. & Guseva, N.L. (2011) Sociological analysis of lifestyles, physical training and sports activity of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 199–202. (In Russian).
3. Zagrevskaya, A.I. & Shil'ko, V.G. (2009) Technological approach to the physical culture education of students on the basis of module education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 197–203. (In Russian).
4. Lubyшева, L.I. (1997) Sovremennyy tsennostnyy potentsial fizicheskoy kul'tury i sporta i puti ee osvoeniya obshchestvom i lichnost'yu [Modern value potential of physical culture and sports and the ways of its development by society and personality]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 10–15.
5. Peshkov, V.F. & Kopytov, A.D. (2003) Theoretical and Practical Basis for Pedagogical Conditions of Professional Training of Physical Culture Teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (35). pp. 8–14. (In Russian).
6. The website of the Coordination Council of teaching and methodological associations and scientific and methodological councils of higher education. [Online] Available from: <http://fgosvo.ru/440305>. (Accessed: 22.03.2017).
7. Mustaeв, A.F. (2009) Upravlenie nauchno-issledovatel'skoy i innovatsionnoy obrazovatel'noy deyatel'nost'yu pedagogicheskogo universiteta [Management of research and innovative educational activities of a pedagogical university]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 1 (20). pp. 8–14.
8. Il'ina, T.G. (2014) Problems of the organization of students-economists research work. *Problemy ucheta i finansov – Problems of Accounting and Finance*. 4 (16). pp. 65–71. (In Russian).
9. Balashova, V.F. (2009) Competence of the expert on adaptive physical culture, formed and applied in research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (80). pp. 30–34. (In Russian).
10. Mikhaylova, E.N. (2009) Research competence as an objective and a resource of the professional self development of pedagogue in conception of praxiological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (84). pp. 5–8. (In Russian).

Received: 06 December 2017

Г.А. Кузьменко, Т.К. Ким, Е.А. Леванова, В.С. Шерин

СТИЛЕВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ГИБКОСТИ ТРЕНЕРОВ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Раскрыта сущность и выделены психолого-педагогические особенности развития когнитивной гибкости как профессионально важного качества тренера. Охарактеризованы поведенческие проявления конкурентности через стили деятельности. Выявлены связи между показателями соревновательной успешности, психоэмоциональным состоянием тренера, характеристиками доминантности и гибкости поведения. Заданы контуры интеллектуальной подготовки тренера к саморазвитию конкурентных черт личности.

Ключевые слова: спорт; профессиональная деятельность тренера; когнитивные стили; типы мышления; когнитивная гибкость; развитие.

Современный этап развития спортивного движения в мире характеризуется высокой напряженностью состязательной борьбы, возросшей плотностью спортивных достижений участников крупнейших соревнований. Данный факт, в свою очередь, неизмеримо повышает требования к качеству, стабильности и надежности технико-тактического мастерства, морально-волевой подготовленности и психической устойчивости спортсменов и ставит перед всеми субъектами профессионального взаимодействия сложные задачи по совершенствованию организационно-методической системы многолетней подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации. Известна и неоспорима постоянно возрастающая роль науки в решении методико-технологических вопросов обеспечения соревновательно-тренировочной деятельности. Не вызывает сомнения, что ключевая роль в практической реализации всего спектра научных изысканий, в этой связи, отводится тренеру, призванному обладать не только определенными профессионально значимыми личностно-психическими качествами и специальными компетенциями, но и присущим только ему, так называемым профессионально-педагогическим кредо [1. С. 102].

Именно тренер формирует у подопечных определенные стили деятельности, адекватные соревновательной ситуации, инициирует проявление комплекса альтернативных и содержательно пересекающихся стилей. Например, для вратаря в хоккее одновременно важны и полезависимость – как способность сохранять оптимальную позицию с учетом максимальной защиты створа ворот и их зон, и полenezависимость – как способность играть максимально стабильно в любой пространственной позиции относительно своих ворот и ворот соперника, включая смену ворот. Стилиевая гибкость спортсмена как психологическое новообразование, отражающее способность к эффективному осуществлению соревновательной деятельности, характеризуется адаптивной подстройкой под модель и тактику соперника на основе предвосхищения, своевременного «прочувствования», «считывания» программы действий, оперативного планирования ситуационно адекватных фрагментов деятельности, ее перестройки, опережающей интеллектуальной и адек-

ватной ситуации двигательной активности, что в конечном итоге обеспечивает большую вероятность завоевания позиции преимущества.

Развитие стилиевой гибкости у спортсмена призвано к опережающему преобразованию данной способности, прежде всего, у тренера, поскольку невозможно сформировать актуальное качество у первого, самому не обладая им. В отличие от кондиционных способностей, в которых спортсмен может многократно превосходить тренера, стилиевая гибкость тренера и спортсмена тесно детерминированы важной для обоих образовательной и воспитательной средой, спектром реализуемых разноплановых средств и методов интегральной подготовки спортсмена и подлежит корректной тренерской оценке лишь в том случае, когда последний способен дифференцировать параметры динамики развиваемой способности. Таким образом, чем более подготовлена и сбалансирована диада «тренер – спортсмен» к решению разноплановых задач, и более пластична в своем поведении, тем больше вероятность достижения успеха как результата «адаптивной и деятельной природы интеллекта» [2. С. 5]. Известно, что интеллектуальные способности обеспечивают эффективность функционирования личности в различных условиях, определяют значимость развития «когнитивной дифференцированности» уже «на вербально-концептуальном уровне активности» [3. С. 80]. При этом спортивное совершенствование молодого спортсмена в условиях сопутствующего интеллектуального развития напрямую сопряжено с интеллектуальной готовностью тренера [4. С. 191], отражающейся в комплексе значимых проявлений.

Таким образом, «победа над соперником» содержательно ориентирует образовательно-воспитательный процесс на совершенствование компонентов профессиональной готовности тренера к практической деятельности, выступающей, по мнению Е.А. Левановой и Т.В. Пушкаревой, «залогом конкурентоспособности специалиста» [5. С. 148]. Кроме того, реализация когнитивно гибких средств и методов подготовки юных спортсменов призвана опираться и на соответствующую компетентность их родителей [6. С. 87] как создателей развивающей среды. Актуализируя очевидную значимость профессио-

нальных кондиций, В.Д. Шадриков отмечает, что в профессиональной деятельности способности «развиваются и специфицируются» [7. С. 49]. Ученый характеризует данный процесс как «замкнутый контур», который отражается через «мотив, цель, программу, информационную основу, принятие решения и профессионально важные качества» [8. С. 38], становящиеся необходимым условием удовлетворения мотива и достижения цели. В связи с этим ко всем субъектам профессионального взаимодействия в спорте, к тренеру прежде всего предъявляется спектр запросов на абсолютную конгруэнтность статусу «тренер-победитель».

Отмечая вышесказанное, **цель** представленного исследования заключается в определении стилевых проявлений когнитивной гибкости у тренеров по различным видам спорта и на их основе обосновании методических подходов ее развития в процессе профессиональной деятельности.

Методы и организация исследования. В работе мы использовали следующий комплекс методов: интервьюирование, самоописание, самооценка, контент-анализ смысловых образований, характеризующих содержание стилевой гибкости, сравнительно-сопоставительный анализ показателей стилевой гибкости и определяющих характеристик успешной соревновательной деятельности, педагогическое наблюдение, исследование свойств личности (по 16-F опроснику Кеттелла), состояния эмоциональной сферы личности тренера (эмоционального выгорания по опроснику В.В. Бойко); педагогический эксперимент. Для математико-статистической обработки полученных фактологических данных использовались методы непараметрической статистики (критерий Вилкоксона (T), корреляционный и факторный анализ (Statistica-8). Оценка степени согласованности мнений экспертов определялась на основе вычисления коэффициента конкордации Кендалла (W).

Исследование проводилось в период с 2010 по 2017 г. на очных курсах и в процессе дистанционного обучения по программе профессиональной переподготовки и повышения квалификации МПГУ. В исследовании приняли участие тренеры в возрасте от 24 до 56 лет, работающие в ЦСиО «Самбо-70», «Чертаново», ДЮСШ «Солнцево», Центре хоккейного мастерства (г. Москва), ГКУ ЦСПСК, СДЮСШОР, ДТДМ (г. Нальчик, КБР). Стаж работы тренеров составлял от 5 до 28 лет.

При организации обучающих семинаров и тренингов и в процессе формирования групп, мы учитывали тот факт, что корпоративная культура многих спортивных школ предполагает определенную степень закрытости в вопросах распространения методик и технологий спортивной подготовки. В этой связи для создания более комфортной образовательной среды мы объединяли в группы по пять-шесть тренеров из спортивных школ по различным видам спорта, чтобы исключить разглашение конфиденциальной, по мнению тренеров, информации, касающейся методик и

технологий организации и проведения учебно-тренировочного процесса со спортсменами.

Результаты исследования и их обсуждение. Проводя исследования, мы опирались на данные, представленные в работах О.Г. Волковой (1991) – о соотношении различных стилей мыслительной деятельности и некоторых видов ориентаций при решении мыслительных задач; О.И. Белохвостовой (2003) – раскрывающей сущность соотношения стилей учебной деятельности как ресурсов личности в преодолении психологических барьеров; О.Е. Илгунова (2005) – характеризующего динамику становления стилей профессиональной деятельности на разных этапах карьеры; И.Л. Жирнова (2012) – о необходимости учета когнитивных стилей обучающихся и других авторов, что в совокупности актуализирует значимость когнитивной гибкости тренера как педагога и психолога.

В процессе выявления когнитивных стилей тренеров по видам спорта, мы взяли за основу классификацию когнитивных стилей, предметно и развернуто раскрытых в трудах М.А. Холодной, в которых автор выделяет 18 альтернативных смысловых диад [9. С. 37–79]. Применительно к актуальной задаче исследования это важно, поскольку альтернатива в спорте определяется текущими требованиями ситуации и степени ее сложности. При этом мы учитывали не только многогранность развития значимых качеств, но и их дихотомическую организацию и, как требование адаптации, – развитие противоположных по содержанию способностей. Классические тесты, отражающие степень проявления когнитивных стилей безотносительно к содержанию профессиональной деятельности тренера в спорте, не позволили нам создать убедительную аргументированность неоспоримой значимости стилевой гибкости. В связи с этим нами была разработана стилевая характеристика реализации профессиональной деятельности в спорте на основе предпочитаемых тренерами проявлений конкурентности (таблица).

В ходе эксперимента знакомство тренеров с когнитивными стилями, актуальными в профессиональной деятельности, мы выстроили через развернутую характеристику их прикладного значения – через ознакомление с конкурентными деятельностными категориями, признанными ими в качестве базовых ценностей и мировоззренческих опор самосовершенствования. Факторный анализ (Factor Loadings (Unrotated) (Spreadsheet8) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700 000) позволил выявить два фактора: 1-го и 2-го порядка, соответственно отражающих стилевую вариативность в широком спектре профессиональных способностей и интуитивность мыследеятельности в спорте в ее обновленной структуре, которая подтверждается достоверно высокой степенью согласованности мнений экспертов о ценности данных проявлений. Анализ сходных позиций 21 эксперта и степень согласованности их суждений (Friedman ANOVA and Kendall Coeff. Of Concordance, $N = 2$, $df = 21$, W , $P < ,05$) представлены в табл. 1.

**Субъектная значимость реализации тренерами когнитивных стилей
в профессиональной (учебной) деятельности**

№	Стиль реализации деятельности	Факторы		W	Предпочитаемые тренерами мировоззренческие и поведенческие проявления конкурентности, отраженные в способности к:
		1	2		
1	Вербализация	–,897	–,024	,726	точному отражению смысла идеи, информативному вербальному описанию ситуации
	Визуализация	,435	,004		схватыванию из спектра ситуативно значимой визуальной информации главного, принятию решений и действиям на основе мгновенной ее переработки без артикуляции увиденного
2	Внешний локус контроля	–0,883	,053	,900	точному распределению зон ответственности спортсменов, учету погрешностей и перспектив деятельности (Д) каждого
	Внутренний локус контроля	,876	–,116		критическому анализу, оперативному обновлению содержания планирования, организации процесса образования и воспитания
3	Конвергентность	–,500	–,523	,690	критическому, логическому мышлению;
	Дивергентность	,803	,358		творческому подходу к процессу спортивной подготовки (СП); выработке профессиональных позиций с учетом новых данных; открытости, научно-методическому развитию новых идей в СП
4	Полезависимость	–,804	–,252	,854	удержанию в поле внимания и Д пространственных, временных, динамических, смысловых ориентиров
	Полнезависимость	,876	,299		свободной ориентации в пространстве Д и мыследеятельности; восприятию незнакомой ситуации как нормы, оперативному приспособлению к ней; функциональному сближению к непривычным условиям Д
5	Импульсивность	,490	–,478	,578	мгновенному реагированию на ситуацию на фоне вероятностного появления незначимых ошибок
	Рефлексивность	–,587	,237		обдуманному действию при предвещающем исключении возможных ошибок
6	Быстрое течение времени	,789	,160	,674	реализации мотивации достижения; оперативному, включению в неудобную Д, быстрой, гибкой ее перестройке
	Медленное течение времени	–,824	,191		выжиданию перспективы; управлению Д на основе анализа спортивного опыта; психологически устойчивому поведению; анализу последствий Д, рационализации действий при потере темпа
7	Адаптивность	–,563	–,611	,693	эффективному применению устоявшихся способов, стилей, тактик, моделей Д;
	Инновативность	,541	–,538		усовершенствованию имеющихся, изобретению новых способов разрешения проблем
8	Дискурсивность	–,492	–,060	,740	научно-теоретическому и прикладному обоснованию профессиональной позиции, оперативному информативному сопровождению тренировочной Д
	Интуитивность	,277	–,791		«прочувствованию» верных способов решения задачи без анализа причин выбора
9	Аналитичность	,860	–,145	,646	логическому анализу эффективности действий и Д, преемственному, последовательному, беспристрастному развитию мысли
	Синтетичность	–,843	,166		целостному восприятию и мгновенному «прочувствованию» психолого-педагогической ситуации; быстрой реакции при мгновенной переработке информации
10	Узкий диапазон эквивалентности	–,627	,328	,796	дифференциации и индивидуализации профессионального взаимодействия со спортсменом на основе различия особых характеристик Д и ситуации, их многокомпонентной оценки
	Широкий диапазон эквивалентности	–,563	,051		освобождению от несущественных критериев эффективности; нахождению общих черт, интересов, позиций спортсмена; принятию права на спортивное совершенствование
11	Предметное мышление (М)	–,798	,091	,691	погружению в предмет совершенствования; последовательному выполнению операций и действий; преемственной детализации элементов исполнительской структуры движения
12	Символическое М	,734	–,149		выражению мысли как структуры (формулы), фиксирующей существенные отношения между рассматриваемыми символами
13	Знаковое М	,812	,011		понятийному мышлению, высказываниям, фиксирующим выявленные отношения между предметами и объектами
14	Образное М	–,375	,712		воплощению мысли в обновленной структуре действия;
15	Креативность	–,696	–,447		созданию принципиально новых идей; работе в условиях незавершенности, открытости к включению новых элементов

Используя полученные данные, мы построили корреляционные плеяды между когнитивными стилями и типами мышления, выделенными тренерами по степени значимости для профессии ($r \geq ,70$, $P < 0,05$). Выявленные положительные связи между характеристиками ко-

гнитивной гибкости позволили спроектировать развивающие упражнения сопряженного и комплексного воздействия, а при отрицательных – уточнить смысловое пространство их реализации и совершенствовать данные способности избирательно (рис. 1).

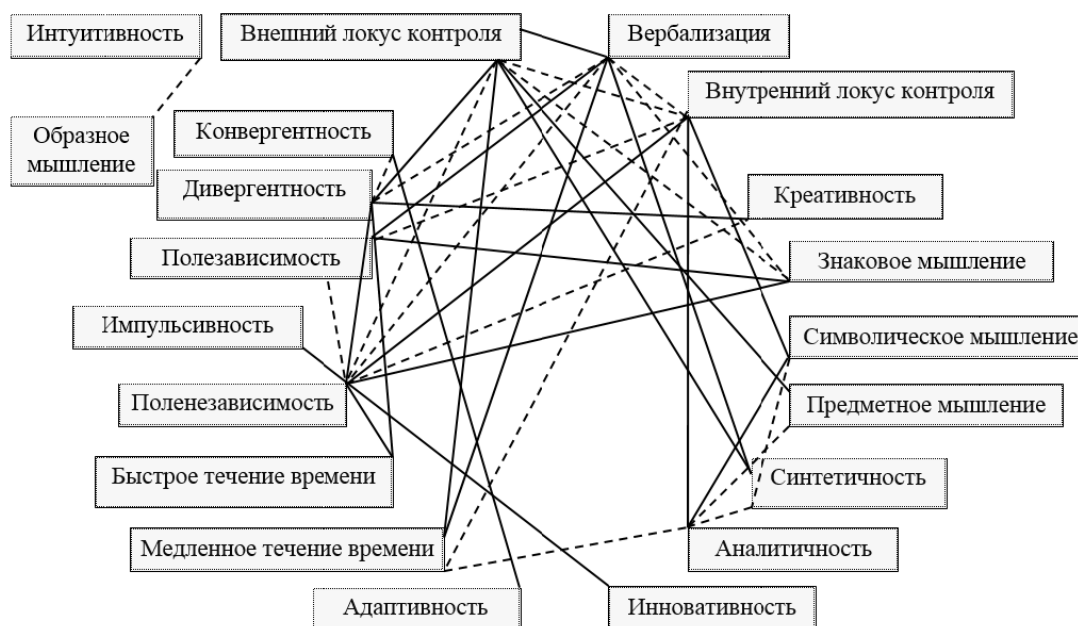

Рис. 1. Корреляционные плеяды когнитивных стилей и типов мышления по данным самооценки тренеров о проявлении когнитивной гибкости в профессиональной деятельности ($r \geq ,70$, $P < 0,05$). Сплошные линии отражают положительные взаимосвязи, прерывистые – отрицательные взаимосвязи

Зафиксирован интересный факт: поскольку соревновательная деятельность осуществляется в большинстве видов спорта в условиях жесткого ограничения времени и пространства, показатели гибкости мышления и типы мышления, не лимитированные временем, демонстрируют отрицательные связи с проявлениями значимых качеств. Это: «Синтетичность» как мгновенная обработка материала и «Симболическое мышление»; «Аналитичность» в поле оперативных соревновательных проявлений и «Предметное мышление» как таковое; «Полнезависимость» в пространстве соревновательной площадки, поля и «Креативность» (где, по мнению тренеров, теряются ориентиры, происходит выход за их пределы) как творческое начало мышления в целом.

Кроме того, в ходе исследования уровня сформированности стилиевой гибкости (по данным самооценки тренеров) нам было интересно соотнести эти показатели с состоянием эмоциональной сферы. На выборке 15 тренеров мы провели дополнительное исследование. Определено, что 33,3% тренеров находятся в состоянии острого эмоционального выгорания, препятствующего конструктивному взаимодействию в конкурентной среде. Корреляционный анализ состояния взаимосвязей между показателями: стаж профессиональной деятельности тренера; позиция в турнирной таблице, отражающая успешность соревновательной деятельности спортивной команды (отдельных спортсменов); сформированность способности к гибкому поведению (по данным самооценки); уровень эмоционального (профессионального) выгорания, по В.В. Бойко; степень проявления доминантности (по 16-F опроснику Кеттелла, показатель E) (рис. 2), позволил выявить, что чем меньше проявляется стилиевая гибкость в профессиональной деятельности, тем в большей степени тренер склонен

к переживанию психоэмоционального выгорания, тем более выражено в его поведенческих характеристиках проявляется «доминантность» (Е-тест Кеттелла). Очевиден и тот факт, что в практике спорта тренеры-лидеры склонны к доминированию, но мы акцентируем внимание на необходимости конструктивного восприятия ими профессиональной реальности и эффективного приложения личностных ресурсов в решении тех или иных ситуационных задач. Комментируя отрицательные связи между показателями «когнитивная гибкость» и «позиция в турнирной таблице», тренеры высказали свое видение значимости преимущественного применения авторитарной стратегии управления спортсменами (в противовес ролевым позициям «наставника» и «партнера»). Данный факт, на первый взгляд, снижает диапазон ролевых стратегий тренера как учителя и воспитателя при реализации ключевых функций профессиональной деятельности в спорте: управленческой, формирующей, гностической, регулирующей, диагностической, воспитательной, образовательной и т.д.

По мнению Р.М. Загайнова, подавляющее число тренеров развивается не «от победы – к победе», а «от поражения – к поражению – и только через них – к победе». По данным опроса, 23 спортсмена из 25 (мастера спорта по хоккею с шайбой) отметили высокую значимость умения тренера конструктивно переживать текущий неуспех соревновательного противостояния. Обозначили важность «не поддаваться на ловушку» тренера-соперника в навязывании неэффективной стратегии, что актуализирует значимость когнитивной гибкости мышления, восприятия ситуации как тренером, так и спортсменами, связанными со своим тренером контекстами конструктивного проявления интеллекта, воли, эмоций.

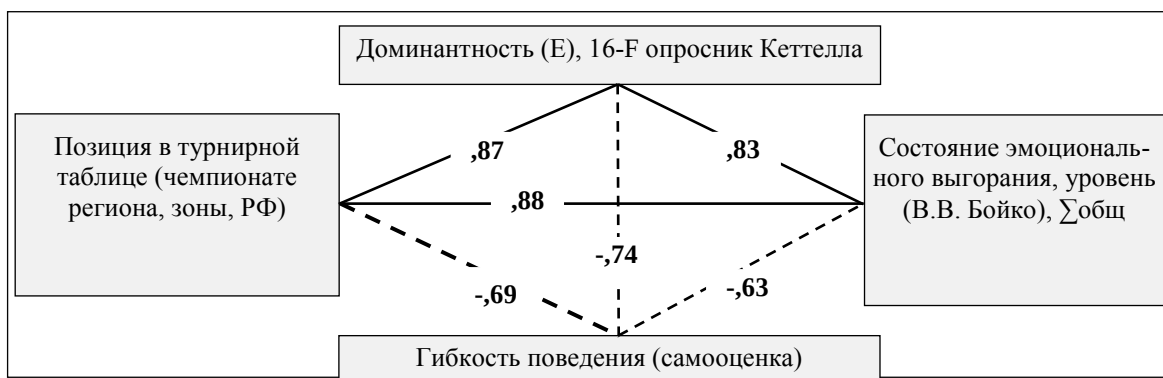

Рис. 2. Корреляционная плеяда связей показателей соревновательной успешности тренера и личностных характеристик поведения и деятельности

Обращаясь к значимости создания творческой среды при развитии когнитивной гибкости, приведем пример. Проявление и формирование дискурсивности спортсмена как его способности к вербализации и отстаиванию идей, позиций по реализации фрагментов техники, программы двигательных действий, возможны как минимум в ситуациях, когда тренеру интересен процесс и результаты рассуждения и самоанализа поведения и деятельности спортсмена. В противном случае будет отсутствовать психолого-педагогическое условие – сама развивающая среда, поскольку тренер конструирует образовательное пространство в рамках своего представления о спектре соревновательно значимых способностей.

Учитывая вышесказанное, в процессе занятий на курсах повышения квалификации мы инициировали тренеров к перестройке и реализации несвойственных им стилей деятельности, что позволило выделить основные методические линии для развития и формирования когнитивной гибкости у слушателей. Ниже представлены примеры заданий для выполнения в парах. Каждый тренер, имея на планшете видео фрагмента учебно-тренировочного занятия из 10 усложняющихся упражнений, пересказывает оперативно подготовленный моно- и диалог с акцентом на несвойственный ему стиль деятельности как демонстрация когнитивной гибкости в различных ее проявлениях:

1. Как эмоциональную готовность к иной реализации деятельности (эмоциональное абстрагирование). Предваряющее задание – «вывести» действия из привычного алгоритма, схемы, смещая акценты опоры на другие качества, являющие собой механизм достижения цели. На базе упражнений тренировочного занятия, или, выполняя подготовительные упражнения: одновременно правой и левой рукой на двух листах написать лозунг дня; выполнить задание неведущей рукой; одновременно выполнить линейные и перекрестные действия разными руками до схода движений; написать предложение, нарисовать фигуру при опосредованном визуальном контроле «через отражающее стекло».

2. Как основу индивидуального поведения и деятельности тренера. Задание: «Создание развернутой психологической характеристики, Я-концепции соб-

ственной профессиональной деятельности». Из спектра представленных и охарактеризованных стилей и стратегий деятельности выделить наиболее свойственные для себя стилевые особенности поведения и продемонстрировать их максимально ярко и профессионально, что позволило бы другим тренерам принять данный стиль и стратегию как значимые.

3. В альтернативных стилях как *первичный опыт* работы в новом ключе. Задание: последовательно выстроить фрагменты профессиональной коммуникации в парных стилях (вербализация / визуализация; внешний локус контроля / внутренний локус контроля; конвергентность / дивергентность; полнезависимость / полнезависимость; импульсивность / рефлексивность; быстрое течение времени / медленное течение времени; адаптивность / инновативность; дискурсивность / интуитивность; аналитичность / синтетичность; узкий диапазон эквивалентности / широкий диапазон эквивалентности).

4. В смешанных когнитивных стилях. Задание: выстроить фрагменты профессиональной коммуникации, сочетая их единицы из различных диад (например: «дивергентность» и «рефлексивность»; «инновативность» и «аналитичность»; «внешний локус контроля» и «визуализация» и др.).

5. В стилях, несвойственных темпераментальным и характерологическим особенностям личности тренера. Задание: выстроить фрагменты профессиональной коммуникации при осознанном расширении их спектра как движения к более высокому уровню освоения психологической подстройки к субъекту спортивной подготовки (для холерика – развернутое описание техники исполнения двигательного действия в стиле «медленное течение времени» – скрупулезно, детализированно, по фазам двигательного действия; для флегматика – описание основы техники «синтетично», быстро, всеобъемлюще, целостно и др.).

6. В контекстах типов мышления. Задание: последовательно выстроить профессиональную коммуникацию, описывая фрагмент занятия в форматах предметного, символического, знакового, образного мышления и креативности.

7. В контекстах стилей соревновательного противостояния сопернику. Задание: описать 30 спортивными терминами (индивидуальные) стили сорев-

новательной деятельности в видах спорта, например: в спортивных играх – по профиограммам И.Ш. Тучашвили, О.П. Топышева, др.; в единоборствах (А.Е. Павлова и др.).

8. В практической учебно-тренировочной деятельности подопечных тренеру юных спортсменов. Задание: реализация новых для профессионального опыта когнитивных стилей.

В ходе развития у тренера стилевой гибкости, реализуемой и в учебно-тренировочной деятельности, мы столкнулись с другой проблемой – некоторой неготовностью спортсменов к преобразованию деятельности в отражении разных сфер личности. Ниже представлены отрицательные психологические позиции.

Аргументация «не хочу» отражает эмоционально отрицательное отношение ряда спортсменов к новому способу действий и деятельности, зачастую недостаточность осознания перспектив положительного влияния развиваемой способности, что обуславливает разработку содержания вводных установочных фрагментов учебно-тренировочных занятий в ходе эксперимента.

Пример: 1) «Уважаемый юный спортсмен! Весь мир воспринимается нами в положительных и отрицательных красках. (Констатация единства «аффекта и интеллекта», права на самооценку и уважения этого права). 2) Все задания, предлагаемые другими людьми и тренером, мы подвергаем сомнению. (Принятие дискурсивности спортсмена и психологической модели поведения «оппозиционер» как нормы ответной реакции). 3) Каждый из нас имеет свое представление о правильности тренировочного процесса. (Принятие сложившегося стереотипа суждений). 4) Вместе с тем мы видим явное преимущество кондиционной, координационной, интеллектуальной (в соответствии с образовательной и воспитательной задачей) подготовленности лучших спортсменов в возрастах выше нашего: перечисление более старших лучших спортсменов. (Рефлексия

«на другого», не конкурента). 5) Мы наблюдаем все возрастающую результативность их технико-тактических действий. (Рефлексия на деятельность «другого»). 6) И мы можем в спорте идти вперед крупными шагами, если будем готовы к трудной и неудобной для каждого из нас деятельности. (Рационализация мышления). 7) Мы будем радоваться освоению нового сложного и непривычного упражнения! (Эмоционально позитивное и конструктивное восприятие перспектив освоения нового). 8) Мы будем управлять своей мыслью при ее первом «соскальзывании» на отрицательную оценку и отказ исполнять трудное для каждого из нас на сегодняшний день упражнение, не давая ей останавливать себя на пути спортивного совершенствования! (Актуализация регулятивного компонента через призму эмоционального). 9) Мы будем гибкими и разноплановыми как «имя и фамилия лучшего спортсмена»? (Рефлексия на стилевую гибкость «другого»). 10) Мы будем мобильными, готовыми к неожиданным, неосвоенным упражнениям! (Рефлексия на свою деятельность). 11) Мы легко встроимся в новое! Мы свободно начнем делать по-новому и справимся с новым! (Рефлексия на себя, на процесс собственной деятельности и ее ближайший результат). Аналогично мы корректировали позицию отрицания «Не могу» как отражение текущей операционно-технической неготовности к освоению новых стилей и способов, разъясняя юным спортсменам, что приспособление к трудностям деятельности происходит исключительно на фоне этой сложной деятельности. Мы преобразовывали позицию «Не должен» как характеристику отрицания ответственности через призму волевой сферы личности в деятельности, в своей отрицательной динамике преобразующейся в «упрямство».

Ниже представлена динамика самооценки тренеров о сформированности когнитивной гибкости (рис. 3).

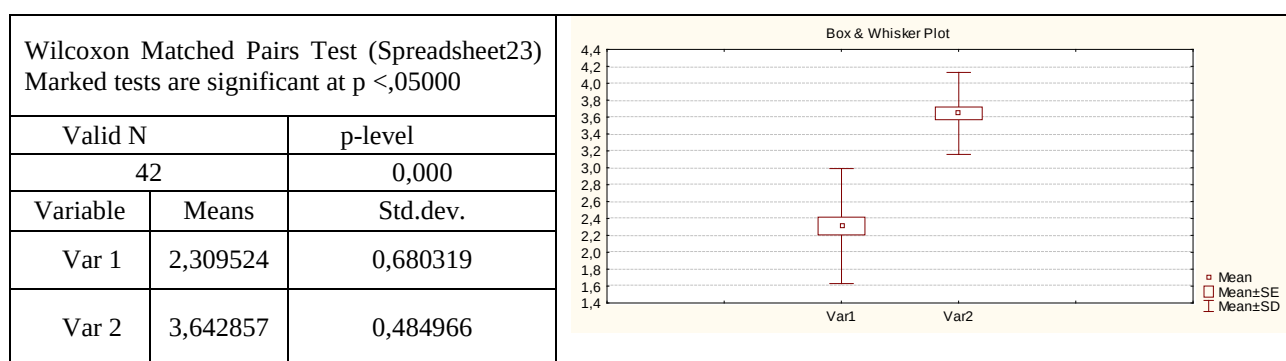

Рис. 3. Динамика показателей самооценки когнитивной гибкости тренеров, реализуемой в пространстве профессиональной деятельности (данные представлены по 5-балльной шкале, Wilcoxon Test)

По результатам проведения экспериментального исследования и реализации методических подходов развития когнитивной гибкости получены статистически значимые приросты показателей самооценки степени сформированности когнитивной гибкости у тренеров. Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Стилeвая гибкость как характеристика процесса и результатов спортивного совершенствования занимающихся имеет высокое прикладное значение в профессиональной деятельности тренеров ($W=0,58-0,90$) и развивается в предметных полях учебной, коммуникативной, тренировочной, контролирующей, организационной, соревновательной, ре-

флексивной и других деятельности юных и квалифицированных спортсменов и в иных профессиональных взаимодействиях и видах деятельности тренера.

2. Выявлены ведущие факторы реализации профессиональной деятельности тренеров по видам спорта, отражающие когнитивную гибкость. Это: 1) спектр когнитивных стилей, отраженных в широком диапазоне профессиональных способностей (0,734–0,897); и 2) интуитивность мышледеятельности в спорте в ее обновленной структуре (0,712–0,791).

3. Проектирование средств развития когнитивной гибкости опирается на самостоятельную и сопряженную реализацию когнитивных стилей с учетом выявленных отрицательных и положительных корреляционных связей. В группах анализируемых деятельностных характеристик когнитивных стилей и типов мышления отсутствуют те, которые обладают только отрицательными связями с другими профессионально важными стилями осуществления познавательной и, в целом, профессиональной деятельности, что говорит о возможном сопряжении способностей, обладающих положительными корреляциями.

4. Когнитивная гибкость тренера является ресурсом сбережения психического здоровья на фоне острой конкуренции за первенство в избранном виде спорта. Сформированная способность когнитивно гибкого поведения при самостоятельной коррекции состояний напряжения, резистенции и истощения, приводящих при высоких оценочных баллах к эмоци-

ональному выгоранию, создает условия для длительной профессиональной самореализации. Учет вероятностного развития положительной зависимости между: 1) проявлениями доминантности в противовес конструктивной лидерской позиции; 2) направленностью личности на несопоставимо высокие темпы достижения вопреки индивидуальным темпам развития в спорте; 3) стремлением к высшим результатам на фоне эмоционального выгорания – обусловит включение методов (само)развития стилевой гибкости и снизит риски дезадаптации действующего тренера в профессии.

5. Формирование стилевой гибкости в профессиональном поведении тренера связано с преодолением трудностей сделать «непривычное» – «привычным», «неудобное и затратное» – «удобным и результативным». Совершенствуемый когнитивный стиль в ретроспективе своего развития призван «питать» обновленное действие и достигать результатов спортивного совершенствования занимающихся. Инициация осваиваемого стиля определяется профессиональным поведением тренера в ситуации выбора, когда в этом выборе определяется необходимая концентрация, сила данного качества. Ожидаемый результат развития когнитивной гибкости в ретроспективе становления тренера как профессионала состоит в том, что атрибуты эффективного профессионального поведения становятся свойствами личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В. Школа восприятия, конструктивного мышления и продуктивного действия спортсмена в методике психолого-педагогического обучения // Теория и практика физической культуры. 2013. № 5. С. 96–102.
2. Пиаже Ж. Психология интеллекта: пер. с англ. и фр. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
3. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. М.: АО «Столетие», 1997. 480 с.
4. Кузьменко Г.А. Концепция интеллектуального развития подростков в детско-юношеском спорте. М.: МПГУ, 2017. 212 с.
5. Леванова Е.А., Пушкарёва Т.В. Профессиональная готовность к практической деятельности педагога как залог конкурентоспособности специалиста // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 10. С. 148–150.
6. Ким Т.К. Оценка готовности специалистов сферы «Физическая культура и спорт» к эффективному взаимодействию с семьей учащихся // Спортивный психолог. 2011. № 2 (23). С. 86–92.
7. Шадриков В.Д. Проблемы познавательных способностей в психологии труда и обучении // Системный подход в инженерной психологии и психологии труда / под ред. В.Д. Шадрикова. М., 1992. С. 48–60.
8. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / отв. ред. К.А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1982. 185 с.
9. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 марта 2019 г.

Stylistic Manifestations of Cognitive Flexibility of Coaches and Special Features of Its Development in Professional Activities
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 167–174.
DOI: 10.17223/15617793/440/23

Galina A. Kuzmenko, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kuzmenkoga2010@yandex.ru

Tatiana K. Kim, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kim.tatiana8848@yandex.ru

Elena A. Levanova, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: levanova.46@mail.ru

Vladimir S. Sherin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladimirsherin@yandex.ru

Keywords: sports; professional activity of coach; cognitive styles; thinking styles; cognitive flexibility and development.

The article is devoted to the problems of the development in coaches of cognitive flexibility as a spectrum of competitive personal and professional features that reflect intellectual readiness for professional communication in situations of intellectual activities of athletes in sports activities. The aim of the study is to identify pedagogical features of the development of cognitive flexibility in the professional activities of coaches in various kinds of sports. The study was conducted among 42 coaches of Sports and Training Centers “Sambo-70”, “Chertanovo”, Children’s Youth Sports School “Solntsevo”, Center of Hockey Skill (Moscow), Children’s Youth Sports School, Sports and Education Center (Nalchik, Kabardino-Balkar Republic) during 2010–2017. Semantic constructs of the implementation of cognitive styles significant for sport have been described: verbalization / visualization; internal / external locus of control; convergence / divergence; field dependence / field-independence; impulsivity / reflectivity; fast / slow flow of time; adaptability / innovativeness; discursiveness / intuitiveness; analytic / synthetic nature; narrow / wide range of equivalence. The correlations of cognitive styles and types of thinking, indicators of coaches’ competitive success and personal characteristics of their behavior and

activities are revealed. It has been determined that the cognitive flexibility has a high applied value in coaches' professional activities; its main factors are a range of cognitive styles reflected in a wide range of professional abilities and intuitiveness of mental activities in sports in its updated structure. The design of the development of cognitive flexibility relies on the independent and joint implementation of cognitive styles selectively and connectedly based on identified positive and negative correlations. Taking into account the probabilistic development of a positive relationship between manifestations of dominance as opposed to a constructive leadership position; the individual's aiming at an incomparably high rate of achievement in spite of individual rates of development in sports and the desire for higher results against the background of emotional burnout will cause the inclusion of methods of self-development of style flexibility and reduce the risks of maladaptation of the current coach in the profession. The initiation of the mastered style is determined by the coach's professional behavior in the situation of choice when this choice demonstrates the necessary active concentration of the quality. The expected result of cognitive flexibility development in the retrospective of becoming a coach as a professional is that attributes of effective professional behavior become features of personality.

REFERENCES

1. Dmitriev, S.V., Neverkovich, S.D. & Bystritskaya, E.V. (2013) Perception, constructive thinking and productive action in the technology of psychology-pedagogical of training. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 96–102. (In Russian).
2. Piaget, J. (2003) *Psikhologiya intellekta* [The psychology of intelligence]. Translated from English and Frnech. St. Petersburg: Piter.
3. Chuprikova, N.I. (1997) *Psikhologiya umstvennogo razvitiya: Printsip differentsiatsii* [Psychology of mental development: The principle of differentiation]. Moscow: AO "Stoletie".
4. Kuz'menko, G.A. (2017) *Kontseptsiya intellektual'nogo razvitiya podrostkov v detsko-yunosheskom sporte* [The concept of intellectual development of adolescents in youth sport]. Moscow: MPSU.
5. Levanova, E.A. & Pushkareva, T.V. (2014) Professional readiness for practical activities of the teacher as guarantee of competitiveness of the expert. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Voronezh State Technical University*. 10. pp. 148–150. (In Russian).
6. Kim, T.K. (2011) Otsenka gotovnosti spetsialistov sfery "Fizicheskaya kul'tura i sport" k effektivnomu vzaimodeystviyu s sem'ey uchashchikhsya [Assessment of the readiness of specialists in the sphere of physical culture and sport to effectively interact with the family of students]. *Sportivnyy psikholog*. 2 (23). pp. 86–92.
7. Shadrikov, V.D. (1992) Problemy poznavatel'nykh sposobnostey v psikhologii truda i obuchenii [Problems of cognitive abilities in labor psychology and in training]. In: Shadrikov, V.D. (ed.) *Sistemnyy podkhod v inzhenernoy psikhologii i psikhologii truda* [A system approach in engineering psychology and labor psychology]. Moscow: Nauka, pp. 48–60.
8. Shadrikov, V.D. (1982) *Problemy sistemogeneza professional'noy deyatel'nosti* [Problems of system genesis of professional activity]. (ed.) Moscow: Nauka.
9. Kholodnaya, M.A. (2002) *Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles: On the nature of the individual mind]. Moscow: PER SE.

Received: 11 March 2019

Е.В. Неумоева-Колчеданцева

МОДЕЛЬ «НОВОЙ» ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МАГИСТРАТУРЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-00106.

Предложен концептуальный подход к практике студентов педагогической магистратуры в контексте практикоориентированности педагогического образования. Представлена модель практики студентов педагогической магистратуры, включающая в себя содержание и результаты практики на разных этапах взаимодействия студента с социально-образовательной средой. Описан механизм практики – «выстраивание» индивидуальной траектории прохождения практики в соответствии с выбранным студентом «функционалом».

Ключевые слова: практика; «разворачивание» компетенций; профессиональная проба; индивидуальная траектория прохождения практики; образовательный продукт; социально значимый проект.

Введение. Отечественное педагогическое образование переживает очередную череду реформ, основное назначение которых – привести качество профессиональной подготовки педагогов в соответствие с современными требованиями, отраженными в профессиональных стандартах педагога [1–4]. Основной «вектор» такой подготовки – повышение практикоориентированности педагогического образования. *Практикоориентированность* образования предполагает возможность получения опыта педагогической деятельности еще на этапе профессионального обучения, а также увеличение доли практик, введение стажировок, разработку педагогической интернатуры и др.

Таким образом, в контексте практикоориентированности необходимо «совершенствование перехода от педагогического образования к педагогической деятельности» [5], т.е. к продуктивному выполнению педагогом трудовых действий и функций, предусмотренных профессиональными стандартами. При этом одним из базовых противоречий современного педагогического образования является то, что *овладение профессиональной деятельностью должно быть обеспечено в рамках качественно иной по содержанию, формам, методам, средствам и процессу – учебной деятельности* [6]. Представляется, что одним из путей решения данного противоречия должен стать новый подход к практике: ее направленности, содержанию и организации.

Анализ современных тенденций в организации практики позволяет констатировать, что инновационные формы непрерывного педагогического образования (*Lifelong education*) и практики «охватывают» в основном уровень бакалавриата. Основное назначение этих форм – *преодоление разрыва между объективными требованиями к выпускнику педагогического вуза (отражающимися в требованиях работодателей, образовательных потребностях учеников, нормах профессиональных стандартов и т.д.) и уровнем его актуальной готовности к педагогической деятельности*; демонстрация и подтверждение молодым педагогом уровня своих профессиональных компетенций; содействие успешному «вхождению» студентов или молодых педагогов в профессиональную деятельность и, тем самым, обеспечение условий для «безбо-

лезненного» перехода от этапа адаптации к этапу профессионального развития.

При этом подход к организации практики для студентов *педагогической магистратуры* в силу своей слабой изученности и недостаточного опыта требует *концептуализации*. Магистратура – «второй» уровень высшего образования, что предполагает высокие требования к выпускникам. Педагогическая магистратура *Тюменского государственного университета* – образовательное пространство, обладающее значительным *научно-педагогическим потенциалом*. Большая часть профессорско-преподавательского состава – кандидаты и доктора наук, в том числе, имеющие ученые звания «доцент», «профессор». Преподаватели кафедры общей и социальной педагогики имеют множество научных публикаций, являются авторами учебных и учебно-методических пособий, активно участвуют в научно-практических конференциях, грантах, проводят конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых, методологические семинары, являются инициаторами и организаторами мероприятий в формате стратегических и консультативных сессий. Сотрудниками кафедры являются восемь работодателей и иностранный преподаватель.

Студенты магистратуры также обладают высоким потенциалом исследовательской деятельности. Они представляют результаты своей работы и занимают призовые места в студенческих научных конференциях, в конференции «Новые идеи – новый мир», в международном конкурсе научных работ «Молодежь в науке: Новые аргументы», во Всероссийском конкурсе научно-исследовательских работ студентов и аспирантов российских вузов «Наука будущего – наука молодых», во Всероссийском конкурсе студенческих курсовых работ «Музыкальное и художественное образование школьников: теория и методика», региональных конкурсах НИРС, являются соискателями и победителями стипендиального гранта М. Потанина и др. Результативности исследовательской деятельности студентов, безусловно, способствует наличие базового образования (а значит, сформированность основ научного мышления), жизненный и профессиональный опыт, наличие социально-профессиональных контактов, наличие опыта педагогической деятельно-

сти (у определенной части студентов), мотивация к повышению своего профессионального уровня.

Задача концептуализации практики студентов педагогической магистратуры становится особенно актуальной в условиях «множественности» магистерских программ. Так, на базе Тюменского государственного университета по направлению «Педагогическое образование» осуществляется подготовка по четырем магистерским программам: «Методология и методика социального воспитания», «Преподаватель высшей школы», «Управление образованием», «Инклюзивное образование». Очевидно, что в таких условиях необходим поиск нового формата практики, с одной стороны, соответствующего тенденции практикоориентированности педагогического образования и требованиям профессиональных стандартов, с другой стороны, позволяющего «вывести» студентов на уровень подготовки, качественно отличающийся от бакалавриата, на изначально высокий уровень ее выполнения.

Требования профессиональных стандартов впервые включают в себя *«трудовые действия»*, которыми должен владеть выпускник педагогического вуза для успешной педагогической деятельности. При этом вариативность, неповторимость, уникальной каждой педагогической ситуации предполагает не просто «отработку» известных трудовых действий, а способность педагога самостоятельно «выстраивать» свои действия в ситуации неопределенности [7], совершенствовать, модифицировать, корректировать их в соответствии с объективной необходимостью. Таким образом, в отличие от практики студентов бакалавриата, *основным назначением практики студентов педагогической магистратуры* должно стать обеспечение максимальных возможностей для *«разворачивания» компетенций (unfolding of competences)*, что предполагает не только освоение трудовых действий, но и их самостоятельное «выстраивание» под конкретную педагогическую задачу в ответ на «вызовы» практики и динамично изменяющиеся условия деятельности. Таким образом, цель настоящего исследования – обоснование модели *«новой практики»* и механизма ее реализации.

Основная часть. Для достижения поставленной цели необходимо обозначить базовые подходы. *Теоретико-методологической базой* разработки модели и механизма практики студентов педагогической магистратуры являются компетентностный, средовой, студенто-центрированный, деятельностный, проблемный подходы. *Компетентностный подход* предполагает, что акцент в готовности к педагогической деятельности переносится со знания конкретного содержания образовательной программы на компетенции, владение которыми обеспечивает успешное решение педагогических задач [8]. *Средовой подход* предполагает, что успешность практики во многом определяется этапом и характером взаимодействия субъекта с образовательной средой [9]. *Студенто-центрированный подход* предполагает, что акцент в педагогическом образовании переносится с деятельности преподавателя на деятельность студента [10]. *Деятельностный подход* предполагает сочетание теоретической подготовки и изучения теоретически обос-

нованных средств педагогической деятельности с «освоением» этих средств в учебном процессе [8] (формирование трудовых действий в полной мере возможно только в контексте реальной профессиональной деятельности). *Субъектный подход* [11] предполагает, что в процессе деятельности студент самостоятельно выстраивает «траекторию» своего развития, понимает, что в определенной степени «меняет» образовательное пространство, и принимает персональную ответственность за ход и результаты деятельности. *Проблемный подход* предполагает, что практика строится не как воспроизведение известных трудовых действий, а как решение педагогических задач (проблем), направленных на нахождение общего способа профессионального действия (общий способ действия педагога может трансформировать «под» конкретные условия) [7].

«Разворачивание» компетенций студентов в ходе практики возможно только в условиях открытой *социально-образовательной среды*. Педагогическая деятельность предполагает активное социальное взаимодействие не только с учениками, но и с родителями учащихся, коллегами. Кроме этого, важнейшей задачей педагога в открытой образовательной среде является взаимодействие с общественными, образовательными организациями, с учреждениями культуры, производственными предприятиями и включение в такое взаимодействие учащихся. Такое взаимодействие создает благоприятные возможности для развития социально-психологических компетенций будущих педагогов, обеспечивающих их способность и готовность к конструктивному и продуктивному взаимодействию с разными субъектами. Таким образом, программа практики, как нам представляется, должна включать задания на расширение опыта социального взаимодействия и обеспечивать возможности для дальнейшего развития социально-психологических компетенций будущего педагога. Соответственно, необходимо выстраивание *сетевого взаимодействия с субъектами этой среды* (ОО, общественные организации, учреждения культуры и спорта, производственные организации, реализующие корпоративное обучение и участвующие в социально значимых проектах) на основе принципа партнерских отношений. Принцип партнерства предполагает «равное» участие университета и организации, являющейся «базой» прохождения практики, в решении задач подготовки студентов к педагогической деятельности. Это, в свою очередь, требует не только нормативно-правовой регуляции отношений вуза и «принимающей» организации (заключение договоров о сотрудничестве, дополнительных соглашений и т.д.), но и реального плодотворного сотрудничества, в том числе в разработке и реализации социально значимых проектов.

В процессе взаимодействия студента с социально-образовательной средой условно можно выделить три этапа: *«погружение» (адаптация), активное взаимодействие, продуктивное взаимодействие* [12]. На этапе *погружения* студент ориентируется в социально-образовательном пространстве практики, анализирует ситуацию в организации, «на месте» уточняет

программу своих действий. При этом в программу практики целесообразно включить «адаптационный» модуль для студентов, не имеющих базового педагогического образования, направленный на обеспечение «вхождения» студентов в профессиональную деятельность. На этапе *активного взаимодействия* студент расширяет сферу своих контактов, выполняет

программу практики, конкретные профессиональные пробы, осваивает трудовые действия и профессиональные роли. На этапе *продуктивного взаимодействия* студент разрабатывает проект (в соответствии с этапом «жизненного цикла» проекта), совершенствует свои трудовые действия, корректирует индивидуальную траекторию развития (рис. 1).

Рис. 1. Модель практики студентов педагогической магистратуры

Основным механизмом практики является «выстраивание» студентом (при сопровождении преподавателя) индивидуальной траектории прохождения практики. *Индивидуальная траектория* рассматривается как своего рода целенаправленно проектируемая дифференцированная образовательная программа, обеспечивающая студенту позиции субъекта выбора [13, 14]. Индивидуальная образовательная траектория определяется образовательными потребностями, индивидуальными склонностями и способностями обучающегося (уровень

готовности к освоению программы), существующими стандартами образования, профессиональными планами. Иначе говоря, под индивидуальной траекторией прохождения практики понимается своего рода «маршрут» продвижения студента в освоении программы практики в соответствии с выбранным «функционалом»: должность по профессиональному стандарту, предполагаемые профессиональные роли, трудовые действия по профессиональному стандарту, предлагаемые профессиональные пробы (рис. 2).

Индивидуальная траектория прохождения практики				
Должность	Профессиональные роли	Трудовые действия	Профессиональные пробы	Результат (социально, научно значимый проект)

Рис. 2. Схема «выстраивания» студентом индивидуальной траектории прохождения практики

При этом роль преподавателя заключается в том, чтобы оказать обучающемуся необходимую помощь в его самоопределении и дальнейшей самореализации, а при необходимости – скорректировать профессиональные планы и маршрут их осуществления.

На этапе «погружения» в социально-образовательную среду (или несколько предваряя этот этап) важно создание *проектно-исследовательских групп*. Необходимость комплектования таких групп напрямую связана с комплексным характером решаемых педагогических задач. В группы целесообразно включать студентов, занимающихся сходной проблематикой, но обучающихся по разным образовательным программам (сроки прохождения практики это позволяют). При формировании групп следует учитывать интересы потенциальных работодателей, фронтиры выпускающей кафедры и, конечно же, профессиональные интересы и планы самих студентов.

В целом работа в команде при условии ее правильной комплектации существенно расширяет «границы восприятия» (дает возможность посмотреть на одну и ту же проблему с разных точек зрения: с позиции социального педагога, с позиции преподавателя высшей школы, с позиции педагога инклюзивного образования, с позиции руководителя образовательной организации), познавательные возможности и, соответственно, возможности индивидуальных достижений студентов. Обмен опытом внутри группы может стать мощным ресурсом исследовательской деятельности студента, источником психологической поддержки и внешним стимулом для динамичного продвижения студента по траектории своего развития.

Ожидаемыми результатами работы проектно-исследовательской группы являются: понимание комплексного характера решаемых проблем; навыки работы в команде.

На этапе *активного взаимодействия* с социально-образовательной средой студент выполняет профессиональные пробы. *Профессиональная проба* – «локальное» погружение студента в реальные условия педагогической деятельности с учетом специфики ее содержания, способов и средств, для получения опыта, решения конкретных педагогических задач, овладения конкретными трудовыми действиями [15]. Целесообразно предварять выполнение профессиональных проб подготовкой студента в учебной и квазипрофессиональной деятельности. При этом предпочтение отдается активным, имитационным интерактивным и продуктивным методам обучения [16]. Интерактивные методы строятся как «отработка» основных трудовых действий студента в моделируемых ситуациях педагогической деятельности, что позволяет максимально объективизировать уровень готовности студента к выполнению профессиональных проб.

В операциональном плане профессиональные пробы представляют собой выполнение конкретных трудовых действий, направленных на решение разноплановых педагогических задач и достижение конкретных образовательных результатов (продуктов). При этом полифункциональный характер педагогической деятельности предполагает, что выполнение одной профессиональной пробы может обеспечивать освоение

нескольких трудовых действий и выполнение разных профессиональных ролей. Программа практики предлагает студенту комплекс профессиональных проб «под» выбранную должность, роли и действия. Так, например, для подготовки к работе в должности «воспитатель, учитель» студентам предлагается профессиональная проба «*Разработка и реализация воспитательно-развивающей программы*». Для выполнения данной пробы необходима работа в таких ролях как эксперт, методист, организатор, исследователь и др. и выполнение ряда трудовых действий: изучение традиций образовательной организации, диагностика и оценка состояния предмета исследования; проектирование и реализация воспитательно-развивающих программ, освоение и применение способов оценки успешности реализации развивающей программы, разработка педагогических рекомендаций по результатам внедрения развивающей программы; организация массовых форм внеучебной деятельности (экскурсии, походы, экспедиции, праздники, акции), организация групповых форм взаимодействия и т.д. [3].

Развивающий потенциал профессиональной пробы как метода обучения не ограничивается развитием трудовых действий студентов. Результаты наших исследований позволяют констатировать, что профессиональная проба: вызывает искренний интерес студентов и мотивирует к успешному овладению содержанием предмета, практики; мотивирует к овладению более широким арсеналом компетенций (в том числе, трудовых действий); позволяет объективизировать и более адекватно оценить актуальный уровень своих компетенций, трудовых действий; обеспечивает адаптацию студента к условиям реальной профессиональной деятельности еще на этапе обучения; дает опыт реального взаимодействия с субъектами образовательного процесса; при условии педагогической и методической поддержки дает возможность внести необходимые коррективы в индивидуальную траекторию развития студента; способствует становлению неформального, творческого отношения к педагогической деятельности и субъектам образовательного процесса [15].

Ожидаемыми результатами выполнения профессиональных проб являются: освоение трудовых действий; освоение и расширение ролевого репертуара, идентификация с профессиональными ролями; «доразвитие» трудовых действий до уровня готовности к педагогической деятельности.

На этапе *продуктивного взаимодействия* студент подготавливает значимый «продукт» своей деятельности. Под *образовательным продуктом* понимается «вещественная» форма представления образовательных результатов практики – того, что обучающийся должен знать, понимать и уметь делать после успешного завершения процесса обучения [10] (в нашем случае – после завершения практики). «Мерой» успешности практики является ее результативность. Продуктивный характер практики предполагает преобразовательную деятельность студента, направленную как на преобразование и совершенствование собственных трудовых действий, так и на «усовершенствование» объективной социальной действительности.

сти. Главным «продуктом» практики является *социально-образовательный проект* как некий продуманный, описанный, операционализированный замысел социально-образовательного нововведения, имеющего социальную значимость. При этом нужно понимать, что разработка проекта – пролонгированный процесс, а успешность реализации во многом зависит от степени проработанности. В связи с этим один проект разрабатывается в течение всех типов практики (онакомительная, педагогическая, проектно-технологическая, преддипломная) [17] с учетом «жизненного цикла» проекта (адаптированная технология управления «жизненным циклом» проекта *Stage-Gate*, R.G. Cooper).

Другими «образовательными продуктами» практики могут быть: аналитическая справка, экспертное заключение, решение проблемной ситуации, методическая разработка учебного занятия или внеучебного мероприятия, заключение по результатам предварительного исследования, заключение по результатам констатирующего или формирующего исследования по теме магистерской диссертации, SWOT-анализ предполагаемого проекта, научная статья и т.д.

Представление результатов практики в форме «образовательных продуктов» позволяет максимально объективизировать достижения студента, оценить их и при необходимости внедрить в образовательный процесс. В завершённом виде проект, разрабатываемый студентом, должен быть связан с темой исследовательской деятельности (магистерской диссертации). Этапы работы над проектом отражают стадии «жизненного цикла» проекта.

Ожидаемыми результатами разработки проекта являются: участие в социально значимом проекте; разработка значимого социально-образовательного проекта; освоение «жизненного цикла» проекта» (и, как следствие, повышение управляемости собственной педагогической деятельности).

При этом, вне зависимости от типа практики и выбранного студентом «функционала», общей доминантой практики является исследовательская деятельность студента. Исследовательская деятельность предполагает не только работу «на курсовую» и «на магистерскую диссертацию», но также исследовательский подход к педагогической деятельности в целом. Это значит, что студент должен изучать и понимать проблематику, феноменологию, детерминанты тех социально-психолого-педагогических явлений, с которыми встречается в ходе практики. Это значит также, что студент должен выявлять и анализировать

причины тех трудностей, с которыми сталкивается в ходе практики, а в перспективе – корректировать свои трудовые действия для успешного решения педагогических задач. Однако акцент в исследовательской деятельности студента в ходе практики все-таки следует сделать на проблематике магистерской диссертации.

Заключение. Практика – одно из ключевых «мест», на которых может обозначиться планируемый образовательный результат – компетенции студента, она же дает возможность «доразвития», модификации и коррекции трудовых действий. В связи с этим предлагаемый концептуальный подход и разработанная модель практики призваны «вывести» ее из традиционного формата «ознакомления» с профессией, максимально «приблизить» ее к реальным условиям педагогической деятельности, что предполагает: активное взаимодействие студента с субъектами в открытой социально-образовательной среде; результативный (продуктивный) характер деятельности студента; комплексный характер решаемых задач; освоение широкого круга профессиональных ролей и расширение ролевого репертуара; освоение и «доразвитие» трудовых действий в ходе выполнения профессиональных проб. Основным механизмом практики является «выстраивание» студентом индивидуальной траектории ее прохождения в соответствии с выбранным «функционалом» (должностью, ролями, действиями, пробами). Актуализация данного механизма позволяет преодолеть «усредненный» подход к программе практики и максимально индивидуализировать ее, учитывая такие факторы, как актуальный и потенциальный уровни развития студента, наличие (отсутствие) опыта педагогической деятельности, профессиональные планы, предполагаемые вид и характер педагогической деятельности и др.

Таким образом, современная практика студентов педагогической магистратуры должна стать реальной пробой сил студента в педагогической деятельности, осуществляемой по индивидуальной траектории, «пространством» реальных достижений будущего педагога, «разворачивания» его компетенций. Вместе с тем, даже при условии обоснованности концептуального подхода к практике, его реализация требует соответствующего методического и педагогического сопровождения. В связи с этим в ближайшей перспективе необходимы разработка методических рекомендаций по прохождению практики (программы профессиональных проб) и модели педагогического сопровождения профессионального развития студента в процессе прохождения практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 608н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования”» // Гарант.РУ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/dokument/71202838/> (дата обращения: 25.09.2018).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 613н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог дополнительного образования детей и взрослых”» // Гарант.РУ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/dokument/71202914/> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н г. Москва «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”» // Гарант.РУ. URL: <http://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения: 25.09.2018).

4. Проект Приказа Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта “Руководитель образовательной организации” (по состоянию на 01.10.2013) (подготовлен Минтрудом России)» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=2368#0224500406758807/> (дата обращения: 25.09.2018).
5. Марголис А.А. Проблемы и перспективы развития педагогического образования в РФ // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 3. С. 41–57.
6. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М. : ИЦ ПКПС. 2004. 84 с.
7. Марголис А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 3. С. 105–126.
8. Марголис А.А., Рубцов В.В. О стратегии и направлениях модернизации педагогического образования в России: анализ международного опыта подготовки учителя для новой школы // Психолого-педагогическое обеспечение национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». М. : Изд-во МГППУ, 2011. С. 47–67.
9. Формирование духовно-нравственной среды образовательного учреждения / под общ. ред. И.Н. Емельяновой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 168 с.
10. Каспржак А.Г. Приоритет образовательных результатов как инструмент модернизации программ подготовки учителей // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 3. С. 87–104.
11. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1973. 424 с.
12. Емельянова И.Н. Педагогическое сопровождение личности в образовательной среде : метод. материалы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 28 с.
13. Гаязов А.С. Индивидуальные траектории образования личности. URL: <http://www.raop.ru/index.php?id=878> (дата обращения: 6.02.2018).
14. Тимошина Т.А. Концепция выстраивания индивидуальной образовательной траектории учащихся // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 7–9 октября 2010 г. / под ред. Л.А. Байковой, Н.А. Фоминой, А.Н. Сухова. Рязань, 2010. С. 315–320.
15. Неумоева-Колчеданцева Е.В. Развивающий потенциал профессиональной пробы как метода обучения будущих педагогов // Психологическая наука и образование. 2017. № 6. С. 34–44.
16. Емельянова И.Н., Волосникова Л.М., Неумоева-Колчеданцева Е.В., Задорина О.С. Разработка и использование контрольно-измерительных материалов для оценки компетенций: учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. 152 с.
17. Приказ Министерства образования и науки от 22 февраля 2018 г. № 126 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (не вступил в силу)». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797874/> (дата обращения 07.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 ноября 2018 г.

The “New” Internship Model for Pedagogy Master’s Degree Students

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 175–181.

DOI: 10.17223/15617793/440/24

Elena V. Neumoeva-Kolchedantseva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: eneumoeva@yandex.ru

Keywords: internship; application of competences; professional test; individual trajectory of internship; educational product; socially significant project.

The article is devoted to the problem of updating the format for practice of Pedagogy Master’s degree students. In the conditions of practice-oriented education, it is necessary to ensure a “smooth” transition from teacher education to the productive performance by the teacher of the functions and actions stipulated by the requirements of professional standards. One of the ways of such a “transition” is internship. Well-known innovative forms of internship “cover” the Bachelor’s degree level, but are poorly developed for the Master’s. The author believes that, unlike for undergraduate students, the main purpose of graduate students’ internship should provide maximum opportunities for the application of competencies, i.e. their development and modification of professional performance in response to the “challenges” of objective reality. Thus, the main aim of the article is to substantiate the conceptual approach, the updated internship model and the mechanism for its implementation. To achieve this aim, the theoretical methods of analysis of current trends in internship organization; analysis of basic theoretical and methodological approaches (competence-based, environmental, activity, subject, problem); theoretical modeling (development of a model for pedagogical internship of Master’s degree students, development of an internship model for students of Pedagogy Master’s degree program, including the stages of student interaction with the educational environment, the content and results of student activities at each stage); the rationale for implementing the internship model. The logic of the research is reflected in the sequence of research stages. At the first – analytical – stage, the author reviewed the current trends in the organization of internship and conducted a comparative analysis of its purpose for pedagogical undergraduate and graduate students, as well as the analysis of basic theoretical and methodological approaches. At the second – design – stage, the author developed and described an internship model for Pedagogy Master’s degree students and justified the mechanism of its implementation. At the third – generalizing – stage, the author formulated the main conclusions on the results of the study. The proposed internship model is designed to take it out of the traditional format of “getting acquainted” with the profession, but to bring it as close as possible to the real conditions of pedagogical activities, which involves: students’ active interaction with subjects in the open social and educational environment; effective (productive) nature of students’ activities; a complex nature of the tasks; development of a wide range of professional roles and expansion of the role repertoire; development and “further development” of professional performance in the course of professional tests; the students’ building of individual trajectories of internship in accordance with the selected functional load (position, roles, actions, tests). Modern internship of Pedagogy Master’s degree students should become a space of future teachers’ real achievements, application of their competencies.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2015) *Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 8, 2015, No. 608n “On approval of the professional standard “Teacher of vocational training, vocational education and supplementary vocational education”*. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/dokument/71202838/>. (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
2. Garant.ru. (2015) *Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 8, 2015, No. 613n “On the approval of the professional standard “Teacher of supplementary education for children and adults”*. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/dokument/71202914/>. (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).

3. Garant.ru. (2013) Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 18, 2013, No. 544n Moscow "On approval of the professional standard 'Teacher (pedagogical activity in the field of pre-school, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)'"'. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/70535556/>. (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
4. Konsul'tantPlyus. (2013) The draft order of the Ministry of Labor of Russia "On the approval of the professional standard 'Head of the educational organization' (as of 01.10.2013) (prepared by the Ministry of Labor of Russia)". [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=2368#0224500406758807/>. (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
5. Margolis, A.A. (2014) Problems and Prospects of the Development of Pedagogical Education in the Russian Federation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 19 (3). pp. 41–57. (In Russian).
6. Verbitskiy, A.A. (2004) *Kompetentnostnyy podkhod i teoriya kontekstnogo obucheniya* [Competence approach and contextual learning theory]. Moscow: ITs PKPS.
7. Margolis, A.A. (2014) The Requirements for the Modernization of Basic Professional Education Program (BPEP) of Teachers Training in Accordance with the Professional Standard of the Teacher: Proposals for the Implementation of the Activity Approach in Teachers Training. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 19 (3). pp. 105–126. (In Russian).
8. Margolis, A.A. & Rubtsov, V.V. (2011) O strategii i napravleniyakh modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii: analiz mezhdunarodnogo opyta podgotovki uchitelya dlya novoy shkoly [On the strategy and directions of modernization of pedagogical education in Russia: an analysis of international experience in preparing teachers for a new school]. In: *Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie natsional'noy obrazovatel'noy initsiativy "Nasha novaya shkola"* [Psychological and pedagogical support of the national educational initiative "Our New School"]. Moscow: MSPPU.
9. Emel'yanova, I.N. (ed.) (2012) *Formirovanie dukhovno-nravstvennoy sredy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [The formation of the spiritual and moral environment of the educational institution]. Tyumen: Tyumen State University.
10. Kasprzhak, A.G. & Kalashnikov, S.P. (2014) The Priority of Educational Outcomes as a Tool for Modernization of Teacher Training Programs. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 19 (3). pp. 87–104. (In Russian).
11. Rubinshteyn, S.L. (1973) *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
12. Emel'yanova, I.N. (2012) *Pedagogicheskoe soprovozhdenie lichnosti v obrazovatel'noy srede: metod. materialy* [Pedagogical support of the person in the educational environment: methodological materials]. Tyumen': Tyumen State University.
13. Gayazov, A.S. (n.d.) *Individual'nye traektorii obrazovaniya lichnosti* [Individual trajectories of the formation of personality]. [Online] Available from: <http://www.raop.ru/index.php?id=878>. (Accessed: 6.02.2018).
14. Timoshina, T.A. (2010) [The concept of building an individual educational trajectory of students]. *Pedagogika i psikhologiya kak resurs razvitiya sovremennogo obshchestva* [Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society]. Proceedings of the International Conference. 7–9 October 2010. Ryazan: Ryazan State University. pp. 315–320. (In Russian).
15. Neumoeva-Kolchedantseva, E.V. (2017) Developmental Potential of Professional Test as a Method of Training Future Teachers. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 6. pp. 34–44. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2017220603
16. Emel'yanova, I.N. et al. (2014) *Razrabotka i ispol'zovanie kontrol'no-izmeritel'nykh materialov dlya otsenki kompetentsiy* [Development and use of test and measurement materials for competence assessment]. Tyumen: Tyumen State University.
17. Garant.ru. (2018) Order of the Ministry of Education and Science of February 22, 2018, No. 126 "On approval of the federal state educational standard of higher education – Master's degree program in the direction of training 44.04.01 Pedagogical education (not in force)". [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797874/>. (Accessed 07.09.2018). (In Russian).

Received: 25 November 2018

Л.В. Форкунова, Е.Н. Богданова

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Статья посвящена актуальному вопросу формирования финансовой грамотности населения, в частности учащихся общеобразовательных школ. Констатируется проблема недостаточного внимания к математической составляющей в структуре задач, представленных в методических разработках и олимпиадных заданиях по данному направлению. Приведен анализ имеющихся учебных пособий по финансовой грамотности и учебников математики на предмет наличия в них математических задач экономического содержания, а также разработаны методические рекомендации педагогам.

Ключевые слова: финансовая грамотность учащихся основной школы; математическая составляющая.

Введение. Существенно усложнившаяся в последнее время финансовая система, появление широкого спектра новых финансовых продуктов и услуг привели к тому, что знания в области финансовой грамотности стали базовыми. Грамотное планирование жизненного цикла ведет к повышению уровня жизни людей, росту уверенности в завтрашнем дне и, соответственно, к стабильности общества и развитию экономики всей страны. Более того, это является эффективным инструментом для преодоления финансового кризиса [1].

Под *финансовой грамотностью* в данной статье, согласно рабочему определению международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA [2], мы будем понимать знание и понимание финансовых понятий и финансовых рисков, а также навыки, мотивацию и уверенность, необходимые для принятия эффективных решений в разнообразных финансовых ситуациях, способствующих улучшению финансового благополучия личности и общества, а также возможности участия в экономической жизни.

Одним из первых документов, описывающих суть проблемы низкого уровня финансовой грамотности россиян и путей ее комплексного решения, стала разработанная в 2008 г. Концепция национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации [3]. В качестве одного из приоритетных направлений работы в рамках этой программы было указано финансовое образование детей школьного возраста и молодежи. А в качестве наиболее острой проблемы, связанной с недостаточным уровнем финансовых знаний и навыков граждан, – неспособность населения принимать взвешенные, основанные на анализе всей доступной информации решения в отношении использования тех или иных финансовых продуктов или услуг, спонтанность принятия финансовых решений.

Очевидно, что эффективные и взвешенные финансовые решения не могут приниматься людьми без применения хотя бы простейших математических расчетов (например, вычисление стоимости единицы товара, расчет достаточности денег на покупку и т.п.), а в более сложных случаях – построения математических моделей (например, расчет сроков погашения кредита, выбор инвестиционного продукта и т.п.).

О тесной связи финансовой и математической грамотности также говорят исследования PISA, подтвердившие достаточно высокий коэффициент корреляции между ними (0,73 по России) [2]. Таким образом, необходимо систематическое и скоординированное формирование финансовой и математической грамотности школьников, которое должно быть ориентировано на демонстрацию необходимости применения изучаемого математического аппарата в реальных ситуациях оперирования финансами и создание образцов грамотного финансового поведения.

Системную работу по формированию умения применять получаемые в школе математические знания в ситуациях оперирования финансовыми средствами, на наш взгляд, следует начинать в момент перехода ребенка из начальной в основную школу (5-й класс, 10–12 лет) [4]. Это обусловлено рядом объективных причин.

Во-первых, в пятом классе учащимися российских школ уже изучены и осваиваются такие темы, как основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями, перевод данных из одних единиц измерения в другие, уравнения, площади и объемы, простые проценты, пропорции. Этот математический аппарат создает условия для составления разнообразных задач с экономическим содержанием.

Во-вторых, переход ребенка из начальной в основную школу, с точки зрения возрастной психологии, характеризуется сменой ведущего вида деятельности от учебной к общению со сверстниками. Деятельность общения, по Д.Б. Эльконину, является «своеобразной формой воспроизведения между сверстниками тех отношений, которые существуют среди взрослых людей. В процессе общения происходит углубленная ориентация в нормах этих отношений и их освоение» [5. С. 82]. Это создает условия для формирования у учащихся готовности к освоению образцов грамотного финансового поведения в процессе совместной деятельности ребенка со старшими детьми или взрослыми, а также к отработке полученных навыков в группе сверстников. Мы считаем, что освоение и «присвоение» образцов грамотного финансового поведения возможно только при разрешении ребенком лично значимых для него проблемных ситуаций, связанных с оперированием лич-

ными или помощи в оперировании семейными финансовыми средствами.

Таким образом, на наш взгляд, к моменту перехода ребенка из начальной в основную школу становится возможным полноценное формирование его финансовой грамотности, включающей необходимые знания и умения как в области экономики, так и математики, а также понимание ответственности за принятые решения и их финансовые последствия.

Решение задачи формирования финансовой грамотности российских школьников возложило на себя Министерство финансов России в рамках реализации совместного с Всемирным банком проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В настоящее время проводится планомерное внедрение финансовой грамотности в структуру школьного образования, начиная со ступени начальной школы. Это обоснованно, так как требования к включению в содержание образования элементов экономических знаний содержатся уже в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования [6], предполагающем воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям *инновационной экономики*, задачам построения демократического гражданского общества, переход к *стратегии социального проектирования и конструирования* в системе образования на основе разработки содержания и технологий образования. С 2016 г. экспериментальная апробация данной идеи уже осуществляется на пилотных площадках в Волгограде и Калининграде; запущен специальный проект Российской экономической школы по личным финансам «Финансовая грамота для школьников». В 2017–2018 гг. в ряде российских регионов (Республика Татарстан, Саратовская, Волгоградская, Томская, Калининградская области, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края) введены обязательные уроки финансовой грамотности. В остальных общеобразовательных учреждениях проводятся факультативы. В перспективе элементы финансового образования будут реализовываться в рамках таких предметов, как обществознание, математика, ОБЖ, история и география. С 2018 г. элементы финансовой грамотности начали осваиваться и воспитанниками дошкольных образовательных учреждений.

Следующей (после начальной) ступенью внедрения финансового образования в общеобразовательной школе являются 5–6-е классы. В 2014 г. коллективом авторов был разработан учебно-методический комплект «Финансовая грамотность», предназначенный для факультативных занятий. Основной задачей курса является приобретение опыта применения полученных знаний и умений для решения элементарных вопросов в области экономики семьи. В качестве планируемых результатов освоения заявлены: сопоставление доходов и расходов, расчёт процентов, сопоставление доходности вложений на простых примерах, а также формирование умений представлять информацию в зависимости от поставленных задач в виде таблицы, схемы, графика, диаграммы. Материалы для учащихся 5–7-х классов содержат следующие

разделы: доходы и расходы семьи; риски потери денег и имущества и как человек может от этого защититься; человек и государство: как они взаимодействуют; финансовый бизнес: чем он может помочь семье [7].

Анализ материалов данного курса показал, что он обеспечивает довольно поверхностное ознакомление школьников с основными экономическими понятиями (например, бюджет, доходы, расходы, риски, налоги, валюта, кредитование, страхование и т.п.). Вместе с тем следует подчеркнуть его безусловное методическое преимущество – комплексный подход к формированию знаний, умений и навыков за счет наличия необходимых структурных компонентов: теоретический блок, вопросы для повторения информации, задания для поиска информации в Интернете, вопросы для обсуждения в классе и с родителями, интересные факты из мира финансов, а также темы проектов, сообщений и эссе в конце каждого раздела.

Тем не менее математическая компонента представлена в данных материалах недостаточно (только в блоках «Подумаем-посчитаем» и «Как поступить»). Всего в курсе для 5–7-х классов содержится 9 математических задач для расчета: среднего дохода на одного члена семьи; обязательных расходов; времени, необходимого для накопления средств на дорогую покупку; стоимости покупки со скидкой; суммы, которую нужно отложить, чтобы компенсировать потерю в зарплате одного из членов семьи; налоговых вычетов; роста вклада в банке (простые проценты); будущих расходов и доходов; более выгодного курса валют. Отсутствие системности в финансовом содержании и его скоординированности с соответствующими математическими навыками учащихся делает данный курс неудобным для использования в системе школьного образования и, соответственно, снижает его популярность среди учителей, школьников и их родителей.

Одновременно с этим нами был проведен анализ учебников по математике, используемых в общеобразовательных школах Российской Федерации [8–17]. Для формирования у школьников элементов *математической грамотности*, связанных с оперированием финансовыми средствами, в них включены задачи с экономическим содержанием. Так, на рис. 1 и 2 представлены результаты анализа учебников математики 5-х и 6-х классов. Они демонстрируют процентное соотношение всех текстовых задач и текстовых задач с экономическим содержанием относительно общего числа упражнений, включенных в учебники.

Очевидно, что количество текстовых задач с экономическим содержанием в учебниках математики для учащихся 5–6-х классов невелико. Так, в одном из наиболее распространенном в российских школах учебнике [15] содержится всего 5 задач, предполагающих денежные расчеты: стоимости продукции мебельной фабрики за три месяца (только подсчет итоговых значений за год) и товаров, поступивших в отделы магазина за неделю; цен на радиодетали по их себестоимости; количества купленных металлических и пластмассовых деталей для велосипедов по их цене

и себестоимости; себестоимости детали после снижения цены. Все эти задачи не только не связаны с жизненными ситуациями оперирования финансами, с которыми непосредственно сталкиваются учащиеся данного возраста, но и зачастую содержат в условии понятия, которые еще не вошли в их активный вокабуляр: например, «валовый доход», «налог на при-

быль», «налог на добавленную стоимость», «ссуда» (И.И. Зубарев, А.Г. Мордкович), «акции», «подходный налог» (В.Г. Дорофеев, И.Ф. Шарыгин). Более того, отдельные понятия вообще не соответствуют реалиям современной российской экономики: так «социальный налог» (Г.К. Муравин, О.В. Муравина) уже не применяется с 2010 г.

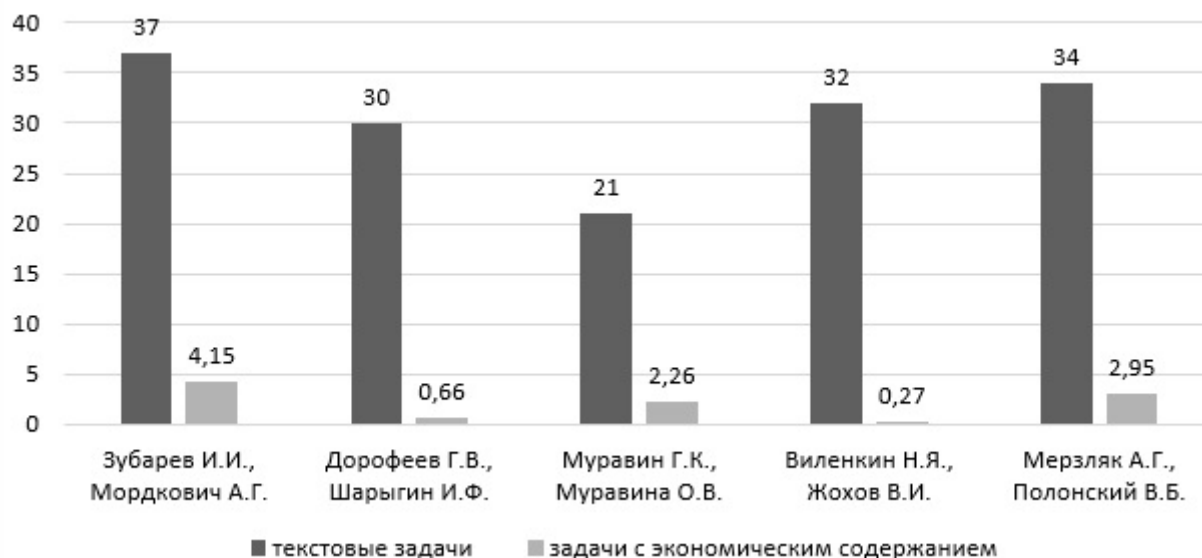

Рис. 1. Процентное содержание текстовых задач и задач с экономическим содержанием в учебниках математики за 5-й класс

Рис. 2. Процентное содержание текстовых задач и задач с экономическим содержанием в учебниках математики за 6-й класс

Таким образом, анализ как пособия по финансовой грамотности, так и школьных учебников математики за 5–6-е классы подтвердил крайнюю скудность математического материала, направленного на формирование у детей навыков проведения расчетов при оперировании финансами; построение математических задач на материале, не являющимся для школьников этого возраста лично значимым; использование в условии задач непонятных им терминов без соответствующего пояснения; несогласованность материала пособий для дополнительного образования и

школьных учебников математики между собой. Такая бессистемная работа, на наш взгляд, не может привести к полноценному решению задачи формирования финансовой грамотности школьников в области применения математического аппарата в процессе принятия решений в области оперирования финансами.

Вместе тем в России проводится мониторинг уровня финансовой грамотности школьников (сопряженной с математическими расчетами) в рамках таких мероприятий, как Основной государственный экзамен (9-й класс) и Единый государственный эк-

замен (11-й класс) по математике, в задания которых включены задачи экономического содержания; тестирование по финансовой арифметике в рамках Всероссийской недели сбережений для учащихся старших классов и студентов; исследования PISA (15-летние школьники, 8–9-е классы). Мониторинг уровня сформированности математической составляющей финансовой грамотности учащихся 5–6-х классов до 2017 г. не проводился.

В 2017 г. при содействии болгарских партнеров (Экономический университет (Варна) и Высшая школа финансов, бизнеса и страхования, (София)) нами была разработана и проведена первая в России международная олимпиада по финансовой и актуарной математике, предназначенная для мониторинга владения учащимися 5–11-х классов именно математической составляющей финансовой грамотности [18]. Результаты участия в олимпиаде 199 учащихся 5–6-х классов из России подтвердили неготовность большинства из них к применению освоенного в рамках школьного курса математического аппарата при решении задач оперирования финансами в житейских ситуациях. В частности, большинство школьников допускали: смешение понятий «цена за единицу товара» и «количество товара за единицу стоимости»; демонстрировали

непонимание динамики процентных изменений; округляли числа с учетом математических правил, а не интерпретации результата на язык жизненной ситуации; строили неадекватные условию задачи математические модели жизненной ситуации; дополняли условие задачи недостающими данными, содержащимися в их собственном субъектном опыте с отказом от их проверки на адекватность реальности с использованием дополнительных источников информации и др.

Разработке заданий олимпиады, направленных на проверку сформированности математической составляющей финансовой грамотности учащихся 5–6-х классов, предшествовало выделение структуры понятия «математическая составляющая финансовой грамотности». Опираясь на систему (рамку) финансовой компетентности для учащихся школьного возраста, разработанную в рамках совместного проекта Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» и определяющую предметные области, компоненты и компетенции финансовой грамотности [19], мы выделили соответствующие им компетенции математической составляющей финансовой грамотности, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Структура математической составляющей финансовой грамотности учащихся 5–6-х классов

Предметные области финансовой грамотности	Компоненты финансовой грамотности	Компетенции математической составляющей финансовой грамотности учащихся 5–6-х классов
Доходы и расходы	Знание и понимание	Знать понятия «цена», «себестоимость» и «стоимость»; «потребности» и «желания». Понимать различия между расходами на товары и услуги первой необходимости и на дополнительные нужды
	Умения и поведение	Уметь рассчитать: достаточно ли денег на покупку; на какое количество товара хватит имеющихся денежных средств; сдачу при покупке; стоимость покупки с учетом скидок, акций и специальных предложений. Различать понятия «цена», «себестоимость» и «стоимость». Уметь рассчитать себестоимость продукта. Уметь сопоставлять цены на одни и те же товары
Финансовое планирование и бюджет	Знание и понимание	Понимать закономерности сезонного ценообразования. Владеть понятием «курс валюты»
	Умения и поведение	Уметь рассчитывать, на какую сумму повысилась / понизилась цена товара в заданных условиях. Уметь использовать сезонные изменения цен при планировании покупки товаров. Владеть навыками расчетов конвертации валюты
Личные сбережения	Знание и понимание	Понимать принципы накопления денежных средств. Знать основы сбережения денежных средств (в том числе в банке)
	Умения и поведение	Уметь рассчитать время, необходимое на накопление определенной суммы денежных средств. Уметь определить возможности накопления требуемой суммы в течение заданного временного периода. Уметь вычислить накопленную сумму в заданных условиях
Инвестирование / кредитование	Знание и понимание	Знать условия инвестирования / кредитования
	Умения и поведение	Уметь вычислять сумму накоплений в заданных условиях. Владеть навыками расчета кредитных платежей и суммы переплаты при приобретении товара в кредит. Уметь сравнивать финансовые услуги (деятельность по обмену валют, перевод денег, предоставление средств в заем, услуги в сфере страхования и др.), оказываемые различными организациями

Учащихся 5–6-х классов общеобразовательных школ при определении структуры математической составляющей финансовой грамотности мы относим к отдельной категории по ряду причин. Во-первых, многие термины и понятия, содержащиеся

в заданиях для более старшего возраста, трудны для восприятия пяти-, шестиклассников. Во-вторых, некоторый математический аппарат, необходимый для решения задач на выделенные темы, детьми данного возраста либо еще не изучался, либо нахо-

дится в стадии изучения. В-третьих, в данной возрастной группе остается преобладающим арифметический способ решения сюжетных математических задач. В результате проведенного анализа

нами была разработана тематика математических задач с экономическим содержанием, соотношенная с математическим аппаратом, необходимым для их решения (табл. 2).

Таблица 2

Примерное экономическое содержание математических задач для учащихся 5–6 классов

Предметная область финансовой грамотности	Типы задач	Математический аппарат
Доходы и расходы	<i>Повседневные покупки</i>	
	Достаточно ли денежных средств на покупку. На какое количество товара хватит имеющихся денег. Покупки с учетом скидок. Сопоставление цены на одни и те же товары. Различие понятий «цена», «себестоимость» и «стоимость». Покупки в кредит: вычисление суммы переплаты, сравнение финансовых продуктов	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Простые проценты. Площадь, объем. Доли фигуры. Основы комбинаторики. Различные виды представления данных (табличное, графики, диаграммы). Округление чисел с избытком и недостатком. Уравнения с одним неизвестным. Математическое моделирование
	<i>Платежи</i>	
	Выбор наиболее выгодного тарифа (сотового оператора, интернет-провайдера и др.) с учетом индивидуальных запросов	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Перевод данных из одних единиц измерения в другие. Различные виды представления данных (табличное, графики, диаграммы). Основы комбинаторики. Математическое моделирование
Финансовое планирование и бюджет	<i>Динамика цен</i>	
	Покупка товаров с учетом сезонных изменений цены	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Простые проценты. Математическое моделирование
	<i>Обменный курс</i>	
	Расчет конвертации валюты. Оценка выгоды / убытка при изменении валютных курсов	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Перевод данных из одних единиц измерения в другие. Математическое моделирование
Личные сбережения	Расчет времени, необходимого на накопление определенной суммы денежной суммы. Определение возможности накопления требуемой суммы в течение заданного временного периода	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Перевод данных из одних единиц измерения в другие. Простые проценты. Округление чисел с избытком и недостатком. Математическое моделирование
Инвестирование и кредитование	Расчет суммы накоплений / платежа с учетом условий инвестирования / кредитования. Выбор наиболее выгодного предложения	Основные арифметические действия с натуральными числами, обыкновенными и десятичными дробями. Простые проценты. Математическое моделирование

Заключение. На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации педагогам, заинтересованным в формировании математической составляющей финансовой грамотности школьников, что, на наш взгляд, является одним из необходимых условий их дальнейшего успешного поведения в повседневной жизни при принятии решений в ситуации оперирования финансами.

1. При работе по формированию финансовой грамотности школьников в рамках факультативных курсов, внеурочной деятельности и т.п.:

а) выделять в изучаемом материале (или включать в курс) темы, содержание которых предполагает проведение математических расчетов;

б) подбирать сюжет математической задачи с использованием жизненных ситуаций, с которыми

сталкивается ребенок данного возраста и которые являются личностно значимыми для него и / или его ближайшего окружения (друзья, одноклассники, родственники и т.п.);

в) составлять задачи с учетом того, что ее решение должно демонстрировать ребенку получение выгоды от применения такого образца финансового поведения, что обеспечит присвоение ребенком опыта принятия решений при использовании денежных средств.

2. При реализации таких требований к предметным результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования (математика и информатика) как осознание значения математики в повседневной жизни человека; получение представлений о математических моделях; формирование умения применять математические знания при решении различных задач и оценивать полученные результаты и т.д. с одновременным решением задачи формирования финансовой грамотности школьников на уроках математики:

– дополнять, по возможности, имеющиеся в учебнике математики задания сюжетными задачами экономического содержания при изучении того математического аппарата, который допускает их составление;

– при их составлении и использовании также опираться на рекомендации б) и в), представленные в пункте 1;

– включать задачи экономического содержания в уроки развивающего контроля с целью обучения школьников самостоятельному подбору необходимого для решения задач такого типа математического аппарата.

Составление или подбор и адаптация для соответствующего возраста математических задач, расширяющих знания учащихся о соотношениях и методах математики, применяемых в экономике [20], для школьных учителей могут оказаться непосильной задачей либо в силу отсутствия времени, либо необходимых знаний. Для этого может потребоваться помощь специалистов, которые помогут школьным учителям представить учащимся многообразие финансовых процессов, познакомят с основными видами величин, законами связи, методами внутри-модельного исследования наиболее часто применяемыми при решении экономических задач, определяют динамику развития знаний учащихся и т.д. Такую профессиональную методическую поддержку могут оказать преподаватели высшей школы. Таким образом, практика формирования финансовой грамотности школьников показывает необходимость интеграции усилий педагогов, работающих на всех ступенях образования, консолидации знаний, умений и навыков, накопленных не только школьными учителями, но и специалистами в области финансовой математики и методики преподавания математики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klapper L., Lusardi A., Panos G.A. Financial literacy and its consequences: Evidence from Russia during the financial crisis // *Journal of Banking and Finance*. 2013. Vol. 37, is. P. 3904–3923.
2. Финансовая грамотность российских учащихся (по результатам международной программы PISA-2012). URL: <https://www.hse.ru/data/2014/09/15/1315281492/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D0%B0%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%D0%B1%83%D1%87%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F.pdf> (дата обращения: 20.02.2018).
3. Концепция национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения РФ: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р. URL: <http://www.misbfn.ru/node/11143> (дата обращения: 09.03.2018).
4. Богданова Е.Н. Финансовое образование детей: интеграция в учебный процесс средней общеобразовательной школы в условиях северных регионов РФ // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения : материалы науч. конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. 2016. С. 1052–1056.
5. Эльконин Д.Б. Психологическое развитие в детских возрастах / под ред. Д.И. Фельдштейна; вступ. ст. Д.И. Фельдштейна. М.: Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 416 с.
6. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/197127/>
7. Липсиц И.В., Вигдорчик Е.А. Финансовая грамотность: материалы для учащихся. 5–7 классы общеобразоват. орг. Дополнительное образование: Сер. Учимся разумному финансовому поведению. М.: ВИТА-ПРЕСС, 2014. 208 с.
8. Зубарева И.И., Мордкович А.Г. Математика. 5 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений. 14-е изд., испр. и доп. М.: Мнемозина, 2013. 270 с.
9. Зубарева И.И., Мордкович А.Г. Математика. 6 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. 14-е изд., стереотип. М.: Мнемозина, 2014. 264 с.
10. Математика. 5 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / Г.В. Дорофеев, И.Ф. Шарыгин, С.Б. Суворова и др.; под ред. Г.В. Дорофеева, И.Ф. Шарыгина. 5-е изд. М.: Просвещение, 2017. 128 с.
11. Математика. 6 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / Г.В. Дорофеев, И.Ф. Шарыгин, С.Б. Суворова и др.; под ред. Г.В. Дорофеева, И.Ф. Шарыгина. 11-е изд. М.: Просвещение, 2010. 303 с.
12. Муравин Г.К., Муравина А.В. Математика. 5 класс : учеб. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2014. 318 с.
13. Муравин Г.К., Муравина О.В. Математика. 6 класс : учеб. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2014. 319 с.
14. Мерзляк А.Г., Полонский В.Б., Якир М.С. Математика: 5 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2014. 304 с.
15. Мерзляк А.Г., Полонский В.Б., Якир М.С. Математика: 6 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2014. 304 с.
16. Виленкин Н.Я., Жохов В.И., Чесноков А.С. и др. Математика: 5 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений. 31-е изд., стереотип. М.: Мнемозина, 2013. 280 с.
17. Виленкин Н.Я., Жохов В.И., Чесноков А.С. и др. Математика: 6 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. 30-е изд., стереотип. М.: Мнемозина, 2013. 288 с.
18. Форкунова Л.В., Лукина В.С., Милкова Т.В. Первая международная олимпиада по финансовой и актуарной математике: результаты по Архангельской области // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 4. С. 147.

19. Система (рамка) финансовой компетентности для учащихся школьного возраста, разработанная в рамках совместного Проекта Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=63407 (дата обращения: 20.02.2018).
20. Форкунова Л.В. Практико-ориентированные математические задачи как одно из средств повышения уровня финансовой грамотности учащихся // Труды международной научной конференции 28 сентября – 2 октября 2015, Армения, Горис, Москва, РУДН. Ереван : Астхик Гратун, 2015. С. 390.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 ноября 2018 г.

Formation of a Mathematical Component of Financial Literacy in General School Students: Current Situation, Problems and Solutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 182–189.

DOI: 10.17223/15617793/440/25

Larisa V. Forkunova, Academy of Social Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: larisaforkunova@yandex.ru

Elena N. Bogdanova, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: e.n.bogdanova@narfu.ru

Keywords: financial literacy of general school students; mathematical component.

The article is devoted to the problem topical not only in Russia but also in many countries of the world: the formation of financial literacy in population, and in particular in general school students. The main point of this article proves that a financially literate person must have a minimum necessary mathematical knowledge and ability to apply them for an optimal use of their financial resources. The authors monitored the formation of this skill among Russian schoolchildren when organizing the First International Olympiad on Financial and Actuarial Mathematics. It actualized the problem of schoolchildren's inability to use their good mathematical knowledge in solving not only strictly regulated school mathematical tasks, but also in situations requiring the interpretation of everyday situation using the language of mathematics and subsequent analysis of the obtained result based on real situations with financial transactions. The optimal age for the formation of this skill, in the authors' opinion, is 10 to 12 (Grades 5 and 6 of general schools), which is caused by a number of objective reasons relating both to the psychological schoolchildren's characteristics in the given age category and to the suitability of the mathematics apparatus for making tasks with an economic content. However, the analysis of the textbooks on financial literacy developed within the project of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the World Bank "Assistance in Raising the Level of Financial Literacy in Population and Development of Financial Education in the Russian Federation" and the textbooks on mathematics currently used in Russia showed that they include an insufficient number of mathematical tasks. To make methodological recommendations for teachers engaged in the formation of schoolchildren's financial literacy both within the extracurricular activities and at the lessons of mathematics, the authors identified competences of the mathematical component of financial literacy correlated with the subject areas, components and competences of financial literacy in the system of financial competence for the students of school age developed within the joint project of the Ministry of Finance of Russia and the World Bank. The article also presents the topics of mathematical problems with an economic content correlated with the mathematical apparatus necessary to solve them.

REFERENCES

1. Klapper, L., Lusardi, A. & Panos, G.A. (2013) Financial literacy and its consequences: Evidence from Russia during the financial crisis. *Journal of Banking and Finance*. 37. pp. 3904–3923.
2. HSE. (2012) *Finansovaya gramotnost' rossiyskikh uchashchikhsya (po rezul'tatam mezhdunarodnoy programmy PISA-2012)* [Financial literacy of Russian students (according to the results of the international program PISA-2012)]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/data/2014/09/15/1315281492/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F.pdf>. (Accessed: 20.02.2018).
3. Misbfm.ru. (2008) *The concept of the national program to improve the level of financial literacy of the population of the Russian Federation: approved by the decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2008, No. 2043-p*. [Online] Available from: <http://www.misbfm.ru/node/11143>. (Accessed: 09.03.2018). (In Russian).
4. Bogdanova, E.N. (2016) [Financial education of children: integration into the educational process of a general school in the conditions of the northern regions of the Russian Federation]. *Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: problemy i resheniya* [Development of the North-Arctic region: problems and solutions]. Proceedings of the conference of the faculty, researchers and graduate students of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Arkhangelsk: SAFU. pp. 1052–1056. (In Russian).
5. El'konin, D.B. (1995) *Psikhologicheskoe razvitie v detskikh vozrastakh* [Psychological development in childhood ages]. Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK".
6. Garant.ru. (2009) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 6, 2009 N 373 "On approval and implementation of the federal state educational standard of primary general education"*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/197127/>. (Accessed: 09.03.2018).
7. Lipsits, I.V. & Vigdorchik, E.A. (2014) *Finansovaya gramotnost': materialy dlya uchashchikhsya. 5–7 klassy obshcheobrazovat. org*. [Financial literacy: student materials. Grades 5–7 of general schools]. Moscow: VITA-PRESS.
8. Zubareva, I.I. & Mordkovich, A.G. (2013) *Matematika. 5 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Maths. Grade 5: textbook for students of general schools]. 14th ed. Moscow: Mnemozina.
9. Zubareva, I.I. & Mordkovich, A.G. (2014) *Matematika. 6 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovat. organizatsiy* [Maths. Grade 6: textbook for students of general schools]. 14th ed. Moscow: Mnemozina.
10. Dorofeev, G.V. et al. (eds) (2017) *Matematika. 5 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsiy* [Maths. Grade 5: textbook for students of general schools]. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie.
11. Dorofeev, G.V. et al. (eds) (2010) *Matematika. 6 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Maths. Grade 6: textbook for students of general schools]. 11-e izd. Moscow: Prosveshchenie.
12. Muravin, G.K. & Muravina, A.V. (2014) *Matematika. 5 klass: uchebnik* [Maths. Grade 5: textbook]. 3rd ed. Moscow: Drofa.
13. Muravin, G.K. & Muravina, O.V. (2014) *Matematika. 6 klass: uchebnik* [Maths. Grade 6: textbook]. 2nd ed. Moscow: Drofa.
14. Merzlyak, A.G., Polonskiy, V.B. & Yakir, M.S. (2014) *Matematika: 5 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovat. organizatsiy* [Maths. Grade 5: textbook for students of general schools]. Moscow: Ventana-Graf.

15. Merzlyak, A.G., Polonskiy, V.B. & Yakir, M.S. (2014) *Matematika: 6 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovat. organizatsiy* [Maths. Grade 6: textbook for students of general schools]. Moscow: Ventana-Graf.
16. Vilenkin, N.Ya. et al. (2013) *Matematika: 5 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Maths. Grade 5: textbook for students of general schools]. 31st ed. Moscow: Mnemozina.
17. Vilenkin, N.Ya. et al. (2013) *Matematika: 6 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy* [Maths. Grade 6: textbook for students of general schools]. 30th ed. Moscow: Mnemozina.
18. Forkunova, L.V., Lukina, V.S. & Milkova, T.V. (2017) First international olympiad on financial and actual mathematics: results in arkhangel'sk region. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 4. (In Russian).
19. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2015) *The system (frame) of financial competence for school-age students, developed in the framework of the joint Project of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the World Bank "Assistance to improve the financial literacy of the population and the development of financial education in the Russian Federation"*. [Online] Available from: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=63407. (Accessed: 20.02.2018). (In Russian).
20. Forkunova, L.V. (2015) Practice-oriented mathematical problems as one of the means to increase the level of financial literacy of students. *Proceedings of the International Conference*. Goris, Armenia, RUDN, Moscow. 28 September – 2 October 2015. Erevan: Astkhik Gratun. pp. 390. (In Russian).

Received: 15 November 2018

Т.А. Шилько, Г.И. Головкин, Е.В. Лосон

МОНИТОРИНГ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ, ПОСТУПИВШИХ НА 1-й КУРС ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Приведены данные мониторинга физической подготовленности студентов-бакалавров, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета с 2006/07 по 2017/18 учебные года. Выявлено ухудшение физической подготовленности (за исключением силовых качеств) девушек и юношей. Исходя из полученных результатов, преподавателям, работающим с первокурсниками необходимо скорректировать свои рабочие планы в связи изменениями исходного уровня физической подготовленности студентов.

Ключевые слова: физическая подготовленность; студенты; первокурсники; Томский государственный университет, тестирование; физическая культура.

Сегодня в современном мире, в быстром темпе идет развитие науки и технического прогресса и молниеносно нарастает поток новой информации, которая обязательна и необходима современному специалисту. Все это делает учебную активность студента все более энергичной, сосредоточенной и напряженной. В связи с этим набирает силу значимость физической культуры и спорта как инструмента оптимизации уклада жизни, активного отдыха, поддержки и увеличения потенциала работоспособности студентов на этапе всего периода обучения. Физическая активность студента не только благоприятствует укреплению здоровья и отличной работоспособности, но и создает условия для дающей положительные результаты, профессиональной деятельности, непосредственно выражаясь в ней через такие факторы, как самочувствие, здоровье, уровень физической подготовленности, проадаптация [1, 2].

В последние годы наблюдается тенденция ухудшения состояния здоровья и физической подготовленности детей, подростков, студенческой молодежи. Однако конкретных данных, касающихся того, как изменился уровень физической подготовленности студентов поступивших на первый курс Томского государственного университета, на наш взгляд нет [3, 4].

В связи с этим целью настоящего исследования являлся мониторинг физической подготовленности студентов-бакалавров, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета.

Методы исследования. Для определения уровня физической подготовленности было выбрано 5 тестов: юноши – бег на 100 и 2 600 м, прыжок в длину с места, подтягивание на перекладине, наклон, вперед стоя на скамье и девушки – бег на 100 и 1 800 м, прыжок в длину с места, сгибание-разгибание рук в упоре лежа, наклон, вперед стоя на скамье. В тестировании участвовали студенты-бакалавры 1-го курса, прошедшие медицинское освидетельствование, в сентябре сдавшие контрольное тестирование физической подготовленности. В 2006/07 учебном году было протестировано 1 206 студентов, в 2007/08 – 1 210, в 2008/09 – 1 133, в 2010-11 – 523, в 2011/12 – 816, в 2012/13 – 845, 2013/14 – 555 (только девушки), 2014/15 – 661, 2016/17 – 895, 2017/18 – 915. В 2013/14 учебном году из-за погодных условий тестирование

было проведено только у девушек. Все студенты по состоянию здоровья были отнесены к основной медицинской группе.

Результаты и их обсуждение. В процессе исследования были получены данные физической подготовленности студентов-бакалавров поступивших на 1-й курс с 2007 по 2013 г. в Томский государственный университет (рис. 1–5).

Физические и физиологические возможности обучающихся одного и того же возраста могут значительно отличаться. Поэтому в процессе физического воспитания важно осуществлять индивидуальный подход, учитывая уровень проявления физических качеств студентов: выносливости, гибкости, силы, скоростных качеств и т.д.

Выносливость – это способность противостоять физическому утомлению в процессе мышечной деятельности. Физиологической основой выносливости являются аэробные возможности организма, которые обеспечивают определенную долю энергии в процессе работы и способствуют быстрому восстановлению работоспособности организма после работы любой продолжительности и мощности, обеспечивая быстрое удаление продуктов метаболического обмена. Средствами развития общей (аэробной) выносливости являются упражнения, вызывающие максимальную производительность сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Основные требования, предъявляемые к ним, следующие: упражнения должны выполняться в зонах умеренной и большой мощности работ; их продолжительность от нескольких минут до 60–90 мин; работа осуществляется при глобальном функционировании мышц [5].

Выносливость студентов оценивали с помощью бега на 2 600 м у юношей и 1 800 м у девушек. В 2006/07 учебном году выносливость юношей составляла $10,8 \pm 0,6$ мин, а девушек $9,5 \pm 0,6$ и это является лучшим показателем за все годы наблюдения. Уже через год данный показатель ухудшается на минуту, как у девушек, так и юношей ($p > 0,05$). Начиная с 2008/09 учебного года и все последующие года наблюдения девушки и юноши, поступившие в ТГУ, пробегали кросс статистически достоверно медленнее в сравнение с первым годом исследования (рис. 1).

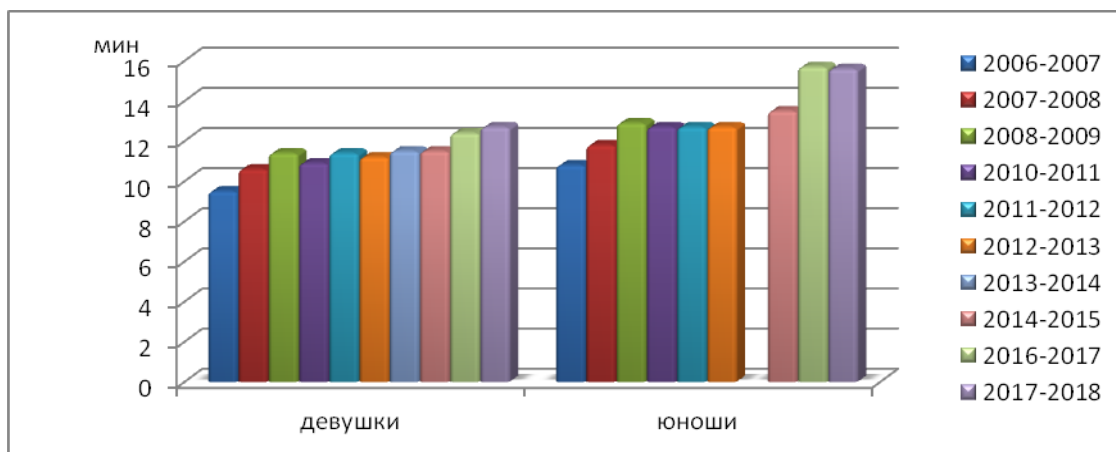

Рис. 1. Динамика уровня проявления выносливости юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета

Как уже было отмечено, для воспитания выносливости необходимы регулярные тренировки в течение длительного времени. Наше исследование показало постепенное снижение выносливости у первокурсников в период с 2006 по 2017 г., что указывает на снижение времени, которое молодежь уделяет занятиям физической культурой. В свою очередь это приводит к снижению адаптационных возможностей организма и работоспособности студентов.

Скоростно-силовые качества – это способность человека к проявлению предельно возможных усилий в кратчайший промежуток времени при сохра-

нении оптимальной амплитуды движений. Оценка скоростно-силовых качеств студентов поступивших на 1-й курс бакалавриата Томского государственного университета происходила с помощью теста «Прыжок в длину с места», результат представлен в сантиметрах.

Анализ динамики уровня проявления скоростно-силовых качеств, как юношей, так и девушек, не показал статистически достоверных изменений данного показателя, но, тем не менее, выявлена ежегодная стабильная динамика ухудшения теста «Прыжок в длину с места» (рис. 2).

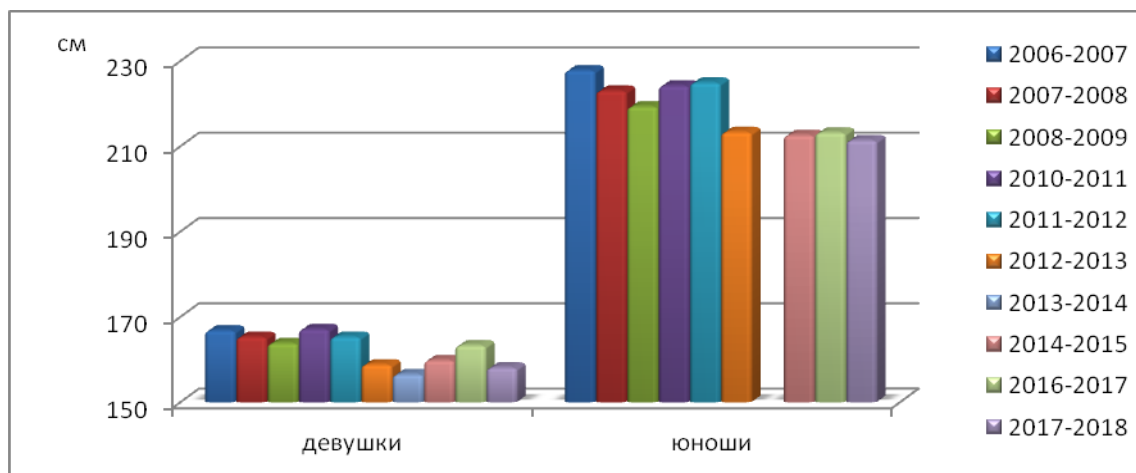

Рис. 2. Динамика уровня проявления скоростно-силовых качеств юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета

Термин «гибкость» более приемлем, если имеют в виду суммарную подвижность в суставах всего тела. А применительно к отдельным суставам правильнее говорить «подвижность», а не «гибкость», например «подвижность в плечевых, тазобедренных или голеностопных суставах». Хорошая гибкость обеспечивает свободу, быстроту и экономичность движений, увеличивает путь эффективного приложения усилий при выполнении физических упражнений [5].

Гибкость у студентов, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета, проверялась с помощью теста «Наклон вперед, стоя на скамье, расстояние от кончиков пальцев до плоскости опоры», результат представлен в сантиметрах.

При изучении динамики уровня проявления гибкости у девушек, обучающихся в ТГУ, не обнаружено статистически достоверных изменений данного показателя. В тоже время у юношей выявлено достоверное ухудшение гибкости в 2007/08, 2010/11, 2012/13, 2016/17, 2017/18 учебных годах в сравнение с первым годом наблюдения (рис. 3). Изучение уровня проявления силовых способностей у студентов-бакалавров поступивших на 1-й курс обучения в Томский государственный университет проводилось с помощью теста «Сгибание-разгибание рук, в упоре лежа» у девушек и «Подтягивание на перекладине» у юношей, результат представлен в количестве выполненных упражнений.

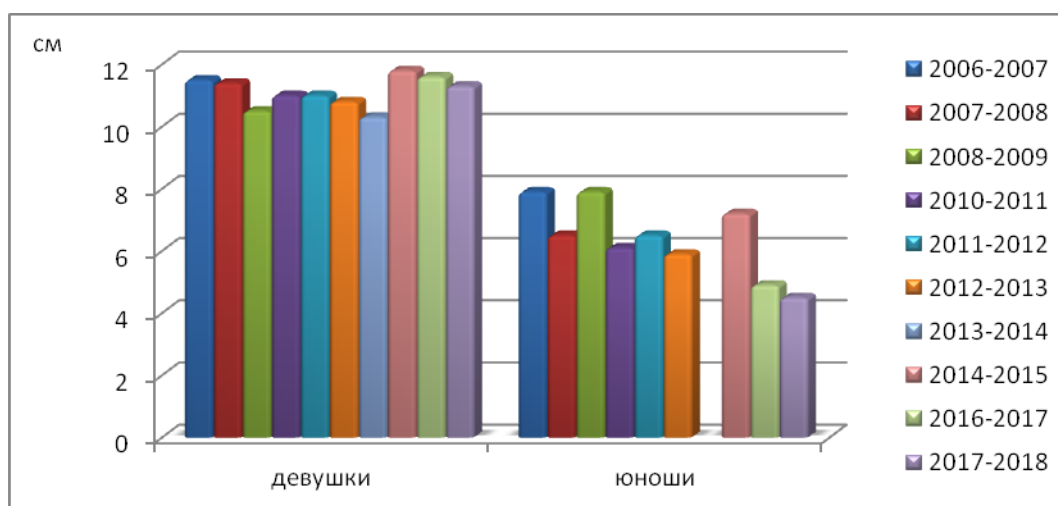

Рис. 3. Динамика уровня проявления гибкости у юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета

При анализе силовых качеств у девушек-первокурсниц выявлено, что в 2006/07 учебном году среднее значение оказалось $5,1 \pm 0,4$. Все последующие годы наблюдается повышение силовых качеств у студенток, а уже в 2008/09, 2014/15 и 2016/17 учебных годах количество повторений в тесте «Сгибание-разгибание рук, в упоре лежа» статистически достоверно выше, аналогичного показателя у студенток в 2006/07 учебном году. При этом обращает на себя внимание, что в 2014/15 учебном году первокурсницы показали наилучшие значения силы за все годы наблюдения. А уже в последующие два года произошло достоверное снижение силовых качеств у девушек, поступивших в ТГУ, и в 2017/18 девушки показали минимальное значение ($p < 0,05$) (рис. 4).

В период с 2006/07 по 2008/09 учебные года юноши, поступившие в Томский государственный университет, продемонстрировали стабильный уровень проявления силовых качеств. В 2010/11 учебном году происходит статистически достоверное увеличение количества повторений теста «Подтягивание на перекладине» по сравнению с аналогичным показателем у юношей в 2006/07 учебном году. В дальнейшие годы наблюдается динамика снижения силовых качеств первокурсников относительно периода 2010/11 года (рис. 4).

В последние годы у молодежи стали чаще посещать тренажерные залы, где основной акцент занятий направлен на развитие физической силы, вероятно, этим можно объяснить повышение силовых качеств студентов-первокурсников в данном исследовании.

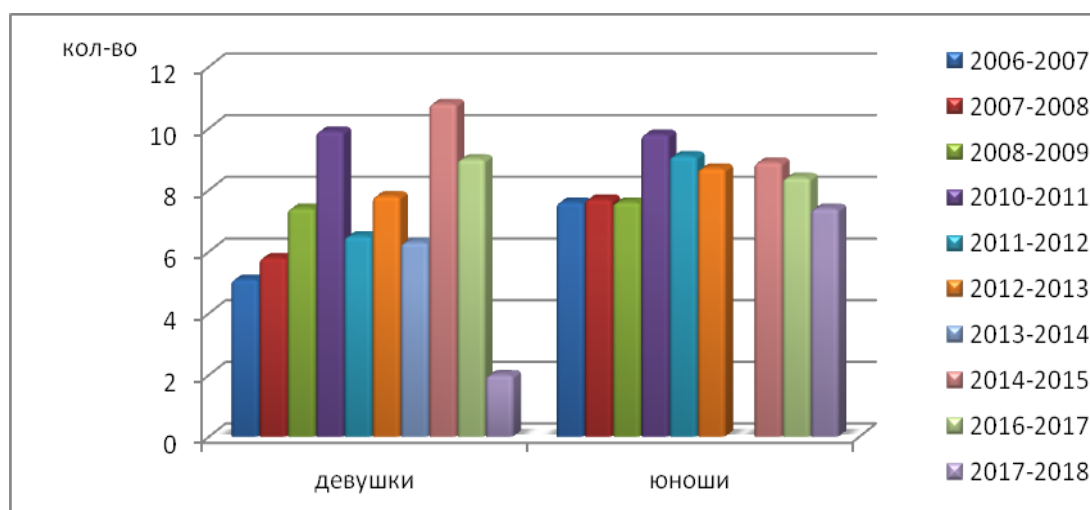

Рис. 4. Динамика уровня проявления силы у юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета
Примечание: * – уровень статистической значимости различий ($p < 0,05$) по сравнению с показателями у студентов в 2006/07 учебном году; # – уровень статистической значимости различий ($p < 0,05$) по сравнению с показателями у студентов в 2010/11 учебном году

Скоростные качества у юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета, оценивались с помощью теста «Бег на 100 м», результат представлен в секундах.

При анализе динамики скоростных качеств, как девушек, так и юношей, не выявлены статистически достоверных изменений в наблюдаемых показателях за весь период исследования (рис. 5).

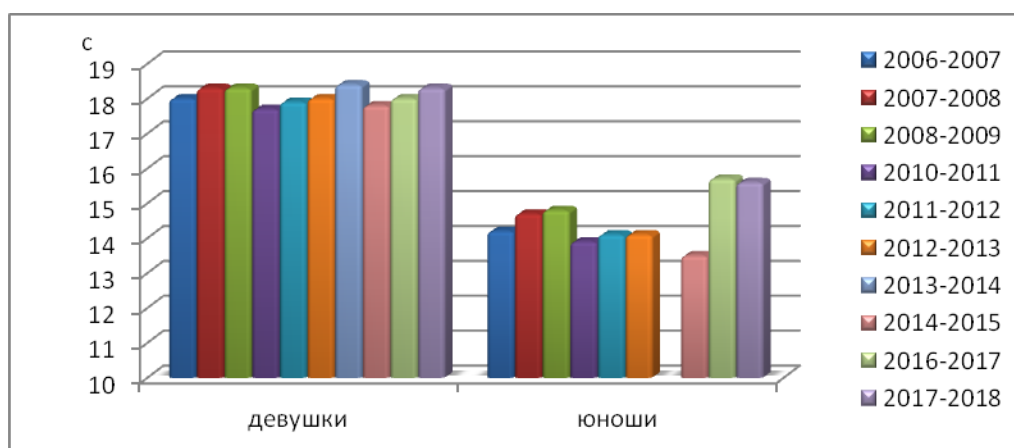

Рис. 5. Динамика уровня проявления скоростных качеств у юношей и девушек, поступивших на 1-й курс Томского государственного университета

Таким образом, можно констатировать, что за период с начала исследования физической подготовленности студентов-бакалавров поступивших на 1-й курс Томского государственного университета произошли изменения показателей в сторону ухудшения, за исключением

силовых качеств. Преподавателям, работающим с первокурсниками необходимо обратить внимание на совершенствование учебного процесса и скорректировать свои рабочие планы в связи изменениями исходного уровня физической подготовленности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воложанин С.Е., Гришунов С.В. Индивидуальный паспорт физической подготовленности как информативный фактор физической активности студента // Образование личности. 2018. № 1. С. 81–90.
2. Лубышева Л.И., Загrevская А.И. Контекст-анализ публикаций в информационном пространстве журнала «Теория и практика физической культуры» // Теория и практика физической культуры. 2017. № 1. С. 94–96.
3. Головкин Г.А., Загrevская А.И. Динамика состояния здоровья студентов-первокурсников Томского государственного университета // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2–4 (44). С. 18–20.
4. Шаратских А.Ю., Кузнецов В.Р. Сравнительный анализ уровня физической подготовленности студентов первых курсов педагогического института ИГУ // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 298–306.
5. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания. М. : Академия, 2003. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 января 2019 г.

A Worrying Trend in the Physical Condition of the First-Year Students of Tomsk State University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 190–194.

DOI: 10.17223/15617793/440/26

Tatyana A. Shilko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tashilko@gmail.com

Galina I. Golovko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: golovkogalina2000@mail.ru

Elena V. Loson, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evloson@mail.ru

Keywords: physical condition; students; first-year students; Tomsk State University; testing; physical education.

The present study aimed to monitor the physical condition of first-year students of Tomsk State University (TSU). The authors selected five tests to determine the level of their physical condition. They tested first-year undergraduate students who previously had a medical examination. Students' endurance was assessed by running at 2,600 m for boys and 1,800 m for girls. In the 2006 academic year, boys' endurance was 10.8 ± 0.6 min, while girls' endurance was 9.5 ± 0.6 . This is the best indicator for all the years of observation. Starting from the 2008 academic year, students run these control distances statistically significantly slower compared to the first year of the study. The speed-strength qualities of students were assessed on the basis of the standing broad jump test. The analysis of the results of the seven-year monitoring showed a negative trend, namely a stable deterioration of the speed-power qualities of young people. The students' flexibility was assessed using the "bend forward while standing on a bench, distance from the finger tips to the support" test. When studying the dynamics of the level of manifestation of flexibility in girls studying at TSU, there were no statistically significant changes in this indicator. At the same time, boys revealed a significant decrease in flexibility in the 2007, 2010, 2012, 2016, 2017 academic years compared with the first year of observation. The study of physical strength among students was carried out using the push-up test for girls and the pull-up test for boys. When analyzing the strength qualities of the girls, it was found that in the 2006 academic year the average value turned out to be 5.1 ± 0.4 . All subsequent years there has been an increase in power in students. At the same time, attention is drawn to the fact that in the 2014 academic year first-year students showed the best strength values for all the years of observation. In the following two years, there was a significant decrease in the power qualities of girls who entered TSU, and in 2017 girls showed minimal values. During the 2006–2008 academic years, boys who entered TSU demonstrated a stable level of manifestation of strength qualities. In the 2010 academic year, there is a statistically significant increase in the number of test repetitions, and in subsequent years there is a dynamics of decline in power qualities of first-year students. The speed characteristics of boys and girls were assessed using the 100 meters running test. The analysis of the dynamics of students' speed characteristics did not reveal any significant changes over the entire period of monitoring. So, based on the seven-year monitoring of first-year students who entered TSU from 2006 to 2017 the authors revealed a significant deterioration of physical condition indicators (except for strength qualities) of both girls and boys. The results of the analysis show that teachers working with freshmen need to adjust their working programs to take into account the changes in the initial level of students' physical condition.

REFERENCES

1. Volozhanin, S.E. & Grishunov, S.V. (2018) Individual passport of physical preparedness as an informative factor of a student's physical activeness. *Obrazovanie lichnosti – Personality Formation*. 1. pp. 81–90. (In Russian).
2. Lubyшева, L.I. & Zagrevskaya, A.I. (2017) Kontekst-analiz publikatsiy v informatsionnom prostranstve zhurnala “Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury” [Context-analysis of publications in the information space of the journal “Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury”]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1. pp. 94–96.
3. Golovko, G.A. & Zagrevskaya, A.I. (2016) Dynamics of health status among first-year students of Tomsk State University. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 2–4 (44). pp. 18–20. (In Russian).
4. Sharatskikh, A.Yu. & Kuzekevich, V.R. (2016) Comparative analysis of physical fitness level of the first-year students of Irkutsk State University Pedagogical College. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 4 (134). pp. 298–306. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.04.134.p298-306
5. Kholodov, Zh.K. & Kuznetsov, V.S. (2003) *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya* [Theory and methods of physical education]. Moscow: Akademiya.

Received: 24 January 2019

ПРАВО

УДК 342.4

Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Статья посвящена исследованию конституционного права России и стран Центральной Азии. Эта географическая общность выбрана в связи с ее малой изученностью и близостью к Российской Федерации. Более того, наше взаимодействие может привести к положительным результатам в сфере государственно-правового строительства. Авторами предпринимается попытка выявления не только общего с отечественным конституционно-правовым регулированием, но и особенного – уникального, свойственного странам Центральной Азии.

Ключевые слова: универсализация; глобализация; преемственность; конституция; конституционное право; интернационализация; правовая система; сравнительное конституционное право; конституционная идентичность.

Современный период глобализации и интернационализации общественно-политической и экономической жизни оказывает прямое воздействие на правовую действительность (или, обобщенно говоря, как пишут некоторые зарубежные авторы, наметилась тенденция «глобализации конституционного права» [1]). В ходе этих процессов правовые системы отдельных стран становятся ближе друг к другу, нередко копируют международные модели, вовлекаясь в глобальную политическую культуру и становясь удивительно «изоморфными» (похожими) [2. Р. 433], государства активно используют передовой правовой опыт, испытывают влияние наднационального права и переосмысливают собственное правовое развитие.

В связи с этим отдельный интерес представляют современные правовые коммуникации России и стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан). Правовые системы этих стран вообще и конституционное право как системообразующая отрасль права в частности характеризуются определенной общностью, обусловленной объективными причинами. Общность конституционного права России и стран Центральной Азии детерминирована общим историческим прошлым, поскольку все указанные государства являлись республиками бывшего СССР, частями единого целого. Более того, относительное единство политических, экономических, социальных, геополитических реалий характерно для данных стран и в настоящее время, что обусловлено их вхождением в Содружество Независимых Государств (СНГ). Вместе с тем обращает на себя внимание недостаточная исследованность наукой конституционного права обозначенных стран. Обычно при освещении вопросов права государств СНГ особого акцента на Центральную Азию не делается. В некотором смысле это является упущением: наше взаимодействие, а с ним и взаимное влияние неизбежны, а результаты его могут привести к позитивным изменениям не только в государствах указанного географического региона, но и в сфере отечественного конституционного права.

Каковы универсальные характеристики конституционного права Российской Федерации и центральноазиатских государств, в чём наблюдается

сближение их конституционно-правового регулирования? Согласно толковому словарю, «универсализировать» – значит обобщить, сделать общим, распространить на многое, многих [3. С. 836]. Соответственно, универсализация – это процесс обобщения, распространения, достижения единообразия. Правовая универсализация означает всеобщность, тотальность, масштабность в правотворчестве, содержании права, правоприменении, правовой доктрине. Особенно на развитие правовой универсализации национального и международного уровня влияют процессы интеграции различных государств [4, 5]. Объективная близость России и стран Центральной Азии и основанная на толерантности их интеграционная политика формируют благоприятную основу конституционно-правовой универсализации, обеспечиваемой, в свою очередь, интернационализацией и рецепцией конституционного права. Полагаем, можно выделить следующие проявления конституционно-правовой универсализации.

Во-первых, для всех рассматриваемых стран характерен разрыв с конституционно-правовым опытом советского прошлого. Постсоветское конституционное развитие отличается полным отрицанием советского государственного строя, отсутствием преемственности с предшествующим конституционным циклом. Безусловно, «отрицание государственно-правового опыта» случалось и ранее, например, в период «после Первой мировой войны и возникновения первого государства тоталитарного социализма – РСФСР (1917 г.) уже сложившиеся доктрина и практика конституционализма были объявлены буржуазно-демократическими и непригодными для переустройства общества на иных началах» [6. С. 20], – как справедливо пишет В.Е. Чиркин. И подобно тому, как Советская Россия продемонстрировала в своё время отказ от взаимодействия с дореволюционной правовой системой, современная Россия отторгла советский конституционный опыт и, напротив, возродила (реставрировала) отдельные элементы конституционализма досоветского этапа. Примером тому являются такие реставрированные из имперского прошлого конституционные явления, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных.

Примечательно, что в Конституциях Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана отсутствует уточнение о том, как быть с действующими до принятия основных законов нормативно-правовыми актами. В то же время в России и Казахстане уточняется, что на их основе можно продолжать регулирование общественных отношений, если ранее сложившееся законодательство не противоречит новой конституции государства. Следовательно, отсутствие преемственности с конституционным правом периода СССР – явное проявление универсализации конституционной эволюции рассматриваемой совокупности государств.

Во-вторых, для конституционного права России и стран Центрально-Азиатского региона свойственно принципиальное обновление основ конституционного строя, т.е. качественно иные фундаментальные принципы государственной и общественной жизни, проходящие «красной нитью» через основные законы. По справедливому замечанию профессора Н.А. Михалевой, «масштабность конституционных реформ связана с вступлением стран СНГ на путь формирования рыночной экономики и утверждением ценностей гражданского общества» [7. С. 90]. К тому же, в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О конституционных реформах в государствах-участниках СНГ» от 29 декабря 1992 г. было отмечено, что эти реформы отражают коренные экономические, политические и социальные преобразования, происходящие в государствах Содружества [8]. Для России и стран Центральной Азии едины такие характерные для классической демократии основы конституционного строя, как народовластие, республиканская форма правления, социальный и светский характер государства, приоритет прав и свобод человека, разделение властей, многопартийность, множественность и равноправие форм собственности и др. Указанный набор принципов, по мнению С.А. Белова, образует основу для универсальной концепции конституционализма, которая дает основания национальным конституционным судам при столкновении со сложными конституционными проблемами изучать решения подобных проблем за рубежом. Эта общая концепция универсального конституционализма предполагает сходные решения для схожих конституционных проблем, – отмечает ученый [9. С. 38].

В-третьих, конституционное право России и стран Центральной Азии отличается интернационализацией, испытывая заметное влияние общепризнанных принципов и норм международного права. Кроме общего международного права как важнейшего фактора универсализма, специфическим правовым инструментом наднационального влияния на конституционное право рассматриваемых государств являются акты общего права СНГ по конституционным вопросам, т.е. региональная подсистема международного права. Россия и все страны Центральной Азии исходят из примата международного права над внутригосударственным, что обуславливает необходимость приведения последнего в соответствие с источниками общего международного права и наднационального пра-

ва стран СНГ. Так, содержание разделов конституций стран СНГ, посвященных правовому статусу личности, свидетельствует об успешной имплементации международно-правовых норм о правах человека во внутреннее законодательство этих стран.

Ключевыми конституционно-правовыми источниками общего права стран СНГ являются:

- учредительные нормативные акты СНГ (Устав СНГ от 22 января 1993 г., Соглашение о координационных институтах СНГ от 21 декабря 1991 г.);

- многосторонние договоры государств-участников СНГ (Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г.);

- акты Совета глав государств и Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (рекомендованный законодательный акт МПА СНГ «О согласованных принципах регулирования гражданства» от 23 декабря 1992 г.);

- двусторонние международные договоры в рамках СНГ (например, Договор между РФ и Туркменистаном о сотрудничестве в целях обеспечения прав российского меньшинства в Туркменистане и туркменского в Российской Федерации от 18 мая 1995 г.);

- декларации (Декларация о принципах местного самоуправления в государствах – участниках СНГ от 29 октября 1994 г.).

В-четвертых, в качестве фактора сближения конституционного права рассматриваемых стран выступает рецепция передового зарубежного конституционного опыта. Несмотря на то что и Россия, и центральноазиатские республики являются странами-реципиентами, степень заимствований и страны-доноры, являющиеся ориентирами конституционного развития, у них различаются. Если Россия в постсоветский период использовала, главным образом, опыт отдельных стран Западной Европы и США, то страны Центральной Азии уделяли, в свою очередь, большее внимание конституционному развитию России и в меньшей степени странам дальнего зарубежья.

В отличие от других отраслей права конституционному праву свойственна рецепция не отдельных правовых норм или институтов, а, прежде всего, заимствование правовых идей и принципов. Конституционная модернизация России в начале 90-х гг. прошлого столетия в период разработки действующей Конституции сопровождалась активными заимствованиями из конституционного права Франции (президентство и его отношения с парламентом и правительством), ФРГ (конституционная юстиция, идея социального государства, соотношение международного и национального права), США (права человека, принципы федерализма), Швеции (омбудсмен) [10. С. 396].

Применительно к Конституции Узбекистана подобное отмечалось И.А. Каримовым, который подчеркивал, что при создании проекта новой Конституции они творчески использовали конституционную практику таких развитых демократических государств, как Турция, Соединенные Штаты Америки, Япония, Канада, Германия, Франция, Португалия,

Италия, Швеция, Испания, и таких восточных стран, как Индия, Пакистан, Египет [11. С. 171].

В разработке Основного закона Республики Казахстан принимали активное участие французские специалисты, о чем упоминает на прошедшей 20 апреля 2018 г. в Институте Сорбонна–Казахстан КазНПУ им. Абая международной научно-практической конференция «Конституция и общественная свобода: формирование правовой модели (опыт Казахстана и Франции)» Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан И.И. Рогов [12].

В обозначенном нет ничего удивительного, поскольку отдельные модели государственно-правового регулирования вполне успешно используются зарубежными партнерами. Другой вопрос, что действующие модели нелогично переносить целиком в то или иное государство без учета его правовых, исторических и культурных особенностей. Иначе может произойти то, о чем пишет применительно к Российской Федерации Е.И. Колюшин: 1) одновременное восприятие элементов и американской, и европейской моделей прав человека приведет к тому, что возникнут новые и обострятся старые проблемы реализации конституционных прав, хотя по числу конституционных прав Россия обогнала любую из этих стран; 2) переход на систему разделения властей при сохранении главы государства с огромными полномочиями повлечет за собой резкое ослабление исполнительной власти, что парализует позитивный эффект механизма разделения властей [13. С. 8].

Но чем объяснить влияние российского конституционного опыта на конституционное право отдельных постсоциалистических стран, включая регион Центральной Азии? Россия в сравнении с данными странами имеет хронологически более длительный конституционный опыт, находящий истоки в дореволюционном периоде, так как основные государственные законы Российской империи были приняты ещё 23 апреля 1906 г. Кроме того, Россия как центр бывшего СССР и его правопреемник традиционно выступала ориентиром для большинства бывших союзных республик. В России чуть раньше чем в республиках Центральной Азии начались процессы модернизации советской конституции, внесения в неё демократических поправок. Прогрессивная, а по ряду позиций передовая Конституция РФ обусловила интерес со стороны постсоветских республик, некоторые из которых приняли свои конституции позднее российской (например, в Таджикистане конституция была принята 6 ноября 1994 г.).

Конституционная практика содержит примеры влияния российских конституционных реформ на конституционное право стран Центральной Азии. В области конституционного права пока, в основном, наблюдается односторонняя, а не обоюдная рецепция. На необходимость учёта идей и принципов российской Конституции неоднократно указывалось в документах, сопровождающих разработку основных законов центральноазиатских государств. В частности, все страны Центральной Азии восприняли модель сильной президентской власти, заложенную в действующей Конституции России. Исключением стала Рес-

публика Кыргызстан, где после двух государственных переворотов 2005 и 2010 гг. в апреле 2010 г. была принята новая конституция, установившая в Кыргызстане парламентаризм с существенным ограничением полномочий президента. В других странах, напротив, президент обладает ключевыми и обширными полномочиями, которые имеют тенденцию к расширению, оказывает заметное влияние на все ветви государственной власти и даже совмещает функции главы государства и главы исполнительной власти (ст. 64 Конституции Республики Таджикистан, ст. 52 Конституции Республики Туркменистан).

Примером же редкой обоюдной рецепции, полагаем, можно считать известную формулировку ч. 1 ст. 15 о прямом действии Конституции России, которая встречается и в иных основных законах: в ст. 5 Конституции Туркменистана говорится: «...закрепленные в ней нормы и положения имеют прямое действие», в ст. 6 Киргизской Республики – «имеет высшую юридическую силу и прямое действие», то же самое провозглашается и в Таджикистане, и в Казахстане. А вот в принятой ранее остальных (8 декабря 1992 г.) Конституции Узбекистана это отсутствует. Следует заметить, что аналогичная ситуация просматривается и с «непосредственным действием прав и свобод человека и гражданина», которое оказалось не закреплено в Казахстане. Учитывая, что существующие конституции мира не имели практики закрепления четкой формулы о «прямом действии» конституционных норм и «непосредственно действии прав и свобод человека и гражданина», напрашивается вывод о вероятности взаимного влияния конституций стран Центральной Азии друг на друга.

Закрепленный постулат в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ – «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» – повторяется в ст. 64 Конституции Таджикистана. Не дословно, но аналогичное встречается в ч. 2 ст. 40 Основного Закона Казахстана, ст. 68 Туркменистана, где обозначено, что «Президент <...> выступает гарантом государственной независимости и статуса постоянного нейтралитета Туркменистана, его территориальной целостности, соблюдения Конституции, прав и свобод человека и гражданина и выполнения международных обязательств» (ст. 68). Таким образом, Туркменистан оказался первым среди государств Центральной Азии, где было конституционно утверждено, что Президент несет личную ответственность за соблюдение Конституции и реализацию прав и свобод человека.

Упрощению влияния конституционного права России на право стран Центральной Азии способствует и особое положение русского языка. Так, согласно ст. 7 Конституции Республики Казахстан, «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Подобная норма встречается в ст. 10 Конституции Кыргызстана и ст. 2 Конституции Таджикистана.

В-пятых, каждое государство учитывает в основных законах свои естественно-географические, исторические, национально-культурные, внутривластные

ские и иные особенности. В этом смысле содержание конституций отличается плюрализмом, оригинальностью конституционно-правовых решений. Если в советский период конституции центральноазиатских республик копировали друг друга, то в настоящее время более контрастно отражают собственную конституционную идентичность. Последняя определяется с точки зрения политико-правовой природы государства, с учетом специфики механизма конституционно-правового регулирования, а также в контексте конституционного правосознания и конституционной культуры [14. С. 32] и позволяет демонстрировать многообразие конституционно-правового регулирования общественных отношений в рамках конкретного государства.

Особенности можно обнаружить с первых строк преамбул Конституций государств. В частности, только в Российской Федерации используется терминологический оборот «многонациональный народ», что сделано с целью объединить все те нации, что проживают на территории России.

И, хотя «основы конституционного строя» неизменно закрепляются первыми и, в целом, содержат сходные положения, Туркменистан (исходя из смысла ст. 1 Конституции), единственный из рассматриваемых, обладает статусом постоянного нейтралитета. Более того, в его Основном законе сразу уточняется: существует «запрет конфискации имущества» (ст. 9), а «государство поддерживает развитие малого и среднего бизнеса» (ст. 10), что выглядит весьма уникально относительно иных основных законов государств.

Казахстан оказался единственным государством стран Центральной Азии, в котором конституционно уточнено, что принцип разделения властей реализуется с использованием системы сдержек и противовесов (ч. 4, ст. 3). В Киргизии же «государство и его органы служат всему обществу, а не какой-то его части» (ч. 1, ст. 5).

Вопросы внешней политики вынесены в отдельную главу IV Основного закона Республики Узбекистан, что, вероятно, сделано с целью обозначения важности этого направления деятельности государства.

Примечательно, что после недавних изменений [15] в Конституции Киргизии появилось положение, согласно которому «порядок и условия применения международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права определяются законами» (ст. 6), что означает примат внутригосударственного права над международно-правовым регулированием.

В Казахстане [16], примерно спустя год после Киргизии, появились похожие изменения ч. 3 ст. 4, где указано, что международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Однако порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики.

В Таджикистане общепризнанные принципы и нормы международного права обладают приоритетом над внутригосударственными источниками, а в Турк-

менистане и Узбекистане этот вопрос остался не конкретизированным.

В Таджикистане «запрещается деятельность политических партий других государств, создание партий национального и религиозного характера, а также финансирование политических партий зарубежными государствами и организациями, иностранными юридическими лицами и гражданами» (ст. 6 Основного закона) – подобного рода ограничения, которое было бы конституционно отражено, больше нигде не встречается в рассматриваемом регионе.

Конституция Киргизии содержит положения о государственном бюджете, который состоит «из республиканского и местных бюджетов, включает доходы и расходы» (ст. 13), чего не прослеживается у других. «Земля также может находиться в частной, муниципальной и иных формах собственности, за исключением пастбищ, которые не могут находиться в частной собственности» (ч. 5 ст. 12), – описанное исключение нигде не встречается, вероятно, по причине отсутствия таких специализированных территорий, как «пастбища».

Хотелось бы также обратить внимание на еще одну особенность: в Туркменистане (ст. 1), Таджикистане (ст. 1) и Казахстане (ч. 1 ст. 2) присутствует указание на форму правления, которая названа «президентской», а в Узбекистане, Киргизии и России такое уточнение отсутствует.

Что касается вопросов, связанных со сферой правового положения личности, то Конституция Узбекистана впечатляет своей детальной регламентацией этого направления по областям общественных отношений, что отражено в разделе втором, именуемом «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина», включающем целых 6 глав. В Киргизии этот институт тоже весьма подробно представлен.

Положение, позволяющее иметь двойное гражданство, содержится только в Конституции Киргизии (ст. 50), в Таджикистане это возможно, но при соблюдении определенных условий: «...предусмотренных законом или межгосударственными договорами Таджикистана» (ст. 15), в России и Узбекистане прямого запрета на это право нет, а вот в Туркменистане (С. 10) и Казахстане (ч. 3 ст. 10) он содержится. В последнем есть и указание на допущение лишения гражданства «за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан».

Казахстан оказался единственным государством, где «смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании» (ст. 15 Конституции Республики Казахстан).

О возможности несения альтернативной гражданской службы говорится в ст. 23 Конституции Кыргызской Республики, в ст. 52 Конституции Узбекистана, ст. 59 Российской Федерации, в иных государствах это не встречается.

В Республике Казахстан (ч. 2 ст. 18 Конституции Казахстана) и в Республике Узбекистан (ст. 36 Основного закона Узбекистана) устанавливается право каждого на тайну личных вкладов и сбережений, помимо традиционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Эксклюзивными, не встречающимися среди стран Центральной Азии оказываются следующие положения:

– в Туркменистане: ст. 40 «каждый человек обязан уважать национальные традиции»;

– Таджикистане: ст. 20 «запрет на полную конфискацию имущества осужденного»; ст. 33 «запрет на многобрачие»; ст. 42 «незнание законов не освобождает от ответственности»;

– Киргизии: на основании ст. 16 действует принцип обеспечения наилучших интересов ребенка; ст. 23 содержит запрет рабства; ч. 2 ст. 28 закрепляет, что «уголовный закон, устанавливающий ответственность, по аналогии не применяется»; ст. 59 дает возможность гражданам учреждать суды аксакалов.

О формах правления в странах бывшего СНГ пишет А.В. Нечкин, акцентируя внимание на определенных особенностях: «...главы государств (президенты) обладают особым привилегированным статусом, который выражается в гипертрофированных полномочиях в сферах всех трех традиционных ветвей государственной власти, но особенно в сфере исполнительной власти» [17. С. 12]. Причем в Узбекистане, Киргизии и России президенты при всем при этом юридически не являются главами исполнительной ветви государственной власти.

Например, в Казахстане и Узбекистане президент обладает решающими полномочиями в сферах традиционного даже для стран СНГ, где он является главой исполнительной ветви государственной власти (Таджикистан и Туркменистан), взаимодействия правительства и парламента. К таким сферам, в частности, относятся право объявлять законопроект срочным (Казахстан), право делегированного законодательства (Казахстан), осуществление текущего бюджетного контроля (Узбекистан) и контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (Казахстан).

В Российской Федерации глава государства не является главой исполнительной ветви государственной власти. Однако, как и в Республике Казахстан, его влияние на формирование состава правительства также чрезвычайно велико. В выше упомянутых странах (Российская Федерация, Казахстан) правительство по факту несет политическую ответственность только перед президентом, который де-юре не является главой исполнительной ветви государственной власти [Там же. С. 11–16].

Как указывает О.А. Пугина, «форма правления современного Российского государства является результатом тяготения российской государственности в централизованной исполнительной власти, вызванного геополитическими и историческими факторами, а также сложностями современного этапа развития. Институт президентства в Российской Федерации продолжает монархические традиции проявлявшиеся на предыдущем этапе в рамках поста Генерального

секретаря Коммунистической партии Советского Союза» [18. С. 4], с чем сложно не согласиться.

Интересно, что несколько позже прошла «волна» конституционных изменений, например, ч. 5 ст. 42 Основного Закона Казахстана закрепила следующее: «одно и то же лицо не может быть избрано Президентом Республики более двух раз подряд. Настоящее ограничение не распространяется на Первого Президента Республики Казахстан» – поправка была внесена 21 мая 2007 г. В Конституции Таджикистана – действующий президент страны Эмомали Рахмон как Лидер нации сможет избираться на пост главы государства неограниченное количество раз – поправка внесена 22 мая 2016 г. Весьма схожие по своей сути поправки, принятые с разницей менее 10 лет.

Уникальной представляется забота об экс-президенте в Киргизии (ст. 69), статус которого устанавливается законом. В Узбекистане он пожизненно может занимать должность члена Сената (ст. 97). В Таджикистане: каждый бывший Президент Республики является членом Маджлиси милли пожизненно (ст. 49).

Законодательные (представительные) органы имеют абсолютно разные, самобытные названия: Туркменистан – Меджлис, Узбекистан – Олий Мажлис, Киргизия – Жогорку Кенеш, Таджикистан – Маджлис Оли, в России – Федеральное Собрание, а в Казахстане, весьма привычно, – Парламент. В Киргизии и Туркменистане парламенты монокамеральные, в остальных государствах – бикамеральные.

Примечательно, что Олий Мажлис (Узбекистан), Маджлис Оли (Таджикистан) может принимать, кроме законов, и постановления. А вот такая разновидность нормативно-правовых актов, как конституционный закон, известна лишь в Таджикистане, Казахстане и Российской Федерации.

Помимо типичных полномочий, Меджлис Туркменистана в соответствии со статьей 81 Конституции наделен еще и правом конституционного контроля: «определяет соответствие Конституции нормативных правовых актов органов государственной власти».

Потерять свое место в Жогорку Кенеше депутат может, отсутствуя на его заседаниях без уважительных причин в течение 30 дней (п. 7 ч. 3 ст. 73 Конституции Киргизии). «Отсутствие депутата без уважительных причин на заседаниях Палат и их органов более трех раз, как и передача права голоса, влечет за собой применение к депутату установленных законом мер взыскания» – говорится и в ч. 2 ст. 52 Конституции Казахстана.

Относительно *органов исполнительной власти* наблюдается следующее: помимо известного названия «правительство» встречается и Кабинет Министров – в Узбекистане и Туркменистане, в последнем указанный орган является не только исполнительным, но и распорядительным (ст. 91), с президентом во главе, который является его председателем. Формируется он также президентом и перед вновь избранным президентом слагает свои полномочия.

Детально деятельность и полномочия Правительства закреплены в Конституции Узбекистана и Киргизии, в остальных государствах – конституционным

законом, федеральным конституционным законом (в России) или законом (в Туркменистане).

Только в Киргизии правительство подотчетно Жогорку Кенешу, в Узбекистане и Казахстане ответственность перед парламентом дополнена еще и ответственностью перед главой государства. В Таджикистане и Туркменистане конституционного закрепления адресата подотчетности нет.

В Туркменистане и Казахстане «правительство» назначается президентом, в Таджикистане им же, но с согласия «парламента», что наблюдается и в Российской Федерации. А вот в Узбекистане кандидатура премьер-министра предлагается политической партией, набравшей наибольшее количество депутатских мест на выборах в Законодательную палату Олий Мажлиса, или несколькими политическими партиями, получившими равное наибольшее количество депутатских мест. Президент Республики после рассмотрения представленной кандидатуры на должность премьер-министра в десятидневный срок предлагает ее на рассмотрение и утверждение палатами Олий Мажлиса. Кандидат на должность премьер-министра при рассмотрении и утверждении его кандидатуры в Олий Мажлисе представляет программу действий Кабинета Министров на ближайшую и долгосрочную перспективу. Кандидатура премьер-министра считается утвержденной, если за нее будет подано более половины голосов от общего числа, соответственно, депутатов Законодательной палаты и членов Сената Олий Мажлиса. Члены Кабинета Министров Республики Узбекистан утверждаются Президентом Республики Узбекистан по представлению Премьер-министра Республики Узбекистан, – так закреплено в ст. 98 Конституции.

В Киргизии «фракция, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций с ее участием в течение 15 рабочих дней со дня первого заседания Жогорку Кенеша нового созыва выдвигает кандидата на должность Премьер-министра. Кандидат на должность Премьер-министра вносит в Жогорку Кенеш программу, структуру и состав Правительства», – так гласит ст. 84.

Таким образом, в двух вышеобозначенных государствах законодательная ветвь власти участвует в назначении «правительства», что является весьма интересным. Причем, Основной Закон Киргизии, как уже ранее упоминалось, был принят позже всех остальных.

В отличие от других государств, в Киргизии Жогорку Кенешем может быть принято решение о выражении недоверия правительству и его отставки президентом, даже при отсутствии согласия последнего (ст. 85). В то же время премьер-министр несет персональную ответственность перед Жогорку Кенешем и может ставить самостоятельно вопрос о доверии правительству, но не чаще 1 раза в год (ст. 85, 89).

Уникальной видится обязанность Правительства Казахстана слагать «свои полномочия перед вновь избранным Мажилисом Парламента Республики», о чем говорит ст. 70 Конституции. В основном в странах Центральной Азии подобное происходит перед Главой государства.

В Казахстане (ст. 65) и Таджикистане (ст. 73) правительство приносит присягу президенту, однако в первом это делается еще и народу. В иных странах Центральной Азии подобное не встречается.

Судебная ветвь власти для каждого из рассматриваемых государств представлена весьма идентично. В частности, для Казахстана это Верховный суд (ст. 81) – высший судебный орган по гражданским, уголовным и иным делам (причем, существует и специализированный орган конституционного контроля – Конституционный Совет, не являющийся судебным); Таджикистана (ст. 84) – Конституционный суд, Верховный Суд, Высший экономический суд, Военный суд, Суд Горно-Бадахшанской автономной области, суды областей, города Душанбе, городов и районов, Экономический суд Горно-Бадахшанской автономной области, экономические суды областей и города Душанбе; Туркменистана (ст. 97) – Верховный суд и другие суды, предусмотренные законом; Киргизии (ст. 93) – Верховный суд (в его составе действует Конституционная палата) и местные суды.

В Узбекистане была проведена судебная реформа (6 апреля 2017 г. Президент Шавкат Мирзиёев подписал закон о внесении изменений и дополнения в Конституцию страны, предусматривающий обновление судебной системы), в результате которой Высший хозяйственный суд и Верховный суд объединены в единый высший орган судебной власти в сфере гражданского, уголовного, административного и экономического судопроизводства – Верховный суд Республики Узбекистан. Был введен новый институт – Высший судейский совет Республики Узбекистан. Он является органом судейского сообщества и оказывает содействие в обеспечении соблюдения конституционного принципа независимости судебной власти в Узбекистане. В судебной системе образованы экономические и административные суды, а именно: экономические и административные суды Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента, а также межрайонные, районные и городские экономические суды и районные и городские административные суды [19].

Подобного рода реформа проведена несколькими годами ранее в Российской Федерации, где произошло слияние Высшего Арбитражного и Верховного судов, что, вероятно, могло быть заимствовано соседями.

В то же время традиционным для конституционно-правовой практики представляется закрепление запрета на создание чрезвычайных судов, принципа независимости судей и подчиненности их только Конституции и закону.

Невозможно не обратить внимание и на конкретизацию материальных пределов изменения и дополнения конституций стран Центральной Азии, о которых в своей монографии говорит Д.Г. Шустров [20, С. 408]. В частности, в п. 2 ст. 91 В Конституции Республики Казахстан содержится оговорка, в которой уточнено: «...независимость государства, унитарность и территориальная целостность Республики, форма ее правления, а также основополагающие принципы деятельности Республики, заложенные Ос-

нователем независимого Казахстана, Первым Президентом Республики Казахстан – Елбасы, и его статус являются неизменными». В Основном законе Таджикистана в ст. 100 также содержится уточнение, что «республиканская форма правления, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства неизменны». В Туркменистане же в ст. 141 оговорено лишь, что «положения Конституции о государственном правлении в форме президентской республики не могут быть изменены». В Российской Федерации, как известно, не могут подвергаться изменению гл. 1 «Основы конституционного строя», гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» и гл. 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Примечательно, что в Узбекистане и в Киргизии отсутствуют указания на неизменность положений Основного закона, делая их более гибкими относительно описанных.

Резюмируя вышеизложенное, обратим внимание на интересный момент: конституционно-правовые институты, подверженные влиянию норм международного права, особыми различиями не обладают (например, права и свободы человека и гражданина). Наиболее своеобразной представляется регламентация организации и деятельности органов государственной власти, однако и она, в силу взаимобмена, становится схожей, но не одинаковой. В связи с этим предлагаем классифицировать различия на виды по основанию приобретения: 1) те, что обусловлены традицией, отраженные в основах конституционного строя и являющиеся наиболее устойчивыми к воздействию извне; 2) приобретенные в процессе конституционно-правового развития, выработанные конституционно-правовой практикой других государств и успешно заимствованные.

Таким образом, единство фундаментальных конституционных основ при многообразии моделей правового регулирования прав и свобод человека, внутригосударственного устройства, организации и

функционирования высших органов государственной власти с учётом национальной самобытности – одна из характерных черт современного конституционного права стран Центральной Азии. В отличие от универсализации, различия в конституционно-правовом регулировании стран Центральной Азии и стран СНГ вообще достаточно хорошо изучены и широко представлены в научной и учебной литературе [21, 22].

Примечательно не только конституционное многообразие, но и зачатки уникальных конституционно-правовых явлений в отдельных странах. Например, в Республике Таджикистан наряду со статусом президента, характерного для всех республик, формируется оригинальный конституционно-правовой институт Основателя мира и национального единства – Лидера нации (ст. 65 Конституции Республики Таджикистан), а в Республике Казахстан – статус Первого Президента Республики Казахстан (ст. 42 Конституции Республики Казахстан).

Несмотря на принципиальную общность конституционного права России и стран Центральной Азии, в нём имеется немало различий в источниках, институтах, темпах развития и содержании конкретных норм. Каждое из государств обладает конституционной идентичностью, неповторимостью, что предопределяет конституционно-правовой плюрализм на постсоветском пространстве. Универсализация конституционного права и проявления трансляции российского конституционного опыта лишь сужают рамки уникальности конституционно-правового пространства каждого отдельного государства, но не обезличивают его. В связи с этим рассмотренные факторы сближения не способны разрушить, а могут лишь ослабить границы между конституционным правом разных стран. Такие границы будут сохраняться и в дальнейшем, но формирование конституционно-правовых макрообразований на наднациональном уровне требует в перспективе специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tushnet M. The Inevitable Globalization of Constitutional Law. Harvard Law School Public Law & Legal Theory Working. 2008. Papers Series Paper. № 09-06.
URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1317766.## (дата обращения: 28.10.2018).
2. Steinmetz G. State/culture: State-formation After the Cultural Turn. Cornell University Press, 1999.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2010.
4. Глазатова Т.С. Основные тенденции развития права в условиях глобализирующегося мира // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8. С. 19–23.
5. Безбородов Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 26–30.
6. Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2004.
7. Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. М., 1999.
8. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1993. № 2.
9. Белов С. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 37–56.
10. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.
11. Каримов И.А. (1938–2016). Собрание сочинений. Ташкент, 2011.
12. Рогов И. В конституциях Казахстана и Франции есть много общего. URL: <http://www.zakon.kz/4914784-institut-sorbonna-kazakhstan-yavlyaetsya.html> (дата обращения: 28.10.2018).
13. Колушин Е.И. Тренды конституционности и революционности в теории и практике конституционного (государственного) права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 3–8.
14. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 32–38.
15. Закон Кыргызской Республики о внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 г. № 218. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 28.10.2018).

16. Закон Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахстана от 10 марта 2017 г. № 51-VI ЗПК. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 28.10.2018).
17. Нечкин А.В. К вопросу о формах правления в странах СНГ // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 11–16.
18. Пугина О.А. Преемственность элементов российской правовой системы и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 2–6.
19. В Конституцию Узбекистана внесены изменения. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/08/constitution> (дата обращения: 28.10.2018).
20. Шустров Д.Г. Пределы изменения Конституции и конституционный контроль за их соблюдением в России и постсоветских государствах: сравнительно-правовое исследование: в 2 т. М., 2018. Т. 1.
21. Вишняков В.Г. Сравнительный анализ конституций государств – участников СНГ. М., 2006.
22. Зулфугарзаде Т.Э. Конституционное право государств – участников СНГ: учеб. М., 2008.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 января 2019 г.

Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries: The Unique and the Universal

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 195–203.

DOI: 10.17223/15617793/440/27

Evgeniy S. Anichkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: universalization; globalization; continuity; constitution; constitutional law; internationalization; legal system; comparative constitutional law; constitutional identity.

The article is devoted to the study of the constitutional law of Russia and Central Asian countries (traditionally this refers to Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan), which is predetermined by our close cooperation with each other and little knowledge of this geographic community: Central Asia's laws are not subjected to a detailed analysis; meanwhile, its states are closest to the Russian Federation, interaction with them can lead to positive results in the field of state and legal construction, which is undoubtedly relevant. The aim of this study is to identify common features between Russian constitutional and legal norms and the unique constitutional experience of the countries of Central Asia. The analysis is based on the theoretical works of K.V. Aranovsky, V.G. Vishnyakov, E.I. Kolyushin, N.A. Mikhaleva, A.V. Nechkin, V.E. Chirkin and other prominent scholars, as well as regulatory documents, including the Constitutions of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. The main methods of the study were formal legal (used to study the texts of the basic laws of the states) and comparative legal (used to identify the common and the specific). Undoubtedly, the objective proximity of Russia with the countries of Central Asia and their integration policy based on tolerance form a favorable basis for constitutional and legal universalization ensured, in turn, by internationalization and reception of constitutional law. In the research, the following manifestations of constitutional and legal universalization were identified: (1) a break with the constitutional legal experience of the Soviet past; (2) a fundamental renewal of the foundations of the constitutional order; (3) a noticeable influence of generally recognized principles and norms of international law; (4) reception of advanced foreign constitutional experience. At the same time, it was discovered that each state takes into account its natural-geographical, historical, national-cultural, internal political and other features in the basic laws. As a result, the authors came to the conclusion that, despite the fundamental commonality of the constitutional law of Russia and Central Asian countries, there are many differences in sources, institutions, rates of development and content of specific norms, which allows grouping constitutional and legal differences not only by typical reason – main institutions – but also according to the temporal criterion. It was also found that institutions that are regulated not only by constitutional, but also by international law, do not have any special distinctions. The most heterogeneous is the regulation of the organization and activities of government bodies, but, by virtue of mutual reception, it also begins to acquire universal features.

REFERENCES

1. Tushnet, M. (2008) *The Inevitable Globalization of Constitutional Law*. Harvard Law School Public Law & Legal Theory Working. Papers Series Paper. No. 09-06.
[Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1317766. (Accessed: 28.10.2018).
2. Steinmetz, G. (1999) *State-formation After the Cultural Turn*. Cornell University Press.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Russian Academy of Sciences: Institute of Russian Language.
4. Glazatova, T.S. (2011) Osnovnye tendentsii razvitiya prava v usloviyakh globaliziruyushchegosya mira [The main trends in the development of law in a globalizing world]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*. 8. pp. 19–23.
5. Bezborodov, Yu.S. (2013) Universalization and localization of international legal regulation in conditions of globalization. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3. pp. 26–30. (In Russian).
6. Chirkin, V.E. (2004) *Konstitutsiya: rossiyskaya model'* [Constitution: a Russian model]. Moscow: Yurist".
7. Mikhaleva, N.A. (1999) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran SNG* [Constitutional law of foreign countries of the CIS]. Moscow: Yurist".
8. *Informatsionnyy byulleten' Mezhparyamentsoy Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG*. (1993) 2.
9. Belov, S. (2014) The limits of universality in modern constitutionalism: the influence of national values on judicial practice in constitutional cases. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 4 (101). pp. 37–56. (In Russian).
10. Aranovskiy, K.V. (2003) *Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede* [Constitutional tradition in the Russian environment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. Karimov, I.A. (2011) *I.A. Karimov (1938–2016) Sobranie sochineniy* [I.A. Karimov (1938–2016). Collected Works]. Tashkent: Uzbekistan.
12. Rogov, I. (2018) *V konstitutsiyakh Kazakhstana i Frantsii est' mnogo obshchego* [The constitutions of Kazakhstan and France have much in common]. [Online] Available from: <http://www.zakon.kz/4914784-institut-sorbonna-kazahstan-yavlyayetsya.html>. (Accessed: 28.10.2018).
13. Kolyushin, E.I. (2017) Trendy konstitutsionnosti i revolyutsionnosti v teorii i praktike konstitutsionnogo (gosudarstvennogo) prava [Trends of constitutionality and revolutionism in the theory and practice of constitutional (state) law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 6. pp. 3–8.
14. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 3 (58). pp. 32–38. (In Russian).

15. Kyrgyz Republic. (2016) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 dekabrya 2016 g. № 218* [Law of the Kyrgyz Republic on amending and supplementing the Constitution of the Kyrgyz Republic dated December 28, 2016, No. 218]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913>. (Accessed: 28.10.2018).
16. Republic of Kazakhstan. (2017) *Zakon Respubliki Kazakhstan o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu Kazakhstana ot 10 marta 2017 g. № 51-VI 3PK* [The Law of the Republic of Kazakhstan on Amendments and Additions to the Constitution of Kazakhstan of March 10, 2017, No. 51-VI 3PK]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029. (Accessed: 28.10.2018).
17. Nechkin, A.V. (2016) K voprosu o formakh pravleniya v stranakh SNG [On the issue of forms of government in the CIS countries]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 12. pp. 11–16.
18. Pugina, O.A. (2007) Preemstvennost' elementov rossiyskoy pravovoy sistemy i problemy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [The continuity of the elements of the Russian legal system and the problems of constitutional and legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 2–6.
19. Gazeta.uz. (2017) *V Konstitutsiyu Uzbekistana vneseny izmeneniya* [The Constitution of Uzbekistan has been amended]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/04/08/constitution>. (Accessed: 28.10.2018).
20. Shustrov, D.G. (2018) *Predely izmeneniya Konstitutsii i konstitutsionnyy kontrol' za ikh soblyudeniem v Rossii i postsovetskikh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: v 2 t.* [The limits of the Constitution and constitutional control over their observance in Russia and the post-Soviet states: a comparative legal study: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurlitinform.
21. Vishnyakov, V.G. (2006) *Sravnitel'nyy analiz konstitutsiy gosudarstv – uchastnikov SNG* [Comparative analysis of the constitutions of the CIS member states]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Gorodets".
22. Zul'fugarzade, T.E. (2008) *Konstitutsionnoe pravo gosudarstv – uchastnikov SNG* [The constitutional law of the CIS member states]. Moscow: Russian New University.

Received: 29 January 2019

Л.Б. Гудовичева, Л.Ю. Добрынина

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Оцениваются имущественные отношения лиц, состоящих в фактическом браке и имеющих различное правовое регулирование по сравнению с супругами, состоящими в зарегистрированном семейном союзе, с точки зрения вероятности нарушения интересов кредиторов при банкротстве. Закрепление в Законе «О несостоятельности (банкротстве)» прямой юридической аффилированности не исключает необходимости для судов, при рассмотрении споров о признании сделок недействительными, учитывать и фактическую аффилированность совместно проживающих с должником лиц. В статье представлен комплексный анализ практических аспектов имущественных отношений таких граждан, зачастую вступающих в противоречие с интересами других частных лиц и публичными интересами.

Ключевые слова: фактические супружеские отношения; аффилированные лица; брачный договор; расторжение брака; общая собственность; соглашение о разделе общего имущества; недействительная сделка; конкурсная масса.

Главной целью рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) должника (физического или юридического лица) является максимально возможное удовлетворение требований кредиторов. Арбитражные управляющие и арбитражные суды предпринимают предусмотренные законом меры по формированию конкурсной массы, если речь идет о таких процедурах, как конкурсное производство в отношении юридического лица или процедура реализации имущества применительно к физическому лицу. Для реализации целей процедур банкротства арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы оспаривают сделки должника по основаниям, предусмотренным в гражданском законодательстве и по специальным основаниям, имеющимся в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве). Практика показывает, что весьма распространены среди должников, укрывающих свое имущество от кредиторов, такие сделки, как брачные договоры, соглашения о разделе имущества с супругами, в том числе бывшими супругами, а также договоры дарения и договоры купли-продажи, контрагентами в которых становятся настоящие, бывшие или даже будущие супруги, а также иные родственники, в том числе дети, братья, сестры.

В условиях банкротства должника, при очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, затрагиваются материальные интересы всех кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. С другой стороны, в сохранении имущества гражданина-банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что неизбежно влечет вероятность разного рода злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших в реальности гражданских и семейных правоотношений.

Немало сделок совершается с участием фактических супругов (в том числе бывших). И если супруга, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, сестер, братьев и их родственников по нисходящей линиям, родителей, детей, сестер и братьев супруга ч. 3 ст. 19 Закона о банкротстве однозначно относит к аффилированным лицам, то фактические супруги выходят за рамки данного понятия, что, соответственно, усложняет доказывание факта умышлен-

ного совершения сделок в ущерб интересам кредиторов. В литературе отмечалось, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) не включает в число аффилированных к должнику лиц, состоящих с ним в фактических брачных отношениях, это позволяет должнику при их помощи скрывать свое имущество от кредиторов [2]. Вместе с тем предложение об однозначном включении фактических супругов или супругов, находящихся в зарегистрированном браке, но не ведущих совместное хозяйство, в число аффилированных к должнику лиц не соответствовало бы интересам добросовестных участников гражданского оборота, т.е. супругов, которые не принимали участия в сокрытии имущества должника.

В ряде случаев несвоевременное расторжение брака является следствием неразумного и недальновидного поведения одного или обоих супругов либо направлено на избежание причинения морального вреда несовершеннолетним детям, тяжело переживающим распад семьи, хотя совместное проживание давно завершено. Так, в ходе рассмотрения Арбитражным судом Свердловской области по делу № А60-54412/2015 обособленного спора по иску финансового управляющего к должнику и его бывшей супруге о признании недействительной сделкой брачного договора были выявлены следующие обстоятельства. Между супругами фактически брачные отношения были прекращены в 2004 г. При этом каждый из них получил в свою собственность по квартире. Муж также получил автомобиль, акции и доли участия в хозяйственных обществах, супруга – долевое участие в строительстве гаража и долевое участие в строительстве офисного помещения. Каждый получал и расходовал свою заработную плату; совместное хозяйство супруги не вели. В 2013 г. между супругами был заключен брачный договор, в соответствии с которым каждому отходило то имущество, которым каждый из них владел и пользовался на момент заключения данного договора. В ноябре 2015 г. в отношении супруга было возбуждено дело о банкротстве, в декабре того же года брак между супругами был расторгнут. В феврале 2016 г. в отношении должника была введена процедура реализации имущества. При рассмотрении спора о признании брачного договора недействительной сделкой были

приведены письменные доказательства фактического раздела имущества в 2004 г. и заслушаны свидетели. Было установлено образование новой фактической брачной связи у должника с начала 2012 г. Все приведенные в данном обособленном споре доказательства, позволили сохранить за бывшей супругой права на ее квартиру (в том числе и как единственное жилое помещение, пригодное для проживания), а также на офисное помещение и гаражный бокс.

На законодательном уровне закреплено, что на законный режим имущества супругов оказывает влияние и такое обстоятельство, как раздельное проживание супругов [3]. Юридическим основанием для отказа в удовлетворении требований арбитражных управляющих являются выводы соответствующих судебных инстанций о том, что презумпция, согласно которой супруг является заинтересованным лицом, является опровержимой. Супружеские отношения лиц, фактически совместно не проживающих, не ведущих совместное хозяйство, финансово независимых, однако связанных записью о состоянии в браке, являются юридической фикцией. При отсутствии фактического содержания юридический брак не предполагает доверительных отношений между супругами, поэтому презумпция заинтересованности в делах друг друга применительно к прекратившим семейные отношения лицам неприменима. Основания применения п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве в подобных делах отсутствуют.

В делах об оспаривании сделок должника необходимо установить факты совершения этих сделок за счет должника. Совершение сделок заинтересованными лицами еще не означает, что они совершены за счет должника в банкротстве, без установления фактических обстоятельств, непосредственно подтверждающих данное обстоятельство.

Например, при рассмотрении дела № А53-23514/2017 Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом были установлены обстоятельства расторжения брака между супругами 26.07.2013 г.; в этот же день ими было заключено соглашение о разделе имущества. В августе того же года бывшая супруга приобрела автомобиль ценой полтора миллиона рублей. В июле 2017 г. она продала автомобиль постороннему лицу (добросовестному покупателю). В августе 2017 г. в отношении бывшего супруга было возбуждено дело о банкротстве, введена процедура реализации имущества. Обособленный спор о признании сделки по продаже автомобиля бывшей супругой должника третьему лицу был возбужден по заявлению финансового управляющего. В качестве оснований своих требований он заявил длительную регистрацию должника по месту жительства бывшей супруги. В качестве правового основания была заявлена норма п. 1 ст. 6.1.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку оспариваемая сделка совершена бывшей супругой должника в период подозрительности (в течение трех лет и более чем за 1 год до принятия заявления о признании должника банкротом).

Суд отказал в удовлетворении требования финансового управляющего на том основании, что постоян-

ное проживание бывших супругов по одному адресу ещё не является достаточным доказательством для вывода о формальности развода и наличия фактических брачных отношений между указанными лицами. Иных доказательств в обоснование довода о заинтересованности бывших супругов лицами, участвующими в деле, не представлено. Следовательно, оспариваемый договор не может считаться сделкой, совершенной за счет имущества должника [4], и у суда отсутствовали основания проверять наличие обстоятельств, свидетельствующих о недействительности сделки в силу норм главы Закона о банкротстве.

Однако такие выводы суда являются скорее исключением, чем общим правилом. Как неоднократно указывал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в своих актах, в условиях банкротства должника для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений, тем самым, прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования [5]. Критерии достаточности доказательств (стандарт доказывания), позволяющие признать требования обоснованными, устанавливаются судебной практикой. В делах о банкротстве к кредиторам, заявляющим свои требования, предъявляется, как правило, повышенный стандарт доказывания (Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 305-ЭС18-6622 по делу № А40-177314/2016). В связи с этим в обязанности судов входит более детальное исследование всех обстоятельств дела по сравнению с обычным спором, тем более если на такие обстоятельства ссылаются лица, участвующие в деле. Для этого требуется судебный анализ не только прямых, но и косвенных доказательств, представленных сторонами, а также оценка их согласованности между собой. В условиях конкуренции кредиторов должника-банкрота возможны ситуации, когда спор по задолженности между отдельным кредитором (как правило, связанным с должником), носит формальный характер и направлен на сохранение имущества должника за его бенефициарами.

В деле Арбитражного суда Дальневосточного края № А73-2826/2016 рассмотрено заявление финансового управляющего о признании недействительной сделкой договора дарения квартиры должником своему малолетнему сыну, в интересах которого действовала фактическая супруга должника. Суд установил, что фактическая супруга должника не могла не знать о финансовой несостоятельности супруга, принимая во внимание тот факт, что после формального прекращения брака должник и заявитель продолжили фактические брачные отношения, о чем свидетельствует рождение совместного ребенка в апреле 2016 г., факт регистрации всех членов семьи должника как до, так и после расторжения брака в одной квартире. Финансовый управляющий доказывал факт злоупотребление правом со стороны фактических супругов как законных представителей малолетнего. Такое злоупотребление правом должно носить явный и очевидный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки [6]. Отчуждение принадлежащего должнику актива в ре-

зультате совершения спорной сделки дарения привело к тому, что из состава имущества должника безвозмездно было ликвидное имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, за счет которого кредиторы могли получить удовлетворение своих требований.

На практике известны частные случаи распространения режима общей совместной собственности на имущество, приобретенное супругами до брака, которое по общим правилам ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) [7] является собственностью каждого из супругов.

Фактические брачные отношения, в период существования которых должник отчуждает по возмездным сделкам имущество своей фактической супруге, а затем вступает с ней в законный брак, могут быть приравнены к законному браку в делах о несостоятельности (банкротстве) должника. А сделки такого должника, совершенные во время фактического проживания, могут быть признаны недействительными. Для того чтобы привести надлежащие доказательства, арбитражному управляющему и кредиторам необходимо сформировать убедительную доказательственную базу.

Так, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2017 г. № Ф09-9670/16 было отмечено, что, рассматривая спор, суды первоначально исходили из того, что на момент совершения оспариваемых сделок должник и супруга по отношению друг к другу не являлись заинтересованными лицами по смыслу ст. 19 Закона о банкротстве. Учитывая это обстоятельство, а также факт совершения сделок (с жилым домом и тремя земельными участками) за полтора года до заключения брака, суды посчитали, что ответчик – супруга – не имела очевидного интереса в неправомерном выводе активов должника с целью избежать их ареста и обращения на них взыскания. Вместе с тем при повторном рассмотрении дела суды установили, что за полтора года до регистрации брака должник и его супруга уже находились в близких, доверительных, фактических брачных отношениях, проживали совместно, вели совместное хозяйство; кроме того, имели совместный интерес в предпринимательской деятельности, были учредителями хозяйственного общества. Все эти факты были установлены финансовым управляющим, который получал ответы на свои запросы из государственных и иных органов и организаций, из управляющих компаний и др. Кроме того, к участию в деле было привлечено множество свидетелей, подтвердивших факты совместного проживания, воспитания ребенка, ведения совместного хозяйства должником и его супругой еще до регистрации брака. Исковые требования финансового управляющего были удовлетворены частично, что позволило увеличить, хотя и не намного, конкурсную массу (ввиду последующего пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, связанным с необходимостью исключения из конкурсной массы жилого дома как единственного жилья и земельного участка, на котором он находится, в порядке ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [8]).

В данном случае суд при оценке доводов о пороках сделок не ограничился проверкой соответствия документов установленным законом формальным требованиям. Как следует из разъяснений Верховного суда РФ, необходимо принимать во внимание и иные доказательства, в том числе об экономических, физических, организационных возможностях кредитора или должника осуществить спорную сделку. Формальное составление документов об исполнении сделки не исключает ее мнимость [9].

В правовой позиции, изложенной в Определении Верховного Суда РФ от 23.07.2018 № 305-ЭС18-3009 по делу № А40-235730/2016, также говорится о повышенном стандарте доказывания в делах о банкротстве, из которого следует, что установленными могут быть признаны только те требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. Требование, основанное на факте передачи денежных средств, должно подтверждаться не только, например, распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, но и доказательствами, подтверждающими финансовые возможности кредитора предоставить должнику соответствующие денежные средства. Исследованию подлежит и сама возможность по исполнению сделки. Примером, подтверждающим сложное правовое положение фактического супруга в имущественных отношениях, является дело № А38-8535/2016, рассмотренное Арбитражным судом Волго-Вятского округа 21.02.2018. При получении займа в заявлении гражданин-должник указал, что по адресу регистрации с ним совместно проживает его фактическая жена, а в качестве возможного вида обеспечения названо предоставленное ею позже поручительство. Сумма займа получалась такими лицами для общих целей, по взаимному согласию. Решением суда с должника и его де-факто супруги был солидарно взыскан долг по договору займа, после чего последняя обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов в сумму выплаченного долга по договору займа. Суд подытожил, что если лица фактически состоят в браке, то исполнение заемных обязательств супруга порождает встречное требование к нему, нормы об общей совместной собственности в таком случае применению не подлежат, поскольку такое обязательство в деле о банкротстве нельзя признать общим [10]. Кроме того, поскольку отсутствуют доказательства, что указанные лица действовали с целью создания искусственной задолженности должника и последующего вывода его активов и что сожительница являлась «дружественным» кредитором должника, то правовые основания для применения к возникшим отношениям правил ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом отсутствуют.

Отметим, что законодатель достаточно индифферентно относится к такой форме связи, как фактический брак, указанные отношения не подвергаются в полном объеме семейно-правовому регулированию. В этой связи представляются во многом обоснованными выводы тех авторов, которые полагают, что такая модель организации семейной жизни, как фактические брачные отношения, обладает признаком

фиктивности, поскольку участники соответствующего союза не преследуют цели создания семьи. Предпосылки, мотивы и причины создания фактического брачного союза, его содержание и логика существования обусловлены исключительно злоупотреблением фактическими супругами своими частными интересами. Кроме того, как отмечалось в правовой литературе, необходимость применения предусмотренных законом для отдельных категорий служащих правил декларирования доходов супруга (супруги) привела к росту числа не только «фактических браков», но и фиктивных разводов [11]. Таким образом, остается неясной ситуация, связанная с порядком установления в каждом конкретном случае статуса лиц рассматриваемой категории, а значит, каждый раз при оценке правового положения фактических супругов в конкретных имущественных правоотношениях выводы судов не являются однозначными.

Безусловно, законом защищаются личная и семейная тайны гражданина (ст. 150 ГК РФ), а ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [12], признавая право каждого на уважение его личной и семейной жизни, не допускает вмешательства со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц. Тем не менее взаимопроникновение публично-правовых и частноправовых элементов в семейно-правовую сферу является общей тенденцией развития семейного законодательства России [13]. Семейная политика, проводимая государством, направлена на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества. К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым в Российской Федерации, относятся, в первую очередь, ценности брака, характеризующегося определенностью, совместным бытом, воспитанием детей и пр. Устойчивость семейно-правовых связей полностью отвечает интересам государства, и усиление публично-правовых начал в данной сфере связано не только с постоянной защитой интересов детей. Складывающиеся между лицами фактические тесные семейные и социальные связи всегда труднодоказуемы. В итоге заинтересованные лица в конкретной правовой ситуации вынуждены вторгаться в сферу личной жизни гражданина и каждый раз доказывать, что он, например, поддерживает отношения, основанные на имущественных и нравственных обязательствах (фактические брачные, дружеские и иные отношения), с целью, например, предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности коммерческих организаций и, наконец, при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве).

Как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, законодатель располагает достаточно широкой свободой

усмотрения в выборе мер защиты семьи и детей, критериев их дифференциации, регламентации условий и порядка предоставления, обеспечивая баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона [14]. На первый взгляд, было бы логичнее уравнивать в имущественных правах гражданских и фактических супругов [15], внести соответствующие поправки в законодательство с целью более детального правового регулирования и устранения ситуаций неопределенности для лиц, находящихся в фактическом браке.

В 2018 г. был отклонен проект федерального закона о внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации [16], имевший целью распространить условия, предусмотренные СК РФ для заключения брака на фактические брачные отношения и защитить права лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. Соответственно, имущество, нажитое лицами, состоящими в фактических брачных отношениях в период их совместного проживания, признавалось бы в этих случаях их общей совместной собственностью. Но законопроект был снят с рассмотрения, поскольку если бы он был принят, излишнее правовое регулирование указанных отношений [17] создало бы еще большую правовую неопределенность в семейной, гражданской и социальной сфере. Таким образом, положение ч. 2 ст. 10 СК РФ о признании государством брака со дня его государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния трансформации не подверглось. По-прежнему фактический союз не влечет за собой никаких правовых последствий, сожительство не является формой брака, а фактические супруги не приобретают никаких взаимных гражданских прав и обязанностей. Исключение сделано лишь для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 08.07.1944, поскольку действовавшие в то время законы признавали равноправными два вида брака – зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния и фактический брак [18].

При фактическом браке применяется правило о раздельной собственности: право собственности на имущество считается принадлежащим исключительно тому лицу, на которого оно зарегистрировано, пока не доказано иное. В соответствии с принципом свободы договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ) это не исключает права фактических супругов заключить между собой соглашение о поступлении всего принадлежащего каждому имущества или части уже имеющегося у каждого имущества в их общую долевую собственность. Регламентирование фактических брачных отношений, прежде всего, основано на частно-правовых началах, поэтому имущество может переходить от одного участника фактического союза к другому по любому гражданско-правовому договору: купли-продажи, дарения, договору коммерческого найма жилого поме-

щения, договору безвозмездного пользования, договору простого товарищества и др. В результате, как подчеркивается в научной литературе, регламентация указанных отношений оказалась казуистичной, а соответствующее правоприменение — довольно непредсказуемым [19].

Тем не менее кредиторы и иные заинтересованные лица вправе оспаривать по правилам главы III.1 Закона о банкротстве практически каждую сделку или иное действие, совершенные за счет должника в период подозрительности (в том числе брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов и др.) [20], а значит, и любые сделки фактических супругов. Точно также, в случае разрыва отношений, сожители могут защитить свои права и разделить имущество, обратившись в суд с иском об определении размера долей и разделе общей долевой собственности [21]. Причем совместное проживание без регистрации брака не приводит к изменению имущественных отношений сторон без надлежащих доказательств [22].

Как отмечалось в Определении Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015, институт банкротства граждан предусматривает экстраординарный механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов — списание долгов, чем в определенной степени ущемляются права кредиторов. В этой связи к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие, помимо прочего, честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом.

В ряде постановлений арбитражных судов указывается, что в компетенцию арбитражного суда не входит установление фактических брачных отношений, а закон о банкротстве не связывает заинтересованность лиц с обстоятельствами фактических брачных отношений (Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2012 по делу № А70-1026/2011; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2017 № 12АП-9125/2017 по делу № А57-25657/2015). При исследовании института банкротства не преследуется цель определения юридических критериев законного брака или фактических отношений. Но потребность доказывать в судебном порядке факт сожительства может возникнуть только в конфликтных ситуациях распада фактических отношений, смерти одного из сожителей и т.д. [23].

Если фактические брачные союзы по разным причинам в минимальной степени учитываются законодателем, это не означает, что в конкретных практических ситуациях, связанных с распоряжением имуществом, это полностью исключает злоупотребление своими гражданскими правами со стороны сожителей, чьи имущественные интересы очень часто преследуют цель скрыть свое имущество от кредиторов.

В настоящий момент существуют иные позиции, изложенные в актах Верховного Суда Российской Федерации (Определение Верховного Суда Российской

Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 по делу № А12-45751/2015), которые исходят из повышенного стандарта доказывания применительно к различным правоотношениям, из которых возникли обязательства гражданина-должника при банкротстве. Доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допускается через призму аффилированности юридической, что не исключает необходимость учитывать аффилированность фактическую, предполагающую связанность интересов и действий. Последняя проявляется через поведение фактических супругов в гражданском обороте и, прежде всего, в заключении между собой сделок и последующем их исполнении на условиях, которые значительно отличаются от стандартных рыночных условий, при этом фактическая зависимость должника возможна и часто не обусловлена наличием (отсутствием) формально-юридических признаков аффилированности. Поэтому расторжение брака между супругами и наличие соответствующего свидетельства могут и не подтверждать окончание (продолжение) иной фактической связи, а значит, и прекращение доверительных отношений между этими лицами.

Исходя из правила системного толкования, положения норм главы III.1 Закона о банкротстве применяются, если доказано недобросовестное поведение (злоупотребление) правом обеих сторон сделки (фактических супругов) и осуществление ими права исключительно с намерением причинить вред кредиторам должника или с намерением реализовать иной противоправный интерес, не совпадающий с обычным хозяйственным (финансовым) интересом сделок такого рода. Для признания факта злоупотребления правом, в ущерб интересам кредиторов, при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на осуществление противоправной цели. Имевшее место злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) так или иначе предполагает очевидные потери в имуществе при отсутствии разумных экономических причин, носит явный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки. Согласованность действий сторон спорных взаимоотношений, предшествующих возбуждению дела о банкротстве, предполагается вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с должником) при наличии доказательств иной заинтересованности (например, должник и его фактическая супруга воспитывают совместного ребенка, осуществляют совместную трудовую деятельность или деятельность под руководством одного из них, участвуют совместно в судебных спорах и т.д.).

Безусловно, судебные органы каждый раз по-разному интерпретируют правовые последствия участия фактических супругов в тех или иных договорных, корпоративных и иных имущественных отношениях. Суды в каждом конкретном случае должны исследовать доказательственную базу, свидетельствующую о фактическом возникновении или сохранении

брачных отношений между конкретными лицами. Следует учитывать и то обстоятельство, что возможно параллельное поддержание фактических брачных отношений гражданина с двумя и более лицами, осложненных гражданско-правовыми обязательствами.

Обращает на себя внимание тот факт, что фактические супруги находятся в более «выигрышном» положении в сравнении с законными супругами должников, поскольку на них не распространяет свое действие п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве. Собственное имущество фактического супруга не может быть продано с молотка за долги его «второй» половины.

Представляется необходимым совершенствование подходов законодателя и правоприменителя к фактическим брачным отношениям при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) одного или обоих фактических супругов или супругов, находящихся в зарегистрированном браке, но фактически прекративших брачные отношения. Несмотря на то что это, казалось бы, две совершенно разные категории фактических брачных отношений, но они схожи по своим правовым последствиям, прежде всего, для кредиторов должника (должников), а также для фактического супруга, не являющегося банкротом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.consultant.ru
2. Османова Д.О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 3. URL: www.consultant.ru
3. Носкова Ю.Б., Козлова Ю.Н. Совместная собственность супругов в Российской Федерации и Республике Узбекистан: компаративный подход. Актуальные проблемы цивилистических отраслей права : сб. науч. трудов. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2018. Вып. 17. С. 45.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.consultant.ru
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». URL: www.consultant.ru
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: www.consultant.ru
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред.). URL: www.consultant.ru
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред.). URL: www.consultant.ru
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: www.consultant.ru
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». URL: www.consultant.ru
11. Замрий О.Н. Фиктивность в фактических брачных отношениях: содержание и формы интересов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 66–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29432373>
12. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) с изм. от 13.05.2004 г. URL: www.consultant.ru
13. Левушкин А.Н. Судебное усмотрение при разрешении семейно-правовых споров: объективная необходимость или проблемы законодательной практики? // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.) : избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2015. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30533264>
14. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Мамедовой Айгюн Ханкиши кызы на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2110-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Серой-Паутанева Валерии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”». URL: www.consultant.ru
15. Катрич Е.В. К вопросу о защите имущественных прав фактических супругов // Совершенствование законодательства в сфере защиты прав человека и гражданина : проблемы и перспективы / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2013. С. 106. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21211244>
16. Проект Федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.01.2018 г.). URL: www.consultant.ru
17. Карпов К.В. О правовой природе фактических брачных отношений // Актуальные проблемы частного права : материалы межвед. науч.-практ. конф. Омск, 2018. С. 23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36299007>
18. Камалова Э.Н., Фирсова Н.В. Правоотношения собственности лиц, состоящих в фактических брачных отношениях: практические аспекты // Инновационные технологии в образовании и науке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / ред. О.Н. Широков [и др.]. 2017. С. 210–213. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29164574>
19. Волочай Ю.А. Виндикация совместно нажитого недвижимого имущества, отчужденного одним из супругов (бывших супругов) без согласия другого из них (в аспекте сравнения права России и Германии) // Российское правосудие. 2015. № 12 (116). С. 45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24720288>
20. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.consultant.ru
21. Дзуцева Д.М., Бутаева Э.С. Раздел имущества, нажитого в фактических брачных отношениях по законодательству Российской Федерации // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32592114>
22. Назарова А.С. Правовое регулирование фактических брачных отношений в Российской Федерации и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5 (60). С. 61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35115403>
23. Малинова А.Г. Семейное право и псевдогендерная идеология // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 102–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899612>

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2018 г.

De Facto Marital Relations: Legal Significance and Consequences in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 204–211.

DOI: 10.17223/15617793/440/28

Lyubov B. Gudovicheva, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation); S.S. Alexeev Private Law Research Centre (Ural Branch) (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gudovicheva2011@yandex.ru

Larisa Yu. Dobrynina, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dovre@yandex.ru

Keywords: de facto marital relations; affiliates; marriage contract; divorce; common property; agreement on division of common property; invalid transaction; competitive weight.

The article discusses legal problems connected with the property relations arising between persons who are de facto married in the period of bankruptcy of one of them. The regulation of de facto marriage relations is based on the private-law principles; therefore, property can pass from one participant of the de facto marriage to the other under any civil agreement, including with the purpose to protect the property from creditors. This work represents a complex research of questions of legal property relations of de facto married couples through the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the arbitration practice on cases of citizens' bankruptcy. When analyzing the legal regulation of bankruptcy assets formation in case of one of the de facto spouses' bankruptcy, the following tasks were set to be investigated: cases of common conscientious ownership of property acquired by spouses prior to marriage; the most common transactions of de facto spouses with the aim of creating an artificial debt of one of them or subsequent withdrawal of his/her assets; the problem of ensuring a balance of private and public interests when de facto spouses dispose of their property on the eve of bankruptcy; deficiencies in the legal regulation of property relations of de facto spouses. The methodological basis of the study consists of general scientific and specific methods of studying phenomena and processes, including the dialectical method of cognition, a systematic approach that made it possible to analyze the main problems existing in the area of legal regulation of social relations, an empirical method of studying legislation and law enforcement practice that formed the basis for the collection of information on the issues considered in the work, a comparative legal method, which allowed making a comparison of legal norms, a logical method, as well as dogmatic, logical, and formal legal methods used to systematize data and describe the results obtained during the study for the purpose of their further use. The authors proved that de facto marriages as a family life organization model have signs of fictitiousness as participants of such marriages do not pursue the aim of family creation; such persons are united by other private interests. The law "On Insolvency (Bankruptcy)" enshrines direct legal affiliation, which does not exclude the need for courts, when hearing cases on recognition of transactions invalid, to consider the actual affiliation of de facto married persons. The authors draw a conclusion that, in each case of filing a claim to an arbitration manager regarding the invalidation of a transaction between cohabitants, the court should examine not only the legal status of such persons and the mode of property, but also reasonable economic targets of their transactions.

REFERENCES

1. Consultant.ru. (2018) *Federal Law dated 26.10.2002 No. 127-FZ (ed. on 27.12.2018) "On Insolvency (Bankruptcy)"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
2. Osmanova, D.O. (2018) Kinship relationships as an instrument of abusive practices in insolvency (bankruptcy). *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie 3*. (In Russian).
3. Noskova, Yu.B. & Kozlova, Yu.N. (2018) Sovmestnaya sobstvennost' suprugov v Rossiyskoy Federatsii i Respublike Uzbekistan: komparativnyy podkhod [Joint property of spouses in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan: a comparative approach]. In: *Aktual'nye problemy tsivilisticheskikh otrasley prava* [Topical issues of civil law branches]. Is. 17. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Consultant.ru. (2010) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.12.2010 No 63 "On some issues related to the application of Chapter III. 1 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
5. Consultant.ru. (2012) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 22.06.2012 No. 35 "On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
6. Consultant.ru. (2008) *Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 127 dated November 25, 2008, "Review of the practice of the application by arbitration courts of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
7. Consultant.ru. (1995) *The Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
8. Consultant.ru. (2002) *The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
9. Consultant.ru. (2015) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part one of the Civil Code of the Russian Federation"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
10. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 48 "On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in citizens' bankruptcy cases"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
11. Zamriy, O.N. (2017) fictitiousness in actual marriage relations: the content and the form of interest. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 2. pp. 66–70. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29432373>. (In Russian).
12. Consultant.ru. (2004) "Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms" (concluded in Rome on 04.11.1950) amended on 13.05.2004. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
13. Levushkin, A.N. (2015) Sudebnoe usmotrenie pri razreshenii semeyno-pravovykh sporov: ob"ektivnaya neobkhodimost' ili problemy zakonodatel'noy praktiki? [Judicial discretion in resolving family law disputes: an objective necessity or problems of legislative practice?]. In: Golubtsov, V.G. & Kuznetsova, O.A. (eds) *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 24–25 oktyabrya 2014 g.): izbrannyye materialy* [Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014): selected materials]. Moscow: Statut. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30533264>.
14. Consultant.ru. (2018) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2018 No. 175-O "On refusal to accept complaints from citizen Aygun Khankishi kyzy Mamedova about violation of her constitutional rights by Clause 1 of Part 1 of Article 3 of the Federal Law 'On Additional Measures of State Support for Families with Children'"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).

15. Katrich, E.V. (2013) K voprosu o zashchite imushchestvennykh prav fakticheskikh suprugov [On the issue of the protection of property rights of de facto spouses]. In: Yakimova, E.M. (ed.) *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere zashchity prav cheloveka i grazhdanina: problemy i perspektivy* [Improvement of legislation in the field of protection of human and civil rights: problems and prospects]. Irkutsk: Baykal State University. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21211244>.
16. Consultant.ru. (2018) *Draft Federal Law No. 368962-7 "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation" (edited and amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of January 22, 2018)*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
17. Karpov, K.V. (2018) [On the legal nature of the de facto marriage relations]. *Aktual'nye problemy chastnogo prava* [Topical issues of private law]. Proceedings of the Interdepartmental Conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36299007>. (In Russian).
18. Kamalova, E.N. & Firsova, N.V. (2017) [Legal relations of property of persons who are in de facto marital relations: practical aspects]. *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke* [Innovative technologies in education and science]. Proceedings of the International Conference. In 2 vols. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "In-teraktiv plyus". pp. 210–213. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29164574>. (In Russian).
19. Volochay, Yu.A. (2015) Vindication of Jointly Acquired Immovable Property Alienated by One of Spouses (Former Spouses) without Consent of Other One (in terms of Comparison of the Russian and German Law). *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 12 (116). [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24720288> (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.12.41
20. Consultant.ru. (2010) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 63 dated December 23, 2010 (as amended on July 30, 2013), "On some issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
21. Dzutseva, D.M. & Butaeva, E.S. (2018) [Division of property acquired in de facto marital relations under the laws of the Russian Federation]. *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations]. Proceedings of the VI International Conference. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie". [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32592114>. (In Russian).
22. Nazarova, A.S. (2016) Pravovoe regulirovanie fakticheskikh brachnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii i SShA [Legal regulation of de facto marital relations in the Russian Federation and the United States]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 5 (60). pp. 61. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35115403>.
23. Malinova, A.G. (2017) Family law and pseudogender ideology. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu – Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*. 4. pp. 102–110. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899612>. (In Russian).

Received: 01 November 2018

Е.Е. Новиков

О ДЕФЕКТАХ И КАЧЕСТВЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматриваются проблемы фиксации юридических фактов в нормах уголовно-исполнительного права. Автор работы на основе анализа дефектов правообразующих и правопрекращающих юридических фактов, юридических фактов-сроков, фактов состояний уголовно-исполнительного законодательства, а также результатов опроса сотрудников исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций выработал ряд критериев, необходимых для качественного закрепления правовых явлений в рассматриваемой отрасли права.

Ключевые слова: юридические факты; уголовно-исполнительное законодательство; дефекты юридических фактов; механизм уголовно-исполнительного регулирования.

Эффективное функционирование механизма уголовно-исполнительного регулирования невозможно без качественного закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве. Однако учеными-юристами уделяется недостаточно внимания рассматриваемым правовым явлениям, что в итоге негативно влияет на качество их закрепления в нормах права.

Одна из основных проблем закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве заключается в несоблюдении следующего правила: *наличие в законодательстве правообразующего юридического факта диктует необходимость определения факта правопрекращающего*. Другими словами, если в уголовно-исполнительном законодательстве определен факт, который влечет за собой возникновение соответствующих правоотношений, то в нормах этого же закона должен быть определен момент, когда отношения будут заканчиваться.

Приведем ряд примеров, свидетельствующих о том, что уголовно-исполнительное законодательство не освобождено от проблем, касающихся фиксации фактов, прекращающих уголовно-исполнительные правоотношения.

Так, законодатель в ч. 4 ст. 116 УИК РФ фиксирует правообразующий юридический факт, порождающий правоотношения, связанные с наложением меры взыскания и определением, когда осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (далее – злостный нарушитель), – это *момент вынесения начальником ИУ постановления о наложении меры взыскания*.

Характер и содержание правоотношений, связанных с признанием осужденного злостным нарушителем, отличаются своими многообразиями. Однако несмотря на серьезность последствий, вызванных рассматриваемым юридическим фактом, в УИК РФ не упоминается о правопрекращающем факте, освобождающим осужденного от статуса злостного нарушителя и полностью ликвидирующим последствия соответствующего правоотношения.

Проведенный опрос и анкетирование сотрудников ИУ¹ выявили, что отсутствие правопрекращающего юридического факта негативно влияет на их практическую деятельность. Так, около 69% респондентов, ссылаясь на ч. 8 ст. 117 УИК РФ, полагают, что, если в

течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не будет подвергнут новому взысканию, то он должен считаться *не только не имеющим взыскания, но и не являющимся злостным нарушителем*. Только 31% опрошенных сотрудников полагают, что за осужденным сохраняется статус злостного нарушителя на весь период отбывания наказания.

Более того, по данным Т.Г. Антонова [1. С. 27], 33% сотрудников ошибочно полагают, что начальник ИУ вправе издать постановление о снятии статуса злостного нарушителя. Это как раз тот случай, когда отсутствие правопрекращающего юридического факта может породить неправомерные действия правоприменителя.

Подводя краткий итог, отметим, что отсутствие юридического факта, прекращающего правоотношение, приводит, во-первых, к неоправданно *длительному* существованию уголовно-исполнительных правоотношений, что «держит» механизм уголовно-исполнительного регулирования в постоянной динамике и, во-вторых, побуждает правоприменителя к действиям, направленным *на прекращение* правоотношений *вопреки предписаниям закона*. Оба варианта неминуемо приводят к сбоям функционирования механизма уголовно-исполнительного регулирования.

Анализируя юридические факты-сроки, отметим, что уголовно-исполнительное право «богато» сроками как в количественном (общее число сроков), так и в качественном выражении (например, выделяют правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие сроки или сроки, создаваемые различными субъектами права и т.д.). Но в большом количестве сроков можно выделить немало проблемных вопросов, требующих ответа.

Одной из проблем юридических фактов-сроков является то, что в ряде случаев в уголовно-исполнительном законодательстве не закрепляются сроки там, где они должны присутствовать. По сути, *в законе отсутствует временной ориентир, позволяющий начать или закончить выполнение правоприменителем необходимых действий*.

Например, если в ч. 2 ст. 75 УИК РФ определено, что администрация СИЗО обязана поставить в известность одного из родственников осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания, то срок, в течение которого должна быть выполнена уста-

новленная обязанность, не установлен. Другими словами, срок, на протяжении которого должно возникнуть правоотношения между администрацией СИЗО и родственником осужденного, не зафиксирован.

С одной стороны, исходя из смысла ч. 2 ст. 75 УИК РФ, администрация СИЗО должна известить родственников осужденного с момента получения наряда на этапирование, в котором указывается место отбывания наказания. С другой стороны, учитывая, что процесс перемещения осужденного может составлять более трех месяцев, не будет нарушением закона, если администрация учреждения известит указанных лиц спустя длительное после направления осужденного в ИУ время.

В данном контексте обратимся к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан [2] (далее – УИК РК), в ч. 2 ст. 90 которого определен двухдневный срок извещения родственников осужденного.

Наличие в уголовно-исполнительной праве проблемы, касающейся закрепления юридических фактов-сроков, подтверждают следующие примеры:

– в ч. 1 ст. 43 УИК РФ не определен юридический факт-срок уведомления администрацией организации, где работает осужденный к исправительным работам, уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) об уклонении лица от отбывания наказания. Обязанность у администрации есть, но факта, обеспечивающего ее выполнение, нет. Отметим, что опрос сотрудников УИИ г. Новокузнецка² показал следующее: в ряде случаев де-юре администрация не отказывается от выполнения указанной обязанности, а де-факто – ее игнорирует.

Еще раз уделим внимание уголовно-исполнительному законодательству Республики Казахстан (ч. 2 ст. 56 УИК Республики Казахстан), в котором закреплены *три рабочих дня* для уведомления службы пробации об уклонении осужденного от отбывания наказания с момента выявления факта уклонения;

– в ч. 1 ст. 91 УИК РФ не зафиксирован срок уведомления администрацией ИУ осужденных «о передаче операторам связи писем, почтовых карточек и телеграмм для их доставки по принадлежности»;

– в ч. 2 ст. 145 УИК РФ не закреплен срок извещения командиром воинской части суда о перемещении осужденного военнослужащего к ограничению по воинской службе на другую должность или местность.

Подводя краткий итог, отметим, что закрепление юридических фактов-сроков необходимо для обеспечения успешной реализации субъектами уголовно-исполнительных правоотношений своих обязанностей.

При закреплении юридических фактов-сроков недостаточно определить временной промежуток, в течение которого должно возникнуть уголовно-исполнительное правоотношение. Необходимо *установить момент, с которого юридический факт-срок начнет действовать*. Приведем ряд негативных примеров, свидетельствующих о несоблюдении указанного правила.

Так, ч. 5 ст. 40 УИК РФ устанавливает десятидневный срок для сообщения осужденным в УИИ об

изменении места работы и места жительства, но в законе не определен момент, «отправная точка» исчисления указанного срока. Дефект юридического факта дает возможность предположить, что десятидневный срок может исчисляться с момента, например, принятия решения об изменении места жительства / работы; начала действий, связанных с изменением места жительства / работы; когда осужденный уже изменил место жительства / работы; заключения трудового договора или договора найма жилого помещения, или регистрации по месту жительства.

Инспектора инспекций отмечают случаи (по их словам, они нередки), когда *de facto*, скрывавшийся от контроля осужденный не привлекался к установленной законом ответственности в связи с незнанием (непониманием), когда срок, установленный в ч. 5 ст. 40 УИК РФ, должен истекать.

Приведем другой пример и отметим ч. 2 ст. 91 УИК РФ, в которой указаны сроки осуществления цензуры писем, почтовых карточек и телеграмм: по общему правилу – не более трех, а в случае, если корреспонденция написана на иностранном языке – не более семи рабочих дней. Но момент исчисления сроков не определен.

Анализ опроса сотрудников ИУ показал, что начало истечения срока цензуры может быть разным: с момента помещения письма в ящик для корреспонденции; с момента получения корреспонденции цензором; с момента вскрытия корреспонденции; с момента начала прочтения, исследования материалов; с момента регистрации письма, почтовой карточки и телеграммы в журнале исходящей / входящей корреспонденции. По сути, каждый из предложенных вариантов может быть верным.

В данной связи значима позиция законодателя Республики Узбекистан, который в ст. 79 УИК РУ указал, что отправка и вручение корреспонденции осужденного должны производиться в «*трехдневный срок со дня поступления письма либо сдачи на отправку*» (курсив мой. – Е.Н.)» [3].

Завершая рассмотрение данного вопроса, отметим, что *при закреплении юридических фактов-сроков в законе должен быть определен момент их исчисления и / или окончания*.

Отсутствие фактов-сроков, определяющих минимальный период обязательного существования ряда конкретных уголовно-исполнительных правоотношений, является еще одним вопросом, требующим ответа.

Данный недостаток предоставляет правоприменителю возможность единолично решать вопрос о периоде существования правовых связей. По сути, субъект права пользуется только установленным законодателем предельным сроком, «верхней» границей существования уголовно-исполнительных правоотношений. Аргументируем свою позицию.

В статье 115 УИК РФ определены максимальные сроки содержания осужденных, например: в штрафном изоляторе (далее – ШИЗО) – *до пятнадцати суток*; в помещениях камерного типа (далее – ПКТ) и в одиночных камерах – *до шести месяцев*; женщин в ПКТ – *до трех месяцев*; в единых помещениях камер-

ного типа (далее – ЕПКТ) – до одного года. Пункт «б» ст. 136 УИК РФ фиксирует максимальный срок содержания несовершеннолетнего осужденного в дисциплинарном изоляторе – до семи суток.

Согласно ч. 4 ст. 117 УИК РФ перевод осужденных в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры, водворение в ШИЗО и ДИЗО производится с указанием срока содержания в них. Однако не в ст. 115 УИК РФ, не в ст. 136 УИК РФ не определены минимальные сроки содержания осужденных в указанных помещениях. Отсюда следует, что правоприменитель вправе определить абсолютно любой срок содержания, например, в ПКТ (один день), что не противоречит закону, но не соответствует принципу рационального применения мер принуждения.

Полагаем, что администрация учреждения при определении срока применения мер взыскания должна иметь возможность ориентироваться не только на «верхний» предел, но и на «нижний». Кроме того, считаем возможным также пересмотреть меры взыскания, предназначенные для осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ (п. «в» 60.14 УИК РФ), ареста (ч. 2 ст. 71 и ч. 2 ст. 153 УИК РФ), содержания в дисциплинарной воинской части п. «в» ст. 168 УИК РФ).

Далее отметим, что отсутствие минимального срока существования уголовно-исполнительных правоотношений можно обнаружить не только в нормах, посвященных мерам взыскания. Например, исходя из содержания ч. 2 ст. 79 УИК РФ, срок содержания осужденных в карантинном отделении составляет «до 15-ти суток». Комментируя данную норму, определим, что отсутствие юридического факта-срока, определяющего низшие границы существования уголовно-исполнительных правоотношений, приводит к минимальному периоду содержания осужденных в карантинном отделении (26 из 27 опрошенных начальников отрядов указали, что сталкивались со случаями помещения осужденных в карантинное отделение на *одни сутки*), что, по нашему мнению, осложняет процесс изучения личности осужденного и его положительной адаптации на первоначальном этапе отбывания наказания.

Интересно, что в уголовно-исполнительном законодательстве присутствуют юридические факты-сроки, которые закрепляют минимальные периоды существования уголовно-исполнительных правоотношений, *но юридические факты, определяющие максимальный период существования правоотношений, отсутствуют*. Так, например, ч. 5 ст. 129 УИК РФ регламентирует, что «при применении к осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях и не занятым общественно полезным трудом, взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30-ти дней им предоставляется право на ежедневную прогулку, продолжительностью *не менее двух часов* (курсив мой. – Е.Н.)». Отсюда следует, что не будет нарушением закона предоставление осужденному такого количества часов для прогулки, которое ограничено только правилами внутреннего распорядка учреждения.

Юридический факт-срок, как и любая другая норма, должен быть точно и конкретно закреплён в законе с отсутствием неопределённого содержания. Это само собой разумеющееся правило соблюдается, по нашему мнению, не всегда.

Раскрывая поставленную проблему, отметим, что в уголовно-исполнительном законодательстве более 60 раз используется предлог «до» с последующим указанием юридического факта-срока: «до 30-ти суток» (ч. 2 ст. 30 УИК РФ), «до 5-ти суток» (ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ), «до 15-ти суток» (ч. 2 ст. 79 УИК РФ), «до 18-ти рабочих дней» (ч. 5 ст. 104 УИК РФ) и т.д. Возникает вопрос (в том числе у опрошенных нами практических работников): закрепляя предлог «до», предоставляет ли законодатель возможность использовать соответствующий факт-срок полностью, т.е. включается ли указанная дата во временной предел действия либо нет?

Решение указанной проблемы содержится в ответе, данном в заключение эксперта-лингвиста, диплом которого наделяет его правом ведения профессиональной деятельности в сфере судебно-лингвистических экспертиз. Приведем выдержку из него: «Таким образом, данные дефиниции указывают на то, что нижняя граница указанной меры в интересующем нас высказывании не обозначена. Это говорит о возможном ее (меры) прекращении до истечения прописанного времени. Верхняя же граница исчисляется 15 сутками включительно. Следовательно, высказывание “до 15-ти суток” охватывает весь обозначенный период, т.е. от первых суток до 15-х, где 15-е сутки – предельный, максимальный срок.

Предлоги *по* и *до*, исходя из их пространственно-временного смысла, являются равнозначными».

В заключении экспертизы содержится следующее предложение эксперта, которое, по нашему мнению, следует учитывать при фиксации юридических фактов-сроков: «В качестве экспертной инициативы отметим следующее. В целях избежания разночтений предлагаем добавить в спорное высказывание слово *включительно*, уточняющее, что пятнадцатые сутки входят в указанный срок».

Таким образом, при закреплении в законе рассматриваемых фактов необходимо уточнять, что правоприменитель имеет *возможность использовать соответствующий факт-срок полностью*. Уточнение может быть осуществлено с помощью слова «*включительно*», например «до семи суток включительно» (п. «б» ст. 136 УИК РФ).

Отдельное внимание следует уделить юридическим фактам-состояниям. Наиболее часто в нормах уголовно-исполнительного кодекса фигурируют следующие состояния: болезни; беременность; алкогольное, наркотическое или токсическое опьянения; состояния, фиксирующие родственные связи, и т.д.

При фиксации родственных связей законодатель использует две категории: *близкие родственники* или *родственники осужденного*.

Категория *близкие родственники* представлена в нормах семейного (ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации) и административного (ст. 25.6 Ко-

декса Российской Федерации об административных правонарушениях) законодательства. Но в ч. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указанное понятие представлено более обстоятельно. Определим, что законодатель в нормах УИК РФ (см., например, ч. 5 ст. 91 УИК РФ) побуждает правоприменителя использовать нормы уголовно-процессуального законодательства при определении степени близкого родства. Так, близкими родственниками, исходя из содержания ч. 4 ст. 5 УПК РФ, являются родители, дети, супруг, супруга, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, сестры, дедушка, бабушка, внуки. Все остальные родственники не являются близкими.

Состояние близкого родства встречается в уголовно-исполнительном кодексе 15 раз. Это значит, что примерно в пятнадцати случаях осужденные, имеющие близких родственников, обладают привилегированным правом или законным интересом в связи с наличием рассматриваемого состояния. Другими словами, анализируемый юридический факт порождает правоотношения, недоступные для осужденных, в связи с отсутствием состояния близкого родства.

Закрепление в законе состояния близкого родства *лишает* осужденных, например:

- законного интереса на возможный уход из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования; на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования; изменение места постоянного проживания в связи со смертью или тяжелой болезнью родственника, не являющимся близким (п. «а» ч. 4, п. «в» ч. 5 ст. 50 УИК РФ);

- законного интереса на изменение места постоянного проживания в случае предоставления неблизкому родственнику осужденного, с которым он проживает, или приобретения родственником, с которыми он проживает, жилого помещения (п. «б» ч. 5 ст. 50 УИК РФ);

- законного интереса на краткосрочный выезд из ИУ в случае смерти или тяжелой болезни просто родственника (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ);

- законного интереса на получение права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родственников, не являющихся близкими (п. «б» ст. 134 УИК РФ);

- права осуществлять денежные переводы неблизким родственникам (ч. 5 ст. 91 УИК РФ).

Кроме того, родственники осужденного, не являющиеся близкими, не имеют права участвовать в деятельности родительских комитетов, создаваемых в воспитательных колониях (ч. 2 ст. 142 УИК РФ), права обратиться в администрацию УИИ с письменным ходатайством об изменении места постоянного проживания осужденного (ч. 7 ст. 50 УИК РФ) и др.

Полагаем, что в условиях наличия изначально нарушенных социально полезных связей осужденных и возможной их деградации в период отбывания наказания, содержание рассматриваемого юридического факта-состояния надо пересмотреть и тем самым со-

здать фундамент для возникновения более обширного круга уголовно-исполнительных правоотношений. Законодателю следует *заменить категорию «близкие родственники» на «родственники» осужденного.*

Кроме того, изменение анализируемого факта-состояния в основном расширит перечень *не прав, а законных интересов* осужденных, что даст возможность администрации учреждений, исполняющих наказания, подходить к каждому конкретному случаю *индивидуально.*

Отчасти сформулированное предложение продиктовано некоторыми данными, полученными в результате опроса. Так, 76% опрошенных сотрудников УИИ считают возможным индивидуально подходить к решению вопросов, связанных с предоставлением осужденным, имеющим родственников, не являющихся близкими, законных интересов, предусмотренных нормами п. «а» ч. 4, пп. «б» и «в» ч. 5 ст. 50 УИК РФ. Практически все опрошенные сотрудники мест лишения свободы (94%) считают возможным изменить рассматриваемый факт-состояние и закрепить право осужденным осуществлять денежные переводы всем категориям родственников.

Болезнь осужденного является особым юридическим фактом-состоянием, так как его наличие в ряде случаев *кардинально* влияет на уголовно-исполнительные правоотношения и механизм уголовно-исполнительного регулирования. Рассматриваемое состояние может быть двух видов: тяжелая болезнь и болезнь, не являющаяся таковой.

Состояние тяжелой болезни упоминается в нормах уголовно-исполнительного права несколько раз. Но даже в этом ограниченном количестве случаев упоминания фактов тяжелой болезни существуют вопросы, требующие ответов.

Например, в ч. 3 ст. 26 и ч. 4 ст. 42 УИК РФ отмечается, что случаях тяжелой болезни осужденного к обязательным или исправительным работам, препятствующей отбыванию наказания, *он вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания.* Фиксация в законе рассматриваемых юридических фактов обоснована, так как отбывание указанных видов наказаний сопряжено с трудовой деятельностью, которую выполнить не представляется возможным в связи с наличием тяжелой болезни.

Кроме того, то, что факт тяжелой болезни, препятствующий отбыванию наказания, дает возможность осужденному обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания, зафиксирован в ч. 6 ст. 175 УИК РФ.

Возникает вопрос: почему указанные нормы предоставляют возможность ходатайствовать об освобождении от отбывания наказания не только осужденному, но и, например, администрации учреждения, исполняющего наказания, или иным лицам? Логично предположить, что состояние тяжелой болезни может являться препятствием, мешающим обращению осужденного в суд. Не исключено возникновение ситуации, когда осужденный по собственной инициативе не будет ходатайствовать перед судом об освобождении его от отбывания наказания.

Аналогичные проблемные вопросы возникают при анализе *состояния беременности*. На сегодняшний день, исходя из содержания ч. 3.1 ст. 26, ч. 5 ст. 42 и ч. 9 ст. 175 УИК РФ, *только женщина*, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, *вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам*. Полагаем, что в предродовой и послеродовой периоды отбывать наказание, связанное с выполнением трудовой деятельности, представляется затруднительным. В связи с этим администрации учреждения, исполняющего наказание, родственникам и иным лицам должна быть предоставлена возможность ходатайствовать перед судом об отсрочке осужденной от отбывания наказания.

Таким образом, *при закреплении фактов состояний тяжелой болезни или беременности, порождающих правоотношения, связанные с освобождением от отбывания наказания или его отсрочкой*, законодатель во всех случаях должен предоставить возможность *обращаться в суд не только осужденному, но администрации учреждения, исполняющего наказания, и иным лицам*.

Юридические факты должны закрепляться в правовых нормах с учетом соответствия устоявшейся терминологии, от которой зависит успех развития уголовно-исполнительных правоотношений. Анализ норм уголовно-исполнительного права показал, что в нем содержится достаточно определений, имеющих терминологическую неточность.

Так, исходя из анализа содержания ч. 3 ст. 18 УИК РФ, решение *медицинской комиссии* может являться основанием применения к осужденному обязательного лечения и влечет за собой серьезные правовые последствия: осужденные, не прошедшие обязательного лечения, не могут быть направлены в колонию-поселение из исправительных колоний общего или строгого режимов («г» ч. 3 ст. 78 УИК РФ) или, например, уклонение от обязательного лечения будет являться основанием для признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ).

Однако проблема состоит в том, что законодательство о здравоохранении и медицине в основных юридических документах (например, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») термин *медицинская комиссия* не использует. Вопросы, связанные с диагностикой, лечением и назначением лекарственных препаратов, коррекции лечения и т.д., решает *врачебная комиссия* (ст. 48 Федерального закона) или *консилиум врачей* в случаях, необходимых для определения прогноза, тактики медицинского лечения и т.д. Другими словами, федеральное законодательство о здравоохранении и медицине «не знает» термина *медицинская комиссия*.

Так как медицинская комиссия не упоминается в основных документах, касающихся здравоохранения и медицины, все ее действия, связанные с медицинской деятельностью, являются спорными.

Продолжая тему закрепления медицинской терминологии, отметим, что законодатель в нормах уголовно-исполнительного права (например, в ч. 3 ст. 18, ч. 2 ст. 76, ч. 2 ст. 96 УИК РФ) использует следующий материальный юридический факт – *открытая форма туберкулеза*, наличие которой существенно влияет на правовое положение осужденных.

Несмотря на обыденность употребления рассматриваемого термина, его *не используют* в законодательстве о здравоохранении и медицине, в частности в Федеральном законе от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [4]. Международный классификатор болезней Десятого пересмотра³ выделяет 37 видов туберкулеза, среди которых открытая форма не указана.

Отметим, что Федеральным законом «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» определены следующие две его формы: *активная и заразная формы туберкулеза*. Полагаем, что термин *открытая форма туберкулеза* следует заменить на *заразная форма туберкулеза*, так как при последней, в соответствии со ст. 1 рассматриваемого документа, «происходит выделение микобактерий туберкулеза».

Открытым остается вопрос закрепления в уголовно-исполнительном праве термина *медико-социальная реабилитация*.

Исходя из содержания ч. 6 ст. 178.1 УИК РФ, уклонение от медико-социальной реабилитации является юридическим фактом, порождающим уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с отменой отсрочки отбывания наказания лицу, признанному больному наркоманией. Но в нормах, например, уголовного (например, ст. 82.1 УК РФ) и административного (например, ст. 6.9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]) законодательства, законодательства о здравоохранении и медицине (например, гл. VII Федерального закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [6], ст. 40 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») справедливо используются два различных термина: *медицинская реабилитация* и *социальная реабилитация*.

Краткий анализ терминов, формирующих в юридические факты, показал их прямое, а в ряде случаев концептуальное влияние на уголовно-исполнительные правоотношения. При *закреплении терминов*, «не принадлежащих» *уголовно-исполнительному праву*, законодатель должен обращать на их формулировку в нормах той отрасли права, к которой они относятся.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства показал то, что ряд уголовно-исполнительных правоотношений не может возникнуть в связи с тем, что *юридический факт*, готовый дать толчок развитию правовых связей, *не закреплён в нормах права, факт отсутствует*. Если правоотношение все-таки образуется, то его возникновение и развитие можно истолковать как нарушение закона.

Аргументируем наличие сформулированной проблемы и приведем следующие примеры.

В части 1 ст. 85 УИК РФ зафиксирован перечень материальных юридических фактов, возникновение которых порождает уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с введением режима особых условий в ИУ. Так, режим особых условий может быть введен в случае наличия следующих фактов: «...стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в исправительном учреждении...».

Полагаем, что в ч. 1 ст. 85 УИК РФ обозначены не все юридические факты, являющиеся основаниями введения режима особых условий в ИУ. Так, например, *при захвате заложников* в ИУ администрация учреждения не должна применять меры, свойственные режиму особых условий, что является, с одной стороны, абсурдным поведением с точки зрения реальной действительности, но, с другой стороны, правомерным и обоснованным бездействием, продиктованным содержанием юридического предписания. Следует отметить, что небольшое количество захватов заложников в ИУ (два случая в 2017 г.) нивелирует ежегодная периодичность рассматриваемых преступных действий.

Групповой побег из исправительного учреждения, угроза (реальное нападение) вооруженного нападения на места лишения свободы также не будут являться основаниями введения режима особых условий в ИУ [7. С. 14–15].

Подводя итог исследованию качества закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве, сделаем следующие выводы.

1. Одна из проблем закрепления юридических фактов в уголовно-исполнительном законодательстве заключается в несоблюдении следующего правила: *«наличие в законодательстве правообразующего юридического факта диктует необходимость определения факта правопрекращающего»*. Указанное обстоятельство, во-первых, может привести к неоправданно длительному существованию уголовно-исполнительных правоотношений, что «держит» механизм уголовно-исполнительного регулирования в постоянной динамике. Во-вторых, является детерминантом совершения правоприменителем действий, направленных на прекращение правоотношений вопреки предписаниям закона.

2. Анализ юридических фактов-сроков выявил следующий ряд проблем:

– в ряде случаев, *отсутствуют временные ори-*

ентиры, позволяющие начать или закончить выполнение правоприменителем необходимых действий;

– не всегда *зафиксированы моменты (точки отчета), с которых юридический факт-срок начнет действовать;*

– *отсутствуют факты-сроки, определяющие минимальный период обязательного существования ряда конкретных уголовно-исполнительных правоотношений*, что является еще одной проблемой, отрицательно влияющей на механизм уголовно-исполнительного регулирования. Кроме того, выявлена необходимость закрепления в некоторых нормах уголовно-исполнительного законодательства *юридических фактов, определяющих максимальный период существования правоотношений;*

– при использовании предлога «до» с последующим указанием юридического факта-срока законодатель должен дополнить норму словом *включительно*, уточняющим, что правоприменитель будет иметь возможность использовать соответствующий факт-срок полностью, например, *до 15 суток включительно*.

3. При закреплении юридических фактов-состояний *отдельное внимание следует уделить состояниям, связанным с фиксацией степени родства и состояния здоровья*. Так, при определении родственных связей законодателю следует задуматься над заменой категории «*близкие родственники*» на «*родственники*» осужденного.

При закреплении фактов-состояний *тяжелой болезни или беременности*, порождающим правоотношения, связанные с освобождением от отбывания наказания или его отсрочкой, законодатель во всех случаях должен предоставить возможность обращаться в суд не только осужденному, но и администрации учреждения, исполняющего наказания, а также иным лицам.

4. Термины, формирующие юридические факты, оказывают концептуальное влияние на уголовно-исполнительные правоотношения. При закреплении терминов, «не принадлежащих» уголовно-исполнительному праву, законодатель должен обращать внимание на их формулировку в нормах той отрасли права, к которой они относятся.

5. Анализ уголовно-исполнительного законодательства выявил то, что ряд правоотношений, в формировании которых есть объективная необходимость, не могут возникнуть в связи с отсутствием юридического факта, их порождающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всего было опрошено и проанкетировано 103 сотрудника, работающих в различных видах исправительных учреждений, из них: начальники ИК, СИЗО – 21 человек; заместители начальников ИК, СИЗО – 5 человек; начальники отряда – 77 человек.

² Всего было опрошено 32 инспектора филиалов по Новокузнецкому, Центральному, Кузнецкому, Заводскому, Куйбышевскому, Орджоникидзевскому и Новоильинскому районов г. Новокузнецка, ФКУ УИИ ГУФСИН России по Кемеровской области.

³ Данный документ (МКБ-10, англ. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems) используется как ведущая статистическая и классификационная основа в здравоохранении и является нормативным документом, обеспечивающим единство методических подходов в медицине. В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 170 от 27 мая 1997 г. «О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем X пересмотра» в России органы и учреждения здравоохранения осуществили переход на МКБ-10 в 1999 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Т.Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания» // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 24–29.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723#pos=1;-117 (дата обращения: 03.09.2018).
3. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421376#pos=0;0 (дата обращения: 08.05.2018).
4. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 26. Ст. 2581.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.
7. Абышев В.А. Правоохранительная система деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайной ситуации криминального характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2018 г.

On Defects and the Quality of Codification of Legal Facts in the Correctional Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 212–218.

DOI: 10.17223/15617793/440/29

Egor E. Novikov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: mavr-85@mail.ru

Keywords: legal facts; penal legislation; defects in legal facts; mechanism of criminal executive regulation.

The article reveals a set of problems associated with the consolidation of legal facts giving rise to correctional legal relations. The aim of the article is to develop quality criteria (rules) for fixing legal facts in the correctional law. Based on the analysis of right-forming and right-terminating legal facts, legal deadlines, facts of the state of the correctional law, special legal terminology, as well as the results of a survey of employees of correctional institutions and inspectorates, the author revealed defects in fixing legal facts in the correctional law. As a result of the study, the following conclusions have been made, which are necessary for the qualitative fixation of legal facts in the correctional law: (1) When fixing legal facts in the correctional law, it is necessary to take into account the fact that the “presence in the legislation of a right-forming legal fact dictates the need to determine a right-terminating fact. A failure to comply with this rule, firstly, can lead to unjustifiably long correctional relations, which gives dynamics to the mechanism of correctional regulation. Secondly, it makes a law enforcer act to terminate legal relations contrary to the requirements of the law. (2) When fixing legal deadlines, special attention should be paid to the fixation of temporal guidelines for a law enforcement agent to start or finish the necessary actions; moments from which legal deadlines take effect; legal deadlines determining the minimum and maximum periods of the obligatory existence of a number of specific correctional legal relations. In addition, when using the preposition “before” followed by a legal deadline, the legislator should supplement the rule with the word “inclusive”, specifying that the law-enforcer will have the opportunity to use the corresponding deadline in full. (3) When determining family ties, the legislator should replace the category “close relatives” with “relatives” of the convict, which, given the presence of initially impaired socially useful relations of convicts and their possible degradation during the period of serving the sentence, will create the foundation for the emergence of a wider range of relevant relationships. (4) When fixing the terms “not belonging” to the correctional law, the legislator should refer to their wording contained in the norms of the branch of law to which they relate.

REFERENCES

1. Antonov, T.G. (2017) Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya statusa “zlostnyy narushitel' ustanovlennogo poryadka i usloviy otbyvaniya nakazaniya” [Problems of legislative consolidation of the status “malicious violator of the established order and conditions of serving the sentence”]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (31). pp. 24–29.
2. Republic of Kazakhstan. (2014) *The Penal Code of the Republic of Kazakhstan of July 5, 2014, No. 234-V*. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723#pos=1;-117. (Accessed: 03.09.2018). (In Russian).
3. Republic of Uzbekistan. (1997) *The Penal Code of the Republic of Uzbekistan* (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan of April 25, 1997, No. 409-I). [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421376#pos=0;0. (Accessed: 08.05.2018). (In Russian).
4. Russian Federation. (2001) O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 18.06.2001 № 77-FZ (s posled. izm. i dop.) [On the prevention of the spread of tuberculosis in the Russian Federation: Federal Law No. 77-FZ dated June 18, 2001 (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 26. Art. 2581.
5. Russian Federation. (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (s posled. izm. i dop.) [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1 (Pt. 1). Art. 1.
6. Russian Federation. (1998) O narkoticheskikh sredstvakh i psikhotropnykh veshchestvakh: Federal'nyy zakon ot 08.01.1998 № 3-FZ (s posled. izm. i dop.) [On narcotic drugs and psychotropic substances: Federal Law dated January 8, 1998, No. 3-FZ (with further amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2. Art. 219.
7. Abyshov, V.A. (2010) *Pravookhranitel'naya sistema deyatel'nosti uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v usloviyakh chrezvychaynoy situatsii kriminal'nogo kharaktera* [Law enforcement system of institutions of the penitentiary system in an emergency situation of a criminal nature]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 01 November 2018

М.С. Саликов, С.Э. Либанова, И.Ю. Остапович

КОНСТИТУЦИОННО-КОНТРОЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ЖИВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Раскрывается особенность реализации доктрины живой конституции в Российской Федерации посредством конституционно-контрольного нормотворчества. В результате анализа авторами сделаны выводы о достоинствах и недостатках конституционно-контрольного нормотворчества, его влияния не только на развитие права и правоприменение, но и на формирование гражданского общества.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; живая конституция; толкование конституции; гражданское общество.

Живая конституция. Любая конституция не может не развиваться. Если она не фиктивна, а реальна, то она не может не рефлексировать действительность. Последняя же отнюдь не статична. Однако при рассмотрении сути и порядка изменения текста конституций в доктрине кроме поправок и пересмотра используются разные термины, в частности: модификация, превращение, трансформация, замещение, модернизация, реформирование, преобразование, развитие и др. [1. С. 223–235]. Каждый из названных терминов оттеняет тот или иной аспект изменения Основного закона. В то же время, как нам представляется, все эти процессы как текстуального, так и нетекстуального изменения укладываются в привычный, традиционный институт – развитие Конституции. Причем следует отдавать себе отчет в том, что развитие может быть позитивным или прогрессивным (расширение перечня конституционных прав и свобод граждан, субъектов федерации, введение новых или совершенствование существующих механизмов защиты прав человека и т.д.), нейтральным (изменение срока пребывания в должности главы государства или срока полномочий парламента и др.) и негативным или регрессивным (отмена выборов отдельных должностных лиц, отмена норм, ограничивающих количество сроков пребывания в должности главы государства, установление неоправданных ограничений или условий реализации прав граждан и др.). Следовательно, вопрос не в том, может и должна ли развиваться Конституция, а в том, каким образом, какими путями и в каких формах она развивается.

Конституционный текст (юридическая конституция) – довольно консервативная субстанция, он имеет свойство отставать от актуальных общественных отношений (фактической конституции). В этой связи по большому счету имеется два способа его адаптации к современным реалиям – внесение соответствующих поправок, что не всегда возможно сделать в оперативном режиме (причины могут быть самые разные, в том числе политического характера), либо применение института толкования Основного закона посредством уполномоченного органа. В зависимости от применяемой в том или ином государстве модели конституционного контроля это может быть как общий, так и конституционный суд (или квазисудебный орган). Данный орган в своей деятельности может опираться как на традиционные или консервативные

методы конституционной интерпретации, т.е. на буквальный смысл конституционных положений, заложенный при принятии Основного закона (в доктрине данный подход получил наименование «оригинализм» или «юридический позитивизм» [2–4]), так и на эволюционные методы, предполагающие необходимость выявления духа и смысла конституции в контексте современного развития (доктрина «правового реализма» или «живой конституции» [5–9; 10. С. 77]). Исходя из теории живой конституции (Living Constitution), содержание конституции не является статичным феноменом, а постоянно развивается под влиянием социальных изменений в обществе. По мнению В.Д. Зорькина, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой Конституции”». Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции Российской Федерации, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий» [11]. Как подчеркивает Н.С. Бондарь, «посредством конституционного правосудия конституционализм как особый политико-правовой режим демократического государства актуализируется с учетом конкретно-исторических условий своего развития, превращается в “живой” конституционализм на основе вырабатываемых правовых позиций Конституционного Суда, относящихся как к нормам и институтам конституционного и других отраслей права, так и к практике их реализации» [12. С. 101]. То есть доктрина живой конституции является приемлемой для российских реалий и уже применяется в практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее Конституционный Суд РФ или Конституционный Суд).

Одним из наиболее ярких примеров является решение Суда по делу «О назначении губернаторов». В постановлении Конституционного Суда, в частности, говорится: «...поскольку положения Конституции Российской Федерации проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным Су-

дом Российской Федерации в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции Российской Федерации применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования» [13].

Толкование Конституции. Выявление Конституционным Судом как буквального смысла, так и «духа» конституционных положений особенно видно при реализации им функции толкования Основного закона. Основываясь на общепринятой классификации толкования правовых норм [14], можно отметить, что Конституционный Суд РФ осуществляет как официальное (нормативное), так и казуальное толкование. При этом достаточно важным становится признание его исключительности, что имеет место в законодательстве России (ст. 125 Конституции РФ, ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В результате толкования орган конституционного контроля дает правовую оценку рассматриваемым нормам и степени их соответствия Основному Закону государства. Говоря об объективных и субъективных пределах толкования, следует отметить, что объективные пределы очерчиваются действующим законодательством и могут быть ограничены «самой Конституцией» [15. С. 3–12]. Субъективные границы толкования определяют используемые судьями Конституционного Суда приемы и способами толкования [16]. Так, Б.С. Эбзеев выделяет пять таких способов толкования: систематическое, филологическое, историко-политическое, логическое и телеологическое [17]. В связи со значительной широтой усмотрения в процессе толкования Конституции рассматриваемые методы можно считать некими рамками для судей. Причем указанные способы могут применяться в связке [18]. Гарантии добросовестности субъективных пределов не вызывают сомнений и определены высокими квалификационными требованиями, предъявляемыми к кандидатам на занятие должности судьи. Именно этот аспект призван не допустить ситуацию, когда преобразовательная роль Конституционного Суда войдет в противоречие с его охранительной ролью и начнет жить «самостоятельной жизнью», выйдя за рамки задачи правовой охраны Конституции.

Посредством принимаемых актов (результатов толкования права) суды во многом устраняют либо нивелируют ошибки законодателя, смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы [19. С. 145]. Следует согласиться, что совершенного и беспробельного законодательства нет [20. С. 352]. Отмеченное естественно оказывает влияние на всю правовую систему. Это нередко приводит к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина и других конституционных установлений. Несмотря на то что Конституционный Суд не наделен специальными полномочиями оценивать конституционность последствий несбалансированно-

го, пробельного или противоречивого правового регулирования, на практике данная проблема возникает нередко. Если возникшие вышеуказанные обстоятельства нарушают или могут нарушить конкретные конституционные права, они могут являться основанием для проверки его конституционности [20]. При этом в процессе толкования нормативных установлений неизбежно проявляются элементы творчества, преодолеваются имеющиеся пробелы в правовом регулировании и зачастую происходит приближение к грани, отделяющей толкование от нормотворчества, а иногда и пересечение этой грани [21. С. 4]. Таким образом, классические концепции судебного нормотворчества получают новое отражение в деятельности Конституционного Суда РФ [22. С. 130–137; 23. С. 304], в частности, проявлении попутной функции – конституционно-контрольного нормотворчества [24]. Данная функция реализуется посредством толкования, причем как официального (нормативного), так и казуального.

Толкование может выступать средством дополнительного регулирующего воздействия на содержание акта в случае конкретизации отдельных нормативных положений [25]. При этом разъяснения, даваемые юрисдикционными органами, являются нормативными в том плане, что имеют общий характер [26. С. 134]. Из этого можно заключить, что результат толкования как юридический акт и как процессуальная деятельность уполномоченного органа, не вторгаясь в компетенцию законодателя, позволяют выявлять и устранять противоречия и пробелы как в нормотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Отличительным признаком конституционно-контрольного нормотворчества является то, что толкование, осуществляемое Конституционным Судом, может существенно изменить содержание нормы либо вообще признать ее неконституционной.

Как справедливо полагают ученые, формирование общих правил поведения в данном случае заключается в интерпретации конституционных норм, с помощью которой в правовом пространстве формируются правовые позиции, имеющие нормативное содержание [27. С. 183; 28. С. 21–24]. Отмеченное выступает средством «преобразования» («оживления») конституционных норм [29. С. 56] и является видом деятельности, близким к нормотворчеству [30. С. 45–51]. При этом дословный текст интерпретируемой нормы не является преградой для толкования органом конституционного контроля, потому что он выполняет в данном случае нормотворческую функцию [31. С. 5–12].

Таким образом, толкование, как официальное, так и казуальное, осуществляемое Конституционным Судом, выступает своеобразным вариантом нормотворческого процесса – конституционно-контрольным нормотворчеством, реализуемым в деятельности исключительно этого органа.

Конституционно-контрольное нормотворчество. Рассмотрим некоторые примеры развития конституционных положений в практике Конституционного Суда в области формирования органов местного самоуправления. Так, во второй половине 90-х гг. Кон-

ституционный Суд, в своих решениях, акцентировал внимание на том, что «городские и сельские муниципальные образования предназначены – для решения вопросов местного значения» [32]. Поэтому вводимое правовое регулирование должно обеспечивать безусловное право населения или избранных им представительных органов местного самоуправления «...самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц, формировать органы местного самоуправления» [33].

Спустя 10 лет Конституционный Суд указывает на то, что в целях обеспечения необходимого уровня гарантирования баланса местных и общегосударственных интересов [34] в отношении определенной категории муниципальных образований допускается иной, чем непосредственное волеизъявление граждан, способ наделения полномочиями главы муниципального образования [35]. Далее Конституционный Суд, продолжая раскрывать внутренний потенциал Основного закона, отмечает, что «самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти» [36]. Кроме того, самостоятельность местного самоуправления, проявляющаяся в вопросах определения структуры его органов, служит базой для его интеграции в систему публичной власти, тем самым обуславливается необходимость сбалансированного сочетания в его организации и деятельности общегосударственных, региональных и местных интересов [37].

В итоге появляется модель, при которой глава муниципального образования в случае его избрания представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, возглавляет местную администрацию [38]. При этом половина членов конкурсной комиссии назначается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) [Там же]. Более того, как отмечается в решении Конституционного Суда, органы государственной власти могут оказывать на местное самоуправление регулирующее воздействие, учитывая необходимость достижения конституционных целей государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации [39].

Таким образом, без изменений текста Конституции РФ, по сути, был осуществлен переход от «модели самостоятельного местного самоуправления» без вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц формировать органы местного самоуправления, к «модели непосредственного участия органов государственной власти субъектов РФ в формировании глав муниципальных образований». Такой подход, как указывает Конституционный Суд РФ, соответствует социально-историческому контексту и основан на том, что Конституция Российской Федерации прямо не называет главу муниципального образования в числе избираемых населением напрямую [40].

В этой связи особый интерес представляет высказывание В.Д. Зорькина о том, что конструкция ст. 12 Конституции РФ дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти), в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации [11]. Вместе с тем публичное представительство имеет двойственную природу: политическую и правовую одновременно [41. С. 186–198]. Представляется, что Конституционный Суд еще вернется к «оживлению» Конституции в сфере местного самоуправления.

Далее хотелось бы обратить внимание на особенности самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества, а также на проблемы воздействия на механизм правоприменения и процесс формирования правовой культуры.

Самостоятельное и косвенное конституционно-контрольное нормотворчество. В практике Конституционного Суда России самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество проявляется не во всех постановлениях и определениях. Так, некоторые решения могут сочетать индивидуальные начала, другие – обладать нормативными свойствами, при этом сущностью нормативности выступает общий характер. Необходимо сделать оговорку, что Конституционный Суд нормотворчеством в «чистом виде» не занимается.

Самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество возникает тогда, когда Конституционный Суд РФ сталкивается с пробелом в законодательстве, с неконституционным законом, с нормой правового акта, требующей выявления конституционно-правового смысла. В указанных случаях Конституционный Суд формулирует правила поведения, которые становятся общим регулятором правоотношений на всей территории государства. Самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество имеет следующие стадии: прямое (непосредственное) и косвенное (опосредованное).

Прямое (непосредственное) конституционно-контрольное нормотворчество – определение Судом временного общего (нормативного) правила поведения посредством толкования до принятия соответствующего закона. Правоприменитель ориентируется на решения Конституционного Суда, что способствует последовательной и системной реализации конституционных принципов и норм.

Косвенное конституционно-контрольное нормотворчество проявляется в ситуации когда на основе решения Конституционного Суда принимается соответствующий нормативный правовой акт. Так, Конституционный Суд РФ регулярно использует формулировку «федеральному законодательству надлежит» [42] либо требует незамедлительно принять меры по устранению правовой неопределенности [43] внести в законодательство изменения, основанные на его правовой позиции [44], в некоторых случаях указывает, что выявленный конституционно-правовой смысл проверяемой нормы не препятствует федеральному

законодательно установить пределы правового регулирования [45].

На практике возможно сочетание как прямого, так и косвенного конституционно-контрольного нормотворчества. Грань между прямым и косвенным конституционно-контрольным нормотворчеством – принятие нормативного правового акта, т.е. как только нормативный правовой акт вступает в действие, прямое (непосредственное) конституционно-контрольное нормотворчество трансформируется в косвенное (опосредованное).

Именно в результате проявления самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества Конституция РФ становится «живым» организмом, который постоянно развивается [46]. В частности когда Конституционный Суд опирается не столько на букву, сколько на дух Конституции.

Ярким примером осуществления прямой самостоятельной нормотворческой функции Конституционного Суда РФ является практика раскрытия им основополагающих принципов римского права. *Lex specialis derogat generali* – «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон» [47]. *Lex posterior derogat legi priori* – «позднейшим законом отменяется более ранний» [48, 49]. *Lex superior derogat legi inferior* – «закон высшей юридической силы отменяет действие закона низшей юридической силы» [50]. *Lex posterior generalis non derogat priori speciali* – «последующий общий закон не отменяет более раннего специального закона аналогичной юридической силы, если это особо не оговорено в самом законе» [51]. *Non bis in idem* – «не дважды за одно и то же». Конституционным Судом РФ подчеркнуто значение этого принципа во взаимосвязи с обеспечением правовой безопасности, правовой определенности и стабильности [52]. Кроме того, раскрыты отличия данного принципа от общеправового принципа справедливости [53].

В деятельности федерального законодателя непосредственно принципы римского права оказались невостребованными, хотя в практике их применяют, что очередной раз подтверждает фактическое признание прямой конституционно-контрольной нормотворческой функции Конституционного Суда РФ.

Крайне интересным представляется пример рассмотрения Конституционным Судом РФ вопросов, связанных с конституционностью назначения наказания в виде смертной казни иным составом суда, чем суд с участием присяжных заседателей. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П указано следующее: недопустимо назначение смертной казни до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории России право на рассмотрение дела «судом присяжных». Такое наказание назначаться не может независимо от того, каким составом суда рассматривается уголовное дело [54]. После окончательного формирования во всех субъектах института присяжных заседателей Конституционный Суд РФ в определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р разъяснил, что в системе действующего правового регулирования были сформированы устой-

чивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни. Следовательно, введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории России не открывает возможности применения смертной казни [55].

Таким образом, несмотря на то что текст ч. 2 ст. 20 Конституции РФ остался неизменным и предусматривает смертную казнь в качестве исключительной меры наказания, на практике, руководствуясь правовыми позициями Конституционного Суда, она не применяется в России с 1999 г.

В другом случае, следуя представлениям о неограниченности права на судебную защиту, Конституционный Суд РФ принял решение о возможности рассмотрения судом присяжных уголовных дел в отношении женщин [56]. Для судебной практики это означает невозможность отказа в удовлетворении ходатайства обвиняемой о рассмотрении ее дела судом присяжных. При этом для избежания споров об отказе в доступе к правосудию Конституционный Суд РФ специально оговорил, что названное постановление будет применяться судами, если судебные заседания по уголовным делам еще не назначены к рассмотрению. Во всех остальных случаях подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела заявительницы) не подлежат.

Кроме того, Конституционный Суд в своих решениях указывал о возможности использования обратной силы законов [57], а в некоторых случаях позволял судам ретроактивное применение норм Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений [58]. Из этого можно заключить, что самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество получает определенную взаимосвязь с необходимостью корректировки принципа «обратной силы» благодаря процедурам конституционного судопроизводства при условии соразмерности и разумности таких корректировок и при соблюдении баланса конституционно-защищаемых ценностей.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в ходе проявления самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества развивает Конституцию РФ без изменения текста посредством раскрытия ее духа, тем самым помогая государству идти в ногу со временем и отстаивать свои национальные интересы [59]. Раскрытие заложенных идей в Конституции РФ позволяют чувствовать себя единой страной, строить правовую систему на современных началах, являться полноценным членом семьи цивилизованных народов [60]. Еще предстоит пройти большой путь практической реализации положений Конституции РФ, раскрытия и осознания ее норм.

Правоприменительный аспект. Воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на юридическую практику происходит с учетом общеобязательности сформулированных правовых позиций. В основу реализации предоставленных Конституционному Суду полномочий, в части обеспечения единства судебной практики, положено верховенство конституционных предписаний [61. С. 26; 62. С. 34].

Так, Конституционный Суд обеспечивает формирование конституционного единства практики общих и арбитражных судов. Несмотря на отсутствие в России «закона о законах», в котором возможно было бы закрепить фактический статус решений Конституционного Суда, частично их влияние на единство судебной практики компенсируется наличием оснований пересмотра судебных решений в случае признания Судом закона не соответствующим Конституции РФ. При этом процессуальное законодательство России умалчивает о последствиях в случае признания закона не противоречащим Конституции, когда выявляется конституционно-правовой смысл рассматриваемого закона как в постановлениях, так и в отказных определениях. По нашему мнению, данный пробел является существенным, его восполнение будет способствовать конституционному единству правоприменительной практики [63. С. 103–105].

Кроме того, особую роль в конституционализации единства судебной практики играет и Верховный Суд РФ, который долгое время ориентировал суды на «прямое применение Конституции» в узком смысле, т.е. без учета позиций Конституционного Суда РФ [64]. Поэтому в российской судебной практике решения Конституционного Суда РФ редко учитывались судами общей юрисдикции. Эта ситуация получила критическую оценку (К.Б. Калиновский, С.Э. Либанова, А.А. Маркин, И.Ю. Остапович) [65. С. 140–146; 66. С. 71–74; 67. С. 259–261]. Конституционный Суд в настоящее время не наделен полномочиями по проверке конституционности постановлений Пленума Верховного Суда РФ. За период действия ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» это было подтверждено в пяти актах Конституционного Суда РФ [68]. В свою очередь, праворазыяснительная деятельность Верховного Суда РФ в российской правовой доктрине рассматривается как толкование закона и «обязательный образец» для разрешения судебных дел [69. С. 298; 70. С. 119–121]. При этом выявленный органом конституционного контроля конституционно-правовой смысл положения закона, признанного соответствующим Конституции РФ, является обязательным для применения судами.

В 2013 г. Верховный Суд в своем Постановлении Пленума дал более широкое понимание «прямого применения Конституции РФ», а именно: теперь суды должны применять Конституцию РФ в том понимании, которое раскрывается Конституционным Судом РФ [71]. Следующая позитивная динамика со стороны Верховного Суда РФ прослеживается в Определении по делу № 307-КГ14–4737, где указано, что основанием для пересмотра по новым обстоятельствам судебных актов по делу заявителя в связи с принятием акта Конституционным Судом РФ является не конкретный, принятый им судебный акт, т.е. решение, под которым в юридической науке могут пониматься и решения, и постановления, и определения, а выявленный и сформулированный в конкретном судебном акте конституционно-правовой смысл нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался [72]. По сути, Верховный Суд РФ указал нижестоящим судам о применении «нормативности» ре-

шения Конституционного Суда РФ как истинного конституционализированного источника, а главное, обозначил фактический статус отказных определений Конституционного Суда РФ.

В условиях правового государства роль закона возрастает, и вместе с ней возрастает роль правоприменителя, нередко призванного преодолевать противоречия между нормами права и фактическими условиями жизни людей. Усиливается и роль доктринального толкования закона, поскольку, во-первых, в деятельности Конституционного Суда принимают участие высококвалифицированные юристы, чей научный профессионализм является одним из определяющих критериев при назначении на должность. Во-вторых, Конституционный Суд при изучении вопроса привлекает научных специалистов – *amici curiae* (так называемых друзей суда). Проведенный О.Н. Кряжковой анализ заключений *amici curiae* показывает, что наблюдаются признаки их влияния на Конституционный Суд или на отдельных судей [73. С. 87–105].

При недостаточной степени системности, плановости и скоординированности конституционно-контрольное нормотворчество зачастую оказывается важнейшим, а иногда – практически единственным средством приспособления закона к перманентно возникающим и динамично развивающимся общественным отношениям. Вследствие этого воздействие конституционно-судебного контроля приобретает специфическую форму. Динамическая трансформация правовых позиций – на фоне нестабильности системы права – способствует заполнению ими правовых пробелов.

Воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на юридическую практику – с учетом общеобязательности и неизменности их решений – носит прикладной характер.

Так, например, Конституционный Суд РФ прямо указывал, что проверяемые положения закона заведомо определяют решение суда, и на этом основании указывал направления осуществления судебной защиты до внесения изменений в действующее законодательство [74]. Проверяемые нормы признавались при этом неконституционными. В другом решении Конституционный Суд разъяснил, что действующее законодательство об охране государственной тайны не дает оснований для ограничения конституционного права на защиту и квалифицированную юридическую помощь [75]. При этом было установлено соответствие Конституции РФ проверяемых норм. В обоих случаях правовые позиции Конституционного Суда РФ адресованы в первую очередь правоприменителю и имеют общий характер, потому как предназначены для формирования юридической практики в заданном органом конституционно-судебного контроля направлении. Из этого следует, что воздействие конституционного контроля на юридическую практику (правоприменение) не имеет дифференциации в зависимости от того, установлена конституционность или неконституционность проверяемой нормы.

В отечественной юридической науке связь между неоднократным применением правоположений и возникновением общего характера (нормативности)

обоснована еще в середине 70-х гг. XX в. В.В. Лазаревым [76].

Таким образом, при неоднократном применении правовых позиций органа конституционного контроля в судебной практике они приобретают характер общих правил (нормативность). В то же время «живой конституционализм», создаваемый фактически правоприменительной практикой, в совокупности с деятельностью Конституционного Суда позволяет адаптировать правовые положения без внесения в них изменений в рамках законодательного процесса. При этом некоторыми учеными такая возможность его реализации оценивается как псевдостабильность конституционного поля или как противоречие конституционного регулирования и объективной реальности [77. С. 16–23]. Вместе с тем деятельность Конституционного Суда воздействует на формирование единых правоприменительных подходов.

Правовая культура. Важнейшей предпосылкой правового государства является гражданское общество, т.е. система отношений между людьми, обеспечивающая удовлетворение их неотъемлемых прав и интересов на основе самоуправления и свободы [78. С. 69–70]. В этой связи особую актуальность имеет не столько правовая грамотность населения, сколько правовая культура, основанная на кросс-культуре как понимании истины и принципов, касающихся человеческого поведения в разных культурах [79. С. 10]. Понимание конституционной природы принимаемых Конституционным Судом РФ в порядке конституционно-контрольного нормотворчества решений требует понимания духа Конституции населением страны. Чем больше доверия граждан к деятельности государственных органов, в первую очередь судов, тем выше стабильность конституционного поля и авторитет Конституционного Суда РФ и государственной власти. Конституционно-контрольное нормотворчество, объединяя уважение к праву и соблюдение прав, служит основой формирования и развития правовой культуры.

Так, например, согласно социологическому опросу граждан Германии на вопрос о том, каким органам государственной власти они оказывают наибольшее доверие, ответ был однозначным. Около 75% ответили, что Федеральный Конституционный Суд ФРГ – один из самых беспристрастных, чьи решения в сравнении с другими органами государственной власти больше отражают реальность происходящего и поэтому отвечают человеческим потребностям. На наш взгляд, именно такая оценка жителей страны в отношении Конституционного Суда России позволит повысить доверие граждан к органам государственной власти, что, в свою очередь, будет способствовать минимизации правового нигилизма.

Исходя из того что человек, его права и свободы, провозглашенные в Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью, воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на развитие не только права, но и гражданского общества может быть рассмотрено через процесс формирования и развития правовой культуры. «Текст конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие. Однако это не зако-

стенелая правовая конструкция, а живой развивающийся организм», – сказал В.В. Путин на приеме по случаю празднования Дня российской Конституции. Глава государства также уточнил, что Конституция является развивающимся правовым механизмом, который изменяется для совершенствования системы защиты прав и свобод граждан на территории РФ [46].

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения [80]. При ее реализации могут быть созданы традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду. Документ поощряет добропорядочность и добросовестность как преобладающую модель социального поведения и направлен в целом на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современному цивилизованному государству. Приказом Минюста РФ от 29 сентября 2011 г. № 347 образована межведомственная рабочая группа по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. В ряде субъектов РФ приняты планы мероприятий по реализации Основ на уровне этих субъектов. Указанные положения прямо не затрагивают осуществление конституционного контроля, однако способствуют нравственному и правовому развитию российских граждан, воспитанию у них как уважения к Конституции и законам, так и повышению информированности о способах правовой защиты. Вследствие этого одной из важных задач, разрешение которой будет способствовать укреплению институтов гражданского общества, выступает соотнесение конституционного и общественного контроля.

В целях повышения уровня правовой культуры, доверия граждан к органам государственной власти и преодолению правового нигилизма предпринимаются различные действия [81–83], в том числе внедрение на основе научно-определенных индикаторов эффективной системы всеобъемлющего конституционного мониторинга, заключающегося в анализе действующего права и правоприменительной практики на предмет реализации конституционных ценностей [84].

Поскольку важным методологическим критерием конституционализации России являются вопросы конституционного патриотизма, конституционного мышления и культуры, конституционно-правового мировоззрения граждан, они также должны применяться при проведении мониторинга конституционно-го правоприменения, осуществляемого самим гражданским обществом.

Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры. Без нее не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов. Сходные проблемы в определенной степени разрешены в тех странах, у которых заимствованы демократические инсти-

туты, это объясняется, в частности, их немалым историческим опытом. Однако важным для России представляется поиск собственной оптимальной модели демократического развития, в которой будут отражены ее исторические традиции, духовные ценности и культурный код.

Отвечая на вопрос, не пора ли готовить новую Конституцию, С.А. Авакьян отмечает: «...сейчас эту идею большинство не поддерживает. Но некоторые вопросы в развитии норм о конституционном строе можно было бы уточнить. Правда, для этого надо поставить перед Конституционным Судом вопрос, можно ли, не изменяя первую и вторую главы, добавить в Конституцию слова о том, что у нас есть гражданское общество, назвать его институты. В законе об Общественной палате говорится, что она является одним из эффективных инструментов гражданского общества. Но что такое гражданское общество, нигде не указано. Что такое демократия и демократические институты? Осуществляют ли они самоуправление в обществе? Об этом надо хотя бы общими словами сказать в Конституции. И, скорее всего, в первой ее главе. На встрече с президентом я сказал, что можно не менять Конституцию, но дополнить ее новой главой 1 прим., посвященной гражданскому обществу, ее институтам и политическим правам личности. Можно ли это сделать, должен истолковать Конституционный Суд» [85].

Уровень правосознания и правовой культуры напрямую зависит от того, как функционирует государство, его органы, в том числе судебные [86], и как оно обеспечивает гарантированные Конституцией права и свободы человека. Однако и само гражданское общество способно и должно воздействовать на государственные институты, в первую очередь путем осуществления контроля. Оно может делегировать это право своему институту (ассоциация юристов, адво-

катура и т.п.), способному выполнять профессионально-правовой общественный контроль, или «демократию» (народонадзор, от лат. *democ* – народ и *suria* – надзор [87. С. 35]), за обеспечением конституционных прав и свобод человека органами публичной власти. Широкое внедрение такого контроля явится ярким примером преодоления отставания от актуальных общественных отношений (фактической конституции) и применения эволюционного метода, основанного на духе и смысле конституции в контексте современного развития доктрины «живой конституции» без внесения изменений в текст Конституции РФ. Соглашаясь с утверждением Д.А. Медведева о том, что «идеология Конституции – это права и свободы граждан» [60], хотелось бы дополнить, что именно эффективная реализация прав и свобод человека, закрепленных в тексте Конституции, а также их защита – суть идеологии правового государства [24. С. 332].

Таким образом, практика Конституционного Суда России оказывает воздействие на унификацию механизма правоприменения, поскольку конституционализация законодательства, с одной стороны, и относительная стабильность его решений – с другой, позволяют обеспечивать единство правоприменительной практики. При этом формы воздействия на правовую систему могут выражаться в: 1) толковании конституционных положений; 2) формулировании правовых позиций, раскрывающих конституционно-правовой смысл норм, признанных конституционными; 3) конституционном истолковании законов и определении конституционно допустимых рамок их применения; 4) участии в формировании доверия граждан и правовой культуры. Более того, доктрина «живой конституции», применяемая Конституционным Судом, способствует процессу развития гражданского общества в целом и его отдельных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саликов М.С. Изменение Конституции: формы, соотношение и пределы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5. С. 23–35.
2. Boyce B. Originalism and the Fourteenth Amendment // Wake Forest Law Review. 1998. Vol. 33.
3. Scalia A. Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law. Princeton : Princeton University Press, 1997.
4. Vloet. K. Two Views of the Constitution: Originalism vs. Non-Originalism. University of Michigan Law. 2015. September 22.
5. McBain H.L. The Living Constitution: a Consideration of the Realities and Legends of our Fundamental Law. New York : The Workers Education Bureau Press, 1927.
6. Posner R. Pragmatic Adjudication // Cardozo Law Review. 1996. Vol. 18, is. 1. P. 1–21.
7. Strauss D.A. The Living Constitution. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010.
8. Rehnquist W.H. The Notion of a Living Constitution // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2006. Vol. 29, № 2.
9. Parks G.S. Noward a Critical Race Realism // Cornell Journal of Law and Public Policy. 2008. Vol. 17.
10. Берлявский Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 77.
11. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Российская газета. 2018. 9 окт.
12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 101.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Российская газета. 2005. 29 декабря.
14. Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права. М. : Проспект, 2008. 144 с.
15. Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развитии Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 3–12.
16. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 50 с.
17. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 46.
18. Особое мнение судьи Г.А. Гаджиева (Определение от 2 нояб. 2006 г. № 444-О) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.12.2018).
19. Малько А.В. Судебная жизнь общества как объект судебной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1. С. 145.
20. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017. С. 352.

21. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 4.
22. Александров А.А. Современная интерпретация классических концепций судебного правотворчества // Право и управление. XXI век. 2011. № 2. С. 130-137.
23. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. С. 304.
24. Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество специализированных органов конституционного контроля Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 494 с.
25. Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород : НА МВД России, 2008. С. 16-33.
26. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 134.
27. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011. С. 183.
28. Кокотов А.Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21-24.
29. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия. М. : Норма, 2011. С. 56.
30. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 45-51.
31. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5-12.
32. Постановления от 24 января 1997 г. № 1-П и от 15 января 1998 г. № 3-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
33. Постановления от 16 октября 1997 г. № 14-П и от 3 ноября 1997 г. № 15-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
34. Определение от 5 марта 2009 г. № 375-О-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
35. Определение от 15 января 2008 г. № 219-О-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
36. Постановление от 18 мая 2011 г. № 9-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2018).
37. Постановление от 24 декабря 2012 г. № 32-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
38. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.
39. Определение от 3 июля 2018 г. № 1676-О/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
40. Постановление от 1 декабря 2015 г. № 30-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
41. Кравец И.А. Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 186-198.
42. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 нояб. 2012 г. № 29-П // Российская газета. 2012. 14 дек.
43. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2015 г. № 17-П // Российская газета. 2015. 28 июня.
44. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февр. 2014 г. № 4-П // Российская газета. 2014. 27 фев.
45. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П // Российская газета. 2013. 25 мар.
46. Путин назвал конституцию «живым организмом». URL: <https://news.ru/politika/putin-nazval-konstituciyu-zhivym-organizmom> (дата обращения: 15.12.2018).
47. Определение Конституционного Суда РФ от 1 дек. 1999 г. № 211-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2.
48. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2001 г. № 9-П // Российская газета. 2001. 4 июля.
49. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Российская газета. 2004. 7 июля.
50. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Российская газета. 2000. 21 июня.
51. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П // Российская газета. 2012. 20 июля.
52. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П // Российская газета. 2013. 3 апр.
53. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2015 г. № 1975-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
54. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февр. 1999 г. № 3-П // Российская газета. 1999. 10 фев.
55. Определение Конституционного Суда РФ от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-П // Российская газета. 2009. 27 нояб.
56. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февр. 2016 г. № 6-П // Российская газета. 2016. 11 марта.
57. КС дал новое толкование нормам об обратной силе законов. URL: <https://legal.report/ks-dal-novoe-tolkovanie-normam-ob-obratnoj-sile-zakonov/> (дата обращения: 20.08.2018).
58. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 9-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
59. Путин заявил, что Конституция РФ не застывший, а развивающийся организм. URL: <https://www.interfax.ru/russia/641997> (дата обращения: 12.12.2018).
60. Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8-16.
61. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011. С. 26.
62. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Юрист, 2003. С. 34.
63. Либанова С.Э., Остапович И.Ю. 25 лет Конституции Российской Федерации, проблемы конституализации нормотворчества и правоприменения // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (126). С. 103-105.
64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 февр. 2007 г. № 5 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 3. С. 9-14.
65. Калиновский К.Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда РФ для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса / сост. К.Б. Калиновский. СПб. : Петрополис, 2010. С. 140-146.
66. Маркин А.А. «Отказные» определения Конституционного Суда Российской Федерации и юридическая картина современной России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 71-74.
67. Либанова С.Э., Остапович И.Ю. К вопросу о взаимодействии Конституционного и Верховного судов Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 259-261.
68. Определения Конституционного Суда РФ от 13 июля 2000 г. № 197-О, от 17 июля 2007 г. № 499-О-О, от 15 июля 2008 г. № 473-О-О, от 21 окт. 2008 г. № 687-О-О, от 19 мая 2009 г. № 847-О-О // Консультант Плюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).

69. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : РОССПЭН, 2010. С. 298.
70. Потапенко С.В. Судебное нормотворчество и единство судебной практики // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2006. 1. С. 119–121.
71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апр. 2013 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5. С. 2–7.
72. Определение Верховного Суда РФ от 21 апр. 2015 г. по делу № 307-КГ14-4737 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
73. Кряжкова О. Право быть услышанным: меморандумы amici curiae в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 87–105.
74. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П // Российская газета. 2013. 25 мая.
75. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 нояб. 2014 г. № 27-П // Российская газета. 2014. 11 нояб.
76. Лазарев В.В. Правоположение: понятие, происхождение и роль в механизме воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 3–15.
77. Добрынин Н.М. Размышления о российском конституционализме: современное состояние, конформизм или же реальная необходимость конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 16–23.
78. Мами К. Правовое государство: социальный идеал и реальность // Законодательство. 2003. № 2. С. 67–70. 315с.
79. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Питер, 2002. С. 10.
80. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28.04.2011 // Российская газета. 2011. 14 июля.
81. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
82. О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций : Указ Президента РФ от 17 апр. 2017 г. № 171 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2545 (данный документ направлен на эффективность реализации Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 03 нояб. 2015 г.)
83. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
84. В 2017 году федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ в порядке обеспечения реализации Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в РФ» проведен мониторинг правоприменения в РФ на 2017 год, план которого утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2016 г. № 1751-р. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).
85. Авакьян С.А. Интервью // Адвокатская газета. 2018. Дек.
86. Саликов М.С. Роль Конституционного Суда России в определении пределов ограничений прав человека // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 2–7 октября 2017 г.) / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮУ. 2018. Вып. 3.
87. Либанова С.Э. Конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры в обеспечении прав и свобод человека в Российской Федерации. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. С. 35.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 января 2019 г.

Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 219–230.

DOI: 10.17223/15617793/440/30

Marat S. Salikov, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: salikov.marat@list.ru

Svetlana E. Libanova, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: libany@rambler.ru

Igor Yu. Ostapovich, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Keywords: Constitution of Russian Federation; living Constitution; interpretation of Constitution; civil society.

The article discusses the theoretical foundations of the doctrine of a living constitution as a legal mechanism for changing the essence of a text through modification, conversion, transformation, replacement, modernization, reformation, transfiguration, development, etc. The authors have studied the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrating changes in the rules of behavior, legal relations without adjusting the text of the Constitution of the Russian Federation. The interrelation between interpretation and rule-making is shown. It is concluded that, as a result of the manifestation of general rules of behavior, the Constitutional Court of the Russian Federation implements an associated function – constitutional supervisory rule-making. The scientific approaches to understanding the essence and features of constitutional and supervisory rule-making are considered, its stages are determined. The article substantiates the scientific, constitutional and political legal significance of the concept of constitutional supervisory rule-making for the development and improvement of lawmaking, by-law rule-making and law enforcement. Constitutional supervisory rule-making (as a by-passing function) can accelerate the harmonious integration of state and civil society institutions based on a cross-cultural approach to universal values that go far beyond simple methodological changes in research conducted to test hypotheses related to truth and knowledge and make law enforcement moral, consistent with constitutional principles, values and presumptions. The legal phenomenon of constitutional rights and constitutional enforcement that is studied in this article is key to the concept of regulating social relations and allows for the effective implementation of the principle of democracy by the people by harmoniously constitutionalizing social relations in Russia. The article uses the dialectical method of scientific knowledge, as well as logical, historical, and systemic methods. Of particular importance were the methods of analysis and synthesis. A functional method was used to study the main areas of activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and its impact on rule-making and law enforcement. The authors have identified the gaps and shortcomings of the current legislation in the field of constitutional-judicial supervision and formulated provisions on the improvement of constitutional legislation. Special attention is paid to the dynamic possibilities, realities and the perspective of the implementation of the doctrine of a living constitution. The study analyzes the theoretical foundations and origins of the doctrine of a living constitution as well as the problems of the implementation of this phenomenon in the Russian reality.

REFERENCES

1. Salikov, M.S. (2018) Amending the Constitution: forms, correlation and limits. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 5. pp. 23–35. (In Russian).
2. Boyce, B. (1998) Originalism and the Fourteenth Amendment. *Wake Forest Law Review*. 33.
3. Scalia, A. (1997) *Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law*. Princeton: Princeton University Press.
4. Vloet, K. (2015) Two Views of the Constitution: Originalism vs. Non-Originalism. *University of Michigan Law*. September 22.

5. McBain, H.L. (1927) *The Living Sonstitution: a Consideration of the Realities and Legends of our Fundamental Law*. New York: The Workers Education Bureau Press.
6. Posner, R. (1996) Pragmatic Adjudication. *Cardozo Law Review*. 18 (1). pp. 1–21.
7. Strauss, D.A. (2010) *The Living Constitution*. Oxford; New York: Oxford University Press.
8. Rehnquist, W.H. (2006) The Notion of a Living Constitution. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 29 (2).
9. Parks, G.S. (2008) Noward a Critical Race Realism. *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 17.
10. Berlyavskiy, L.G. (2011) Teorii konstitutsionnoy interpretatsii v SShA [Theories of constitutional interpretation in the United States]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 10. pp. 77.
11. Zor'kin, V.D. (2018) Bukva i dukh Konstitutsii – o trevoznykh prizyvakh k kardinal'nym konstitutsionnym reformam [The letter and spirit of the Constitution: on alarming calls for cardinal constitutional reforms]. *Rossiyskaya gazeta*. 9 October.
12. Bondar', N.S. (2011) *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosuדיya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma, Infra-M.
13. Rossiyskaya gazeta. (2005) Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2005, No. 13-P on checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation” in connection with complaints of a number of citizens. *Rossiyskaya gazeta*. 29 December. (In Russian).
14. Smirnov, A.V. & Manukyan, A.G. (2008) *Tolkovanie norm prava* [Interpretation of the rules of law]. Moscow: Prospekt.
15. Zor'kin, V.D. (2004) Rol' Konstitutsionnogo Suda v obespechenii stabil'nosti i razvitiy Konstitutsii [The role of the Constitutional Court in ensuring the stability and development of the Constitution]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 3. pp. 3–12.
16. Khabrieva, T.Ya. (1997) *Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika* [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: Theory and Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
17. Ebzeev, B.S. (2013) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, the state in the constitutional order of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
18. Konsul'tantPlyus. (2006) *The dissenting opinion of judge G.A. Gadzhiyev (Definition dated November 2, 2006, No. 444-O)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 15.12.2018). (In Russian).
19. Mal'ko, A.V. (2014) Sudebnaya zhizn' obshchestva kak ob'ekt sudebnoy politiki [The judicial life of society as an object of judicial policy]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 145.
20. Zor'kin, V.D. (2017) *Konstitutsionnyy Sud Rossii: doktrina i praktika* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow: Norma.
21. Malyutin, N.S. (2015) *Sudebnoe tolkovanie normativnykh pravovykh aktov v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Court's interpretation of regulatory legal acts in the Russian Federation: constitutional and legal aspect]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Aleksandrov, A.A. (2011) Sovremennaya interpretatsiya klassicheskikh kontseptsiy sudebnogo pravotvorchestva [Modern interpretation of the classical concepts of judicial law making]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2. pp. 130–137.
23. Karapetov, A.G. (2011) *Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropeyskom i amerikanskom prave* [The struggle for recognition of judicial law in European and American law]. Moscow: Statut.
24. Ostapovich, I.Yu. (2018) *Konstitutsionno-kontrol'noe normotvorchestvo spetsializirovannykh organov konstitutsionnogo kontrolya Rossiyskoy Federatsii, Respubliki Belarus' i Respubliki Kazakhstan (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Constitutional supervisory lawmaking of specialized bodies of constitutional control of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan (comparative legal research)]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
25. Baranov, V.M. & Lazarev, V.V. (2008) Konkretizatsiya prava: ponyatie i predely [Specification of law: the concept and limits]. In: Baranov, V.M. (ed.) *Konkretizatsiya zakonodatel'stva kak tekhniko-yuridicheskiy priem normotvorcheskoy, interpretatsionnoy, pravoprimeritel'noy praktiki* [Specification of legislation as a technical-legal method of rule-making, interpretative, law-enforcement practice]. N. Novgorod: N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
26. Pigolkin, A.S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [The interpretation of regulations in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat.
27. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma.
28. Kokotov, A.N. (2014) O pravotvorcheskom soderzhanii resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [On the law-making content of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 21–24.
29. Bondar', N.S. (2011) *Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosuדיya* [Power and freedom on the scales of constitutional justice]. Moscow: Norma.
30. Khabrieva, T.Ya. (1997) *Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow. pp. 45–51.
31. Ebzeev, B.S. (1998) *Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 5–12.
32. Konsul'tantPlyus. (1998) *Resolutions dated January 24, 1997, No. 1-P and January 15, 1998, No. 3-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
33. Konsul'tantPlyus. (1997) *Resolutions dated October 16, 1997, No. 14-P and dated November 3, 1997, No. 15-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
34. Konsul'tantPlyus. (2009) *Determination dated March 5, 2009, No. 375-OO*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
35. Konsul'tantPlyus. (2008) *Determination dated January 15, 2008, No. 219-OO*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
36. Konsul'tantPlyus. (2011) *Determination dated May 18, 2011, No. 9-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 10.08.2018). (In Russian).
37. Konsul'tantPlyus. (2012) *Determination dated December 24, 2012, No. 32-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.10.2018). (In Russian).
38. Russian Federation. (2003) Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. Ot 30.10.2018) [On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: federal law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on October 30, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 40. Art. 3822.
39. Konsul'tantPlyus. (2018) *Determination dated July 3, 2018, No. 1676-O/2018*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
40. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination dated December 1, 2015, No. 30-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
41. Kravets, I.A. (2018) Constitutional representation: problems of public political representation identification and improvement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 186–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/26

42. Rossiyskaya gazeta. (2012) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30 Nov. 2012 No. 29-P. *Rossiyskaya gazeta*. 14 December. (In Russian).
43. Rossiyskaya gazeta. (2015) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 25, 2015, No. 17-P. *Rossiyskaya gazeta*. 28 June. (In Russian).
44. Rossiyskaya gazeta. (2014) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 February 2014 No. 4-P. *Rossiyskaya gazeta*. 27 February. (In Russian).
45. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 21, 2013, No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 25 March. (In Russian).
46. News.ru. (2018) *Putin nazval konstitutsiyu "zhivym organizmom"* [Putin called the constitution a "living organism"]. [Online] Available from: <https://news.ru/politika/putin-nazval-konstitutsiyu-zhivym-organizmom>. (Accessed: 15.12.2018).
47. RF Constitutional Court. (2000) Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 1 December 1999 No. 211-O. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 2. (In Russian).
48. Rossiyskaya gazeta. (2001) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 25, 2001, No. 9-P. *Rossiyskaya gazeta*. 4 July. (In Russian).
49. Rossiyskaya gazeta. (2004) P Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004, No. 13-P. *Rossiyskaya gazeta*. 7 July. (In Russian).
50. Rossiyskaya gazeta. (2000) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000, No. 10-P. *Rossiyskaya gazeta*. 21 June. (In Russian).
51. Rossiyskaya gazeta. (2012) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 9, 2012, No. 17-P. *Rossiyskaya gazeta*. 20 July. (In Russian).
52. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 21, 2013, No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 3 April. (In Russian).
53. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 29, 2015, No. 1975-O*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
54. Rossiyskaya gazeta. (1999) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 February 1999 No 3-P. *Rossiyskaya gazeta*. 10 February. (In Russian).
55. Rossiyskaya gazeta. (2009) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19 November 2009 No. 1344-O-P*. *Rossiyskaya gazeta*. 27 November.
56. Rossiyskaya gazeta. (2016) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 February 2016 No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 11 March.
57. Trubilina, M. (2018) *KS dal novoe tolkovanie normam ob obratnoy sile zakonov* [The Constitutional Court gave a new interpretation of the rules on the retroactive effect of laws]. [Online] Available from: <https://legal.report/ks-dal-novoe-tolkovanie-normam-ob-obratnoy-sile-zakonov/>. (Accessed: 20.08.2018).
58. Konsul'tantPlyus. (2005) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2005, No. 9-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
59. Interfax.ru. (2018) *Putin zayavil, chto Konstitutsiya RF ne zakostenel'nyy, a razvivayushchiysya organizm* [Putin said that the Constitution of the Russian Federation is not a stale but a developing organism]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/641997>. (Accessed: 12.12.2018).
60. Medvedev, D.A. (2018) 25 let Konstitutsii: balans mezhdru svobodoy i otvetstvennost'yu [25 years of the Constitution: a balance between freedom and responsibility]. *Zakon*. 12. pp. 8–16.
61. Vitruk, N.V. (2011) *Konstitutsionnoe pravosudie: sudebnoe konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional justice: judicial constitutional law and process]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
62. Lazarev, L.V. (2003) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow: Yurist.
63. Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2018) 25 years of the Constitution of the Russian Federation: problems of constitutional rulemaking and enforcement. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 11 (126). pp. 103–105. (In Russian).
64. Supreme Court of the Russian Federation. (2007) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 11 fevr. 2007 g. № 5* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 February 2007 No. 5]. *Byulleten' Verkhovnogo suda RF*. 3. pp. 9–14.
65. Kalinovskiy, K.B. (2010) *Znachenie "otkaznykh" opredeleniy Konstitutsionnogo Suda RF dlya ponimaniya i primeneniya norm ugovnogo i ugovolno-protsessual'nogo prava* [The value of "negative" determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation for understanding and applying the norms of criminal and criminal procedural law]. In: Kalinovskiy, K.B. (ed.) *Konstitutsionno-pravovye problemy ugovnogo prava i protsessy* [Constitutional and legal problems of criminal law and process]. St. Petersburg: Petropolis.
66. Markin, A.A. (2012) "Otkaznye" opredeleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i yuridicheskaya kartina sovremennoy Rossii ["Negative" determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation and the legal picture of modern Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 12. pp. 71–74.
67. Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2017) To the question about the interaction of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 10 (113). pp. 259–261. (In Russian).
68. Konsul'tant Plyus. (2009) *Determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 13, 2000, No. 197-O; dated July 17, 2007, No. 499-O-O; dated July 15, 2008, No. 473-O-O; dated October 21, 2008, No. 687-O-O; dated May 19, 2009, No. 847-O-O*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
69. Korkunov, N.M. (2010) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Moscow: ROSSPEN.
70. Potapenko, S.V. (2006) *Sudebnoe normotvorchestvo i edinstvo sudebnoy praktiki* [Judicial rule-making and unity of judicial practice]. *Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii*. 1. pp. 119–121.
71. Supreme Court of the Russian Federation (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16 apr. 2013 g. № 9* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 16, 2013, No. 9]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 5. pp. 2–7.
72. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 21, 2015, on case No. 307-KG14-4737*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018).
73. Kryazhkova, O. (2018) *Pravo byt' uslyzhannym: memorandum amici curiae v rossiyskom Konstitutsionnom Sude* [The right to be heard: memorandums amici curiae in the Russian Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 5 (126). pp. 87–105.
74. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 21, 2013, No. 10-P. *Rossiyskaya gazeta*. 25 May. (In Russian).
75. Rossiyskaya gazeta. (2014) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 November 2014 No. 27-P. *Rossiyskaya gazeta*. 11 November. (In Russian).
76. Lazarev, V.V. (1976) *Pravopolozhenie: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme vozdeystviya* [Legal provision: the concept, origin and role in the mechanism of influence]. *Pravovedenie*. 6. pp. 3–15.

77. Dobrynin, N.M. (2013) Razmyshleniya o rossiyskom konstitutsionalizme: sovremennoe sostoyanie, konformizm ili zhe real'naya neobkhodimost' konstitutsionnoy reformy [Reflections on Russian constitutionalism: current state, conformism, or the real need for constitutional reform]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. № 12. pp. 16–23.
78. Mami, K. (2003) Pravovoe gosudarstvo: sotsial'nyy ideal i real'nost' [Legal state: social ideal and reality]. *Zakonodatel'stvo*. 2. pp. 67–70.
79. Matsumoto, D. (2002) *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. Translated from English. St. Petersburg: Piter, pp. 10.
80. Rossiyskaya gazeta. (2011) Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011. *Rossiyskaya gazeta*. 14 July. (In Russian).
81. Russian Federation. (2011) O monitoringe pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 20 maya 2011 g. № 657 [On the monitoring of law enforcement in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of May 20, 2011, No. 657]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2011. № 21. St. 2930.
82. Russian Federation. (2017) O monitoringe i analize rezul'tatov rassmotreniya obrashcheniy grazhdan i organizatsiy: Ukaz Prezidenta RF ot 17 apr. 2017 g. № 171 [On monitoring and analyzing the results of the consideration of appeals of citizens and organizations: Presidential Decree of 17 April 2017 No. 171]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17. Art. 2545.
83. Russian Federation. (2006) O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii [On the procedure for consideration of appeals of citizens of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 19. Art. 2060.
84. Konsul'tantPlyus. (2016) In 2017, in order to ensure the implementation of Presidential Decree No. 657 of May 20, 2011, "On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation", the federal executive authorities and state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, monitored law enforcement in the Russian Federation for 2017. The plan of the monitoring was approved by Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2016, No. 1751-p. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.12.2018).
85. Avak'yan, S.A. (2018) Interv'yu [Interview]. *Advokatskaya gazeta*. December.
86. Salikov, M.S. (2018) [The role of the Constitutional Court of Russia in determining the limits of human rights restrictions]. *Ural'skiy Forum konstitutsionalistov* [Ural Forum of Constitutionalists]. Ekaterinburg. 2–7 oktyabrya 2017. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural State Law University. (In Russian).
87. Libanova, S.E. (2010) *Konstitutsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti advokatury v obespechenii prav i svobod cheloveka v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal bases of the activities of the bar in ensuring the rights and freedoms of the person in the Russian Federation]. Kurgan: Kurgan State University.

Received: 31 January 2019

А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы учения о личных правах. В первой части проанализированы существующие подходы к пониманию гражданско-правовой охраны нематериальных благ граждан, раскрыты фундаментальные вопросы учения о личных правах, показаны современные проблемы осуществления и защиты данной разновидности субъективных гражданских прав. Во второй части освещены проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования личных прав граждан в эпоху информатизации.

Ключевые слова: личные права; нематериальные блага; частная жизнь; осуществление и защита личных прав.

Введение

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека [1], а также 16 декабря 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах [2], вступившего в действие для СССР и для России в 1976 г., стало без преувеличения всемирным признанием особой ценности личных прав. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека подчеркивается, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, поэтому создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено в ней как высокое стремление, а сами права человека должны охраняться властью закона. В Международном пакте о гражданских и политических правах эти идеи развиваются и дополняются требованиями обеспечения любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективных средств правовой защиты, установленных компетентными судебными, административными или законодательными властями, и развития возможности их судебной защиты. Ратификация Россией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в Риме 4 ноября 1950 г. [3], стала важным событием в развитии института личных прав и способствовала гармонизации и унификации национального и континентально-европейского регулирования в сфере осуществления и защиты личных прав.

В этом смысле очевидным является то, что личные права сами по себе, а также гарантии их реального осуществления определяют положение человека в обществе и государстве, а следовательно, сам уровень развития общества и признание государства подлинно демократическим и правовым.

Личные права в объективном смысле представляют собой комплексный правовой институт, включающий нормы различных отраслей права. Основу правового регулирования этих прав составляют нормы конституционного права, которые закрепляют в целом систему личных прав граждан, а также устанавливают правовые гарантии их реального осуществления (гл. 2 Конституции РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо

от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Нормы уголовного права направлены на борьбу с общественно опасными посягательствами на важнейшие личные права граждан, такие как право на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность, право на честь, достоинство и деловую репутацию (главы 16–20 УК РФ) и т.д. Нормы административного, семейного и других отраслей права, жилищного, экологического и иных отраслей законодательства определяют компетенцию государственных органов по регулированию личных прав, устанавливают границы вмешательства в личную сферу, что во многом позволяет определить пределы осуществления личных прав.

Особую роль в правовом регулировании и охране личных прав призваны сыграть нормы гражданского права. И.А. Покровский подчеркивал, что «чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей». «Перед лицом современного правосознания общество, – подчеркивал выдающийся российский цивилист, – союз самоценных личностей, имеющих право на индивидуальность» [4. С. 122, 131].

Учитывая, что российское гражданское право представляет собой опорную отрасль частного права, регулирование личных прав нормами гражданского права непосредственно связано именно с охраной частной (личной) сферы отдельных лиц. Например, право на жизнь, достоинство личности, личную неприкосновенность можно выделить в конституционно-правовом смысле как провозглашение самих этих прав и установление общих гарантий их осуществления (ст. 20–22 Конституции РФ). Вместе с тем не вызывает никаких сомнений то, что указанные права можно также выделить в уголовно-правовом или в уголовно-процессуальном смысле, например, как объект защиты от преступлений против личности (Раздел VII УК РФ) либо как публично-правовую охрану этих прав в случае осуществления государством уголовного преследования против какого-либо лица (Раздел IV УПК РФ) и т.д. Подобным образом возможно также выделение данных прав в граждан-

ско-правовом аспекте, выражающемся, в частности, в существовании права на честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ), на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ) и т.д.

В последние годы в литературе по проблематике личных прав все больше внимания уделяется вопросам правовой охраны нематериальных благ в сети «Интернет». При этом указывается на повышение значения информации и информационных технологий в современном обществе.

В этом контексте нельзя не вспомнить о наличии известной связи между правом и уровнем развития производственных сил в обществе. «Закон бессилён навязать эпохе чуждые ей экономические отношения. Он лишь регистрирует их. Законодательство, по известному выражению К. Маркса, «лишь заносит в протокол требования экономических отношений» [5. С. 246]. Данный феномен хорошо объясняет справедливый рост интереса юридической науки к различным аспектам функционирования сети «Интернет» (в том числе с точки зрения гражданско-правовой перспективы).

Данная статья подготовлена в соавторстве: введение – А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев, часть 1 – А.Е. Шерстобитов, часть 2 – А.Х. Ульбашев.

1. Личные права граждан: понятие и виды, особенности осуществления и защиты

Прежде всего необходимо определить место личных прав в системе гражданского права, поскольку это дает возможность выявить пределы их гражданско-правового регулирования. В теории были высказаны две точки зрения на гражданско-правовое регулирование личных прав. Долгое время господствующим являлось представление о том, что гражданское право не регулирует, а только охраняет эти права [6. С. 51–59]. Однако позже в литературе закрепляется иной подход: правовое регулирование и охрана прав не могут противопоставляться, поскольку регулирование означает охрану прав, а их охрана осуществляется путем регулирования соответствующих отношений [7. С. 205].

Вместе с тем в п. 1 ст. 2 ГК РФ в первоначальной редакции говорилось о том, что гражданское законодательство регулирует «другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников», а в п. 2 ст. 2 ГК РФ подчеркивалось, что неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Такие формулировки дали основание вновь высказать мнение о том, что гражданское право не регулирует личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, а к предмету гражданского законодательства отнесены имущественные отношения и отношения неимущественные, но связанные с ними [8. С. 18–19]. Следует согласиться с мнением О.Н. Садикова о том, что терминологическое различие понятий «регулирует» и «защищает» является

непринципиальным, а только отражающим тот факт, что неотчуждаемые нематериальные блага регламентируются не столь полно и детально, как личные неимущественные права, связанные с имущественными [9. С. 9].

В целом в современной цивилистической литературе удаление из предмета гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, рассматривается как малообоснованное [10. С. 7; 11. С. 17–18; 12. 4–27; 13. С. 23–39]. Прежде всего, с точки зрения теории права его охранительная функция является важнейшим атрибутом права, включающим и защиту прав [14. 191–193; 15. С. 47–59]. Ряд ученых-цивилистов также считают, что в рамки охраны или обеспечения в области регулирования субъективных прав и интересов включаются превенция, защита, ответственность и другие, применяемые отдельно или в сочетании [16. С. 20–21; 17. С. 21]. Следовательно, категория «охрана» в гражданском праве по своему объему гораздо шире понятия «защита» и полностью охватывает его. В связи с этим вряд ли имеется серьезное теоретическое обоснование для исключения отношений, защищаемых нормами определенной отрасли права, из ее предмета.

Результатом теоретических разработок в сфере личных неимущественных прав стало изменение формулировки п. 1 ст. 2 ГК РФ (Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ, новая формулировка введена в действие с 01.01.2008), согласно которой гражданское законодательство регулирует в том числе «другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Реформирование гражданского законодательства привело к отказу от деления личных неимущественных отношений, входящих в предмет гражданского права, на связанные и не связанные с имущественными. Таким образом, в настоящее время любые личные неимущественные отношения входят в предмет гражданского права, если они основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Далее пределы гражданско-правового регулирования личных прав также предопределяются особенностями правового режима нематериальных благ. Подавляющее большинство нематериальных благ, согласно ст. 128 ГК РФ, рассматривается в качестве одного из видов объектов гражданских правоотношений. В пункте 1 ст. 150 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) устанавливается, что жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Важно отметить, что неотчуждаемость и непередаваемость иным способом нематериальных благ не должна пониматься как полная «неотделимость от личности названных благ», на

что справедливо указывалось Е.А. Флейшиц [18. С. 94–95]. Следовательно, нематериальные блага как объекты гражданских правоотношений являются оборотоспособными. В связи с изменениями, внесенными в ГК РФ в ходе реформирования гражданского законодательства, правовой режим нематериальных благ и результатов интеллектуальной деятельности, а также приравненных к ним средств индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ) был значительно сближен. Согласно п. 4 ст. 129 ГК РФ, которая была дополнена п. 4 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации также не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ.

В отличие от указанных результатов и средств, права на которые могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ, в ст. 150 ГК РФ относительно прав на нематериальные блага подобных положений нет. Однако не вызывает сомнения, что в целом ряде случаев личные права, объектом которых выступают нематериальные блага, могут быть использованы в гражданском обороте (например, п. 1 ст. 152.1 и п. 1 ст. 152.2 ГК РФ). Такое использование по общему правилу допускается только с согласия гражданина, т.е. по договору с ним. Учитывая это, можно сделать вывод, что некоторые личные права, объектом которых выступают нематериальные блага, являются оборотоспособными и могут выступать в качестве объекта своеобразных «лицензионных» соглашений в пределах, прямо установленных законом.

Личные права в субъективном смысле представляют собой урегулированные нормами права связи между определенными участниками гражданско-правовых отношений по поводу нематериальных благ [19. С. 9–20]. Следовательно, личные права в гражданском праве – это субъективные права граждан, возникающие вследствие регулирования нормами гражданского права личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Личные права существуют как субъективные права и регулируются гражданским правом независимо от их нарушения, поэтому представление о том, что гражданское право может лишь защищать их, но не в состоянии регулировать данные отношения, является несостоятельным.

Наконец, пределы гражданско-правового регулирования личных прав, безусловно, зависят от особенностей субъектного состава. Следует иметь в виду, что эти права могут принадлежать только гражданам. Действительно, юридическое лицо является искусственным субъектом права, поэтому не может иметь личные права. Ведь конструкция юридического лица предназначена для уменьшения риска имущественных

потерь для его учредителей (участников) путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданного ими нового субъекта права – юридическое лицо и ограничения этой ответственности имеющимся у него имуществом [20. С. 11–12]. Учитывая это, ни одна теория сущности юридического лица не в состоянии объяснить существование его личных прав ввиду отсутствия у юридического лица собственной личной сферы.

И.А. Покровский, придерживавшийся реалистической теории сущности юридического лица, подчеркивал, что юридическое лицо «...не есть что-то мертвое и безжизненное; оно является, напротив, некоторой живой клеточкой социального организма. Эту жизненность, активность придает ему, как и физическому лицу, воля – воля корпорации или воля учредителя, продолжающая одушевлять созданное им учреждение» [4. С. 157]. Автор предлагал обратить внимание на то, что чем далее, тем более «живой личный элемент» будет сказываться и ассоциировал его с правом на имя юридического лица и даже его правом на честь [Там же. С. 158]. Однако объяснял он это не наличием у юридического лица собственной личной сферы, а тем, что репутация союза «...отраженно падает на репутацию отдельных его членов, и уважение к личности этих последних требует ограждения производной личности юридического лица» [Там же. С. 158–159].

Вот почему деловая репутация юридического лица представляет собой одно из его качеств (свойств), не имманентно присущее ему в связи с созданием или в силу закона, а складывающееся в процессе и результате его участия в гражданском, прежде всего, в предпринимательском обороте, поэтому защищается по правилам, применяемым соответственно к защите деловой репутации гражданина за исключением положений о компенсации морального вреда (п. 11 ст. 152 ГК РФ). Таким образом, вряд ли можно обоснованно утверждать применительно к юридическому лицу о праве на деловую репутацию как о его личном праве. Ссылки на наличие у юридического лица воли и интереса, безусловно, способны объяснить его самостоятельное участие в обороте, поскольку оно для этого и создано, но совершенно не в состоянии обосновать обладание юридическим лицом личными правами.

Давая характеристику правовой природе личных прав, необходимо подчеркнуть, что это права неимущественные, никоим образом не связанные с имущественными правами. Закрепленный п. 1 ст. 150 ГК РФ перечень неимущественных благ как объектов гражданских прав с очевидностью свидетельствует об этом. Важно иметь в виду, что указанный перечень не является исчерпывающим, поэтому объектами гражданских прав могут быть и иные нематериальные блага, лишь бы они принадлежали гражданину от рождения или в силу закона.

Суть гражданско-правовой охраны личной жизни состоит в обеспечении свободы гражданина определять поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, что исключает вмешательство в его личную жизнь со стороны других лиц, в том

числе государства, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

В связи с этим по своему характеру личные права являются правами абсолютными [21. С. 107]. Следовательно, управомоченному лицу противостоит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от каких бы то ни было нарушений личных прав граждан.

Управомоченное лицо осуществляет принадлежащие ему личные права своими фактическими действиями (например, создает представление у окружающих о собственной репутации или определяет свой внешний облик) вне рамок права. В связи с этим для личных прав характерно наличие двух правомочий: во-первых, возможности управомоченного лица требовать от неопределенного круга обязанных лиц воздерживаться от нарушения его права и, во-вторых, возможности прибегнуть в случае нарушения его права к установленным законом мерам защиты.

Таким образом, личные права в гражданском праве представляют собой самостоятельный вид субъективных прав. Они выполняют роль правового средства обеспечения личной (индивидуальной) сферы гражданина от постороннего вмешательства.

Личные права, охраняемые гражданским правом, должны отвечать определенным критериям, к которым относятся: во-первых, индивидуально-личностная направленность этих прав [22. С. 26] и, во-вторых, возможность их восстановления или устранения нарушения данных прав на будущее время.

Индивидуально-личностная направленность рассматриваемых прав позволяет определить их основу в гражданской правоспособности (ст. 18 ГК). Поскольку рассматриваемые личные права индивидуализируют в различных аспектах личность гражданина, имеются все основания отнести их к правам, возможность иметь которые входит в содержание правоспособности граждан.

Возможность восстановления личных неимущественных прав или устранения их нарушения на будущее время прямо связана с компенсаторно-восстановительной функцией гражданско-правовых средств защиты как одной из важнейших характеристик метода гражданско-правового регулирования. Указанным обстоятельством во многом определяются общие пределы регулирования личных неимущественных прав нормами гражданского права: если гражданское право не в состоянии защитить те или иные личные неимущественные права, то и их регулирование в его рамках теряет всякий смысл. Такого рода отношения должны регулироваться с помощью других отраслей права. Не случайно поэтому неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством лишь постольку, поскольку иное не вытекает из существа этих нематериальных благ (п. 2 ст. 2 ГК РФ).

Рассмотренные ранее общие признаки личных прав не препятствуют, однако, их дифференциации, учитывающей в рамках общей категории данных прав их видовые особенности. Так, по структурно-функциональному признаку личные права в гражданском праве могут быть классифицированы на личные

права, обеспечивающие физическое существование гражданина (физического лица), в том числе право на жизнь, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на свободу и личную неприкосновенность; и личные права, обеспечивающие социальное существование гражданина (физического лица), включая право на имя, право авторства [23. С. 280–293], право на честь, достоинство и деловую репутацию, право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства [12. С. 53–76].

По целям осуществления рассматриваемых прав они могут быть подразделены на: личные права, обеспечивающие физическое и психическое благополучие (целостность) личности, в том числе право на жизнь, право на здоровье, право на физическую и психическую неприкосновенность, право на благоприятную окружающую среду; личные права, обеспечивающие индивидуализацию личности в обществе, включая право на имя, право на индивидуальный облик и голос, право на честь, достоинство и деловую репутацию; личные права, обеспечивающие автономию личности (права на неприкосновенность и тайну частной жизни); личные права, обеспечивающие охрану результатов интеллектуальной деятельности [13. С. 21–22].

Исходя из целей правового регулирования, определяющих предметную принадлежность личных прав гражданскому праву, представляется возможным предложить следующую их классификацию: во-первых, права, направленные на индивидуализацию личности управомоченного лица, включая право на имя (ст. 19 ГК РФ), право на защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), право на опровержение и право на ответ (п. 2 и 3 ст. 152 ГК РФ и ст. 43–46 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [24]); во-вторых, права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности граждан, в том числе право на телесную неприкосновенность и охрану жизни и здоровья, право на неприкосновенность внешнего облика, право на личное изображение (ст. 152.1 ГК РФ); в-третьих, права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны частной жизни граждан, в частности право на неприкосновенность жилища, личной документации, право на тайну частной жизни, в том числе адвокатскую, медицинскую тайну, тайну совершения нотариальных и следственных действий, вкладов в банки и иные кредитные организации, личного общения, сведений, полученных средствами массовой информации (ст. 152.2 ГК РФ).

Субъект личного права осуществляет его на основе тех же принципов, что и обладатель иных прав абсолютного характера. Управомоченное лицо в пределах, установленных законом, по своему усмотрению использует личные блага. Обязанные лица, круг которых заранее не определен, должны воздерживаться от нарушения соответствующего личного права (например, от вторжения в личную жизнь гражданина).

Пределы осуществления личных прав определяются законом. Общие пределы устанавливаются ст. 9 и 10 ГК РФ. В то же время закон при определении

границ осуществления конкретных личных прав регламентирует не пределы возможного поведения управомоченного лица, а устанавливает границы вмешательства посторонних лиц в его личную сферу. Так, не допускается использование средств массовой информации для вмешательства в частную жизнь граждан, посягательства на их честь и достоинство.

В тех же случаях, когда закон регулирует и рамки возможного поведения управомоченного лица при осуществлении им личного права, они определяются в отдельных случаях также и нормами морали. Например, неприкосновенность внешнего облика гражданина будет защищаться от любых вмешательств со стороны третьих лиц, кроме случаев, когда его внешний облик нарушает требования законодательства или противоречит моральным нормам, действующим в обществе.

Ряд таких прав носит строго личный характер и потому не может осуществляться через представителя. Указанные права прекращаются со смертью гражданина и не могут передаваться по наследству.

На требования, вытекающие из нарушения личных прав, кроме случаев, предусмотренных законом, не распространяется исковая давность (ст. 208 ГК).

Личные права, как и иные права абсолютного характера, регулируемые нормами гражданского права, существуют независимо от их нарушения. При нарушении этих прав между управомоченным лицом и правонарушителем возникают относительные правоотношения охранительного характера. Порождающим их юридическим фактом является правонарушение.

Ввиду того что рассматриваемые права возникают по поводу нематериальных благ, они защищаются в основном способами, не имеющими целью восстановления нарушенной имущественной сферы потерпевшего лица. Вместе с тем если нарушением личных нематериальных прав гражданину нанесен имущественный ущерб, то применяются нормы гражданского права, регулирующие ответственность за причинение вреда (гл. 59 ГК РФ) [25. С. 51–52].

Согласно ст. 12 ГК РФ такими способами являются: признание этих прав; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих условия его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, а также иные способы, предусмотренные законом, например, опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина.

Характерной особенностью перечисленных способов защиты личных нематериальных прав является то, что они применяются к правонарушителю независимо от его вины.

В литературе с учетом особенностей личных нематериальных прав предлагалось закрепить в законе иные способы защиты этих прав, направленные как на предупреждение их нарушения, так и на эффективную защиту уже нарушенных личных нематериальных прав [19. С. 21–31, 95–102].

В настоящее время в п. 2 ст. 150 ГК РФ специально указывается, что нематериальные блага защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Кроме того, в случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на соответствующее нематериальное благо [26. С. 164].

В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами (например, ч. 2 п. 1 ст. 152, п. 5 ст. 152.2 ГК РФ).

Наконец, в связи с нарушением личных прав потерпевший вправе требовать возмещения морального вреда (ст. 151, п. 5 ст. 152, 1099 – 1101, 1101, п. 1 ст. 1251 ГК РФ). За нарушение отдельных личных прав компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины (например, если вред причинен распространением сведений, порочащих честь и достоинство гражданина).

Компенсация морального вреда осуществляется согласно ст. 151 и 1101 ГК РФ в денежной форме [27]. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических или нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда, и с учетом требований разумности и справедливости. В этой связи представляется не вполне понятным замечание Л.Ю. Михеевой о том, что дальнейшее развитие института нематериальных благ ставит перед наукой вопрос «...о возможности использования компенсации морального вреда в имущественных отношениях». Считая такую возможность анахронизмом, автор ссылается на включение правил о возмещении морального вреда в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей». Но указанный закон не регулирует ни правовой режим нематериальных благ, ни какие-либо личные права, ни какие бы то ни было возможности использования компенсации морального вреда в имущественных отношениях в связи с дальнейшим развитием института нематериальных благ, а других примеров, к сожалению, в работе Л.Ю. Михеевой не приводится [26. С. 166].

2. Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования личных прав граждан в эпоху информатизации

Общество не может оставаться неизменным. Масштабные социальные трансформации знаменуют из-

менения и в отдельном человеке. Закономерно возникает вопрос об эффективности классического гражданско-правового инструментария, в особенности частноправового института личных прав, имеющего более чем двухвековую историю, для целей защиты интересов личности в современных условиях, включая интернет-пространство.

Предпосылкой для подобной постановки вопроса может служить следующая логика: если за прошедшие столетия изменился сам человек, то, вероятно, подлежат ревизии (пересмотру) и нормы, призванные охранять личность человека в обществе. Из этой методологической установки нередко исходят представители науки «информационного права», говорящие о переходе «к информационному обществу, обладающему новой структурой, в которой решающую роль играют отрасли, связанные с получением, распространением и обработкой информации» [28. С. 9; 29. Р. 20; 30.].

Разумеется, было бы неправильно преувеличивать характер изменений в человеческом обществе и конкретном человеке. За минувшие два столетия человек как *homo sapiens* изменился мало. В этом смысле для него по-прежнему представляют безусловную ценность такие нематериальные блага, как жизнь, здоровье, достоинство личности и т.д. Следовательно, нормы, закрепляющие правовую охрану этих благ, действуют по тому же принципу, что и в далеком прошлом.

В то же время развитие общества характеризуется таким сложным и всеохватывающим процессом, как информатизация. Становится *communis opinio dignissima* утверждение, что «труд и капитал, характерные для промышленного общества, заменяются здесь информацией и знанием как главными ценностями» [30. С. 109]. В известной степени в русле этих идей рассуждает и российский законодатель, относящийся к одним из стратегических задач так называемую цифровизацию экономики [31].

Общество в развитых странах мира представляет собой своеобразное поле информационного обмена, в условиях которого каждый конкретный человек, с одной стороны, стремится максимизировать собственный объем знаний (не только профессиональных, но и личных, житейских и т.п.), с другой стороны, пытается всячески защитить имеющиеся у него знания, а также ограничить информацию о себе, своей личной жизни и так далее от несанкционированного доступа третьих лиц. Считается, что в этих условиях рождается «новый» человек, «человек информационный» (*homo informaticus*) [32. Р. 475–506].

Однако социальные науки все еще далеки от ясного понимания феномена информационного общества и места человека в обществе. В этом смысле показательным утверждением российского социолога Р.Х. Симоняна: «Глобализация привнесла в качестве нового фактора такой мощный социопсихологический феномен, как эффект сравнения, в силу невиданных прежде возможностей глобальной коммуникации, доступа к небывалому объему информации (курсив наш. – А.У.). Нищета на одном полюсе и вызывающее богатство – на другом, характерное для современного

мира, является постояннодействующим генератором, вырабатывающим агрессивную нетерпимость» [33. С. 19]. По сути, автор видит прежде всего в информационной открытости одну из причин генерирования «агрессивной нетерпимости» в обществе.

Однако юриспруденция и в первую очередь гражданское право не могут довольствоваться такими нигилистическими умозаключениями. Ежедневно сталкиваясь с насущными проблемами усложнения гражданского оборота и хозяйственной практики, цивилистическая доктрина вынуждена искать пути построения эффективной системы правового регулирования, адекватно отвечающей потребностям изменчивого времени.

Информация *per se* не является нематериальным благом, а стало быть, не требует автоматической защиты нормами института личных прав. В литературе встречаются и противоположные утверждения, но широкой поддержки они не нашли [34. С. 62–64]. Вместе с тем нормы смежных отраслей права, регулирующие оборот информации, оказывают прямое воздействие на правовую охрану нематериальных благ граждан.

Как показывает опыт, высказываемые опасения, связанные с «доступом к небывалому объему информации», приводят законодателей в многих странах мира к мысли о необходимости ограничить информационную свободу пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». «Пионером» в данном вопросе является Китай, который еще в 1980-х гг. провозгласил курс на автономизацию национального интернет-пространства (отделению китайского сегмента от глобальной (мировой) сети). Идеологическую основу данной политики выразил лидер Коммунистической партии Китая Дэн Сяопин: «Если открыть окна, со свежим воздухом прилетят и мухи» [35. Р. 195]. Желая оградить общество от «мух», китайское правительство воздвигло так называемую великую огненную стену, включающую систему ограничения для населения доступа к зарубежным интернет-ресурсам, контроля за интернет-трафиком и цензурирования материалов в сети.

Сложно сказать, что китайская модель регулирования интернет-пространства доказала свою эффективность и может быть заимствована. Во-первых, она мало соответствует требованиям конституционной свободы информации, признаваемой большинством цивилизованных (демократических) правовых порядков. Более того, в соответствии с позицией Европейского Суда по правам человека, высказанной по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции», возможность пользоваться сетью «Интернет» является нематериальным благом и охраняется в качестве личного права гражданина [36. С. 19].

Во-вторых, весьма показательно, что значительные финансовые затраты на создание и обслуживание «великой огненной стены» не обеспечили достижения поставленной цели – напротив, развитие информационных технологий позволяет гражданам без труда обходить «стену».

Уроки построения «великой огненной стены» в Китае особенно интересны для современной России, в

которой также высказываются инициативы (в том числе на законодательном уровне) по созданию «суверенного Интернета», а также усилению государственного контроля за интернетом-пространством. Авторы таких инициатив говорят о необходимости защиты публичных интересов. Так, в пояснительной записке к законопроекту № 606594-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” сказано, что действующее правовое регулирование необходимо дополнить статьями, «предусматривающей возможность принятия мер по ограничению доступа к информации (материалам), предназначенной (предназначенной) для неограниченного круга лиц, выражающей (выражающих) в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в РФ».

Между тем эта законодательная инициатива, на первый взгляд, развивающая римско-правовой принцип о недопустимости «оскорбления словом» (*injuria verbalis*), в действительности не учитывает, что в данной сфере уже сложилось достаточно полное и самостоятельное регулирование. Предлагаемые новеллы создают искусственную и нежелательную конкуренцию закона, возникающую в результате конструирования избыточных правовых норм для специальных случаев «выражения в неприличной форме явного неуважения к обществу и государству». Возникают вопросы: почему указываемые в законопроекте действия не могут быть квалифицированы по правилам ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство»), а также ст. 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации»)? Чем обоснована необходимость принятия нового закона?

Приведенный пример наглядно иллюстрирует ситуацию, в которой оказался современный российский законодатель: сталкиваясь с новыми по форме отношениями, возникающими в сети «Интернет», он нередко придает им и новую квалификацию, «забывая» об уже существующих нормах, не обосновывая недостаточность и неприменимость «старых» норм к «новым» отношениям. Данное упущение законодательной работы неизбежно ведет к инфляции законодательства и возникновению коллизий.

В этой связи нельзя не вспомнить слова Г.Ф. Шершеневича, высказанные более века назад: «Процесс правообразования заключается именно в постепенной [и] все большей дифференциации права в среде правил общежития, в дифференциации, происходящей внутри права, и в интеграции норм права, которая выражается в том, что, несмотря на постоянное возрастание числа норм права, происходит соединение и координирование их в институты» [37. С. 508]. Таким образом, дифференциация норм права, их постоянное уточнение и развитие должны быть скоординированными и обеспечивать единство классических правовых институтов, а не приводить к их дроблению.

Допускаемые законодателем упущения нередко устраняются правоприменителем. Так, в 2000-е гг. в практике российских судов возник вопрос о правовой

квалификации репоста, т.е. копирования одним пользователем информационного материала (поста) другого пользователя и размещения этого материала в своем аккаунте. Рассматривая диффамационный иск, основанный на репосте, Мосгорсуд указал, что репост представляет собой цитирование, в связи с чем к спорным отношениям были применены соответствующие нормы гражданского законодательства о цитировании (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.10.2018 по делу № 33-44177/2018). Данную позицию в последнее время поддержал и Верховный Суд РФ.

Аналогичным образом Суд по интеллектуальным правам РФ поставил знак равенства между никнеймами и псевдонимами, тем самым допустив применение к никнейму, т.е. вымышленному имени интернет-пользователя, гражданско-правовых норм о псевдониме (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.01.2019 № С01-940/2018 по делу № А60-48002/2017).

Подобные примеры показывают, что многие, на первый взгляд, «новые» явления материального мира в действительности хорошо известны практике, хотя и «замаскированы» в несколько обновленную форму. Следовательно, регулирование общественных отношений, возникающих по поводу подобных «новых» объектов прав, в большинстве случаев может быть обеспечено классическими правовыми нормами и конструкциями.

Позитивный опыт накоплен и самим законодателем. Так, наиболее значимые новеллы гл. 8 ГК РФ («Нематериальные блага и их защита») касаются осуществления и защиты личных прав в сети «Интернет». Детальный анализ этих новелл позволяет прийти к выводу, что законодатель обоснованно отказался от взгляда на сеть «Интернет» как на качественно «новый» объект правового регулирования и потому требующий принятия специального законодательства, как еще сравнительно недавно предлагалось в литературе [38. С. 13; 39. С. 17–21].

Реформа гражданского законодательства изначально была построена на логике, что информационные технологии изменили лишь техническую сторону осуществления и защиты традиционных личных прав, причем не повлияв на существенные характеристики нематериальных благ. Именно такую позицию сегодня занимают Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, видя в сети «Интернет» особое место (площадку) реализации гражданских прав и обязанностей, хотя и имеющее свою специфику, но в целом подпадающее под действие общих норм гражданского законодательства [40; 41; 42. С. 11–14].

В свою очередь, перед законодателем встала задача по адаптации классических гражданско-правовых норм к техническим условиям и особенностям осуществления прав и несения обязанностей в сети «Интернет». И надо признать, что в рамках реформы 2013 г. поставленная задача была решена вполне успешно.

В этом смысле представляет интерес эволюция гражданско-правовых норм об опровержении сведе-

ний, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Как известно, соответствующие нормы были хорошо известны еще советскому законодательству и появились задолго до распространения интернет-технологий [43. С. 58–72]. В прошлом опровержение считалось едва ли не единственным способом защиты личных прав при опубликовании в СМИ порочащих сведений (в частности, когда речь шла о печатных изданиях). Однако уже в эпоху Интернета стало ясно, что существует и другой, причем более эффективный способ защиты личных прав, а именно удаление спорных материалов с сайта.

До легального признания данного способа защиты на уровне законодательства суды стали приходить к выводу, что «требование [удалить материал с сайта] не является новым или самостоятельным способом защиты нарушенного права, а является составляющим основного требования об опровержении порочащих сведений, направленным на создание условий для фактической реализации данного способа защиты в рамках заявленного предмета иска и обусловлено объективными технологическими особенностями такого средства размещения и передачи информации, как сеть “Интернет” (Постановление ФАС Московского округа от 28.02.2007 № КГ-А40/1170-07 по делу № А40-17493/2006). Иными словами, требование об удалении материалов с интернет-сайта рассматривалось в качестве факультативного элемента основного требования об опровержении.

В последующем законодатель пошел несколько дальше и прямо признал удаление спорных материалов самостоятельным способом защиты личных прав. Так, Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ ст. 152 ГК РФ была дополнена п. 5, согласно которому в случае распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, данное лицо вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет».

Также в п. 3 ст. 152.1 ГК РФ закреплено право за гражданином, пострадавшим от противоправных действий третьих лиц по распространению в сети «Интернет» его изображения, требовать удаления данного материала.

По большому счету, удаление спорного материала и опровержение преследуют единую цель – восстановление нарушенных прав гражданина. В силу этого на практике указанные требования заявляются в иске в качестве единого и неразрывного материально-правового требования.

Причем не вполне обоснованным является утверждение, что удаление спорного материала является абсолютно новым способом защиты. Следует напомнить, что не только отечественному, но и зарубежному праву еще с XIX в. известен такой способ защиты чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений, как изъятие тиража издания с последующим уничтожением. Этот способ защиты очень скоро утратил свое значение на практике, поскольку в большинстве случаев весь тираж из-

дания (газеты, журнала и т.д.) реализовывался еще до принятия судебного решения по делу, а потому удовлетворение возможного иска об изъятии тиража оказывалось фактически неисполнимым. В этой связи заинтересованные лица ограничивались требованием об опубликовании опровержения.

Между тем в случаях, когда речь идет о нарушении личных прав в связи с опубликованием порочащих сведений в сети «Интернет», удаление этих сведений оказывается значительно более эффективным.

При этом можно заметить, что удаление информационного материала с интернет-сайта и изъятие тиража печатного издания с его последующим уничтожением имеют схожую правовую природу и предназначение, так как преследуют цель по недопущению распространения недостоверных сведений или сведений, полученных неправомерным способом, среди неопределенного круга лиц (читателей, пользователей и так далее).

Последний пример еще раз доказывает, что регулирование отношений в сети «Интернет» в части регламентации осуществления и защиты личных прав в целом укладывается в «прокрустово ложе» традиционных гражданско-правовых норм и не требует изобретения «нового» регулирования с самостоятельными способами защиты прав и т.д.

Несколько отличным по содержанию является «право на забвение» (right to be forgotten), впервые сформулированное в решении Европейского Суда по делу Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González, а впоследствии закрепленное и в ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [44]. Согласно указанной норме оператор поисковой системы по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу ссылок на страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации.

В континентально-европейских системах аналогом «права на забвение» является le droit à l'oubli, а именно право осужденного, отбывшего срок наказания и впоследствии реабилитированного, требовать удаления сведений в открытых источниках о ходе следствия, судебном разбирательстве, иных материалах дела (Ferenczi T. Devoir de mémoire, droit à l'oubli? Bruxelles: Interventions, 2002).

Забвение основных постулатов цивилистического учения о личных правах приводит к «возрождению» в отечественном правоведении дискуссий, уже давно и беспартийно разрешенных в зарубежных правовых порядках. Так, в литературе практически с нуля обсуждается вопрос о возможности признания нематериальными благами персональных данных [45. С. 52–68.], хотя утвердительный ответ на указанный вопрос еще в прошлом веке стал общепризнанным в романогерманских правовых порядках, к которым себя исторически относит и Россия. Вопрос о правовой природе персональных данных приобрел особенную остроту в контексте череды судебных разбирательств, касающихся агрегаторов персональных данных (дело по

блокировке интернет-сайта LinkedIn (Определение Московского городского суда от 10.11.2016 по делу № 33-38783/2016.).

Понятие персональных данных в том смысле, в котором их определяет российский законодатель в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [46], включает любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. Иными словами, персональные данные есть средство индивидуализации личности в обществе (в состав персональных данных входит и такое классическое нематериальное благо, как имя), что не оставляет сомнений в обоснованности и верности устоявшейся квалификации персональных данных в качестве нематериальных благ, т.е. объектов личных прав.

При этом попытки «пересмотреть» или, по крайней мере, поставить под сомнение классический частноправовой подход по признанию персональных данных нематериальными благами приводит исследователей к еще более противоречивым выводам не только о возможности, но и «назревшей» необходимости признания этих объектов гражданских прав оборотоспособными, придания им товарной формы и «включения» в гражданский оборот. Утверждается, что такое законодательное решение позволит создать «цивилизованное поле» для оборота персональных данных [47. С. 481–542].

Однако такие революционные предложения не могут не встречать объективных возражений. Рассуждая от обратного, допустим, что законодатель признал нематериальные блага (пусть и определенную их часть – персональные данные) отчуждаемыми и свободно передаваемыми третьим лицам. В этом случае необходимо разрешить вопрос, какие правовые последствия возникнут для лица, осуществившего, например, «отчуждение» своего имени? Следует ли из этого, что гражданин тем самым становится «безымянным», а стало быть, лишается всякой правовой связи со своей личностью?

Можно предположить, что в ответ сторонники признания оборотоспособности нематериальных благ могут предложить концепцию, близкую трасту, предусматривающую «расщепление» правомочий, согласно которой при «отчуждении» нематериальных благ будет происходить «передача» не всех правомочий, а лишь их части. Неслучайно апологеты этой идеи часто апеллируют к англо-американскому опыту. Но здесь нужно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, в странах общего права в принципе не существует классического института личных прав в том виде, в котором он сформировался и получил развитие в странах континентальной Европы. При этом российский законодатель последовательно развивает именно романо-германские подходы к регламентации личных прав, в связи с чем не вполне обоснованы такие «метания» от континентально-европейского к англо-американскому полюсу правотворчества. Более того, прогрессивный опыт правовой охраны нематериальных благ, накопленный в странах континентальной Европы, показывает, что институт личных прав несколько не «тормозит» экономическое развитие в

этих правовых порядках. Стоит напомнить, что на неотчуждаемый характер личных прав в своей практике систематически указывает и Европейский Суд по правам человека (Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции (жалоба № 46043/14)) [48].

Во-вторых, в самих странах общего права наблюдается тренд, схожий с европейским: правовой порядок неуклонно расширяет охрану немущественных интересов личности, приватности человека (privacy) под влиянием доктрины прав человека; более того, при «столкновении» (коллизии) имущественных и личных прав предпочтение всегда отдается последним как правам более высокого порядка. В этой связи инициатива по полному отказу от немущественной концепции личных прав кажется, мягко говоря, несвоевременной и даже противоречащей передовому опыту зарубежных стран.

Нужно понимать, что подобные весьма категорические, точнее сказать, радикальные предложения по ревизии базовых категорий института личных прав имеют социальные предпосылки. Бурное развитие информационных технологий, стремительное расширение Интернет-аудитории, появление новых форм взаимодействия людей изначально породили проблемность правового регулирования – сам законодатель долгое время не спешил однозначно определить квалификацию этих отношений.

Значимую «лепту» внесли противоречивые судебные решения, зачастую «выводившие» интернет-отношения из сферы гражданско-правового регулирования (например, автоматически исключавшие возможность удовлетворения диффамационных исков по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, если недостоверные сведения распространялись в сети «Интернет») [49. С. 457–475].

В конечном счете молчание законодателя и «казусы» правоприменения и привели к двусмысленным интерпретациям, в известной мере сохраняющимся до последнего времени. При этом не подлежит сомнению, что современные информационные технологии и в частности Интернет стали важным триггером в деле совершенствования гражданского законодательства, включая частноправовой институт личных прав.

Реформа гражданского законодательства 2013 г. подтвердила верность отечественного правового порядка традициям и принципам континентально-европейского права [26. 183–194]. Информатизация, став важнейшей характеристикой развития современного общества, не отменила основополагающих принципов всякого цивилизованного общества – примат прав человека и неприкосновенность человеческой личности, лежащих в основе частноправового института прав человека. В этой связи нет никакой необходимости ломать «до основания» классические нормы института личных прав, чтобы затем строить «новый», причем не до конца ясно, какой именно, правовой институт.

Сегодня перед законодателем, судами и юридической доктриной стоит единая задача – совершенствование частноправового регулирования отношений в сети «Интернет» (главным образом в части осуществления и защиты личных прав) при неуклонном выполнении условия о сохранении преемственности правового развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека : сб. междунар. договоров. Т. 1: Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк ; Женева, 2002. С. 1–11.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека : сб. междунар. договоров. Т. 1: Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк ; Женева, 2002. С. 27–55.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (серия «Классика российской цивилистики»). 4 изд. М. : Статут, 2003. 351 с.
5. Вольфсон С.Я. Диалектический материализм: курс лекций, читанных на факультете общественных наук Белорусского государственного университета. 6-е изд., испр. Минск : Гос. изд-во Белоруссии, 1926. 379 с.
6. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51–59.
7. Развитие советского гражданского права на современном этапе / авт. кол.: Н.С. Малеин, В.П. Мозолин, И.П. Прокопченко [и др.]; утв. ред. В.П. Мозолин. М. : Наука, 1986. 269 с.
8. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.П. Звезков [и др.]; рук. авт. кол. М.И. Брагинский; под общ. ред. В.Д. Карповича. М. : Фонд «Правовая культура», 1995. 479 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой: Постатейный / авт. кол.: Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М. : Контракт ; Инфра-М, 2005. 1062 с.
10. Гражданское право : учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого: в 3 т. 6-е изд. М., 2002. Т. 1. С. 7.
11. Дозорцев В.А. Тенденции развития российского гражданского права при переходе к рыночной экономике // Гражданское законодательство Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы : международная науч.-практ. конф. Концепция гражданского законодательства Российской Федерации и тезисы докладов. М. : Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, 1994. С. 17–24.
12. Красавчикова Л.О. Понятие и система гражданских, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 435 с.
13. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ ПРЕСС, 2000. 224 с.
14. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. I. 361 с.
15. Мезрин Б.Н. Состав механизма охраны прав граждан // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. Вып. 53. С. 47–59.
16. Ойгензихт В.А. Формы обеспечения интересов субъектов гражданских правоотношений // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав : сб. науч. тр. Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1989. С. 17–22.
17. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. 168 с.
18. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. I. 510 с.
19. Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М. : Юрид. лит., 1990. 174 с.
20. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. 456 с.
21. Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2. С. 269–312. (Сер. Классика российской цивилистики).
22. Егоров Н.Д. Личные неимущественные права и их защита // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав : сб. науч. тр. Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 25–32.
23. Дозорцев В.А. Творческий результат: система правообладателей // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. М. : Статут, 2003. 416 с.
24. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
25. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1983. 160 с.
26. Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2015. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html>
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Консультант Плюс. Проф.
28. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Информационное право. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. 496 с.
29. Spahr Ch. Internet und Recht. Zürich: VDF. 2002. S. 20 ff. URL: https://books.google.com.tr/books/about/Internet_und_Recht.html
30. Бехмани Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Litres, 2017. 248 с.
31. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
32. Tretter F. Homo Informaticus: Image of Man in Information Society // Future Information Society: Social and Technological Problems / ed. by M. Burgin, W. Hofkirchner. Singapore : World Scientific Publishing, 2017. P. 475–506.
33. Симонян Р.Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 16–25.
34. Ситдикова Л.Б. Информизация как нематериальное благо // Юрист. 2007. № 8. С. 62–64.
35. Iosifidis P., Wheeler M. Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond. London : Springer, 2016. P. 195.
36. Постановление Европейского суда по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» от 18 декабря 2012 г., жалоба № 3111/10. URL: <http://www.consultant.ru/>
37. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : в 2 т. М. : Изд. братьев Башмаковых, 1911. Т. 2. 698 с.
38. Малахов С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 21 с.
39. Кудашкин Я.В., Танимов О.В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. М. : Юрист, 2012. № 2 (29). С. 17–21.
40. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.
41. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
42. Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11–14.
43. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан : пособие для слушателей народных университетов. М. : Знание, 1991. 127 с.

44. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
45. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 36–68.
46. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
47. Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 481–542.
48. Постановление Европейского суда по делу Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции (жалоба № 46043/14). URL: <http://www.consultant.ru/>
49. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации от диффамации на Интернет-форумах // Право в сфере Интернета: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 457–476.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 марта 2019 г.

Private Law Regulation of Personal Rights of Citizens: Theoretical Foundations and Problems of Implementation in the Era of Informatization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 231–243.

DOI: 10.17223/15617793/440/31

Andrei E. Sherstobitov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sher1007@yandex.ru

Alim K. Ulbashev, French University College of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alim-ulbashev@mail.ru

Keywords: personal rights; intangible goods; privacy; realization and protection of personal rights.

The article is devoted to the analysis of the fundamental problems of the doctrine of personal rights. Currently, personal rights are a complex legal institution that includes norms of various branches of law. Considering that Russian civil law is a supporting branch of private law, the regulation of personal rights by the norms of civil law is directly connected with the protection of the private (personal) life of individuals. The importance of the issue of personal rights is increasingly explained by the need to identify the specifics of the legal protection of intangible benefits on the Internet. This specificity well explains the fair growth of interest of legal doctrine in the various aspects of the functioning of the Internet (primarily, from the civil law perspective). In this article, the existing legislative and doctrinal approaches to the understanding of the civil law protection of intangible benefits of citizens are critically analyzed; the fundamental issues of the theory of personal rights as a complex legal institution are revealed. First of all, the article proves and substantiates the inclusion of personal non-property relations in the subject of civil law; further, the specificity of the legal regime of intangible benefits is studied and, taking into account their non-negotiability, it is concluded that within the limits of the law, personal rights are negotiable, including the possibility of their use by other persons, but only with the consent of their holders. The focus of the study is a specific object of civil rights – information. Informatization as the main trend of current social development requires a qualitative revision of most legal institutions and norms. The analysis of the existing legislative proposals and bills on restriction of personal freedom on the Internet leads to a conclusion about the unsatisfactory condition of these initiatives, their incompatibility with basic human rights and the standards of realization of personal rights. At the same time, the article emphasizes that some phenomena of modern society are new only in form, whereas actually they are just variations of the already known social processes, events, and forms. For example, reposts on the Internet that cause problems of legal qualification in practice are a special case of quoting. This allows to conclude that the classical civil (private) law rules on quoting and pseudonyms, respectively, are applicable to these phenomena. On the basis of examples, the article criticizes the current approach of groundlessly making “new rules”. The result of such an inflation of legislation is an inevitable inconsistency, randomness, and redundancy of the legal norms. In conclusion, the article emphasizes that further improvement of civil law regulation of personal rights should be evolutionary in nature; it should preserve continuity and serve its main goal – to fully protect intangible benefits of citizens.

REFERENCES

1. UN. (2002) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. In: *Prava cheloveka: sb. mezhdunar. dogovorov* [Human Rights: International treaties]. Vol. 1. New York; Geneva: UN.
2. UN. (2002) Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh [International Covenant on Civil and Political Rights]. In: *Prava cheloveka: sb. mezhdunar. dogovorov* [Human Rights: International treaties]. Vol. 1. New York; Geneva: UN.
3. Russian Federation. (2001) Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Zaklyuchena v g. Rime 4 noyabrya 1950 g. (s izm. ot 13 maya 2004 g.) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms] (concluded in Rome on 04.11.1950) amended on 13 May 2004]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 2. Art. 163.
4. Pokrovskiy, I.A. (2003) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. 4th ed. Moscow: Statut.
5. Vol'fson, S.Ya. (1926) *Dialekticheskiy materializm: kurs lektsiy, chitanykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Dialectical materialism: a course of lectures delivered at the Faculty of Social Sciences of the Belarusian State University]. 6th ed. Minsk: Gos. izd-vo Belorussii.
6. Ioffe, O.S. (1966) Lichnye neimushchestvennye prava i ikh mesto v sisteme sovetskogo grazhdanskogo prava [Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 51–59.
7. Mozolin, V.P. (ed.) (1986) *Razvitie sovetskogo grazhdanskogo prava na sovremennom etape* [The development of Soviet civil law at the present stage]. Moscow: Nauka, 269 s.
8. Karpovich, V.D. (ed.) (1995) *Kommentariy chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii dlya predprinimateley* [Commentary to Part One of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs]. Moscow: Fond “Pravovaya kul'tura”.
9. Sadikov, O.N. (ed.) (2005) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy: Postateynnyy* [Commentary to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: By Articles]. 3rd ed. Moscow: Kontrakt; Infra-M.
10. Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds) (2002) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. In 3 vols. Vol. 1. 6th ed. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
11. Dozortsev, V.A. (1994) [Trends in the development of Russian civil law in the transition to a market economy]. *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Civil Law of the Russian Federation: state, problems and prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: *Institute of Legislation and Comparative Law*. pp. 17–24. (In Russian).

12. Krasavchikova, L.O. (1994) *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [The concept and system of personal, non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
13. Maleina, M.N. (2000) *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal non-property rights of citizens: the concept, implementation, protection]. Moscow: MZ PRESS.
14. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [The general theory of law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
15. Mezrin, B.N. (1977) *Sostav mekhanizma okhrany prav grazhdan* [The composition of the mechanism for the protection of the rights of citizens]. In: Krasavchik, O.A. (ed.) *Grazhdansko-pravovaya okhrana interesov lichnosti v SSSR* [Civil-law protection of the interests of the individual in the USSR]. Is. 53. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
16. Oygenzikht, V.A. (1989) *Formy obespecheniya interesov sub'ektov grazhdanskikh pravootnosheniy* [Forms of ensuring the interests of subjects of legal relation]. In: Chepiga, D. et al. (eds) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh i trudovykh prav* [Realization and protection of civil and labor rights]. Krasnodar: Kuban State University
17. Illarionova, T.I. (1982) *Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer* [The system of civil law enforcement measures]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Fleyshits, E.A. (2015) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.
19. Yaroshenko, K.B. (1990) *Zhizn' i zdorov'e pod okhranoy zakona. Grazhdansko-pravovaya zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav grazhdan* [Life and health under the protection of the law. Civil legal protection of personal non-property rights of citizens]. Moscow: Yurid. lit.
20. Sukhanov, E.A. (2014) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative Corporate Law]. Moscow: Statut.
21. Agarkov, M.M. (2012) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected Works on Civil Law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Statut. pp. 269–312.
22. Egorov, N.D. (1988) *Lichnye neimushchestvennye prava i ikh zashchita* [Personal non-property rights and their protection]. In: Butnev, V.V. (ed.) *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o zashchite sub'ektivnykh grazhdanskikh prav* [Problems of improving legislation on the protection of subjective civil rights]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
23. Dozortsev, V.A. (2003) *Tvorcheskiy rezul'tat: sistema pravobladateley* [Creative result: the system of owners]. In: Dozortsev, V.A. (ed.) *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii* [Intellectual property rights: Concept. System. Tasks of codification]. Moscow: Statut.
24. Vedomosti SND i VS RF. (1992) *Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 "O sredstvakh massovoy informatsii"* [RF Law dated December 27, 1991, No. 2124-1 "On Mass Media"]. *Vedomosti SND i VS RF*. 7. Art. 300.
25. Krasavchikova, L.O. (1983) *Lichnaya zhizn' grazhdan pod okhranoy zakona* [The private life of citizens under the protection of the law]. Moscow: Yurid. lit.
26. Mikheeva, L.Yu. (2015) *Modernizatsiya instituta nematerial'nykh blag: dostizheniya i perspektivy* [Modernization of the institute of intangible goods: achievements and prospects]. In: Krashennikov, P.V. (ed.) *Kodifikatsiya rossiyskogo chasnogo prava* [Codification of Russian private law]. Moscow: Statut, [Online] Available from: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835411139.html>.
27. Konsul'tant Plyus. (2007) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.12.1994 No. 10 (as amended on 06.02.2007) "Some issues of the application of legislation on compensation for moral injury"*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (In Russian).
28. Popov, L.L., Migachev, Yu.I. & Tikhomirov, S.V. (2010) *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Moscow: Norma; Infra-M.
29. Spahr, Ch. (2002) *Internet und Recht*. Zürich: VDF. [Online] Available from: https://books.google.com.tr/books/about/Internet_und_Recht.html
30. Bekhmann, G. (2017) *Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society: a risk society, an information society, a knowledge society]. Moscow: Litres.
31. Russian Federation. (2017) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r "Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-p "On approval of the program 'Digital economy of the Russian Federation'"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 5138.
32. Tretter, F. (2017) *Homo Informaticus: Image of Man in Information Society*. In: Burgin, M. & Hofkirchner, W. (eds) *Future Information Society: Social and Technological Problems*. Singapore: World Scientific Publishing.
33. Simonyan, R.Kh. (2018) *Crisis of Liberal-Market Model of Globalization. Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 16–25. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440000736-4
34. Sitdikova, L.B. (2007) *Informatsiya kak nematerial'noe blago* [Information as an intangible benefit]. *Yurist*. 8. pp. 62–64
35. Iosifidis, P. & Wheeler, M. (2016) *Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond*. London: Springer.
36. Konsul'tant Plyus. (2012) *ECHR judgment in the case of Ahmet Yildirim v. Turkey, dated December 18, 2012, Application No. 3111/10*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
37. Shershenevich, G.F. (1911) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [The general theory of law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd. brat'ev Bashmakovykh.
38. Malakhov, S.V. (2001) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy v global'noy komp'yuternoy seti Internet* [Civil law regulation of relations in the global computer network Internet]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
39. Kudashkin, Ya.V. & Tanimov, O.V. (2012) *O pravovoy prirode i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya otnosheniy v seti Internet* [On the legal nature and the possibility of legal regulation of relations in the Internet]. *Informatsionnoe pravo*. pp. 17–21.
40. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 18-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 1, 5 i 6 stat'i 152 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina E.V. Krylova"* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 18-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Paragraphs 1, 5 and 6 of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.V. Krylov"]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6.
41. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 16.03.2016)* [Review of the practice of courts hearing cases on defamation of honor, dignity and business reputation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 10.
42. Gavrillov, E.V. (2018) *O nekotorykh osobennostyakh sudebnoy zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii posredstvom udaleniya porochashchey informatsii iz seti Internet* [On some features of judicial protection of honor, dignity and business reputation through the removal of defamatory information from the Internet]. *Sud'ya*. 10. pp. 11–14.
43. Maleina, M.N. (1991) *Zashchita lichnykh neimushchestvennykh prav sovetsskikh grazhdan: posobie dlya slushateley narodnykh universitetov* [Protection of the personal non-property rights of Soviet citizens: a guide for students of public universities]. Moscow: Znanie.
44. Russian Federation. (2006) *Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii"* [Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (Pt. 1). Art. 3448.
45. Arkhipov, V.V. (2018) *Problema kvalifikatsii personal'nykh dannykh kak nematerial'nykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya* [The problem of qualifying personal data as intangible goods in the digital economy, or there is nothing more practical than a good theory]. *Zakon*. 2. pp. 36–68.

46. Russian Federation. (2006) Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ "O personal'nykh dannyykh" [Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data"]. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 31 (Pt. 1). Art. 3451.
47. Savel'ev, A.I. (2016) Napravleniya evolyutsii svobody dogovora pod vliyaniem sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy [Directions of the evolution of freedom of contract under the influence of modern information technologies]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Svoboda dogovora* [Freedom of contract]. Moscow: Statut.
48. Konsul'tant Plyus. (2015) *ECHR judgment in the case of Lambert and Others v. France (Application No. 46043/14)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
49. Gavrilov, E.V. (2016) Zashchita delovoy reputatsii ot diffamatsii na Internet-forumakh [Protection of business reputation from defamation on Internet forums]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Pravo v sfere Interneta* [Law in the field of the Internet]. Moscow: Statut, pp. 457–476.

Received: 04 March 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЁНОВА Анастасия Валентиновна – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета. E-mail: onti@tspu.edu.ru

АНИЧКИН Евгений Сергеевич – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: rrd231@rambler.ru

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: val-achkasov@yandex.ru

БАЛАШОВ Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: balashov.db@yandex.ru

БАЛОНКИНА Ольга Викторовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: davydova_olga.85@mail.ru

БОГДАНОВА Елена Николаевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. E-mail: e.n.bogdanova@narfu.ru

ГОЛОВКО Галина Ивановна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: golovkogalina2000@mail.ru

ГОРДИЕНКО Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, искусствоведения и музейного дела Тюменского государственного института культуры. E-mail: Gordienko_a_v@mail.ru

ГУДОВИЧЕВА Любовь Борисовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург); доцент кафедры сравнительного правоведения и международного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург). E-mail: gudovicheva2011@yandex.ru

ДОБРЫНИНА Лариса Юрьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: dovre@yandex.ru

КИМ Татьяна Константиновна – д-р пед. наук, зав. кафедрой теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета. E-mail: kim.tatiana8848@yandex.ru

КОКАРЕВИЧ Мария Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск). E-mail : kokarevich@mail.ru

КОКАРЕВИЧ Мария Николаевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: kokarevich@mail.ru

КОНОНОВА Наталия Олеговна – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва). E-mail: nataliyaolkon@mail.ru

КОНЮХОВА Татьяна Васильевна – канд. филос. наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: konykhova@tpu.ru

КУЖЕЛЕВА-САГАН Ирина Петровна – д-р филос. наук, канд. пед. наук, зав. кафедрой социальных коммуникаций Томского государственного университета. E-mail: ipsagan@mail.ru

КУЗЬМЕНКО Галина Анатольевна – д-р пед. наук, профессор кафедры теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета. E-mail: kuzmenkoga2010@yandex.ru

ЛЕВАНОВА Елена Александровна – д-р пед. наук, зав. кафедрой социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета. E-mail: levanova.46@mail.ru

ЛИБАНОВА Светлана Эдуардовна – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: libany@rambler.ru

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, науч. сотр., доцент кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки» Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета. E-mail: linchenko1@mail.ru / AALinchenko@fa.ru

ЛОСОН Елена Васильевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: evloson@mail.ru

ЛУКЬЯНОВА Наталия Александровна – д-р филос. наук, руководитель отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: lukianova@tpu.ru

МАСЛОВА Екатерина Константиновна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

НЕВЕРОВ Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

НЕУМОЕВА-КОЛЧЕДАНЦЕВА Елена Витальевна – канд. психол. наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Тюменского государственного университета. E-mail: eneumoeva@yandex.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета; профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета. E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

НОВИКОВ Егор Евгеньевич – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк). E-mail: mavt-85@mail.ru

ОСТАПОВИЧ Игорь Юревич – д-р юрид. наук, доцент кафедры права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: ostapovich7@mail.ru

ПРОКОПЕНКО Сергей Артурович – д-р техн. наук, директор Научно-производственного предприятия «Сибирские горнопромышленники» (г. Кемерово). E-mail: sibgp@mail.ru

РОГОНЯН Гаррис Сергеевич – канд. филос. наук, доцент департамента социологии Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: rogonyan@gmail.com

РОДИНА Мария Алексеевна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: rodina-ma@outlook.com

РОДИОНОВА Елена Викторовна – канд. филос. наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: eva@tpu.ru

РОЖКОВ Анатолий Алексеевич – д-р экон. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления в промышленных регионах Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Москва). E-mail: raa@tiu.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru / ryahovskaya.ti@gmail.com

САЛИКОВ Марат Сабырьянович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: salikov.marat@list.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – д-р ист. наук, профессор отделения цифровых технологий Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: solovento71@mail.ru

СПИЧАК Александра Владимировна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета. E-mail: spichak-89@mail.ru

СУЧКОВА Наталья Александровна – аспирант кафедры социальных коммуникаций Томского государственного университета. E-mail: nsuchkova@yandex.ru

УЛЬБАШЕВ Алим Хусейнович – канд. юрид. наук, преподаватель Французского университетского колледжа при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. E-mail: alim-ulbashev@mail.ru

ФИЛИЧЕВА Вера Владимировна – аспирант рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: lntfmd@rambler.ru

ФОРКУНОВА Лариса Валентиновна – канд. пед. наук, доцент кафедры образовательного менеджмента, доцент кафедры общих математических и естественнонаучных дисциплин Академии социального управления (г. Москва). E-mail: larisaforkunova@yandex.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: klio1@yandex.ru

ХРАБРОВА Валентина Евгеньевна – ст. преподаватель департамента иностранных языков Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

ЦАРЁВ Роман Юрьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Курганского государственного университета. E-mail: romanogromani@mail.ru

ШЕРИН Владимир Сергеевич – канд. пед. наук, доцент кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: vladimirsherin@yandex.ru

ШЕРСТОБИТОВ Андрей Евгеньевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: sher1007@yandex.ru

ШИЛЬКО Татьяна Александровна – д-р мед. наук, профессор кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: tashilko@gmail.com

ШКИЦКАЯ Ирина Юрьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры документоведения, информационной деятельности и украиноведения Тернопольского национального экономического университета (Украина). E-mail: i.shkitska@gmail.com

ЯБЫШТАЕВ Тенгис Степанович – соискатель кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: teng7891@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 440. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 25 марта 2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31. Усл. печ. л. 28,8. Тираж 50 экз.
Заказ № 3770. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30 апреля 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru